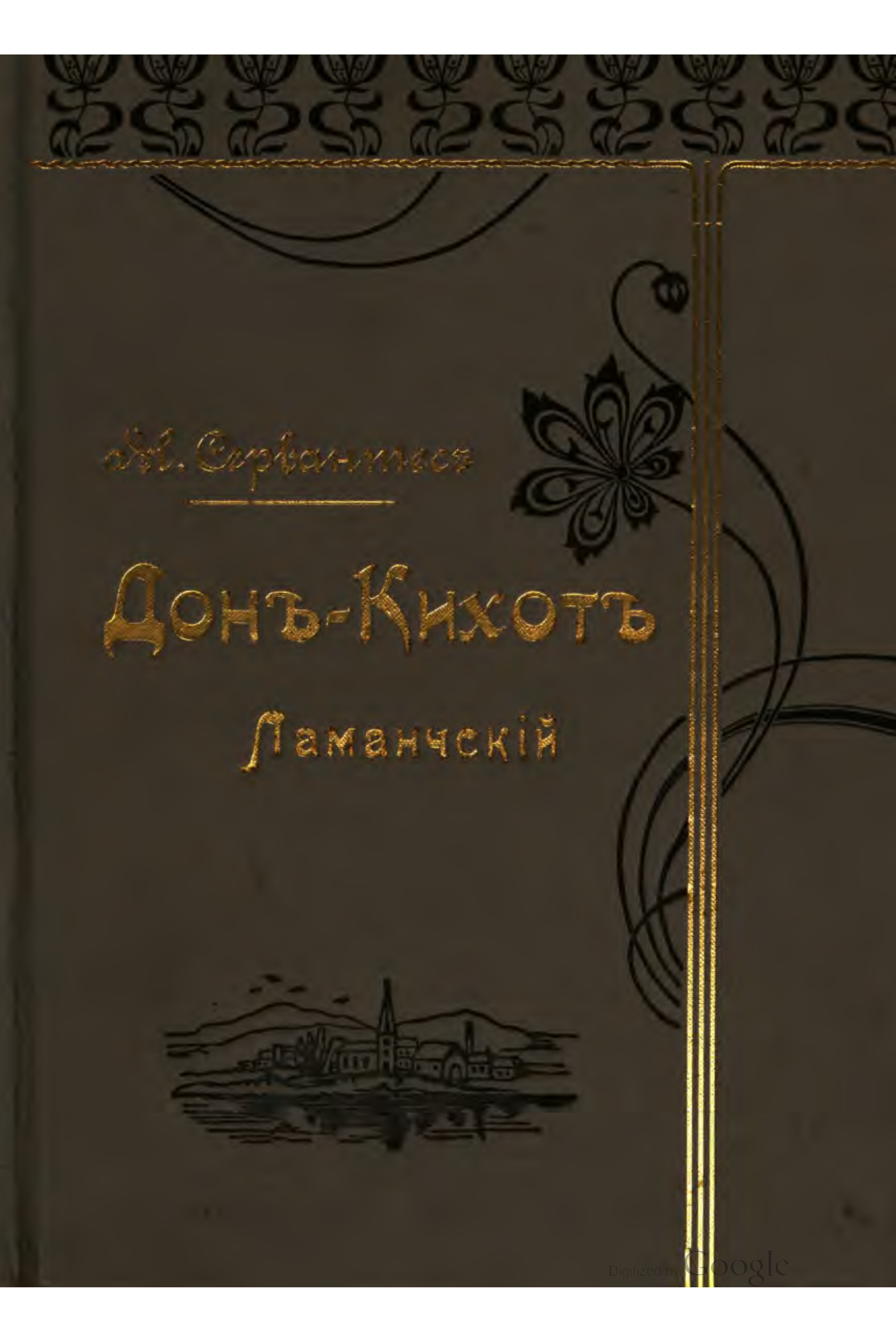
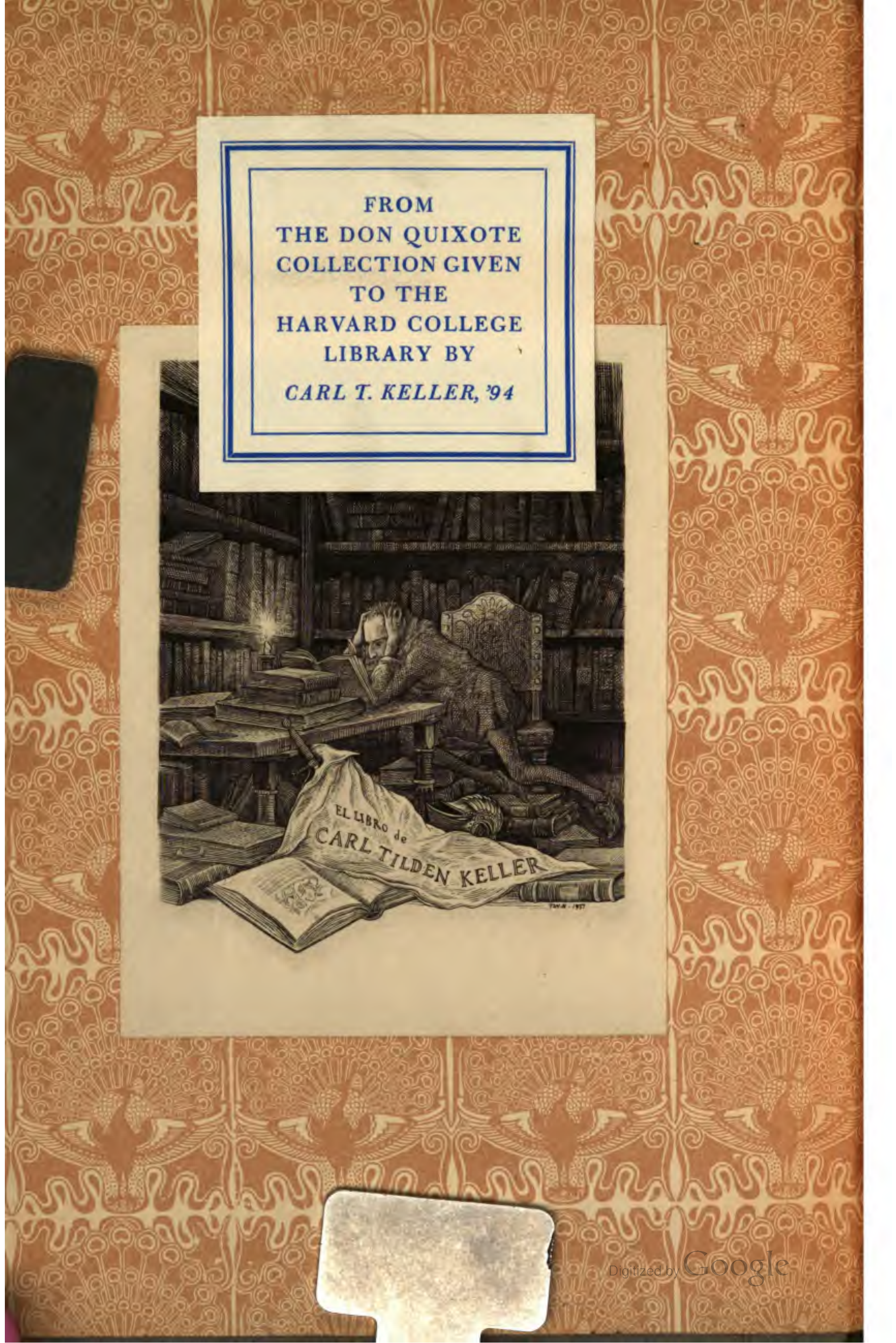

М. Сервантесъ
Донъ-Кихотъ
Ламанчскій

EL LIBRO de
CARL TILDEN KELLER

Мигуэль Сервантесъ.

Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

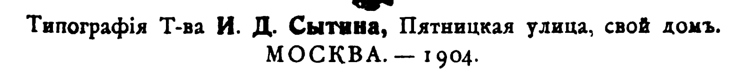
РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ИСПАНСКАГО.

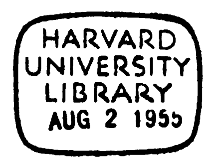
Съ рисунками Густава Дорэ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Подъ редакціей *П. В. Тулупова.*

Типографія Т-ва **И. Д. Сытина,** Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.— 1904.

Дозволено цензурою. Москва, 13 ноября 1903 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I,

о томъ, какъ священникъ и цырюльникъ вели себя во время болѣзни Донъ-Кихота.

Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели разсказываетъ во второй части свого повѣствованія, что священникъ и цырюльникъ болѣе мѣсяца не показывались къ Донъ-Кихоту, чтобы не пробуждать въ немъ воспоминаній объ его безумныхъ похожденіяхъ. Тѣмъ не менѣе они продолжали видѣться съ его экономкой и племянницей, которыхъ уговаривали ходить какъ можно лучше за больнымъ и давать ему такую пищу и питье, которыя могли бы подѣйствовать укрѣпляющимъ образомъ на его мозгъ и сердце — органы, изъ которыхъ проистекала его болѣзнь, по мнѣнію его друзей. Экономка и племянница увѣряли, что ухаживаютъ за нимъ съ величайшею заботливостью и даютъ ему все, что слѣдуетъ въ его состояніи. Когда же онѣ черезъ нѣсколько времени объявили, что Донъ-Кихотъ, видимо, поправляется и начинаетъ разсуждать совершенно здраво, священникъ и цырюльникъ пришли въ восторгъ и поздравили другъ друга

съ блестящею мыслью привезти своего пріятеля домой въ видѣ очарованнаго плѣнника, какъ уже было разсказано въ первой части этого правдиваго и точнаго повѣствованія.

Узнавъ объ улучшеніи здоровья своего несчастнаго друга, священникъ и цырюльникъ рѣшили пойти и навѣстить его, хотя и сомнѣвались въ его полномъ выздоровленіи. Сговорившись ничѣмъ не напоминать своему пріятелю о странствующемъ рыцарствѣ, чтобы не задѣть его едва зажившихъ душевныхъ ранъ, они отправились.

Посѣтители нашли Донъ-Кихота лежащимъ на постели въ камзолѣ изъ зеленой саржи и въ красномъ шерстяномъ колпакѣ, пріобрѣтенномъ имъ когда-то въ Толедо. Лицо у него было такое высохшее и желтое, что онъ отлично могъ бы сойти за египетскую мумію. Рыцарь принялъ своихъ друзей съ видимою радостью и на ихъ разспросы объ его здоровьѣ отвѣчалъ ясно и толково, хотя и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ. Бесѣда лилась непринужденно и свернула на тему о дѣйствіяхъ правительства. Одинъ порицалъ такое-то распоряженіе и указывалъ, какія слѣдовало бы сдѣлать въ немъ измѣненія; другой былъ недоволенъ новымъ закономъ и хвалилъ постановленія, сдѣланныя сто лѣтъ тому назадъ и отмѣненныя, по его мнѣнію, безъ всякой основательной причины, — словомъ, каждый изъ трехъ собесѣдниковъ являлся законодателемъ, новымъ Ликургомъ или Солономъ, способнымъ такъ передѣлать государственный строй, что и узнать его было бы нельзя. Донъ-Кихотъ говорилъ такъ логично и съ такимъ знаніемъ дѣла, что друзья его убѣдились въ полномъ возстановленіи умственныхъ способностей гидальго.

Племянница и экономка, присутствовавшія въ спальнѣ Донъ-Кихота, плакали отъ радости, слыша, какъ «умно» онъ разсуждаетъ. Не вмѣшиваясь въ бесѣду, онѣ все время шептали про себя благодарственныя молитвы.

Желая окончательно убѣдиться въ здравомысліи Донъ-Кихота, священникъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе не упоминать о рыцарствѣ и вздумалъ испытать Донъ-Кихота, затронувъ эту опасную тему. Съ этою цѣлью онъ сталъ сообщать ему послѣднія новости изъ столицы и, между прочимъ, передалъ слухъ, что по Босфору движется сильный турецкій флотъ, но еще никто не знаетъ, куда онъ направляется и на чьихъ берегахъ слѣдуетъ ожидать разраженія страшной грозы. Онъ добавилъ, что въ виду этой опасности король держитъ наготовѣ громадную армію и повелѣлъ привести въ оборонительное положеніе берега Неаполя, Сициліи и Мальты.

На это Донъ-Кихотъ отвѣтилъ:

— Король дѣйствуетъ очень мудро, принимая мѣры, чтобы непріятель не могъ захватить врасплохъ его государства. Если бы онъ соблаговолилъ принять мой совѣтъ, я предложилъ бы ему одно новое мѣропріятіе, которое было бы цѣлесообразнѣе всѣхъ остальныхъ.

«Ну, вотъ, — подумалъ священникъ, — то говорилъ ужъ черезчуръ умно, а теперь, вѣроятно, опять понесетъ чушь!»

Цырюльникъ, думавшій почти то же самое, спросилъ Донъ-Кихота, въ чемъ именно состоитъ то мѣропріятіе, которое онъ желалъ бы посовѣтовать королю.

— Быть-можетъ,—добавилъ онъ,—оно принадлежитъ къ числу тѣхъ дерзкихъ указаній, которыми постоянно надоѣдаютъ правителямъ.

— Мое предложеніе, господинъ брадобрей, — съ сердцемъ возразилъ Донъ-Кихотъ, — не изъ дерзкихъ, а изъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ вѣчной признательности!

— Я сказалъ такъ только, въ видѣ шутки, — поспѣшилъ заявить цырюльникъ. — Но согласитесь, что государямъ иногда представляются такіе проекты, которые или совсѣмъ невозможны къ выполненію, или же до такой степени не идутъ къ дѣлу, что вмѣсто пользы могутъ принести только вредъ.

— Бываетъ, — согласился Донъ-Кихотъ. — Но мой проектъ и выполнимъ и вполнѣ идетъ къ дѣлу. Это самый удобный, разумный и цѣлесообразный проектъ, какой только можетъ быть придуманъ для обороны христіанъ отъ невѣрныхъ.

— Почему же вы, сеноръ Донъ-Кихотъ, не желаете подѣлиться съ нами этимъ проектомъ? — спросилъ священникъ.

— Потому что не хочу, чтобы завтра же узнали о немъ всѣ члены совѣта въ Кастиліи и, выдавъ его за свой, воспользовались славой, честью и выгодою, т.-е. плодомъ моихъ умственныхъ трудовъ, — отвѣчалъ Донъ-Кихотъ.

— Ну, я, со своей стороны, — воскликнулъ цырюльникъ, — могу поклясться, что ни одному смертному не скажу того, что услышу отъ васъ!

— И я поручусь за то, что онъ сдержитъ свою клятву, иначе приведу его къ церковному покаянію и заставлю уплатить большую пеню, — подхватилъ священникъ.

— Хорошо, — промолвилъ Донъ-Кихотъ. — А кто мнѣ поручится за васъ, что вы сами не проболтаетесь?

— За меня вамъ порукою мой санъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ священникъ.

— Вы правы, — согласился Донъ-Кихотъ. — Ну, такъ вотъ въ чемъ состоитъ моя мысль. Пусть король публичнымъ вызовомъ предложитъ

всѣмъ странствующимъ рыцарямъ, разсѣяннымъ по Испаніи, собраться въ назначенное время ко двору. Если явится хотя только полдюжины, то и между ними можетъ оказаться одинъ, который способенъ силою своей руки сломить могущество турокъ... Выслушайте меня внимательнѣе, друзья мои, и вы убѣдитесь, что я говорю это не зря. Развѣ вамъ самимъ не приходилось слышать или читать, что бывали случаи, когда какому-нибудь одному странствующему рыцарю удавалось перебить армію въ двѣсти тысячъ человѣкъ, точно у нихъ у всѣхъ была одна голова или они были сдѣланы изъ тѣста? Безчисленное множество книгъ наполнено описаніями подобныхъ чудесныхъ подвиговъ... Да будь живъ сейчасъ знаменитый донъ Беліанисъ или кто-нибудь другой изъ славныхъ рыцарей прошедшихъ временъ, то никакія полчища невѣрныхъ не были бы намъ страшны... Впрочемъ, авось Господь оглянется на Свой народъ и пошлетъ ему на выручку защитника, который не уступалъ бы въ мужествѣ и отвагѣ прежнимъ незабвеннымъ героямъ... Болѣе я ничего не скажу.

— О, Пресвятая Дѣва! — вскричала племянница. — Убей меня Богъ, если дядя не желаетъ опять сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ!

— Я ни на минуту и не переставалъ быть имъ, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Я родился для того, чтобы быть странствующимъ рыцаремъ, имъ я и умру... И, повѣрьте мнѣ, не даромъ я сказалъ, что Господь оглянется на...

— Позвольте мнѣ, ваша милость, — перебилъ цырюльникъ, — разсказать вамъ кстати маленькую исторійку, которую я недавно слышалъ отъ одного проѣзжаго изъ Севильи. Она какъ разъ подходитъ къ тому, о чемъ мы говорите, и я никакъ не могу удержаться, чтобы не передать вамъ ея.

Донъ-Кихотъ въ знакъ согласія молча кивнулъ головою, и цырюльникъ разсказалъ слѣдующее:

— Въ домѣ для умалишенныхъ, въ Севильѣ, былъ заключенъ одинъ человѣкъ, который спятилъ съ ума. Онъ изучилъ право въ оссунскомъ университетѣ, и многіе увѣряли, что онъ сошелъ бы съ ума даже и въ томъ случаѣ, если бы даже прошелъ саламанкскій университетъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія въ сумасшедшемъ домѣ этотъ лиценціатъ вообразилъ, что совершенно вылѣчился отъ своего безумія. Не долго думая, онъ взялъ да и написалъ архіепископу письмо, въ которомъ умолялъ сжалиться надъ нимъ и приказать выпустить его на свободу, такъ какъ къ нему вполнѣ возвратился разсудокъ. При этомъ онъ добавилъ, что родные хотятъ насильно продержать его въ домѣ для умалишенныхъ до самой его смерти, чтобы окончательно воспользоваться его со-

стояніемъ, которое уже вполовину расхищено ими. По прочтеніи этого письма архіепископъ поручилъ одному изъ своихъ капеллановъ справиться у директора дома для умалишенныхъ, правду ли написалъ лиценціатъ относительно своихъ родныхъ и дѣйствительно ли онъ теперь въ здравомъ умѣ? Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископъ уполномочилъ капеллана требовать его именемъ выпуска лиценціата на свободу, въ случаѣ, если директоръ подтвердитъ все написанное заключеннымъ. Директоръ отвѣтилъ на разспросы капеллана, что лиценціатъ, какъ былъ сумасшедшимъ, такъ и остался имъ, хотя у него и бываютъ минуты просвѣтлѣнія, когда онъ кажется въ полномъ умѣ, послѣ чего онъ начинаетъ опять городить такую чепуху и выкидывать такія штуки, что и описать невозможно. Видя, что капелланъ смотритъ на него съ недовѣріемъ, директоръ предложилъ ему лично осмотрѣть этого лиценціата и поговорить съ нимъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что онъ не въ своемъ умѣ. Капелланъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы его оставили совершенно одного съ больнымъ. Директоръ ввелъ его въ камеру къ сумасшедшему и удалился. Капелланъ пробесѣдовалъ съ заключеннымъ цѣлый часъ, и во все это время тотъ не проронилъ ни одного слова, которое указывало бы на ненормальность его разсудка. Напротивъ, онъ говорилъ такъ связно, здраво и даже краснорѣчиво, что капелланъ вполнѣ убѣдился въ томъ, что онъ вполнѣ здоровъ умомъ. Между прочимъ лиценціатъ сказалъ ему, что директоръ получаетъ отъ его родныхъ подарки и поэтому говоритъ, что онъ не въ своемъ умѣ, хотя у него бываютъ ясные промежутки. «Самый большой врагъ мой — мое богатство: изъ-за него мои наслѣдники держатъ меня тутъ взаперти, какъ опаснаго звѣря», — прибавилъ лиценціатъ. Капелланъ повѣрилъ ему и рѣшилъ взять его съ собою къ архіепископу, чтобы тотъ самъ могъ потолковать съ нимъ и разобрать дѣло. Онъ возвратился къ директору и попросилъ его выдать одежду лиценціату и отпустить послѣдняго съ нимъ. Директоръ согласился, но предупредилъ капеллана быть поосторожнѣе съ человѣкомъ, который, по его мнѣнію, все-таки былъ сумасшедшимъ. Когда лиценціата переодѣли въ его собственное платье, совершенно новое и приличное, онъ попросилъ позволенія проститься со своими товарищами по заключенію. Капелланъ разрѣшилъ ему это и даже вызвался самъ проводить его по камерамъ, желая видѣть настоящихъ сумасшедшихъ. Между прочимъ лиценціатъ подошелъ къ одной клѣткѣ, въ которой содержался бѣснующійся, и сказалъ ему: «Не желаешь ли ты, товарищъ, дать мнѣ какое-нибудь порученіе? Я ухожу отсюда, потому что Богъ, въ Своей неизреченной милости, возвратилъ мнѣ, недостойному, разсудокъ. Я теперь вполнѣ здоровъ душою и тѣломъ; для Бога нѣтъ ничего невозможнаго. Надѣйся

на Него, товарищъ, Онъ исцѣлитъ и тебя. Какъ только попаду домой, я пришлю тебѣ хорошаго жаркого, чтобы ты могъ какъ слѣдуетъ поѣсть. Мнѣ кажется, мы и дуримъ тутъ только отъ того, что у насъ въ этомъ пріютѣ желудокъ вѣчно пустъ, а голова наполнена вѣтромъ. Ну, прощай, товарищъ! Не унывай, а уповай на Бога. Уныніе подрываетъ здоровье и вызываетъ преждевременную смерть». Напротивъ находилась другая клѣтка, занятая тоже больнымъ, бѣсновавшимся по временамъ. Послѣдній приподнялся съ рогожи, на которой лежалъ совершенно раздѣтый, и спросилъ, кто это хвалится такъ своимъ душевнымъ и тѣлеснымъ здоровьемъ. Лиценціатъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Это я выздоровѣлъ, благодаря Божьей помощи. Прощай, товарищъ, я ухожу отсюда навсегда».—«Смотри, не ошибись, другъ лиценціатъ,—проговорилъ сумасшедшій.—Мнѣ думается, ты нисколько не здоровѣе насъ, но тебя просто водитъ за носъ дьяволъ, чтобы посмѣяться надъ тобою. Оставайся-ка лучше здѣсь, а то все равно приведутъ тебя назадъ».—«Глупости болтаешь, братъ!—возразилъ лиценціатъ.—Я знаю, что теперь я вполнѣ здоровъ и никогда болѣе не возвращусь сюда».—«Посмотримъ!—вскричалъ больной.—Ступай себѣ съ Богомъ, если ты такъ увѣренъ въ себѣ. Послѣ самъ сознаешься, что я былъ правъ. Клянусь именемъ Юпитера, представителемъ котораго я посланъ на землю, что Севилья поплатится за то вопіющее беззаконіе, которое она сегодня совершаетъ, признавая тебя здоровымъ и выпуская на волю! Я такъ накажу ее за это, что память о моемъ гнѣвѣ не забудется въ ней во вѣки вѣковъ!.. Ты не вѣришь мнѣ, безмозглый баккалавръ? Развѣ ты не знаешь, что я—Юпитеръ Громовержецъ? Не знаешь, что я держу въ своихъ рукахъ разрушительные громы, которыми привожу въ трепетъ и содроганіе весь міръ?.. Да я ужъ и придумалъ наказаніе этому сумасшедшему городу: съ этой самой минуты я не позволю упасть на него и на всю его область ни одной каплѣ дождя въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ!.. Тогда поймутъ, что я значу... А! Ты здоровъ душой и тѣломъ? Ты идешь на волю, а я больной... я сумасшедшій... меня держатъ въ клѣткѣ, какъ дикаго звѣря!.. Хорошо, хорошо... пусть такъ!.. Я скорѣе повѣшусь, чѣмъ выпущу на Севилью хоть одну капельку дождя въ теченіе трехъ... Нѣтъ! Десяти... пятидесяти... ста лѣтъ». Присутствующіе съ ужасомъ слушали оравшаго съ пѣною у рта и страшно кривлявшагося «Юпитера». Одинъ лиценціатъ оставался невозмутимымъ. Обернувшись къ капеллану и взявъ его за руку, онъ сказалъ ему убѣждающимъ тономъ: «Вы, пожалуйста, не обращайте вниманія на слова этого безумца... Если онъ—Юпитеръ и имѣетъ власть удерживать дождь, то я не кто иной, какъ Нептунъ, богъ и отецъ земныхъ водъ, и во

всякое время могу дать людямъ воды, сколько имъ нужно». На это капелланъ отвѣчалъ: «Вполнѣ вѣрю вамъ, сеноръ Нептунъ, но все-таки нахожу неудобнымъ сердить сенора Юпитера, и поэтому прошу васъ пожаловать пока назадъ въ вашу камеру. Я пріѣду за вами въ другой разъ, когда сеноръ Юпитеръ успокоится и не будетъ имѣть ничего противъ вашего освобожденія». Директоръ и его помощники, прибѣжавшіе во время рѣчи Юпитера, такъ расхохотались, что капеллану сдѣлалось стыдно, и онъ поспѣшилъ убраться. Лиценціата тотчасъ же переодѣли въ прежнее платье и снова заперли въ его камеру. Вотъ и вся моя исторія, — заключилъ разсказчикъ.

— Такъ этотъ глупый анекдотъ, по вашему мнѣнію, имѣетъ столько общаго съ предложеніемъ, которое я желалъ бы сдѣлать королю, что вы нарочно перебили меня, чтобы разсказать мнѣ его! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ. — Ахъ, сеноръ брадобрей, сеноръ брадобрей, какъ плохо зрѣніе у того, кто не видитъ дальше своего носа!.. Развѣ вы не знаете, что нельзя сравнивать разныя величины? Я не Нептунъ и вообще не богъ, и даже не требую, чтобы меня считали человѣкомъ чрезвычайнаго ума; мнѣ только очень досадно, что люди никакъ не хотятъ понять, какую страшную ошибку они дѣлаютъ, не желая возрожденія прежняго славнаго странствующаго рыцарства... Впрочемъ, нашъ развращенный вѣкъ недостоинъ того счастія, которымъ пользовались прошлые вѣка, когда странствующіе рыцари брали на себя великую задачу защищать государство, покровительствовать слабому полу, поддерживать сиротъ, наказывать гордыхъ и возвеличивать смиренныхъ. Большинство нынѣшнихъ такъ называемыхъ «рыцарей» предпочитаютъ щеголять въ парчѣ, бархатѣ и шелку, нежели носить латы и кольчугу. Ни одинъ изъ нихъ не согласится спать въ полномъ вооруженіи подъ открытымъ небомъ, подвергая себя всѣмъ капризамъ температуры и погоды. Нѣтъ болѣе и такихъ, которые, какъ бывало въ старину, простаивали цѣлую ночь на стражѣ, опираясь на копье и всѣми силами отгоняя отъ себя сонъ. Теперь не найдется уже ни одного, который бродилъ бы по лѣсамъ и горамъ въ поискахъ за опасными и славными приключеніями... Бывало, прежній рыцарь, настоящій герой безъ страха и упрека, вдругъ попадаетъ на пустынный и безплодный берегъ, о который съ оглушительнымъ шумомъ бьются волны расходившагося моря... На пескѣ валяется небольшая лодка безъ руля, безъ парусовъ и даже безъ веселъ. Не долго думая, онъ сходитъ съ коня, спускаетъ лодку на бушующія волны и садится въ нее. Утлое суденышко стрѣлою летитъ по разъяренному морю, то погружаясь въ бездонную бездну, то поднимаясь къ облакамъ. Отдаваясь на волю стихіи и судьбы, рыцарь вдругъ видитъ себя пере-

несеннымъ за нѣсколько тысячъ миль отъ того мѣста, гдѣ онъ сѣлъ въ лодку, къ зеленымъ берегамъ громаднаго острова. Онъ высаживается на этотъ островъ и совершаетъ рядъ такихъ подвиговъ, память о которыхъ была бы достойна увѣковѣченія не на обыкновенномъ пергаментѣ, а на бронзовыхъ плитахъ... Въ настоящее же время лѣнь торжествуетъ надъ прилежаніемъ, празднолюбіе — надъ трудолюбіемъ, порокъ — надъ добродѣтелью, наглость — надъ заслугами, ложь — надъ истиною; гдѣ прежде дѣлали чудеса храбрости, вовсе не хвалясь ими, тамъ теперь отдѣлываются однимъ безстыднымъ хвастовствомъ... Скажите мнѣ, кто былъ храбрѣе и цѣломудреннѣе знаменитаго Амадиса Галльскаго, умнѣе Пальмерина Англійскаго? Кто снисходительнѣе и уступчивѣе Тиранта Бѣлаго, любезнѣе Лизварта Греческаго? Кто получилъ такъ много ранъ и кто столько самъ нанесъ ихъ другимъ, какъ не донъ Беліанисъ? Кто неустрашимѣе Періона Галльскаго, предпріимчивѣе Феликса-Маркса Гирканскаго, искреннѣе Эспландіана? Кто отважнѣе дона Сиронгиліо Фракійскаго, смѣлѣе Родомонта, трезвѣе короля Собрина? Кто дерзновеннѣе Рено, непобѣдимѣе Роланда и утонченнѣе въ обращеніи Роджера, отъ котораго, какъ говоритъ Турпинъ въ своей «Космографіи», происходятъ по прямой линіи герцоги Феррарскіе? Всѣ эти славные воины и множество другихъ, которыхъ я могъ бы вамъ перечислить, были странствующими рыцарями... цвѣтомъ странствующаго рыцарства!.. Такихъ героевъ или, по крайней мѣрѣ, похожихъ на нихъ я желалъ бы найти нашему королю; тогда у него было бы на кого положиться; не нужно бы дѣлать большихъ расходовъ, и христіанскій міръ скоро былъ бы избавленъ отъ турокъ... Но, пока что, а мнѣ слѣдутъ терпѣливо оставаться въ своей камерѣ, такъ какъ господину «капеллану» не угодно выпустить меня... А все-таки, когда понадобится, я, несмотря на угрозы сенора Юпитера, сумѣю дать воды людямъ, погибающимъ отъ засухи! Это я говорю для того, чтобы сеноръ брадобрей зналъ, что я отлично его понялъ.

— Ваша милость напрасно изволите на меня гнѣваться,— смиренно проговорилъ цырюльникъ.— Я вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ, сеноръ Донъ-Кихотъ. Богъ свидѣтель въ этомъ!

— Напрасно или не напрасно я гнѣваюсь, это ужъ мнѣ лучше знать,— сухо возразилъ рыцарь.

— Ваши слова, сеноръ Донъ-Кихотъ,— началъ священникъ, долгое время сидѣвшій молча,— вызвали во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе, которое изгложетъ мою душу, если я не выскажу его...

— Такъ выскажите скорѣе,— сказалъ Донъ-Кихотъ.— Я вовсе не желаю, чтобы изъ-за меня была изглодана чья-нибудь душа, а тѣмъ болѣе ваша, мой другъ.

— Мое сомнѣніе состоитъ вотъ въ чемъ,—продолжалъ священникъ.— Существовали ли когда-нибудь на самомъ дѣлѣ всѣ тѣ странствующіе рыцари, о которыхъ вы, сеноръ Донъ-Кихотъ, изволили сейчасъ разсказать? Мнѣ кажется, это не болѣе, не менѣе, какъ плоды праздной фантазіи, въ родѣ дѣтскихъ сказокъ.

— Это большое заблужденіе съ вашей стороны, къ сожалѣнію, раздѣляемое множествомъ людей,—сказалъ Донъ-Кихотъ.— Мнѣ ужъ не разъ приходилось употреблять всѣ силы для того, чтобы вывести разныхъ лицъ изъ этого грустнаго заблужденія. Въ рѣдкихъ случаяхъ мнѣ это не удавалось; обыкновенно старанія мои увѣнчивались успѣхомъ. Дѣйствительность существованія странствующихъ рыцарей до того очевидна, что мнѣ кажется, я самъ своими собственными глазами видѣлъ Амадиса Галльскаго. Я даже могу описать, какимъ онъ мнѣ представлялся... вѣрнѣе сказать, представляется и въ настоящую минуту... Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ бѣлымъ лицомъ, съ прекрасною темною бородой и полу-строгимъ, полу-мягкимъ взоромъ. По характеру онъ былъ очень быстръ на рѣшенія, медленно воспламенялся гнѣвомъ и скоро снова успокоивался... Я могъ бы описать вамъ и всѣхъ остальныхъ рыцарей. Стоитъ только со вниманіемъ прочесть все, что о нихъ написано историками, чтобы понять, какая у каждаго должна была быть наружность, а наружность, какъ извѣстно, всегда соотвѣтствуетъ характеру человѣка.

— Позвольте спросить вашу милость,—вмѣшался сеноръ Николасъ,— какой вышины бываютъ великаны?.. Напримѣръ, великанъ Морганъ?

— Что касается великановъ,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ,— то вопросъ объ ихъ существованіи еще не вполнѣ рѣшенъ. Положимъ въ священномъ писаніи,— а въ немъ ни одно слово не можетъ быть подвержено сомнѣнію,— говорится о великанѣ Голіаѳѣ, который былъ вышиною въ семь съ половиною локтей; кромѣ того, на островѣ Сициліи открыты кости ногъ и плечъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какіе могутъ быть только у людей вышиною съ башню... Тѣмъ не менѣе я не могу навѣрное отвѣтить вамъ на вашъ вопросъ относительно великана Моргана. Полагаю, что онъ былъ не особенно крупнаго роста, потому что въ его жизнеописаніи сказано, что онъ часто ночевалъ въ домахъ, а этого не могло бы быть, если бы онъ обладалъ необыкновенными размѣрами.

— Само собою разумѣется,—подтвердилъ священникъ и, забавляясь серьезностью Донъ-Кихота, съ которою тотъ разсказывалъ о своихъ бредняхъ, попросилъ его описать наружность Рено де-Монтобана, Роланда и двѣнадцати французскихъ пэровъ, бывшихъ странствующими рыцарями.

— Рено, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ, — долженъ былъ имѣть продолговатое румяное лицо, большіе бойкіе глаза и громадный ростъ. Онъ обладалъ ужасно раздражительнымъ и вспыльчивымъ характеромъ, любилъ возиться съ воришками и тому подобными пропащими людьми. Что же касается Роланда, или Ротоланда, или Орланда (историки называютъ его то такъ, то этакъ), то я убѣжденъ, что онъ былъ средняго роста, широкъ въ плечахъ и имѣлъ кривыя ноги. Онъ обладалъ смуглымъ лицомъ, густою рыжею бородой и косматымъ тѣломъ. Взглядъ у него былъ суровый, а рѣчь короткая и рѣзкая. Несмотря на это, онъ отличался очень пріятными манерами и могъ считаться за образецъ рыцарской вѣжливости, что, впрочемъ, и не удивительно, такъ какъ онъ получилъ прекрасное воспитаніе...

Въ это время со двора донеслись громкіе крики племянницы и экономки, которыя не задолго передъ тѣмъ вышли изъ спальни. Священникъ и цырюльникъ вскочили и пошли узнать, въ чемъ дѣло.

ГЛАВА II,

о спорѣ Санчо Панцы съ племянницей и экономкой Донъ-Кихота и о другихъ интересныхъ происшествіяхъ.

Шумъ происходилъ изъ-за того, что Санчо во что бы то ни стало хотѣлъ видѣть своего господина, а экономка и племянница не хотѣли пускать его и съ силою отчаянія защищали отъ него наружную дверь, въ которую ломился оруженосецъ.

— Чего тебѣ нужно, негодный бродяга? — визжала экономка. — Убирайся отсюда, покуда цѣлъ!.. Мы не позволимъ тебѣ болѣе смущать нашего благодѣтеля и таскать его по пустынямъ и дремучимъ лѣсамъ!

— Врешь ты, чортова вѣдьма! — оралъ со своей стороны во всю глотку Санчо. — Не я смущалъ и таскалъ по бѣлу свѣту твоего хозяина, а онъ меня!.. Онъ разными ухищреніями заставилъ меня покинуть домъ, жену и дѣтей... Онъ обѣщалъ мнѣ островъ, но обманулъ!.. До сихъ поръ все жду... Я думалъ, что вотъ-вотъ онъ пришлетъ за мной и дастъ мнѣ хоть какой-нибудь островишко, а онъ, видно, и забылъ обо мнѣ... Вотъ я и пришелъ самъ напомнить о себѣ, а вы не пускаете!.. Пустите, говорю!

— О какихъ это ты островахъ толкуешь? — пищала въ свою очередь и племянница. — Что это за штука — островъ? Навѣрное, что-нибудь съѣдобное... Ты вѣдь извѣстный обжора! Только и думаешь объ ѣдѣ!.. Пошелъ прочь!

— Нѣтъ, это вовсе не съѣдобное,— возразилъ Санчо:— островъ, это такая штука, которою можно управлять, живя бариномъ, въ богатствѣ и въ почетѣ...

— Ну, что бы это тамъ ни было,— подхватила экономка,— а все-таки мы тебя къ хозяину не пустимъ... Нечего тебѣ лѣзть къ нему и безпокоить его своими глупостями... Ступай себѣ по-добру, по-здорову домой и управляй тамъ сколько хочешь, а насъ оставь въ покоѣ, безстыжіе твои глаза!

Священника и цырюльника очень забавляла эта перебранка, но Донъ-Кихотъ, слышавшій все изъ отвореннаго окна и опасавшійся, какъ бы Санчо не выболталъ лишняго, крикнулъ, чтобы впустили его «вѣрнаго слугу» къ нему, и тѣмъ положилъ конецъ разыгравшейся у него на дворѣ сценѣ, начинавшей ужъ привлекать вниманіе сосѣдей.

Санчо съ торжествомъ вошелъ въ спальню, между тѣмъ какъ священникъ и цырюльникъ отправились во-свояси, обмѣниваясь замѣчаніями насчетъ удивительнаго упорства, съ какимъ ихъ другъ держался за свою предвзятую мысль о странствующемъ рыцарствѣ.

— Я увѣренъ,— сказалъ, между прочимъ, священникъ,— что въ одинъ прекрасный день почтенный гидальго снова отправится колесить по горамъ и пустынямъ...

— Я тоже въ этомъ убѣжденъ,— заявилъ цырюльникъ.— Но болѣе всего меня удивляетъ Санчо: малый, кажется, не сумасшедшій, а между тѣмъ тоже втемяшилъ себѣ въ голову мысль о какомъ-то островѣ, и никакими силами теперь не вытащить у него оттуда эту глупость.

— Да, оба хороши! Посмотримъ, чѣмъ это у нихъ кончится... Интересно наблюдать: вѣдь случаи, когда двое помѣшались на одномъ и томъ же, рѣдко бываютъ.

— Хотѣлось бы знать, о чемъ они сейчасъ толкуютъ?— замѣтилъ цырюльникъ.

— Не безпокойтесь, послѣ все узнаемъ,— утѣшалъ священникъ:— бабье, навѣрное, подслушаетъ и потомъ передастъ намъ все слово въ слово.

Между тѣмъ Донъ-Кихотъ, приказавъ Санчо запереть дверь въ спальню, проговорилъ:

— Мнѣ очень грустно слышать твои жалобы на то, что я вынудилъ тебя оставить твой шалашъ и не сдержалъ своего обѣщанія. Вѣдь ты знаешь, что это не отъ меня зависѣло. Вмѣстѣ мы отправились странствовать, и оба, по доброй волѣ, вмѣстѣ и вернулись... Вмѣстѣ же съ тобой мы дѣлили всѣ невзгоды и удары судьбы и имѣли одинаковые шансы на успѣхъ... Если у меня было преимущество передъ тобою, такъ

развѣ только въ томъ, что тебя всего одинъ разъ подбрасывали на одѣялѣ, а меня много разъ палками и кулаками превращали въ битокъ.

— Такъ и слѣдовало, — сказалъ Санчо. — Сами же вы, ваша милость, изволили говорить, что благороднымъ рыцарямъ подобаетъ больше страдать и терпѣть, чѣмъ простымъ оруженосцамъ.

— Это такъ. Но существуетъ латинская поговорка, гласящая, что когда болитъ голова, то болятъ и всѣ члены.

— Это какъ будто и не подходитъ сюда, ваша милость, — ухмыльнулся Санчо.

— Какъ, не подходитъ?! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Я — *твой* господинъ, а, слѣдовательно, и *твоя* голова, а ты, будучи *моимъ* слугою, представляешь часть *меня*. Поэтому, разъ *мнѣ* больно, долженъ чувствовать боль и *ты*.

— Если такъ, то и голова должна чувствовать то же самое, что чувствуютъ члены, — разсуждалъ Санчо. — А между тѣмъ, когда меня, члена, подбрасывали на одѣялѣ, голова преспокойно сидѣла себѣ на конѣ за заборомъ и любовалась, какъ я летаю по воздуху, и никакой боли не чувствовала.

— Напрасно ты такъ думаешь, Санчо, — возразилъ Донъ-Кихотъ: — повѣрь мнѣ, что я въ то время страдалъ душой гораздо сильнѣе, чѣмъ ты тѣломъ... Но оставимъ это пока... въ другой разъ мы потолкуемъ по подробнѣе объ отношеніи головы къ остальнымъ членамъ тѣла и наоборотъ... Теперь же скажи мнѣ, что говорятъ обо мнѣ въ нашемъ селѣ и окрестностяхъ? Я желалъ бы знать, какого мнѣнія о моихъ подвигахъ гидальго, крестьяне и прочій людъ. Какъ кто оцѣниваетъ мои дѣла, какъ смотрятъ на мое намѣреніе возобновить память о забытыхъ неблагодарнымъ міромъ странствующихъ рыцаряхъ?.. Скажи мнѣ все, что слышалъ обо мнѣ, не убавляя и не прибавляя ничего... Вѣрный слуга обязанъ открывать своему господину всю правду, не искажая ея ни изъ ложнаго страха ни ради краснаго словца... Знаешь ли, Санчо, если бы до слуха государей всегда доходила одна лишь правда, безъ прикрасъ жалкой лести, то на землѣ давно былъ бы рай. Говорю тебѣ это для того, чтобы ты понялъ, что я, дѣйствительно, хочу слышать одну голую правду, какова бы она ни была...

— Вы только не обидьтесь, ваша милость, а ужъ я ничего не утаю передъ вами, что слышалъ про васъ, — сказалъ Санчо, растягивая ротъ въ широчайшую улыбку.

— Благородные люди за правду никогда не обижаются, — поучительнымъ тономъ проговорилъ рыцарь. — Говори смѣло!

— Извольте... мнѣ что!.. Меня и самого изъ-за вашей милости по головкѣ не гладятъ... Про васъ говорятъ въ одинъ голосъ, что вы со-

всѣмъ съ ума спятили; а про меня — что я одурѣлъ и очумѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ связался съ вами... Гидальго больше не хотятъ признавать васъ своимъ. Они говорятъ, что настоящій гидальго никогда бы не позволилъ себѣ бродяжничать и выставлять себя всѣмъ на смѣхъ. Потомъ они говорятъ, что вы совсѣмъ не имѣете и права называться гидальго, а дономъ подавно, потому что у васъ ничего нѣтъ, кромѣ дрянного дворишка, двухъ десятинишекъ землицы, небольшого клочка виноградника да плетня спереди и сзади. И не по-дворянски вы одѣваетесь, говорятъ... Одинъ человѣкъ даже распустилъ слухъ, что вы черните ваши сапоги сажей, а черные чулки штопаете бѣлымъ...

— Все это вздоръ,— перебилъ Донъ-Кихотъ.— Я всегда одѣтъ чисто и не хожу рваный, хотя моя одежда и потерта не столько отъ времени, сколько отъ оружія, употребляемаго мною. Что же еще говорятъ?

— Насчетъ вашихъ подвиговъ и вашего поведенія болтаютъ разное. Одни говорятъ, что вы хоть и сумасшедшій, а человѣкъ забавный; другіе называютъ васъ храбрецомъ, но бесталаннымъ, третьи говорятъ, что вы чудите отъ нечего дѣлать, и очень ужъ вы скучны въ бесѣдѣ... Да всего и не перескажешь, что плетутъ про вашу милость...

— Да, такъ ужъ созданы люди, что они всегда забрасываютъ грязью тѣхъ, которые выше ихъ!—со вздохомъ промолвилъ Донъ-Кихотъ.—Почти ни одинъ изъ великихъ людей не избѣгъ клеветы. Юлій Цезарь,—этотъ знаменитый великій полководецъ,— обвинялся въ честолюбіи, въ нечистоплотности и въ безнравственности. Объ Александрѣ Македонскомъ, заслужившемъ своими военными подвигами прозваніе Великаго, говорили, что онъ пьяница. Геркулеса, не менѣе знаменитаго героя, даже полубога, ругали лѣнивымъ и тряпичнымъ. О Галаорѣ, братѣ Амадиса Галльскаго, разсказывали, что онъ невыносимо сварливъ, а о самомъ Амадисѣ,—что онъ плакса... Если хуже того, что ты сказалъ, не говорятъ обо мнѣ, то и вниманія обращать не стоитъ; это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что врали на тѣхъ героевъ, которыхъ я тебѣ перечислилъ.

— Въ томъ-то и дѣло, ваша милость, что говорятъ и хуже,— выпалилъ Санчо, которому, очевидно, доставляло громадное удовольствіе высказать своему господину, какъ его «честятъ».

— Что же именно? — по возможности равнодушно спросилъ Донъ-Кихотъ...

— Потѣха!.. Боюсь, не повѣрите... Я, впрочемъ, могу привести къ вашей милости одного человѣка, который подтвердитъ, что я не вру... Вчерашній день, изволите ли видѣть, пріѣхалъ сынъ Варѳоломея Караско... Знаете, тотъ, что учился въ Саламанкѣ, и называется бака.. бакалейщикомъ...

— «Баккалавромъ», а не бакалейщикомъ,— поправилъ Донъ-Кихотъ.

— Ну, это все равно! — рѣшилъ Санчо. — Такъ вотъ этотъ самый бакалей... баклу... Ахъ, чтобы ему подавиться, не выговоришь по-вашему!.. Ну, этотъ самый сынъ Варѳоломея Караско пріѣхалъ вчера и говоритъ, будто бы про вашу милость уже написана книга подъ прозваніемъ «Доблестный гидальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій»... Въ ней, вишь, написано и про меня, про Санчо Панцу, да и насчетъ Дульцинеи Тобозской, и про все то, что мы съ вами говорили и продѣлывали наединѣ... Я просто такъ и затрясся отъ испуга и перекрестился, когда студентъ сталъ разсказывать все, что тамъ написано... Откуда, думаю, могъ тотъ сочинитель узнать, что мы съ вами говорили и дѣлали, когда вокругъ насъ никого не было?

— Это объясняется очень просто, Санчо,— пояснилъ рыцарь,— и, вѣроятно, книга написана какимъ-нибудь мудрымъ волшебникомъ, который видитъ и слышитъ за тысячи миль, а то и самъ можетъ присутствовать гдѣ угодно невидимкою.

— Навѣрное, такъ! — вскричалъ Санчо. — Самсонъ, сынъ Варѳоломея Караско, говоритъ, что эту книгу сочинилъ какой то Сидъ-Гаметъ Беренгена.

— Это имя мавританское...

— Такъ точно. Я слышалъ, что всѣ мавры страсть какъ любятъ эти самые овощи, которые по-ихнему называются «беренгенами».

— Да, но послѣднее имя ты, должно-быть, переврал,— соображалъ Донъ-Кихотъ.— Едва ли у Сида (это значитъ по-арабски «господинъ») можетъ быть такое вульгарное имя.

— Спорить объ этомъ не стану: можетъ, и навралъ,— соглашался Санчо. — Развѣ сразу запомнишь эти некрещеныя имена!.. Не желаете ли, я вамъ приведу этого самаго бака... ну, студента?.. Я такъ и буду всегда называть его студентомъ: это слово мнѣ сподручнѣе, потому что я къ нему привыкъ... Прикажете итти за нимъ?

— Ступай, ступай, приведи этого молодого человѣка,— разрѣшилъ Донъ-Кихотъ.— Мнѣ очень хотѣлась бы знать подробности насчетъ той книги.

— Сейчасъ, ваша милость,— заявилъ Санчо, повертываясь къ двери. Немного погодя онъ возвратился въ сопровожденіи молодого человѣка въ одеждѣ баккалавра.

ГЛАВА III,

о смѣшной бесѣдѣ Донъ-Кихота, Санчо Панцы и баккалавра Самсона Караско.

Оставшись одинъ, Донъ-Кихотъ крѣпко задумался. Ему не вѣрилось, чтобы объ его подвигахъ уже успѣли написать книгу, когда его мечъ еще, такъ сказать, дымился отъ крови враговъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ прихода баккалавра, чтобы услышать отъ него подтвержденіе словъ Санчо Панцы. Если окажется, что, дѣйствительно, о немъ написана книга, то сочинитель ея, по его мнѣнію, могъ быть только какой-нибудь волшебникъ,— врагъ или другъ. Если это врагъ, то книга написана имъ для униженія его, а если другъ, то, конечно,— съ цѣлью прославленія его, Донъ-Кихота. Въ послѣднемъ случаѣ книга должна была, какъ думалъ нашъ гидальго, отличаться краснорѣчіемъ, цвѣтистостью слога, правдивостью и точностью.

Эта мысль обрадовала было Донъ-Кихота, но его тутъ же повергло въ уныніе то соображеніе, что авторъ книги, судя по имени, мавръ, то-есть—невѣрный, отъ котораго нечего ждать правды. Кому же неизвѣстно, что всѣ мавры лгуны, обманщики и вообще негодяи! И вдругъ этотъ мавръ выставилъ въ дурномъ свѣтѣ его отношенія къ несравненной Дульцинеѣ Тобозской и тѣмъ накинулъ тѣнь на ея честь! Бѣдный Донъ-Кихотъ даже похолодѣлъ отъ ужаса при этой мысли. А, можетъ-быть, этотъ мавръ составляетъ исключеніе изъ общаго правила и человѣкъ честный? Тогда онъ, разумѣется, не измѣнилъ истинѣ и отдалъ должную дань уваженія Дульцинеѣ; онъ не преминулъ, конечно, упомянуть, что ради нея Донъ-Кихотъ сдерживалъ порывы природы и отвергалъ любовь королевъ, принцессъ и всѣхъ другихъ высокопоставленныхъ дамъ, открыто ухаживавшихъ за нимъ...

Погруженный въ эти размышленія, рыцарь и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время до возвращенія Санчо въ сопровожденіи молодого человѣка.

Баккалавръ Самсонъ Караско отличался небольшимъ ростомъ, но большою насмѣшливостью. У него было блѣдное, довольно красивое лицо, освѣщавшееся большими бойкими и проницательными глазами. Вздернутый носъ и широкій ротъ явно свидѣтельствовали объ его наклонности потѣшаться насчетъ ближняго. Лѣтъ ему было около двадцати четырехъ.

Очутившись около Донъ-Кихота, онъ опустился на колѣни и напыщенно произнесъ:

— Соблаговолите, сеноръ Донъ-Кихотъ, пожаловать мнѣ руку для того, чтобы я могъ облобызать ее! Клянусь своимъ званіемъ баккалавра саламанкскаго университета, что никогда еще не бывало и не будетъ на свѣтѣ такого славнаго странствующаго рыцаря, какъ ваше величіе! Честь и слава Сиду Гамету Бенъ-Энгели, который выпустилъ въ свѣтъ книгу съ описаніемъ вашихъ удивительныхъ подвиговъ, но еще больше чести и славы тому просвѣщенному человѣку, который не пожалѣлъ труда перевести эту книгу съ арабскаго языка на наше простое кастильское нарѣчіе, въ назиданіе всѣмъ нашимъ соотечественникамъ!

Донъ-Кихотъ милостиво предложилъ молодому человѣку подняться съ колѣнъ и сѣсть въ кресло, стоявшее возлѣ постели; затѣмъ онъ спросилъ:

— Такъ это вѣрно, что волшебникъ-мавръ написалъ обо мнѣ книгу?

— Совершенно вѣрно, высокоблагородный сеноръ,—отвѣчалъ Самсонъ, прикладывая руку къ сердцу.—До сего дня уже отпечатано двѣнадцать тысячъ экземпляровъ этой книги, и они всѣ уже раскуплены. Книгу берутъ положительно нарасхватъ. Я слышалъ, что готовятся издать ее въ Лиссабонѣ, Барцелонѣ, Валенсіи и даже въ Антверпенѣ. Полагаю, что въ недалекомъ будущемъ она будетъ переведена на всѣ существующіе языки, и на всей землѣ не будетъ ни одного человѣка, который не прочелъ бы ея и не насладился бы ею, какъ насладился я.

— Что можетъ быть пріятнѣе для благороднаго и добродѣтельнаго человѣка, когда добрая слава о немъ переходитъ изъ устъ въ уста!— замѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Но зато какая пытка для него, если о немъ бѣжитъ по свѣту слава худая!

— Что касается собственно вашей милости,—сказалъ баккалавръ,— то никогда еще ни объ одномъ странствующемъ рыцарѣ не гремѣла такъ добрая слава, какъ о васъ. Какъ авторъ книги, написанной о васъ, такъ и переводчикъ, копировавшій его въ точности, не упустили ни одной подробности, способной ярче обрисовать обаяніе, производимое на всѣхъ вашею личностью, вашею неустрашимостью въ виду опасности, вашей твердостью въ неудачахъ, вашимъ терпѣніемъ въ страданіяхъ и, наконецъ, вашимъ цѣломудріемъ, выразившемся въ вашей платонической любви къ доннѣ Дульцинеѣ Тобозской.

— Никогда я не слыхалъ,—вмѣшался Санчо Панца,—чтобы Дульцинею Тобозскую величали «донною». Это, навѣрное, ошибка того нехристя, который написалъ книгу о моемъ господинѣ.

— Если это ошибка, то, во всякомъ случаѣ, не важная,—возразилъ баккалавръ.

— Конечно, нѣтъ,— подтвердилъ Донъ-Кихотъ.— Но скажите мнѣ, пожалуйста, господинъ баккалавръ, какой изъ моихъ подвиговъ болѣе всего нравится читателямъ этой книги?

— На этотъ счетъ, благодаря различію вкусовъ, существуютъ различныя мнѣнія,— отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Однимъ лучше всего нравится приключеніе съ вѣтряными мельницами, которыхъ ваша милость изволили принять за великановъ; другіе болѣе восторгаются исторіей о двухъ великихъ арміяхъ, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи оказались стадами барановъ; третьимъ болѣе нравится ваша встрѣча съ покойникомъ, котораго везли хоронить въ Сеговію... Нѣкоторые кричатъ, что освобожденіе вами каторжниковъ превосходитъ всѣ остальные ваши подвиги, а есть люди, которые увѣряютъ, что побѣдою надъ великанами-бенедиктинцами и надъ храбрымъ бискайцемъ вы превзошли самого себя...

— А скажите, пожалуйста,—снова вмѣшался Санчо,—неужели ничего не сказано о приключеніи съ погонщиками муловъ, когда нашъ Россинантъ на старости лѣтъ вздумалъ дурить, изъ-за чего, собственно, и загорѣлся весь сыръ боръ?

— Какъ, не сказано!?—воскликнулъ Самсонъ.— Волшебникъ-мавръ не упустилъ ничего изъ того, что происходило во время странствованій вашего славнаго господина... Онъ не забылъ упомянуть даже и о томъ, какъ кувыркался на одѣялѣ мой пріятель Санчо Панца.

— Я кувыркался вовсе не на одѣялѣ, а на воздухѣ,— поспѣшилъ сказать Санчо.— Да ужъ и кувыркался же! До сихъ поръ страшно вспомнить...

— Что жъ дѣлать?—произнесъ Донъ-Кихотъ.—Жизнь наполнена не однѣми сладостями, бываютъ и горечи... Правдивая исторія не должна утаивать ничего, и потому...

— Однако осмѣлюсь замѣтить,— перебилъ баккалавръ,—что нѣкоторые читатели находятъ, что авторъ напрасно съ такою точностью перечисляетъ палочные удары, которымъ подвергался въ различныхъ встрѣчахъ доблестный рыцарь Донъ-Кихотъ.

— Тогда его исторія не была бы вѣрна,—сказалъ Санчо.

— Нѣтъ,—возразилъ Донъ-Кихотъ,—правдивость исторіи нисколько не пострадаетъ отъ того, если будутъ выпущены нѣкоторыя излишнія подробности, которыя могутъ повредить репутаціи героя. Съ другой стороны, не нарушается общая правдивость исторіи и отъ небольшой излишней похвалы герою... Навѣрное, Эней вовсе не былъ такъ набоженъ, какимъ его описываетъ Виргилій, а Улиссъ—такъ благоразуменъ, какимъ его обрисовалъ Гомеръ...

— Одно дѣло описывать что-нибудь въ качествѣ поэта, а другое — въ качествѣ историка, — сказалъ Самсонъ. — Поэтъ можетъ изображать людей и событія не такими, какими они были въ дѣйствительности, а какими должны бы быть; между тѣмъ какъ историкъ обязанъ представить ихъ такими, какими они были, не обращая вниманія на то, какими желательно было бы видѣть ихъ. Вообще, историкъ не имѣетъ права ни прибавлять ничего къ правдѣ и не убавлять отъ нея.

— Интересно бы мнѣ знать, — пробурчалъ Санчо, — пересчиталъ ли этотъ нечестивый мавръ всѣ тѣ удары, которые доставались мнѣ каждый разъ, когда колотили моего господина?.. И за что только мнѣ доставалось? Рѣшительно не могу понять... Вотъ уже правда, что на чужомъ пиру похмелье получалъ!

— Я же объяснилъ тебѣ, что когда болитъ голова, то страдаютъ и члены, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Развѣ ты уже забылъ это?.. Да и столько ли тебѣ пришлось вынести, сколько мнѣ?

— Сочтите-ка сначала мои синяки, ваша милость, а потомъ и сравнивайте меня съ собою, — ворчалъ Санчо. — Кажется, живого мѣста на мнѣ не осталось, а вы говорите...

— Перестань говорить глупости! — строго сказалъ Донъ-Кихотъ. — Не мѣшай господину баккалавру... Я хочу прежде всего знать, что написано обо мнѣ...

— А я хочу знать, что сказано обо мнѣ, — не унимался Санчо. — Небось, и я одно изъ главныхъ лицъ въ этой исторіи.

— Нѣтъ, — сказалъ Самсонъ, — ты только второстепенное лицо: — не можешь ты равняться со своимъ славнымъ господиномъ... Кстати, нѣкоторымъ изъ читателей ты очень нравишься, и они надрываютъ себѣ животики, читая о тебѣ; но другіе находятъ, что ты долженъ быть ужасно глупъ, если могъ вообразить себя способнымъ управлять островомъ, обѣщаннымъ тебѣ сеноромъ Донъ-Кихотомъ.

— Ну, — промолвилъ рыцарь, — съ годами Санчо, навѣрное, пріобрѣтетъ достаточно ума и опытности, чтобы справиться съ этою задачей.

— Только бы мнѣ заполучить островъ, а ужъ управлять имъ я и сейчасъ отлично сумѣлъ бы, — замѣтилъ Санчо. — Не за мною стало дѣло, ваша милость!

— Уповай на Бога, и все сдѣлается къ лучшему, — наставительно проговорилъ Донъ-Кихотъ. — Не забывай, что и листъ не шелохнется безъ воли Божіей.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Самсонъ. — Если Богу будетъ угодно, то Санчо получитъ не одинъ островъ, а сразу цѣлую сотню самыхъ богатѣйшихъ острововъ.

— Хорошо бы вашими устами да медъ пить,—съ блаженною улыбкой отъ предвкушенія будущихъ благъ проговорилъ Санчо.—Быть губернаторомъ не велика хитрость... Я видалъ на своемъ вѣку такихъ губернаторовъ, которые и мизинца моего не стоятъ, а они величались «сенорами» и ѣли съ серебряной посуды.

— Ну, это, по всей вѣроятности, были, такъ сказать, «материковые» губернаторы,—подхватилъ баккалавръ, — а губернаторы островов обязаны знать по крайней мѣрѣ грамотѣ.

— Богъ захочетъ, такъ въ одну минуту сдѣлаетъ меня грамотнымъ, а то и такъ произведетъ въ губернаторы острова, и я буду не хуже другихъ... А надо все-таки спасибо сказать этому мавру, что онъ описалъ меня такимъ забавнымъ!.. Значитъ, онъ обо мнѣ ничего не совралъ... Положимъ, попробуй онъ только соврать, я бы ему показалъ, что я за человѣкъ: такъ измолотилъ бы его, нехристя, что отъ него ничего бы не осталось!

— Ухъ, какъ страшно! - засмѣялся Самсонъ.

— Да, со мной шутки плохи,—хвалился Санчо.—Терпѣть не могу, когда люди врутъ, и никому не спущу вранья; такъ и совѣтую помнить всѣмъ, кто желаетъ быть со мной въ дружбѣ.

— Принимаемъ къ свѣдѣнію,—заявилъ баккалавръ и продолжалъ:— Однимъ изъ недостатковъ книги находятъ то, что авторъ вклеилъ въ нее «Повѣсть о безразсудномъ мужѣ». Сама по себѣ эта повѣсть очень недурна, но не имѣетъ ничего общаго съ исторіей сенора Донъ-Кихота.

— Ишь ты, собачій сынъ! Что это ему пришло въ глупую башку мѣшать быль съ небылицей?—вскричалъ Санчо.—Такъ я и думалъ, что этотъ нехристь что-нибудь да напортитъ!

— Судя по этому,—сказалъ Донъ-Кихотъ,—авторъ книги не мудрый волшебникъ, какъ я сначала предполагалъ, а просто пустой болтунъ и пишетъ безъ всякаго толка... Это выходитъ въ родѣ живописца Орбанеха, который, на вопросъ: что онъ намѣренъ написать?—отвѣчалъ: «Что придется». Разъ онъ написалъ пѣтуха до такой степени непохожаго на эту птицу, что ему пришлось подписать подъ нимъ: «это пѣтухъ»... Очевидно, то же самое будетъ и съ моею исторіей: придется писать къ ней комментаріи, чтобы ее можно было понять.

— О, нѣтъ!—возразилъ Самсонъ.—Напрасно вы такъ думаете... Книга написана вполнѣ ясно, такъ что не можетъ вызвать никакихъ недоразумѣній или перетолкованій. Книга прекрасная; дѣти ее перелистываютъ, молодые люди съ восторгомъ читаютъ, зрѣлые мужчины понимаютъ, а старики хвалятъ. Самымъ крупнымъ успѣхомъ она пользуется между пажами; нѣтъ ни одной передней вельможи, въ которой

не нашлось бы хоть одного экземпляра «Донъ-Кихота». Книгу вырываютъ другъ у друга изъ рукъ и оспариваютъ право прочесть раньше другихъ. Вообще она служитъ для всѣхъ самымъ пріятнымъ и безвреднымъ средствомъ для препровожденія времени. Популярность ея доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что какъ только кто увидитъ на улицѣ клячу, то указываетъ на нее и кричитъ: «Смотрите, вотъ Россинантъ!»... А что самое главное, такъ это то, что во всей этой книгѣ нѣтъ ни одного слова, подъ которымъ не могъ бы подписаться самый ревностный христіанинъ.

— Писать мою исторію другимъ образомъ, значило бы искажать истину, а лживый историкъ достоинъ быть заживо сожженнымъ на кострѣ, наравнѣ съ поддѣлывателями фальшивой монеты... Я только не понимаю, зачѣмъ автору понадобилось вставлять въ мою исторію постороннія повѣсти или описанія чужихъ приключеній. Неужели ему мало было моихъ подвиговъ, чтобы сдѣлать книгу интересной?.. По-моему, было бы вполнѣ достаточно, если бы онъ ограничился описаніемъ однихъ моихъ дѣлъ, моихъ слезъ, вздоховъ, моихъ любовныхъ томленій,—словомъ, всего, что я дѣлалъ, думалъ и говорилъ... Выводъ мой изъ всего сказаннаго вами, господинъ баккалавръ, тотъ, что человѣкъ, берущійся написать исторію или вообще какую бы ни было книгу, долженъ обладать недюжиннымъ умомъ и способностью здраваго сужденія. Исторія, это—нѣчто священное, потому что она должна быть основана на одной истинѣ; а въ чемъ истина, въ томъ и Богъ. Несмотря на это, есть историки, которые пекутъ свои произведенія, какъ кухарка блины.

— Однако,—возразилъ баккалавръ,—нѣтъ такой дурной книги, въ которой не нашлось бы хорошаго.

— Это вѣрно,—согласился Донъ-Кихотъ.—Но чѣмъ вы объясните то странное явленіе, что нѣкоторыя сочиненія пользуются прекрасною славой, пока находятся въ рукописи, и теряютъ ее, какъ только отпечатываются?

— Это происходитъ отъ того,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—что при ближайшемъ разсмотрѣніи во всемъ можно найти недостатки. Замѣчено даже, что чѣмъ знаменитѣе авторъ, тѣмъ больше стараются отыскать въ его сочиненіяхъ недостатковъ. Великіе люди всегда бываютъ добычею невѣждъ, по глупости своей считающихъ себя призванными разбирать и судить то, чего они сами не въ состояніи не только сдѣлать, но и понять.

— Это во всемъ такъ,—замѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Есть, напримѣръ, богословы, которые не годятся для каѳедры, но отлично подмѣчаютъ недостатки въ проповѣдяхъ другихъ.

— Совершенно вѣрно,—согласился Караско.—Было бы желательно, чтобы всѣ эти цензоры и критики были немного подобросовѣстнѣе и помилосерднѣе и не прицѣплялись бы такъ ожесточенно къ малѣйшему пятнышку, открываемому ими на ясномъ солнце разбираемаго произведенія. Они должны бы понять, что иногда пятнышки служатъ для увеличенія красоты... Вообще нужно сказать, что тотъ, кто рѣшается выпустить въ свѣтъ книгу, рискуетъ большими непріятностями, потому что всѣмъ не угодишь.

— Я увѣренъ, что книга, написанная обо мнѣ, мало кому понравилась, —какъ бы про себя пробормоталъ Донъ-Кихотъ.

— О нѣтъ, напротивъ!—возразилъ баккалавръ,—ваша исторія нравится большинству, такъ какъ „stultium infinitus est numeros" (дураковъ безконечное число)... Жаль только, что авторъ, какъ видно, страдаетъ слабостью памяти: онъ иногда повторяетъ одно и то же по нѣскольку разъ, а иногда и не досказываетъ, что нужно. Такъ, напримѣръ, онъ не говоритъ, что сдѣлалъ Санчо съ тѣми деньгами, которыя онъ нашелъ въ горахъ, а между тѣмъ это было бы очень интересно знать.

— Господинъ студентъ, — поспѣшилъ сказать Санчо, — желудокъ мой давно уже ворчитъ, жалуясь на свою пустоту. Поэтому я пойду наполню его, а потомъ опять приду и тогда разскажу вамъ, если хотите, куда я дѣвалъ тѣ деньги.

— Ступай, ступай, — со смѣхомъ проговорилъ Донъ-Кихотъ. — Господинъ баккалавръ отобѣдаетъ со мною и будетъ ждать здѣсь твоего возвращенія.

Санчо ушелъ, а его господинъ позвалъ экономку и приказалъ ей накрыть на столъ и поставить лишній приборъ для баккалавра.

ГЛАВА IV,

въ которой Санчо разсказываетъ, какое онъ сдѣлалъ употребленіе изъ денегъ, найденныхъ имъ въ горахъ Сіерры-Морены.

Ну, такъ что же ты сдѣлалъ съ деньгами, которыя нашелъ въ горахъ? — спросилъ Самсонъ Караско, когда Санчо возвратился послѣ обѣда.

— Потратилъ на себя, жену и дѣтей, — отвѣчалъ оруженосецъ. — Не будь этихъ денегъ, жена подняла бы такой трезвонъ за то, что я шлялся столько времени не вѣсть гдѣ и не привезъ ни мараведиса, что ни приведи Богъ... И съ чего вамъ, господинъ студентъ, вздумалось спрашивать у меня отчета въ томъ, что я сдѣлалъ съ деньгами, которыя я

заработалъ своими боками? Въ сущности, я даже получилъ гораздо меньше, чѣмъ заслужилъ. Вѣдь если положить за каждый ударъ, который я принялъ изъ-за моего господина, только по четыре мараведиса, такъ мнѣ бы слѣдовало получить вдвое болѣе денегъ, если не вчетверо...

— Нужно будетъ дать знать автору, чтобы онъ во второмъ изданіи своего сочиненія помѣстилъ твое объясненіе, Санчо, по поводу тѣхъ денегъ, — сказалъ баккалавръ.

— Кстати, во сколькихъ частяхъ эта книга? — полюбопытствовалъ Донъ-Кихотъ.

— Пока въ одной, — отвѣтилъ Самсонъ. — Но я слышалъ, что нѣкоторые желаютъ продолженія ея, а другіе находятъ, что довольно и того «донкихотства», которое написано... Автору, конечно, было бы крайне желательно выпустить и вторую часть, но только у него пока еще нѣтъ матеріала для нея.

— А почему же это ему такъ желательно? — продолжалъ допрашивать рыцарь.

— Очень просто, ради лишней денежной прибыли, — пояснилъ баккалавръ.

— Стало-быть, — вмѣшался Санчо, — все дѣло въ томъ, что этому черномазому нехристю нечего болѣе писать о насъ? Ну, если вы съ нимъ знакомы, господинъ студентъ, то можете сказать ему, что мы съ моимъ господиномъ готовы еще начудить столько, что хватитъ не только на одну часть, а на цѣлую сотню частей... Не правда ли, ваша милость? — обратился онъ къ Донъ-Кихоту. — Кто же намъ запретитъ опять разъѣзжать по бѣлому свѣту, чтобы награждать добрыхъ и наказывать злыхъ, какъ подобаетъ странствующимъ рыцарямъ?

Не успѣлъ Санчо договорить, какъ изъ конюшни донеслось громкое ржаніе Россинанта. Донъ-Кихотъ принялъ это совпаденіе за благопріятное предзнаменованіе и рѣшилъ отправиться еще разъ на поиски новыхъ приключеній. Сообщивъ объ этомъ баккалавру, онъ попросилъ у него совѣта, какъ ему лучше начать, чтобы увеличить свою славу. Самсонъ посовѣтовалъ ему отправиться прямо въ аррагонскую столицу Сарагоссу, гдѣ въ день праздника святого Георгія должны произойти рыцарскія состязанія на лошади. На этихъ состязаніяхъ Донъ-Кихотъ, по мнѣнію молодого человѣка, обязательно восторжествуетъ надъ всѣми аррагонскими рыцарями. Въ заключеніе баккалавръ умолялъ Донъ-Кихота помнить, что онъ принадлежитъ не самому себѣ, а всѣмъ, имѣющимъ нужду въ твердой защитѣ, и потому беречь себя и не бросаться очертя голову въ опасности, какъ это ему свойственно вслѣдствіе его беззавѣтной храбрости.

— Ну, этотъ совѣтъ вы могли бы оставить при себѣ, господинъ студентъ!—вскричалъ Санчо.—Вы, должно-быть, не знаете, что мой господинъ такъ же легко справляется съ сотнею вооруженныхъ рыцарей, какъ хорошій лакомка съ дюжиною зрѣлыхъ грушъ!.. Положимъ, случалось, что мой господинъ иногда лѣзъ въ драку, хотя этого совсѣмъ бы и не слѣдовало... Кстати, уговоръ лучше денегъ, ваша милость,—обратился онъ къ рыцарю:—если я опять поѣду съ вами, то только для того, чтобы прислуживать вамъ, драться же ни въ какомъ случаѣ я больше не буду, какъ вамъ будетъ угодно. Я не гонюсь за тѣмъ, чтобы меня называли храбрымъ, потому что за эту самую храбрость ужъ больно солоно приходится хлебать... Съ меня и того довольно, если про меня напишутъ, что я былъ самый лучшій и вѣрный оруженосецъ, какого когда-либо имѣлъ странствующій рыцарь... И если ваша милость пожалуетъ мнѣ за мои вѣрныя услуги островъ, какъ вы мнѣ обѣщали, то я буду вамъ благодаренъ по гробъ жизни, а коли не дадите острова, то такъ и быть... Я вѣдь знаю, что человѣкъ родится нагимъ и долженъ надѣяться только на Бога. Да оно, можетъ, и къ лучшему: теперь я живу хоть въ бѣдности, зато безъ грѣха, а какъ попалъ бы въ губернаторы, то, чего добраго, тогда началъ бы грѣшить, а чортъ обрадовался бы, насѣлъ бы на меня и сталъ бы тащить меня въ адъ... Ну, а все-таки, коли ежели Господь пошлетъ мнѣ какой-нибудь островокъ или что-нибудь въ родѣ этого безъ особенныхъ хлопотъ и опасностей, то я, конечно, не дуракъ, чтобы отказываться отъ добра. Не даромъ говорится: «Когда тебѣ даютъ телицу, накинь ей веревку на шею и веди домой и передъ добромъ не затворяй дверей своихъ».

— Однако ты, другъ Санчо, сталъ проповѣдывать не хуже священника съ каѳедры!—замѣтилъ не безъ искренняго удивленія баккалавръ.— Скажу и я тебѣ: уповай на Бога и на сенора Донъ-Кихота, тогда получишь не только островъ, но и цѣлое королевство.

— Ужъ это на что бы лучше,—говорилъ Санчо.—Съ Божіей помощью я сумѣю управлять какимъ угодно государствомъ... лицомъ въ грязь не ударю, будьте покойны. Моему господину это достаточно извѣстно, а то бы онъ мнѣ ничего и не наобѣщалъ.

— Смотри только, не зазнавайся въ случаѣ чего,—продолжалъ Самсонъ.—Сдѣлаешься королемъ или губернаторомъ, такъ, пожалуй, и отъ родной матери отречешься.

— Зачѣмъ отрекаться! Я вѣдь не подъ капустнымъ листомъ родился,—возразилъ Санчо.—Моя мать была настоящая христіанка, и я настоящій христіанинъ, поэтому мнѣ стыдиться ея нечего... Да вы сна-

чала сдѣлайте меня губернаторомъ или какою-нибудь другою важною птицей, а тогда и увидите, каковъ я буду.

— За губернаторствомъ дѣло не станетъ,—увѣрялъ Донъ-Кихотъ.— Мнѣ кажется, я уже вижу тотъ островъ, которымъ тебѣ скоро придется управлять.

Потомъ рыцарь спросилъ баккалавра, не обладаетъ ли тотъ поэтическимъ дарованіемъ и не можетъ ли сочинить ему прощальныхъ стиховъ для Дульцинеи Тобозской, но такъ, чтобы начальныя буквы строкъ составляли ея имя.

— Хоть я и не принадлежу къ числу прославленныхъ испанскихъ поэтовъ, тѣмъ не менѣе я не затруднюсь написать порядочный акростихъ, — отвѣтилъ Самсонъ. — Желаніе ваше я исполню съ удовольствіемъ, и надѣюсь, что мои стихи вполнѣ заслужатъ одобреніе какъ ваше, такъ и вашей дамы.

Донъ-Кихотъ поблагодарилъ его и попросилъ не говорить никому объ его, Донъ-Кихота, намѣреніи продолжать свои рыцарскіе подвиги. Баккалавръ обѣщалъ быть въ этомъ отношеніи нѣмымъ, какъ рыба, и распростился съ Донъ-Кихотомъ, который началъ обсуждать съ Санчо приготовленія къ ихъ новому выѣзду.

ГЛАВА V,

въ которой приводится остроумная бесѣда Санчо Панцы съ его женою Терезою и другія достойныя описанія событія.

Приступая къ переложенію пятой главы этой правдивой исторіи, переводчикъ говоритъ, что находитъ ее апокрифической, такъ какъ въ ней Санчо объясняется такимъ языкомъ, который совсѣмъ несвойственъ ему. Несмотря на это, переводчикъ счелъ своею обязанностью передать и эту главу съ буквальною точностью, какъ и всѣ остальныя.

Приведемъ и мы ее цѣликомъ.

Санчо возвратился домой такимъ радостнымъ и оживленнымъ, что его жена сейчасъ же замѣтила прекрасное настроеніе мужа и спросила:

— Чему ты такъ обрадовался, Санчо?

— Жена, — скромно отвѣтилъ Санчо, — я былъ бы очень доволенъ, если бы Богъ избавилъ меня отъ той радости, которою я переполненъ.

— Что за чушь ты городишь? — недоумѣвала Тереза. — Не понимаю, какъ это можно быть довольнымъ тѣмъ, когда Богъ избавляетъ отъ радости. Какъ я ни глупа, по-твоему, а все-таки никогда не стала бы просить Бога избавить меня отъ радости...

— Видишь ли, въ чемъ дѣло, Тереза,—перебилъ Санчо,—я радуюсь тому, что рѣшился продолжать службу у сенора Донъ-Кихота, который хочетъ выѣхать въ третій разъ на поиски приключеній. Я рѣшилъ ѣхать опять съ нимъ, потому что меня вынуждаетъ къ этому моя бѣдность и надежда найти по дорогѣ другую сотню золотыхъ, которые намъ съ тобою были бы не лишніе. Вотъ, надежда-то на эту находку и радуетъ меня, а не будь этой радости, мнѣ не пришлось бы вторично покидать своего дома, тебя и дѣтей... Понимаешь ли ты теперь, почему я былъ бы благодаренъ Богу не имѣть этой радости? Если бы Богъ далъ мнѣ чѣмъ жить безбѣдно, не заставляя рыскать по медвѣжьимъ угламъ, — а это ничего не значило бы для Него, лишь бы только Онъ пожелалъ, — тогда я преспокойно остался бы здѣсь и, конечно, былъ бы очень радъ. Теперь же моя невольная радость смѣшана съ горемъ, по случаю того, что я долженъ разстаться со своимъ гнѣздомъ и со своимъ милымъ семействомъ.

— Знаешь что, Санчо, съ тѣхъ поръ, какъ ты началъ путаться со странствующимъ рыцарствомъ, у тебя ничего не поймешь, что говоришь, — возразила Тереза.

— Богъ меня понимаетъ, и этого для меня вполнѣ довольно, жена. А если ты не можешь понять—и не понимай, мнѣ все равно. Ты вотъ только хорошенько приготовь Длинноуха къ походу. Корми его, какъ слѣдуетъ, и смотри, чтобы у него сбруя была въ порядкѣ... Мы на этотъ разъ собираемся объѣхать весь свѣтъ, и будемъ воевать съ великанами, вампирами и всяческою нечистью. Я бы только желалъ, чтобы намъ опять не встрѣчаться съ заколдованными маврами да бѣшеными погонщиками муловъ: съ ними хуже всего справляться. Мнѣ ужъ отъ нихъ такъ доставалось, что мои бока до сихъ поръ помнятъ эти встрѣчи.

— Да, видно, не сладкій хлѣбъ ѣдятъ странствующіе оруженосцы,— со вздохомъ произнесла Тереза.—Дай Богъ тебѣ, муженекъ, скорѣе разбогатѣть и бросить это непутевое занятіе!

— Вотъ за это пожеланіе спасибо тебѣ, жена,—съ чувствомъ сказалъ Санчо.—Повѣрь мнѣ, если бы я не надѣялся навѣрняка сдѣлаться губернаторомъ острова, то лучше бы повѣсился, чѣмъ вторично итти на такія муки, какія я уже претерпѣлъ!

— Эхъ, Санчо, да на что тебѣ въ самомъ дѣлѣ это дурацкое губернаторство! Безъ губернаторства ты родился, безъ него прожилъ до сихъ поръ и безъ него же умрешь, когда будетъ угодно Богу... Не всѣ же губернаторы, а живутъ, слава Богу! Лучшая приправа къ ѣдѣ—голодъ, а такъ какъ ея всегда довольно у бѣдняковъ, то и выходитъ, что они ѣдятъ лучше всѣхъ... А въ случаѣ Богъ пошлетъ тебѣ губернтора-

ство, — смотри не забудь жены съ дѣтьми! Нашему маленькому Санчо скоро пойдетъ пятнадцатый годъ; пора подумать о томъ, какъ бы отдать его въ школу. Дядя обѣщаетъ со временемъ сдѣлать изъ него священника. Дочка наша тоже подрастаетъ и начинаетъ заглядываться на молодыхъ людей. Надо готовить ей приданое, а то она либо насидится въ старыхъ дѣвкахъ, либо устроить что-нибудь такое...

— Какъ только сдѣлаюсь губернаторомъ, то выдамъ ее замужъ за такого вельможу, что ее будутъ величать не иначе, какъ сенорой! — перебилъ Санчо.

— По моему глупому разумѣнію, ее лучше выдать за ровню, — возразила Тереза. — Что толку, если ты надѣнешь на нее шелковыя платья да бархатные башмачки, шитые золотомъ, когда она не умѣетъ ходить въ нихъ? Какая изъ нея можетъ быть сенора, когда она не знаетъ, какъ говорить и вести себя по-сенорски?

— Молчи, дура! — прикрикнулъ Санчо. — Лишь бы почетъ ей былъ сенорскій, остальное не такъ важно.

— Охъ, Санчо, завираешься ты, какъ я вижу! Помни, что выше лба уши не растутъ... Видала я примѣры, когда благородные сеноры женились на крестьянкахъ, а потомъ всю жизнь и попрекали ихъ за грубость и необразованность... Ты только заботься достать денегъ на приданое дочери, а выборъ ей жениха ужъ предоставь мнѣ. У меня и сейчасъ есть одинъ на примѣтѣ: Лопе Точо, сынъ Хуана Точо, парень здоровый, работящій и почтительный. Онъ не прочь будетъ жениться на нашей Марьѣ, да и я желала бы имѣть его зятемъ. Онъ человѣкъ свой, издѣваться надъ нашею дочерью не будетъ, тѣмъ болѣе что и жить съ ней будетъ у насъ на глазахъ... Вообще, нечего тебѣ и думать отдавать ее на сторону, — тамъ она пропадетъ безъ насъ. Какъ мать, я никогда этого не допущу и увѣрена, что не будетъ на это и Божьяго благословенія.

— Деревенщина ты нескладная, вотъ что! — крикнулъ Санчо. — Какъ смѣешь ты отказываться отъ счастія для насъ и нашихъ дѣтей? Ты подумай только: разъ я буду губернаторомъ, то развѣ можно мнѣ будетъ выдать свою дочь за бѣднаго неотесаннаго мужика? Вѣдь тогда ты и сама будешь другая, чѣмъ теперь: станешь богато одѣваться, держать прислугу, сидѣть въ церкви на подушкахъ, съ ковромъ подъ ногами, разъѣзжать въ стеклянныхъ каретахъ... всѣ будутъ величать тебя донною Терезою Панца... Ну, а дочь наша должна быть по меньшей мѣрѣ графиней. Поняла?

— Если ты хочешь непремѣнно дурить, такъ дури; дѣлай изъ нея хоть герцогиню или принцессу, но только моего согласія и благословенія

на это не будетъ, такъ ты и помни! — упорствовала Тереза. — Сама я выше своего званія не желаю лѣзть и дѣтей своихъ не хочу видѣть выше себя... Звали меня въ дѣвушкахъ Терезою Каскахо, а потомъ стали звать Терезою Панца; я этимъ вполнѣ довольна и никакихъ прибавленій къ моему честному имени мнѣ не нужно... Я вовсе не желаю ни одѣваться ни жить по-графски. Не хочу, чтобы люди про меня говорили: «Ишь, вѣдь, разрядилась ворона въ павлиньи перья да и носъ задрала! Точно мы не знаемъ, что она всю жизнь навозъ возила!..» Пока я еще не совсѣмъ одурѣла, я ни за что не согласна выставлять себя на смѣхъ, сохрани меня Богъ отъ этого... А ты устраивайся себѣ, какъ знаешь, хоть королемъ сдѣлайся, коли охота есть; тебѣ я не указъ и не помѣха ни въ чемъ, что касается лично тебя. Но насъ съ дочерью оставь въ покоѣ. Клянусь тебѣ костями моихъ родителей, что ни я ни Марья шагу не выйдемъ изъ своей деревни, и какъ были крестьянками, такъ ими и останемся!...

— Да замолчишь ли ты наконецъ? — закричалъ выведенный изъ себя Санчо, подступая къ женѣ со сжатыми кулаками. — Кто послушаетъ со стороны, подумаетъ, что я хочу дочери зла, и ты за нее заступаешься противъ тирана-отца. Точно я говорилъ, что хочу заставить ее броситься внизъ головой съ колокольни или по крайней мѣрѣ ходить по міру!.. И откуда ты, чортова дура, взяла, что люди станутъ смѣяться надъ вами, когда вы будете богатыми госпожами? Уважать, въ почетѣ держать будутъ васъ, лебезить передъ вами, а не смѣяться! Понимаешь?.. Когда же ты слыхивала, чтобы насмѣхались надъ богатыми господами?

— Надъ тѣми, которые сроду были богатыми господами, конечно, никто не смѣется, Санчо, а тѣмъ, которые изъ бѣдныхъ навозниковъ попали въ господа, проходу не даютъ.

— Врешь ты все, глупая баба! Послушала бы ты, что проповѣдывалъ въ послѣднее воскресенье пріѣзжій священникъ, такъ не молола бы зря, что придетъ на дурацкій умъ. Онъ говорилъ, что на людей больше всего производитъ впечатлѣніе то, что они видятъ передъ своими глазами, а прошлое скоро забывается. Поэтому, когда мы видимъ человѣка хорошо одѣтаго, покрытаго бархатомъ и золотомъ и окруженнаго слугами, то невольно съ полнымъ почтеніемъ преклоняемся передъ нимъ. А если и вспомнимъ, что когда-то видѣли этого самаго человѣка въ бѣдности и низкомъ положеніи, то смотримъ на это какъ на пустой сонъ, потому что силу имѣетъ только настоящее, а не прошедшее. (Не даромъ переводчикъ находилъ эту главу апокрифической: едва ли Санчо былъ способенъ такъ хорошо понять и запомнить рѣчь проповѣдника).

И когда,— продолжалъ Санчо, приводя слова проповѣдника — человѣкъ, возведенный Божіей милостью изъ низкаго состоянія на вершину богатства и власти, бываетъ добръ и снисходителенъ къ своимъ бывшимъ товарищамъ по положенію и не дерзитъ тѣмъ, которые родились благородными, то всѣ будутъ его уважать, и никто не станетъ припоминать, кѣмъ онъ былъ прежде, развѣ только одни завистники, которые точатъ свои ядовитыя змѣиныя жала даже на лицъ коронованныхъ...

— Ну, коли ужъ священникъ такъ сказалъ, то я перечить тебѣ болѣе не буду, — сдалась наконецъ Тереза. — И ежели ты держишь такую намѣренность...

— «Такую намѣренность»! — передразнилъ Санчо. — Развѣ такъ говорятъ, дура?! Такое намѣреніе, а не «намѣренность».

— Каждый говоритъ такъ, какъ его научилъ Богъ, и если Онъ одного научилъ хуже, а другого лучше, то это ужъ Его святая воля,— возразила Тереза. — Я хотѣла сказать, что если ты непремѣнно хочешь сдѣлаться губернаторомъ, я мѣшать тебѣ не буду. Возьми только тогда къ себѣ сына Санчо, чтобы пріучить его заранѣе къ своему дѣлу...

— Объ этомъ я раньше ужъ самъ подумалъ, жена,— смягчившимся тономъ сказалъ Санчо.—Какъ только сдѣлаюсь губернаторомъ, сейчасъ же пришлю тебѣ денегъ, чтобы ты могла одѣть его какъ слѣдуетъ... Мнѣ тогда сколько угодно дадутъ денегъ взаймы, если не будетъ своихъ. Я даже, пожалуй, пришлю за нимъ почту, которая и привезетъ его ко мнѣ. А потомъ я позабочусь и о тебѣ съ дочкой: обѣ будете у меня госпожами!

— Охъ, Санчо, чуетъ мое сердце, — не къ добру мы, вороны, залетимъ въ чужія хоромы!.. Да ужъ пусть будетъ по-твоему... Женщины на то и созданы, чтобы слушаться отцовъ и мужей, хотя бы тѣ и были набитыми дураками, — такимъ скорбно-покорнымъ тономъ проговорила будущая губернаторша, точно Санчо приказалъ ей съ дочерью готовиться къ смертной казни.

ГЛАВА VI,

о томъ, что произошло у Донъ-Кихота съ его племянницей и домоправительницей.

Племянница и экономка Донъ-Кихота, хорошо изучивъ его характеръ, вскорѣ, по нѣкоторымъ признакамъ, догадались, что рыцарь снова задумалъ покинуть ихъ, чтобъ опять приняться за игру въ странствующіе рыцари. Обѣ всѣми силами старались отговорить гидальго отъ его безумнаго намѣренія, но онъ, ничего не желая и слушать, упорно стоялъ на своемъ.

Наконецъ экономка энергично сказала ему:

— Вотъ что, ваша милость: если вы опять начнете шататься по большимъ дорогамъ, то мы—честное слово—пожалуемся на васъ и Богу и королю, чтобы васъ наконецъ уняли и заставили сидѣть дома, какъ слѣдуетъ приличному господину.

— Не знаю, что отвѣтятъ вамъ Богъ и король, — спокойно произнесъ Донъ-Кихотъ, — но увѣряю тебя, что если бы я былъ королемъ, то не сталъ бы даже и слушать такихъ дерзкихъ жалобщиковъ, которые лѣзутъ безпокоить королей подобными безразсудными жалобами.

— У всякаго свои обязанности, — резонно замѣтила домоправительница: — не избавленъ отъ нихъ и король... А вы мнѣ лучше вотъ что скажите, ваша милость: бываютъ при дворѣ рыцари?

— Конечно, бываютъ, — отвѣчалъ Донъ-Кихотъ. — Они поддерживаютъ величіе трона и блескъ короны.

— Въ такомъ случаѣ отчего же вы не поступите ко двору, вмѣсто того, чтобы быть странствующимъ рыцаремъ и подвергать себя разнымъ непріятностямъ?

— Сразу видно, что ты не понимаешь, о чемъ говоришь, — съ снисходительною улыбкой сказалъ Донъ-Кихотъ. — Я объясню тебѣ въ чёмъ дѣло. Видишь ли, не всѣ рыцари могутъ быть придворными, и не всѣ придворные могутъ быть странствующими рыцарями. Всякому свое мѣсто. Хотя мы всѣ — рыцари, но между нами большая разница. Придворнымъ не для чего выходить изъ дворца, чтобы имѣть возможность прогуливаться по всему міру; для этого имъ стоитъ только развернуть передъ собою географическія карты и водить по нимъ пальцами, не подвергаясь никакимъ опасностямъ, не страдая отъ холода и зноя, отъ голода и жажды. Но странствующіе рыцари, къ числу которыхъ имѣю честь и счастіе принадлежать и я, призваны измѣрять землю или собственными ногами, или ногами своихъ коней и терпѣть отъ всѣхъ невзгодъ, какими такъ богата жизнь всѣхъ, посвятившихъ себя на безкорыстное служеніе человѣчеству. И мы знакомимся съ врагами не по картинкамъ, а въ дѣйствительности. Вступая въ бой, мы не занимаемся ребячествомъ, какъ придворные при своихъ дуэляхъ: не спрашиваемъ, какой длины, ширины или какого вообще рода оружіе врага, не освѣдомляемся, нѣтъ ли у врага талисмана или тому подобнаго предмета, съ которымъ связано какое-нибудь суевѣріе, не измѣряемъ мѣста встрѣчи шагами, не ставимъ барьеровъ, — словомъ, не исполняемъ всѣхъ тѣхъ глупыхъ обычаевъ, которыми забавляются придворные франты, а приступаемъ прямо къ дѣлу, безъ всякихъ разсужденій; скажу тебѣ кстати,

что странствующій рыцарь никогда не растеряется, если бы даже вдругъ, совершенно неожиданно увидалъ предъ собою десять великановъ, достигающихъ головою не только облаковъ, но и самой тверди небесной и имѣющихъ ноги въ родѣ башенъ, руки длиною съ мачты большихъ кораблей, а глаза съ большой мельничный жерновъ, горящіе какъ плавильная печь... пожалуй, даже сильнѣе. Не чувствуя ни страха ни трепета и не задумываясь ни на одно мгновеніе, рыцарь бросается на нихъ и крошитъ ихъ въ мелкіе куски, хотя бы латы ихъ были сдѣланы даже изъ той рыбьей чешуи, которая тверже алмаза, и они были бы вооружены дамасскими клинками или желѣзными палицами со стальными наконечниками, какія я видѣлъ нѣсколько разъ... Понимаешь ты теперь разницу между рыцарями придворными и странствующими? Прими во вниманіе еще и то, что сами короли отдаютъ преимущество рыцарямъ странствующимъ, такъ какъ между ними бывали герои, которые спасали государства. Вообще, если бы не было странствующихъ рыцарей, то и самый міръ давно погибъ бы...

— Но позвольте, дядя, — рѣшилась наконецъ перебить расходившагося оратора племянница, — вѣдь во всемъ томъ, что вы говорите о странствующихъ рыцаряхъ, нѣтъ ни одного слова правды. Начитались вы сказокъ о нихъ и воображаете, что это правда!.. Охъ, ужъ эти дурацкія сказки, которыя называются рыцарскими романами, повѣстями и исторіями! Будь моя воля, я бы заставила ихъ всѣ сжечь или, по крайней мѣрѣ, поставить на нихъ такую отмѣтку, чтобы сразу было видно, что это книги вредныя и развращающія.

— Ну, можешь возблагодарить Бога за то, что ты — моя племянница, дочь моей родной сестры, иначе я такъ проучилъ бы тебя за твой дерзкій отзывъ о рыцарскихъ книгахъ, что весь міръ ужаснулся бы! — въ сильнѣйшемъ гнѣвѣ вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Какъ только повернулся у тебя, негодной дѣвчонки, языкъ сказать такую святотатственную клевету!.. Что бы сдѣлалъ великій Амадисъ, если бы онъ услыхалъ что-нибудь подобное?.. Впрочемъ, онъ простилъ бы тебя, такъ какъ это былъ самый кроткій, снисходительный и скромный изъ всѣхъ странствующихъ рыцарей и ярый защитникъ молодыхъ дѣвушекъ. Но тебя могъ бы услышать кто-нибудь другой, и тогда тебѣ не сдобровать бы, потому что не всѣ рыцари благовоспитаны и галантны; между ними есть и такіе грубіяны, что не приведи Господи! Какъ не все то золото, что блеститъ, такъ и не всѣ тѣ настоящіе рыцари, которые носятъ это званіе. Существуетъ два сорта людей: одни, родившись холопами, пыжатся изо всѣхъ силъ, чтобы походить на дворянъ, а другіе, родившись дворянами, лѣзутъ изъ кожи, чтобы казаться холопами.

Первые поднимаются, благодаря своимъ добродѣтелямъ, между тѣмъ какъ послѣдніе опускаются вслѣдствіе своихъ пороковъ или лѣни. Требуется большая опытность для того, чтобы сразу умѣть различать между рыцарями людей того или другого сорта, такъ похожихъ по названію, но не имѣющихъ ничего общаго по своимъ дѣйствіямъ.

— Пресвятая Дѣва! — воскликнула нисколько не смутившаяся племянница. — Какъ это вы, дядя, такой ученый и умный, что могли бы быть магистромъ, ухитрились вдаться въ такое ослѣпленіе! Неужели вы, несмотря на свою слабость, болѣзнь и старость, серьезно воображаете, что вы настолько сильны, здоровы и молоды, что въ состояніи спасти весь міръ своею храбростью и силою рукъ? А главное, какъ можете вы вообразить себя рыцаремъ, когда вы хотя и гидальго, но бѣдный, а вѣдь бѣдный, извѣстно, никакъ не можетъ быть рыцаремъ?

— Ты говоришь такъ, потому что многаго не понимаешь, племянница, — возразилъ успокоившійся Донъ-Кихотъ. — Снисходя къ твоей молодости и неопытности, я прощаю тебѣ твои глупыя разсужденія и постараюсь растолковать тебѣ въ чемъ дѣло... Слушай кстати и ты, моя вѣрная, хотя тоже не разумная домоправительница. Людей можно раздѣлить на четыре категоріи: одни начали очень скромно, но постепенно поднялись до значительной высоты; другіе съ самаго начала стояли высоко, они такъ и остались въ неизмѣнномъ положеніи; третьи, построенные на широкомъ основаніи, постепенно сошли почти на-нѣтъ, какъ пирамиды, которыя снизу широки, но понемногу все суживаются, пока вершина ихъ не кончается точкою; наконецъ, четвертые, — которыхъ больше всѣхъ остальныхъ, — живутъ и плодятся на землѣ, ни о чемъ не думая; это — плебеи. Примѣромъ первыхъ можетъ служить царствующій оттоманскій домъ, который основанъ простымъ пастухомъ. Примѣрами вторыхъ могутъ быть принцы по рожденію, которые передаютъ свое положеніе и права по наслѣдству и остаются въ однѣхъ и тѣхъ же границахъ, не выходя изъ предѣловъ своего государства. Примѣровъ третьихъ, начавшихъ широко, а кончившихъ узко, могу насчитать тысячами, потому что всѣ эти египетскіе фараоны и Птоломеи, римскіе цезари и безконечное множество монарховъ и правителей мидійскихъ, ассирійскихъ, персидскихъ, греческихъ и варварскихъ сошли на-нѣтъ, такъ что теперь невозможно найти ни одного ихъ потомка, развѣ только въ самомъ жалкомъ состояніи. О плебеяхъ нечего сказать, кромѣ того, что они живутъ и увеличиваютъ собою число народонаселенія. Въ этомъ вся ихъ и заслуга. Въ сущности, великими и благородными могутъ считаться только тѣ люди, которые отличаются, кромѣ древ-

ности рода и высокаго положенія, еще и добродѣтелями, богатствомъ и щедростью. Въ самомъ дѣлѣ, если кто изъ великихъ міра порочен, то все величіе его и будетъ состоять въ порокахъ, а если онъ, будучи богатъ, не окажется щедрымъ, то можетъ быть названъ скупымъ нищимъ, такъ какъ только тотъ истинно богатъ, кто умѣетъ съ пользою расходовать свое богатство. Моты не принимаются въ расчетъ: о нихъ разговоръ другой. Настоящій дворянинъ, хотя и бѣдный, можетъ доказать свое дворянство тѣмъ, что онъ будетъ снисходителенъ, вѣжливъ, скроменъ, услужливъ, не спесивъ, не наглъ, не хвастливъ; сверхъ того онъ всегда будетъ щедръ, потому что, давая отъ души хоть грошъ человѣку еще болѣе бѣдному, чѣмъ онъ самъ, онъ сдѣлаетъ гораздо больше того богача, который броситъ сотню золотыхъ такъ, чтобы всѣ видѣли это и разблаговѣстили по всему свѣту. Истинно благородный человѣкъ не можетъ быть недобродѣтельнымъ, поэтому всѣ чувствуютъ къ нему полное уваженіе, несмотря на его бѣдность. Есть, однако, два пути, которыми и бѣдные люди могутъ достичь богатства и славы: это путь науки и путь оружія. Я болѣе склоненъ къ оружію, и думаю, что родился подъ вліяніемъ планеты Марса. А разъ я чувствую призваніе къ военному поприщу, разъ я предназначенъ къ нему самимъ Небомъ, то вы напрасно будете стараться отвратить меня отъ этого; удержать меня отъ того, къ чему влекутъ меня моя судьба, мой разсудокъ и моя воля, никто не въ состояніи. Я понимаю, съ какими страшными трудами сопряжено дѣло, которому я посвятилъ себя, но знаю также, сколько изъ него вытекаетъ благъ. Я знаю, что тропинка добродѣтели узка и терниста, а путь порока широкъ и удобенъ. Знаю и то, что тропинка добродѣтели не рѣдко ведетъ къ погибели, а путь порока—къ наслажденію. Знаю, наконецъ, и то, что нашъ великій кастильскій поэтъ [1]) говоритъ правду въ слѣдующихъ словахъ: «Узки тропы, по которымъ пробираются къ престолу безсмертія, на которомъ возсѣдаютъ вѣчно».

— Боже мой, да вы, дядя, ужъ и стихами заговорили! — воскликнула племянница, всплеснувъ руками.—Кажется, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы вы не знали и не умѣли... Я думаю, вамъ и домъ выстроить собственноручно легче, чѣмъ другому сдѣлать клѣтку!

— Это ты сказала вѣрно, племянница, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ:— если бы всѣ мои пять чувствъ не были поглощены рыцарствомъ, я бы могъ сдѣлать все, что угодно. А что касается птичьихъ клѣтокъ и зубочистокъ, такъ никто ихъ лучше меня не сдѣлаетъ.

[1]) Гарсиласо де-ла-Вега. Приводимая цитата взята изъ его стихотворенія, посвященнаго герцогу д'Альба по случаю смерти его брата, дона Бернардо Толедскаго.

Въ это время послышался стукъ въ дверь. На вопросъ домоправительницы: кто тамъ?—послышался отвѣтъ:

— Это я—Санчо!

Ненавидѣвшая его отъ всей души экономка поспѣшила скрыться, между тѣмъ какъ Донъ-Кихотъ крикнулъ своему вѣрному оруженосцу, чтобы тотъ вошелъ. По знаку дяди ушла и племянница. Донъ-Кихотъ, оставшись вдвоемъ съ Санчо, вступилъ съ нимъ въ бесѣду, не менѣе интересную, чѣмъ были предыдущія.

ГЛАВА VII.

О чемъ толковали Донъ-Кихотъ съ Санчо Панцою, и объ другихъ интересныхъ событіяхъ.

Догадавшись, что ея хозяинъ хочетъ окончательно уговориться съ Санчо относительно новыхъ рыцарскихъ поѣздокъ, экономка побѣжала къ Самсону Караско, чтобы просить его, въ качествѣ хорошаго говоруна, постараться отвлечь Донъ-Кихота отъ его безумнаго намѣренія.

Она нашла молодого человѣка прогуливающимся по обширному двору отцовскаго дома. Подойдя къ нему, запыхавшаяся, красная и въ слезахъ, она упала ему въ ноги и завопила:

— Сеноръ, спасите насъ, спасите, ради Бога!

— Что такое случилось? Отъ чего васъ спасти?—спрашивалъ Самсонъ, спѣша поднять на ноги старую дѣву.

— Мой господинъ хочетъ въ третій разъ бѣжать отъ насъ,—отвѣчала экономка, въ отчаяніи ломая руки.

— Куда же и зачѣмъ онъ хочетъ бѣжать?—продолжалъ спрашивать баккалавръ, притворяясь, что ему ничего неизвѣстно о томъ, что задумалъ Донъ-Кихотъ.

— Хочетъ опять рыскать по всему свѣту за поисками своихъ дурацкихъ рыцарскихъ приключеній,—ныла почтенная дѣва.—Два раза уже онъ потихоньку уѣзжалъ отъ насъ за этими приключеніями и такъ наприключался, что первый разъ его привезли къ намъ еле живого, всего избитаго, а во второй разъ доставили его въ клѣткѣ, точно дикаго звѣря. Онъ воображалъ себя заколдованнымъ плѣнникомъ и былъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что родная мать не узнала бы его. Кромѣ костей да кожи, на немъ ничего не было, а глаза совсѣмъ провалились было подъ лобъ. Насилу откормила я его хоть немножко. Однихъ яицъ извела на него пятьдесятъ дюжинъ. Бѣдныя куры едва успѣвали нестись; измучились, бѣдняжки!.. Можетъ-быть, вы не вѣрите, сеноръ Самсонъ...

— О, вполнѣ вѣрю каждому вашему слову! — поспѣшилъ заявить баккалавръ. — Очень жалѣю вашихъ куръ, хотя онѣ, мнѣ кажется, и созданы главнымъ образомъ на то, чтобы нести яйца... Ну, а болѣе ничего не случилось? Никакой другой опасности не угрожаетъ сенору Донъ-Кихоту?

— Нѣтъ, сеноръ. Но развѣ этого мало?

— Пустяки!.. Идите себѣ съ миромъ домой и читайте по дорогѣ молитву святой Аполлины, если знаете ее. Я приду вслѣдъ за вами и поговорю съ Донъ-Кихотомъ. Устрою такія чудеса, что вы только ротъ разинете.

— Но съ какой же стати я буду читать молитву святой Аполлины, когда у моего господина болятъ не зубы, а онъ страдаетъ мозгомъ? — съ изумленіемъ возразила экономка.

— Разъ я вамъ велю читать эту молитву, то, стало-быть, я знаю лучше васъ, зачѣмъ это нужно. Не забывайте, что я — баккалавръ саламанкскаго университета, и со мной спорить не приходится, — съ достоинствомъ произнесъ Самсонъ.

Экономка почтительно поклонилась и ушла, а молодой человѣкъ направился къ священнику съ цѣлью потолковать съ нимъ кое-о-чемъ, что послѣ будетъ извѣстно читателю.

Между тѣмъ Донъ-Кихотъ, запершись со своимъ оруженосцемъ, велъ съ нимъ слѣдующую бесѣду, сохраненную намъ исторіей до мельчайшихъ подробностей.

— Ваша милость, — началъ Санчо, — я довезъ-таки свою жену до того, что она согласилась отпустить меня съ вами, куда вамъ будетъ угодно.

— Въ этихъ случаяхъ говорятъ «довелъ», а не «довезъ», — поправилъ Донъ-Кихотъ.

— Ахъ ты, Господи! Сколько разъ я ужъ просилъ вашу милость не оговаривать моихъ словъ, коли вы ихъ понимаете, а ежели не поймете, то просто сказать: «Санчо, чортъ ты этакій, говори яснѣе, я тебя не понимаю!..» Если я и тогда не сумѣю объясниться, то можете оговорить меня, потому что я человѣкъ покладливый.

— Санчо, говори яснѣе, я тебя не понимаю, — сейчасъ же въ тонъ оруженосцу сказалъ Донъ-Кихотъ. — Что значитъ «покладливый»?

— «Покладливый-то»?.. Это значитъ, что такой... ну, такой, какой есть, — разъяснилъ Санчо.

— Это я еще меньше могу понять, — проговорилъ рыцарь.

— Ну, если вы меня не понимаете, то я ужъ и не знаю, какъ еще и говорить, убей меня Богъ! — воскликнулъ Санчо, разводя своими толстыми руками.

— Догадался, догадался! — вскричалъ Донъ-Кихотъ: — ты хочешь сказать, что ты человѣкъ послушный, кроткій, готовый во всемъ слѣдовать моимъ указаніямъ... Такъ вѣдь?

— Я думаю, вы и сразу поняли меня, а только хотѣли заставить меня лишній разъ поработать языкомъ, — догадался въ свою очередь Санчо.

— Можетъ-быть, — согласился Донъ-Кихотъ. — Но ты еще не сообщилъ мнѣ, что говоритъ Тереза насчетъ нашей новой поѣздки.

— Тереза говоритъ, что мы съ вами такъ хорошо сцѣпились, что расцѣпиться больше не можемъ. Потомъ она говоритъ, что когда заговорила бумага, языку приходится молчать, что синица въ рукѣ лучше журавля въ небѣ... А я говорю, что дуракъ тотъ... кто не слушается совѣта своей бабы, хотя бы и глупой.

— Это и я говорю, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Продолжай, другъ Санчо. У тебя сегодня золотыя уста.

— Ваша милость, конечно, знаетъ не хуже моего, что мы всѣ люди смертные: сегодня живы, а завтра — поминай какъ звали! Никто не можетъ прожить болѣе того, сколько ему положено Господомъ Богомъ. Смерть глуха и тупа. Когда она стучитъ къ кому въ дверь, ее ничѣмъ не умолишь и не прогонишь. Она ни предъ чѣмъ не останавливается: ни передъ митрами ни передъ скипетрами, какъ слышно въ народѣ и какъ иногда говорятъ намъ съ церковныхъ каѳедръ.

— Все это безусловно вѣрно. Но я все-таки не пойму, куда ты мѣтишь, Санчо? — промолвилъ Донъ-Кихотъ.

— Я говорю о томъ, чтобы ваша милость положили мнѣ настоящее жалованье, — отвѣчалъ оруженосецъ. — Назначьте мнѣ сколько-нибудь въ мѣсяцъ и сдѣлайте такъ, чтобы въ случаѣ чего мнѣ было бы все выплачено сполна, безъ всякихъ споровъ... Я хочу просить вашу милость обезпечить мое жалованье вашимъ имуществомъ. Неравенъ часъ, мало ли что можетъ случиться съ вами... тогда канителься!.. Да и хотѣлось бы знать впередъ, на что я могу разсчитывать. Многаго я не требую, потому что знаю, что и отъ одной курицы можно получить много и что зернышкомъ по зернышку наполняется мѣра. А въ случаѣ ежели ваша милость дадите мнѣ островъ, который обѣщали (на что я, впрочемъ, не очень надѣюсь), то я ни слова не скажу, ежели вы захотите вычесть изъ доходовъ съ этого острова мое жалованье.

— Зачѣмъ же такъ? Это можно сдѣлать гораздо проще, Санчо: я тогда перестану платить тебѣ жалованіе, вотъ и все.

— Ну, хоть такъ, ваша милость. Я и на это согласенъ. Я вѣдь человѣкъ поклади... то бишь... какъ это по-вашему?.. Да, вспомнилъ!, — послушный.

— Ну, ты, послушный человѣкъ, теперь все сказалъ? — освѣдомился Донъ-Кихотъ.

— Кажись, все, ваша милость, — отвѣтилъ Санчо.

— Отлично. Я выслушалъ тебя, теперь выслушай и ты меня, не перебивая... Я проникъ въ самую глубину твоихъ мыслей и понялъ, во что ты мѣтилъ стрѣлами своихъ поговорокъ и разсужденій. Я съ удовольствіемъ назначу тебѣ опредѣленное жалованье, когда найду въ одной изъ рыцарскихъ книгъ указаніе — если и не прямое, то хоть косвенное — на то, какъ получали прежніе оруженосцы жалованье: помѣсячно или разъ въ годъ. Насколько я помню, странствующіе рыцари никогда не назначали своимъ оруженосцамъ никакого жалованья. Во всѣхъ книгахъ сказано, что оруженосцы служили безъ жалованья, полагаясь на милость господина, но зато, когда они всего менѣе ожидали, при поворотѣ колеса Фортуны въ пользу ихъ господина, получали вознагражденіе за свою вѣрную службу — островъ или что-нибудь въ родѣ этого... иногда даже цѣлое королевство. Такъ вотъ тебѣ мое рѣшеніе, Санчо: если ты согласенъ продолжать у меня службу попрежнему, разсчитывая не на опредѣленное жалованье, а на милость мою и Фортуны, то я буду очень радъ; а если же ты хочешь заставить меня дѣйствовать наперекоръ стариннымъ обычаямъ и постановленіямъ странствующаго рыцарства, то ты мнѣ не нуженъ. Ступай назадъ къ своей Терезѣ и передай ей это мое послѣднее слово. Такъ какъ ты не хочешь быть дуракомъ, то и слушайся ея совѣта. Отговоритъ она тебя служить у меня на прежнихъ условіяхъ — плакать не буду. Было бы болото, а лягушки найдутся. Былъ бы кормъ въ голубятнѣ, — за голубями дѣло не станетъ. Помни только, мой другъ, что лучше добрая надежда, чѣмъ плохое безнадежіе... Видишь, и я не хуже тебя умѣю сыпать поговорками и пословицами. Ну, теперь иди съ Богомъ! Если не захочешь болѣе дѣлить со мною мою судьбу, желаю тебѣ всего хорошаго, а себѣ поищу другого оруженосца, болѣе преданнаго и безкорыстнаго и менѣе неуклюжаго и болтливаго, чѣмъ ты.

Санчо былъ увѣренъ, что Донъ-Кихотъ ни за что безъ него не отправится въ новый походъ, и совершенно растерялся, услыхавъ изъ собственныхъ устъ гидальго, что тотъ за нимъ вовсе и не гонится. У бѣднаго толстяка почернѣло въ глазахъ и точно что оборвалось въ груди. Руки его судорожно мяли шляпу, онъ тяжело переступалъ съ ноги на ногу и широкимъ ртомъ ловилъ воздухъ, какъ рыба, выброшенная на берегъ.

Пока онъ стоялъ въ такомъ жалкомъ положеніи, снова явился Самсонъ Караско. За молодымъ человѣкомъ, которому собственноручно

отперъ Донъ-Кихотъ, въ комнату вошли племянница и экономка, желавшія послушать, какъ баккалавръ примется отговаривать Донъ-Кихота отъ его безразсудной затѣи.

Опять преклонивъ передъ старымъ гидальго колѣни, Самсонъ, всегда готовый позубоскалить, воскликнулъ патетическимъ голосомъ:

— О, цвѣтъ странствующаго рыцарства! О, незатмеваемая звѣзда военной славы! О, зеркало и честь испанскаго народа! Молю Бога Вседержителя, чтобы особы, желающія воспрепятствовать твоему третьему походу, никогда бы не могли найти исхода изъ лабиринта своихъ желаній и чтобы имъ никогда не удавалось того, чего онѣ домогаются!

Затѣмъ, обратившись къ домоправительницѣ, онъ продолжалъ:

— Вы можете болѣе не читать молитвы святой Аполлины, такъ какъ мнѣ сообщено свыше, что сенору Донъ-Кихоту предназначено выполнить свое великое, славное назначеніе. Я страшно обременилъ бы свою совѣсть, если бы сталъ убѣждать этого славнаго рыцаря отказаться отъ возложенной ему самимъ Небомъ великой миссіи исправленія несправедливостей, защиты вдовъ и сиротъ, униженныхъ и оскорбленныхъ и вообще — совершенія всего того, что входитъ въ кругъ обязанностей странствующаго рыцаря. Сильная рука сенора Донъ-Кихота нужна изнывающему отъ всяческой неправды человѣчеству, поэтому никто не имѣетъ права удерживать ее въ бездѣйствіи... Пусть ваше величіе,— обратился онъ снова къ Донъ-Кихоту, — отправится въ путь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и да благословитъ васъ Господь на совершеніе вашихъ великихъ подвиговъ! Если недостаетъ чего-нибудь для выполненія вашихъ замысловъ, то я готовъ предоставить вашему великолѣпію въ полное распоряженіе все свое имущество и самого себя. Быть-можетъ вы изволите нуждаться въ оруженосцѣ; въ такомъ случаѣ я счелъ бы за неизреченное счастіе принять на себя эту обязанность.

— Вотъ видишь, другъ мой, — проговорилъ Донъ-Кихотъ, обращаясь къ стоявшему съ разинутымъ ртомъ Санчо; — я вѣдь тебѣ сказалъ, что въ оруженосцахъ у меня недостатка не будетъ. Вотъ даже какое лицо добивается чести быть моимъ оруженосцемъ: самъ несравненный баккалавръ саламанкскаго университета, украшеніе и славу котораго онъ составляетъ, Самсонъ Караско! Онъ молодъ, здоровъ, ловокъ, скроменъ и молчаливъ; способенъ терпѣливо переносить холодъ и зной, голодъ и жажду и вообще обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы быть образцовымъ оруженосцемъ странствующаго рыцаря. Но сохрани меня Господи, чтобы я, ради удовлетворенія своего вкуса, позволилъ себѣ опрокинуть столбъ науки, сломать вазу ученой мудрости и вырвать съ корнемъ изъ родной почвы пальму изящныхъ искусствъ!

Нѣтъ, пусть новый Самисонъ, новый силачъ ума остается на своей родинѣ, пусть, самъ покрываясь безсмертною славой на великомъ поприщѣ науки, покроетъ ею и сѣдую голову своего отца! Я удовольствуюсь первымъ попавшимся оруженосцемъ, разъ Санчо Панца не желаетъ больше удостоивать меня своимъ сопутствіемъ.

— Анъ, вотъ и нѣтъ, ваша милость! — вскричалъ Санчо сквозь слезы. — Я лично очень желаю... Я не изъ неблагодарныхъ. Все наше село знаетъ, какіе хорошіе люди были мои предки. Я самъ отлично понимаю, по дѣламъ вашей милости и еще болѣе изъ вашихъ словъ, что вы меня не обидите; а ежели заговорилъ о жалованьѣ и началъ съ вами считаться, то это только въ угоду моей женѣ, которая до тѣхъ поръ не отстанетъ, пока не поставитъ на своемъ, хоть бы имѣла дѣло съ самимъ чортомъ. Но, конечно, баба такъ и должна остаться бабой, а мужчина — мужчиной. Пусть она поступаетъ по-бабьему, а я буду поступать по-мужскому, какъ бы она тамъ ни визжала. Пишите, ваша милость, духовное завѣщаніе со всѣми нужными примѣчаніями, и отправимся въ путь, когда вамъ будетъ угодно. Господинъ студентъ говоритъ, что безъ вашей помощи погибаютъ вдовы и сироты и кто-то тамъ еще... Ну, я не хочу быть причиною этихъ страданій и потому, чтобы вамъ зря не терять времени, пока найдется другой, болѣе подходящій чѣмъ я, оруженосецъ, заявляю вашей милости, что готовъ служить вамъ, какъ служилъ до сихъ поръ, т.-е. вѣрою и правдою, и какъ еще никогда не служилъ ни одинъ оруженосецъ странствующему рыцарю, даже самому Амадису Галльскому, котораго вы постоянно изволите поминать.

Слушая разглагольствованіе Санчо, баккалавръ рѣшилъ про себя, что слуга вполнѣ подходитъ къ господину и что никогда еще не бывало на землѣ двухъ такихъ забавныхъ сумасшедшихъ, какъ Донъ-Кихотъ и Санчо Панца.

Растроганный рыцарь всталъ и обнялъ своего вѣрнаго Санчо, который отъ этой ласки совершенно размякъ и въ эту минуту искренно готовъ былъ ради него въ огонь и въ воду. Господинъ и слуга принялись, совмѣстно съ баккалавромъ, ставшимъ въ ихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ оракула, рѣшать вопросъ относительно времени выѣзда. Послѣ долгихъ обсужденій назначили срокомъ для приготовленій въ походъ три дня. Самое большое затрудненіе для Донъ-Кихота состояло въ томъ, чтобы найти шлемъ съ забраломъ, какой ему непремѣнно хотѣлось имѣть. Къ счастію, Самсонъ припомнилъ, что одинъ изъ его пріятелей обладаетъ такимъ шлемомъ, и обѣщалъ выпросить этотъ шлемъ для Донъ-Кихота.

Видя, что баккалавръ перешелъ на сторону Донъ-Кихота, племянница и экономка положительно стали бѣсноваться. Онѣ рвали на себѣ

Но день насталъ, когда...

волосы, до крови раздирали ногтями лица, причитали надъ Донъ-Кихотомъ, точно плакальщицы, провожающія въ могилу мертвеца, и осыпали молодого ученаго потокомъ ругани и проклятій.

Поощренія Донъ-Кихота Самсономъ Караско явились плодомъ совѣщаній баккалавра съ священникомъ и цырюльникомъ, которые приду-

мали новый планъ для полнаго излѣченія своего друга отъ его сумасбродства.

Черезъ три дня, въ теченіе которыхъ Санчо успокоилъ свою жену, а Донъ-Кихотъ — племянницу и домоправительницу, и было пріобрѣтено все, что требовалось въ дорогу, нашъ доблестный рыцарь со своимъ оруженосцемъ поздно вечеромъ, такъ что никто ихъ не видѣлъ, выѣхали изъ своего села и направились къ Тобозо. Баккалавръ Самсонъ Караско взялся проводить ихъ часть пути. Донъ-Кихотъ важно возсѣдалъ на Россинантѣ, а Санчо — на своемъ Длинноухѣ, радуясь биткомъ набитой провизіей сумкѣ, привязанной къ сѣдлу, и карману, наполненному деньгами, данными ему Донъ-Кихотомъ «на всякій случай».

Когда начало совсѣмъ темнѣть, Самсонъ простился съ Донъ-Кихотомъ и Санчо, прося перваго сообщить ему какъ о своихъ успѣхахъ, такъ и о неудачахъ, чтобы онъ могъ радоваться первымъ и оплакивать послѣднія. Донъ-Кихотъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, и молодой человѣкъ повернулъ назадъ, оставивъ нашихъ искателей приключеній однихъ посреди большой дороги.

ГЛАВА VIII,

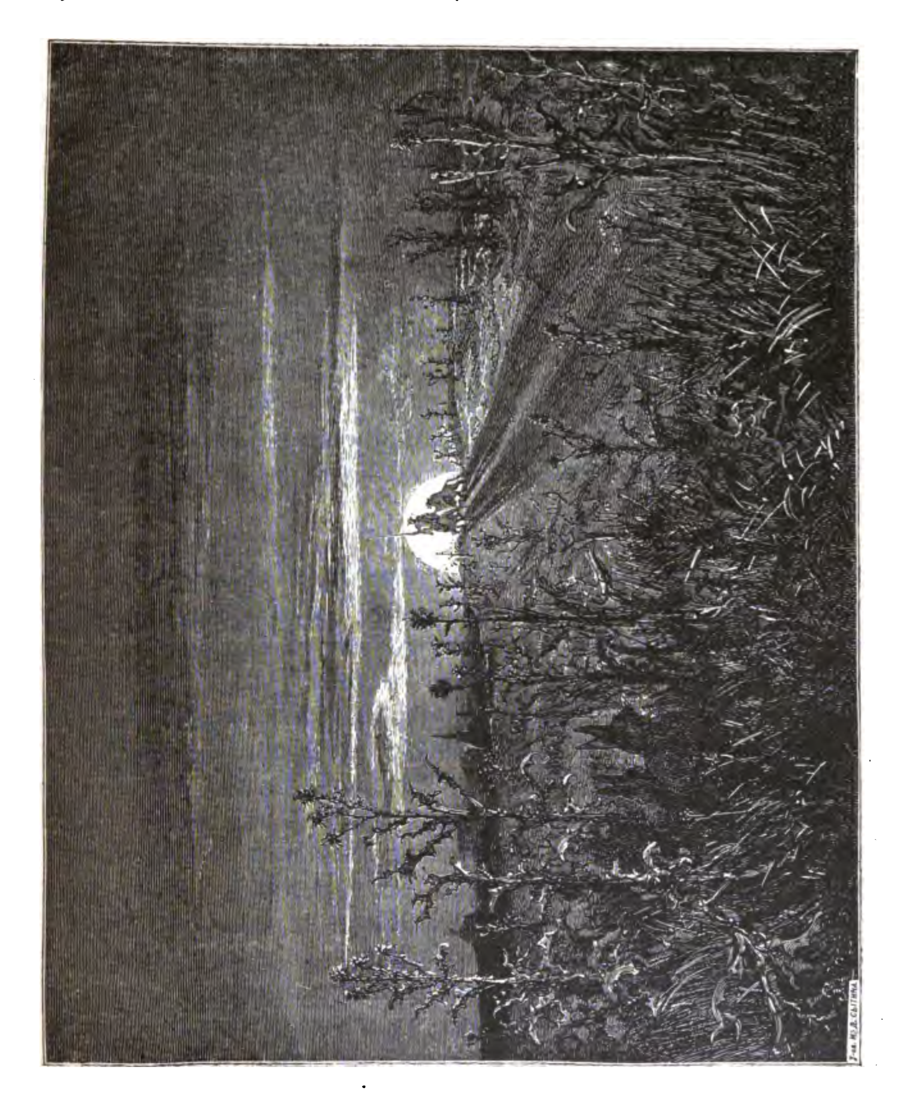
о томъ, что случилось съ Донъ-Кихотомъ въ то время, когда онъ отправился лицезрѣть даму своего сердца — Дульцинею Тобозскую.

«Слава всемогущему Аллаху!» — восклицаетъ Гаметъ Бенъ-Энгели въ началѣ восьмой главы этой книги и повторяетъ это восклицаніе три раза. Затѣмъ онъ добавляетъ, что онъ воздаетъ славу Богу за то, что опять видитъ Донъ-Кихота и Санчо Панцу соединенными, и поэтому можетъ надѣяться угодить читателямъ новыми описаніями подвиговъ Донъ-Кихота и чудачествъ Санчо. Прося читателей забыть все прошедшее и устремить всю силу своего вниманія только на настоящее, Бенъ-Энгели продолжаетъ свое повѣствованіе слѣдующимъ образомъ.

Только что успѣлъ скрыться изъ виду Самсонъ Караско, какъ конь Донъ-Кихота принялся громко ржать, а оселъ Санчо — аккомпанировать ему крикомъ; это было принято рыцаремъ и оруженосцемъ за хорошее предзнаменованіе. Санчо замѣтилъ, что его Длинноухъ заглушалъ голосъ Россинанта, и вывелъ изъ этого заключеніе, что судьба готовитъ ему, Санчо, бо́льшія милости, чѣмъ его господину. Что общаго между крикомъ застоявшихся въ конюшнѣ животныхъ, обрадованныхъ тѣмъ, что ихъ выпустили на свѣжій воздухъ, и будущностью нашихъ героевъ, я не понимаю, а поэтому не могу объяснить.

Донъ-Кихотъ, долгое время ѣхавшій молча, вдругъ обернулся къ своему оруженосцу и проговорилъ:

— Другъ Санчо, чѣмъ дальше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ ниже спускается на насъ ночь. Надѣюсь, что мы поспѣемъ въ Тобозо какъ

— Другъ Санчо, чѣмъ дальше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ ниже спускается на насъ ночь.

разъ къ разсвѣту. Я рѣшилъ не предпринимать ничего, не вдаваться ни въ какое приключеніе, пока не получу одобренія и благословенія несравненной Дульцинеи. Ничто такъ не возбуждаетъ мужество рыцарей, какъ одобреніе и поощреніе ихъ дамъ.

— Я этому вполнѣ вѣрю, — сказалъ Санчо. — Но боюсь, вамъ трудно будетъ увидаться наединѣ съ Дульцинеей и получить ея благословеніе такъ, чтобы никто этого не видалъ... Развѣ только она дастъ вамъ его черезъ заборъ птичьяго двора, на которомъ я ее видѣлъ въ тотъ разъ, когда ваша милость посылали меня къ ней съ письмомъ во время вашихъ любовныхъ безумствъ въ горахъ Сіерры-Морены.

— Съ ума что ли ты спятилъ, Санчо! Развѣ ты могъ видѣть несравненную Дульцинею на птичьемъ дворѣ? — съ негодованіемъ вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Этотъ цвѣтъ благородства и красоты могъ находиться только въ галлереяхъ и переходахъ своего роскошнаго дворца.

— Очень можетъ быть, ваша милость, — согласился Санчо. — Но только мнѣ-то эти галд... галун... или какъ ихъ тамъ? — показались заборомъ птичьяго двора.

— Ну, все равно, — рѣшилъ Донъ-Кихотъ, — увижу ли я ее черезъ заборъ птичьяго двора, или сквозь рѣшетку балкона, или сада, лишь бы вообще увидѣть. Какъ бы ни малъ былъ лучъ ея красоты, могущій достигнуть до моихъ глазъ, онъ все же просвѣтитъ мой разумъ и укрѣпитъ мой духъ, такъ что равнаго мнѣ не будетъ ни по уму ни по храбрости.

— Однако, когда я видѣлъ красоту госпожи Дульцинеи Тобозской, отъ нея не исходило никакихъ лучей, — замѣтилъ оруженосецъ. — Впрочемъ это случилось, можетъ-быть, оттого, что ея милость изволила тогда просѣвать просо, и пыль отъ него застилала ея личико словно облакомъ.

— Какъ, Санчо, ты упорно продолжаешь думать, вѣрить, говорить и настаивать на томъ, что высокородная Дульцинея могла просѣвать просо?! Пойми ты, что это занятіе совершенно несвойственно благороднымъ особамъ, у которыхъ есть дѣла, гораздо болѣе подходящія имъ. Должно-быть, ты никогда не читалъ и не слыхалъ тѣхъ безподобныхъ стиховъ нашего великаго поэта, Гарсиласо де-ла-Вега, въ которыхъ онъ описываетъ какъ четыре нимфы, обитающія въ хрустальномъ дворцѣ на днѣ Таго, по временамъ выходятъ изъ волнъ, садятся на зеленый берегъ и шьютъ себѣ одежды изъ золототканой матеріи, усыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями? Навѣрное, чѣмъ-нибудь такимъ занималась и дама моего сердца, когда ты имѣлъ счастіе видѣть ее, но очень можетъ быть, что какой-нибудь враждебный мнѣ волшебникъ не только въ твоихъ глазахъ, но и въ моихъ собственныхъ превращаетъ все, что служитъ къ моей славѣ и славѣ моихъ избранниковъ, во что-нибудь унизительное. Я даже опасаюсь, какъ бы въ той исторіи, которая написана обо мнѣ мудрымъ мавромъ, одному изъ моихъ враговъ-волшеб-

никовъ ни удалось примѣшать лжи къ истинѣ и все исказить, чтобы окончательно повредить мнѣ во мнѣніи здравомыслящихъ людей... О, злая зависть — корень всѣхъ пороковъ и неугомонный червь, подтачивающій добродѣтель! Всѣ остальныя страсти, Санчо, приносятъ людямъ хоть долю наслажденія, но зависть не даетъ ничего, кромѣ омерзѣнія, злобы и бѣшенства.

— Это вѣрно, ваша милость, — подтвердилъ Санчо. — Я тоже думаю, что въ той исторіи и я описанъ совсѣмъ не такимъ, какимъ я есть на самомъ дѣлѣ, хотя я никогда не говорилъ ни одного дурного слова про господъ волшебниковъ; да и не такое у меня состояніе, чтобы можно было чему завидовать. Парень я простой, откровенный и не жадный. Твердо вѣрю въ Бога и во все, чему велитъ вѣрить святая католическая Церковь, отъ души ненавижу жидовъ и всѣхъ нехристей. Кажись, за все это могли бы и похвалить меня въ нашей исторіи... Ну да и то сказать, охота мнѣ заботиться о томъ, что тамъ написано про меня въ книгѣ, лишь бы вообще было написано! Самсонъ Караско вотъ говоритъ, что всѣ такъ и вырываютъ другъ у друга эту книгу, чтобы скорѣе прочесть ее, а этого, полагаю, не было бы, если бы она была дурно написана.

— Знаешь что, Санчо? Ты мнѣ напоминаешь анекдотъ объ одномъ знаменитомъ сочинителѣ, который написалъ злую сатиру противъ придворныхъ дамъ, но забылъ упомянуть объ одной изъ нихъ, такъ какъ онъ, по распространеннымъ о ней слухамъ, считалъ сомнительнымъ самое ея существованіе. Дама эта была очень раздосадована тѣмъ, что поэтъ обошелъ ее молчаніемъ, и обратилась къ нему съ просьбою дать и ей мѣсто въ своей сатирѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, надѣлать ему много непріятностей. Поэтъ съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе, и такъ отдѣлалъ ее, какъ не могли бы и сотни обозленныхъ кумушекъ. Дама осталась очень довольна, пріобрѣтши этимъ славу, хотя и дурную. Такого же рода была и исторія одного пастуха, который сжегъ знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ, считавшійся однимъ изъ семи чудесъ свѣта, — сжегъ для того, чтобы увѣковѣчить свое имя. Несмотря на сдѣланное тогда же распоряженіе, чтобы никто не поминалъ его имени, намъ все-таки извѣстно, что его звали Геростратомъ. Нѣчто подобное случилось и съ императоромъ Карломъ Пятымъ во время его пребыванія въ Римѣ. Императоръ захотѣлъ видѣть тотъ знаменитый храмъ Ротонды, который въ древности назывался храмомъ всѣхъ боговъ, а теперь извѣстенъ подъ болѣе пріятнымъ для нашего слуха названіемъ храма всѣхъ святыхъ. Это зданіе — одно изъ наиболѣе сохранившихся въ своемъ первоначальномъ видѣ изъ всѣхъ памятниковъ языческаго искусства въ

Римѣ и служитъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о величіи и великолѣпіи временъ его сооруженія. Оно построено въ видѣ гигантскихъ размѣровъ купола и прекрасно освѣщено, хотя для доступа свѣта имѣется одно окно или, вѣрнѣе, круглое отверстіе въ самой верхушкѣ. Одинъ римскій вельможа повелъ императора на вершину купола, откуда тотъ могъ любоваться въ отверстіе на внутренность этого образцоваго произведенія языческаго строительнаго искусства. Когда же императоръ спустился съ вершины зданія на землю, проводникъ его сказалъ ему: «Пока мы стояли тамъ наверху, на меня напало великое искушеніе схватить ваше священное величество и броситься вмѣстѣ съ вами внизъ, чтобы увѣковѣчить этимъ свою память».—«Я вамъ чрезвычайно признателенъ за то, что вы не поддались этому искушенію,— отвѣтилъ императоръ,— но, для того, чтобы вы были избавлены отъ новаго соблазна, приказываю вамъ никогда болѣе не бывать тамъ, гдѣ буду я». Желая вознаградить этого вельможу за то, что онъ противостоялъ великому искушенію, императоръ оказалъ ему какую-то большую милость и распростился съ нимъ... Изъ всего этого ты можешь видѣть, другъ Санчо, какъ сильно у людей стремленіе заставить говорить о себѣ. Какъ ты думаешь, что побудило Горація Коклеса броситься въ полномъ вооруженіи съ высоты моста въ шумящія волны Тибра? что заставило Муція Сцеволу сжечь свою руку? что толкнуло Курція прыгнуть въ открывшуюся передъ нимъ посреди Рима бездну? что помогло Юлію Цезарю перейти черезъ Рубиконъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя предсказанія? что, наконецъ, въ болѣе близкое къ намъ время, вынудило храбрыхъ испанцевъ, сопровождавшихъ великаго Кортеца въ Новый Свѣтъ, потопить всѣ свои корабли и такимъ образомъ лишить себя возможности къ отступленію и всякой поддержки? Всѣ эти подвиги, какъ и тысячи другихъ, которыхъ я не могъ бы перечислить тебѣ и въ недѣлю, были плодами желанія безсмертія своему имени. Конечно, мы, странствующіе рыцари, просвѣщенные свѣтомъ христіанской религіи, должны разсчитывать только на безсмертіе въ небесахъ, не заботясь о суетной и преходящей земной славѣ. Вѣдь какъ бы долго ни гремѣла земная слава, когда-нибудь да будетъ же ей конецъ, хотя бы одновременно съ концомъ міра. Поэтому смотри, Санчо, чтобы наши дѣйствіи не выходили изъ рамокъ, предназначенныхъ намъ святою религіей, которую мы исповѣдуемъ. Мы обязаны убивать гордыню въ лицѣ великановъ, побѣждать зависть великодушіемъ, гнѣвъ — хладнокровіемъ, склонность къ лакомству и сну — воздержаніемъ и бодрствованіемъ, плотскія вожделѣнія — вѣрностью къ дамамъ нашего сердца, а лѣнь — тѣмъ, что будемъ странствовать по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта, отыскивая случая доказать, что мы хорошіе христіане и

храбрые рыцари. Вотъ, Санчо, въ чемъ должна состоять цѣль нашей жизни. Надѣюсь, ты меня понялъ.

— Все до капельки понялъ, ваша милость,— отвѣтилъ оруженосецъ.— Но я хотѣлъ бы попросить васъ развязать одно сомнѣніе, которое запало мнѣ въ голову.

— Разрѣшить, Санчо, а не «развязать»,— поправилъ Донъ-Кихотъ.— Говори, я отвѣчу тебѣ, какъ сумѣю.

— Ну, такъ скажите мнѣ, сдѣлайте милость, живы всѣ эти Юліи, Августы и какъ тамъ еще назывались тѣ храбрые рыцари, о которыхъ вы разсказали, или уже умерли?

— Давно умерли, и тѣ изъ нихъ, которые были язычниками, томятся, безъ всякаго сомнѣнія, въ аду,— отвѣчалъ Донъ-Кихотъ;— а тѣ, которые были христіанами, или блаженствуютъ въ раю, или же пребываютъ еще въ чистилищѣ.

— Такъ,— произнесъ Санчо.— А теперь скажите мнѣ, горятъ ли передъ гробницами этихъ великихъ вельможъ серебряныя лампадки и увѣшаны ли стѣны этихъ гробницъ костылями, саванами, волосами, восковыми ногами, руками и глазами, какъ у насъ?

— Гробницы язычниковъ, по большей части, представляли собою пышные храмы. Прахъ Юлія Цезаря, напримѣръ, помѣщенъ въ каменную пирамиду необыкновенной величины, называемую въ настоящее время «иглою святого Петра». Гробницею императора Адріана послужилъ цѣлый зȧмокъ, величиною съ большое село; онъ и сейчасъ существуетъ подъ названіемъ замка «Святого Ангела». Королева Артемиза воздвигла своему супругу Мавзолу гробницу, которая считалась однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Но ни въ одной изъ этихъ гробницъ нѣтъ ни савановъ, ни восковыхъ членовъ, ни вообще какихъ-либо другихъ приношеній, по которымъ можно было бы сразу заключить, что въ нихъ лежатъ мощи святыхъ.

— Вотъ, это-то мнѣ и нужно было знать!— вскричалъ Санчо.— Теперь позвольте спросить вашу милость, что лучше: воскресить мертваго или убить великана?

— Само собою разумѣется — воскресить мертваго.

— Ага! Вотъ я и поймалъ вашу милость!— торжествовалъ Санчо.— Значитъ, слава тѣхъ, которые воскрешаютъ мертвыхъ, даютъ зрѣніе слѣпымъ, излѣчиваютъ хромыхъ, возвращаютъ здоровье больнымъ и гробницы которыхъ освѣщены серебряными лампадками, наполнены молящимися и увѣшаны разными приношеніями, гораздо больше славы, и на этомъ свѣтѣ и на томъ, всѣхъ языческихъ императоровъ и странствующихъ рыцарой, сколько бы ихъ тамъ ни было!

— Конечно, Санчо, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Стало-быть, эта слава принадлежитъ тѣламъ, то-есть мощамъ святыхъ, которымъ, съ разрѣшенія и благословенія нашей святой матери Церкви, жертвуются серебряныя лампадки, свѣчи, саваны, костыли, волосы, глаза, ноги, руки и все остальное, что увеличиваетъ ихъ христіанскую славу и поощряетъ усердіе вѣрующихъ. Короли носятъ эти мощи на своихъ плечахъ, прикладываются къ останкамъ ихъ костей, украшаютъ ими свои молельни, ими же обогащаютъ свои алтари...

— Да, это все совершенно вѣрно,—перебилъ наконецъ Донъ-Кихотъ своего словоохотливаго оруженосца,—но я желалъ бы знать, къ чему ты все это гнешь?

— А къ тому, что намъ лучше бы всего сдѣлаться святыми, чтобы вѣрнѣе заслужить славу, о которой вы говорите. Недавно еще святая Церковь произвела въ святые двухъ монаховъ изъ босоногихъ, и всѣ считаютъ за великое счастіе приложиться къ желѣзнымъ цѣпямъ, которыми они умерщвляли свою плоть, а нѣкоторые рады хоть только дотронуться до нихъ. И, говорятъ, эти цѣпи въ несравненно большемъ почетѣ, чѣмъ шпага Роланда, которая показывается въ оружейной нашего короля,—да хранитъ его Богъ!.. Такъ вотъ, ваша милость, и выходитъ, что гораздо лучше быть хоть плохонькимъ, смиреннымъ монашкомъ, чѣмъ самымъ храбрымъ рыцаремъ: двумя дюжинами легонькихъ ударовъ бичемъ по тѣлу больше вымолишь у Бога, чѣмъ двумя тысячами ударовъ копьемъ въ великановъ, вампировъ и другую нечисть,—не къ ночи будь она помянута!

— Я со всѣми твоими словами вполнѣ согласенъ,—произнесъ Донъ-Кихотъ.—Но не всѣмъ же быть монахами; притомъ не нужно забывать, что Господь всегда найдетъ путь, какимъ вести Своихъ избранниковъ въ рай. Рыцарство, впрочемъ, тоже установленіе религіозное, священный орденъ, и въ раю есть святые рыцари.

— Можетъ-быть, ваша милость. Но я слышалъ, что гораздо больше монаховъ попадаетъ въ царство небесное, чѣмъ странствующихъ рыцарей.

— Это просто оттого, что монаховъ вообще несравненно больше, чѣмъ рыцарей.

— Однако блуждающихъ людей много,—замѣтилъ Санчо.

— Да, но не всѣ они достойны названія рыцарей,—возразилъ Донъ-Кихотъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, всадники и не замѣтили, какъ прошла ночь, и они приблизились къ Тобозо. Видъ этого большого города привелъ въ восхищеніе Донъ-Кихота, но сильно смутилъ его оруженосца

потому что послѣдній такъ же мало зналъ, гдѣ живетъ Дульцинея и какой у нея видъ, какъ и самъ Донъ-Кихотъ. Одинъ волновался изъ-за того, что ему предстояло увидѣть несравненную красавицу, а другой — по той причинѣ, что не видалъ ея, хотя и увѣрялъ, что видѣлъ. Однако къ громадному удовольствію струсившаго Санчо, его господинъ, охваченный внезапною робостью, рѣшилъ сначала подкрѣпить свои силы пищею и сномъ, а потомъ уже и предстать предъ ясныя очи дамы своего сердца; поэтому они забрались въ ближайшій лѣсокъ, гдѣ послѣ сытнаго завтрака, — львиною долей котораго, конечно, воспользовался Санчо,—оба растянулись на травѣ и сладко заснули.

ГЛАВА IX,

въ которой разсказывается о томъ, какъ Донъ-Кихотъ и Санчо разыскивали Дульцинею.

Наши герои проснулись только около полуночи. Взобравшись на своихъ четвероногихъ спутниковъ, они въѣхали въ Тобозо, гдѣ царствовали полный покой и безмолвіе, такъ какъ обитатели спали глубокимъ сномъ. Ночь была полусвѣтлая, но Санчо горячо желалъ, чтобы она сдѣлалась совершенно темною; тогда ему было бы легче выпутаться изъ лжи: онъ могъ бы оправдаться тѣмъ, что въ темнотѣ не можетъ найти жилища Дульцинеи. По мѣрѣ того, какъ всадники подвигались впередъ по темнымъ улицамъ города, до ихъ слуха стали долетать то лай собакъ, то крикъ осла, то визгъ свиней, то мяуканье кошекъ и тому подобные звуки, доказывавшіе обиліе представителей животнаго міра въ Тобозо. Влюбленному рыцарю всѣ эти голоса, особенно рѣзко раздававшіеся въ ночной тишинѣ, казались зловѣщими. Но онъ умолчалъ объ этомъ передъ Санчо и только сказалъ ему:

— Веди меня кратчайшимъ путемъ ко дворцу Дульцинеи, сынъ мой. Быть-можетъ она еще не предалась сну.

— Какой же у нея дворецъ! — пробурчалъ Санчо. — Когда я былъ у ея милости, она изволила жить въ малюсенькомъ домикѣ.

— Это, вѣроятно, была одна изъ небольшихъ пристроекъ къ ея обширному альказару, — соображалъ Донъ-Кихотъ. — Высокородныя принцессы и дамы имѣютъ обыкновеніе по временамъ удаляться со своими прислужницами для отдыха въ одно изъ самыхъ дальнихъ помѣщеній своихъ великолѣпныхъ дворцовъ.

— Ну, положимъ, — сказалъ Санчо, — она живетъ во дворцѣ, такъ не ломиться же намъ къ ней теперь ночью! Вѣдь этакъ насъ, чего добраго, еще примутъ за разбойниковъ, и мы перебудоражимъ весь городъ.

— Ты сначала приведи меня къ альказару, и тамъ мы увидимъ, что нужно дѣлать, — возразилъ рыцарь. — Вотъ тамъ, впереди, чернѣется какая-то гигантская масса; это, навѣрное, и есть дворецъ Дульцинеи.

— Такъ поѣдемте туда, ваша милость.

«Быть-можетъ это и вправду какой-нибудь дворецъ», — соображалъ про себя Санчо, мысленно моля Провидѣніе вывести его изъ непріятнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя своимъ враньемъ о томъ, что онъ былъ у Дульцинеи съ письмомъ своего господина и, слѣдовательно, можетъ указать ея жилище.

Донъ-Кихотъ поѣхалъ впередъ и вскорѣ очутился передъ зданіемъ, которое онъ издали принялъ за альказаръ, но вблизи оно оказалось обыкновенною церковью.

— Да вѣдь это церковь, Санчо, — проговорилъ онъ разочарованнымъ голосомъ.

— Церковь и есть, ваша милость, — подтвердилъ Санчо. — Поѣдемте скорѣе отсюда... Нехорошо рыскать по ночамъ вокругъ церквей, гдѣ похоронено столько мертвецовъ... И потомъ, помнится, что домишко этой госпожи стоитъ въ переулочкѣ, а не на открытой площади...

— Молчалъ бы лучше, чѣмъ болтать такой вздоръ! — съ досадой перебилъ его Донъ-Кихотъ. — Ну мыслимо ли, чтобы дворцы строились въ переулкахъ?

— Что же вы сердитесь, ваша милость? — жалобно произнесъ Санчо; — въ каждомъ мѣстѣ свои обычаи. Можетъ-быть въ Тобозо такъ ужъ принято строить дворцы въ переулкахъ. Позвольте, я поищу вотъ въ этихъ переулочкахъ; можетъ и наткнусь на этотъ проклятый дворецъ, — чтобъ ему ни дна ни покрышки!

— Какъ смѣешь ты такъ непочтительно отзываться о жилищѣ моей дамы? — вскричалъ возмущенный рыцарь. — Если ты позволишь себѣ еще хоть одно подобное слово, я тебя проучу, подлаго холопа!

— Простите, ваша милость, это я только такъ, въ шутку сбрехнулъ, — оправдывался оруженосецъ. — По правдѣ сказать, мнѣ очень трудно отыскать ночью домъ, который я видѣлъ всего разъ... Удобнѣе вамъ самимъ найти его, потому что вы, навѣрное, не разъ бывали въ немъ.

— Ты меня выводишь изъ себя, Санчо! Развѣ я тебѣ не говорилъ милліонъ разъ, что я никогда не видалъ до сихъ поръ несравненной Дульцинеи, никогда не переступалъ порога ея волшебнаго альказара, и что я, наконецъ, отдалъ ей свое сердце только на основаніи слуховъ о ея безподобной красотѣ и великомъ умѣ?

— Вѣрю этому, вѣрю, и скажу, что и самъ не видалъ ея никогда, даже и во снѣ, — съ храбростью отчаянія сознался Санчо.

— Ну, это ты врешь, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Самъ же ты передалъ мнѣ, что засталъ ее будто бы просѣвающею просо, когда возилъ ей отъ меня письмо.

— Забудьте вы это, ваша милость... Я говорилъ вамъ это тоже по слуху... На самомъ же дѣлѣ я такъ же мало знаю эту госпожу Дульцинею, какъ и то, гдѣ бываетъ луна, когда ея не видать съ земли.

— Санчо, Санчо! — вскричалъ не своимъ голосомъ Донъ-Кихотъ. — Оставь свои неумѣстныя шутки, если не желаешь себѣ зла! Ты долженъ знать по опыту, что и моему терпѣнію есть границы!.. Если я говорю, что не имѣлъ еще неизреченнаго счастія видѣть собственными глазами несравненную Дульцинею, то это не даетъ тебѣ права увѣрять меня въ томъ же: вѣдь ты видѣлъ ее?

Въ это время мимо всадниковъ проѣзжалъ какой-то крестьянинъ въ скрипучей телѣгѣ, запряженной двумя волами. Крестьянинъ этотъ напѣвалъ старинную пѣсню о томъ, какъ проучили когда-то французовъ при Ронсевалѣ.

— Слышишь, Санчо, что поетъ этотъ добрый человѣкъ? — спросилъ рыцарь, прислушавшись къ словамъ пѣсни.

— Слышу, ваша милость, — отвѣчалъ Санчо. — Да что толку-то въ этомъ?

— А то, что эту пѣсню можетъ пѣть только человѣкъ хорошій, который не откажется выручить насъ изъ бѣды, — сказалъ Донъ-Кихотъ, и, подъѣхавъ къ телѣгѣ, окликнулъ сидящаго въ ней: — Счастливаго пути, милый другъ! Не можешь ли ты указать намъ, гдѣ тутъ находится дворецъ несравненной принцессы Дульцинеи Тобозской?

— Сеноръ, — отвѣтилъ крестьянинъ, приподнимая шляпу, — я не здѣшній и всего нѣсколько дней тому назадъ поступилъ въ работники къ одному богатому земледѣльцу обрабатывать его поля. Вотъ въ этомъ домѣ, возлѣ котораго вы стоите, живутъ священникъ и ключарь. Они скорѣе кого другого могутъ указать вамъ, гдѣ живетъ принцесса, которую вы ищете, потому что у нихъ есть списки всѣхъ гражданъ Тобозо. Но я не думаю, чтобы тутъ жили настоящія принцессы, хотя и слыхалъ, что здѣсь есть богатыя госпожи, которыя у себя въ домѣ распоряжаются не хуже какихъ-нибудь принцессъ.

— Вотъ, между этими самыми госпожами и должна быть та, о которой я тебя спрашиваю, мой другъ, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ.

— Ну, такъ желаю вамъ найти ее, — проговорилъ крестьянинъ, подстегнувъ своихъ воловъ. — Прощайте, мнѣ некогда болѣе растабарывать: начинаетъ разсвѣтать.

— И въ самомъ дѣлѣ начинаетъ свѣтать, ваша милость, — сказалъ Санчо, видя недовольное лицо своего господина. — Не хорошо если насъ

увидятъ бродящими тутъ по улицамъ съ видомъ людей, отыскивающихъ то, чего не потеряли... По-моему, намъ лучше бы выбраться изъ города и переждать въ лѣсу, когда будетъ совсѣмъ свѣтло. Тогда я одинъ отправился бы сюда и ужъ обыскалъ бы всѣ мышиныя норки, чтобы найти дворецъ ея милости... Мало того, я еще переговорилъ бы сначала съ ея милостью и узналъ бы, какъ вамъ съ ней повидаться, чтобы не повредить ея чести и доброй славѣ.

— Вотъ это ты хорошо придумалъ, другъ Санчо! — воскликнулъ обрадованный рыцарь. — Охотно принимаю твой совѣтъ. Проводи меня теперь въ лѣсъ, а потомъ и сдѣлай все такъ, какъ говорилъ. Я увѣренъ, что прелестная Дульцинея найдетъ тысячи способовъ устроить дѣло къ лучшему. Въ ея снисходительности и благосклонности не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Очень довольный тѣмъ, что ему удалось обмануть своего господина и вытащить его изъ города, гдѣ каждую минуту могла открыться его ложь, Санчо проводилъ его въ лѣсъ, бывшій миляхъ въ двухъ отъ Тобозо, уложилъ его тамъ подъ группою деревьевъ и возвратился снова въ городъ. Что случилось съ нимъ тамъ, будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА X,

о томъ, какъ Санчо ухитрился очаровать Дульцинею, и о другихъ смѣшныхъ и правдивыхъ приключеніяхъ.

Приступая къ этой главѣ, авторъ оговаривается, что онъ хотѣлъ было обойти молчаніемъ тотъ эпизодъ, который въ ней описывается, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ преувеличеніи, такъ какъ сумасбродство Донъ-Кихота здѣсь превзошло всякія границы. Но, въ качествѣ добросовѣстнаго историка, онъ рѣшилъ описать все, какъ было, ничего не убавляя и не прикрашивая, твердо надѣясь на убѣдительность самой истины.

Сдѣлавъ эту оговорку, Бенъ-Энгели продолжаетъ свое повѣствованіе обычнымъ порядкомъ.

Когда Донъ-Кихотъ улегся въ лѣсу, онъ сказалъ Санчо:

— Поѣзжай, сынъ мой, обратно въ Тобозо, и не потеряй головы, когда очутишься передъ солнцемъ красоты, которое суждено лицезрѣть тебѣ, счастливѣйшему изъ всѣхъ оруженосцевъ въ мірѣ. Собери всю силу своей памяти, чтобы запомнить, какъ приметъ тебя несравненная Дульцинея, какая перемѣна произойдетъ въ ея лицѣ, пока ты будешь докладывать ей о моемъ желаніи получить ея одобреніе на задуманные

мною подвиги. Замѣть, не смутится ли и не покраснѣетъ ли она при моемъ имени. Если она во время твоего доклада будетъ возсѣдать на своемъ роскошномъ возвышеніи, то обрати вниманіе, не задвижется ли она въ безпокойствѣ на подушкахъ кресла, а если она приметъ тебя стоя, то не будетъ ли переступать съ ножки на ножку. Наблюдай и то, не станетъ ли она по нѣскольку разъ повторять своихъ словъ, не перемѣнитъ ли ихъ изъ сладкихъ въ горькія или изъ кислыхъ въ медоточивыя. Гляди, не подниметъ ли она свои прелестныя ручки, чтобы поправить прическу, хотя божественные ея волосы и будутъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ. Вообще, сынъ мой, замѣть въ точности всѣ ея движенія, слова и дѣйствія, чтобы передать мнѣ все до мельчайшей подробности. Нужно тебѣ знать, Санчо, что мысли влюбленныхъ вѣрнѣе всего выражаются въ ихъ непроизвольныхъ движеніяхъ въ то время, когда съ ними говорятъ о предметѣ ихъ тайной любви... Ну, отправляйся же, мой другъ. Да будутъ твоими спутниками счастіе и удача, которыя отвернулись отъ меня! Не задерживайся въ пути, старайся возвратиться какъ можно скорѣе къ твоему злополучному господину, покинутому въ этой безотрадной пустынѣ.

— Будьте покойны, ваша милость, — отвѣтилъ оруженосецъ, — я живо слетаю въ городъ и обратно. Если я ночью не могъ найти дворца госпожи Дульцинеи, зато теперь, днемъ, отыщу его безъ всякаго труда, и сдѣлаю все, какъ вы мнѣ приказывали. Вы сами только не огорчайтесь раньше времени, господинъ моей души. Припомните поговорки: «Крѣпкое сердце ломаетъ несчастіе» и «Гдѣ сало, тамъ и крючокъ для того чтобы повѣсить его». А то еще говорятъ: «Гдѣ всего меньше ожидаешь, тамъ и выскакиваетъ заяцъ»...

— Ты такъ удивительно кстати приводишь свои пословицы, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — что мнѣ ничего болѣе не остается, какъ просить Провидѣніе, чтобы онѣ оправдались на мнѣ. Однако поѣзжай же, мой другъ.

Санчо повернулъ своего осла и рысцой сталъ выбираться изъ лѣса между стволами рѣдкихъ деревьевъ. Едва онъ скрылся изъ виду, какъ его господинъ, которому вовсе не хотѣлось спать, снова сѣлъ на Россинанта, мирно щипавшаго возлѣ него траву, оперся на древко копья и погрузился въ тяжелыя размышленія.

Между тѣмъ и Санчо былъ не веселъ. Доѣхавъ до опушки лѣса, онъ сошелъ съ осла, сѣлъ подъ дерево и началъ самъ съ собою слѣдующій діалогъ:

«Скажи ка мнѣ теперь, другъ мой, Санчо, куда ты ѣдешь? Осла, что ли, ѣдешь искать, котораго потерялъ?

«Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ самъ себѣ.

«Такъ кого же ты ѣдешь искать?

«Ѣду отыскивать принцессу, въ которой, — какъ говоритъ мой господинъ, — сидитъ солнце красоты и всѣхъ небесныхъ звѣздъ.

«А гдѣ же ты думаешь найти это чудо, Санчо?

«Гдѣ? — Въ городѣ Тобозо.

«Хорошо. А кѣмъ посланъ ты къ этой принцессѣ, въ которой сидитъ солнце?

«Знаменитымъ рыцаремъ Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, который исправляетъ несправедливость, даетъ пить голодающимъ и кормитъ жаждущихъ, т.-е., кажется, не такъ... Ну, да это все равно!

«Отлично. Но извѣстно ли тебѣ жилище этой принцессы, Санчо?

«Господинъ мой говоритъ, что она должна жить въ царскомъ дворцѣ или въ какомъ-то альказарѣ.

«А видѣлъ ли ты когда-нибудь эту даму?

«Нѣтъ. Не только я, но даже и самъ мой господинъ никогда не видалъ ея.

«Что-то не слыхать, чтобы въ Тобозо были такіе дворцы, поэтому искать ихъ тамъ — все равно, что искать рыбъ въ лѣсу. Чего добраго, жители Тобозо еще подумаютъ, что ты смѣешься надъ ними, когда будешь разспрашивать ихъ о дворцахъ, которыхъ у нихъ нѣтъ; возьмутъ да и переломаютъ тебѣ всѣ ребра, чтобы ты другой разъ не совался къ нимъ съ такими шутками.

«Ахъ, я несчастный! — возопилъ Санчо, представивъ себѣ эту перспективу. — Что же я теперь буду дѣлать? И дернулъ меня чортъ сунуться въ это дѣло!.. Ну, какъ я теперь изъ него выпутаюсь?»

Нѣсколько времени Санчо просидѣлъ какъ убитый, а потомъ вдругъ просіялъ и вскричалъ:

«Чего я, однако, носъ-то повѣсилъ? Нѣтъ такого зла на свѣтѣ, котораго нельзя бы исправить... хотя бы смертью, вѣдь ея все равно никому не миновать! Положимъ, умирать мнѣ вовсе еще не хочется; авось, и безъ этого обойдется пока, надо только хорошенько мозги въ ходъ пустить. Вѣдь, говоря по правдѣ, мой господинъ совсѣмъ сумасшедшій, да и я самъ немного умнѣе его... пожалуй, даже еще безумнѣе, разъ я связался съ нимъ и служу ему. Не даромъ пословица говоритъ: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты». Что онъ помѣшанный — видно изъ того, что онъ постоянно принимаетъ одно за другое: черное за бѣлое, бѣлое за черное, вѣтряныя мельницы — за великановъ съ руками, длиною въ нѣсколько миль, простыхъ муловъ — за дромадеровъ, деревенскія корчмы — за замки, бараньи стада — за

арміи вооруженныхъ турокъ или какихъ-то тамъ еще невѣрныхъ,—словомъ, все въ такомъ родѣ. А разъ у него такая манера видѣть все не такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, а какъ ему кажется въ его мечтаніяхъ, то мнѣ ничего не будетъ стоить выдать ему за Дульцинею первую попавшуюся крестьянскую дѣвку или бабу. Если онъ сразу не повѣритъ, я начну божиться, что это правда, а если и тогда не повѣритъ, побожусь еще пуще, и такъ буду стоять на своемъ, что ничего онъ со мной не подѣлаетъ. Не понравиться ему Дульцинея — тѣмъ лучше: перестанетъ думать о ней, не будетъ и меня къ ней посылать... Впрочемъ, можетъ-быть, онъ заберетъ себѣ въ голову, что какой-нибудь злой волшебникъ насмѣхъ ему превратилъ принцессу въ крестьянку... Ну, да тамъ видно будетъ, а пока что полежу здѣсь часика два-три; можетъ-быть, на мое счастіе и приплетется сюда какая-нибудь особа женскаго пола, которую удастся мнѣ уговорить разыграть Дульцинею, а то, можетъ, и по другому устрою, чтобы пустить своему господину пыль въ глаза».

Успокоившись на этомъ рѣшеніи, Санчо свернулся калачикомъ и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ. Проспалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не былъ разбуженъ топотомъ копытъ и громкимъ говоромъ женскихъ визгливыхъ голосовъ. Протеревъ глаза, онъ увидѣлъ приближавшихся къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, трехъ крестьянокъ, верхомъ на ослахъ или ослицахъ (вѣрнѣе всего, что на ослицахъ, такъ какъ крестьянки предпочитаютъ ѣздить на нихъ). Не долго думая, Санчо вскочилъ на своего Длинноуха и поскакалъ назадъ къ Донъ-Кихоту. Онъ нашелъ рыцаря сидящимъ на конѣ, вздыхающимъ на весь лѣсъ и изливающимся въ любовныхъ жалобахъ.

— Ну, что, другъ Санчо?—поспѣшно спросилъ рыцарь, какъ только подъѣхалъ къ нему оруженосецъ,— какимъ цвѣтомъ прикажешь мнѣ отмѣтить этотъ день: чернымъ или бѣлымъ?

— Совѣтую вамъ, ваша милость, отмѣтить его красными буквами, какими пишутся въ важныхъ бумагахъ слова, на которыя хотятъ обратить особенное вниманіе, — отвѣтилъ Санчо.

— Значитъ, ты привезъ мнѣ добрыя вѣсти?—продолжалъ повеселѣвшій Донъ-Кихотъ.

— Очень хорошія, ваша милость! Вамъ остается только пришпорить Россинанта и ѣхать навстрѣчу госпожѣ Дульцинеѣ, которая съ двумя своими прислужницами ѣдетъ вслѣдъ за мною къ вашей милости,—храбро вралъ Санчо.

— Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ Донъ-Кихотъ.—Что ты говоришь, Санчо?.. О, заклинаю тебя, не обманывай меня! Не старайся ложною радостью усладить мою неложную тоску!

— Помилуйте, ваша милость, какой же мнѣ расчетъ обманывать васъ, тѣмъ болѣе, когда вы сейчасъ же и узнали бы мою ложь? — возразилъ Санчо. — Поѣзжайте скорѣе за мной, сеноръ, и вы увидите вашу госпожу принцессу, разодѣтую и разубранную, какъ подобаетъ по ея высокому званію. Не только она сама, но и ея прислужницы, или какъ ихъ тамъ называютъ, завернуты въ парчу и съ верха до низа усыпаны золотомъ, жемчугомъ, алмазами и рубинами. Волосы у нихъ распущены по плечамъ и развѣваются по вѣтру точно солнечные лучи. Сидятъ онѣ на пѣгихъ разноходцахъ, которые выступаютъ такъ важно, что пріятно глядѣть.

— Ты, вѣроятно, хочешь сказать «иноходцахъ», Санчо?

— А развѣ не все равно, что разноходцы, что иноходцы, ваша милость?.. Да и на чемъ бы онѣ ни сидѣли, сразу видно, что это очень высокородныя дамы, въ особенности госпожа принцесса, которая можетъ свести съ ума кого угодно, — немилосердно сочинялъ Санчо.

— Такъ ѣдемъ же, сынъ мой! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Въ награду за эту великую и неожиданную радость, которую ты мнѣ доставилъ, обѣщаю отдать тебѣ самую богатую добычу, какую только добуду въ первомъ же дѣлѣ; а если тебѣ этого мало, то я прибавлю къ ней еще тѣхъ трехъ жеребятъ, которыхъ въ нынѣшнемъ году должны принести мои три кобылы, какъ ты самъ знаешь.

— Буду лучше надѣяться на жеребятъ, — радостно сказалъ Санчо, цѣлуя руку своего господина. — Неизвѣстно еще, будетъ ли какая добыча въ первой дракѣ.

При этихъ словахъ всадники выѣхали на ту дорогу, по которой ѣхали крестьянки. Взглянувъ вдоль всей дороги и не видя никого, кромѣ этихъ крестьянокъ, Донъ-Кихотъ встревоженнымъ голосомъ спросилъ Санчо, не уѣхали ли дамы опять назадъ.

— Какъ, назадъ?! — вскричалъ оруженосецъ. — Развѣ у вашей милости глаза ушли въ затылокъ, что вы не видите подъѣзжающихъ къ намъ госпожъ, сіяющихъ подобно полуденному солнцу?

— Никакихъ госпожъ я не вижу, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Вижу только трехъ крестьянокъ на сѣрыхъ ослицахъ.

— Чуръ меня, наше мѣсто свято! — крикнулъ Санчо, крестясь. — Можетъ ли быть, чтобы бѣлые какъ снѣгъ разноходцы, или какъ ихъ тамъ по-вашему, казались вамъ простыми сѣрыми ослицами!.. Провалиться мнѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, если это ослицы!

— Увѣряю тебя, другъ мой, что это такія же настоящія ослицы, какъ я — Донъ-Кихотъ, а ты — Санчо Панца! — въ свою очередь кричалъ рыцарь. — По крайней мѣрѣ онѣ представляются мнѣ такими.

— Господь съ вами, ваша милость, что вы изволите говорить! Протрите лучше глазки и поклонитесь дамѣ вашего сердца, которая около васъ и, конечно, не рѣшается первая заговорить съ вами, — убѣждалъ Санчо.

Видя, что его господинъ не трогается съ мѣста и только въ недоумѣніи таращитъ глаза, онъ сошелъ съ осла, опустился на колѣни передъ той крестьянкой, которая была впереди (онѣ всѣ три остановились, чтобы поглазѣть на странную фигуру Донъ-Кихота), и проговорилъ:

— Королева, принцесса и герцогиня красоты, да соблаговолитъ ваша высокая милость оказать вашу благосклонность вашему плѣннику-рыцарю, который, какъ вы видите, самъ не свой, ослѣпленный сіяніемъ вашего свѣтлаго лица! Я — Санчо Панца, его оруженосецъ, а онъ — бѣглый и бродячій рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, прозванный рыцаремъ Печальнаго Образа.

Услыхавъ рѣчь Санчо, Донъ-Кихотъ тоже сошелъ на землю и опустился на колѣни, глядя смущеннымъ и недоумѣвающимъ взоромъ на ту, которую Санчо величалъ королевой, принцессой и герцогиней. Видя въ ней только крестьянку, да еще очень невзрачную, съ грубымъ, оплывшимъ лицомъ, едва замѣтнымъ носомъ и безсмысленно вытаращенными, точно оловянными, глазами, онъ совсѣмъ растерялся и не зналъ, что сказать. Крестьянки, со своей стороны, въ высшей степени были удивлены видомъ этихъ двухъ такъ сильно разнившихся другъ отъ друга мужчинъ, стоявшихъ въ пыли передъ ними на колѣняхъ и мѣшавшихъ имъ продолжать путь. Наконецъ та, которая была впереди, хриплымъ голосомъ крикнула:

— Чего вы пристали къ намъ, подлые лѣсные бродяги! Посторонитесь, дайте дорогу! Некогда намъ тутъ съ вами нѣжности разводить!

— О, принцесса!—восклицалъ Санчо, закатывая глаза подъ лобъ.— О, всемірная госпожа Тобозская! Неужели ваше великодушное сердце не чувствуетъ состраданія къ склонившемуся передъ вашимъ присутствіемъ во прахъ столпу и славѣ странствующаго рыцарства?

— Да это какіе-то сумасшедшіе, убѣжавшіе изъ дома безумныхъ! — взвизгнула другая крестьянка, ѣхавшая вслѣдъ за первою.—Убирайтесь отъ насъ, если не хотите, чтобы мы васъ вздули! Или вы воображаете, что мы не сумѣемъ справиться съ такими, какъ вы?

— Встань, Санчо, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Я вижу, что судьба еще не насытилась моимъ злополучіемъ и закрываетъ мнѣ всѣ пути, по которымъ могла бы проскользнуть къ моей жалкой душѣ радость... А ты, божественное соединеніе всѣхъ добродѣтелей, — продолжалъ онъ,

обращаясь къ первой крестьянкѣ,—граница человѣческихъ достоинствъ, ты—единственный бальзамъ моего истерзаннаго сердца, поклоняющагося тебѣ! Злобный волшебникъ, преслѣдующій меня, накинулъ на мои очи мрачный покровъ, сквозь который ты со своею несравненною красотой и небеснымъ станомъ кажешься мнѣ превращенною въ простую, лишенную всѣхъ прелестей крестьянку. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ превратилъ и мое лицо въ морду какого-нибудь безобразнаго вампира, чтобы устрашить твои небесные глаза... Но тѣмъ не менѣе молю тебя: взгляни съ обычною тебѣ кротостью и нѣжностью на обожающаго тебя рыцаря, силу любви котораго ты можешь понять по одному тому, что онъ преклоняетъ колѣни даже передъ твоею искаженною красотой!

— Да отстанешь ты, наконецъ, отъ меня, длинновязый чортъ?—хрипѣла воображаемая Дульцинея.—Прочь съ дороги, а то задавимъ!

Къ счастію, Санчо успѣлъ вовремя оттащить своего господина въ сторону, когда крестьянки хлестнули своихъ ослицъ, и тѣ понеслись во всю прыть, на которую только были способны. Разбѣжавшаяся передняя ослица черезъ нѣсколько шаговъ споткнулась о старый пень, стоявшій посреди дороги, и при этомъ движеніи сбросила съ себя мнимую Дульцинею. Увидавъ случившееся, Донъ-Кихотъ и Санчо подбѣжали помочь упавшей, но та, не дождавшись прикосновенія къ себѣ длинныхъ, тощихъ рукъ рыцаря и короткихъ, толстыхъ рукъ оруженосца, вскочила съ земли и однимъ взмахомъ снова очутилась на спинѣ ослицы.

— Эге, да наша госпожа проворнѣе и легче всякой серны!—вскричалъ Санчо.—Такимъ прыжкамъ не худо бы поучиться и нашему брату, оруженосцу... Ужъ и улетѣла... поминай, какъ звали!—продолжалъ онъ, махнувъ рукой по направленію облака пыли, въ которомъ скрылись за поворотомъ дороги всадницы.

Донъ-Кихотъ долго стоялъ какъ окаменѣлый, смотря вслѣдъ тому же облаку. Наконецъ онъ обернулся къ своему слугѣ и проговорилъ точно въ бреду:

— Вотъ, Санчо, до чего простирается ненависть, зависть и злоба волшебниковъ! Съ какою жестокою утонченностью они лишили меня неизреченнаго счастія лицезрѣть даму моего сердца въ ея настоящемъ видѣ!.. О, я рожденъ для того, чтобы быть образцомъ злополучія, мишенью для стрѣлъ злой судьбы! И замѣть, другъ мой, коварные волшебники не удовольствовались тѣмъ, что превратили въ моихъ глазахъ божественную Дульцинею въ безобразную крестьянку, но и придали ей еще одну отвратительную особенность, свойственную существамъ низкаго происхожденія: благородныя дамы, привыкшія къ употребленію духовъ, всегда окружены волнами благовоній, по которымъ можно безошибочно узнать

ихъ даже въ костюмѣ простолюдинокъ, а между тѣмъ отъ Дульцинеи распространялось такое ѣдкое зловоніе, что мнѣ почти сдѣлалось дурно отъ него.

— О, злонамѣренные, лукавые волшебники! — заоралъ и Санчо во всю силу своихъ легкихъ. — Какъ бы я желалъ панизать васъ всѣхъ на

Услыхавъ рѣчь Санчо, Донъ-Кихотъ тоже сошелъ на землю и спустился на колѣни.

одну веревку, чтобы однимъ взмахомъ вздернуть вотъ на это самое дерево, подъ которымъ я стою! Много вы знаете, много можете и много дѣлаете вы зла! Кажется, довольно было бы съ васъ, окаянныхъ злодѣевъ, и того, что вы превратили алмазные глаза моей госпожи въ комки

грязи, ея золотые волосы — въ рыжую коровью шерсть, все ея небесное личико—въ страшную рожу! Нѣтъ! Вамъ кромѣ того еще нужно было измѣнить ея запахъ, по которому мы могли бы узнать ее даже въ такомъ безобразномъ видѣ!.. Впрочемъ, самъ я не видѣлъ никакого безобразія... Я видѣлъ только ея несравненнную красоту, видѣлъ даже и родинку на правой сторонѣ ротика, покрытую семью или восемью золотого цвѣта шерстинками, длиною съ мою руку... у иного молодца и усовъ такихъ длинныхъ нѣтъ.

— Согласно извѣстному соотношенію между собою различныхъ частей тѣла, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — у нея должна быть родинка и на правомъ бедрѣ; но на родинкахъ не бываетъ шерсти такой длины, какъ ты говоришь, Санчо.

— Шерстка удивительная, ваша милость, и увѣряю васъ, что длиннѣе моей руки...

— Охотно вѣрю тебѣ, мой другъ,— перебилъ Донъ-Кихотъ,—мечтательно глядя въ даль: — природа одарила Дульцинею всѣми совершенствами. Будь у нея хоть сотня родинокъ, тѣмъ не менѣе красота ея отъ этого могла бы только выиграть, потому что тогда она походила бы на усѣянное звѣздами лѣтнее небо... Скажи, пожалуйста, Санчо, разсмотрѣлъ ты, на какомъ сѣдлѣ она сидѣла? Мнѣ оно показалось ослинымъ сѣдломъ.

— О, что вы, ваша милость!—съ притворнымъ негодованіемъ воскликнулъ Санчо. — Сѣдло госпожи Дульцинеи вполнѣ такое, какое полагается для разно... иноходцевъ, и на немъ столько золота и всякихъ дорогихъ каменьевъ, что за его цѣну навѣрное можно купить цѣлое королевство.

— И я не видалъ всего этого великолѣпія! — простоналъ Донъ-Кихотъ, поднявъ руки къ небу. — О, я, дѣйствительно, самый несчастный человѣкъ во всей подлунной!

Санчо едва удерживался, чтобы не расхохотаться прямо въ лицо своему господину, такъ ловко одураченному имъ.

Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, ему удалось уговорить сокрушавшагося рыцаря продолжать путь къ Сарагоссу. Санчо увѣрялъ его, что онъ, быть-можетъ, тамъ встрѣтитъ Дульцинею уже въ настоящемъ ея видѣ.

ГЛАВА XI,

въ которой повѣствуется о встрѣчѣ Донъ-Кихота съ „колесницею смерти“.

Донъ-Кихотъ долгое время ѣхалъ въ грустномъ раздумьѣ, наведенномъ на него гнусною продѣлкой волшебника, превратившаго прекрасную Дульцинею въ безобразную простолюдинку. Бѣдный рыцарь страшно опасался, что это превращеніе могло быть сдѣлано такимъ образомъ, что

возвратить Дульцинеѣ настоящій ея видъ можетъ только тотъ, кто окажется въ знаніи чаръ сильнѣе того волшебника. Погруженный въ эти размышленія, Донъ-Кихотъ почти выпустилъ изъ рукъ поводья, предоставляя Россинанту полную волю дѣлать, что ему вздумается. Старый конь воспользовался этимъ для того, чтобы остановиться и основательно пощипать травки, въ изобиліи росшей въ томъ мѣстѣ, по которому пролегалъ путь. Видя, что рыцарь даже не замѣчаетъ остановки, Санчо сказалъ ему:

— Сеноръ, грусть создана не для животныхъ, а для людей, но когда люди предаются ей чрезмѣрно, то они сами становятся не лучше животныхъ. Соберитесь съ духомъ, натяните поводья Россинанта, откройте глаза и смотрите на все съ тою веселостью, которая подобаетъ странствующему рыцарю. Чего вы носъ-то повѣсили? Если изъ-за Дульцинеи, то, право, она не стоитъ этого... Чортъ бы побралъ всѣхъ Дульциней на свѣтѣ!.. Всѣ эти колдовства и превращенія не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ огорчаться такому великому странствующему рыцарю, какъ ваша милость. Да и ваша заколдованная госпожа...

— Молчи, Санчо! — сурово перебилъ Донъ-Кихотъ.—Не смѣй изрыгать никакихъ богохульствъ противъ этой очарованной дамы, несчастіе которой, навѣрное, случилось по моей винѣ!.. Она страдаетъ отъ того, что я возбудилъ зависть въ душахъ могучихъ волшебниковъ.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Санчо.— Госпожа Дульцинея, дѣйствительно, такъ жестоко пострадала, что сердце переворачивается въ груди, когда смотришь на нее.

— Ну, твоему-то сердцу нечего было переворачиваться, если ты удостоился созерцать во всемъ блескѣ божественную красоту несравненной Дульцинеи. Судя по твоимъ же словамъ, она превращена только въ моихъ глазахъ, которые отуманены волшебствомъ... Впрочемъ, знаешь что, Санчо? Мнѣ кажется, ты не вѣрно описалъ ея красоту. Ты говоришь, у нея алмазные глаза, но алмазъ—камень свѣтлый, и такіе глаза могутъ быть развѣ только у рыбъ. По моему мнѣнію, Дульцинея должна имѣть глаза цвѣта изумруда, продолговатые, подъ нѣжно очерченными дугами бровей. Ты, вѣроятно, смѣшалъ ея глаза съ зубами? Да и зубы нельзя сравнивать съ алмазами; зубы могутъ походить на жемчугъ или слоновую кость... если только, разумѣется, они хороши.

— Можетъ-быть, ваша милость,—согласился Санчо.—Меня такъ же смутила красота госпожи принцессы, какъ васъ—ея безобразіе, поэтому вполнѣ простительно, если я что и перепуталъ... Но возложимъ все упованіе на Бога, Который Одинъ знаетъ, для чего все такъ скверно устроено на землѣ, въ этой юдоли плача и скрежета зубовнаго, гдѣ нѣтъ ничего,

что не было бы смѣшано съ обманомъ и зломъ. Одно только сильно смущаетъ меня: вдругъ вы побѣдите какого-нибудь великана или другого рыцаря, въ родѣ вашей милости, и прикажете вы ему отправиться изъявить свою покорность госпожѣ Дульцинеѣ. Какъ же онъ тогда разыщетъ ее въ такомъ превращенномъ видѣ? Сами же вы изволили сказать, что она похожа на низкую простолюдинку и никакъ невозможно признать въ ней принцессу. Въ этомъ случаѣ какъ же ваши плѣнники увѣрятся въ томъ, что она именно та, къ которой вы ихъ послали?

— Быть-можетъ, Санчо, — возразилъ рыцарь, — волшебство распространяется только на мое зрѣніе, а не на зрѣніе тѣхъ, кого я буду посылать къ ней. Вѣдь на тебя оно не распространилось же! Я сдѣлаю опытъ съ первымъ побѣжденнымъ мною: пошлю его и прикажу возвратиться ко мнѣ съ докладомъ о томъ, въ какомъ видѣ онъ найдетъ Дульцинею.

— Это вы придумали очень хорошо, ваша милость. Такимъ способомъ мы сразу узнаемъ правду. Если красота госпожи принцессы скрыта только отъ вашихъ глазъ, то это несчастіе будетъ скорѣе ваше, чѣмъ ея. Но огорчаться и отчаиваться вамъ все-таки не слѣдуетъ, если и окажется такая штука. Только бы госпожа Дульцинея была въ добромъ здоровьѣ и веселомъ расположеніи духа, тогда и мы можемъ со смѣлымъ духомъ продолжать наши подвиги, надѣясь на то, что въ будущемъ Богъ уладитъ все къ лучшему. Почемъ знать, можетъ-быть и вы когда-нибудь увидите свою даму сердца во всей ея красотѣ.

Возразить что-нибудь на это рыцарю помѣшало появленіе изъ-за поворота дороги двухколесной телѣги, биткомъ набитой человѣческими фигурами самаго страннаго вида. Экипажъ былъ запряженъ парою муловъ, которыми управлялъ, очевидно, демонъ. Посреди телѣги возсѣдала смерть, имѣя по правую руку генія съ большими раскрашенными крыльями, а по лѣвую — какого-то короля, судя по большой золотой коронѣ, сверкавшей у него на головѣ. У ногъ смерти жался божокъ, называемый Купидономъ, безъ обычной повязки на глазахъ, но съ колчаномъ, полнымъ стрѣлъ, и лукомъ. Около короля, справа, помѣщался рыцарь въ удивительно разнокалиберномъ вооруженіи и въ широкополой усаженной длинными развѣвающимися перьями шляпѣ, замѣнявшей шлемъ. Кромѣ этихъ лицъ въ телѣгѣ находилось еще нѣсколько другихъ, которыхъ Донъ-Кихотъ, смущенный неожиданностью этой встрѣчи, не успѣлъ сразу разсмотрѣть. Однако, между тѣмъ какъ Санчо былъ ни живъ ни мертвъ отъ страха, Донъ-Кихотъ быстро оправился, вообразивъ себѣ, что судьба посылаетъ ему новое и опасное приключеніе, котораго такъ жаждала его душа. Полный несокрушимой отваги и готовый на

все, онъ преградилъ телѣгѣ дорогу и крикнулъ громкимъ, угрожающимъ голосомъ:

— Ей ты, чортовъ возница! Немедленно отвѣчай мнѣ: кто ты, куда направляешься и кого везешь въ своей колесницѣ, напоминающей лодку Харона?

Остановивъ воловъ, демонъ скромно и вѣжливо отвѣтилъ:

— Сеноръ, мы комедіанты труппы Ангуло Злого. Сегодня поутру мы, по случаю праздника, сыграли въ сосѣднемъ селеніи комедію «Шествіе Смерти», и теперь ѣдемъ въ другое селеніе, гдѣ тоже будемъ играть эту комедію. Такъ какъ ѣхать не далеко, то мы пожелали избавить себя отъ труда переодѣванія и остались въ своихъ костюмахъ. Какъ видите, одинъ изъ нашихъ товарищей, молодой человѣкъ, играетъ смерть, другой — короля, третій — солдата, четвертый — генія, одна изъ женщинъ представляетъ королеву, а я самъ — демона и еще кое-какія другія роли, по возможности, главныя, благодаря моему дарованію. Если вашей милости угодно узнать еще что-нибудь о нашей труппѣ, я готовъ съ удовольствіемъ отвѣтить на всѣ ваши вопросы, сколько бы вы ихъ ни предложили.

— Клянусь честью странствующаго рыцаря, — произнесъ Донъ-Кихотъ, — когда я увидѣлъ вашу колесницу, я подумалъ, что мнѣ предстоитъ какое-нибудь славное приключеніе, но теперь вижу, что наружность часто бываетъ обманчива. Поѣзжайте съ Богомъ, добрые люди, и дѣлайте свое дѣло. Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ, то готовъ служить отъ всего сердца, чѣмъ только буду въ состояніи, потому что я съ самаго дѣтства большой любитель театральныхъ представленій и въ юности часто принималъ въ нихъ личное участіе.

Въ это время съ телѣги соскочилъ одинъ изъ комедіантовъ, который до тѣхъ поръ оставался незамѣченнымъ; онъ былъ одѣтъ въ костюмъ придворнаго шута, увѣшанный бубенчиками, и держалъ въ рукахъ палку съ тремя связанными вмѣстѣ надутыми бычачьими пузырями. Подбѣжавъ къ Донъ-Кихоту, шутъ принялся бить пузырями по землѣ, кривляться и прыгать во всѣ стороны, при чемъ всѣ его бубенчики издавали громкій звонъ. Эти шутки фантастическаго существа до такой степени напугали Россинанта, что бѣдный конь, закусивъ удила, изо всѣхъ силъ помчался по полю, угрожая сбросить своего господина, который тщетно старался удержать его. Увидавъ своего рыцаря въ такой опасности, Санчо соскочилъ съ осла и бѣгомъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Услыхавъ за собой погоню, Россинантъ еще болѣе прибавилъ прыти и со всего разбѣга налетѣлъ на громадный камень, перекувыркнулся въ воздухѣ и тяжело рухнулъ на землю, придавивъ своего сѣдока. Не-

ожиданная рѣзвость этого знаменитаго коня почти всегда имѣла подобный плачевный конецъ. Между тѣмъ шутъ въ одно мгновеніе вскочилъ на Длинноуха Санчо и ускакалъ по направленію къ сосѣднему селенію, въ которомъ комедіантамъ предстояло играть. Длинноухъ сначала хотѣлъ было упереться, но шутъ такъ началъ нахлестывать его пузырями, что бѣдному животному поневолѣ пришлось покориться ему. Санчо очутился между двухъ огней: съ одной стороны ему искренно жаль было своего господина, а съ другой—еще болѣе жаль осла, котораго такъ немилосердно били у него на глазахъ. Каждый ударъ, достававшійся бѣдному Длинноуху, отзывался острою болью въ сердцѣ Санчо. Однако чувство долга по отношенію къ своему господину взяло въ оруженосцѣ верхъ. Помогая сильно ушибленному Донъ-Кихоту подняться и снова взобраться на Россинанта, который самъ всталъ на ноги, онъ сказалъ плачевнымъ голосомъ:

— Сеноръ, чортъ увелъ у меня осла!

— Какой чортъ?—спросилъ Донъ-Кихотъ.

— А вонъ тотъ, съ пузырями,—отвѣтилъ Санчо.

— Это ничего не значитъ, Санчо, не горюй: я отобью у него твоего осла назадъ, хотя бы онъ и скрылся съ нимъ въ самой преисподней ада,—утѣшалъ рыцарь.—Въ крайнемъ случаѣ я отниму у этихъ комедіантовъ ихъ муловъ и отдамъ ихъ тебѣ въ вознагражденіе за твоего осла.

— На этотъ разъ вашей милости не нужно трудиться,—сказалъ оруженосецъ:—должно-быть, мой умный Длинноухъ догадался сбросить съ себя чорта, потому что возвращается одинъ.

— Тѣмъ не менѣе,—замѣтилъ Донъ-Кихотъ,—не мѣшало бы хорошенько проучить этого шута или кого-нибудь изъ его товарищей, даже самого короля.

— Не стоитъ связываться съ комедіантами, ваша милость: народъ любитъ ихъ и можетъ надѣлать намъ много непріятностей въ отместку за нихъ,—сказалъ Санчо.—Я знаю случай, когда двухъ комедіантовъ арестовали по обвиненію въ убійствѣ, но потомъ такъ и выпустили безъ всякихъ послѣдствій. Комедіанты служатъ для забавы и увеселенія людей, а потому всѣ и стоятъ за нихъ горой и не даютъ ихъ въ обиду.

— Весь міръ не воспрепятствуетъ мнѣ наказать этого чертенка, позволившаго себѣ посмѣяться надо мною!—вскричалъ Донъ-Кихотъ, пускаясь вдогонку за телѣгою, которая еще не успѣла далеко отъѣхать.

— Остановитесь, бездѣльники!—кричалъ онъ страшнымъ голосомъ.— Я вамъ покажу, какъ уводить изъ-подъ носа странствующаго рыцаря осла, принадлежащаго его оруженосцу!

— Остановиться? Хорошо, мы остановимся, но ты, долговязый скелетъ, этому не обрадуешься!—раздался чей-то голосъ изъ телѣги.

Телѣга остановилась и съ нея соскочили всѣ ея сѣдоки, не исключая королевы и Купидона. Набравъ съ земли камней, вся труппа встала въ оборонительное положеніе. Увидавъ это, Донъ-Кихотъ тоже остано-

Подбѣжавъ къ Донъ-Кихоту, шутъ принялся бить пузырями по землѣ.

вился и сталъ придумывать, какъ бы начать атаку, не подвергая себя большой опасности.

— Ваша милость, я говорю вамъ, не связывайтесь съ ними! — умолялъ Санчо, догнавъ своего господина. — Намъ ужъ доставалось отъ каменнаго дождя, неужели вы желаете еще испытать этой сладости? И

охота вамъ связываться съ арміею, во главѣ которой стоитъ сама смерть и въ которой находятся короли, кромѣ того, добрые и злые духи! Это значитъ ужъ прямо подставлять голову!.. Если все это не можетъ остановить васъ, то подумайте хоть о томъ, что во всей арміи нѣтъ ни одного странствующаго рыцаря...

— Ты правъ, Санчо, — перебилъ Донъ-Кихотъ: — мнѣ, дѣйствительно, не подобаетъ обнажать меча противъ людей, которые не вооружены по-рыцарски. Въ виду этого я долженъ отказаться отъ своего предпріятія. Если ты хочешь отомстить за своего осла, то долженъ сдѣлать это самъ. Я готовъ поддержать тебя совѣтами и поощреніями.

— Я вовсе не желаю никому и ни за кого мстить, сеноръ,— поспѣшилъ сказать Санчо. — Я, какъ добрый христіанинъ, не охотникъ ни ссориться ни мстить. Я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мой Длинноухъ опять со мною, а за то, что его понапрасну отдули пузырями, я сумѣю вознаградить его.

— Ну, какъ хочешь. Я твоей христіанской совѣсти насиловать не стану. Пусть эти страшилища съ миромъ продолжаютъ путь, а мы поищемъ болѣе подходящихъ приключеній, за которыми въ этой странѣ, думается мнѣ, дѣло не станетъ.

Съ этими словами Донъ-Кихотъ повернулъ Россинанта, между тѣмъ какъ смерть со всѣмъ своимъ штатомъ поспѣшила сѣсть въ свою колесницу, которая и покатилась по направленію къ виднѣвшейся невдалекѣ деревнѣ.

Такъ, благодаря благоразумію Санчо, и окончилось приключеніе съ «колесницею смерти», казавшееся вначалѣ такимъ ужаснымъ.

ГЛАВА XII,

о странномъ приключеніи доблестнаго Донъ-Кихота съ храбрымъ рыцаремъ Зеркалъ.

Ночью послѣ того дня, въ который произошла встрѣча съ «колесницей смерти», Донъ-Кихоту и Санчо пришлось снова проѣзжать лѣсомъ. Они и остановились въ этомъ лѣсу, чтобы закусить и отдохнуть.

Съ трудомъ прожевывая громадный кусокъ холоднаго жаркого, Санчо глубокомысленно замѣтилъ:

— Хорошо, что я не польстился на обѣщанную мнѣ вашею милостью добычу, которая досталась бы вамъ при первой дракѣ, а предпочелъ ей трехъ жеребятъ. Все-таки, какъ хотите, лучше имѣть синицу въ рукѣ, чѣмъ журавля въ небѣ. Ну, какая могла быть добыча отъ этихъ комедійныхъ чертей?

— Добыча была бы прекрасная, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ:—я сорвалъ бы съ императора его золотую корону, а у Купидона вырвалъ бы изъ спины его пестрыя крылья и отдалъ бы ихъ тебѣ.

— Много стоятъ эти комедіантскіе короны или скипетры!—съ пренебреженіемъ воскликнулъ Санчо.—Кто же не знаетъ, что опи или бумажные, или, въ лучшемъ случаѣ, изъ выкрашенной въ желтую краску жести!

— Это вѣрно, Санчо, въ комедіяхъ все поддѣльное; да иначе и быть не можетъ. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ относиться сочувственно какъ къ самымъ комедіямъ, такъ и къ тѣмъ, кто ихъ представляетъ и сочиняетъ. Комедіи служатъ ко благу государства, потому что являются какъ бы зеркаломъ, въ которомъ отражается вся жизнь въ ея настоящемъ видѣ. Ни что другое не можетъ такъ ясно показать намъ разницу между тѣмъ, что мы есть, и тѣмъ, чѣмъ должны бы быть, разъ мы называемся людьми. Развѣ тебѣ самому не приходилось видѣть на сценѣ всевозможныхъ лицъ: королей, епископовъ, рыцарей, дамъ? Одинъ играетъ фанфарона, другой — обманщика, третій — солдата, тотъ — купца, этотъ — влюбленнаго сумасброда, — словомъ, каждый изъ труппы играетъ ту роль, къ которой онъ больше подходитъ или какая ему навязана. А по окончаніи пьесы, когда сняты костюмы, всѣ актеры становятся обыкновенными людьми.

— Видѣлъ я все это, — пробурчалъ Санчо, уплетая теперь за обѣ щеки ветчину, въ то время какъ увлекшійся бесѣдою Донъ-Кихотъ почти ни до чего не дотрогивался.

— То же самое дѣлается и въ настоящей жизни, — продолжалъ рыцарь. — Одни бываютъ королями, другіе епископами, третьи еще чѣмъ-нибудь, и всѣ разнятся другъ отъ друга; но какъ только каждый отъиграетъ свою роль, то-есть когда пьеса, называемая жизнью, окончится, смерть срываетъ со всѣхъ ту мишуру, которая составляла ихъ различіе, и дѣлаетъ ихъ равными въ могилѣ.

— Прекрасное сравненіе, — вскричалъ Санчо, — хотя я слышу его уже не въ первый разъ. Это то же самое, что при шахматной игрѣ: пока игра продолжается, каждая фигура имѣетъ свое особенное значеніе, но когда игра окончилась, всѣ фигуры смѣшиваются, опрокидываются и бросаются какъ попало въ ящикъ или въ мѣшокъ, какъ люди послѣ смерти — въ землю.

— Съ удовольствіемъ замѣчаю, что съ каждымъ днемъ ты становишься все умнѣе и даже краснорѣчивѣе, Санчо, — проговорилъ Донъ-Кихотъ.

— Будучи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ вашимъ умомъ, долженъ же я былъ хоть что-нибудь позаимствовать отъ него, — съ важностью

произнесъ Санчо. — Сухая и безплодная земля дѣлается мягкою и приноситъ прекрасные плоды, если удобрять и обрабатывать ее. Я хочу сказать, что бесѣды вашей милости удобрили мой сухой и безплодный умъ, и мое пребываніе въ вашемъ обществѣ обработало его. Надѣюсь, что онъ теперь начнетъ приносить хорошіе плоды, которые все будутъ улучшаться со временемъ, если только опять по какому-нибудь непредвидѣнному случаю не засохнетъ нива моего мозга.

Донъ - Кихотъ съ улыбкою слушалъ, какъ высокопарничаетъ его оруженосецъ, но онъ хорошо зналъ, что тому ничего не стоило съ вершины умничанья вдругъ ввергнуться въ бездонную пропасть невѣжества. Обыкновенно Санчо любилъ выѣзжать на пословицахъ и поговоркахъ, которыя и примѣнялъ иногда, какъ говорится, ни къ селу ни къ городу.

Бесѣда Донъ-Кихота съ его оруженосцемъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока Санчо, продолжая высокопарничать, не заявилъ, что желаетъ «закрыть занавѣси своихъ глазъ». Длинноухъ давно уже былъ разнузданъ и пущенъ на траву. По распоряженію Донъ-Кихота, Россинантъ никогда вполнѣ не разнуздывался, — только сбруя немного ослаблялась на немъ во время остановокъ,— такъ чтобы онъ въ любую минуту былъ готовъ къ услугамъ своего господина для совершенія подвиговъ, входящихъ въ кругъ обязанностей странствующаго рыцаря. Несмотря на такую разницу въ положеніи, Россинантъ и оселъ Санчо были удивительно дружны между собою; они никогда не упускали случая потереться другъ о друга, и даже спали постоянно рядомъ, положивъ голову одинъ на другого. Это были настоящіе Орестъ и Пиладъ, которыхъ, къ стыду человѣчества, почти ужъ болѣе не встрѣчается между людьми. Пусть не обижаются читатели на меня за то, что я осмѣливаюсь проводить сравненія между людьми и животными. Не даромъ Плиній Старшій говоритъ намъ, что люди многому научились отъ животныхъ, какъ, напримѣръ, отъ собакъ — признательности, отъ журавлей — бдительности, отъ муравьевъ — предусмотрительности, отъ слоновъ — стыдливости, отъ лошадей — вѣрности и т. п.

Но обратимся къ нашимъ героямъ. Санчо растянулся подъ развѣсистымъ пробковымъ деревомъ, а Донъ-Кихотъ расположился подъ громаднымъ дубомъ. Едва рыцарь успѣлъ погрузиться въ сладкій сонъ, какъ внезапно раздавшійся гдѣ-то вблизи шумъ разбудилъ его. Вскочивъ на ноги, Донъ-Кихотъ внимательно началъ прислушиваться и приглядываться, чтобы узнать причину шума, и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя двухъ всадниковъ. Одинъ изъ нихъ соскочилъ съ сѣдла и при свѣтѣ луны осмотрѣлся кругомъ.

Бесѣда Донъ-Кихота съ его оруженосцемъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока Санчо не заявилъ, что желаетъ „закрыть занавѣси своихъ глазъ".

— Сойди съ лошади и ты, — сказалъ этотъ незнакомецъ другому.— Это мѣсто изобилуетъ травой для нашихъ животныхъ, кромѣ того, оно достаточно пустынно и тихо для того, чтобы я могъ безъ стѣсненія предаться моимъ любовнымъ размышленіямъ.

Проговоривъ эти слова, незнакомецъ бросился на землю, при чемъ зазвенѣло вооруженіе, которымъ онъ былъ покрытъ, изъ чего Донъ-Кихотъ могъ заключить, что это тоже какой-нибудь странствующій рыцарь. Обрадованный этимъ открытіемъ, Донъ-Кихотъ подошелъ къ своему оруженосцу, не безъ труда разбудилъ его и прошепталъ ему на ухо:

— Санчо, у насъ въ виду новое приключеніе.

— Дай-то Богъ! — зѣвая во весь ротъ, произнесъ Санчо. — Но гдѣ же это приключеніе?

— А взгляни-ка направо, мой другъ, и ты увидишь распростертаго на землѣ рыцаря въ полномъ вооруженіи. Судя по нѣкоторымъ его словамъ, которыя я слышалъ, и по той стремительности, съ какою онъ бросился на землю, онъ долженъ быть истерзанъ душевными страданіями.

— Такъ въ чемъ же, ваша милость, вы находите тутъ приключеніе? — недоумѣвалъ Санчо.

— Я и не говорю, что это прямое приключеніе, а только начало къ нему, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Многія приключенія начинаются очень просто... Кажется, онъ настраиваетъ какой-то струнный инструментъ — лютню или мандолину... Слышишь? Откашливается... должно-быть, готовится пѣть...

— Да, и то, — сказалъ Санчо, приподнимаясь съ своего мѣста. — Это, навѣрное, влюбленный.

— Нѣтъ ни одного странствующаго рыцаря, который не страдалъ бы любовною тоской, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Но послушаемъ, что онъ будетъ пѣть, тогда и узнаемъ, что у него на душѣ. Отъ избытка сердца глаголятъ уста.

Дѣйствительно, немного спустя неизвѣстный рыцарь, котораго мы назовемъ рыцаремъ Лѣса, заигралъ на мандолинѣ и запѣлъ довольно порядочнымъ голосомъ слѣдующій сонетъ:

«Начертите мнѣ, сенора, своею волей линію, которою я долженъ слѣдовать, и повѣрьте, что я ни на одну точку не отклонюсь отъ нея.

«Если вы желаете, чтобы я умеръ, скрывъ свои муки, считайте меня уже умершимъ; а если вамъ угодно знать мои страданія, то я готовъ заставить языкъ любви разсказать вамъ о нихъ.

«Подчиняясь неумолимымъ законамъ любви, моя душа то превращается въ мягкій воскъ, то въ твердый алмазъ.

«Пишите на мягкомъ, высѣкайте на твердомъ все, что внушитъ вамъ ваша прихоть: клянусь, все будетъ сохранено во мнѣ навѣки!..»

Рыцарь Лѣса оборвалъ свое пѣніе тяжелымъ стономъ, какъ бы вырвавшимся изъ глубины его души, но черезъ нѣсколько мгновеній вскричалъ жалобнымъ и измученнымъ голосомъ:

— О, прекраснѣйшая и неблагодарнѣйшая женщина въ мірѣ! Какъ можешь ты, свѣтлѣйшая Кассильда Вандальская, допустить, чтобы плѣненный тобою рыцарь погибалъ въ тяжкихъ трудахъ вѣчнаго странствованія! Не довольно ли того, что я вынудилъ признать тебя первою красавицей въ мірѣ всѣхъ рыцарей Наварры, Леоны, Тартезіи, Кастиліи и, наконецъ, даже Ламанча?

— О, что касается рыцарей ламанчскихъ, то это онъ лжетъ, неправда ли, Санчо? — прошепталъ возмущенный Донъ-Кихотъ. — Я самъ принадлежу къ числу ламанчскихъ рыцарей, но никогда не признавалъ красоты какой-то Кассильды Вандальской; да и быть этого не можетъ: я никогда не позволилъ бы себѣ такъ оскорбить свою собственную даму!.. Этотъ рыцарь положительно лжетъ, Санчо... Но, послушаемъ, что онъ еще откроетъ намъ.

— Конечно, послушаемъ, ваша милость; вѣдь онъ только что началъ и, кажется, не намѣренъ скоро кончить, — проговорилъ Санчо.

Однако наши герои ошиблись: услыхавъ голоса разговаривавшихъ, рыцарь Лѣса прекратилъ свои жалобы, привсталъ и спросилъ громкимъ, хотя и весьма сдержаннымъ голосомъ:

— Кто тамъ? Какіе люди: счастливые или несчастливые?

— Несчастливые! — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

— Въ такомъ случаѣ приблизьтесь ко мнѣ, представляющему собою воплощеніе печали и страданія, — продолжалъ рыцарь Лѣса.

Вѣжливость и скорбный голосъ незнакомца располагали въ его пользу Донъ-Кихота, который въ сопровожденіи Санчо тотчасъ же подошелъ къ нему.

Рыцарь Лѣса сдѣлалъ шагъ навстрѣчу къ Донъ-Кихоту, взялъ его за руку и произнесъ:

— Садитесь, сеноръ. Я догадываюсь, что вы странствующій рыцарь по одному тому, что нашелъ васъ здѣсь, въ этой пустынѣ, которую въ ночную пору едва ли изберетъ своимъ пріютомъ человѣкъ обыкновенный.

— Да, сеноръ, вы не ошиблись; я, дѣйствительно, странствующій рыцарь, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Хотя въ моей душѣ навсегда поселились горе и скорбь, тѣмъ не менѣе она еще доступна сочувствію къ страданіямъ ближнихъ. Изъ того, что вы сейчасъ пѣли, я заключилъ, что ваши страданія проистекаютъ отъ любви къ той прекрасной и неблагодарной особѣ, имя которой такимъ горькимъ воплемъ вырвалось изъ вашихъ устъ.

Усѣвшись рядомъ на травѣ, оба рыцаря начали бесѣдовать такимъ дружескимъ тономъ, что никому не могло прійти и въ голову, что скоро у нихъ явится желаніе перерѣзать другъ другу горло.

— Скажите, пожалуйста, — проговорилъ, между прочимъ, рыцарь Лѣса, — не влюблены ли и вы?

— Къ несчастію, да, — сознался Донъ-Кихотъ. — Я сказалъ «къ несчастію», хотя любовь, обращенная на предметъ вполнѣ достойный, можетъ принести скорѣе добро, чѣмъ зло.

— Да, — сказалъ рыцарь Лѣса, — это было бы вѣрно, если бы презрѣніе любимаго предмета не затемняло нашъ разсудокъ до такой степени, что въ сердце невольно закрадывается что-то въ родѣ жажды мести.

— Моя дама никогда не выказывала мнѣ презрѣнія, — подхватилъ Донъ-Кихотъ.

— Этого и быть не можетъ, — вмѣшался Санчо: — наша дама кротка какъ овечка и мягка какъ масло.

— Это вашъ оруженосецъ? — спросилъ рыцарь Лѣса, только теперь обратившій вниманіе на Санчо.

— Да, оруженосецъ, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

— Въ первый еще разъ вижу оруженосца, который осмѣливается говорить въ присутствіи своего господина, — замѣтилъ рыцарь Лѣса. — Вотъ, напримѣръ, мой: во все время, пока мы тутъ бесѣдуемъ, онъ даже губъ не разжималъ.

— Ну, а я говорилъ, — задорно сказалъ Санчо, — и всегда буду говорить, даже при... Впрочемъ, и я могу молчать когда нужно, — поспѣшно прибавилъ онъ, взглянувъ на вспыхнувшее гнѣвомъ лицо Донъ-Кихота.

— Вотъ что, дорогой сотоварищъ по оружію, — произнесъ рыцарь лѣса, схвативъ Донъ-Кихота за руку, — удалимся въ другое мѣсто, гдѣ бы мы могли побесѣдовать безъ всякой помѣхи, а нашихъ оруженосцевъ оставимъ здѣсь: имъ не все слѣдуетъ знать, о чемъ говорятъ ихъ господа.

— Напрасно ваша милость приравниваетъ меня къ обыкновеннымъ оруженосцамъ, — обиженнымъ тономъ произнесъ Санчо. — А чтобы вамъ не безпокоиться, лучше мы сами уйдемъ въ другое мѣсто.

Съ этими словами онъ отвелъ другого оруженосца въ сторону, и вскорѣ между слугами возникла такая же оживленная бесѣда, какую вели ихъ господа.

ГЛАВА XIII,

въ которой воспроизводится интересная бесѣда обоихъ оруженосцевъ.

Тяжелую и трудную жизнь ведемъ мы, несчастные оруженосцы странствующихъ рыцарей, — сказалъ слуга рыцаря Лѣса, оставшись наединѣ съ Санчо. — Гнѣвъ, которымъ поразилъ Господь нашихъ прародителей, вполнѣ отозвался на насъ: мы, дѣйствительно, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой.

— Не только въ потѣ лица, но и въ сокѣ тѣла своего, — добавилъ Санчо. — Кто же болѣе насъ страдаетъ отъ холода и жары подъ открытымъ небомъ? Да оно бы еще ничего, можно было бы терпѣть, если бы хоть хлѣбъ-то всегда имѣлся у насъ, когда мы голодны, а то иной разъ не бываетъ и сухой корки. Такъ и питайся однимъ воздухомъ, который скорѣе возбуждаетъ аппетитъ, чѣмъ служитъ къ его утоленію.

— Положимъ, — сказалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса, — у насъ зато есть надежда на то, что всѣ наши лишенія каждую минуту могутъ быть вознаграждены. Если рыцарь, которому служишь, не изъ неблагодарныхъ, то онъ при первомъ же удобномъ случаѣ дастъ тебѣ въ управленіе хорошенькій островокъ или какое-нибудь доходное графство.

— Да, я уже не разъ говорилъ своему господину, что буду вполнѣ удовлетворенъ, если онъ пожалуетъ меня островомъ, и онъ настолько милостивъ и благороденъ, что не разъ и обѣщалъ мнѣ это, — промолвилъ Санчо.

— А я разсчитываю на полученіе канониката, обѣщаннаго мнѣ моимъ господиномъ.

— Э! — вскричалъ Санчо. — Значитъ, твой господинъ принадлежитъ къ церковнымъ рыцарямъ? Иначе онъ не могъ бы давать подобныхъ обѣщаній... Ну, а мой — рыцарь свѣтскій, хотя нѣкоторые умные люди — на мой взглядъ совсѣмъ некстати — и совѣтовали ему сдѣлаться архіепископомъ. Къ счастію, онъ не желаетъ быть имъ, а я сначала страшно боялся, какъ бы ему ни пришло въ голову поступить въ духовенство, куда я самъ рѣшительно не гожусь.

— Это очень жаль, — подхватилъ незнакомый оруженосецъ. — Надо тебѣ знать, что островъ острову рознь: есть такіе острова, съ которыхъ не получишь никакого дохода, есть и такіе, гдѣ очень скучно жить; а управленіе тѣми, на которыхъ можно бы жить въ богатствѣ, часто бываетъ сопряжено съ такими трудностями и непріятностями, что и не обрадуешься, если попадешь на какой-нибудь изъ нихъ губерна-

торомъ. Лучше всего, если бы мы могли просуществовать тихо и скромно въ своемъ прежнемъ положеніи, не гоняясь ни за какими островами, графствами и канониками. Въ сущности, я бы былъ очень доволенъ, если бы имѣлъ хоть какую-нибудь клячу, пару борзыхъ и хорошій снарядъ для рыбной ловли; тогда я ѣздилъ бы на охоту, а когда этого нельзя — занимался бы рыбною ловлей.

— Но вѣдь у тебя есть лошадь,— замѣтилъ Санчо.— Я видѣлъ, что около того мѣста, гдѣ расположился твой господинъ, пасутся двѣ лошади.

— Онѣ обѣ принадлежатъ моему господину,— со вздохомъ проговорилъ незнакомый оруженосецъ.

— Да? Ну, а у меня хотя тоже нѣтъ лошади, зато есть такой прекрасный оселъ, что я не промѣняю его ни на какую лошадь, если бы мнѣ даже дали въ придачу четыре мѣры ячменя,— хвасталъ Санчо.— Гончихъ же я во всякое время могу достать, если только захочу, но я не любитель охоты.

— Мнѣ страхъ какъ надоѣли эти скитанія по пустынямъ,— продолжалъ собесѣдникъ Санчо, какъ бы про себя.— Объ одномъ только и думаю, какъ бы возвратиться въ деревню и воспитывать моихъ маленькихъ дѣтей. У меня ихъ трое, хорошенькихъ какъ восточныя жемчужинки.

— А у меня двое: сынъ и дочь,— сказалъ Санчо.— Они такъ хороши, что хоть къ самому папѣ ихъ везти, такъ и то не стыдно. Въ особенности прекрасна дочь, которую я поэтому и хочу, съ Божьей помощью, сдѣлать графиней, хотя ея мать и противъ этого.

— А какихъ лѣтъ ваша дочь? — полюбопытствовалъ чужой оруженосецъ.

— Пятнадцати безъ двухъ мѣсяцевъ,— отвѣтилъ Санчо.— Но она ростомъ съ хорошую жердь, свѣжа какъ апрѣльское утро и сильна какъ носильщикъ.

— Чортъ возьми! Это, дѣйствительно, хорошія качества. Съ ними она можетъ разсчитывать сдѣлаться не только графиней, но даже и нимфой Зеленаго Боскета... Но какіе же должны быть плечи у этой дочери-нищенки, судя по вашимъ!

— Плечи у нея недурны,— съ сердцемъ произнесъ Санчо.— Но она и ея мать вовсе не нищенки, да и не будутъ ими, пока я живъ. Вы напрасно такъ оскорбительно отзываетесь о моемъ семействѣ, сеноръ оруженосецъ. Я удивляюсь, какъ это вы, вращаясь между странствующими рыцарями, которые всѣ крайне вѣжливы, говорите такъ грубо.

— Ахъ, какъ вы сами плохо образованы! — вскричалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.— Развѣ вы не знаете до сихъ поръ, что когда рыцарь

ловкимъ ударомъ уложить въ циркѣ быка или вообще кто-нибудь сдѣлаетъ что-либо хорошее, то присутствующіе всегда кричатъ: «О, сынъ нищей! Какъ ловко онъ справился!» Эти слова, кажущіяся оскорбительными, на самомъ дѣлѣ заключаютъ въ себѣ высшую похвалу... Откажитесь лучше отъ дѣтей, которыя не вызываютъ этой похвалы изъ устъ другихъ.

— О, если такъ, то вы можете бранить мою жену и дѣтей сколько вамъ будетъ угодно, потому что достойнѣе ихъ подобныхъ похвалъ я и не видывалъ,— сказалъ Санчо.— Кабы ты зналъ, братъ,— перешелъ онъ опять на дружескій тонъ,— какъ мнѣ хочется скорѣе увидаться съ ними!.. Молю Бога сжалиться надо мною и помочь мнѣ оставить навсегда это опасное ремесло странствующаго оруженосца, за которое я взялся во второй разъ, соблазнившись тѣмъ, что въ первый разъ нашелъ въ горахъ Сіерры-Морены сто золотыхъ монетъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ всюду такъ и мерещатся золотыя монеты. Иногда мнѣ ужъ кажется, что я нашелъ цѣлый мѣшокъ дублоновъ, беру его въ руки, тащу домой, накупаю всякаго рода добра, кладу что осталось на проценты и живу себѣ принцемъ, безъ нужды и заботъ. Вотъ поэтому-то я и стараюсь терпѣливо переносить всѣ мученія, на которыя обрекаетъ меня мой господинъ... Кстати сказать, это скорѣе сумасшедшій, чѣмъ странствующій рыцарь, но я поневолѣ долженъ смотрѣть на его дурачества сквозь пальцы, надѣясь, что, авось, судьба за это смилуется надо мною и пошлетъ мнѣ хорошую прибыль.

— Отъ желанія больше класть въ мѣшки они рвутся,— замѣтилъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.— А что касается до господъ, то едва ли есть на свѣтѣ второй такой дуракъ, какъ мой господинъ. Это одинъ изъ тѣхъ, къ которымъ вполнѣ примѣнима поговорка «Заботы о ближнемъ убиваютъ и осла». И дѣйствительно, чтобы возвратить разумъ другому рыцарю, онъ самъ сдѣлался дуракомъ и бросился на поиски за такою штукой, которую если и найдетъ, такъ самъ не обрадуется, какъ я думаю.

— Должно-быть, онъ у васъ влюбленъ? —догадался Санчо.

— Да,— отвѣтилъ оруженосецъ рыцаря Лѣса,— врѣзался въ какую-то Кассильду Вандалійскую, даму, какъ видно, съ душкомъ. Но у него и кромѣ того вертится въ головѣ разная ерунда.

— Говорятъ, что страдать вдвоемъ легче, чѣмъ одному,— промолвилъ Санчо,— поэтому очень пріятно слышать, что не я одинъ служу сумасшедшему.

— Мой господинъ хотя сумасшедшій, но храбрый... пожалуй, впрочемъ, болѣе плутоватый, чѣмъ храбрый,— сказалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.

— А что касается моего, то это чистый голубь,— счелъ нужнымъ заявить Санчо.— Онъ не въ состояніи сдѣлать никому зла, напротивъ, всегда готовъ всѣхъ облагодѣтельствовать, и хитрости въ немъ нѣтъ ни капельки. А довѣрчивъ онъ такъ, что каждый ребенокъ можетъ обмануть его въ чемъ только захочетъ. За эту простоту душевную я и люблю его пуще своего глаза и никакъ не могу рѣшиться бросить его, несмотря на всѣ глупости, которыя онъ дѣлаетъ.

— Но у васъ можетъ выйти въ родѣ того, когда слѣпой водитъ другого слѣпого: обыкновенно оба сваливаются въ яму,— говорилъ незнакомый оруженосецъ.— Вообще я нахожу, что поиски приключеній не поведутъ ни къ чему хорошему, и лучше бы всего намъ возвратиться домой, пока мы цѣлы... Что это ты все отплевываешься, товарищъ?— добавилъ онъ.— Или языкъ засохъ отъ болтовни? У меня онъ тоже начинаетъ прилипать къ горлу... Подожди немного, я сейчасъ принесу средство отъ сухоты языка, оно у меня въ арчакѣ сѣдла.

Онъ всталъ и направился къ своей лошади, которая въ полномъ своемъ нарядѣ отдыхала на травѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился съ мѣхомъ вина и длиннымъ кускомъ пирога.

— Пей и ѣшь, товарищъ,— предложилъ онъ, доставая изъ кармана деревянную чарку и складной ножъ.— У насъ этого добра много.

— Ого, значитъ, вамъ живется недурно!— вскричалъ Санчо, съ обычною жадностью набрасываясь на угощеніе, такъ неожиданно предложенное ему незнакомымъ оруженосцемъ.

— Да, что касается желудка, то ему пока еще не на что жаловаться,— отвѣтилъ тотъ.— Я везу столько всякой провизіи, что ее можетъ хватить надолго.

— Ишь, какой устроилъ пиръ!— восхищался Санчо.— Сразу видно, что ты оруженосецъ вѣрный и честный, благородный и щедрый. Въ моей сумкѣ нѣтъ ничего, кромѣ черстваго хлѣба, сыра, до того крѣпкаго, что имъ можно прошибить голову любому великану, нѣсколько стручковъ да немного разныхъ орѣховъ. Господинъ мой строго соблюдаетъ свой уставъ, по которому странствующіе рыцари должны питаться только сухими плодами да полевыми травами.

— Ну, мой желудокъ не подчинится такому уставу,— заявилъ его собесѣдникъ.— Господинъ мой можетъ питаться чѣмъ ему вздумается, хоть пнями древесными, а мнѣ подавай настоящей ѣды. Я такъ люблю свою сумку, когда она полна мясомъ и тому подобными лакомствами, что то и дѣло нагибаюсь посмотрѣть, цѣла ли она.

Выпивъ нѣсколько чарокъ, Санчо чмокнулъ губами и воскликнулъ:

— О, сынъ нищей, вотъ славная штука-то!

— Вотъ ты и похвалилъ мое вино, назвавъ его сыномъ нищей,— замѣтилъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.

— Я теперь понялъ, что эти слова не ругательныя, когда говорятся съ цѣлью похвалить,— произнесъ Санчо слегка запинающимся языкомъ.— Вино, и правда, отличное: навѣрное, сіудадъ-реальское?

— Ого, да ты знатокъ!—вскричалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.— Это, дѣйствительно, сіудадъ-реальское и довольно старое.

— Да, ужъ въ винахъ я такъ хорошо знаю толкъ, что мнѣ стоитъ только понюхать капельку любого вина, чтобы сразу понять откуда оно, какого года, какого вкуса и всѣ остальныя его особенности. Это и неудивительно, потому что у меня въ роду, со стороны отца, были два самыхъ знаменитыхъ во всемъ Ламанчѣ знатока винъ. Въ доказательство этого я даже разскажу тебѣ одинъ случай съ ними. Какъ-то разъ имъ дали отвѣдать вина изъ одной бочки и попросили ихъ, чтобы они сказали какого оно качества. Одинъ изъ нихъ попробовалъ его на языкъ, а другой только понюхалъ его. Первый сказалъ, что это вино отзываетъ желѣзомъ, а второй —что оно пахнетъ козьимъ мѣхомъ. Хозяинъ увѣрялъ, что бочка, въ которой находилось вино, совершенно чистая и въ ней не было ничего такого, что могло бы пахнуть желѣзомъ или козлиной. Знатоки, однако, настаивали на своемъ. Время шло, вино распродавалось, и когда бочка опорожнилась, на днѣ ея оказался крохотный желѣзный ключикъ, привѣшанный къ ремню изъ козлиной шкуры. Понятно тебѣ теперь, что человѣкъ, происходящій изъ такого рода, знаетъ толкъ въ винѣ?

— Что ужъ тутъ говорить!—въ тонъ ему произнесъ новый товарищъ.— Вообще, мы оба съ тобою съ талантами, поэтому я и полагаю, что намъ нечего ввязываться въ рыцарскія приключенія, изъ которыхъ еще неизвѣстно что выйдетъ, а отправимся-ка лучше домой, въ свои бѣдныя хижины. Захочетъ Богъ, такъ найдетъ насъ и тамъ Своими милостями.

— Нѣтъ,— возразилъ Санчо,— я не покину своего господина, пока не попадемъ въ Сарагоссу, куда мы держимъ путь. Тамъ я подумаю, какъ быть дальше.

Въ концѣ-концовъ наши оруженосцы допировались и доболтались до того, что заснули рядомъ на травѣ, любовно прижимая къ себѣ по кончику пустого виннаго мѣха.

Оставимъ ихъ въ этомъ пріятномъ положеніи и посмотримъ, какъ проводили время рыцарь Лѣса и нашъ рыцарь Печальнаго Образа.

ГЛАВА XIV,

въ которой продолжается и оканчивается приключеніе съ рыцаремъ Лѣса.

Ведя оживленную бесѣду съ Донъ-Кихотомъ, рыцарь Лѣса, между прочимъ, сказалъ:

— Я хочу открыться вамъ, что судьба, или, вѣрнѣе, собственная прихоть заставила меня воспламениться любовью къ несравненной Кассильдѣ Вандалійской. Я называю ее «несравненною» потому, что ей нѣтъ равной ни по фигурѣ ни по красотѣ. Эта неблагодарная и жестокая красавица отплатила за мои страстныя чувства и честныя намѣренія тѣмъ, что, подобно мачехѣ Геркулеса, подвергла меня тысячѣ опасностей, обѣщая по благополучномъ миновaніи каждой, что осуществитъ мои надежды, если я выйду побѣдителемъ еще изъ одного опаснаго приключенія. Но такъ какъ требованія моей неумолимой дамы, вытекая одно изъ другого, безконечны, подобно звеньямъ цѣпи, то я и не предвижу исполненія моей завѣтной мечты. Разъ она приказала мнѣ усмирить пресловутую севильскую великаншу, извѣстную подъ именемъ Гиральды [1]. Благодаря своему бронзовому тѣлу, эта великанша обладаетъ громадною силой и львиною храбростью, и хотя она не движется съ мѣста, но ее смѣло можно назвать самою вѣтреною женщиной въ мірѣ. Я пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ, обязавъ ее не вертѣться изъ стороны въ сторону, какъ она всегда дѣлала. Къ счастью, вѣтеръ все время, въ теченіе болѣе недѣли, какъ разъ дулъ съ сѣвера, иначе, пожалуй, она и не послушалась бы меня. Послѣ этого прекрасная Кассильда заставила меня поднять и взвѣсить громадныхъ каменныхъ «гвизандскихъ быковъ» [2]; работа эта скорѣе была бы прилична носильщику тяжестей, чѣмъ благородному рыцарю. Затѣмъ моя безжалостная дама повелѣла мнѣ спуститься въ жерло одного изъ кратеровъ въ Сіеррѣ-Кабрѣ и подробно описать ей все, что находится въ этой бездонной и мрачной пропасти. Я побѣдилъ Гиральду, взвѣсилъ «гвизандскихъ быковъ», спускался въ пропасть, рискуя каждую минуту погибнуть самымъ ужаснымъ образомъ, но надежды мои не оправдались: требовательность и презрѣніе прекрасной Кассильды только увеличились. Наконецъ она приказала, чтобы я объѣздилъ всѣ испанскія провинціи и заставилъ

[1]) Гиральда — громадная бронзовая статуя, служащая флюгеромъ на башнѣ севильскаго собора.

[2]) Такъ назывались четыре громадныя каменныя глыбы, находившіяся въ саду одного монастыря въ Авилѣ.

всѣхъ встрѣчныхъ странствующихъ рыцарей признать ее самою очаровательною изъ всѣхъ живущихъ на свѣтѣ женщинъ, а меня — самымъ храбрымъ и самымъ влюбленнымъ изъ всѣхъ рыцарей. Я уже объѣздилъ добрую половину Испаніи и побѣдилъ множество рыцарей, осмѣлившихся оспоривать меня. Болѣе всего я имѣю право гордиться побѣдою въ единоборствѣ надъ знаменитымъ рыцаремъ Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, котораго очень трудно было принудить признать, что моя Кассильда Вандалійская прекраснѣе его Дульцинеи Тобозской. Одною этою побѣдой я какъ бы одержалъ верхъ надъ рыцарями всего міра, потому что этотъ Донъ-Кихотъ побѣждалъ ихъ всѣхъ; а такъ какъ я побѣдилъ и его, то вся его слава, честь и репутація величайшаго и непобѣдимаго рыцаря перешли ко мнѣ. Не даромъ говорится: «Побѣдитель тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ славы, чѣмъ славнѣе побѣжденный». Такимъ образомъ безчисленные подвиги пресловутаго Донъ-Кихота, передаваемые изъ устъ въ уста, относятся собственно ко мнѣ.

Слушая самохвальство рыцаря Лѣса, Донъ-Кихотъ отъ изумленія даже ротъ разинулъ. При каждомъ словѣ завравшагося фанфарона онъ собирался перебить его и крикнуть ему, что онъ безбожно лжетъ, но благоразумно удерживался, чтобы дать ему возможность вполнѣ высказаться. Когда же его собесѣдникъ кончилъ, нашъ рыцарь спокойно произнесъ:

— Противъ того, что вы, сеноръ рыцарь, побѣдили большинство испанскихъ странствующихъ рыцарей, я ничего не имѣю возразить, но чтобы вы побѣдили и Донъ-Кихота Ламанчскаго — въ этомъ я сильно сомнѣваюсь. Можетъ-быть вы приняли за него кого-нибудь другого, похожаго на него, хотя я не думаю, чтобы кто-нибудь могъ походить на этого рыцаря.

— Напрасно вы сомнѣваетесь! — вскричалъ рыцарь Лѣса. — Клянусь небомъ, покрывающимъ насъ, что я бился съ самимъ Донъ-Кихотомъ, побѣдилъ его и заставилъ сдаться мнѣ на милость! Я вамъ опишу его наружность. Это человѣкъ высокаго роста, тощій, съ желтымъ высохшимъ лицомъ, съ орлинымъ носомъ, сѣдыми волосами и длинными черными усами. Онъ разъѣзжаетъ по странѣ подъ именемъ рыцаря Печальнаго Образа; за нимъ постоянно слѣдуетъ, въ качествѣ оруженосца, одинъ толстякъ, по имени Санчо Панца. Знаменитый конь этого рыцаря называется Россининтомъ, а дама сердца — Дульцинеею Тобозскою, названною имъ такъ потому, что она уроженка горсда Табозо, какъ, напримѣръ, я назвалъ свою Кассильду «Вандальскою» на томъ основаніи, что она андалузіанка. Если всѣхъ этихъ подробностей не достаточно для того, чтобы убѣдить васъ въ истинѣ моихъ словъ, то вотъ моя шпага, она въ состояніи заставить повѣрить мнѣ даже самое воплощеніе невѣрія.

— Успокойтесь, сеноръ рыцарь, и выслушайте меня,— проговорилъ Донъ-Кихотъ.— Знайте, что Донъ-Кихотъ — мой лучшій другъ во всемъ мірѣ; я смѣло могу сказать, что онъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ я самъ себѣ. Примѣты его описаны вами съ такою точностью, что я долженъ бы повѣрить, что вы, дѣйствительно, имѣли съ нимъ дѣло и побѣдили его; но, повторяю вамъ, что это невозможно, если только, впрочемъ, одинъ изъ враждебныхъ ему волшебниковъ, преслѣдующихъ его съ чудовищнымъ упорствомъ, не вздумалъ принять его образъ и не допустилъ побѣдить себя, чтобы отнять у него его всемірную славу, заслуженную имъ цѣлымъ рядомъ величайшихъ рыцарскихъ подвиговъ. Въ доказательство того, на что способны эти проклятые волшебники, я приведу вамъ слѣдующій случай. Не дальше какъ на дняхъ они прямо на его глазахъ превратили прекрасную и очаровательную Дульцинею Тобозскую въ безобразную, грязную и зловонную крестьянку. Навѣрное, они такимъ же образомъ превратили или самихъ себя, или кого-нибудь другого въ Донъ-Кихота. Но если все это не въ состояніи убѣдить васъ въ истинѣ моихъ словъ, то передъ вами и самъ Донъ-Кихотъ, готовый подтвердить свои слова съ оружіемъ въ рукахъ, пѣшкомъ, на конѣ или какъ вамъ будетъ угодно.

При послѣднихъ словахъ Донъ-Кихотъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и, ухватившись за эфесъ шпаги, ждалъ, какое рѣшеніе приметъ рыцарь Лѣса.

Но послѣдній совершенно спокойно проговорилъ:

— Хорошій плательщикъ не боится за участь своихъ закладовъ. Тотъ, которому удалось побѣдить васъ, сеноръ Донъ-Кихотъ, въ лицѣ вашего двойника, въ правѣ надѣяться, что онъ побѣдитъ васъ и въ настоящемъ вашемъ видѣ. Но такъ какъ не принято, чтобы рыцари производили свои дѣянія ночью и украдкой, подобно разбойникамъ и убійцамъ, то дождемся утра, когда взойдетъ солнце и будетъ свидѣтелемъ нашего поединка. Непремѣннымъ условіемъ поединка я ставлю то, чтобы побѣжденный сдался на милость побѣдителя, который можетъ дѣлать съ нимъ все, что ему заблагоразсудится

— Я принимаю это условіе,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

Послѣ этого рыцари отправились искать своихъ оруженосцевъ и нашли ихъ крѣпко спящими и храпящими на весь лѣсъ. Разбудивъ ихъ, рыцари приказали имъ держать лошадей наготовѣ и сообщили, что намѣрены на разсвѣтѣ вступить въ кровавый бой.

При этой новости Санчо задрожалъ отъ испуга и ужаса, опасаясь за жизнь своего господина: товарищъ его столько насказалъ ему турусъ на колесахъ о безпримѣрной силѣ и храбрости рыцаря Лѣса, что бѣдный толстякъ заранѣе уже приговорилъ своего господина къ смерти.

Идя вмѣстѣ съ Санчо къ лошадямъ, которыя паслись въ обществѣ Длинноуха, оруженосецъ рыцаря Лѣса сказалъ ему:

— Вотъ что, братъ. Если наши рыцари будутъ сражаться, то и я не стану сидѣть, сложа руки, и тоже подерусь съ тобою. У насъ, андалузцевъ, такой обычай, что когда крестники дерутся, то и крестные вступаютъ между собой въ бой. Я думаю, тебѣ извѣстно, что «крестными» называются свидѣтели при поединкѣ.

— Это-то мнѣ извѣстно,—отвѣтилъ Санчо,—но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаю, что вашъ обычай, господинъ оруженосецъ, не припятъ между оруженосцами настоящихъ странствующихъ рыцарей. По крайней мѣрѣ я никогда не слыхалъ, чтобы мой господинъ, знающій наизусть весь уставъ странствующихъ рыцарей, упоминалъ объ этомъ обычаѣ. Я вообще не охотникъ драться. Чѣмъ лѣзть въ драку, я лучше готовъ заплатить штрафъ, если потребуется: все-таки это дешевле обойдется, чѣмъ, напримѣръ, проломленная голова или свернутая на сторону челюсть. Да у меня и оружія съ собой нѣтъ, а брать его никогда не намѣренъ.

— О, мы можемъ обойтись и безъ оружія,—сказалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса:—у меня есть два мѣшка одинаковой величины; мы съ вами отлично можемъ отхлестать ими другъ друга.

— На это я, пожалуй, согласенъ,—заявилъ Санчо.—Игра мѣшками только развлечетъ насъ, а вреда особеннаго не причинитъ.

— А вы думаете, мѣшки будутъ пустые?—вскричалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.—Нѣтъ, я говорю не о пустыхъ мѣшкахъ: въ каждый изъ нихъ мы положимъ по равному количеству хорошенькихъ кругленькихъ булыжниковъ; тогда дѣло пойдетъ какъ по маслу: и тяжесть у насъ будетъ въ рукахъ, и драться будемъ, и ни одной царапинки не получимъ.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвалъ Санчо.—Развѣ камни будутъ завернуты въ вату? Нѣтъ, дружище, я на это не согласенъ. Если бы даже твои мѣшки были наполнены одними шелковыми коконами, я и то не почувствовалъ бы желанія испытывать ихъ удары на себѣ... Пусть наши господа дѣлаютъ, что хотятъ, а мы съ тобою лучше будемъ ѣсть, пить и веселиться. Къ чему намъ стараться сокращать раньше времени свою жизнь, которая и безъ того слишкомъ коротка?

— Такъ-то такъ, а все-таки полчасика надо бы позабавиться мѣшками,—замѣтилъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.

— Да съ какой же стати я буду драться съ человѣкомъ, который такъ любезно угощалъ меня и не сдѣлалъ мнѣ никакого зла?—возражалъ Санчо.—Вотъ если бы я имѣлъ на тебя сердце, тогда дѣло было бы другое.

— О, что касается сердца, то это живо можно устроить,— сказалъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.—Какъ только наши господа вступятъ въ бой, я подойду къ тебѣ да и дамъ хорошую зуботычину, такъ чтобы ты свалился съ ногъ, тогда, надѣюсь, сердце у тебя обязательно разойдется, если бы оно было даже каменное.

— Противъ этого средства у меня есть въ запасѣ другое, — отвѣтилъ Санчо:—прежде, чѣмъ вы успѣете дать мнѣ затрещину, я возьму поздоровѣе сукъ да и начну дуть васъ имъ такъ, что ваше сердце не только разойдется, но даже выскочитъ у васъ изъ груди и заставитъ васъ послѣдовать за нимъ прямо на тотъ свѣтъ... Я не изъ тѣхъ, которымъ можно безнаказанно давать затрещины. Ужъ если кошка, которую заперли и дразнятъ, превращается въ лютаго тигра, то и я Богъ вѣсть во что способенъ превратиться, если начнутъ дразнить меня... Потомъ надо помнить, что Богъ велитъ жить въ мирѣ и запретилъ ссориться, а я слишкомъ хорошій христіанинъ, чтобы не исполнять Его заповѣдей. Вообще прошу васъ, господинъ оруженосецъ, имѣть въ виду, что если вы заставите меня драться съ вами, то вы сами и будете отвѣчать за все зло, которое отъ этого произойдетъ.

— Хорошо,—хладнокровно произнесъ оруженосецъ рыцаря Лѣса.— Подождемъ разсвѣта, тогда и увидимъ, что дѣлать.

Въ это время веселые и радостные голоса множества птичекъ, пріютившихся въ вѣтвяхъ деревьевъ, начали привѣтствовать красавицу-зарю, выплывшую на балконъ восточнаго небосклона и стряхивавшую со своихъ золотистыхъ кудрей дождь алмазныхъ капель, жадно подхватываемыхъ и поглощаемыхъ растеніями, которыя потомъ сами загорѣлись разноцвѣтными искрами драгоцѣннаго убора. Съ момента появленія прекрасной волшебницы-зари тополи начали благоухать, ручьи принялись громче журчать, деревья радостно затрепетали и залепетали своими листьями, а травы и цвѣты начали понемногу развертывать богатство своихъ красокъ.

Первый предметъ, поразившій зрѣніе Санчо при исчезновеніи ночной тьмы, былъ носъ оруженосца рыцаря Лѣса; этотъ носъ оказался такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что казалось, будто заслонялъ все лицо; онъ былъ дугообразный формы, весь усѣянъ бородавками, отливалъ цвѣтомъ спѣлой сливы и спускался почти до самаго подбородка. По милости этого носа лицо его владѣльца представлялось такимъ безобразнымъ, что Санчо долго не могъ опомниться отъ ужаса и мысленно рѣшилъ, что скорѣе позволитъ такому страшилищу надавать себѣ сотню плюхъ, чѣмъ вступить съ нимъ въ какой бы то ни было бой, даже шуточный.

Донъ-Кихоту не удалось увидать своего противника въ лицо, потому что тотъ вовремя надѣлъ свой шлемъ и опустилъ забрало. Видно было

только, что это человѣкъ средняго роста и прекрасно сложенный. Поверхъ латъ незнакомецъ носилъ короткую тунику, казавшуюся сотканною изъ золотыхъ нитей и сплошь покрытую крохотными зеркалами въ видѣ полулунъ, что было удивительно красиво и изящно. На верхушкѣ шлема развѣвался пукъ зеленыхъ, желтыхъ и бѣлыхъ перьевъ, а у дерева стояло громадное копье съ длиннымъ и чрезвычайно острымъ стальнымъ наконечникомъ. Донъ-Кихотъ однимъ взглядомъ охватилъ всѣ эти подробности и вывелъ изъ нихъ заключеніе, что имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь очень благороднымъ, богатымъ и важнымъ рыцаремъ. Онъ, однако, не почувствовалъ ни малѣйшаго страха передъ такимъ противникомъ и смѣло сказалъ ему:

— Если ваше желаніе схватиться со мною, сеноръ рыцарь, не нанесло ущерба вашей вѣжливости, я попросилъ бы васъ приподнять немного забрало и позволить мнѣ убѣдиться въ томъ, что ваша красота соотвѣтствуетъ богатству и изяществу вашего рыцарскаго наряда.

— Сеноръ рыцарь, — отвѣтилъ тотъ, котораго мы теперь будемъ называть рыцаремъ Зеркалъ, — у васъ еще будетъ достаточно времени полюбоваться на мое лицо, въ качествѣ побѣдителя или побѣжденнаго. Я считаю оскорбленіемъ Кассильды Вандалійской открыть вамъ его раньше, чѣмъ вы исполните извѣстное вамъ требованіе, относящееся къ прославленію ея красоты.

— Такъ скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажусь ли я вамъ тѣмъ самымъ Донъ-Кихотомъ, котораго вы будто бы побѣдили?

— На это я отвѣчу вамъ, что вы походите на того Донъ-Кихота, какъ одно яйцо походитъ на другое; но разъ вы увѣряете, что надъ вами подшучиваютъ волшебники, то я ужъ не рѣшаюсь утверждать, что вы и тотъ Донъ-Кихотъ—одно и то же лицо.

— А!—произнесъ Донъ-Кихотъ, — этого достаточно съ меня. Я теперь понимаю, что вы находитесь въ большомъ заблужденіи, изъ котораго я и постараюсь вывести васъ, какъ только мы сядемъ на коней. Если Господь мнѣ поможетъ, а моя дама и моя рука мнѣ поблагопріятствуютъ, то я увижу ваше лицо, и вы узнаете, что я — не тотъ Донъ-Кихотъ, котораго вы побѣдили.

Проговоривъ эти слова, Донъ-Кихотъ сѣлъ на подведеннаго ему Россинанта и проѣхалъ нѣкоторое пространство, чтобы затѣмъ повернуть навстрѣчу своему противнику, который въ свою очередь вскочилъ въ сѣдло. Когда рыцари очутились шагахъ въ двадцати другъ отъ друга, рыцарь Лѣса крикнулъ Донъ-Кихоту:

— Помните же, сеноръ рыцарь, мое условіе, что побѣжденный долженъ вполнѣ отдаться во власть побѣдителя!

— Помню и принимаю, но только съ тѣмъ, чтобы меня не заставили дѣлать ничего, противнаго правиламъ рыцарства!—отвѣчалъ Донъ-Кихотъ.

— Ну, это само собою разумѣется,—сказалъ рыцарь Зеркалъ.

Въ это мгновеніе на глаза Донъ-Кихоту попался оруженосецъ съ уродливымъ носомъ. Нашъ доблестный рыцарь, конечно, не испугался, подобно Санчо, но подумалъ, что видитъ передъ собою или существо въ родѣ тѣхъ, которыя описываются въ сказкахъ, или же — человѣка новой породы, раньше не появлявшейся на землѣ, и потому смотрѣлъ на него только съ любопытствомъ. Санчо же, видя своего господина готовымъ вступить въ битву, не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія оставаться съ глазу на глазъ со своимъ носатымъ товарищемъ, опасаясь, какъ бы тотъ, въ самомъ дѣлѣ, не затѣялъ съ нимъ драки и не сшибъ его однимъ ударомъ своего «хобота». Подъ вліяніемъ этого страха онъ подбѣжалъ къ Донъ-Кихоту, уцѣпился за его сѣдло и замирающимъ голосомъ шепнулъ ему:

— Ради Бога, помогите мнѣ, ваша милость, влѣзть на дерево, чтобы я лучше могъ видѣть вашу мужественную битву съ противникомъ.

— Мнѣ кажется, Санчо, тебѣ просто хочется быть подальше отъ опасности?—улыбнулся Донъ-Кихотъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ,—возразилъ Санчо;—меня только ужасъ какъ пугаетъ носъ этого оруженосца. Просто стоять около него не могу отъ страха.

— Да,—согласился Донъ-Кихотъ,—это, дѣйствительно, такой носъ, что не будь я Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, и я, чего добраго, струсилъ бы передъ нимъ... Полѣзай, другъ Санчо, я тебѣ помогу.

Пока нашъ рыцарь подсаживалъ своего оруженосца на дерево, рыцарь Зеркалъ поворотилъ своего коня (имѣвшаго, кстати сказать, удивительно много общаго съ Россинантомъ) и во всю прыть его, — не превосходившую, впрочемъ, мелкой рыси настоящаго боевого коня,— поскакалъ навстрѣчу Донъ-Кихоту, будучи увѣренъ, что тотъ готовъ къ битвѣ. Видя, однако, что Донъ-Кихотъ занятъ подсаживаніемъ Санчо, рыцарь Зеркалъ остановился на полпути, къ полному удовольствію своего коня, который въ эту минуту положительно не былъ въ состояніи двинуться дальше, не напрягая своихъ послѣднихъ силъ. Донъ-Кихоту же показалось, что рыцарь Зеркалъ такъ круто остановился съ какою-нибудь уловкой въ родѣ того, чтобы потомъ внезапно обрушиться на него съ быстротою урагана, и такъ ловко пришпорилъ Россинанта, что тотъ въ первый разъ въ жизни пустился въ галопъ (по исторіи, извѣстно,

что этотъ знаменитый конь обыкновенно ограничивался тоже мелкою рысью). Благодаря небывалой стремительности Россинанта, Донъ-Кихотъ съ быстротою стрѣлы налетѣлъ на рыцаря Зеркалъ, который тщетно колотилъ шпорами бока своего коня, словно приросшаго къ мѣсту. Вслѣдствіе стеченія этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ Донъ-Кихотъ получилъ полный перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, которому, кромѣ коня, мѣшало еще и его громадное копье. Не встрѣчая никакого противодѣйствія, Донъ-Кихотъ получилъ полную возможность безъ всякаго риска распорядиться рыцаремъ Зеркалъ по своему усмотрѣнію. Онъ не замедлилъ воспользоваться выгодою своего положенія и съ такимъ мужествомъ и ловкостью напалъ на противника и ударилъ его копьемъ, что тотъ моментально перелетѣлъ черезъ голову своего неподвижно стоявшаго коня и упалъ прямо къ ногамъ Россинанта. Донъ-Кихотъ подумалъ даже, что убилъ его.

Увидѣвъ результатъ храбрости своего господина, Санчо поспѣшно спустился съ дерева и подбѣжалъ къ Донъ-Кихоту, который, въ свою очередь, соскочилъ съ сѣдла и бросился къ распростертому на землѣ рыцарю. Снявъ шлемъ съ головы противника и заглянувъ ему въ лицо, Донъ-Кихотъ остолбенѣлъ, узнавъ въ немъ баккалавра Самсона Караско.

— Санчо!—крикнулъ онъ своему оруженосцу, который былъ еще въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,—бѣги сюда, скорѣй сюда, и ты увидишь нѣчто непостижимое, невѣроятное... ты убѣдишься, что значитъ магія и что могутъ съ помощью ея сдѣлать колдуны и волшебники.

Узнавъ, со своей стороны, въ побѣжденномъ рыцарѣ Самсона Караско, Санчо съ испугомъ перекрестился и прочиталъ нѣсколько молитвъ и только потомъ сказалъ:

— Знаете что, мой добрый господинъ, по моему мнѣнію, вамъ слѣдуетъ безъ дальнихъ церемоній всадить этому молодчику въ горло шпагу: ясное дѣло, что это не самъ Самсонъ Караско, а какой-нибудь изъ вашихъ враговъ-волшебниковъ, принявшій его видъ.

— Ты правъ, Санчо, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Чѣмъ меньше такихъ опасныхъ враговъ, тѣмъ лучше.

Онъ уже обнажилъ было свою шпагу, чтобы привести въ исполненіе совѣтъ Санчо, какъ вдругъ къ нему подошелъ оруженосецъ побѣжденнаго, но безъ своего страшнаго носа, и вскричалъ:

— Что вы хотите дѣлать, сеноръ!? Вѣдь это вашъ другъ, а мой господинъ, баккалавръ Самсонъ Караско!.. Я его оруженосецъ и...

— А куда же это дѣвался твой носъ?—перебилъ Санчо, переходя отъ одного изумленія къ другому.

— У меня въ карманѣ, — простодушно отвѣчалъ спутникъ баккалавра, и тутъ же вытащилъ изъ кармана свой чудовищный носъ.

— Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ Санчо, взглядѣвшись въ видоизмѣненнаго оруженосца,—да вѣдь и это мой сосѣдъ, Ѳома Сесіаль!

— Онъ самый,—подтвердилъ обладатель волшебнаго носа.—Я, дѣйствительно, твой сосѣдъ и другъ, кромѣ того даже кумъ, Ѳома Сесіаль... Потомъ я разскажу тебѣ, какъ попалъ сюда, а теперь ты упроси своего господина, чтобы онъ не трогалъ рыцаря Зеркалъ, который, въ сущности, вовсе не рыцарь, а просто — баккалавръ Самсонъ Караско, какъ я уже говорилъ и какъ вы сами должны видѣть.

Въ это время мнимый рыцарь Зеркалъ зашевелился и открылъ глаза. Донъ-Кихотъ приставилъ шпагу къ его горлу и произнесъ суровымъ голосомъ:

— Вы погибли, сеноръ рыцарь, если немедленно не признаете Дульцинею Тобозскую превосходящею красотою Кассильду Вандалійскую! Мало того: вы еще должны дать мнѣ честное слово, что если оправитесь отъ послѣдствій этой битвы, то немедленно отправитесь въ Тобозо, представитесь тамъ отъ моего имени несравненной Дульцинеѣ и отдадите себя въ ея распоряженіе. Если она соблаговолитъ возвратить вамъ свободу, вы должны будете отыскать меня (слѣды моихъ подвиговъ всюду приведутъ васъ ко мнѣ) и передать мнѣ все, что произойдетъ между вами и моею дамой. Вы видите, я не налагаю на васъ обязательствъ, не согласныхъ съ правилами странствующаго рыцарства или нарушающихъ условія, которыя мы съ вами заключили передъ нашимъ поединкомъ.

— Признаю,—отвѣтилъ глухимъ голосомъ побѣжденный,—что грязный, разорванный башмакъ Дульцинеи Тобозской красивѣе и лучше вышитыхъ золотомъ туфелекъ Кассильды Вандалійской. Даю честное слово отправиться къ вашей дамѣ и вернуться къ вамъ съ подробнымъ отчетомъ обо всемъ, что произойдетъ между нами, если она отпуститъ меня.

— Кромѣ того, — продолжалъ Донъ-Кихотъ, — я требую, чтобы вы сознались, что побѣжденный вами рыцарь, котораго вы приняли за Донъ-Кихота Ламанчскаго, не былъ и не могъ быть имъ, но что это былъ кто-нибудь другой, похожій на меня, какъ вотъ, напримѣръ, вы вполнѣ походите на знакомаго мнѣ баккалавра Самсона Караско, хотя я знаю, что вы вовсе не онъ, а только превращены въ него моими врагами-волшебниками, съ цѣлью ослабить мой гнѣвъ на васъ и заставить меня отнестись къ вамъ снисходительнѣе въ качествѣ вашего побѣдителя.

— Все это я охотно сознаю, признаю и готовъ утвердить клятвой,— сказалъ распростертый на землѣ рыцарь. — Только помогите мнѣ, ради Бога, встать; одинъ я не въ состояніи подняться, потому что чувствую себя очень плохо.

Донъ-Кихотъ и Ѳома Сесіаль бережно подняли его. Санчо глядѣлъ во всѣ глаза на своего товарища по профессіи и закидывалъ его вопросами, на которые получалъ такіе отвѣты, что у него поневолѣ должно было исчезнуть всякое сомнѣніе въ томъ, что онъ, дѣйствительно, видитъ своего кума. Но, съ другой стороны, увѣренія Донъ-Кихота, что въ тѣлѣ баккалавра Самсона Караско сидитъ волшебникъ, заставляли Санчо думать, что и кумъ его — не кто иной, какъ волшебникъ, принявшій его наружность, чтобы одурачить его, Санчо. На этомъ убѣжденіи Санчо и остановился.

Немного спустя рыцарь Зеркалъ вмѣстѣ со своимъ оруженосцемъ со стыдомъ удалился съ мѣста поединка, спѣша попасть въ какую-нибудь деревушку, гдѣ ему могли бы поправить его помятые бока. Донъ-Кихотъ же и Санчо направились дальше, по дорогѣ въ Сарагоссу.

Оставимъ на время нашихъ героевъ и посмотримъ, кто въ самомъ дѣлѣ были рыцарь Зеркалъ и его оруженосецъ.

ГЛАВА XV,

въ которой объясняется, кто были рыцарь Зеркалъ и его оруженосецъ.

Донъ-Кихотъ продолжалъ путь, гордый и сіяющій, радуясь, что ему удалось одержать побѣду надъ такимъ храбрымъ противникомъ, какимъ онъ считалъ рыцаря Зеркалъ, и надѣясь вскорѣ узнать отъ него, продолжаются ли еще чары надъ его дамой—Дульцинеей Тобозской. Въ предыдущей главѣ было сказано, что побѣжденный, подъ страхомъ быть исключеннымъ изъ званія рыцаря, былъ обязанъ возвратиться къ побѣдителю и отдать ему отчетъ о своемъ посольствѣ къ Дульцинеѣ. Но, въ дѣйствительности, у рыцаря Зеркалъ были совершенно другія намѣренія: въ настоящую минуту онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе найти мѣсто, гдѣ онъ могъ бы облѣпить себя пластырями. Исторія говоритъ, что баккалавръ Самсонъ Караско сначала посовѣтовался съ священникомъ и цырюльникомъ относительно того, какъ заставить Донъ-Кихота остаться дома и отказаться отъ погони за приключеніями. На этомъ совѣтѣ, по предложенію Караско, единодушно было постановлено позволить Донъ-Кихоту уѣхать, такъ какъ удержать его ничто не могло; Самсонъ же Караско долженъ былъ отправиться за нимъ вслѣдъ и, подъ

видомъ странствующаго рыцаря, заставивъ его вызвать себя на бой, побѣдить его,—что казалось очень не труднымъ,—затѣмъ взять съ него слово, что побѣжденный останется во власти побѣдителя. Все это должно было кончиться тѣмъ, что мнимый рыцарь прикажетъ побѣжденному Донъ-Кихоту возвратиться въ свой домъ съ воспрещеніемъ удаляться изъ него въ теченіе двухъ лѣтъ или до тѣхъ поръ, пока побѣдитель не измѣнитъ своего распоряженія. Не было сомнѣнія, что, если Донъ-Кихотъ будетъ побѣжденъ, то въ точности выполнитъ взятое на себя обязательство, чтобы не нарушить законовъ рыцарства, и всѣ надѣялись, что въ теченіе своего вынужденнаго бездѣйствія онъ позабудетъ свои фантазіи или, по крайней мѣрѣ, можно будетъ найти какое-нибудь средство противъ его безумія.

Караско взялся сыграть роль рыцаря Зеркалъ, а сыграть роль его оруженосца вызвался Ѳома Сесіаль, сосѣдъ и кумъ Санчо Панцы, человѣкъ веселый и далеко не глупый. Самсонъ Караско гдѣ-то досталъ вооруженіе и нарядъ, въ которыхъ мы видѣли его, а Ѳома Сесіаль устроилъ себѣ громадный картонный носъ и пострашнѣе разрисовалъ его, чтобы нагнать ужасъ на своего трусливаго кума и не быть узнаннымъ имъ.

Ѳома чрезвычайно былъ огорченъ неудачнымъ исходомъ такъ хорошо задуманнаго предпріятія. Когда они выѣзжали изъ лѣса, въ которомъ происходила вышеописанная неудачная встрѣча съ Донъ-Кихотомъ, онъ сказалъ своему спутнику:

— Знаете ли что, сеноръ Караско? Вѣдь мы, въ сущности, получили то, что заслужили. Начать что-нибудь не трудно, а кончить такъ, какъ бы хотѣлось, очень не легко. Донъ-Кихотъ безспорно сумасшедшій, а мы съ вами люди въ здравомъ умѣ; между тѣмъ онъ остался цѣлъ и невредимъ, а вы совсѣмъ разбиты. Интересно теперь, съ вашего позволенія, знать, кто болѣе безуменъ: тотъ ли, кто сошелъ съ ума не по своей волѣ, или тотъ, кто сходитъ съ ума добровольно?

— Разница между этими двумя сумасшедшими та, что невольный сумасшедшій такимъ навсегда и останется, а добровольный перестанетъ быть имъ, какъ только захочетъ,—отвѣчалъ баккалавръ.

— Слѣдовательно,—продолжалъ Ѳома,—я сдѣлался добровольнымъ сумасшедшимъ въ то время, когда согласился поступить къ вашей милости въ оруженосцы, теперь по своей же доброй волѣ не желаю болѣе быть сумасшедшимъ и хотѣлъ бы возвратиться домой.

— Дѣлай, какъ хочешь, я тебя не удерживаю,—сказалъ Караско.— Но я ни за что не возвращусь домой, пока не отплачу Донъ-Кихоту

такъ, чтобы онъ не могъ цѣлый мѣсяцъ и пошевельнуться. Я съ этого дня буду хлопотать уже не о томъ, чтобы вылѣчить его отъ безумія, а о томъ, чтобы отомстить ему за свои помятыя ребра.

Бесѣдуя такимъ образомъ, Самсонъ Караско и Ѳома Сесіаль подъѣхали къ маленькой деревушкѣ, въ которой, къ счастью, оказался цырюльникъ. Караско остался въ домѣ этого цырюльника и принялся залѣчивать свои ушибы, обдумывая способы мести Донъ-Кихоту, котораго теперь ненавидѣлъ всѣми силами своей души. Что же касается его бывшаго оруженосца, то послѣдній, распростившись съ нимъ, отправился прямо домой.

ГЛАВА XVI,

о томъ, что происходило между Донъ-Кихотомъ и однимъ ламанчскимъ дворяниномъ.

Между тѣмъ Донъ-Кихотъ ѣхалъ въ полной увѣренности, что, благодаря одержанной имъ побѣдѣ надъ рыцаремъ Зеркалъ, онъ долженъ считаться самымъ храбрымъ рыцаремъ своего вѣка. Онъ уже увидѣлъ благополучно оконченными цѣлый рядъ новыхъ опасныхъ приключеній. Онъ болѣе не боялся никакихъ волшебниковъ, какъ бы могущественны они ни были, и совершенно забылъ о безчисленныхъ палочныхъ ударахъ, полученныхъ имъ въ первыхъ походахъ, о камняхъ, которыми у него вышибли зубы, о неблагодарныхъ каторжникахъ, заплатавшихъ ему за добро зломъ, о дерзкихъ янгуасскихъ погонщикахъ муловъ, избившихъ его дубинами,—словомъ, онъ забылъ обо всѣхъ своихъ прежнихъ невзгодахъ и ѣхалъ весь погруженный въ самыя радужныя мечты.

— Удивительное дѣло, ваша милость,—заговорилъ наконецъ словоохотливый Санчо,—мнѣ все кажется, что я до сихъ поръ еще вижу страшный носъ моего кума Ѳомы Сесіаля. Куда ни взгляну—вездѣ мнѣ такъ и мерещится этотъ дьявольскій носъ!

— Неужели ты и въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что этотъ рыцарь Зеркалъ былъ баккалавръ Самсонъ Караско, а его оруженосецъ — твой кумъ Ѳома Сесіаль?—спросилъ Донъ-Кихотъ.

— Не знаю, что и сказать на это,—отвѣчалъ Санчо.—По-моему, все-таки никто, кромѣ кума Ѳомы, не могъ такъ вѣрно отвѣтить на мои вопросы о моемъ домѣ, моей женѣ и моихъ дѣтяхъ да и объ его собственныхъ дѣлахъ. И по лицу это совсѣмъ Ѳома, какимъ я тысячи разъ видалъ его, живя съ нимъ въ деревнѣ стѣна объ стѣну, притомъ и голосъ его... Только вотъ носъ его приводитъ меня въ смущеніе: никакъ не могу понять, откуда у него взялся такой ужасный носъ?..

— Напрасно ты думаешь, что это были тѣ люди, за которыхъ ты принимаешь ихъ,— перебилъ Донъ-Кихотъ.— Давай-ка хорошенько обсудимъ это дѣло. Подумай, мой другъ, есть ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, чтобы баккалавръ Самсонъ Караско явился переодѣтый странствующимъ рыцаремъ, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, въ тотъ самый лѣсъ, въ которомъ мы остановились на ночлегъ, и вызвалъ меня на поединокъ? Развѣ я былъ ему врагомъ? Развѣ я давалъ ему поводъ относиться ко мнѣ непріязненно? Развѣ я былъ ему соперникомъ? Или наконецъ, развѣ онъ тоже рыцарь, который бы могъ завидовать моей славѣ?

— Насколько я знаю, ничего этого нѣтъ,— сказалъ Санчо.— Но чѣмъ объяснить то, что этотъ рыцарь, кто бы онъ ни былъ,— вылитый баку... балакавръ... Такъ я, кажется, назвалъ его?.. Ну, такъ вотъ, почему этотъ рыцарь — вылитый балакавръ Самсонъ Караско, а его оруженосецъ ни дать ни взять — мой кумъ Ѳома Сесіаль? Если тутъ опять замѣшано волшебство, какъ увѣряетъ ваша милость, то для чего понадобилось волшебникамъ подсовывать намъ этихъ оборотней?

— Увѣряю тебя, мой другъ, что все это продѣлки злыхъ волшебниковъ, которые меня преслѣдуютъ,— проговорилъ Донъ-Кихотъ.— Предвидя, что я останусь побѣдителемъ, они нарочно устроили такъ, чтобы побѣжденный рыцарь показалъ мнѣ лицо моего друга, баккалавра; они были увѣрены, что дружба, которую я къ нему питаю, остановитъ острее моей шпаги, которая уже готова была вонзиться ему въ горло, успокоитъ справедливый гнѣвъ, наполнявшій мое сердце, и даруетъ жизнь тому, кто вѣроломствомъ и ухищреніями пытался лишить меня жизни. За доказательствами вѣрности моихъ соображеній не далеко ходить... Ты уже знаешь по опыту, Санчо, что волшебникамъ ничего не значитъ измѣнять одни лица въ другія, дѣлать красивымъ безобразное и красивое безобразнымъ. Ты всего два дня тому назадъ видѣлъ прелести несравненной Дульцинеи во всей ихъ чистотѣ, во всемъ ихъ естественномъ блескѣ, я же увидѣлъ ее безобразною, грубою, грязною и зловонною крестьянкой. Удивительно ли послѣ этого, что злой волшебникъ, осмѣлившійся совершить такое отвратительное превращеніе, подослалъ ко мнѣ лицъ, похожихъ на Самсона Караско и на твоего кума, чтобы удобнѣе вырвать изъ моихъ рукъ славу побѣды?.. Впрочемъ, это все равно: я утѣшаю себя мыслью, что побѣдилъ своего противника, какой бы онъ ни имѣлъ видъ.

— Только одинъ Господь знаетъ истину,— уклончиво произнесъ Санчо, нисколько не удовлетворившись призрачными доводами своего господина, особенно относительно превращенія Дульцинеи.

Бесѣдуя такимъ образомъ, наши искатели приключеній увидѣли нагонявшаго ихъ всадника на прекрасной сѣрой въ яблокахъ лошади. Всадникъ былъ одѣтъ въ зеленый бархатный камзолъ, отдѣланный фіолетовымъ бархатомъ, и въ такую же шляпу. На боку у него висѣла на бархатной перевязи тѣхъ же цвѣтовъ мавританская сабля, а на ногахъ были бархатные сапоги также зеленаго и фіолетоваго цвѣтовъ. Такой же былъ и чепракъ на лошади. Шпоры у незнакомца были хотя не золотыя, но очень красивыя и покрытыя такимъ блестящимъ зеленымъ лакомъ, что показались Донъ-Кихоту не хуже золотыхъ.

Поровнявшись съ Донъ-Кихотомъ и Санчо, незнакомецъ вѣжливо поклонился и, пришпоривъ лошадь, хотѣлъ проѣхать мимо, но Донъ-Кихотъ остановилъ его движеніемъ руки и сказалъ ему:

— Сеноръ, если вы держите путь туда же, куда и мы, и вамъ не къ спѣху, то мнѣ было бы весьма пріятно продолжать дорогу въ вашемъ обществѣ.

— И я буду очень радъ сопутствовать вамъ,—отвѣтилъ незнакомецъ.

При этомъ онъ попридержалъ свою лошадь, съ изумленіемъ вглядываясь въ Донъ-Кихота, поразившаго его своею наружностью и манерами. Со своей стороны и Донъ-Кихотъ внимательно разсматривалъ незнакомца, который казался ему человѣкомъ знатнымъ и богатымъ. На видъ этому господину, едва начинавшему сѣдѣть, было лѣтъ пятьдесятъ. Лицо его съ орлинымъ носомъ и яснымъ взоромъ, осанка и манеры, дѣйствительно, свидѣтельствовали объ его родовитости. Изумленіе незнакомца было вполнѣ естественно: ему никогда не приходилось видѣть человѣка съ подобною внѣшностью. Его все удивляло: тощій видъ коня Донъ-Кихота, его собственная высота и худоба, желтый цвѣтъ его изсохшаго лица, оружіе, шлемъ, болтавшійся на лукѣ сѣдла у Санчо, и вообще вся фигура рыцаря.

Донъ-Кихотъ отлично замѣтилъ, съ какимъ вниманіемъ разглядываетъ его новый спутникъ, и прочелъ въ его удивленныхъ глазахъ желаніе узнать, кто онъ такой. Всегда вѣжливый и готовый сдѣлать удовольствіе всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы не задѣвали его слабой струны, онъ предупредилъ разспросы незнакомца, поспѣшивъ сказать:

— Моя фигура такъ необычайна, что неудивительно, если вы поражены ею. Но вы, сеноръ, конечно, перестанете удивляться, когда узнаете, что я одинъ изъ тѣхъ рыцарей, которыхъ люди называютъ искателями приключеній. Я заложилъ все свое имущество, отказался отъ домашняго покоя, покинулъ свою родину, чтобы броситься въ объятія судьбѣ и позволить ей вести меня куда ей угодно. Я хочу воскресить блаженной памяти странствующее рыцарство и выполнилъ уже большую

часть своего намѣренія, помогая вдовамъ, охраняя честь дѣвицъ, покровительствуя сиротамъ и малолѣтнимъ,—словомъ, исполняя всѣ обязанности, свойственныя странствующимъ рыцарямъ. Не скрою, что мнѣ при этомъ часто приходилось спотыкаться и даже падать на своемъ тернистомъ пути, но съ Божіей помощью я всегда опять снова поднимался на ноги. Своими многочисленными христіанскими подвигами я достигъ того, что обо мнѣ написана книга, которая и разноситъ мою славу по всему міру. Я слышалъ, что уже отпечатано триста тысячъ экземпляровъ моей исторіи, и, если будетъ угодно Богу, она будетъ отпечатана еще много разъ въ нѣсколькихъ стахъ тысячъ экземплярахъ... Вы сразу поймете все, если я скажу вамъ только, что я—Донъ-Кихотъ Ламанчскій, прозванный рыцаремъ Печальнаго Образа. Хотя похвалы самому себѣ не совсѣмъ удобны, но я бываю иногда вынужденъ расточать ихъ себѣ, за неимѣніемъ другихъ лицъ, которыя могли бы сдѣлать это. Итакъ, сеноръ, я теперь увѣренъ, что ни этотъ конь, ни это копье, ни этотъ щитъ, ни этотъ оруженосецъ, ни все мое вооруженіе, ни моя фигура, ни блѣдность моего лица,—словомъ, ничто во мнѣ и вокругъ меня не будетъ болѣе васъ удивлять, потому что вы узнали кто я и какая у меня профессія.

Высказавъ, такимъ образомъ, все, что находилъ нужнымъ сказать, Донъ-Кихотъ замолчалъ. Незнакомецъ такъ долго медлилъ отвѣтомъ, что можно было подумать, что онъ никогда не заговоритъ. Очевидно, онъ не зналъ что ему сказать.

— Вамъ, сеноръ рыцарь, дѣйствительно, удалось угадать въ моемъ удивленіи желаніе узнать, съ кѣмъ именно я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться въ вашемъ лицѣ,—проговорилъ наконецъ незнакомецъ.—Но самаго удивленія моего вы тѣмъ не менѣе не прекратили, хотя вы и сказали, что мнѣ достаточно будетъ услышать ваше имя, чтобы перестать удивляться. Напротивъ, теперь, когда я знаю кто вы, я еще болѣе удивленъ и пораженъ, чѣмъ былъ изумленъ сначала одною вашею наружностью. Какъ! Неужели возможно, чтобы въ настоящее время еще существовали странствующіе рыцари, и все, что написано о странствующемъ рыцарствѣ вообще—правда? Если бы я не видѣлъ васъ, сеноръ, собственными глазами и не слышалъ собственными ушами вашего разсказа, я никогда не повѣрилъ бы, чтобы могли быть въ наше время люди, помогающіе съ оружіемъ въ рукахъ вдовамъ, защищающіе дѣвицъ, уважающіе честь всѣхъ женщинъ, поддерживающіе сиротъ,—словомъ, дѣлающіе добро во всѣхъ видахъ... Да будетъ благословенно Небо, допустившее, чтобы напечатанная, по вашимъ словамъ, исторія вашихъ благородныхъ и невыдуманныхъ рыцарскихъ подвиговъ покрыла

наконецъ благодѣтельнымъ мракомъ забвенія безчисленныя сказки о странствующихъ рыцаряхъ, наводнявшія міръ въ ущербъ хорошимъ книгамъ!

— Можно много сказать по поводу того, выдуманы или не выдуманы исторіи о странствующихъ рыцаряхъ,— замѣтилъ Донъ-Кихотъ.

— Какъ! — воскликнулъ незнакомецъ. — Неужели найдется хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы усомниться въ ложности этихъ исторій?

— Да вотъ я первый сомнѣваюсь,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— Но пока оставимъ это. Если наше совмѣстное путешествіе продлится столько времени, сколько я бы желалъ, то я надѣюсь, что буду имѣть возможность доказать вамъ, что вы напрасно слѣдуете примѣру тѣхъ, которые считаютъ исторіи о странствующихъ рыцаряхъ ложными сказками.

Послѣднее замѣчаніе Донъ-Кихота навело незнакомца на мысль, что мозгъ рыцаря омраченъ, и онъ сталъ выжидать случая, который подтвердилъ бы его догадку.

— Такъ какъ я,—началъ послѣ непродолжительнаго молчанія Донъ-Кихотъ, — открылъ вамъ кто я и свое положеніе въ свѣтѣ, то позвольте и мнѣ, въ свою очередь, узнать кто вы, чѣмъ занимаетесь и каковъ вообще вашъ жизненный путь.

— Я съ удовольствіемъ готовъ отвѣтить на ваши вопросы, сеноръ рыцарь Печальнаго Образа, — сказалъ незнакомецъ. — Я — донъ Діего де-Миранда, гидальго, уроженецъ мѣстечка, гдѣ мы сегодня будемъ съ вами обѣдать, если вы удостоите меня своимъ посѣщеніемъ. Человѣкъ я небогатый. Жизнь свою провожу въ кругу жены, дѣтей и друзей. Занимаюсь охотой и рыбною ловлей, но не держу ни гончихъ ни соколовъ, а довольствуюсь одною послушною легавою собакой или смѣлою ищейкой. У меня есть нѣсколько десятковъ книгъ, частью на испанскомъ, частью на латинскомъ языкахъ, исключительно историческаго или религіознаго содержанія. Рыцарскихъ же книгъ у меня никогда не было въ домѣ. Иногда я обѣдаю у своихъ сосѣдей и друзей, но чаще всего приглашаю ихъ къ себѣ. Обѣды мои отличаются чистотою и изяществомъ сервировки, обиліемъ и вкусомъ того, что подается на нихъ. Я не люблю дурно отзываться о людяхъ, не позволю и другимъ дурно говорить о комъ-нибудь въ моемъ присутствіи. Я не вывѣдываю, какъ живутъ другіе, и не выслѣживаю ихъ поступковъ; хожу часто въ церковь; отдаю бѣднымъ часть свое состоянія, но не рисуюсь добрыми своими дѣлами и не даю доступа въ свою душу ханженству и тщеславію — этимъ нашимъ врагамъ, иногда незамѣтно овладѣвающимъ самыми скромными сердцами, если имъ не дается вовремя отпоръ. Я стараюсь всегда мирить тѣхъ, которые случайно поссорились изъ-за пустяковъ,

какъ это часто бываетъ. Чту Пресвятую Дѣву и глубоко вѣрю въ безконечное милосердіе Господа нашего Іисуса Христа.

Санчо съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ повѣствованіе гидальго объ его жизни и занятіяхъ. Находя такую жизнь очень хорошею и полагая, что тотъ, кто ее ведетъ, долженъ быть очень хорошимъ человѣкомъ, оруженосецъ соскочилъ со своего осла, схватилъ правую ногу дона Діего и со слезами на глазахъ, съ сердцемъ, переполненнымъ благоговѣніемъ, нѣсколько разъ стремительно поцѣловалъ ее.

— Другъ мой, что это ты дѣлаешь?! — съ изумленіемъ вскричалъ гидальго. — Почему ты прикладываешься ко мнѣ? Я не святой.

— Ваша милость святѣе многихъ святыхъ, когда-либо сидѣвшихъ верхомъ на лошади! — съ умиленіемъ отвѣтилъ оруженосецъ Донъ-Кихота. — Какъ же мнѣ не поцѣловать вашей ноги?

— Нѣтъ, мой другъ, — возразилъ донъ-Діего, — я вовсе не святой, а такой же грѣшникъ, какъ и всѣ, если не бо̀льшій. А вотъ ты, судя по твоей простотѣ, должно-быть, очень добрый и хорошій человѣкъ.

Вполнѣ довольный и своимъ поступкомъ и отзывомъ гидальго, Санчо опять усѣлся на своего Длинноуха. Донъ-Кихотъ слегка улыбнулся и пожалъ плечами, а донъ Діего покачалъ головою и съ любопытствомъ смотрѣлъ то на тощаго рыцаря, то на его толстяка-слугу, представлявшихъ такой рѣзкій контрастъ.

Продолжая путь въ обществѣ новаго знакомаго, Донъ-Кихотъ, между прочимъ, спросилъ его, сколько у него дѣтей, и прибавилъ, что древніе философы, не знавшіе истиннаго Бога, считали высшимъ благомъ, даруемымъ природою и судьбою, множество хорошихъ дѣтей и вѣрныхъ друзей.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, — отвѣтилъ донъ Діего, — что у меня только одинъ сынъ, да и то такой, что если бы его не было, я, быть-можетъ, былъ бы счастливѣе. Я это говорю не потому, чтобы онъ былъ очень дуренъ, а потому, что онъ не такъ хорошъ, какъ бы я желалъ. Ему восемнадцать лѣтъ. Послѣднія шесть лѣтъ онъ провелъ въ Саламанкѣ для изученія латинскаго и греческаго языковъ. Когда я выразилъ ему свое желаніе, чтобы онъ занялся науками, онъ оказался до такой степени увлеченнымъ наукою о поэзіи (если только она можетъ называться наукою), что нельзя было никакъ заставить его приняться съ должнымъ усердіемъ за науку о правѣ, которую я хотѣлъ, чтобы онъ изучилъ, а въ особенности — науку всѣхъ наукъ, богословіе. Я желалъ, чтобы онъ нѣкоторымъ образомъ былъ вѣнцомъ своего народа, такъ какъ въ наше время государи щедро награждаютъ добродѣтельныхъ

людей науки; науки же безъ добродѣтелей, по моему мнѣнію, то же самое, что жемчужина въ навозѣ. Сынъ мой цѣлые дни проводитъ въ томъ, что разбираетъ, хорошо или дурно выразился Гомеръ въ такомъ-то стихѣ «Иліады», пристойна или пѣтъ такая-то эпиграмма Марціала, такъ или иначе долженъ быть понятъ тотъ или другой стихъ Виргилія. Вообще онъ и говорить ни о чемъ болѣе не въ состояніи, какъ только о сочиненіяхъ Гомера, Марціала, Виргилія, Горація, Персея и Ювенала, а современными стихотвореніями, особенно на нашемъ родномъ языкѣ, совершенно пренебрегаетъ. А между тѣмъ, несмотря на его презрѣніе къ произведеніямъ современной поэзіи, онъ въ послѣднее время исключительно занятъ писаніемъ толкованія одного четверостишія, присланнаго ему изъ Саламанки, и мнѣ кажется, что это четверостишіе представляетъ собою тему для литературнаго состязанія.

— Дѣти, сеноръ, — возразилъ Донъ-Кихотъ, — составляютъ, такъ сказать, часть родителей, и тѣ поневолѣ должны любить ихъ, хороши они или дурны. Родителямъ слѣдуетъ вести ихъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ по пути добродѣтели и мудрой христіанской нравственности, стараться дать имъ такое воспитаніе, чтобы они со временемъ послужили опорой имъ же, родителямъ, и славой своего отечества. Что же касается принужденія ихъ къ изученію той или другой науки, то я не нахожу этого ни благоразумнымъ ни предусмотрительнымъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, это кромѣ вреда ничего принести не можетъ. Если только молодой человѣкъ не долженъ работать ради добыванія насущнаго хлѣба, то-есть, если онъ настолько счастливъ, что Небо даровало ему родителей, способныхъ обезпечить его пропитаніе, не стѣсняя себя, то ему слѣдуетъ предоставить самому выборъ науки, которой онъ имѣетъ склонность посвятить себя, и если наука о поэзіи менѣе полезна, напримѣръ, науки о правѣ, зато она по крайней мѣрѣ не позоритъ того, кто ею занимается. Поэзія, сеноръ, есть, на мой взглядъ, то же, что нѣжнаго возраста дѣвушка, являющаяся совершенствомъ красоты, наряжаемая и украшаемая нѣсколькими другими молодыми прекрасными дѣвушками. Я хочу этимъ сказать, что всѣ другія науки должны служить поэзіи и, возвышая ее, сами возвышаться этимъ служеніемъ. Но эта достойная любви красавица — поэзія — не позволяетъ всякому дотрогиваться до себя, не хочетъ, чтобы ее влекли по улицамъ и выставляли на показъ на перекресткахъ. Она обладаетъ такими свойствами, что тотъ, кто умѣетъ съ нею обращаться, можетъ превратить ее въ чистое, безцѣнное золото. Но онъ долженъ держать ее такъ, чтобы она не могла превратиться въ постыдныя сатиры или недостойные ея сонеты. Ее ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ продавать, развѣ только для героическихъ поэмъ, возвы-

шенныхъ трагедій, остроумныхъ и забавныхъ комедій. Она никогда не должна попадать въ руки гаеровъ или невѣжественной черни, не способной ни оцѣнить ея ни понять сокровищъ, въ ней заключающихся. Не думайте, сеноръ, чтобы я называлъ чернью исключительно простолюдиновъ или вообще людей неважнаго происхожденія. Я говорю о тѣхъ, которые ничего не знаютъ, и будь они гидальго или даже князья, ихъ все-таки слѣдуетъ причислить къ черни. Кто будетъ понимать и цѣнить поэзію, тотъ сдѣлаетъ свое имя извѣстнымъ и почитаемымъ среди всѣхъ образованныхъ народовъ земли. Относительно же того, сеноръ, что вашъ сынъ, какъ вы говорите, не любитъ поэзіи на кастильскомъ языкѣ, то я нахожу, что онъ въ этомъ случаѣ находится въ заблужденіи. Великій Гомеръ не писалъ по-латыни потому, что онъ былъ грекъ, а Виргилій не писалъ по-гречески потому, что онъ былъ римлянинъ,—словомъ, всѣ древніе поэты писали на томъ языкѣ, который они всосали съ молокомъ матери, и не отправлялись на поиски за чужими языками для выраженія своихъ высокихъ мыслей. А разъ это такъ, то всего благоразумнѣе было бы распространить это обыкновеніе на всѣ народы, и не пренебрегать, напримѣръ, ни германскимъ поэтомъ, потому только, что онъ пишетъ на родномъ языкѣ, ни кастильскимъ, ни даже бискайскимъ, пишущимъ на своемъ языкѣ, быть-можетъ, очень хорошія вещи. Но я полагаю, сеноръ, что вашъ сынъ пренебрегаетъ не поэзіей нашею, а скорѣе—самими поэтами, или, вѣрнѣе, людьми, воображающими себя поэтами, а на самомъ дѣлѣ только жалкими риѳмоплетами, не знакомыми ни съ другими языками ни съ науками, которыя содѣйствовали бы пробужденію, поддержкѣ и украшенію ихъ природнаго таланта, если онъ вообще имѣется у нихъ. Но даже въ этомъ отношеніи нельзя мѣрить всѣхъ одною мѣркой, потому что существуетъ мнѣніе, и весьма основательное, что поэтами рождаются, то-есть, тотъ, кто не вышелъ изъ чрева матери поэтомъ, никогда не можетъ и сдѣлаться имъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что природный поэтъ при помощи знанія наукъ все-таки будетъ выше того, кто захочетъ удовольствоваться однимъ своимъ природнымъ дарованіемъ. Причина этого кроется въ томъ, что знаніе, наука и искусство не превосходятъ природы, а только дополняютъ, совершенствуютъ ее. Такимъ образомъ только тамъ, гдѣ природа и знаніе слились воедино, создается истинный поэтъ. Выводъ изъ моей рѣчи, сеноръ, тотъ, что вы должны предоставить вашему сыну итти туда, куда его влечетъ его звѣзда. Такъ какъ онъ, очевидно, учится настолько хорошо, насколько можетъ, и уже благополучно взобрался на первыя ступени наукъ, т.-е. усвоилъ древніе языки, то съ помощью этихъ языковъ онъ достигнетъ вершины человѣческихъ знаній, а знанія не менѣе укра-

шаютъ и возвеличиваютъ дворянина при шпагѣ и шляпѣ съ перьями, чѣмъ митра — епископа или тога — искуснаго законовѣда. Браните вашего сына, сеноръ, если онъ пишетъ сатиры, вредящія чьей-нибудь репутаціи; наказывайте его и уничтожайте его произведенія, какъ только они попадутся вамъ па глаза. Но если онъ пишетъ поученія, подобно Горацію, гдѣ предаются осужденію всѣ пороки вообще, съ такимъ же изяществомъ, какъ писалъ этотъ великій поэтъ, то хвалите и поощряйте его; поэту позволительно писать противъ зависти, осмѣивать завистниковъ въ стихахъ, точно такъ же относиться и къ остальнымъ порокамъ, не называя, однако, ни одной личности. Если поэтъ правдивъ и чистъ душою — онъ будетъ правдивъ и чистъ и въ своихъ произведеніяхъ. Перо — выразитель языка души, а душа по языку и узнается. Когда государи открываютъ чудесный даръ поэзіи въ людяхъ мудрыхъ, серьезныхъ и добродѣтельныхъ, то осыпаютъ ихъ почестями, богатствами и увѣнчиваютъ листьями того дерева, которое, по убѣжденію древнихъ, никогда не поражается молніей, въ доказательство того, что никто не долженъ оскорблять человѣка, чело котораго увѣнчано лавровымъ вѣнкомъ.

Донъ Діего такъ былъ пораженъ рѣчью Донъ-Кихота, что совершенно отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія объ его умственномъ разстройствѣ. Санчо же очень не поправились разсужденія его господина, и онъ въ продолженіе его рѣчи отъѣхалъ немного въ сторону, чтобы попросить молока у пастуховъ, пасшихъ на лугу стадо овецъ. Между тѣмъ гидальго, очарованный умомъ и очевидными познаніями Донъ-Кихота, продолжалъ съ нимъ бесѣду. Вдругъ Донъ-Кихотъ, поднявъ глаза, замѣтилъ, что навстрѣчу имъ движется колесница, надъ которою возвышаются знамена съ королевскими гербами. Видя въ этомъ новое приключеніе, онъ крикнулъ своему оруженосцу, чтобы тотъ подалъ ему шлемъ. Услыхавъ его зовъ, Санчо покинулъ пастуховъ, изо всѣхъ силъ сталъ пятками подгонять своего осла и поспѣшилъ къ Донъ-Кихоту, съ которымъ вскорѣ, по волѣ злого рока, должно было случиться ужасное и нелѣпое происшествіе.

ГЛАВА XVII,

въ которой выразится высшая степень неслыханнаго мужества Донъ-Кихота въ приключеніи со львами.

Исторія повѣствуетъ, что въ то время, когда Донъ-Кихотъ позвалъ своего оруженосца, послѣдній покупалъ у пастуховъ творогъ. Торопясь на зовъ своего господина и не желая бросать творогъ, за

который были заплачены деньги, Санчо наскоро сунулъ его въ шлемъ Донъ-Кихота, не задолго передъ тѣмъ переданный ему рыцаремъ, чтобы онъ, Санчо, не даромъ назывался оруженосцемъ. Подъѣхавъ къ своему господину, Санчо освѣдомился, что тому угодно.

— Дай мнѣ шлемъ, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Я долженъ приготовиться къ бою, потому что, если только не обманываютъ меня глаза, судьба посылаетъ мнѣ новое и славное приключеніе.

Увидѣвъ повозку съ флагами, донъ Діего заключилъ, что это, должно-быть, везутъ казенныя деньги, и сообщилъ свою догадку Донъ-Кихоту. Но тотъ смотрѣлъ на это совершенно иначе, а потому возразилъ гидальго:

— Быть готовымъ къ бою, значитъ выдержать его вполовину и имѣть всѣ шансы на побѣду. Приготовившись хотя бы и напрасно, я ничего не потеряю. Мнѣ извѣстно, что у меня есть враги видимые и невидимые, но я никогда не знаю ни дня, ни часа, ни даже вида, какой они примутъ, чтобы напасть на меня, поэтому я и долженъ быть всегда наготовѣ дать имъ отпоръ.

Въ это самое время подъѣхалъ Санчо, и рыцарь потребовалъ у него свой шлемъ. Санчо впопыхахъ забылъ о томъ, что шлемъ полонъ творога, и такъ и подалъ его Донъ-Кихоту. Послѣдній, не подозрѣвая, чтобы въ шлемѣ могло быть что-нибудь, надѣлъ его на голову, не глядя. Отъ спрессованнаго головою рыцаря творога потекла сыворотка прямо ему на лицо и на бороду.

— Однако, — воскликнулъ рыцарь, — со мною, очевидно, дѣлается что-то странное! . Должно-быть, мой черепъ такъ размягчился, что таетъ мозгъ, или же меня прохватилъ небывало сильный потъ... Но если это и потъ, то, несмотря на его обиліе, онъ прошибъ меня все-таки не отъ страха... Навѣрное, это только предвѣщаніе ужаснаго приключенія, ожидающаго меня. Санчо, дай мнѣ, пожайлуста, чѣмъ-нибудь вытереть глаза, — потъ положительно ослѣпляетъ меня.

Вытеревъ лицо, Донъ-Кихотъ снялъ шлемъ, чтобы узнать, отчего онъ вдругъ почувствовалъ такой странный холодъ на темени. Увидавъ на днѣ шлема какую-то бѣлую кашу, онъ понюхалъ ее и гнѣвно крикнулъ:

— Клянусь жизнью моей дамы Дульцинеи Тобозской, ты наложилъ сюда творога, негодный, дерзкій и вѣроломный оруженосецъ!

Санчо, какъ ни въ чемъ не бывало, хладнокровно отвѣтилъ:

— Если это творогъ, то позвольте, я его съѣмъ... Нѣтъ, впрочемъ, пусть чортъ его съѣстъ, потому что, навѣрное, это онъ наложилъ въ вашъ шлемъ творога! Неужели я осмѣлился бы такъ замарать шлемъ

вашей милости?.. Право, должно-быть, и меня преслѣдуютъ волшебники, какъ преданнаго слугу и часть вашей милости! Это они наклали въ шлемъ всякой дряни, чтобы разгнѣвать васъ и заставить меня поплатиться своими боками Богъ вѣсть за что. Но только на этотъ разъ они, кажись, маленько ошиблись: вѣдь ваша милость понимаетъ, что мнѣ неоткуда взять творога, и что если бы у меня онъ былъ, то я скорѣе спряталъ бы его въ свое брюхо, чѣмъ въ вашъ шлемъ.

— Да, пожалуй, ты и правъ, — задумчиво произнесъ Донъ-Кихотъ.

Донъ Діего слушалъ и смотрѣлъ на эту сцену съ величайшимъ изумленіемъ. Въ особенности онъ вытаращилъ глаза, когда Донъ-Кихотъ, вытеревъ еще разъ голову и шею, снова надѣлъ шлемъ, укрѣпился въ сѣдлѣ, обнажилъ на половину шпагу и, потрясая копьемъ, вскричалъ:

— Теперь пусть будетъ, что будетъ! Я готовъ встрѣтиться хоть съ самимъ сатаною!

Между тѣмъ повозка съ флагами приблизилась. При ней находились только двое: возница, сидѣвшій верхомъ на одномъ изъ муловъ, и какой-то другой мужчина, помѣщавшійся на передкѣ повозки.

Загородивъ дорогу, Донъ-Кихотъ властнымъ голосомъ крикнулъ:

— Стой, куда вы ѣдете? Что это за повозка? Кого или что везете вы? И что это за флаги у васъ?

Возница отвѣтилъ:

— Эта повозка моя. Я везу въ ней въ клѣткахъ двухъ прекрасныхъ львовъ, посылаемыхъ оранскимъ губернаторомъ въ подарокъ его величеству. Флаги эти королевскіе и обозначаютъ, что въ повозкѣ находится королевская собственность.

— А велики эти львы? — продолжалъ Донъ-Кихотъ.

— Громадные, — отозвался сидѣвшій на передкѣ. — Никогда не приходилось еще перевозить такихъ крупныхъ звѣрей изъ Африки въ Испанію. Я давно уже состою сторожемъ при звѣринцѣ и не мало перевидалъ львовъ на своемъ вѣку, но подобныхъ этимъ никогда не видывалъ. Это левъ и львица. Левъ сидитъ въ передней клѣткѣ, а львица — въ задней. Они, должно-быть, теперь очень голодны, потому что съ самаго утра ихъ не кормили. Поэтому прошу вашу милость дать намъ дорогу, чтобы мы могли скорѣе поспѣть куда-нибудь, гдѣ можно ихъ покормить.

— Ага! Вотъ ужъ до чего дошло дѣло — до львовъ! — съ самодовольною улыбкой замѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Ну, я сейчасъ докажу господамъ волшебникамъ, пославшимъ мнѣ навстрѣчу этихъ звѣрей, насколько я ихъ испугался!.. Такъ какъ ты, любезный, приставленъ ко львамъ, —

обратился онъ къ сторожу, — то сдѣлай одолженіе, открой клѣтки и выпусти оттуда господина льва съ его супругой. Пусть мои враги-волшебники, желающіе во что бы то ни стало умалить мою славу, узнаютъ еще разъ, что значитъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій!

«Эге! вотъ оно что! — подумалъ про себя донъ Діего: — творогъ, должно-быть, въ самомъ дѣлѣ размягчилъ ему черепъ и заставилъ растопиться мозгъ!»

Въ это время подбѣжалъ къ нему Санчо и жалобно сталъ упрашивать его:

— Ради Бога, ваша милость, сдѣлайте какъ-нибудь, чтобы мой господинъ оставилъ въ покоѣ львовъ, а то они насъ всѣхъ разорвутъ на клочья!

— Да развѣ твой господинъ полоумный, что ты боишься, какъ бы онъ ни связался съ такими страшными звѣрями? — спросилъ донъ Діего.

— Нѣтъ, онъ не полоумный, — заступился за своего рыцаря Санчо, — но черезчуръ ужъ отваженъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ гидальго, — я постараюсь поумѣрить его отвагу. Ты только успокойся и не бойся ничего.

И подъѣхавъ къ Донъ-Кихоту, который настаивалъ, чтобы выпустили львовъ изъ клѣтокъ, онъ проговорилъ:

— Сенoръ, странствующіе рыцари должны искать только такихъ приключеній, которыя представляютъ хоть небольшой шансъ на успѣхъ, а понапрасну рисковать собою и они не должны. Смѣлость, переходящая границы благоразумія, болѣе походитъ на безуміе, чѣмъ на истинное мужество. Къ тому же этихъ львовъ везутъ вовсе не противъ васъ, а въ подарокъ королю, и вы напрасно задерживаете ихъ въ пути.

— Сенoръ, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ, — знайте, пожайлуста, своихъ легавыхъ и ищеекъ, но не вмѣшивайтесь въ чужія дѣла. Позвольте ужъ мнѣ знать, противъ меня или не противъ меня высланы эти львы.

И, обратясь снова къ сторожу, рыцарь добавилъ:

— Клянусь тебѣ, донъ колдунъ, если ты сію же минуту не отворишь клѣтокъ, я пригвозжу тебя этимъ копьемъ къ твоему мѣсту!

Испуганный грознымъ видомъ и словами страннаго сенора, подобнаго которому онъ еще никогда не встрѣчалъ, возница робко проговорилъ:

— Ради Господа Бога, позвольте мнѣ только, ваша милость, отпрячь муловъ и убраться съ ними куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Если ихъ

растерзають львы, тогда мнѣ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ, потому что все мое богатство состоитъ въ этихъ мулахъ и этой повозкѣ.

— О, слабовѣрный!—воскликнулъ Донъ-Кихотъ.— Отпрягай своихъ муловъ и дѣлай какъ знаешь. Ты сейчасъ убѣдишься, что твои опасенія совершенно излишни.

Возница проворно соскочилъ на землю и сталъ отпрягать муловъ, между тѣмъ какъ его товарищъ сторожъ громко сказалъ:

— Беру всѣхъ въ свидѣтели, что я отворяю клѣтки и выпускаю львовъ противъ своей воли и принужденный къ этому силою этого вооруженнаго съ головы до ногъ сенора, а ему я объявляю, что онъ одинъ будетъ отвѣчать за весь вредъ и за всѣ убытки, которые могутъ причинить львы; кромѣ того, я требую съ него причитающееся мнѣ жалованіе и награду, обѣщанную мнѣ за благополучную доставку звѣрей. Прошу всѣхъ остальныхъ укрыться подальше, прежде чѣмъ я отворю клѣтки. Самъ я останусь здѣсь, потому что меня львы не тронутъ.

Гидальго пытался было еще разъ оттоворить Донъ-Кихота отъ его безумнаго намѣренія, доказывая ему, что рѣшиться на подобную экстравагантность, значитъ испытывать Бога. Но Донъ-Кихотъ только сухо отвѣтилъ, что онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и проситъ не мѣшать ему.

— Берегитесь, сенoръ, я вижу, что вы страшно заблуждаетесь?— добавилъ донъ Діего.

— Если вы такъ боязливы, сеноръ,—отвѣтилъ на это рыцарь,— то поспѣшите удалиться отсюда въ безопасное мѣсто.

Санчо, въ свою очередь, со слезами на глазахъ сталъ умолять своего господина отказаться отъ ужаснаго предпріятія, въ сравненіи съ которымъ приключенія съ вѣтряными мельницами, сукновальнями и всѣ другія казались ему дѣтскими забавами.

— Бросьте вы это дѣло, ваша милость,—умолялъ Санчо.—Здѣсь, право, нѣтъ никакого колдовства. Я собственными глазами видѣлъ изъ-за рѣшетки лапу настоящаго льва, и, судя по этой огромной лапищѣ, думаю, что весь левъ долженъ быть больше горы.

— Убирайся, трусъ!—возразилъ рыцарь.—У страха глаза велики; левъ можетъ показаться тебѣ, пожалуй, даже болѣе половины всей земли. Уйди, Санчо, и оставь меня одного. Если мнѣ суждено пасть въ предстоящей битвѣ, то ты знаешь наши условія: ты отправишься прямо къ Дульцинеѣ, а тамъ ужъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

Донъ-Кихотъ говорилъ такимъ тономъ, который ясно доказывалъ невозможность отклонить его отъ задуманнаго имъ безумнаго намѣренія.

Донъ Діего желалъ бы помѣшать рыцарю силою, но для этого онъ былъ слишкомъ плохо вооруженъ, притомъ онъ находилъ неразумнымъ

сражаться съ сумасшедшимъ, какимъ Донъ-Кихотъ теперь вполнѣ заявилъ себя. Поэтому, когда сторожъ сталъ готовиться выпустить львовъ, гидальго пришпорилъ свою лошадь и отъѣхалъ въ сторону. За нимъ послѣдовали возница со своими мулами и Санчо на Длинноухѣ. Оруженосецъ заранѣе оплакивалъ погибель своего господина; онъ былъ увѣренъ, что на этотъ разъ рыцарю не миновать злой смерти подъ страшными когтями львовъ. Онъ проклиналъ свою судьбу, проклиналъ часъ, въ который онъ согласился вновь поступить на службу къ Донъ-Кихоту; но, плача и проклиная, онъ однако не забывалъ подстегивать своего осла, чтобы поскорѣе убраться подальше отъ опаснаго мѣста.

Замѣтивъ, что бѣглецы отъѣхали на достаточно далекое разстояніе, сторожъ тоже сдѣлалъ попытку оттоворить Донъ-Кихота отъ его намѣренія, но тотъ, не давъ ему договорить, рѣзко сказалъ:

— Ты напрасно теряешь слова и время. Отворяй клѣтки, а остальное предоставь ужъ мнѣ!

Пока сторожъ отпиралъ первую клѣтку, Донъ-Кихотъ соображалъ, не лучше ли ему будетъ сражаться пѣшимъ, такъ какъ Россинантъ легко могъ испугаться никогда не виданныхъ имъ львовъ. Рѣшивъ, что пѣшему, дѣйствительно, будетъ удобнѣе, рыцарь спрыгнулъ на землю и бросилъ копье; прикрывшись затѣмъ щитомъ, онъ обнажилъ мечъ и, полный непоколебимаго мужества, твердымъ, увѣреннымъ шагомъ подошелъ къ повозкѣ, мысленно поручая душу свою Богу и шепча имя Дульцинеи.

Дойдя до этого мѣста своего повѣствованія, историкъ восклицаетъ:

«О, мужественный, храбрый превыше всякаго пониманія Донъ-Кихотъ Ламанчскій! Чистое зеркало, въ которомъ отразились всѣ доблести міра! О, новый донъ Мануэль Понсе де-Леонъ, бывшій славою и честью испанскаго рыцарства! Какими словами я опишу этотъ изумительный подвигъ? Какими доводами разума я могу доказать будущимъ вѣкамъ его дѣйствительность? Какія похвалы съ достаточною силой могутъ выразить твои неподражаемыя достоинства? Пѣшкомъ, одинъ, съ простою шпагой въ рукѣ, съ простымъ щитомъ, но твердый духомъ, ты ждешь, доблестный рыцарь, когда выпустятъ на тебя двухъ изъ самыхъ громадныхъ львовъ, когда-либо населявшихъ африканскія пустыни! О, пусть твои подвиги, храбрый герой Ламанча, говорятъ сами за себя! Слова въ сравненіи съ ними безсильны».

Затѣмъ авторъ продолжаетъ свое описаніе обыкновеннымъ языкомъ.

Когда сторожъ отворилъ обѣ половины дверей передней клѣтки, взорамъ Донъ-Кихота представился левъ необыкновенной величины и устрашающаго вида. Звѣрь нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по

клѣткѣ, потомъ растянулся въ ней во весь свой внушительный ростъ, вытянулъ лапы и выпустилъ громадные когти. Затѣмъ онъ открылъ пасть, сладко зѣвнулъ, высунулъ фута на два языкъ и облизалъ себѣ глаза и всю морду. Умывшись такимъ образомъ, онъ высунулъ изъ клѣтки голову и обвелъ вокругъ своими сверкающими какъ раскаленные уголья глазами, взглядъ которыхъ способенъ былъ привести въ ужасъ самого дьявола. Но Донъ-Кихотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ наблюдалъ за движеніями звѣря, сгорая желаніемъ помѣриться съ нимъ силами, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что тутъ же искрошитъ его въ куски. Но великодушный левъ, готовый отнестись снисходительно къ людскимъ дурачествамъ, повернулся задомъ къ Донъ-Кихоту и улегся на бокъ. Оскорбленный этимъ явнымъ пренебреженіемъ льва, рыцарь приказалъ сторожу принудить его палочными ударами выйти изъ клѣтки.

— Ну, ужъ этого я не стану дѣлать, какъ вамъ будетъ угодно! — возразилъ сторожъ.—За такое обращеніе со львомъ мнѣ и самому придется поплатиться своею шкурой. Довольствуйтесь тѣмъ, что вы уже сдѣлали, сеноръ рыцарь; этого вполнѣ достаточно для вашей славы. Не искушайте черезчуръ судьбы. Вы видите, клѣтка отворена, и если бы левъ пожелалъ выйти, то вышелъ бы тотчасъ же, а разъ онъ этого не сдѣлалъ до сихъ поръ, то, значитъ, совсѣмъ не намѣренъ выходить. Вы, сеноръ рыцарь, вполнѣ выказали все величіе вашей души, и никто, какъ бы онъ ни былъ храбръ, не обязанъ сдѣлать болѣе того, что сдѣлали вы, вызвавъ врага для единоборства въ открытомъ полѣ, да еще вдобавокъ такого врага, который въ тысячу разъ сильнѣе васъ. Если этотъ врагъ отказывается отъ битвы, то на его голову и падетъ безславіе, а голова того, кто мужественно вызывалъ его, должна быть украшена вѣнкомъ побѣды.

— Ты правъ, мой другъ,—отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Запри клѣтку и выдай мнѣ удостовѣреніе въ какой хочешь формѣ во всемъ, что произошло здѣсь на твоихъ глазахъ: какъ ты, по моему требованію, отворилъ клѣтку, какъ я ждалъ выхода льва, ждалъ долго, но не дождался, потому что онъ струсилъ и не захотѣлъ вступить со мной въ бой. Я, дѣйствительно, исполнилъ свой долгъ. Чортъ бы побралъ всѣ эти волшебства, и да поможетъ Богъ разуму, справедливости и истинному рыцарству! Запри же снова свою клѣтку, а я между тѣмъ подамъ знакъ бѣглецамъ возвратиться, чтобы они первые могли услышать изъ твоихъ устъ о моемъ подвигѣ.

Сторожъ съ радостью заперъ клѣтку, а Донъ-Кихотъ воткнулъ на острее копья бѣлый платокъ, которымъ обтиралъ съ себя сыворотку, и сталъ размахивать имъ въ воздухѣ, чтобы заставить бѣглецовъ возвра-

титься. Послѣдніе продолжали убѣгать, ежеминутно оглядываясь назадъ, не бѣгутъ ли за ними разъяренные львы. Санчо первый замѣтилъ платокъ, манившій ихъ назадъ.

— Умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, — воскликнулъ онъ, — если мой господинъ не побѣдилъ львовъ! Онъ зоветъ насъ назадъ.

Услышавъ это, его спутники остановились и тоже увидали знаки Донъ-Кихота. Съ облегченнымъ сердцемъ они повернули животныхъ, на которыхъ сидѣли, и поѣхали обратно. Когда они снова очутились возлѣ Донъ-Кихота, послѣдній сказалъ возницѣ:

— Теперь ты можешь, любезный, опять запрячь твоихъ муловъ и отправляться съ Богомъ дальше. А ты, Санчо, — обратился онъ къ своему оруженосцу, — дай ему и сторожу по золотому экю, въ вознагражденіе за потерянное ими по моей милости время.

— Дамъ, съ удовольствіемъ дамъ, сколько прикажете, — отвѣтилъ Санчо. — Но что сталось со львами? Совсѣмъ вы ихъ доканали или только ранили?

Въ отвѣтъ на эти вопросы сторожъ, немилосердно преувеличивая, подробно разсказалъ всю исторію, на которую смотрѣлъ сквозь золотую призму, пожалованную ему щедрымъ рыцаремъ.

— При видѣ рыцаря, — говорилъ онъ, между прочимъ, — левъ испугался и не хотѣлъ выйти изъ клѣтки, хотя она долго оставалась отворенною. Рыцарь потребовалъ, чтобы я палками выгналъ звѣря, и не слушалъ меня, когда я говорилъ ему, что это значило бы испытывать Бога. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ запереть клѣтку: рыцарь ни за что не желалъ согласиться на это, и чуть было самъ не ворвался въ нее.

— Ну, что теперь скажешь на это, Санчо? — спросилъ Донъ-Кихотъ. — Есть ли на свѣтѣ такое волшебство, котораго нельзя было бы разрушить истиннымъ мужествомъ? Быть-можетъ волшебникамъ и удастся надѣлать мнѣ мелкихъ непріятностей, но сломить меня имъ никогда не придется!

Санчо только молча развелъ руками. Возница и сторожъ поцѣловали у Донъ-Кихота руку за его подарокъ, при чемъ сторожъ обѣщалъ разсказать объ удивительной храбрости рыцаря самому королю, если удостоится увидѣть его.

— Въ случаѣ, если его величество пожелаетъ узнать, кто именно совершилъ этотъ подвигъ, — проговорилъ на это Донъ-Кихотъ, — то скажи «рыцарь Львовъ», потому что я отнынѣ измѣняю свое прежнее названіе рыцаря Печальнаго Образа въ это новое. Въ этомъ я слѣдую только примѣру прежнихъ странствующихъ рыцарей, мѣнявшихъ свои названія, когда хотѣли, смотря по характеру ихъ подвиговъ.

Но великодушный левъ, готовый отнестись снисходительно къ людскимъ дурачествамъ, повернулся задомъ къ Донъ-Кихоту и улегся на бокъ.

Наконецъ повозка со львами поѣхала своею дорогой, а Донъ-Кихотъ, Санчо и донъ Дiего отправились далѣе.

Донъ Дiего де-Миранда все время молча внимательно слѣдилъ за словами и дѣйствiями Донъ-Кихота, который казался ему то помѣшаннымъ,

но очень умнымъ, то сумасшедшимъ, у котораго бываютъ, однако, свѣтлые промежутки. Если бы гидальго прочиталъ первую часть исторіи Донъ-Кихота, то онъ бы зналъ, на чемъ именно тотъ помѣшанъ, и тогда его нисколько не удивили бы всѣ его странныя выходки. Но не зная этого, донъ Діего поражался удивительнымъ противорѣчіемъ между тѣмъ, что говорилъ Донъ-Кихотъ, и тѣмъ, что онъ дѣлалъ. И дѣйствительно, все, что говорилъ Донъ-Кихотъ, было разумно, изящно и свободно, между тѣмъ какъ всѣ поступки его были странны, нелѣпы и безсмысленны.

«Ну, развѣ вполнѣ здравомыслящій человѣкъ можетъ вѣрить въ колдуновъ и волшебниковъ?—думалъ донъ Діего.—И кому, какъ не безумному, можетъ прійти въ голову фантазія сражаться со львами, когда въ этомъ не было никакой надобности?»

— Готовъ держать пари, что вы считаете меня полоумнымъ?— вдругъ произнесъ Донъ-Кихотъ, нѣсколько времени молча всматривавшійся въ гидальго.—Я этому нисколько и не удивляюсь; я хорошо понимаю, что образъ моихъ дѣйствій легко можетъ навести кого угодно на подобную мысль. Но все-таки я не до такой ужъ степени лишенъ здраваго смысла, какъ вы, вѣроятно, думаете. Блестящій придворный рыцарь долженъ сражаться на глазахъ у короля съ разъяреннымъ быкомъ, подвизаться на турнирахъ, гдѣ раздаютъ побѣдные вѣнки прекрасныя дамы, и вообще увеселять монарховъ разнообразными воинскими забавами. Странствующему же рыцарю приходится объѣзжать пустыни, большія дороги, лѣса и горы; всюду онъ долженъ отыскивать опасныя приключенія, стараться привести ихъ къ благополучному концу, чтобы достигнуть безсмертной славы. Каждому свое: придворному рыцарю надлежитъ увеличивать собою блескъ двора, пользуясь всѣми благами жизни, а странствующему слѣдуетъ переноситься съ одной грани міра на другую, проникать въ самые запутанные лабиринты, бороться съ чудовищами, подвергать себя безропотно зною, бурямъ, дождю, холоду и вьюгамъ, смотря по состоянію природы. И разъ я имѣлъ несказанное счастіе сдѣлаться членомъ странствующаго рыцарства, то не могу же я отказаться отъ дѣлъ, исполненіе которыхъ входитъ въ кругъ возложенныхъ на меня обязанностей. Поэтому я долженъ былъ вступить въ бой со львами, хотя я и понималъ, что этотъ подвигъ могъ стоить мнѣ жизни, но что значить жизнь въ сравненіи съ честью и славой!.. Храбрость — добродѣтель, помѣщенная между двумя пороками — трусостью и отвагой, даже безразсудною. Лучше человѣку возвыситься до безразсудной отваги, чѣмъ спуститься до постыдной трусости. Какъ моту легче сдѣлаться щедрымъ, чѣмъ скрягѣ добрымъ, точно такъ же и человѣку отважному легче быть

храбрымъ, чѣмъ трусу. И повѣрьте мнѣ, донъ Діего, въ приключеніяхъ *отступающій* всегда теряетъ больше *наступающаго*. А слова «Этотъ рыцарь мужественъ и отваженъ» гораздо пріятнѣе звучатъ, чѣмъ слова «Этотъ рыцарь боязливъ и робокъ».

— Соглашаюсь, — отвѣтилъ гидальго, — что все сказанное вами, сеноръ Донъ-Кихотъ, ни въ чемъ не противорѣчитъ здравому уму, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаюсь, что всѣ законы и обычаи умершаго странствующаго рыцарства хранятся и живутъ въ вашемъ сердцѣ... Однако нашимъ лошадямъ не мѣшаетъ поприбавить шагу: уже довольно поздно и хорошо бы къ ночи поспѣть домой. Тамъ вы, сеноръ рыцарь, отдохнете отъ своихъ трудовъ, которые если и не измучили вашего тѣла, зато, навѣрное, утомили вашъ духъ, который, какъ извѣстно, оказываетъ вліяніе на тѣло.

— Считаю ваше приглашеніе за особенную честь для себя и принимаю его съ глубокою признательностью, — отвѣчалъ Донъ-Кихотъ.

Черезъ нѣсколько часовъ донъ Діего, котораго Донъ-Кихотъ прозвалъ «Рыцаремъ Зеленаго Камзола», вводилъ своихъ спутниковъ подъ кровлю своего дома.

ГЛАВА XVIII,

о томъ, что случилось съ Донъ-Кихотомъ въ домѣ рыцаря Зеленаго Камзола.

Домъ дона Діего де-Миранда оказался очень обширнымъ и красивымъ. Надъ воротами были высѣчены гербы соединенныхъ родовъ владѣльца и его супруги. Передъ воротами стояло съ десятокъ глиняныхъ кувшиновъ, изготовляемыхъ въ Тобозо, — видъ ихъ напомнилъ Донъ-Кихоту его даму. Поднявъ глаза къ небу, онъ воскликнулъ съ глубокимъ вздохомъ:

— О, сокровища тобозскія, какія сладостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ какія горестныя воспоминанія пробуждаете вы въ моей душѣ!

Это восклицаніе было услышано студентомъ-поэтомъ, сыномъ дона Діего, вышедшимъ вмѣстѣ съ матерью встрѣтить отца и гостя, поразившаго ихъ своимъ страннымъ видомъ. Соскочивъ съ коня, Донъ-Кихотъ поспѣшилъ подойти къ хозяйкѣ и съ изысканною вѣжливостью попросилъ позволенія поцѣловать у нея руку.

— Представляю тебѣ, — сказалъ ей мужъ, — и прошу тебя принять со свойственнымъ тебѣ радушіемъ сенора Донъ-Кихота Ламанчскаго, по профессіи странствующаго рыцаря, одного изъ самыхъ храбрыхъ и скромныхъ въ мірѣ.

Донна Христина де-Миранда привѣтливо и съ полнымъ радушіемъ приняла гостя; такъ же хорошо отнесся къ нему и сынъ ея, очень понравившійся Донъ-Кихоту своею наружностью и прекрасными манерами.

Рыцаря ввели въ одну изъ многочисленныхъ комнатъ дома, гдѣ Санчо снялъ съ него доспѣхи и вооруженіе, такъ что онъ остался въ суконныхъ панталонахъ и камзолѣ изъ верблюжьей шерсти, покрытомъ ржавчиною отъ старыхъ доспѣховъ и украшенномъ простымъ бѣлымъ воротникомъ, въ родѣ тѣхъ, которые носятся студентами, но не крахмаленнымъ и безъ кружевъ. Носки его желтыхъ сапогъ были вылощены воскомъ. Вымывъ себѣ голову и лицо въ пяти или шести перемѣнахъ воды, что не мѣшало, однако, и послѣдней водѣ сдѣлаться мутною, благодаря творогу, которымъ такъ неудачно угостилъ его Санчо, онъ перекинулъ черезъ плечо кожаную перевязь со шпагой, вмѣсто того, чтобы опоясаться ею, и надѣлъ сверхъ нея плащъ изъ тонкаго темнаго сукна.

Принарядившись такимъ образомъ, Донъ-Кихотъ съ самымъ развязнымъ и галантнымъ видомъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, въ которой ожидалъ его студентъ, чтобы занять его до обѣда. Донна Христина пошла въ кухню распорядиться насчетъ нѣкоторыхъ добавленій къ обѣду; она желала показать, что умѣетъ принимать такихъ почетныхъ гостей, какъ Донъ-Кихотъ.

Въ то время, когда рыцарь приводилъ себя въ порядокъ, донъ Лоренцо, хозяйскій сынъ, спросилъ своего отца:

— Что это за странный сеноръ, котораго вы привезли? Его видъ, имя и то, что вы представили намъ его въ качествѣ странствующаго рыцаря, — все это очень удивило насъ съ матерью.

— Я и самъ ровно ничего не знаю о немъ, — отвѣчалъ донъ Діего. — Могу только сказать, что я видѣлъ его дѣлающимъ ужасныя глупости и слышалъ его разсуждающимъ какъ истинный мудрецъ. Такъ какъ ты считаешь себя умнѣе меня, то быть-можетъ тебѣ скорѣе моего удастся раскусить, что это за птица.

Въ полномъ недоумѣніи донъ Лоренцо пошелъ занимать гостя, который сразу разговорился съ нимъ и, между прочимъ, сказалъ ему:

— Сеноръ донъ Діего де-Миранда, вашъ отецъ, сообщилъ мнѣ, что вы обладаете замѣчательнымъ умомъ и рѣдкими талантами, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ талантъ поэтическій. Поэтому я смотрю на васъ какъ на будущаго знаменитаго поэта.

— Ну, знаменитымъ-то я, по всей вѣроятности, никогда не буду, — возразилъ молодой человѣкъ, — а что у меня есть громадная склонность къ поэзіи — это правда. Пока эта склонность проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что я усердно читаю произведенія всѣхъ великихъ

О, сокровища тобозскія, какія сладостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ какія горестныя воспоминанія пробуждаете вы въ моей душѣ!

поэтовъ, принадлежать къ числу которыхъ я не смѣю надѣяться даже и со временемъ.

— Ваша скромность въ высшей степени привлекательна, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Обыкновенно люди, обладающіе даромъ поэзіи, слишкомъ заносчивы и воображаютъ себя первыми геніями въ мірѣ.

— Нѣтъ правила безъ исключеній, сеноръ, — замѣтилъ донъ Лоренцо. — Могутъ быть поэты вовсе и не считающіе себя ими.

— Ну, такихъ я что-то не встрѣчалъ, — произнесъ рыцарь. — Позвольте мнѣ узнать, какими это стихами вы такъ заняты въ послѣднее время? Мнѣ говорилъ объ этомъ вашъ отецъ. Онъ поминалъ о какой-то темѣ для литературнаго состязанія. Такъ какъ и я кое-что смыслю въ стихотворствѣ, то былъ бы очень радъ взглянуть на вашу работу. Если дѣло, дѣйствительно, идетъ о состязаніи, то я позволю себѣ посовѣтовать вамъ домогаться не первой награды, а второй. Первая награда, обыкновенно, дается за личныя качества или по положенію извѣстнаго лица, между тѣмъ какъ вторая присуждается исключительно за дарованіе, такъ что, въ сущности, третья награда является второю, а первая — третьей, подобно тому, какъ это дѣлается въ университетахъ съ учеными степенями. Но, конечно, нельзя отрицать громаднаго значенія «первой» награды.

«Да, — подумалъ донъ Лоренцо, — онъ разсуждаетъ удивительно здраво. Посмотримъ, что будетъ дальше».

— Вы, навѣрное, посѣщали университетъ, сеноръ? — сказалъ онъ вслухъ. — Позвольте узнать, какую науку вы изучали главнымъ образомъ?

— Науку странствующаго рыцарства, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Эта наука не только не ниже поэзіи, но даже гораздо выше ея.

— О такой наукѣ я ничего не слыхалъ, — недоумѣвалъ молодой человѣкъ.

— Эта наука заключаетъ въ себѣ всѣ остальныя науки міра, — пояснилъ рыцарь. — И, дѣйствительно, странствующій рыцарь долженъ быть юрисъ-консультомъ и въ совершенствѣ знать всѣ законы, чтобы быть въ состояніи воздать каждому по дѣламъ его. Онъ долженъ быть богословомъ, чтобы знать догматы исповѣдуемой имъ религіи, умѣть объяснить и растолковать ихъ тѣмъ, которые могутъ въ этомъ нуждаться. Онъ долженъ знать медицину и ботанику, чтобы умѣть отыскивать среди пустыни и необитаемыхъ мѣстъ цѣлебныя травы для залѣчиванія ранъ и болѣзней, потому что онъ не можетъ надѣяться повсюду находить людей, могущихъ и желающихъ подать помощь ему или комунибудь другому. Онъ долженъ быть и астрономомъ, чтобы ночью опредѣлять время по звѣздамъ, а днемъ — по положенію солнца, и знать, гдѣ находятся сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Онъ долженъ хорошо знать и математику, такъ какъ и она можетъ быть ему нужна на каждомъ шагу. Не говоря уже о томъ, что онъ долженъ быть украшенъ всѣми добродѣтелями и достоинствами; ему слѣдуетъ быть сильнымъ и

въ нѣкоторыхъ искусствахъ, такъ, напримѣръ, онъ долженъ плавать какъ рыба, долженъ умѣть подковать, взнуздать и осѣдлать лошадь. Восходя къ дѣламъ высшаго порядка, замѣчу, что рыцарь долженъ оставаться вѣрнымъ Богу и своей дамѣ. Кромѣ того, онъ обязанъ быть цѣломудренъ, даже въ своихъ помыслахъ, благопристоенъ въ словахъ, щедръ въ благотвореніи, храбръ въ дѣйствіяхъ, терпѣливъ въ страданіяхъ, милосердъ къ слабымъ, и, наконецъ, онъ долженъ быть непоколебимымъ защитникомъ истины, жертвуя при этомъ въ случаѣ надобности даже своею жизнью. Вотъ изъ всѣхъ этихъ великихъ и малыхъ свойствъ и качествъ и образуется настоящій странствующій рыцарь. Какъ видите, сеноръ Лоренцо, наука странствующаго рыцарства смѣло можетъ быть поставлена наравнѣ со всѣми науками, преподаваемыми въ вашихъ школахъ и университетахъ.

— Если бы, дѣйствительно, было такъ, то, конечно, эта наука стояла бы выше всѣхъ прочихъ, — сказалъ донъ Лоренцо.

— Какъ понимать ваше выраженіе «Если бы, дѣйствительно, было такъ»? — спросилъ Донъ-Кихотъ.

— Простите, сеноръ, но я сомнѣваюсь, чтобы существовали когда-нибудь странствующіе рыцари, — отвѣчалъ донъ Лоренцо, — въ настоящее время, мнѣ кажется, такихъ людей, обладающихъ всѣми совершенствами, и совсѣмъ быть не можетъ.

— Большая часть людей убѣждена, какъ и вы, что странствующихъ рыцарей никогда не было на свѣтѣ, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Неоднократный опытъ доказалъ мнѣ, что переубѣждать кого-нибудь словами безполезно, поэтому я надѣюсь доказать вамъ на дѣлѣ, что странствующіе рыцари не только существовали прежде, но существуютъ и въ наши дни. Вы увидите собственными глазами, сколько пользы они приносятъ міру. Къ сожалѣнію, ихъ осталось очень мало, такъ какъ древнія добродѣтели и доблести совершенно начинаютъ исчезать, смѣняясь празднолюбіемъ, корыстолюбіемъ, себялюбіемъ и склонностью къ изнѣживающей роскоши.

«Вотъ онъ и выдалъ свое сумасшествіе, и я самъ буду не умнѣе его, если приму его за человѣка со здравымъ умомъ», — рѣшилъ про себя донъ Лоренцо.

Въ это время служанка пришла звать обоихъ къ обѣду, и ихъ первая бесѣда была такимъ образомъ прервана.

Когда молодой человѣкъ вошелъ въ столовую, отецъ отвелъ его въ сторону и спросилъ, какого онъ мнѣнія о гостѣ.

— Это преинтересный безумецъ, умѣющій говорить чрезвычайно здраво, но то и дѣло провирающійся, — сказалъ донъ Лоренцо.

Обѣдъ вполнѣ оправдалъ слова хозяина, говорившаго, что онъ любитъ угощать своихъ друзей здоровою, вкусною и питательною пищей. Но что въ особенности понравилось Донъ-Кихоту, такъ это удивительная тишина, царившая во всемъ домѣ и дѣлавшая его похожимъ на монашескую обитель.

Когда по окончаніи стола вымыли руки и возблагодарили Подателя всѣхъ благъ, Донъ-Кихотъ попросилъ дона Лоренцо прочитать ему стихи, о которыхъ раньше шелъ разговоръ.

— Чтобы не походить на тѣхъ поэтовъ, которые отказываются читать свои произведенія, когда ихъ просятъ, и читаютъ, когда никто объ этомъ не проситъ, я исполню вашу просьбу и прочту вамъ мое стихотвореніе, за которое я, впрочемъ, не жду никакой награды, потому что смотрю на этотъ трудъ только какъ на простое упражненіе, — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Одинъ изъ моихъ друзей, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — человѣкъ не глупый, былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ заставлять писать стихи на заданную тему, такъ какъ они, обыкновенно, всегда выходятъ изъ назначенныхъ рамокъ. Къ тому же и правила, установленныя для подобнаго рода сочиненій, чрезвычайно строги; такъ, между прочимъ, въ нихъ не допускается словъ: «сказалъ онъ», или «скажу я»; запрещается превращать глаголы въ существительныя, употреблять метафоры, и вообще ставится авторамъ множество другихъ препонъ, смущающихъ и затрудняющихъ ихъ, какъ, вѣроятно, вы и сами уже испытали.

— Хотѣлось бы мнѣ, сеноръ, поймать васъ на какомъ-нибудь заблужденіи, — проговорилъ донъ Лоренцо, — но не могу: вы все ускользаете у меня изъ рукъ, какъ угорь.

— Не понимаю, что вы желаете этимъ сказать, — возразилъ Донъ-Кихотъ.

— Надѣюсь, вы скоро поймете меня, а пока не угодно ли вамъ прослушать заданную тему и мое толкованіе на нее, — предложилъ студентъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

Донъ Лоренцо сходилъ въ свою комнату за тетрадкой и, возвратившись, прочиталъ изъ нея слѣдующее:

Тема.

«Если бы для меня могло возвратиться былое, то мнѣ не нужна была бы надежда; или же пусть скорѣе приходитъ то, чему суждено случиться».

Толкованіе.

«Какъ все проходитъ, такъ прошло и то добро, которое мнѣ было даровано щедрою Фортуной. Но Фортуна не возвратила мнѣ этого добра— ни вполнѣ ни частью. Вотъ ужъ сколько времени, ты, Фортуна, видишь меня распростертымъ у своихъ ногъ и молящимъ возвратить мнѣ мое прошедшее счастіе; я былъ бы вполнѣ доволенъ, если бы для меня могло возвратиться былое.

«Я не хочу иного удовольствія, иной славы, иной побѣды, иного торжества, какъ возвращеніе того благоденствія, которое такъ мучительно въ видѣ одного оставшагося воспоминанія. Если бы ты, Фортуна, услышала мою мольбу и вернула мнѣ былое, мнѣ не нужна была бы и надежда.

«Я сознаю, что прошу невозможнаго, такъ какъ то, что миновало, никакою силой не можетъ быть возвращено. Время бѣжитъ, летитъ, ускользаетъ, чтобы никогда болѣе не возвратиться. Нужно жить тяжелымъ настоящимъ, или же пусть скорѣе приходитъ неизбѣжное.

«Жить въ вѣчной тревогѣ, переходя отъ надежды къ опасеніямъ, хуже смерти, въ которой одной имѣется забвеніе всему. Я бы и радъ былъ вѣчному забвенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ я цѣпляюсь и за жизнь, такъ какъ дѣлается страшно при одной мысли, что приходитъ то, чему не миновать».

Когда молодой человѣкъ окончилъ чтеніе своихъ стиховъ, Донъ-Кихотъ всталъ, взялъ его за руку и воскликнулъ:

— Клянусь Небомъ и всѣмъ его великолѣпіемъ, что вы лучшій поэтъ въ мірѣ и достойны быть увѣнчаннымъ лаврами не только въ нынѣшнихъ университетахъ, но и въ аѳинскихъ академіяхъ, если бы онѣ еще существовали! Да пронзятъ стрѣлы Аполлона тѣхъ судей, которые откажутъ вамъ въ первой наградѣ и да не переступятъ музы никогда болѣе ихъ жилищъ!.. Пожалуйста, прочтите мнѣ еще какія-нибудь изъ вашихъ стихотвореній, чтобы я могъ вполнѣ насладиться вашимъ поэтическимъ талантомъ.

Нужно ли говорить, въ какое восхищеніе привели дона Лоренцо похвалы Донъ-Кихота, хотя онъ и считалъ рыцаря сумасшедшимъ. О, всемогущая лесть, какъ безгранично твое вліяніе, какъ сладки твои рѣчи! Донъ Лоренцо тоже преклонился передъ силою лести до такой степени, что согласился прочесть Донъ-Кихоту еще одинъ свой сонетъ о Пирамѣ и Тисбеѣ:

Сонетъ.

«Стѣна проломлена прекрасною молодою дѣвицей, которая сумѣла покорить великодушное сердце Пирама. Любовь улетаетъ съ Кипра̀, чтобы взглянуть на дѣло, сдѣланное во имя ея.

«Тамъ царитъ молчаніе, прислушиваясь къ нѣмой бесѣдѣ душъ. Истинное чувство довольствуется малымъ!

«Но за исполненіе и скромнаго желанія молодая дѣва поплатилась жизнью. И какъ странно все сложилось!

«Обоихъ любящихъ убилъ мечъ, покрыла могила, а воскресила память!»

— Великій поэтъ скрывается въ васъ, донъ Лоренцо! — въ совершенномъ экстазѣ вскричалъ Донъ-Кихотъ, дослушавъ до конца сонетъ.— Предсказываю вамъ блестящую будущность.

Пробывъ четыре дня въ домѣ дона Діего де-Миранда, Донъ-Кихотъ заявилъ радушнымъ хозяевамъ, что ему наконецъ пора поблагодарить ихъ за гостепріимство и продолжать путь.

— Странствующимъ рыцарямъ, — сказалъ онъ между прочимъ, — не слѣдуетъ долго предаваться праздности и нѣгѣ. Я отлично отдохнулъ и подкрѣпилъ свои силы у васъ и теперь долженъ снова приняться за исполненіе долга, возложеннаго на меня моею профессіей. Этотъ край, какъ я слышалъ, представляетъ богатую почву для приключеній; я и позаймусь ими до того времени, когда начнутся турниры въ Сарагоссѣ; они составляютъ мою главную цѣль. Сначала мнѣ хотѣлось бы побывать въ пещерѣ Монтезиноса, о которой я наслышался столькихъ чудесъ. Думаю также попытаться открыть происхожденіе и настоящіе источники семи озеръ, извѣстныхъ въ народѣ подъ названіемъ «лагунъ Руидера».

Донъ Діего и сынъ его одобрили намѣренія Донъ-Кихота и предложили ему взять у нихъ всего, что можетъ ему понадобиться въ дорогѣ. Кромѣ того, они выразили рыцарю полнѣйшую готовность и впредь служить ему всѣмъ, чѣмъ только будутъ въ состояніи, изъ уваженія къ его славному званію и прекраснымъ личнымъ качествамъ.

Насколько часъ отъѣзда былъ радостенъ для Донъ-Кихота, настолько же онъ опечалилъ Санчо, который жилъ въ домѣ дона Діего какъ въ раю, поэтому и приходилъ въ ужасъ при одной мысли о будущихъ лишеніяхъ и трудахъ во время странствованій по лѣсамъ и горамъ. Хорошо еще, что ему позволили захватить съ собою провизіи, какой и сколько ему хотѣлось!

Прощаясь съ дономъ Лоренцо, Донъ-Кихотъ сказалъ ему:

— Не знаю, говорилъ ли я вамъ, а если и говорилъ, то не мѣшаетъ повторить, что если вы желаете сберечь время и труды на пути къ славѣ, то вамъ остается только одно: сойти съ тропинки поэзіи, все-таки немного узковатой, и сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ. Тогда вамъ однимъ счастливымъ ударомъ руки можно будетъ добыть себѣ даже императорскую корону.

Этими словами Донъ-Кихотъ далъ полное доказательство своего безумія, но онъ не ограничился этимъ, а добавилъ и еще, обращаясь уже къ хозяевамъ:

— Ахъ, какъ я желалъ бы взять съ собою дона Лоренцо и научить его, какъ унижать гордыхъ и возвышать смиренныхъ! Это входитъ въ число главныхъ обязанностей, возложенныхъ на странствующихъ рыцарей. Но такъ какъ онъ для этого еще слишкомъ юнъ и даже не окончилъ своего образованія, то я ограничусь лишь слѣдующимъ совѣтомъ ему: если онъ захочетъ быть дѣйствительно великимъ поэтомъ, то пусть въ оцѣнкѣ своихъ произведеній руководствуется болѣе чужимъ мнѣніемъ, чѣмъ своимъ собственнымъ. Нѣтъ такихъ родителей, которые находили бы своихъ дѣтей дурными, особенно дѣтей своего ума.

Донъ Діего и сынъ его опять не могли надивиться странной смѣси въ Донъ-Кихотѣ мудрости съ безуміемъ и его непреодолимому влеченію къ фантастическимъ приключеніямъ.

Наконецъ, послѣ взаимныхъ предложеній услугъ и обмѣна искреннихъ благопожеланій, Донъ-Кихотъ со своимъ оруженосцемъ выѣхалъ изъ украшенныхъ гербами воротъ гостепріимнаго дома.

ГЛАВА XIX,

въ которой разсказывается приключеніе съ влюбленнымъ пастухомъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣстечка, въ которомъ жилъ донъ Діего де-Миранда, Донъ-Кихота и Санчо догнали двое студентовъ и двое крестьянъ, все четверо верхомъ на ослахъ. У одного изъ студентовъ вмѣсто чемодана былъ небольшой мѣшокъ изъ толстаго зеленаго холста, въ которомъ находилось кое-какое платье и двѣ пары черныхъ тиковыхъ чулокъ. У другого же ничего не было, кромѣ двухъ новенькихъ рапиръ, съ насаженными на нихъ бутонами. Крестьяне же везли съ собою различнаго рода предметы, очевидно, купленные ими въ городѣ для своего обихода.

Всѣ эти всадники такъ же были поражены странною наружностью рыцаря, какъ и всѣ, встрѣчавшіе его въ первый разъ, и сгорали не-

терпѣніемъ узнать, кто этотъ человѣкъ, такъ не похожій на другихъ и весь закованный въ желѣзо.

Когда они поравнялись съ Донъ-Кихотомъ, онъ вѣжливо поклонился имъ и спросилъ, не по пути ли имъ съ нимъ; на ихъ утвердительный отвѣтъ предложилъ ѣхать вмѣстѣ. Чтобы не оставить ихъ въ долгомъ недоумѣніи, онъ поспѣшилъ въ нѣсколькихъ словахъ сообщить имъ, кто онъ и какая у него профессія. При этомъ онъ назвалъ себя рыцаремъ Львовъ и добавилъ, что ѣдетъ искать приключеній во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта. Для крестьянъ все это было такъ же непонятно, какъ если бы онъ говорилъ по-гречески или по-цыгански, но студенты сразу поняли, что у него мозгъ не въ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе къ ихъ удивленію примѣшивалось невольное уваженіе. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему:

— Если вы, сеноръ рыцарь, не спѣшите сейчасъ въ опредѣленное мѣсто, а отыскиваете приключенія наудачу, то поѣзжайте съ нами до цѣли нашего путешествія, и вы увидите одну изъ богатѣйшихъ и прекраснѣйшихъ свадебъ, какія когда-либо праздновались въ Ламанчѣ.

Донъ-Кихотъ спросилъ, не принцъ ли какой женится, что они такъ восторженно отзываются о свадьбѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ студентъ, — свадьба крестьянская; но дѣло въ томъ, что женихъ — первый богачъ во всемъ округѣ, а невѣста — первая красавица въ мірѣ. Жениха зовутъ Камахо Богатымъ, а невѣсту — прекрасною Хитеріей. Ей восемнадцать лѣтъ, женихъ же старше ея на четыре года. Какъ я уже говорилъ, они оба одинаковаго происхожденія, хотя люди, знающіе наизусть генеалогію всего міра, увѣряютъ, будто прекрасная Хитерія въ этомъ отношеніи стоитъ выше своего жениха. Но на это нечего обращать вниманія: богатство достаточно могущественно, чтобы загладить всѣ недочеты рожденія. Въ самомъ дѣлѣ, Камахо очень богатъ и можетъ дѣлать все, что ему вздумается. Такъ, напримѣръ, ему пришла фантазія, весь лугъ, на которомъ будетъ праздноваться свадьба, сплошь покрыть зелеными вѣтвями, такъ что и травы не будетъ видно. Потомъ по его заказу сочинено нѣсколько танцевъ со шпагами и маленькими колокольчиками, потому что въ его деревнѣ есть мастера выполнять такіе танцы. Кромѣ того, имъ приглашено множество и другихъ плясуновъ. Но изъ всего, что я разсказалъ, и того, чего еще не успѣлъ разсказать, ничто, кажется, не сдѣлаетъ эту свадьбу надолго памятной, какъ тѣ отчаянныя штуки, которыми, навѣрное, отличится несчастный Базиліо. Этотъ Базиліо — молодой пастухъ, односельчанинъ прекрасной Хитеріи. Живетъ онъ въ собственномъ домикѣ, рядомъ съ домомъ родителей красавицы. Онъ влюбился въ Хитерію чуть ли еще не въ дѣтствѣ, и она платила ему взаимностью, выражавшеюся въ тысячѣ

невинныхъ пустяковъ, такъ что вся деревня видѣла въ нихъ будущихъ жениха съ невѣстой. Однако когда оба выросли, отецъ Хитеріи нашелъ нужнымъ отказать Базиліо отъ своего дома, куда тотъ до тѣхъ поръ былъ постоянно вхожъ. Это произошло потому, что старикъ рѣшилъ выдать дочь за богача Камахо, вмѣсто бѣдняка Базиліо. Зато Базиліо такой красавецъ и молодецъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить: сила и ловкость у него изумительныя, и, говорятъ, что равнаго ему во всѣхъ играхъ, которыми у насъ забавляется сельская молодежь, нѣтъ не только въ Ламанчѣ, но и далеко за его предѣлами. Особенно хорошо онъ играетъ въ мячъ. Кромѣ того, онъ поетъ какъ жаворонокъ, играетъ на гитарѣ такъ, что она точно говоритъ, и, въ довершеніе всего этого, превосходно владѣетъ кинжаломъ.

— За одно послѣднее искусство,— замѣтилъ Донъ-Кихотъ,— онъ достоинъ жениться не только на красавицѣ Хитеріи, но и на самой королевѣ Женіеврѣ, наперекоръ Ланселоту и всѣмъ другимъ, кто пожелалъ бы воспротивиться этому. Къ сожалѣнію, эта королева уже давно перестала радовать міръ своимъ существованіемъ.

— Сказали бы вы, ваша милость, это моей женѣ,— вмѣшался Санчо.— Она говоритъ, что всякій долженъ жениться только на равной себѣ по рожденію и по состоянію, и при этомъ указываетъ на поговорку «Каждой овцѣ своя масть». Что касается до меня, то я очень былъ бы радъ, если бы вашъ красавецъ Базиліо женился на красавицѣ Хитеріи. Будь проклятъ на этомъ свѣтѣ и на томъ тотъ, кто мѣшаетъ людямъ жениться по своему вкусу!

— Если бы всѣ влюбленные могли такъ жениться,— сказалъ Донъ-Кихотъ,—то родители лишились бы законнаго права выбирать спутниковъ жизни для своихъ дѣтей и пристраивать ихъ какъ и когда имъ вздумается. И если бы молодыя дѣвушки сами выбирали себѣ мужей, то одна вышла бы за лакея своего отца, а другая—за перваго встрѣчнаго, который проходилъ бы мимо ея оконъ, задравъ кверху носъ и откинувъ назадъ свою пустую голову. Любовь легко ослѣпляетъ глаза разсудка, который долженъ имѣть рѣшающій голосъ въ выборѣ извѣстнаго положенія на всю жизнь. Выборъ мужа или жены крайне затруднителенъ, и нужна особенная милость Неба и громадная осторожность, чтобы не ошибиться. Человѣкъ, отправляющійся въ далекое путешествіе, осмотрительно выбираетъ своихъ спутниковъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть осмотрительнымъ при выборѣ себѣ спутницы на всю жизнь, вплоть до самой могилы,— спутницы, съ которою предстоитъ дѣлить и радость и горе и производить потомство. Законная жена, это — не то, что какая-нибудь вещь, которую можно продать, обмѣнить или даже бросить. Нѣтъ, это—

навязанное случаемъ добавленіе, которое не отстанетъ отъ тебя до самой смерти, это петля, которая, будучи разъ накинута на шею, превращается въ гордіевъ узелъ и можетъ быть перерѣзана развѣ только косою всеразрѣшающей смерти. Я могъ бы проговорить цѣлый день объ этомъ предметѣ, но ограничиваюсь сказаннымъ, такъ какъ мнѣ хотѣлось бы знать, не можете ли вы, господинъ студентъ, еще что разсказать мнѣ о заинтересовавшемъ меня пастухѣ Базиліо.

— Мнѣ осталось добавить только одно, — отвѣчалъ студентъ: — съ того дня, какъ распространился слухъ о выходѣ Хитеріи замужъ за Камахо, никто уже не видалъ болѣе улыбки на лицѣ Базиліо и не слыхалъ отъ него ни одного разумнаго слова. Съ тѣхъ поръ онъ вѣчно печаленъ и задумчивъ и часто говоритъ самъ съ собою; это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ овладѣвшаго имъ безумія. Онъ мало ѣстъ, мало спитъ, и если ѣстъ, то одни плоды, а если когда и спитъ, то только подъ открытымъ небомъ и на голой землѣ, какъ его скотъ, который онъ пасетъ. Иногда онъ стоитъ неподвижно по цѣлымъ часамъ, уставившись въ небо или въ землю, такъ что его тогда можно принять за изваяніе въ развѣвающейся по вѣтру одеждѣ. Словомъ, онъ до такой степени страдаетъ отъ любви, что многіе опасаются, какъ бы крохотное, но многозначительное словечко «да», которое прекрасная Хитерія собирается произвести завтра предъ алтаремъ, не было для него смертнымъ приговоромъ.

— Захочетъ Богъ — все уладитъ, — сказалъ Санчо. — Онъ и болѣзнь посылаетъ, но Онъ же можетъ дать и лѣкарство противъ нея. Никому неизвѣстно, что впереди. До завтра осталось еще много часовъ, а любой домъ можетъ провалиться въ одну минуту. Я часто видѣлъ, какъ въ одно и то же время шелъ дождь и свѣтило солнце, и слышалъ, что такой-то легъ вечеромъ совершенно здоровымъ, а утромъ уже не могъ пошевельнуться. Скажите-ка мнѣ, есть ли на всемъ свѣтѣ такой мудрецъ, который могъ бы похвалиться, что вбилъ гвоздь въ колесо Фортуны? Я увѣренъ, что такого мудреца не существуетъ. Ну, а между «да» и «нѣтъ» женщины я не положилъ бы и кончика иголки, потому что онъ туда не пролѣзъ бы. Если Хитерія искренно и сильно любитъ Базиліо, я готовъ посулить ей и ему цѣлый коробъ счастія, такъ какъ любовь, говорятъ, глядитъ сквозь очки, способныя превратить мѣдь въ чистое золото, бѣдность — въ богатство и стекло — въ алмазы.

— Ну, замололъ чепуху! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Начнешь сыпать поговорками и пословицами, такъ за тобой никто не угонится. Скажи ты мнѣ, животное, что можешь ты смыслить въ высшихъ вопросахъ жизни?

— Ахъ, Господи!—обидѣлся Санчо.—Если вы, ваша милость, меня не понимаете, то, конечно, мои слова должны казаться вамъ глупыми... Ну, да все равно: я самъ себя понимаю и знаю, что вовсе не говорю такъ глупо, какъ вамъ хочется показать. Ваша милость только и знаетъ, что придирается къ каждому моему слову и шагу. Настоящій вы трензоръ!

— Если ты хочешь щеголять иностранными словами, то напрасно такъ немилосердно перевираешь ихъ,—произнесъ Донъ-Кихотъ.—Говорятъ «цензоръ», а не «трензоръ». Просто тошно слушать тебя!

— Ну, не сердитесь, ваша милость,—проговорилъ Санчо.—Вѣдь вы знаете, что я не росъ при дворѣ и не учился въ Саламанкѣ, поэтому легко могу ошибиться въ буквахъ. Нельзя же требовать, чтобы крестьянинъ изъ Сахіаго говорилъ такъ же хорошо, какъ толедскій гражданинъ. Да и толедцы, какъ я слышалъ, не всѣ говорятъ по-ученому.

— Это правда,—подхватилъ тотъ студентъ, который разсказывалъ о свадьбѣ:—тѣ изъ гражданъ, которые постоянно сидятъ въ лавкахъ и кожевняхъ, выражаются совсѣмъ не такъ, какъ ихъ сограждане, гуляющіе по цѣлымъ днямъ по церковнымъ монастырямъ. Самымъ чистымъ, изысканнымъ и изящнымъ языкомъ говорятъ люди при просвѣщенныхъ дворахъ, хотя бы и родившіеся въ грязи. Говорю при *просвѣщенныхъ* потому, что есть дворы и непросвѣщенные. Хорошій языкъ, не отступающій отъ грамматики, нераздѣленъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ... За грѣхи прародителей я былъ вынужденъ изучать право въ Саламанкѣ, поэтому и имѣю претензію выражать свои мысли чистымъ, яснымъ и понятнымъ языкомъ.

— Да,—перебилъ второй студентъ,—если бы вы не имѣли претензіи играть рапирою лучше, чѣмъ словами, то на лиценціатскомъ конкурсѣ стояли бы во главѣ, а не въ хвостѣ.

— Послушайте, сеноръ баккалавръ Корчуэло,—сказалъ лиценціатъ,—ваше мнѣніе, будто фехтовальное искусство совершенно безполезно и не имѣетъ никакого значенія, крайне ошибочно.

— Это вовсе не мое личное мнѣніе, но общепринятая истина,—возразилъ Корчуэло.—Если вы хотите, чтобы я доказалъ вамъ это на дѣлѣ, то я къ вашимъ услугамъ. Сойдемте на землю, дайте мнѣ одну изъ вашихъ рапиръ, и я заставлю васъ убѣдиться, что отлично можно фехтовать и съ помощью одной природной ловкости и силы, не прибѣгая ни къ какимъ ухищреніямъ, которымъ учатъ въ фехтовальныхъ залахъ.

— Смотрите, какъ бы вамъ не лишиться головы отъ того искусства, которое вы такъ презираете,—съ угрозой проговорилъ лиценціатъ.

— Ну, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, — насмѣшливо возразилъ Корчуэло, соскакивая съ осла и хватаясь за одну изъ рапиръ лиценціата.

— Позвольте, я буду третейскимъ судьей въ вашемъ спорѣ, который уже не разъ поднимался другими, но все еще не рѣшенъ,—предложилъ Донъ-Кихотъ.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лошади и сталъ посреди дороги, между тѣмъ какъ лиценціатъ размѣреннымъ шагомъ и съ непринужденнымъ видомъ приближался къ Корчуэло, который двинулся ему навстрѣчу, меча, какъ говорится, молніи изъ глазъ. Крестьяне и Санчо оставались на своихъ ослахъ, готовясь быть свидѣтелями единоборства, обѣщавшаго кончиться очень трагично. Баккалавръ нападалъ какъ разъяренный левъ, нанося удары, очевидно, по вдохновенію, безъ какихъ бы то ни было правилъ, но лиценціатъ спокойно останавливалъ его однимъ ударомъ бутона своей рапиры, къ которому затѣмъ каждый разъ заставлялъ его прикладываться, точно какъ къ святынѣ. Въ концѣ-концовъ лиценціатъ пересчиталъ баккалавру бутономъ рапиры всѣ пуговицы на его камзолѣ, изорвалъ ему полы, такъ что онѣ стали висѣть наподобіе хвостовъ, два раза сбилъ у него съ головы шляпу и вообще довелъ своего противника до того, что тотъ, не помня себя отъ бѣшенства, вырвалъ у него изъ рукъ рапиру и съ такой силой швырнулъ ее въ сторону, что она отлетѣла на нѣсколько сотъ шаговъ. Фактъ этотъ служитъ достаточнымъ доказательствомъ побѣды искусства надъ грубою силой.

Когда Корчуэло, весь запыхавшись, красный и растрепанный, въ изнеможеніи опустился на землю, Санчо подъѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Ваша милость, послушайте моего добраго совѣта: не беритесь за шпагу, которою не умѣете владѣть; ваше дѣло, по вашей силѣ, драться на кулачки, бороться или метать что-нибудь. Настоящіе драчуны на шпагахъ могутъ, какъ мнѣ говорили, продѣть кончикъ шпаги въ игольное ушко, а вамъ этого никогда не сдѣлать.

— Да, я теперь понялъ, въ чемъ дѣло, и однимъ опытомъ сталъ богаче,—проговорилъ Корчуэло, поднимаясь на ноги. Затѣмъ, подойдя къ лиценціату, онъ обнялъ и поцѣловалъ его; тотъ отвѣтилъ на ласку лаской, и дружба ихъ снова была скрѣплена.

Спѣша скорѣе попасть въ деревню, въ которой жила прекрасная Хитерія и изъ которой они сами были родомъ, студенты не захотѣли дожидаться возвращенія крестьянина, отправившагося за рапирой, а рѣшили скорѣе продолжать путь, надѣясь, что онъ ихъ догонитъ. Во всю остальную часть пути лиценціатъ съ такою убѣдительностью доказывалъ, на основаніи математики, превосходство искусства фехтованія передъ

обыкновенными способами сраженія, что баккалавръ вполнѣ проникся его доводами и заявилъ, что стыдится упрямства, съ которымъ онъ поддерживалъ свое ложное мнѣніе.

Уже наступила ночь, и все небо было усѣяно сверкающими звѣздами, когда наши всадники подъѣхали къ селенію. Навстрѣчу имъ неслись мелодичные звуки различныхъ инструментовъ: флейтъ, тамбуриновъ, гуслей, лютней, волынокъ и барабановъ. У околицы было выстроено нѣчто въ родѣ обширной бесѣдки, всѣ деревья передъ которою были увѣшаны разноцвѣтными фонариками. За бесѣдкой раскидывался большой лугъ, оживленный множествомъ людей, изъ которыхъ одни танцовали, другіе пѣли, третьи играли, а нѣкоторые сколачивали возвышенія, съ которыхъ можно было бы на другой день смотрѣть на свадебное шествіе. Веселившіеся, очевидно, совершали своего рода репетицію завтрашняго вечера.

Какъ студенты ни упрашивали Донъ-Кихота остановиться у кого-нибудь изъ нихъ въ домѣ, онъ не согласился, говоря, что странствующіе рыцари имѣютъ обыкновеніе спать подъ открытымъ небомъ, гдѣ ихъ застанетъ ночь, а не въ домахъ. Такъ какъ студенты не нашли, что возразить на этотъ вѣскій аргументъ, то вѣжливо простились съ нимъ, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ утромъ не откажется посѣтить деревню.

Когда рыцарь повернулъ въ ближайшій лѣсъ, Санчо сдѣлалъ было очень недовольную мину, но утѣшился тѣмъ, что сумка его была набита биткомъ и что у него нѣтъ опасности умереть съ голода.

ГЛАВА XX,

въ которой описывается свадьба Камахо Богатаго и приключеніе Базиліо Бѣднаго.

Едва блѣдная Аврора уступила мѣсто блистательному Фебу, чтобы онъ могъ упиться чистою росой, наполнявшею чашечки цвѣтовъ, какъ Донъ-Кихотъ, стряхнувъ съ себя сонъ, поднялся съ травы, служившей ему ложемъ, и позвалъ громко храпѣвшаго Санчо, растянувшагося подъ гигантскимъ дубомъ. Но сладко спавшій оруженосецъ и не пошевельнулся. Донъ-Кихотъ подошелъ къ нему поближе, долго смотрѣлъ на него и наконецъ проговорилъ:

— О, ты, счастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, обитающихъ на землѣ! Ни ты никому не завидуешь, ни тебѣ никто не завидуетъ, и спишь ты со спокойнымъ духомъ, не тревожимый ни волшебниками ни исходящимъ отъ нихъ зломъ!.. Да, ты можешь спокойно спать, потому что не страдаешь отъ пламени ревности, сжигающаго сердце, тебя не

мучитъ воспоминаніе о долгахъ, которыхъ нечѣмъ уплатить, не тревожитъ забота о насущномъ хлѣбѣ для твоего семейства. Тебя не снѣдаетъ честолюбіе, не гложетъ жажда суетной роскоши, такъ какъ твои потребности не идутъ дальше насыщенія твоего брюха и твоего осла. Да и забота объ удовлетвореніи этихъ потребностей возложена на меня, какъ на человѣка, пользующагося твоими услугами и поэтому обязаннаго вознаградить тебя чѣмъ можетъ. Слуга спитъ, а господинъ бодрствуетъ, обдумывая, какъ бы найти пропитаніе себѣ и ему и улучшить его участь въ будущемъ. Видъ палящаго неба, отказывающаго землѣ въ живительной влагѣ, огорчаетъ не слугу, а господина, который долженъ печься и во дни нужды о томъ, кто служилъ ему во дни изобилія.

Хотя Донъ-Кихотъ говорилъ громко и надъ самымъ ухомъ Санчо, но тотъ ровно ничего не слыхалъ и продолжалъ похрапывать съ разинутымъ ртомъ. Онъ только тогда и проснулся, когда рыцарь слегка пощекоталъ ему кончикомъ копья толстую шею. Протеревъ глаза и потянувшись, оруженосецъ повернулъ голову направо, потомъ налѣво и наконецъ пробормоталъ:

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ со стороны деревни жаренымъ! По одному этому видно, что свадьба будетъ важная, угостятъ на ней какъ слѣдуетъ.

— Какой ты обжора, Санчо!—сказалъ Донъ-Кихотъ.—Только ѣда у тебя и на умѣ. Вставай, отправимся въ соблазнящую тебя деревню и посмотримъ, что будетъ дѣлать обездоленный Базиліо.

— А по мнѣ пусть его дѣлаетъ, что хочетъ,—замѣтилъ оруженосецъ, лѣниво поднимаясь.—Есть кого жалѣть! Кто жъ виноватъ, что онъ бѣденъ и влюбился въ красавицу? Безъ мараведиса за душою нельзя жениться даже на дурнушкѣ. И съ кѣмъ вздумалъ тягаться! Судя по разсказамъ студента, Камахо можетъ запрятать этого пастушишку въ мѣшокъ съ золотомъ, и онъ въ немъ утонетъ. Глупа была бы Хитерія, если бы отказала такому богачу, который можетъ наряжать ее какъ принцессу, и взяла бы въ мужья человѣка, не имѣющаго ничего, кромѣ пары здоровыхъ кулаковъ. Великое дѣло, что онъ умѣетъ играть въ мячъ и въ ножи! За это ни въ одномъ трактирѣ не дадутъ и стакана вина и не накормятъ. Вотъ ежели у кого такіе таланты при богатствѣ, ну, тогда онъ можетъ желать себѣ столько счастія, сколько у него достоинствъ!.. Хорошій домъ можно построить только на прочномъ основаніи, а самое лучшее основаніе въ мірѣ—деньги...

— Перестанешь ты, наконецъ, надоѣдать мнѣ своею болтовней!—вскричалъ Донъ-Кихотъ.—Если не остановить тебя, ты будешь молоть языкомъ до тѣхъ поръ, пока не истреплешь его въ мочалку!

Санчо только тогда и проснулся, когда рыцарь слегка пощекоталъ ему кончикомъ копья толстую шею.

— Эхъ, ваша милость, какая у васъ короткая память!—укоризненно проговорилъ Санчо.—Должно-быть вы совсѣмъ забыли, какой у насъ былъ уговоръ передъ тѣмъ, какъ отправляться въ этотъ походъ. Между прочимъ мы уговорились, что вы позволите мнѣ болтать сколько моей душѣ будетъ угодно, лишь бы я не оскорблялъ своимъ языкомъ ни

васъ ни ближнихъ, я этого и не дѣлаю, потому что твердо держусь своего слова.

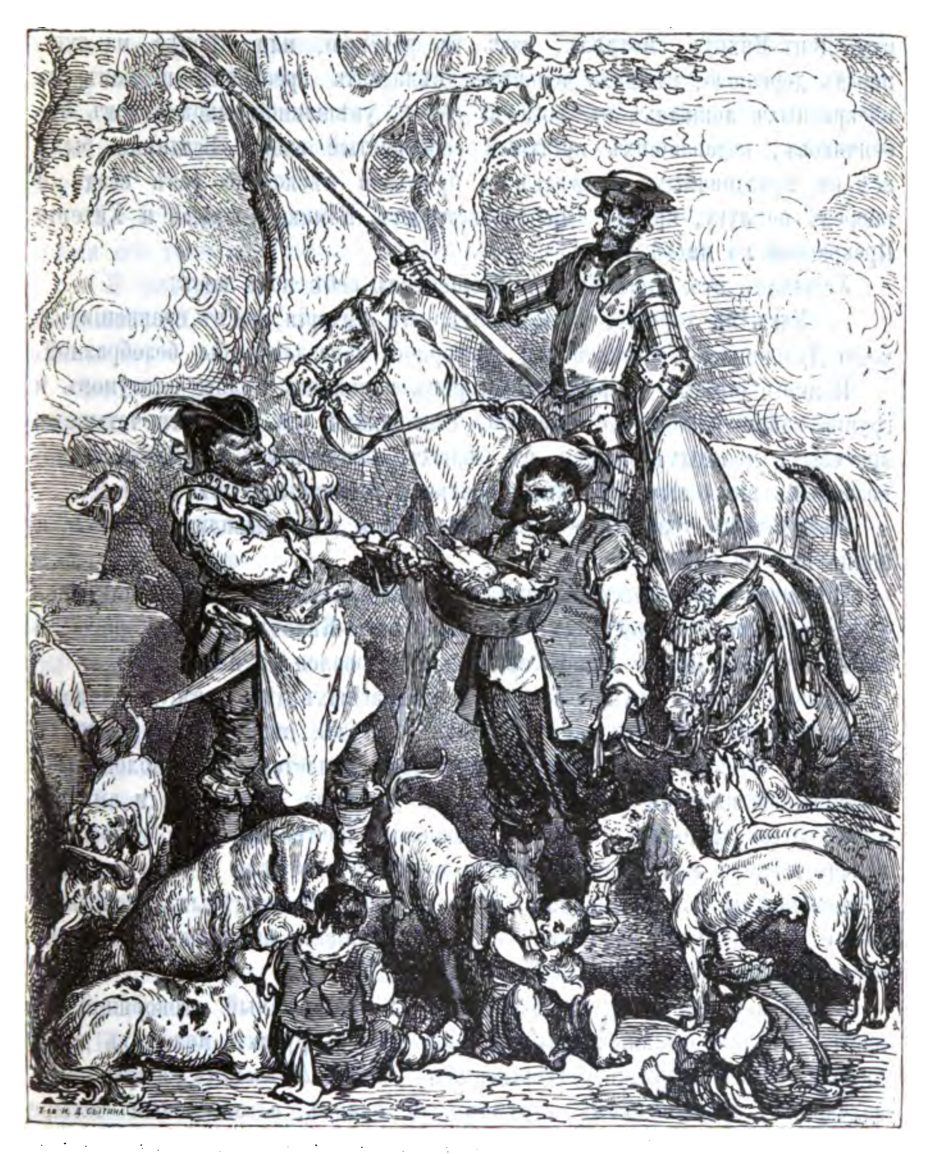
— Я, дѣйствительно, совсѣмъ не помню, чтобы у насъ былъ такой уговоръ,—сознался Донъ-Кихотъ.—Но если онъ и былъ, я все-таки требую, чтобы ты сейчасъ же замолчалъ и слѣдовалъ за мною. Вотъ ужъ заиграла музыка, и я думаю, что хотятъ совершить брачную церемонію утромъ, пока свѣжо.

Сѣвъ на своихъ четвероногихъ спутниковъ, рыцарь и его оруженосецъ направились къ деревнѣ. Передъ въѣздомъ въ селеніе, у бесѣдки, на громадномъ кострѣ жарился цѣлый быкъ. Вокругъ костра стояли гигантскія глиняныя банки, въ которыхъ обыкновенно хранится вино, но на этотъ разъ въ нихъ лежали цѣлые бараны, казавшіеся маленькими въ сравненіи съ громадными сосудами. На деревьяхъ было развѣшано безчисленное множество различной живности, приготовленной на жаркое. Тамъ же, только на самыхъ крѣпкихъ сучьяхъ, красовалось болѣе шестидесяти громадныхъ мѣховъ съ винами лучшихъ сортовъ. На деревянныхъ настилкахъ возвышались горы бѣлаго хлѣба и цѣлыя стѣны, сложенныя изъ сыровъ. На двухъ громадныхъ желѣзныхъ сковородахъ жарились оладьи, которыя вынимались деревянными лопатами и бросались въ стоявшій рядомъ чанъ съ медомъ. За стряпнею возились человѣкъ пятьдесятъ поваровъ и поварихъ, чистоплотныхъ, проворныхъ и веселыхъ. Передъ тѣмъ, какъ жарить быка, во внутренность его зашили дюжину молочныхъ поросятъ, чтобы сдѣлать его нѣжнѣе и вкуснѣе. Длинный и очень вмѣстительный ящикъ весь былъ наполненъ пряностями всѣхъ родовъ. Вообще, всего было изготовлено столько, точно предстояло доотвалу накормить цѣлую армію.

Санчо Панца вытаращилъ глаза на всѣ эти чудеса и заранѣе облизывался, какъ котъ въ виду лакомой добычи. Первое, что плѣнило его, были сосуды со сваренными уже баранами, а затѣмъ его чувствительное сердце умилилось винными мѣхами и наконецъ пирожками, распространявшими раздражающій аппетитъ запахъ. Будучи не въ силахъ противостоять соблазну, онъ подъѣхалъ къ одному изъ поваровъ и со всею учтивостью голоднаго попросилъ у него позволенія обмакнуть кусокъ хлѣба въ одинъ изъ сосудовъ съ медомъ.

— Сегодня, братъ, никому не полагается у насъ голодать, — отвѣтилъ поваръ. — Слѣзай съ своего осла и спроси себѣ чего хочешь. Скоро будутъ готовы и жареныя куры. Ѣшь себѣ на здоровье... Постойка, я погляжу,—добавилъ онъ, подбѣгая къ одному изъ своихъ товарищей, у котораго жарилась живность.

Черезъ минуту онъ возвратился, неся на блюдѣ трехъ куръ и пару гусей.

— На-ка, братъ,—сказалъ поваръ, протягивая блюдо Санчо,—подкрѣпись маленько до обѣда.

— На-ка, братъ,—сказалъ онъ, протягивая блюдо Санчо, — подкрѣпись маленько до обѣда. Спроси у женщинъ ножъ, хлѣбъ, соль и все, что тебѣ нужно. Дадутъ и вина, если хочешь.

Пока Санчо утопалъ въ блаженствѣ, набросившись на ѣду съ такою жадностью, точно онъ въ теченіе цѣлой недѣли не имѣлъ крошки во

рту, Донъ-Кихотъ смотрѣлъ, какъ въ деревню, или, вѣрнѣе, на лугъ передъ деревнею, въѣхало человѣкъ двѣнадцать крестьянъ верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатой сбруѣ, увѣшанной множествомъ бубенчиковъ, издававшихъ пріятный серебристый звонъ. Всадники были всѣ въ праздничныхъ одеждахъ и проѣхали нѣсколько разъ взадъ и впередъ по лугу, крича: «Да здравствуютъ Камахо Богатый и Хитерія Прекрасная на много лѣтъ!»

Услыхавъ это, Донъ-Кихотъ прошепталъ себѣ подъ носъ:

— Какъ ни хороша, быть-можетъ, эта Хитерія, но въ сравненіи съ моею Дульцинеей Тобозской она, навѣрное, показалась бы безобразной.

Немного спустя съ разныхъ сторонъ появились толпы плясуновъ и группа танцовщиковъ со шпагами, состоявшая изъ двадцати четырехъ красивыхъ молодыхъ парней въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ и повязанныхъ шелковыми носовыми платками различныхъ цвѣтовъ.

Между тѣмъ толпы народа все прибывали и прибывали; казалось, и конца имъ не будетъ.

По знаку своего распорядителя танцовщики со шпагами начали свое дѣло съ такимъ искусствомъ, что даже Донъ-Кихотъ, для котораго на свѣтѣ не было ничего удивительнаго, залюбовался на нихъ.

Вскорѣ пришла группа молодыхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, не моложе четырнадцати и не старше восемнадцати лѣтъ, въ легкихъ зеленыхъ одеждахъ. У всѣхъ были бѣлокурые волосы, заплетенные до половины и украшенные вѣнками изъ живыхъ розъ, жасмина, жимолости и амарантовъ. Этою группой предводительствовали почтеннаго вида старецъ и величественная женщина; старикъ и женщина смотрѣли такими бодрыми и проворными, что можно было принять ихъ за переодѣтыхъ молодыхъ людей. Эти дѣвушки со своими скромными лицами оказались тоже очень искусными плясуньями.

Когда кончили плясуньи, начался такъ называемый «говорящій танецъ». На танцовальный кругъ вышли восемь другихъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ нимфами. Четверыхъ велъ божокъ *Купидонъ* съ крыльями, колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, и лукомъ, а остальныя четыре нимфы шли подъ предводительствомъ *Интереса*, одѣтаго въ золотую парчу и шелкъ. По названіямъ, написаннымъ на полоскахъ бѣлаго пергамента, приколотыхъ къ спинѣ нимфъ между плечъ, можно было видѣть, что за Купидономъ слѣдуютъ *Поэзія, Скромность, Благородство* и *Храбрость,* а за Интересомъ — *Богатство, Щедрость, Великодушіе* и *Мирное обладаніе.*

За шествіемъ нимфъ четверо людей, раскрашенныхъ дикарями и прикрытыхъ только зелеными листьями, тащили деревянный дворецъ, на

фасадѣ котораго крупными буквами было написано: «Дворецъ Мудрой Осторожности». Потомъ выступило четверо музыкантовъ съ флейтами и тамбуринами. Протанцовавъ двѣ фигуры, Купидонъ направилъ свой лукъ противъ молодой дѣвушки, усѣвшейся между зубцами замка, и проговорилъ:

«Я—богъ всемогущій въ воздухѣ, на землѣ и въ глубокомъ морѣ со всѣми его таинственными, наводящими ужасъ безднами и пучинами.

« Я никогда не зналъ страха. Я могу все, что хочу, даже невозможное. Я всѣмъ распоряжаюсь, ничто не дѣлается безъ моего содѣйствія».

Договоривъ послѣднее слово, Купидонъ пустилъ стрѣлу въ грудь дѣвушки и отошелъ въ сторону. Смѣнившій его Интересъ тоже протанцовалъ двѣ фигуры и затѣмъ сказалъ:

«Я тотъ, который сильнѣе Купидона, и иногда ведетъ его. Я самаго высокаго, знаменитаго и древняго рода на землѣ, и гдѣ всѣ отступаютъ, тамъ я побѣждаю.

«Я—Интересъ, которымъ мало кто умѣетъ пользоваться разумно, но безъ котораго рѣдкій человѣкъ берется за что-нибудь. Таковъ, каковымъ вы меня видите, я навсегда посвящаю себя тебѣ, прелестная Осторожность».

Интересъ смѣнила Поэзія и, протанцовавъ, что ей полагалось, произнесла, обративъ глаза на дѣвушку, сидящую на верху замка:

«Тебѣ, прекрасная владѣтельница замка, шлетъ Поэзія свою душу въ тысячѣ благозвучныхъ сонетовъ, воспѣвающихъ твою красоту, любовь и счастіе.

«Пока ты не отгонишь меня, твоя жизнь протечетъ безпрерывнымъ потокомъ наслажденія».

Поэзія уступила мѣсто Щедрости, которая послѣ своего танца продекламировала:

«Щедростью называется способъ давать, такъ же отдаленный отъ расточительности, какъ отъ скупости, которую ея поклонники, люди съ черствымъ сердцемъ, называютъ благоразуміемъ.

«Но, чтобы возвеличить тебя, я хочу съ этихъ поръ быть еще щедрѣе, чѣмъ была, потому что вступила въ сердце, наполненное любовью».

Такъ, по очереди, всѣ нимфы протанцовали и проговорили стихи, изъ которыхъ большинство были плохи, но все-таки производили на слушателей глубокое впечатлѣніе, исключая Донъ-Кихота, бывшаго очень разборчивымъ въ этомъ отношеніи. Потомъ Купидонъ и Интересъ вмѣстѣ со своею свитой пустились въ граціозный и оригинальный плясъ. Ку-

пидонъ пускалъ стрѣлы въ владѣтельницу замка, а Интересъ бросалъ ей золоченые глиняные шарики, наполненные духами, какъ дѣлаютъ рыцари на турнирахъ, позаимствовавъ этотъ обычай отъ арабовъ. Наконецъ Интересъ вынулъ изъ кармана большой кошелекъ, сдѣланный изъ шкуры ангорской кошки и, очевидно, наполненный золотомъ. Онъ съ силою ударилъ кошелькомъ въ стѣны замка, который тутъ же и разсыпался, при чемъ его владѣтельница, лишенная своего мѣста, тихо опустилась на землю. Интересъ приблизился къ ней со своими провожатыми, накинулъ ей на шею толстую золотую цѣпь и далъ знакъ своимъ нимфамъ взять ее въ плѣнъ. Но вотъ подоспѣлъ Купидонъ со своимъ штатомъ и сталъ отбивать ее. Всѣ демонстраціи атаки и отраженія производились въ тактъ, подъ звонъ тамбуриновъ. Въ концѣ-концовъ вступились дикари, отбили Осторожность, посадили ее во вновь собранный ими замокъ и съ торжествомъ унесли.

Донъ-Кихотъ освѣдомился у одной изъ нимфъ, кто составилъ и устроилъ это развлеченіе, и узналъ, что авторомъ былъ одинъ мѣстный бенефиціантъ, отличавшійся способностями къ изобрѣтенію подобныхъ увеселеній.

— Я увѣренъ,— сказалъ Донъ-Кихотъ,— что этотъ бенефиціантъ другъ богатаго Камахо, а ужъ никакъ не бѣднаго Базиліо, и что онъ охотнѣе бываетъ на пирахъ, чѣмъ поетъ вечерни. Я бы болѣе уважалъ его, если бы это было наоборотъ.

Слышавшій это разсужденіе Санчо пробормоталъ:

— Ну, я тоже лучше буду дружить съ богачами!

— О тебѣ что говорить! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ.— Ты, конечно, всегда будешь на сторонѣ богатства.

— Само собою разумѣется,— подхватилъ Санчо.— Развѣ бѣднякъ могъ бы такъ угостить меня, какъ вотъ угощаетъ богачъ? И потомъ, я думаю, каждый стоитъ столько, сколько имѣетъ. Одна изъ моихъ бабушекъ, бывало, говорила: «На свѣтѣ есть всего два рода людей — имущіе и неимущіе, кто принадлежитъ къ неимущимъ, тотъ ровно ничего не стоитъ». Благородство ниже богатства; нагруженный золотомъ оселъ пріятнѣе самаго хорошаго арабскаго коня. Поэтому я держусь Камахо, а на вашего Базиліо и плевать не хочу, не въ обиду будь вамъ сказано!

— Ну, кончилъ ты свою прекрасную рѣчь? — спросилъ Донъ-Кихотъ.

— Кончилъ, потому что вижу, какъ ваша милость изволитъ морщиться, а то я могъ бы проговорить объ этомъ дня три, да и то не все сказалъ бы, что нужно, въ пользу богатства.

— Ахъ какъ я желалъ бы увидать тебя нѣмымъ прежде, чѣмъ я закрою глаза! — проговорилъ рыцарь.

— Если мы будемъ продолжать биться со всякими чудовищами, то желаніе вашей милости можетъ исполниться очень скоро: я умру прежде васъ, и тогда буду нѣмъ какъ рыба вплоть до второго пришествія.

— Если смерть когда-нибудь и замкнетъ твои уста, Санчо, то ты все-таки не намолчишь столько, сколько ужъ наговорилъ, говоришь сейчасъ и будешь еще говорить въ теченіе своей жизни! Но имѣй въ виду, что, по законамъ природы, мнѣ предстоитъ умереть раньше твоего, такъ какъ я старше тебя, поэтому мнѣ нельзя надѣяться, чтобы ты попридержалъ свой черезчуръ ужъ бойкій языкъ даже во время ѣды и питья, несмотря на то, что эти два занятія тебѣ дороже всего въ мірѣ.

— Ну, — возразилъ Санчо, обчищая своими крѣпкими зубами ножку гуся, — положимъ, еще неизвѣстно, кто изъ насъ раньше угодитъ въ землю. Смерть такая жадная, что иногда съѣдаетъ ягненка раньше овцы. Нашъ священникъ говоритъ, что она одною ногой наступаетъ на высокія башни королей, а другою — на низенькія хижины бѣдняковъ. У этой сеноры, изволите ли видѣть, больше могущества, чѣмъ деликатности: она совсѣмъ не брезглива и хватаетъ безъ всякаго разбора все, что ей попадется подъ костлявые пальцы. Коса ея коситъ безъ устали вмѣстѣ съ сухою травой и свѣжую. Она даже не даетъ себѣ труда жевать, а глотаетъ все цѣликомъ и все-таки никогда не бываетъ сыта. Да, оно и понятно: вѣдь госпожа смерть только тѣмъ и существуетъ, что уничтожаетъ жизнь...

— Знаешь что, Санчо, — перебилъ, наконецъ, Донъ-Кихотъ, — я нахожу, что тебѣ, по твоему краснорѣчію, не мѣшало бы взять въ руки четки и ходить по деревнямъ проповѣдывать. У тебя, навѣрное, было бы множество слушателей, и ты скоро прославился бы такимъ путемъ.

— Хорошо проповѣдуетъ только тотъ, кому хорошо живется, — проговорилъ Санчо, осушая большую кружку съ виномъ. — Другой толологіи я не знаю.

— Ты хотѣлъ сказать «теологіи», да и то невѣрно примѣнилъ это слово... Впрочемъ, ты иногда толкуешь о Богѣ довольно-таки разумно, чему я очень удивляюсь, такъ какъ ты въ сущности болѣе боишься первой попавшейся ящерицы, чѣмъ Бога!

— Вотъ и видно, что вы, ваша милость, не были у меня въ душѣ! Можетъ-быть я боюсь Бога побольше вашего: съ разною нечистью не связываюсь... Ну, да ладно, я ужъ молчу... Можете не дѣлать такихъ страшныхъ глазъ!

Съ этими словами Санчо принялся обгладывать другую ногу гуся съ такимъ аппетитомъ, что даже у Донъ-Кихота невольно потекли слюнки, и онъ ужъ готовъ былъ попросить, чтобы его оруженосецъ уступилъ ему хоть одну изъ оставшихся нетронутыми имъ курицъ, но намѣренію рыцаря помѣшало одно обстоятельство, которое будетъ описано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXI,

въ которой продолжается и оканчивается описаніе свадьбы Камахо и Хитеріи.

Только что Донъ-Кихотъ раскрылъ было ротъ, чтобы заявить о своемъ желаніи утолить разыгравшійся у него аппетитъ, какъ послышался гулъ множества голосовъ. Оказалось, что это крестьяне, которые верхомъ съ громкими криками во весь опоръ мчались встрѣчать жениха и невѣсту, шедшихъ изъ дома отца послѣдней; женихъ и невѣста шли въ сопровожденіи мѣстнаго священника, родственниковъ обоихъ семействъ и громадной толпы приглашенныхъ и просто зрителей, собравшихся изо всѣхъ окрестныхъ деревень. Впереди шествія выступало десятка три музыкантовъ, игравшихъ на своихъ разнообразныхъ инструментахъ.

Увидавъ разодѣтую невѣсту, Санчо вскричалъ:

— Ого! Хитерія Прекрасная одѣта вовсе не крестьянкой, а настоящею придворною дамой! Вмѣсто простыхъ стеклянныхъ бусъ у нея на шеѣ богатое коралловое ожерелье, а вмѣсто саржеваго платья — превосходное бархатное. А какая на платьѣ длинная, пушистая шелковая бахрома! И всѣ-то пальчики у нея унизаны кольцами! Я готовъ умереть на мѣстѣ, если эти кольца не изъ чистѣйшаго золота и въ нихъ не вставлены бѣлыя, какъ квашеное молоко, жемчужины, изъ которыхъ каждая стоитъ не дешевле дублона!.. Пресвятая Дѣва, что у нея за волосы! Если они не накладные, то я во всю свою жизнь не видывалъ такихъ длинныхъ, густыхъ и блестящихъ какъ золото волосъ!... А станъ-то какой! А походка! Право, можно сказать, что это движется пальма, обвѣшанная гроздьями смоквы, — столько на ней навѣшано драгоцѣнностей!.. Да, это вполнѣ красавица, достойная богача!

Донъ-Кихотъ разсмѣялся, слушая эти топорныя похвалы Санчо; но ему и самому казалось, что онъ, за исключеніемъ, конечно, Дульцинеи Тобозской, не видывалъ такой красивой женщины. Жаль только, что прекрасная Хитерія была слишкомъ блѣдна и съ синими кругами подъ

глазами; это, вѣроятно, было послѣдствіемъ безсонной ночи, проведенной, быть-можетъ, въ слезахъ и гореваніяхъ о погибшей любви.

Женихъ съ невѣстой вошли въ бесѣдку, украшенную коврами и цвѣточными гирляндами, гдѣ долженъ былъ произойти обрядъ вѣнчанія. Вдругъ послышался голосъ, отчаянно кричавшій: «Остановитесь, подождите, легкомысленные и слишкомъ торопящіеся люди!»

Всѣ, какъ по командѣ, остановились и обернулись. Черезъ толпу поспѣшно пробирался какой-то человѣкъ, закутанный въ черный плащъ, украшенный шелковыми лентами огненнаго цвѣта. На головѣ у него былъ вѣнокъ изъ вѣтвей кипариса, а въ правой рукѣ — длинный посохъ. Не было почти ни одного человѣка, который при первомъ же взглядѣ не узналъ бы въ немъ красавца-пастуха Базиліо. Зная исторію его любви къ Хитеріи, всѣ въ напряженномъ молчаніи стали ожидать, что онъ намѣренъ предпринять.

Подойдя къ невѣстѣ и поблѣднѣвъ какъ смерть, онъ поднялъ на нее свои сверкающіе глаза и глухо проговорилъ:

— Ты хорошо знаешь, неблагодарная Хитерія, что по святой вѣрѣ, которую мы исповѣдуемъ, ты не можешь выходить ни за кого, кромѣ меня, пока я живъ. Ты знаешь и то, что я ждалъ только увеличенія своего благосостоянія, чтобы открыто посвататься за тебя, до тѣхъ же поръ рѣшился молчать, опасаясь услышать отказъ отъ твоего отца и не желая лишнихъ пересудовъ. Но тайкомъ мы торжественно клялись не измѣнять другъ другу до гробовой доски. Я сдержалъ свою клятву, а ты, вѣроломная, попрала ногами обязательство, которое приняла на себя въ отношеніи меня, и хочешь сдѣлать другого господиномъ надъ собою, хочешь къ богатству, которымъ онъ обладаетъ, прибавить еще счастіе, обѣщанное мнѣ! Хорошо, пусть будетъ по-твоему! Чтобы не препятствовать счастію, посылаемому Небомъ этому человѣку не по заслугамъ его, а ради его богатства, я рѣшился уничтожить собственными руками то, что могло бы затемнить его... я избавлю васъ отъ себя!.. Да здравствуютъ Камахо Богатый и вѣроломная Хитерія! Да здравствуютъ на многіе и счастливые годы! И да умретъ Базиліо Бѣдный!

При послѣднемъ восклицаніи пастухъ выхватилъ изъ своего посоха кинжалъ и ударилъ имъ себя въ грудь съ такою быстротой, что никто не успѣлъ помѣшать ему. Клинокъ прошелъ у него насквозь, ниже лѣваго плеча, и несчастный самоубійца упалъ къ ногамъ невѣсты, не испустивъ ни одного стона.

Друзья Базиліо поспѣшили къ нему, чтобы оказать нужную помощь; Донъ-Кихотъ тоже спрыгнулъ съ Россинанта и однимъ изъ первыхъ по-

доспѣлъ къ неподвижно распростертому на землѣ тѣлу. Приложившись ухомъ къ сердцу злополучной жертвы любви, Донъ-Кихотъ услыхалъ, что оно еще бьется. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ хотѣли вынуть кинжалъ изъ груди самоубійцы, но священникъ, желавшій исповѣдать и причастить его, не позволилъ этого, объяснивъ, что жизнь исчезнетъ вмѣстѣ съ вынутымъ кинжаломъ.

Придя немного въ себя, Базиліо прошепталъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Если бы ты... жестокая Хитерія... рѣшилась отдать мнѣ въ эту... послѣднюю мою минуту... свою руку и назваться моею женой, то я простилъ бы себѣ свое... безразсудство, такъ какъ оно доставило бы мнѣ счастіе быть твоимъ мужемъ хоть на нѣсколько... минутъ.

На это священникъ сказалъ ему, что онъ теперь долженъ думать о спасеніи своей души, а не о плотской любви, и искренно раскаяться передъ Богомъ въ своихъ грѣхахъ, а главное — въ томъ, что дерзнулъ наложить на себя руку. Но Базиліо отказался исповѣдаться, если Хитерія не отдастъ ему своей руки, и увѣрялъ, что лишь въ этомъ случаѣ у него хватитъ силъ открыть свою душу.

Услыхавъ это, Донъ-Кихотъ громко сказалъ, что требованіе Базиліо вполнѣ справедливо, разумно и выполнимо, и что господину Камахо не меньше будетъ чести, если онъ получитъ Хитерію вдовою доблестнаго Базиліо, нежели изъ рукъ ея отца.

— Тѣмъ болѣе, — заключилъ онъ, — что все должно ограничиться однимъ «да», такъ какъ брачнымъ ложемъ для Базиліо будетъ могила.

Камахо смотрѣлъ и слушалъ со смущеннымъ и растеряннымъ видомъ, рѣшительно не зная, что возразить на это. Но пріятели Базиліо стали съ такою настойчивостью и убѣдительностью просить богача, чтобы онъ согласился на требованіе умирающаго и позволилъ бы ему умереть христіанскою смертью, что тотъ сдался.

— Пусть Хитерія дѣлаетъ какъ хочетъ, — съ усиліемъ проговорилъ онъ. — Если она согласна обвѣнчаться сначала съ этимъ человѣкомъ, которому осталось жить всего нѣсколько минутъ, я противъ этого ничего не имѣю.

Тогда всѣ обратились къ Хитеріи и стали упрашивать ее воспользоваться благородною уступчивостью Камахо. Но бѣдная дѣвушка, блѣдная и неподвижная какъ статуя, молчала, не зная, на что рѣшиться. Навѣрное, она долго бы простояла такъ, если бы священникъ не сказалъ ей, что ея колебаніе можетъ погубить душу, потому что Базиліо сейчасъ отойдетъ и не успѣетъ, по ея милости, раскаяться и примириться съ Богомъ. Выслушавъ священника, невѣста Камахо встала на колѣни возлѣ

умирающаго, который все время шепталъ ея имя. Печальная, взволнованная, едва помня себя, красавица взяла Базиліо за руку и сказала, что готова исполнить его просьбу. Онъ съ трудомъ открылъ потухающіе глаза и, ежесекундно останавливаясь, произнесъ:

— Однако,—пробормоталъ Санчо,—для умирающаго онъ слишкомъ болтливъ!

— О, Хитерія... не изъ одного ли... милосердія... ты отдаешь... мнѣ... свою... руку?.. Умоляю тебя... объявить во всеуслышаніе... что ты... дѣлаешь... это... изъ... любви...

— Изъ чистой любви, хотя и не дозволенной моимъ родителемъ, я отдаю тебѣ свою руку, мой Базиліо,— тихо отвѣтила дѣвушка.— Если Небу угодно, чтобы смерть похитила тебя у меня, я исполню волю моего отца и буду вѣрною женой тому, съ кѣмъ сейчасъ шла къ алтарю; но если Господь сотворитъ чудо и возвратитъ тебя къ жизни, я... буду... несказанно счастлива,— договорила Хитерія, прерывающимся голосомъ.

— Принимаю твой... обѣтъ... и надѣюсь... на... этотъ... разъ... ты... не... измѣнишь... ему,— пролепеталъ Базиліо.

— Однако,— пробормоталъ Санчо,— для умирающаго онъ что-то слишкомъ болтливъ! Ужъ не тянули бы они лучше, а то изъ-за всѣхъ этихъ церемоній весь обѣдъ испортится!..

Къ счастію, никто не слыхалъ этого замѣчанія, иначе толстяку досталось бы. Растроганный священникъ со слезами на глазахъ далъ брачное благословеніе Базиліо и Хитеріи, которые держали другъ друга за руку, при чемъ первый лежалъ на землѣ, а вторая стояла возлѣ него на колѣняхъ. Только что священникъ, окончивъ обрядъ вѣнчанія, хотѣлъ приступить къ предсмертной исповѣди, какъ умирающій вскочилъ на ноги и выхватилъ изъ своей груди кинжалъ. Зрители остолбенѣли отъ удивленія, а нѣкоторые простачки принялись было кричать: «Чудо! чудо!»

— Нѣтъ, не чудо,— звонкимъ и веселымъ голосомъ возразилъ Базиліо,— а просто ловкость!

Священникъ ощупалъ его и нашелъ, что у него подъ одеждою была приспособлена желѣзная трубка, которая проходила подъ мышкою и была наполнена кровью, смѣшанною съ чѣмъ-то такимъ, отъ чего кровь не могла свернуться. Тутъ всѣ поняли, что пастухъ провелъ всю честную компанію. Что же касается Хитеріи, то она нисколько не казалась оскорбленною этимъ ловкимъ обманомъ, и когда Камахо сказалъ было, что бракъ этотъ недѣйствителенъ, такъ какъ совершонъ благодаря обману, то Хитерія закричала, что она готова обвѣнчаться вторично съ Базиліо, но своему слову не измѣнитъ. Изъ этого можно было заключить, что вся эта комедія была разыграна съ ея вѣдома и согласія. Камахо и его сторонники пришли въ такую ярость, что тутъ же хотѣли отомстить за оскорбленіе и подбѣжали къ Базиліо съ обнаженными ножами, но молодого пастуха окружила густая толпа его товарищей, которые закричали, что не дадутъ его въ обиду.

Видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, Санчо поспѣшилъ отойти подальше, къ мѣсту стряпни, очевидно, считая это мѣсто неприкосновеннымъ святилищемъ. Донъ-Кихотъ же, снова сѣвъ на своего

коня, прикрывшись щитомъ и выставивъ копье впередъ, гордо возвышался посреди волнующейся толпы. Оглянувшись кругомъ, онъ громко произнесъ:

— Стойте, добрые люди, остановитесь. Нѣтъ никакого разумнаго основанія мстить за обиды, совершонныя подъ вліяніемъ любви. Замѣтьте, что любовь и война одно и то же; какъ на войнѣ допускаются разныя хитрости, чтобы побѣдить непріятеля, такъ и въ любовной борьбѣ позволяется употреблять всѣ средства для достиженія цѣли, лишь бы эти средства не могли причинить безчестія или ущерба любимой особѣ. Хитерія и Базиліо, очевидно, давно уже душою принадлежали другъ другу по рѣшенію Небесъ. Камахо богатъ, поэтому онъ въ состояніи покупать себѣ все, чего бы ни захотѣлъ и когда бы ни пожелалъ для своего удовольствія. У Базиліо же только и есть, что это существо, которое ему предано, и нѣтъ такого могущественнаго человѣка, который могъ бы похитить у него это существо, ибо, что соединилъ Богъ, то не разлучитъ человѣкъ! А если все-таки кому-нибудь желательно попытаться сдѣлать это, то будетъ имѣть дѣло съ моимъ копьемъ и моимъ мечомъ.

И онъ съ такимъ угрожающимъ видомъ сталъ потрясать своимъ копьемъ, что внушилъ страхъ всѣмъ, которые его не знали. Съ другой стороны, Камахо сразу остылъ къ Хитеріи, убѣдившись, что она вовсе не любитъ его, а шла за него лишь по принужденію отца. Будучи человѣкомъ довольно великодушнымъ и не желая показать, что чувствуетъ досаду или сожалѣніе, онъ выразилъ желаніе, чтобы пиръ совершался своимъ порядкомъ, какъ будто праздновалось его собственное бракосочетаніе. Однако Базиліо съ супругой и друзьями не захотѣли участвовать на этомъ празднествѣ, но отправились въ свой собственный домикъ; всѣ ихъ приверженцы послѣдовали за ними. Не у однихъ богатыхъ есть друзья, они имѣются и у бѣдняковъ, и, навѣрное, даже болѣе искренніе, такъ какъ богатымъ обыкновенно только льстятъ, между тѣмъ какъ бѣдныхъ отъ души уважаютъ, если они люди добродѣтельные, и никогда имъ не измѣняютъ.

Молодые упросили Донъ-Кихота, заступничеству котораго были такъ много обязаны, оказать имъ честь своимъ посѣщеніемъ. У одного только Санчо омрачилась душа, когда онъ увидѣлъ, что долженъ покинуть роскошный пиръ, не наѣвшись и не напившись доотвала. Убравъ остатки недоѣденныхъ куръ и гусей въ свою объемистую сумку, онъ, въ глубокомъ огорченіи, направилъ своего осла по слѣдамъ Россинанта.

ГЛАВА XXII,

въ которой разсказывается о приключенiи въ пещерѣ Монтезиноса, случившемся съ нашимъ доблестнымъ рыцаремъ.

Новобрачные, преисполненные благодарности къ Донъ-Кихоту, приняли его съ величайшимъ почетомъ. Слыша его рѣчи и видя его мужество, они сравнивали его съ Сидомъ по храбрости и съ Цицерономъ по краснорѣчiю.

Базилiо сознался рыцарю, что Хитерiя ничего не знала о хитрости, которую онъ рѣшился употребить, чтобы достичь своей цѣли, а если бы онъ предупредилъ ее, то она, по своей добросовѣстности, навѣрное, не согласилась бы на обманъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. Все это придумалъ и устроилъ онъ самъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что хитрость его удастся. О томъ же, что Хитерiя была въ восторгѣ отъ неожиданнаго для нея оборота дѣла, нечего и говорить.

— Конечно, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — для влюбленныхъ самое главное быть соединенными узами брака, но они не должны забывать, что одною любовью жить нельзя. Самый большой врагъ любви — нужда. Я говорю вамъ это потому, чтобы вы, наслаждаясь любовью, не упускали изъ виду и того, что можетъ продлить ваше счастiе. Я слышалъ, Базилiо, что ты отличаешься ловкостью въ играхъ, свойственныхъ сельскому люду, но этимъ ты можешь заслужить развѣ только славу, а не средства, необходимыя для спокойнаго существованiя вдвоемъ. Займись, мой другъ, какимъ-нибудь честнымъ, но прибыльнымъ дѣломъ, которое нетрудно найти молодому, сильному и ловкому человѣку. Для бѣдняка красавица-жена — сокровище, которое можно у него похитить только вмѣстѣ съ его честью. Прекрасная и честная жена бѣдняка заслуживаетъ быть увѣнчанною лаврами побѣды и пальмовыми вѣтвями торжества. Красота привлекаетъ къ себѣ взгляды царственныхъ орловъ, благородныхъ соколовъ и всѣхъ прочихъ птицъ высшаго полета. А если къ красотѣ присоединяются бѣдность и нужда, то она не будетъ безопасна и отъ коршуновъ, вороновъ и тому подобныхъ хищниковъ низшаго сорта. Та женщина, которая устоитъ противъ атаки такихъ многочисленныхъ хищниковъ, конечно, можетъ быть названа великою героиней. Одинъ изъ древнихъ мудрецовъ говорилъ, что во всемъ свѣтѣ можетъ быть только одна вполнѣ добродѣтельная жена, и чтобы жить спокойно, совѣтовалъ каждому мужу думать, что это именно его жена. Я самъ не

женатъ и до сихъ поръ не желалъ быть женатымъ, однако тѣмъ не менѣе я беру на себя смѣлость давать желающимъ совѣты относительно того, какъ выбирать себѣ жену. Прежде всего я совѣтую обращать вниманіе больше на репутацію женщины, чѣмъ на ея состояніе, такъ какъ женщина прославляется добродѣтельною не только потому, чтобы она *была* такою въ дѣйствительности, но и потому, что она *кажется* добродѣтельною. Вѣдь люди видятъ главнымъ образомъ то, что проникаетъ наружу, а не то, что дѣлается внутри. Если ты вводишь къ себѣ въ домъ дѣйствительно добродѣтельную женщину, тебѣ будетъ легко сохранить и даже укрѣпить ея добродѣтель; женщину же наружно-добродѣтельную, но съ дурными наклонностями едва ли тебѣ удастся исправить, потому что трудно переходить отъ одной крайности къ другой. Не скажу, чтобы это было совсѣмъ невозможно, а говорю только, что это чрезвычайно трудно...

— Гм! — пробурчалъ себѣ подъ носъ Санчо. — Когда я начну говорить что-нибудь хорошее, житейское, мой господинъ кричитъ, что мнѣ слѣдуетъ взять въ руки четки и ходить проповѣдывать, а самъ пускается въ такіе разсужденія и совѣты, что ему къ лицу было бы нанизать себѣ на каждый палецъ по нѣскольку четокъ и читать проповѣди ужъ прямо въ церквахъ. И какой онъ странствующій рыцарь, когда у него голова такъ набита ученостью, какъ кошелекъ богача золотомъ! Я раньше, по своей душевной простотѣ, думалъ, что онъ ничего, кромѣ рыцарскихъ глупостей, и не знаетъ, а оказывается, нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего бы онъ не зналъ.

— Что ты тамъ ворчишь, Санчо? — спросилъ Донъ-Кихотъ, обернувшись къ своему слугѣ.

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ тотъ. — Я только думалъ про себя, что хорошо было бы, кабы я слышалъ то, что сейчасъ говорили ваша милость, до своей женитьбы. Быть-можетъ, я тогда имѣлъ бы право сказать, что быку на свободѣ легче облизываться, чѣмъ на привязи.

— Развѣ твоя Тереза такая злая? — продолжалъ рыцарь.

— Она не то, чтобы ужъ очень зла, но и не такъ добра, какъ бы мнѣ хотѣлось, — сказалъ Санчо.

— Однако, Санчо, ты напрасно отзываешься о ней худо: вѣдь она все-таки мать твоихъ дѣтей.

— О, не безпокойтесь, ваша милость! Она у меня въ долгу не остается и ругаетъ, еще больше ругаетъ, чѣмъ я ее, въ особенности, когда на нее находитъ такой стихъ... тогда и самъ чортъ ее не переругаетъ.

Донъ-Кихотъ и его слуга пробыли у новобрачныхъ трое сутокъ и все это время за ними ухаживали какъ нельзя лучше и угощали на славу. Утромъ на четвертый день Донъ-Кихотъ попросилъ знакомаго намъ лиценціата, искуснаго въ фехтованіи, жившаго рядомъ съ Базиліо, указать ему человѣка, который взялся бы проводить его или хотя только вывести на дорогу къ пещерѣ Монтезиноса, которую ему хотѣлось осмотрѣть, чтобы убѣдиться собственными глазами, насколько справедливы слухи объ ея чудесахъ. Лиценціатъ отвѣтилъ, что у него есть двоюродный братъ, студентъ и большой любитель рыцарскихъ книгъ, который съ удовольствіемъ проводитъ рыцаря до знаменитой пещеры и покажетъ ему лагуны Руидеры, извѣстныя не только въ Ламанчѣ, но и во всей Испаніи.

— Могу васъ увѣрить, сеноръ, — заключилъ лиценціатъ, — что вамъ съ нимъ не будетъ скучно. Онъ человѣкъ очень умный и доказываетъ это тѣмъ, что приготовляетъ къ печати нѣсколько книгъ, которыя думаетъ посвятить высокопоставленнымъ лицамъ.

По просьбѣ Донъ-Кихота лиценціатъ тотчасъ же привелъ своего двоюроднаго брата, который оказался уже совсѣмъ готовымъ тронуться въ путь. Онъ сидѣлъ на старомъ ослѣ, покрытомъ полосатою попоной. Къ сѣдлу у него была привязана туго набитая сумка, такая же какъ у Санчо. Когда Россинантъ и Длинноухъ были осѣдланы, рыцарь, оруженосецъ и студентъ помолились Богу, затѣмъ, распростившись съ хозяевами дома и со всѣми окружающими, уѣхали по дорогѣ къ пещерѣ Монтезиноса.

Вступивъ въ разговоръ со студентомъ, Донъ-Кихотъ спросилъ его, чѣмъ онъ занимается и какимъ наукамъ намѣренъ посвятить себя. Студентъ отвѣтилъ, что онъ собирается быть гуманистомъ и въ свободное отъ университетскихъ занятій время пишетъ книги, обѣщающія принести большую пользу по своему интересному содержанію.

— Одна изъ нихъ, — говорилъ онъ, — называется «Книгою одеждъ». Въ ней описано семьсотъ три костюма, съ соотвѣтствующими имъ цвѣтами, шифрами и гербами, такъ что придворнымъ рыцарямъ остается только выбирать для торжественныхъ случаевъ изъ этой книги любой костюмъ, ни у кого не заимствуясь и не ломая головы надъ вопросомъ, во что бы одѣться. Кромѣ того, тамъ есть костюмы и для выраженія извѣстнаго состоянія души: для ревнующихъ, отверженныхъ, забытыхъ, скорбящихъ объ отсутствіи кого-нибудь, страдающихъ отъ безнадежной любви и тому подобное. Потомъ мною написана еще книга подъ заглавіемъ: «Превращенія, или испанскій Овидій»; книга эта изложена очень своеобразно. Подражая шуточному тону Овидія, я въ ней описываю,

Донъ-Кихотъ и его слуга пробыли у новобрачныхъ трое сутокъ и все это время за ними ухаживали какъ нельзя лучше и угощали на славу.

кто были Жиральда Севильская и ангелъ Магдалины, что значитъ сточная труба Векингуерры въ Кордовѣ, быки Гвизандо, Сіерра-Морена, фонтаны Леганитосскій и Левіаніосскій въ Мадридѣ и прочіе знаменитые водоемы. Каждое описаніе сопровождается аллегоріями, метафорами и остроумными

изреченіями, такъ что книга въ одно и то же время и поучительная и забавляющая. Третья моя книга, подъ заглавіемъ: «Добавленіе къ Виргилію Полидорскому», трактуетъ о различныхъ изобрѣтеніяхъ и полна глубокой учености. Это сочиненіе стоило мнѣ много труда, такъ какъ я въ ней описываю и объясняю все, о чемъ забылъ сказать Виргилій. Онъ, напримѣръ, не сообщаетъ, кто первый страдалъ на свѣтѣ насморкомъ, или кто первый сталъ лѣчить французскую болѣзнь треніемъ, а я пополнилъ эти пробѣлы и привелъ ссылки на десятки самыхъ знаменитыхъ историковъ. Судите сами, сколько труда было мною потрачено на эту книгу, и можетъ ли она не принести пользы людямъ!

— А скажите мнѣ, пожалуйста, сеноръ, — вдругъ обратился къ студенту Санчо, слушавшій его очень внимательно, — если только вы можете сказать это... Впрочемъ, навѣрное, можете, такъ какъ вы все знаете... Скажите, кто первый почесалъ себя въ затылкѣ? Я думаю, что это былъ нашъ праотецъ Адамъ.

— И я того же мнѣнія,—серьезно отвѣчалъ студентъ,— потому что Адамъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ голову, а слѣдовательно и затылокъ. При этихъ условіяхъ онъ, будучи первымъ человѣкомъ на землѣ, первый же долженъ былъ и почесать у себя затылокъ.

— Совершенно вѣрно, — проговорилъ Санчо. — А теперь мнѣ хотѣлось бы знать, кто первый началъ прыгать и скакать?

— Любезный другъ, – проговорилъ студентъ, нахмурившись, — сказать это теперь, не изучивъ въ подробности предложеннаго тобою вопроса, я не могу. Постараюсь удовлетворить твоей любознательности при слѣдующей встрѣчѣ.

— Не трудитесь, ваша милость, доискиваться этого, — подхватилъ Санчо: — я самъ, своимъ умомъ, открылъ, кто сдѣлалъ первый скачокъ. Это былъ Люциферъ. Когда его турнули съ неба, онъ сдѣлалъ громадный скачокъ и угодилъ какъ разъ въ самую глубь ада.

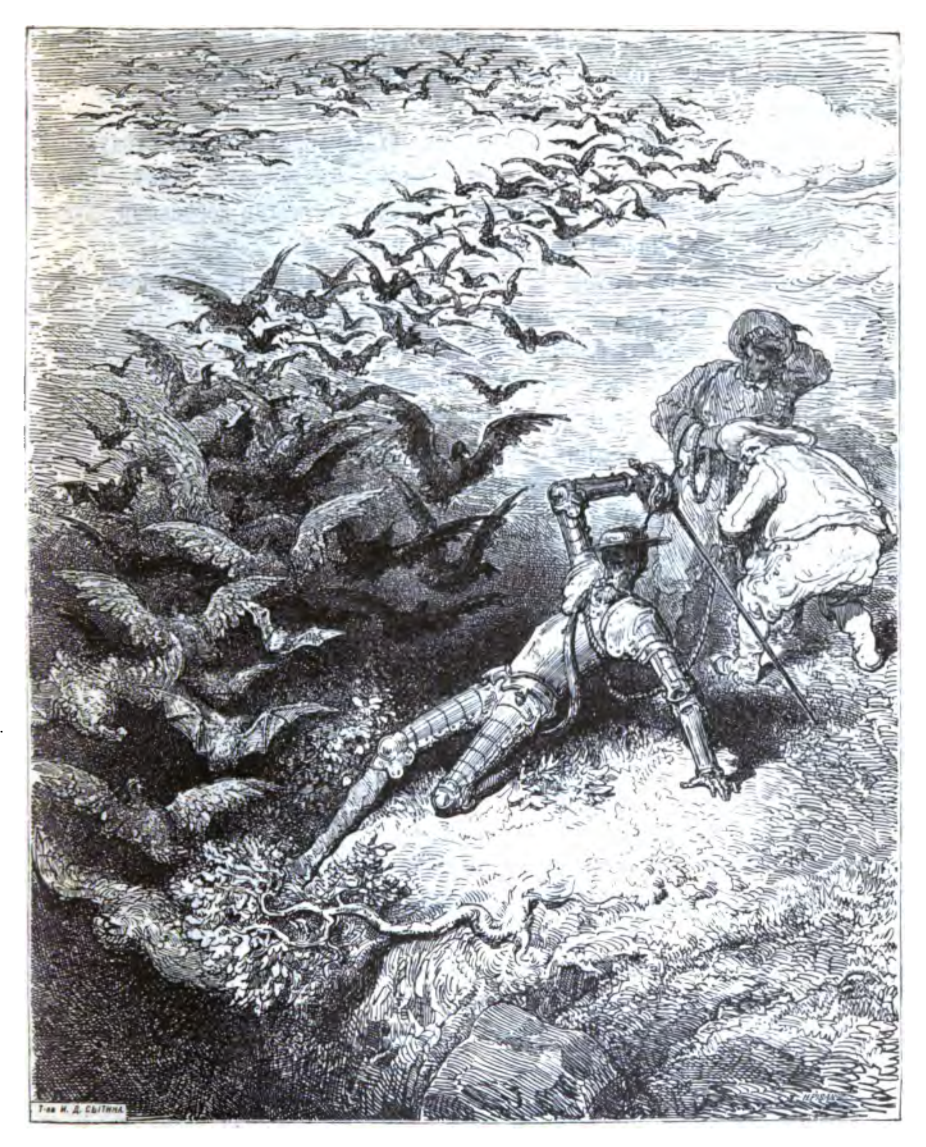
— Клянусь Богомъ, ты правъ! — воскликнулъ студентъ и хотѣлъ что-то сказать, но Донъ-Кихотъ предупредилъ его.

— Санчо, я увѣренъ, что ты не самъ придумалъ этотъ вопросъ и отвѣтъ на него, а слышалъ отъ кого-нибудь! — сказалъ рыцарь.

— Ну, вотъ еще! — возразилъ Санчо. — Неужели ваша милость думаете, что я безъ помощи другихъ не въ состояніи спросить какую-нибудь глупость и отвѣтить на нее? Да я могу хоть три дня спрашивать и отвѣчать и все-таки не кончу!

— Да, есть не мало людей, которые трудятся надъ разрѣшеніемъ праздныхъ вопросовъ, не имѣющихъ никакой цѣли для науки! — со вздохомъ произнесъ Донъ-Кихотъ.

Только что рыцарь хотѣлъ начать спускъ въ пещеру, какъ вдругъ изъ нея съ страшнымъ шумомъ выпорхнула цѣлая стая вороновъ.

Въ такого рода бесѣдахъ путешественники провели весь день. На ночь они расположились въ одной маленькой деревушкѣ, откуда, по словамъ студента, было не болѣе двухъ лье до пещеры Монтезиноса.

— Если вы, сеноръ, — добавилъ молодой человѣкъ, — дѣйствительно, рѣшились спуститься въ пещеру, то вамъ нужно будетъ запастись веревками.

Донъ-Кихотъ отвѣтилъ, что онъ не отказался бы отъ своего намѣренія даже и въ томъ случаѣ, если бы на днѣ пещеры находился самый адъ.

Запасшись веревками, Донъ-Кихотъ и его спутники на слѣдующій день отправились къ пещерѣ, широкій входъ въ которую былъ совершенно закрытъ колючими растеніями, дикими фиговыми деревьями, густо разросшимся кустарникомъ и гигантскою крапивой.

Прорубивъ дорогу сквозь густую заросль, Санчо съ помощью студента принялся крѣпко обматывать рыцаря веревкою.

— Смотрите, мой добрый господинъ, — сказалъ Санчо, — не похороните себя заживо въ этой пещерѣ! Боюсь я, какъ бы вы ни повисли въ ней на веревкѣ, наподобіе бадьи съ водой, опущенной въ колодецъ. И охота вамъ, ваша милость, осматривать эту пещеру, которая должна быть страшнѣе мавританской тюрьмы!

— Дѣлай свое дѣло и молчи, Санчо! — проговорилъ Донъ-Кихотъ.— Именно мнѣ и слѣдуетъ осмотрѣть это мѣсто.

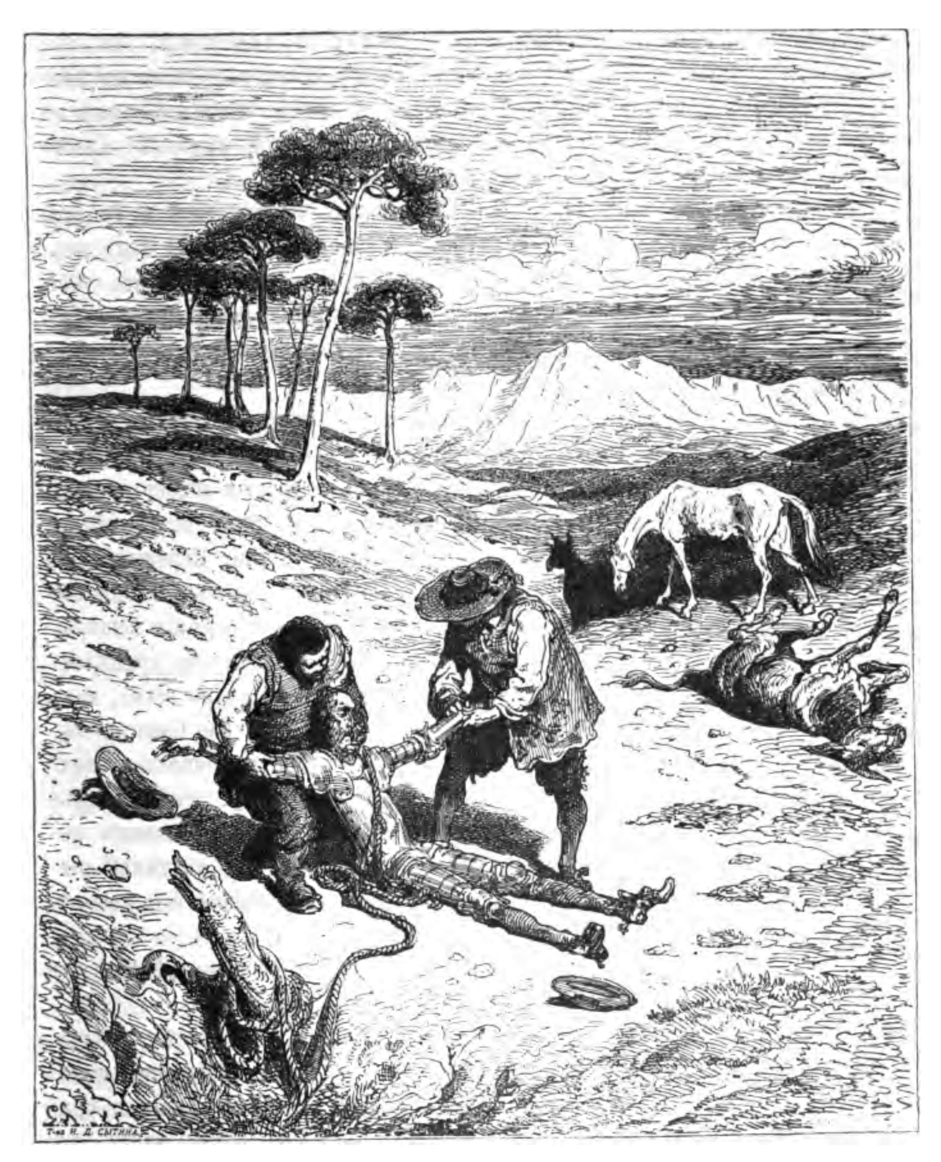
— Умоляю васъ, сеноръ, —сказалъ и студентъ, —глядѣть тамъ внизу во всѣ глаза и хорошенько запомнить все, что увидите. Быть-можетъ, вы откроете тамъ что-нибудь, могущее пригодиться и мнѣ для моей книги, трактующей объ открытіяхъ.

— Не безпокойтесь, сеноръ,—вмѣшался Санчо, — мой господинъ лицомъ въ грязь не ударитъ. Не даромъ говорится: «Кто хорошо играетъ на тамбуринѣ, тотъ и держитъ его въ рукахъ».

— Какъ мы, однако, недальновидны, — замѣтилъ рыцарь, когда его обвязали вокругъ таліи веревкою: — намъ бы слѣдовало запастись колокольчикомъ и привязать его къ веревкѣ, чтобы я могъ извѣщать васъ звонкомъ о томъ, что я еще живъ и продолжаю опускаться въ подземелье. Но этого упущенія теперь уже не исправить, а потому мнѣ остается только поручить себя Богу.

Проговоривъ эти слова, рыцарь опустился на колѣни и тихо прочелъ краткую молитву, прося у Бога помощи въ этомъ новомъ опасномъ предпріятіи. Затѣмъ, поднявшись на ноги, онъ громко воскликнулъ:

— О, владычица всѣхъ моихъ мыслей и дѣйствій, знатнѣйшая изъ женщинъ, несравненная Дульцинея Тобозская! Если возможно, чтобы голосъ твоего счастливаго поклонника дошелъ до тебя, то заклинаю тебя во имя твоей неслыханной красоты: услышь меня и не откажи въ твоей поддержкѣ! Я готовлюсь опуститься въ разверзстую предо мною бездну, съ единственною цѣлью — доказать міру, что для того счастливца, къ которому ты благоволишь, не существуетъ никакихъ непреодолимыхъ опасностей и препятствій.

Когда Донъ-Кихота совсѣмъ вытащили, то увидали, что у него закрыты глаза и онъ совершенно неподвиженъ.

Только что рыцарь хотѣлъ начать спускъ въ пещеру, какъ вдругъ изъ нея съ страшнымъ шумомъ выпорхнула цѣлая стая вороновъ; неожиданность эта такъ смутила рыцаря, что онъ упалъ на землю. Если бы Донъ-Кихотъ такъ же твердо вѣрилъ въ предзнаменованія, какъ въ догматы римско-католической религіи, то видъ этихъ зловѣщихъ птицъ,

очевидно, вспугнутыхъ бряцаніемъ его доспѣховъ, заставилъ бы его отказаться отъ своего намѣренія спуститься въ пещеру. Однако побѣдоносно отразивъ всѣхъ птицъ, онъ настоялъ на томъ, чтобы ему помогли спуститься внизъ. Когда рыцарь исчезъ въ зіявшей глубинѣ, Санчо началъ усердно креститься и прошепталъ:

— Да поможетъ тебѣ Богъ, подобно Скалѣ Французской и Троицѣ Гаэтской, о, слава, краса и цвѣтъ странствующихъ рыцарей! Иди, всемірный воитель, стальное сердце, желѣзная рука! Да поведетъ тебя Самъ Господь и да возвратитъ Онъ тебя здравымъ и невредимымъ къ свѣту этой жизни, отъ которой ты такъ самоотверженно отказался, чтобы похоронить себя въ подземномъ мракѣ!

Студентъ жалобнымъ голосомъ причиталъ почти то же самое.

Между тѣмъ Донъ-Кихотъ то и дѣло требовалъ, чтобы развертывали веревку. Наконецъ его крики, выходившіе изъ отверстія пещеры, какъ изъ трубы, замолкли, и тогда бывшіе наверху перестали спускать веревку; они были увѣрены, что рыцарь достигъ уже дна. Переждавъ съ полчаса, студентъ предложилъ поднимать отважнаго изслѣдователя назадъ, находя, что онъ имѣлъ достаточно времени для обозрѣнія пещеры. Санчо вполнѣ былъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и они оба принялись втаскивать веревку обратно. Веревка подавалась удивительно легко, какъ будто на ней не было никакой тяжести, что страшно испугало Санчо и студента. Подумавъ, что Донъ-Кихотъ сорвался въ бездонную пропасть, Санчо горько заплакалъ и быстрѣе потянулъ къ себѣ веревку, чтобы скорѣе убѣдиться въ истинѣ своего предположенія. Однако вскорѣ тяжесть почувствовалась, и когда почти вся веревка была вытянута, спутники рыцаря съ невыразимою радостью увидали въ отверстіе пещеры его голову.

Внѣ себя отъ восторга, Санчо закричалъ ему:

— Милости просимъ, пожалуйте, мой добрый господинъ! Мы уже думали было, что вы остались въ этой страшной пещерѣ!

Но Донъ-Кихотъ не отвѣчалъ ни слова. Когда его совсѣмъ вытащили, то увидали, что у него закрыты глаза и онъ совершенно неподвиженъ. Разбудить его удалось только послѣ долгаго трепія и трясенія. Потянувшись, какъ человѣкъ, проведшій нѣсколько часовъ въ глубокомъ снѣ, Донъ-Кихотъ открылъ глаза, съ изумленіемъ оглянулся по сторонамъ и наконецъ вскричалъ:

— Да проститъ васъ Богъ, друзья мои! Вы оторвали меня отъ такого очаровательнаго зрѣлища, которое не услаждало взоровъ ни одного еще человѣка! Теперь я вижу, что земныя радости проходятъ какъ тѣни или сонъ, увядаютъ какъ полевые цвѣты... О, злополучный Монтезиносъ! О, Дюрандаръ, покрытый ранами! О, несчастная Белерма! О,

обливающійся слезами Гвадіана! И вы, злосчастныя дщери Руидеры, изъ очей которыхъ текутъ неизсякаемые источники!

Донъ-Кихотъ говорилъ такъ, точно каждое слово, исходившее изъ его устъ, причиняло ему страшныя страданія. Спутники слушали его съ возрастающимъ удивленіемъ. Когда онъ замолчалъ, они пристали къ нему, чтобы онъ толкомъ объяснилъ имъ, что именно онъ видѣлъ въ томъ аду, въ который спускался.

— Вы называете эту пещеру адомъ, — воскликнулъ рыцарь. — Напрасно, друзья мои: она вовсе не заслуживаетъ этого названія... Дайте мнѣ сначала поѣсть, — я сильно проголодался, потомъ все разскажу вамъ.

Санчо и студентъ разостлали на травѣ попону съ осла послѣдняго, развязали свои сумки и начали наперерывъ угощать Донъ-Кихота, не забывая, впрочемъ, и себя.

Когда всѣ насытились, Донъ-Кихотъ сказалъ:

— Сидите теперь смирно, дѣти мои, и слушайте внимательно.

ГЛАВА XXIII,

въ которой приводится разсказъ Донъ-Кихота о томъ, что онъ видѣлъ въ пещерѣ Монтезиноса.

Когда всѣ усѣлись поудобнѣе, рыцарь откашлялся и началъ свой разсказъ. Все разсказанное имъ такъ невѣроятно, что многіе считаютъ это выдумкою.

«Па глубинѣ приблизительно семидесяти футовъ, — началъ онъ, — въ правой сторонѣ пещеры есть впадина такой величины, что въ ней свободно могла бы помѣститься большая повозка съ мулами. Утомленный продолжительнымъ спускомъ, я рѣшилъ остановиться въ этой впадинѣ. Я подалъ вамъ знакъ ослабить пока веревку, но, вѣроятно, вы не замѣтили моего знака и продолжали развертывать веревку. Тогда я сталъ подбирать ее и связывать узлами, уцѣпившись за сталактитъ выемки. Потомъ, когда веревка остановилась, я вошелъ въ выемку и усѣлся на веревкѣ. Черезъ минуту я погрузился въ сонъ, но вскорѣ проснулся и очутился среди прекраснѣйшаго луга, какой только можно себѣ представить. Я протеръ глаза, потеръ лобъ и грудь, желая убѣдиться, что я болѣе не сплю. У меня даже явилось было сомнѣніе: я ли это самъ, или въ мое тѣло вошелъ какой-нибудь духъ. Но сознаніе, чувство, размышленіе, — словомъ, все удостовѣрило меня, что я остался самимъ собою и дѣйствительно сижу на лугу. Передъ моими очарованными взорами былъ роскошный замокъ, стѣны котораго казались сложенными

изъ драгоцѣннаго прозрачнаго кристалла. Вдругъ раскрываются исполинскія двери чуднаго замка, и изъ нихъ выходитъ маститый старецъ, закутанный въ длинный, влачившійся по землѣ фіолетовый бархатный плащъ; на грудь и плечи этого старика былъ накинутъ зеленый шелковый шарфъ — знакъ его ученой степени, а на головѣ была черная бархатная шапочка. Длинная ослѣпительной бѣлизны борода старца спускалась ниже пояса. Въ рукахъ онъ держалъ четки, зерна которыхъ поражали своею величиной. Видъ его, осанка, походка и малѣйшія движенія внушали невольное уваженіе. Онъ приблизился ко мнѣ, горячо обнялъ меня и проговорилъ:

— «Давно уже, очень давно, мужественный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, обитатели этого уединеннаго очарованнаго мѣста ждутъ тебя! Да, мы ждемъ тебя, о, рыцарь, и да повѣдаешь ты міру о томъ, что скрыто въ этой глубокой пещерѣ, въ которую ты такъ отважно спустился! Подвигъ этотъ предназначено было совершить только твоему непоколебимому мужеству, твоему великодушному самоотверженію. Слѣдуй за мною, я покажу тебѣ чудеса, скрывающіяся въ прозрачномъ альказарѣ пещеры Монтезиноса; я каидъ ея и безсмѣнный губернаторъ, такъ какъ я именно и есть Монтезиносъ, давшій имя пещерѣ.

«Услыхавъ, что это самъ Монтезиносъ, я спросилъ:

— «Правду ли говоритъ преданіе, будто вы выпули обыкновеннымъ ножомъ сердце изъ груди своего друга Дюрандара и отнесли это сердце дамѣ Дюрандара, какъ онъ, въ минуту своей смерти, завѣщалъ вамъ?

— «Правда, — отвѣтилъ онъ. — Но только я извлекъ его сердце не ножомъ, а скривленнымъ, острымъ какъ игла, кинжаломъ».

— Это былъ, вѣроятно, кинжалъ Рамона Гоцеса, севильскаго оружейника! — съ живостью воскликнулъ Санчо.

— Не знаю, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Впрочемъ, этого не можетъ быть: Рамонъ Гоцесъ жилъ чуть не на нашихъ глазахъ, а битва при Ронсевалѣ, во время которой погибъ Дюрандаръ, происходила очень давно. Да этотъ вопросъ и не важенъ; интересъ моего разсказа зависитъ не отъ него.

— Конечно, — замѣтилъ студентъ. — Продолжайте, пожалуйста, сеноръ, ваше интересное повѣствованіе; я слушаю его съ величайшимъ наслажденіемъ.

— Наслаждаюсь и я, передавая вамъ его, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — «Монтезиносъ повелъ меня въ хрустальный дворецъ, прямо въ одну изъ нижнихъ обширныхъ залъ, гдѣ стояла мраморная гробница замѣчательной работы. Въ этой гробницѣ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, рыцарь — не изъ бронзы, яшмы или мрамора, какъ бываетъ на

надгробныхъ памятникахъ, а изъ костей и тѣла. Правая рука его, жилистая и волосатая,—что, какъ извѣстно, служитъ признакомъ необыкновенной силы, — покоилась у него на сердцѣ. Замѣтивъ мое удивленіе, Монтезиносъ не далъ мнѣ предложить вертѣвшагося на моемъ языкѣ вопроса, а предупредилъ его слѣдующими словами:

— «Это мой другъ Дюрандаръ, цвѣтъ и зеркало храбрыхъ и влюбленныхъ рыцарей его времени. Мерлинъ, этотъ французскій волшебникъ, котораго считаютъ сыномъ самого дьявола, держитъ его здѣсь очарованнымъ, какъ меня и множество другихъ мужчинъ и женщинъ. Я не думаю, впрочемъ, чтобы Мерлинъ былъ сыномъ дьявола, но нахожу, что онъ ни въ чемъ не уступитъ ему. Съ какою цѣлью онъ очаровалъ насъ — этого никто не знаетъ; это можетъ быть разъяснено только однимъ временемъ, которое, какъ мнѣ кажется, недалеко. Но что меня въ особенности удивляетъ, такъ это Дюрандаръ: онъ умеръ на моихъ рукахъ, я вынулъ изъ его груди большое, тяжелое сердце, вполнѣ соотвѣтствовавшее своими размѣрами его мужеству, и теперь никакъ не могу понять, какъ можетъ онъ, мертвый, по временамъ вздыхать, точно онъ живой.

«При послѣднемъ словѣ Монтезиноса злополучный Дюрандаръ вдругъ проговорилъ:

— «О, братъ мой, Монтезиносъ! Когда я умру и душа моя отлетитъ отъ меня, вынь изъ моей груди сердце и отнеси его Белермѣ; это моя послѣдняя просьба къ тебѣ.

«Услыхавъ эти слова, почтенный Монтезиносъ упалъ передъ гробомъ своего друга на колѣни и отвѣчалъ:

— «Я уже исполнилъ это, дорогой мой братъ Дюрандаръ. Я извлекъ, какъ ты просилъ меня въ роковой для насъ день, изъ твоей груди сердце, вытеръ его кружевнымъ платкомъ, предалъ бренные останки твои землѣ, и, омывъ слезами со своихъ рукъ твою кровь, отправился съ твоимъ сердцемъ во Францію. На пути, въ первой деревнѣ, расположенной у выхода изъ тѣснинъ Ронсеваля, я посыпалъ твое сердце солью, чтобы оно достигло до Белермы неиспорченнымъ. Со времени передачи мною твоего сердца Белермѣ, она сама, я, ты, твой оруженосецъ Гвадіана, множество твоихъ и моихъ друзей и знакомыхъ, — всѣ мы живемъ здѣсь, очарованные злымъ Мерлиномъ. Вотъ уже пятьсотъ лѣтъ, какъ мы находимся здѣсь, и никто изъ насъ не умеръ. Недостаетъ только Руидеры, ея дочерей и племянницъ: благодаря своему неумолчному плачу, тронувшему наконецъ Мерлина, превращены онѣ въ лагуны, извѣстныя подъ названіемъ лагунъ Руидеры. Дочери принадлежатъ теперь королю испанскому, а племянницы — ордену Іоан-

нитскихъ рыцарей. Твой оруженосецъ Гвадіана, неутѣшно оплакивавшій твою смерть, тоже превращенъ въ рѣку, носящую его имя. Достигнувъ поверхности земли вдали отъ тебя, онъ съ горя снова погрузился въ ея нѣдра. Но, какъ невозможно вѣчно бороться со своими природными наклонностями, то онъ, отъ времени до времени, показывается на свѣтъ Божій, гдѣ его могутъ видѣть солнце и люди. Лагуны Руидеры снабжаютъ его своими водами; кромѣ того, въ него впадаетъ множество рѣчекъ, такъ что въ Португаліи, куда предначертанъ ему путь, онъ является величественнымъ и прекраснымъ. Но гдѣ ни проходитъ твой бывшій оруженосецъ, онъ всюду показывается задумчивымъ, грустнымъ и скромнымъ. Плещущіяся въ его струяхъ рыбы грубы и безвкусны, въ противоположность чешуйчатымъ обитательницамъ золотого Таго, славящимся своею нѣжностью и вкусомъ. То, что я сейчасъ говорю тебѣ, братъ мой, я говорилъ уже много тысячъ разъ, но ты никогда не отвѣчалъ и не отвѣчаешь мнѣ, потому я думалъ, что ты или не слышишь меня, или не вѣришь мнѣ. Видитъ Богъ, какъ это сильно огорчаетъ меня! Но теперь я сообщу тебѣ новость, которая если не облегчитъ твоихъ страданій, зато и не увеличитъ ихъ. Узнай, что здѣсь, возлѣ твоего гроба, стоитъ тотъ великій рыцарь, о которомъ такъ часто предвозвѣщалъ Мерлинъ,— тотъ самый Донъ-Кихотъ Ламанчскій, который воскресилъ давно забытое странствующее рыцарство и придалъ ему еще болѣе блеска и славы, чѣмъ въ протекшихъ вѣкахъ. О, братъ мой, открой глаза, и ты узришь его! Ему предназначено избавить насъ отъ очарованія; только такому великому человѣку и возможенъ этотъ великій подвигъ...

— «Если бы даже и этого не случилось,—прошепталъ Дюрандаръ,— то я скажу тебѣ, братъ мой, только: *терпи и выжидай карты!*

«Съ послѣднимъ словомъ Дюрандаръ повернулся на бокъ и попрежнему погрузился въ мертвый сонъ. Въ ту же минуту я услышалъ за собою тяжелыя рыданія, перемѣшанныя съ глубокими, судорожными вздохами. Я обернулся и увидѣлъ сквозь хрустальныя стѣны шествіе множество прекрасныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ глубокій трауръ. Головы у нихъ были обвиты бѣлыми чалмами, какъ у турчанокъ. Позади нихъ шла какая-то дама — по крайней мѣрѣ она казалась дамой по фигурѣ, осанкѣ и поступи — тоже въ траурѣ и подъ бѣлымъ ниспадавшимъ до земли покрываломъ. Чалма ея была вдвое гуще, чѣмъ у шедшихъ впереди. У нея были сросшіяся на переносьѣ брови, большой ротъ, немного вздернутый носъ, ярко-пунцовыя губы и рѣдкіе и неровные зубы, хотя и бѣлые, какъ очищенные миндали. Въ рукахъ она держала тончайшаго полотна платокъ, въ которомъ лежало совершенно сморщенное и высох-

шее сердце. Монтезиносъ сказалъ мнѣ, что всѣ эти дѣвушки были служанками Белермы, а дама, шедшая съ сердцемъ въ рукахъ, — сама Белерма.

— «Белерма, — продолжалъ Монтезиносъ, — четыре раза въ недѣлю приходитъ со своими женщинами плакать надъ гробомъ моего несчастнаго брата. Если она кажется вамъ некрасивою, то это послѣдствіе переносимыхъ ею въ очарованіи страданій. Этотъ болѣзненный и убитый видъ, эта мертвенная блѣдность, эта синева подъ глазами — отпечатки горя и тоски по своемъ возлюбленномъ, сердце котораго она никогда не выпускаетъ изъ рукъ. Не будь снѣдающей ея скорби, она своею красотой и граціей не уступала бы самой Дульцинеѣ Тобозской, считающейся первою красавицей въ мірѣ...

— «Прошу васъ, сеноръ Монтезиносъ, — перебилъ я, — продолжать вашу рѣчь безъ всякихъ сравненій, которыя, обыкновенно, бываютъ неудачны и оскорбительны для другихъ. Несравненная Дульцинея Тобозская — единственная въ своемъ родѣ, точно такъ же, какъ и донна Белерма, поэтому ихъ нельзя и сравнивать.

— «Простите мнѣ, благородный Донъ-Кихотъ, — поспѣшилъ сказать Монтезиносъ, — я сознаюсь, что сдѣлалъ большую ошибку, осмѣлившись сравнивать прекрасную Дульцинею Тобозскую съ кѣмъ бы то ни было. Если бы я раньше догадался, что она — дама вашего сердца, какъ я теперь вижу, я не рѣшился бы сдѣлать этого.

«Извиненіе почтеннаго старца успокоило мое сердце, вскипѣвшее было гнѣвомъ при неумѣстномъ сравненіи моей дамы съ кѣмъ бы то ни было».

— Я удивляюсь, какъ это ваша милость не вырвали у этого стараго болтуна всей его бороды до послѣдняго волоска, — замѣтилъ Санчо.

— Нѣтъ, Санчо, — возразилъ Донъ-Кихотъ, — это было бы очень дурно съ моей стороны. Мы, вообще, обязаны уважать старцевъ и въ особенности престарѣлыхъ рыцарей... Потомъ мы поговорили еще о многомъ и...

— Какъ это вы успѣли въ такое короткое время такъ много увидѣть, услышать и переговорить? — перебилъ студентъ.

— Сколько же времени, по вашему мнѣнію, пробылъ я въ пещерѣ? — спросилъ Донъ-Кихотъ.

— Менѣе часа, — отвѣтилъ студентъ.

— Этого быть не можетъ! — вскричалъ рыцарь; — по моему расчету, я провелъ тамъ трое сутокъ. Я отлично помню, что пережилъ тамъ три дня и три ночи.

— Пожалуй, мой господинъ и правъ, — сказалъ Санчо: — вѣдь онъ былъ очарованъ въ этой пещерѣ, поэтому нашъ часъ показался ему тремя сутками.

— Это, дѣйствительно, можетъ быть, — согласился Донъ-Кихотъ.

— А скажите, пожалуйста, сеноръ, кушали вы тамъ что-нибудь?— освѣдомился студентъ.

— Нѣтъ, я даже и не чувствовалъ ни малѣйшаго голода,— отвѣчалъ Донъ-Кихотъ.

— А ѣдятъ вообще очарованные?

— Нѣтъ. Они совсѣмъ не питаются, но тѣмъ не менѣе у нихъ растутъ волосы и ногти.

— А спятъ они? — полюбопытствовалъ Санчо.

— Тоже нѣтъ, судя по тому, что въ продолженіе трехъ сутокъ, проведенныхъ мною у нихъ, ни очарованные ни я не спали,—пояснилъ рыцарь.

— Значитъ, — продолжалъ оруженосецъ, — права поговорка: «Скажи мнѣ съ кѣмъ ты водишься, а я скажу тебѣ кто ты». Отправляйтесь-ка, добрые люди, къ очарованнымъ, которые вѣчно постничаютъ и бодрствуютъ, и вы сами поневолѣ не будете ни ѣсть ни пить, пока пробудете у нихъ... А все-таки, ваша милость, скажу вамъ, пусть Богъ... то бишь чортъ возьметъ меня, если я повѣрю хоть на волосъ тому, что вы намъ наговорили!

— Какъ! — вскричалъ студентъ. — Развѣ сеноръ Донъ-Кихотъ солгалъ? Но если бы онъ и пожелалъ позабавить насъ интересною выдумкой, то какимъ же образомъ онъ могъ бы сочинить ее въ такое короткое время?

— Я и не думаю, чтобы мой господинъ лгалъ, — сказалъ Санчо.

— А что же именно ты думаешь? — спросилъ Донъ-Кихотъ.

— По-моему, просто-напросто, этотъ самый Мерлинъ или другой какой-нибудь волшебникъ, очаровавшій чуть ли не цѣлую армію лицъ, видѣнныхъ вами тамъ, внизу, самъ всадилъ вамъ въ голову всю эту тарабарщину, которую вы намъ разсказали, — отвѣтилъ Санчо.

— Это было бы возможно, другъ мой, но на этотъ разъ ты ошибаешься, — возразилъ рыцарь: — все, о чемъ я разсказалъ вамъ, я видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами и осязалъ собственными руками. Но я еще не все досказалъ. Монтезиносъ показалъ мнѣ еще множество чудесъ, о которыхъ я подробно разскажу тебѣ, Санчо, въ другой разъ. Сейчасъ же упомяну только о томъ, что на одной свѣжей, какъ майское утро, лужайкѣ я видѣлъ издали несравненную Дульцинею Тобозскую и тѣхъ двухъ крестьянокъ, которыя сопровождали ее въ извѣстное тебѣ утро. Я спросилъ Монтезиноса, знаетъ ли онъ этихъ женщинъ, и онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, такъ какъ онѣ появились въ пещерѣ очень недавно; но онъ думаетъ, что это

Монтезиносъ сказалъ мнѣ, что всѣ эти дѣвушки были служанками Белермы.

какія-нибудь знатныя очарованныя дамы. Онъ просилъ не удивляться появленію этихъ новыхъ лицъ, потому что въ пещерѣ находилось множество дамъ всѣхъ временъ, очарованныхъ подъ различными видами. Между прочими онъ назвалъ королеву Женіевру и ея дуэнью Квинтаньону, ту самую, которая наливала вино Ланселоту, когда онъ

возвратился въ Бретань, какъ это поется въ одномъ старинномъ романсѣ.

Слушая своего господина, Санчо боялся лопнуть отъ сдерживаемаго смѣха или сойти съ ума. Такъ какъ ему лучше всякаго другого была извѣстна тайна очарованія Дульцинеи, произведеннаго имъ самимъ, то онъ теперь яснѣе прежняго понялъ, что Донъ-Кихотъ окончательно рехнулся.

— Въ недобрый часъ, ваша милость, — сказалъ онъ своему господину, — спускались вы въ этотъ адъ и встрѣтились тамъ съ этимъ Монтезиносомъ, который совсѣмъ вскружилъ вамъ голову! Давно ли говорили вы такія умныя рѣчи и подавали всѣмъ такіе мудрые совѣты, а теперь начали нести такую чепуху, что я ужъ и не знаю, что и подумать...

— Тебя нужно бы проучить за эту дерзость, Санчо!.. Но такъ какъ я тебя давно знаю, то и не обращаю ни малѣйшаго вниманія на твои слова, — сказалъ Донъ-Кихотъ.

— И хорошо дѣлаете, ваша милость! — воскликнулъ оруженосецъ. — Можете, впрочемъ, побить меня, если вамъ не нравится то, что я говорю и всегда буду говорить, а я все-таки не скрою отъ васъ правды... Но пока мы съ вами въ мирѣ, разскажите мнѣ, какъ вы узнали вашу госпожу Дульцинею? Говорили вы ей что-нибудь и отвѣчала она вамъ?

— Нѣтъ, но я узналъ ее по одеждѣ. Она была одѣта совершенно такъ же, какъ въ то незабвенное утро, когда мы съ тобой встрѣтили ее. Я заговорилъ было съ ней, но она молча обернулась ко мнѣ спиной и убѣжала такъ быстро, что ее не догнала бы, кажется, даже стрѣла. Я все-таки хотѣлъ послѣдовать за нею, но Монтезиносъ остановилъ меня, предупредивъ, что я только напрасно потеряю время, притомъ и срокъ моего пребыванія въ пещерѣ кончается. Онъ добавилъ, что въ свое время онъ извѣститъ меня, что я долженъ буду дѣлать для того, чтобы избавить отъ очарованія его, Дюрандара, Белерму и всѣхъ остальныхъ лицъ, пребывающихъ очарованными въ пещерѣ. Пока Монтезиносъ бесѣдовалъ со мною, ко мнѣ приблизилась одна изъ спутницъ несравненной Дульцинеи и со слезами на глазахъ, взволнованнымъ голосомъ прошептала:

«— Госпожа моя, Дульцинея Тобозская, цѣлуетъ ваши руки и проситъ васъ увѣдомить ее о вашемъ здоровьѣ. Находясь сама въ большой нуждѣ, умоляетъ васъ дать ей, какъ только найдете возможнымъ, подъ залогъ этой вотъ новенькой канифасной юбки шесть реаловъ или сколько у васъ найдется въ карманѣ.

«Это странное порученіе сильно поразило меня, и я спросилъ Монтезиноса:

«— Возможно ли, чтобы очарованныя лица высокаго званія могли терпѣть въ чемъ-нибудь нужду?

«— Вѣрьте мнѣ, сеноръ Донъ-Кихотъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—нужда встрѣчается повсюду, распространяется на весь свѣтъ и не щадитъ даже очарованныхъ. Если ваша дама проситъ у васъ взаймы шесть реаловъ подъ вѣрный залогъ, то совѣтую вамъ исполнить ея просьбу, потому что, вѣроятно, она находится въ большомъ затрудненіи.

«— Залоговъ я не имѣю обыкновенія брать, — сказалъ я, — но, во всякомъ случаѣ, я не въ состояніи исполнить просьбы несравненной Дульцинеи, такъ какъ у меня въ карманѣ всего четыре реала, которые я положилъ туда, чтобы раздавать нищимъ, попадающимся по дорогѣ.

«— Позвольте хоть ихъ,— попросила посланная Дульцинеи.— И они пригодятся моей бѣдной госпожѣ.

«— Хорошо! — отвѣтилъ я. — Передай ихъ своей госпожѣ и скажи ей отъ моего имени, что я глубоко тронутъ ея несчастіемъ и желалъ бы въ эту минуту быть обладателемъ всѣхъ сокровищъ міра, чтобы положить ихъ къ ея очаровательнымъ ножкамъ. Прибавь еще, что я не буду имѣть ни радости, ни покоя, ни здоровья, пока не увижу ея и не услышу ея чуднаго голоса. Скажи ей, что ея вѣчный плѣнникъ и рыцарь настоятельно умоляетъ ее снизойти къ нему и показаться ему. Скажи ей, что я далъ клятву въ родѣ той, которую далъ маркизъ Мантуанскій, найдя своего племянника, Бодуэна, умирающимъ въ горахъ и рѣшившись отомстить за него. Я тоже клянусь не вкушать хлѣба со стола, объѣхать весь міръ съ большею точностью, нежели инфантъ донъ Педро Испанскій, и вообще выполнить множество тяжелыхъ обѣтовъ, пока не найду способа избавить отъ очарованія свою даму.

«— Вы обязаны сдѣлать не только это, но и гораздо больше для моей госпожи, — отвѣчала посланная и, взявъ у меня четыре реала, убѣжала съ быстротой серны, даже не поблагодаривъ меня».

— Пресвятая Дѣва! — воскликнулъ Санчо. — Неужели эти проклятые волшебники имѣютъ въ самомъ дѣлѣ такую власть, что могутъ выворотить наизнанку даже такую умную голову, какъ ваша, мой добрый господинъ! О, сеноръ, добрый мой сеноръ, заклинаю васъ именемъ Бога, не поддавайтесь вы всей этой ерундѣ, которая только смущаетъ и сводитъ васъ съ ума! Подумайте о себѣ, о своей чести и добромъ имени...

— Санчо,— перебилъ Донъ-Кихотъ,— я знаю, что ты говоришь все это любя меня и не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ міръ очарованія! Поэтому я не стану тебя на этотъ разъ бранить. Когда-нибудь я разскажу тебѣ еще о многомъ, видѣнномъ мною въ пещерѣ Монтезиноса; тогда ты повѣришь всему, что слышалъ сегодня и что такъ же вѣрно, какъ то, что я странствующій рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

ГЛАВА XXIV,

о томъ, какъ Донъ-Кихотъ, дѣлая глупости, умѣлъ понимать и внушать умныя мысли.

Переводчикъ этой интересной исторіи говоритъ, что на поляхъ арабской рукописи въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается двадцать четвертая глава, онъ нашелъ слѣдующую замѣтку, сдѣланную рукою самого автора, Сида Гамета Бенъ-Энгели:

«Я не въ состояніи ни понять того, что описано въ предыдущей главѣ, ни повѣрить, чтобы все это въ дѣйствительности могло случиться съ доблестнымъ Донъ-Кихотомъ. Всѣ прежнія приключенія были возможны и вѣроятны, но то, которое будто бы случилось съ рыцаремъ въ пещерѣ Монтезиноса, переходитъ всѣ границы разума. Думать, чтобы Донъ-Кихотъ, самый правдивый гидальго и самый благородный рыцарь своего времени, солгалъ — невозможно; онъ не сказалъ бы ни малѣйшей лжи, если бы его принуждали къ этому даже самыми ужасными пытками. Притомъ, если бы онъ и захотѣлъ, то не могъ бы въ какой-нибудь часъ сочинить такую сказку. Не моя вина, если приключеніе въ пещерѣ Монтезиноса будетъ принято за вымыселъ. Не говоря ни за ни противъ, я просто передаю событіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно дошло о меня. Предоставляю тебѣ, мудрый читатель, судить о немъ, какъ тебѣ будетъ угодно. Я дѣлаю свое дѣло, дѣлай и ты свое. Добавляю только, что нѣкоторые историки утверждали, будто Донъ-Кихотъ передъ своею смертью сознался, что выдумалъ сказанное приключеніе, такъ какъ онъ нашелъ, что оно прекрасно соотвѣтствуетъ всѣмъ тѣмъ приключеніямъ, о которыхъ онъ читалъ въ своихъ книгахъ».

Самая же двадцать четвертая глава начинается слѣдующимъ образомъ:

Студентъ очень удивлялся дерзости Санчо и терпѣнію его господина и рѣшилъ, что послѣдняго такимъ снисходительнымъ сдѣлала радость встрѣчи съ Дульцинеей Тобозской, хотя и заколдованною, иначе онъ непремѣнно долженъ былъ бы проучить своего черезчуръ смѣлаго ору-

женосца. Желая поддержать хорошее расположеніе духа рыцаря, студентъ сказалъ ему:

— Что касается меня, сеноръ Донъ-Кихотъ, то путешествіе съ вами принесло мнѣ громадную пользу: во-первыхъ, я познакомился съ вашею личностью, что составляетъ для меня громадную честь; во-вторыхъ, узналъ, что заключается въ пещерѣ Монтезиноса и что лагуны Руидеры и рѣка Гвадіана были когда-то людьми; а эти свѣдѣнія пригодятся мнѣ для моего «Испанскаго Овидія»; въ-третьихъ, я открылъ древность происхожденія игральныхъ картъ. Очевидно, онѣ были въ употребленіи уже при императорѣ Карлѣ Великомъ, судя по словамъ Дюрандара «Терпи и выжидай карты», сказаннымъ имъ Монтезиносу послѣ длинной рѣчи послѣдняго. Эти выраженія рыцарь, разумѣется, подхватилъ не во время своего очарованнаго сна въ пещерѣ, а тогда, когда еще жилъ на землѣ, во Франціи, во времена императора Карла Великаго. Эта справка окажетъ мнѣ большую услугу въ моей книгѣ «Дополненіе къ Виргилію Полидору объ изобрѣтеніи древностей». Особенно важно то, что я могу сослаться на такой авторитетъ, какъ рыцарь Дюрандаръ. Въ-четвертыхъ, я теперь навѣрняка могу указать самые источники рѣки Гвадіаны, которыхъ до сихъ поръ еще никто не зналъ.

— Да, вы правы, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Но я желалъ бы знать, кому, именно, вы намѣрены посвятить свои книги, если вамъ удастся получить разрѣшеніе на напечатаніе ихъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, такъ какъ это очень трудно въ Испаніи.

— А развѣ нѣтъ въ нашемъ отечествѣ вельможъ, которые достойны чести, чтобы имъ посвящали книги? — уклончиво проговорилъ студентъ.

— Есть-то есть, но немного. И не то, чтобы были вельможи, недостойные всякой чести, но они, просто, не любятъ принимать посвященій, чтобы не обязываться благодарностью авторамъ за ихъ труды и вниманіе. Я знаю одного вельможу, который можетъ одинъ замѣнить всѣхъ остальныхъ знатныхъ лицъ и даже превосходитъ ихъ настолько, что если бы я рѣшился назвать его имя, то, думаю, возбудилъ бы зависть не въ одномъ великодушномъ сердцѣ... Но оставимъ это до другого, болѣе благопріятнаго, времени, а теперь лучше поищемъ, гдѣ бы намъ пріютиться на ночь.

— О, это нетрудно найти! — сказалъ студентъ. — Недалеко отсюда есть пустынь, гдѣ живетъ одинъ отшельникъ, бывшій когда-то, какъ говорятъ, солдатомъ, а теперь онъ пользуется славой чуть ли не святого. Возлѣ своей кельи онъ собственноручно воздвигъ маленькій страннопріимный домикъ...

— А есть у этого отшельника куры? — вдругъ спросилъ Санчо.

— У рѣдкаго отшельника ихъ теперь не бываетъ, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Современные пустынники не похожи на египетскихъ, прикрывавшихъ свою наготу только пальмовыми листьями и питавшихся исключительно кореньями. Но не думайте, чтобы я, проводя эту параллель, хотѣлъ унизить въ вашемъ мнѣніи нынѣшнихъ отшельниковъ; вовсе нѣтъ. Я хочу только сказать, что теперь уже не такъ строго, какъ бывало въ старину, подвизаются на пути спасенія и отреченія отъ земныхъ благъ, но это не мѣшаетъ и современнымъ отшельникамъ быть прекрасными и добродѣтельными людьми. Кстати сказать, лицемѣръ, разыгрывающій праведника, болѣе достоинъ осужденія, чѣмъ открытый грѣшникъ.

Едва рыцарь договорилъ эти слова, какъ вдругъ всѣ увидѣли приближавшагося къ нимъ человѣка, сопровождавшаго мула, нагруженнаго копьями и аллебардами. Проходя мимо Донъ-Кихота и его спутниковъ, онъ поклонился.

— Остановись-ка на минутку, любезный! — окликнулъ его рыцарь. — Мнѣ бы хотѣлось знать, куда и зачѣмъ ты везешь это оружіе?

— Останавливаться мнѣ некогда, — отвѣтилъ незнакомецъ: — я очень спѣшу, потому что оружіе должно быть доставлено на мѣсто до утра. А если вы желаете знать, куда и для чего я его везу, то пріѣзжайте въ трактиръ за пустынью. Я тамъ остановлюсь на ночлегъ; если и вы пріѣдете туда, — я могу поразсказать вамъ кое-что интересное. До свиданія!

Поклонившись еще разъ, онъ поспѣшилъ дальше.

Такъ какъ Донъ-Кихотъ былъ чрезвычайно любознателенъ, то онъ рѣшилъ проѣхать прямо въ указанный трактиръ, не заѣзжая къ отшельнику. Однако, когда стали подъѣзжать къ пустыни, студентъ и Санчо тали приставать къ Донъ-Кихоту заѣхать не надолго къ отшельнику освѣжиться хоть стаканомъ вина. Рыцарь согласился сдѣлать имъ это удовольствіе. Но, на ихъ бѣду, отшельника не оказалось дома, а находившаяся въ кельѣ женщина на вопросъ Санчо объявила, что вина у нихъ нѣтъ, а воды она можетъ дать, если угодно.

— Если бы мы желали воды, — возразилъ оруженосецъ, — то нашли бы ее и безъ тебя: по дорогѣ много источниковъ — пей во все твое удовольствіе, никого не спрашиваясь... Эхъ, пожалѣешь, что не вездѣ живутъ богатые Камахо и щедрые доны Діего!

Послѣ этого всѣ трое направились къ виднѣвшемуся въ нѣкоторомъ разстояніи трактиру. Вскорѣ наши всадники догнали по дорогѣ пѣшехода, оказавшагося молодымъ человѣкомъ. Онъ несъ на перекинутой

черезъ плечо шпагѣ небольшой узелъ, въ которомъ были завязаны сапоги, нѣсколько сорочекъ и короткій плащъ. На немъ былъ бархатный камзолъ съ прорѣзами, изъ-за которыхъ виднѣлась атласная подкладка и тонкая сорочка. Обутъ онъ былъ въ черные шелковые чулки и башмаки такого фасона, какой въ то время былъ въ модѣ при дворѣ. Лѣтъ ему могло быть никакъ не болѣе девятнадцати. Онъ шелъ очень быстро, съ веселымъ видомъ распѣвая пѣсенки, чтобы разогнать скуку одиночества. Когда всадники поравнялись съ нимъ, онъ пѣлъ:

«На войну меня ведетъ необходимость. Будь я богатъ, ни за что не пошелъ бы».

— Позвольте узнать, молодой человѣкъ, куда вы такъ спѣшите налегкѣ? — спросилъ его Донъ-Кихотъ, поравнявшись съ нимъ. — Можетъ-быть, намъ будетъ по дорогѣ?

— Я иду налегкѣ потому, что жарко, кромѣ того, еще по той причинѣ, что я бѣденъ. Спѣшу же я на войну.

— Ну, особенной бѣдности у васъ не видно, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ. — А насчетъ жары я не спорю.

— Сеноръ, — сказалъ молодой человѣкъ, — я несу въ этомъ узлѣ все свое имущество — кое-какое тряпье, подъ стать тому, что вы видите на мнѣ. Я берегу это платье, чтобы въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ войти въ городъ, гдѣ находятся отряды инфантеріи. Отсюда до города остается еще двѣнадцать миль. Зачислившись въ инфантерію, я проберусь въ Карѳагенъ. Я предпочитаю служить королю, да и то главнымъ образомъ на войнѣ, нежели прислуживать самому важному вельможѣ въ домѣ.

— Вы, вѣроятно, получите большое жалованье? — полюбопытствовалъ студентъ.

— Самъ еще не знаю хорошенько, — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Но полагаю, что получу больше, чѣмъ до сихъ поръ получалъ, состоя въ пажахъ у одного придворнаго, который платилъ мнѣ такъ плохо, что мнѣ едва хватало на одежду. Положимъ, это лицо втерлось ко двору Богъ вѣсть какими путями и жило неизвѣстно на какія средства. Попадись я къ настоящему гранду, конечно, не остался бы въ убыткѣ.

— Отлично, молодой человѣкъ, — проговорилъ Донъ-Кихотъ, — ваше намѣреніе поступить въ военную службу вполнѣ похвальное. Нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе почетнаго, какъ служить сначала Богу, а затѣмъ своему королю и господину, въ особенности оружіемъ. Это, положимъ, не такъ выгодно, какъ заниматься науками или торговлей, но зато гораздо почетнѣе, какъ я уже не разъ говорилъ. Хотя люди науки и тор-

говцы тоже приносятъ большую пользу, зато военные превосходятъ ихъ свойственнымъ имъ величіемъ и блескомъ, которые не поддаются даже опредѣленію: это легче чувствовать, чѣмъ выразить. Я сейчасъ скажу нѣчто, могущее послужить вамъ утѣшеніемъ въ трудныя минуты избираемой вами профессіи. Мой совѣтъ: старайтесь не думать о дурномъ, что можетъ случиться съ вами на войнѣ. Самымъ ужаснымъ считается смерть; но помните, что если смерть сопровождается славою, то она — лучшее благо. Кто-то спросилъ Юлія Цезаря, этого храбрѣйшаго изъ всѣхъ римскихъ полководцевъ, какая, по его мнѣнію, лучшая смерть, и онъ отвѣтилъ: «Скорая и непредвидѣнная». Хотя этотъ отвѣтъ и былъ отвѣтомъ язычника, не удостоеннаго познанія истиннаго Бога, тѣмъ не менѣе онъ вполнѣ вѣренъ и мѣтокъ, такъ какъ самое страшное въ смерти, это — ожиданіе ея. Убьютъ ли васъ въ первой стычкѣ пулею или осколкомъ отъ взорвавшейся мины — не все ли равно? Человѣкъ собственно живетъ лишь для того, чтобы умереть, и разъ эта цѣль достигнута, ему не о чемъ болѣе хлопотать. Согласно Теренцію, солдату лучше быть убитымъ въ сраженіи, чѣмъ остаться живымъ и невредимымъ въ бѣгствѣ. Добрый солдатъ ровно настолько пріобрѣтаетъ славы, насколько онъ повинуется своему начальству, не дорожа своею шкурой. Старайтесь, сынъ мой, чтобы отъ васъ пахло не мускусомъ, а порохомъ, разъ вы будете солдатомъ. И если вамъ суждено будетъ состариться солдатомъ, хотя бы вы и были покрыты ранами, искалѣчены, лишены на войнѣ руки, ноги или глаза, — утѣшьтесь тою мыслью, что всѣ эти недочеты въ вашемъ тѣлѣ придаютъ вамъ безсмертную славу, которой не можетъ затемнить даже величайшая бѣдность. Впрочемъ, въ настоящее время стараются облегчить нужду и страданія старыхъ солдатъ; теперь поняли, что нехорошо поступать съ ними такъ, какъ поступаютъ рабовладѣльцы, отпуская на волю тѣхъ изъ своихъ рабовъ, которые болѣе не въ силахъ служить имъ. Выгоняя несчастныхъ людей подъ названіемъ «вольноотпущенниковъ», они дѣлаютъ ихъ рабами голода, отъ котораго можетъ освободить только смерть... Я сказалъ вамъ все, что находилъ нужнымъ. Теперь, если хотите, садитесь сзади меня на моего коня, я довезу васъ до трактира; тамъ вы со мной поужинаете и переночуете, а утромъ я отпущу васъ съ Богомъ, пожелавъ вамъ столько хорошаго, сколько вы заслуживаете.

Ѣхать на Россинантѣ бывшій пажъ отказался, но на предложеніе раздѣлить съ Донъ-Кихотомъ ужинъ охотно согласился.

«Самъ чортъ не разберетъ, что за человѣкъ мой господинъ! — думалъ про себя Санчо. — То разсуждаетъ какъ самая ученая книга, такъ

что поневолѣ его заслушаешься, а то понесетъ такую ахинею, какъ давеча про пещеру, что даже уши вянутъ!»

Въ это время подъѣхали къ трактиру. Къ величайшему изумленію Санчо, его господинъ на этотъ разъ не принялъ трактира за дворецъ, а смотрѣлъ на него какъ слѣдуетъ.

Едва Донъ-Кихотъ вошелъ въ трактиръ, какъ сейчасъ же спросилъ хозяина о человѣкѣ съ оружіемъ. Трактирщикъ отвѣтилъ, что тотъ поитъ на дворѣ своего мула. Рыцарь успокоился, убѣдившись, что заинтересовавшій его человѣкъ не обманулъ его, сказавъ, что остановится въ этомъ трактирѣ.

ГЛАВА XXV,

въ которой разсказывается о двухъ талантливыхъ деревенскихъ властяхъ и объ одной удивительной обезьянѣ.

Донъ-Кихотъ сгоралъ отъ нетерпѣнія услыхать то, что обѣщалъ разсказать ему возчикъ оружія. Ради этого онъ даже разыскалъ его на дворѣ и попросилъ сейчасъ же приступить къ своему повѣствованію. Но тотъ отвѣтилъ:

— Ну, нѣтъ, здѣсь неудобно разсказывать. Позвольте мнѣ, ваша милость, сначала пристроить моего мула на ночлегъ, а потомъ я и разскажу вамъ такія чудеса, что вы только ротъ разинете.

Сгорая отъ любопытства, рыцарь лично помогъ возчику приготовить мѣсто въ конюшнѣ, что очень расположило послѣдняго въ его пользу.

Наконецъ, когда все было готово, возчикъ и Донъ-Кихотъ вошли въ залу трактира и усѣлись тамъ за столомъ, вмѣстѣ съ Санчо и пажомъ.

— Надо вамъ знать, — началъ возчикъ, — что рехидоръ [1]) деревни, находящейся отсюда въ четырехъ съ половиною миляхъ, въ одинъ прекрасный день не досчитался своего любимаго осла. Что онъ ни предпринималъ, чтобы отыскать свою скотину, все было напрасно. Прошло недѣли двѣ, какъ пропалъ оселъ, какъ вдругъ однажды утромъ на площади, гдѣ находился рехидоръ, къ нему подошелъ его товарищъ, тоже рехидоръ, и сказалъ ему:

«— Скажи мнѣ спасибо, куманекъ: вѣдь оселъ-то твой нашелся. Можетъ-быть и награду какую-нибудь дашь мнѣ за то, что я старался доставить тебѣ удовольствіе?

«— О, за этимъ дѣло не станетъ! — отвѣтилъ первой рехидоръ.— Но гдѣ же мой оселъ?

---

[1]) Нѣчто въ родѣ нашего старосты.

«— Въ лѣсу, на горѣ,—сказалъ второй рехидоръ.—Сегодня на зарѣ я видѣлъ его тамъ. Онъ оказался безъ сѣдла, безъ сбруи и такимъ отощавшимъ, что просто жалость было глядѣть на него. Я хотѣлъ было пригнать его къ тебѣ, но онъ ужъ до того одичалъ, что при моемъ приближеніи шарахнулся въ сторону и ударился въ самую чащу; я не могъ послѣдовать за нимъ туда. Если хочешь, пойдемъ искать его. Но только подожди минутку, пока я сведу домой свою ослицу. Я сейчасъ же вернусь.

«— Хорошо, я подожду,—отвѣтилъ хозяинъ пропавшаго осла.— Благодарю за услугу. Будь покоенъ, въ долгу у тебя не останусь».

— Замѣтьте, сеноры, что я передаю вамъ все такъ, какъ самъ слышалъ отъ другихъ... Ну-съ, я продолжаю. «Черезъ нѣсколько времени оба рехидора отправились подъ руку въ лѣсъ; но осла тамъ и слѣдъ простылъ; сколько они его ни искали, никакъ не могли найти. Наконецъ второй рехидоръ сказалъ:

«— Знаешь что, куманекъ, я придумалъ хитрость; это поможетъ намъ отыскать осла. Я отлично умѣю ревѣть по-ослиному, а если и ты хоть немного обладаешь этимъ талантомъ, то дѣло въ шляпѣ.

«— О, что касается этого таланта, — отвѣтилъ первый рехидоръ,— то со мной въ немъ никто не можетъ сравниться, даже мой оселъ.

«— Отлично,—сказалъ второй рехидоръ.—Теперь вотъ что: ты иди на одну сторону горы, а я пойду на другую, съ тѣмъ, чтобы намъ обойти ее во всѣхъ направленіяхъ. По временамъ мы будемъ ревѣть по-ослиному, и если твой оселъ недалеко, то онъ услышитъ насъ и непремѣнно прибѣжитъ къ одному изъ насъ.

«— Право, кумъ,—воскликнулъ хозяинъ осла,—твоя выдумка очень хороша и вполнѣ достойна твоей умной головы.

«Кумовья разошлись въ разныя стороны; но какъ только заревѣлъ первый, ему тотчасъ же отвѣтилъ второй и притомъ такъ естественно, что первый опрометью бросился назадъ и наткнулся на второго.

«— А гдѣ же мой оселъ?—спросилъ онъ.

«— Не знаю,—отвѣтилъ второй.—Это я ревѣлъ... Хорошо?

«— Да смѣло можно сказать,—замѣтилъ первый,—что между тобой и настоящимъ осломъ нѣтъ никакой разницы, когда ты ревешь. Я въ жизни не слыхивалъ ничего подобнаго.

«— Да и я долженъ сознаться,—подхватилъ второй,—что эти похвалы болѣе заслужены тобою, чѣмъ мною. Клянусь Богомъ, Который меня создалъ, что и ты не уступишь самому лучшему ослу въ мірѣ! Звуки, издаваемые тобою, очень сильны, тонъ превосходный, переливы

скоры и вѣрны. Ты положительно превосходишь меня, и я охотно уступаю тебѣ въ этомъ искусствѣ верхъ.

«— Ну?—съ радостью воскликнулъ первый.—Это очень пріятно слышать. Я теперь буду о себѣ лучшаго мнѣнія, чѣмъ былъ до сихъ поръ, разъ у меня открылся такой замѣчательный талантъ. Все-таки я не думалъ, чтобы у меня выходило такъ хорошо, какъ ты говоришь.

«— Это доказываетъ только то,—сказалъ второй,—что бываютъ таланты, о которыхъ самъ обладатель ихъ ничего не знаетъ, такъ что они пропадаютъ для свѣта безъ всякаго примѣненія; а это, конечно, чрезвычайно жаль.

«— Ну, наши таланты,—замѣтилъ первый,—едва ли кому нужны, кромѣ насъ самихъ, да и то лишь въ настоящемъ случаѣ. Дай Богъ, чтобы отъ нихъ была польза на этотъ разъ.

«Послѣ этой бесѣды рехидоры снова разошлись, но то и дѣло своимъ прекраснымъ ослинымъ ревомъ вводили другъ друга въ заблужденіе и сбѣгались вмѣстѣ, воображая, что бѣгутъ на голосъ настоящаго осла. Наконецъ они условились издавать ревъ по два раза подъ рядъ, чтобы знать, что это ревутъ они, а не оселъ. Долго они бродили по лѣсу на горѣ, потрясая ревомъ всю гору, пока не наткнулись, въ концѣ-концовъ, на полуобглоданный хищными птицами трупъ отыскиваемаго осла. Тутъ они поняли, почему имъ не откликался оселъ, несмотря на ихъ искусный ревъ.

«— Ну, теперь ясно, отчего онъ намъ не отвѣчалъ,—сказалъ его хозяинъ.—Долго же мы могли тутъ бѣгать и ревѣть, если бы случай не привелъ насъ въ это мѣсто!.. Однако ты, любезный кумъ, доставилъ мнѣ такое удовольствіе своимъ превосходнымъ ревомъ, что я не жалѣю о потерянномъ времени и даже о томъ, что нашелъ своего осла мертвымъ.

«— Я могу отъ чистаго сердца сказать тебѣ то же самое,—отвѣчалъ второй рехидоръ.

«Послѣ этого оба рехидора, усталые и охрипшіе, возвратились домой и разсказали своимъ семейнымъ, сосѣдямъ и знакомымъ исторію своихъ поисковъ осла, при чемъ наперебой хвалили другъ друга за удивительное умѣніе ревѣть по-ослиному. Исторія это быстро разнеслась по всему околотку, и всѣ слышавшіе ее хохотали до упада. Но такъ какъ дьяволъ никогда не дремлетъ и любитъ раздувать ссоры и распри, то ему пришло въ голову воспользоваться этимъ, въ сущности, неважнымъ случаемъ и перессорить жителей всѣхъ окрестныхъ селеній. Онъ внушилъ несчастную мысль жителямъ другихъ деревень, при встрѣчахъ съ жителями деревни, о которой, я вамъ разсказываю, ревѣть по-осли-

ному, съ цѣлью осмѣять ихъ рехидоровъ. Мало-по-малу дѣло дошло до того, что всѣ обитатели окрестныхъ селъ и деревень стали смотрѣть на односельчанъ, прославившихся ослинымъ ревомъ рехидоровъ, какъ на зачумленныхъ, и не хотятъ знаться съ ними. Я самъ принадлежу къ числу оскорбляемыхъ и не разъ уже, вмѣстѣ съ моими односельчанами, выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ насмѣшниковъ. Завтра вотъ мы опять выходимъ противъ деревни, находящейся въ двухъ миляхъ отъ нашей; поэтому я и накупилъ, по порученію всей нашей деревни, столько оружія, такъ какъ битва предполагается жаркая», заключилъ разсказчикъ.

Только что Санчо, отъ души хохотавшій надъ этимъ разсказомъ, хотѣлъ что-то сказать, какъ вдругъ въ дверяхъ трактирной залы показался человѣкъ, одѣтый въ козьи шкуры. Лѣвый глазъ его и почти вся лѣвая щека были залѣплены громаднымъ пластыремъ.

— Хозяинъ, есть у васъ лишнія мѣста въ трактирѣ? — крикнулъ онъ на всю залу. — За мною ѣдутъ обезьяна-ворожея и лица комедіи «Освобожденіе Мелизандры».

— Добро пожаловать, дядя Педро! — весело проговорилъ трактирщикъ.—А гдѣ же осталась твоя обезьяна и театръ?

— Сейчасъ прибудутъ,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Я пошелъ впередъ, чтобы узнать, есть ли мѣста для насъ.

— Для дяди Педро у меня всегда найдется мѣсто. Въ случаѣ надобности, я прогналъ бы даже самого герцога Альбу для такого дорогого гостя,—съ улыбкой сказалъ хозяинъ.—На твое счастье есть тутъ такіе господа, которые, навѣрное, охотно заплатятъ за удовольствіе посмотрѣть твои чудеса.

— Очень радъ, — проговорилъ Педро.—Я даже сбавлю съ обыкновенной цѣны. Мнѣ бы только окупить свой расходъ, я и то буду доволенъ. Ну, такъ ждите: сейчасъ все здѣсь будетъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ трактира.

Донъ-Кихотъ сталъ разспрашивать хозяина, кто этотъ дядя Педро и что у него за обезьяна и театръ.

— Это знаменитый маріонеточный актеръ,—пояснилъ трактирщикъ.— Онъ съ нѣкотораго времени разъѣзжаетъ по всему Ламанчу со своими куклами, которые представляютъ, какъ Мелизандра была освобождена знаменитымъ829 дономъ Гаиферосомъ. Это очень интересная комедійка, и дядя Педро такъ хорошо разыгрываетъ ее, что въ этой части королевства давно не видали ничего подобнаго. Кромѣ того, онъ возитъ съ собой обезьяну, самую искусную, какую только можно найти. Если ей предложить вопросъ, она внимательно выслушаетъ его, а потомъ

вскочитъ на плечо къ своему хозяину и шепчетъ ему на ухо свой отвѣтъ, который онъ и переводитъ съ ея языка. Она охотнѣе отвѣчаетъ на вопросы о прошедшемъ, чѣмъ о будущемъ; иногда ошибается, но большею частью говоритъ правду, такъ что мы готовы думать, ужъ не сидитъ ли въ ней чортъ. За каждый вопросъ нужно платить два реала, если обезьяна отвѣчаетъ... то есть, я хочу сказать: если ея хозяинъ даетъ вмѣсто нея отвѣтъ, послѣ того, какъ она по-своему скажетъ ему на ухо, что нужно. Предполагаютъ, что дядя Педро довольно богатъ. Самъ по себѣ, онъ человѣкъ славный и живетъ въ полномъ довольствѣ.

Вскорѣ прибылъ и дядя Педро съ тележкой, въ которой лежалъ маленькій театръ, и съ большою мохнатою безхвостою добродушнаго вида обезьяной на рукахъ.

Какъ только Донъ-Кихотъ увидалъ обезьяну, то сейчасъ же спросилъ ее:

— Скажите-ка, госпожа ворожея, что съ нами будетъ?.. Санчо, — обратился онъ къ своему оруженосцу, — дай этому доброму человѣку два реала.

— Сеноръ, — сказалъ Педро, — это животное не отвѣчаетъ на вопросы о будущемъ, а только о прошедшемъ и о настоящемъ.

— Чортъ меня возьми, если я дамъ хоть одинъ оболъ за то, чтобы мнѣ повторили все, что я уже знаю, — вскричалъ Санчо. — Не такой я дуракъ, чтобы платить зря деньги... А если ты, госпожа обезьяньей породы, можешь сказать про настоящее, такъ вотъ тебѣ съ моей стороны два реала; скажи — чѣмъ сейчасъ занята моя жена, Тереза Панца?

Но Педро не взялъ денегъ.

— Я впередъ не беру. За услугу надо платить только тогда, когда она уже оказана, — проговорилъ онъ.

Послѣ этого онъ хлопнулъ себѣ два раза по лѣвому плечу. Обезьяна тотчасъ же вскочила къ нему на это плечо и, приблизивъ ротъ къ его уху, принялась быстро стучать зубами; затѣмъ она опять спрыгнула на свое прежнее мѣсто. Педро посадилъ ее на полъ, а самъ, бросившись въ ноги Донъ-Кихоту и обнявъ его колѣни, воскликнулъ:

— Обнимаю эти славныя ноги, какъ обнималъ бы Геркулесовы столбы! О, великій возстановитель забытаго странствующаго рыцарства! О, предостохвальный Донъ-Кихотъ Ламанчскій, опора слабыхъ, поддержка падающихъ, утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ!

При этомъ неожиданномъ пассажѣ Донъ-Кихотъ остолбенѣлъ, Санчо окаменѣлъ, студентъ былъ пораженъ изумленіемъ, а пажъ — ужасомъ; хозяинъ трактира и крестьянинъ изъ деревни съ ревущими по-ослиному

рехидорами вытаращили глаза и разинули рты; кромѣ того, у всѣхъ, за исключеніемъ рыцаря, поднялись дыбомъ волосы на головѣ.

Педро же, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ, обращаясь къ Санчо:

— А ты, добрый Санчо Панца, лучшій изъ оруженосцевъ знаменитѣйшаго въ мірѣ рыцаря, радуйся! Твоя жена Тереза здорова и въ настоящую минуту занята расчесываніемъ льна и потягиваніемъ по временамъ вина изъ стоящаго возлѣ нея глинянаго кувшина съ отбитою ручкой. Послѣднее она дѣлаетъ для того, чтобы у нея спорѣе шла работа.

— Да, она у меня бабенка работящая,—подхватилъ Санчо. — И не будь она такая ревнивая, я и не подумалъ бы промѣнять ее даже на великаншу Андандону, которая, какъ говоритъ мой господинъ, очень умная и хозяйственная дама. А что касается вина, то Тереза себѣ никогда въ немъ не отказываетъ и попиваетъ не хуже нашего брата.

— Я всегда говорилъ и сейчасъ повторю, что много читающій и путешествующій постоянно обогащается новыми знаніями,—замѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Какимъ образомъ, спрашивается, могъ бы кто-нибудь убѣдить меня, что на свѣтѣ существуютъ обезьяны, которыя могутъ знать наше прошлое и настоящее, если бы я самъ собственными глазами не увидѣлъ ея? Я вѣдь, дѣйствительно, тотъ самый Донъ-Кихотъ Ламанчскій, котораго назвалъ этотъ умный звѣрекъ, согрѣшившій только въ томъ, что черезчуръ ужъ расхвалилъ меня. Но каковъ бы я ни былъ въ подробностяхъ, я благодарю Небо за то, что оно сдѣлало меня кроткимъ, сострадательнымъ, всегда готовымъ всѣмъ помочь и совершенно не способнымъ причинить живому существу, не трогающему меня, ни малѣйшаго зла.

— Если бы у меня были деньги, и я спросилъ бы эту интересную ворожею, что случится со мною въ предпринятомъ мною путешествіи,— тихо проговорилъ пажъ.

— Я уже сказалъ,—проговорилъ Педро, поднимаясь на ноги, — что моя обезьяна не отвѣчаетъ на вопросы о будущемъ. Въ противномъ случаѣ я бы и не спросилъ съ васъ денегъ, потому что ради присутствующаго здѣсь знаменитаго рыцаря Донъ-Кихота я готовъ забыть всякіе денежные расчеты. Въ доказательство этого, желая доставить преславному сенору Донъ-Кихоту небольшое развлеченіе, я дамъ представленіе съ моими куклами и ничего за это не возьму.

Донъ-Кихотъ долго задумчиво и пристально смотрѣлъ на обезьяну, потомъ отвелъ своего оруженосца въ сторону и сказалъ ему:

— Слушай, обезьянушка, сеноръ рыцарь спрашиваетъ, сонъ или дѣйствительность онъ видѣлъ въ пещерѣ, называемой Монтезиносскою.

— Знаешь что, Санчо, не вѣрится мнѣ что-то, чтобы обезьяна сама по себѣ могла угадывать что-нибудь; я думаю, что хозяинъ ея заключилъ съ чортомъ какой-нибудь явный или тайный договоръ.

— Уговоръ! — воскликнулъ Санчо. — Это чорта-то уговаривать? Я полагаю, что дьяволъ и безъ всякихъ уговариванiй надѣлаетъ какихъ угодно гадостей. Не дядѣ Педро уговаривать учить его...

— Ты меня не понимаешь, Санчо! — перебилъ Донъ-Кихотъ. — Не *уговоръ*, а *договоръ* сказалъ я. Это значитъ, что Педро, въ обмѣнъ своей души, попросилъ чорта вложить въ его обезьяну способность узнавать прошедшее и настоящее людей, чтобы хозяинъ ея могъ такимъ путемъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Чортъ очень любитъ подобнаго рода сдѣлки, и «уговаривать» его на нихъ, дѣйствительно, не нужно. Этимъ и объясняется, что обезьяна не отвѣчаетъ на вопросы о будущемъ, такъ какъ и дьяволъ не можетъ знать будущаго; развѣ только иногда догадывается о томъ, что должно съ кѣмъ случиться. Удивляюсь только, какъ не привлекутъ къ духовному суду этой обезьяны, чтобы узнать, откуда она получила даръ отгадывать. Не можетъ же она умѣть читать по звѣздамъ, и самъ хозяинъ ея едва ли смыслитъ что-нибудь въ астрологiи и составленiи гороскоповъ, которые теперь въ такой модѣ, что безъ нихъ у насъ, въ Испанiи, почти никто не обходится. Многiе составляютъ ихъ наобумъ, врутъ, что только приходитъ имъ въ пустую голову, и своимъ невѣжествомъ и безсовѣстнымъ враньемъ унижаютъ эту великую, правдивую науку. Я знаю одну даму, которая обратилась къ одному изъ доморощенныхъ «астрологовъ» съ вопросомъ: ощенится ли ея маленькая собачка, и если да, то сколько будетъ у нея щенятъ и какого цвѣта? Тотъ сдѣлалъ какiя-то мнимыя вычисленiя и отвѣтилъ, что будетъ трое щенятъ: одинъ щенокъ будетъ зеленый, другой — красный, а третiй — пестрый, если только собачка произведетъ ихъ въ полдень или полночь непремѣнно въ понедѣльникъ или субботу. Послѣдствiемъ этого было то, что дама, которой очень хотѣлось имѣть краснаго и зеленаго щеночковъ, пригласила врача и уговорила его устроить, съ помощью своего искусства, такъ, чтобы собачка принесла щенятъ въ опредѣленное время. Врачъ устроилъ — и собачка отъ этого погибла, разрѣшившись мертвыми щенками. Но кредитъ астролога отъ этого нисколько не пострадалъ: онъ увѣрилъ даму, что виноватъ во всемъ врачъ.

— А все-таки, ваша милость, — сказалъ Санчо, — не худо бы вамъ спросить у этой обезьяны, правда ли все то, что вы сегодня видѣли въ пещерѣ Монтезиноса; а то мнѣ, — не въ обиду будь вамъ сказано, — все кажется, что вы видѣли это во снѣ.

— Я убѣжденъ, что видѣлъ все это наяву, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Но, пожалуй, я спрошу обезьяну.

Въ это время къ рыцарю подошелъ Педро объявить, что театръ готовъ.

— Пожалуйте посмотрѣть, ваша милость,—добавилъ онъ.—Надѣюсь, вамъ понравится.

Но Донъ-Кихотъ выразилъ желаніе сначала узнать отъ обезьяны, видѣлъ ли онъ сонъ или дѣйствительность въ пещерѣ Монтезиноса.

Педро молча заставилъ обезьяну прыгнуть къ нему на лѣвое плечо и сказалъ ей:

— Слушай, обезьянушка, сеноръ рыцарь спрашиваетъ, сонъ или дѣйствительность онъ видѣлъ въ пещерѣ, называемой Монтезиносскою.

Обезьяна постучала своему хозяину въ ухо зубами, послѣ чего тотъ громко сказалъ:

— Обезьяна говоритъ, что все видѣнное вашей милостью въ пещерѣ вполовину правдоподобно, а вполовину невѣроятно. Вотъ все, что она въ настоящее время можетъ отвѣтить на вашъ вопросъ. А если вамъ угодно получить болѣе ясный и подробный отвѣтъ, то она можетъ дать его только въ слѣдующую пятницу; до того же дня ея даръ ясновидѣнія ослабленъ.

— Ну, такъ и есть! — вскричалъ Санчо. — Такъ я и думалъ, что, по крайней мѣрѣ, половина того, что вы намъ насказали, — вранье! А еще вѣрнѣе, что вамъ и все-то просто пригрезилось. Статочное ли дѣло, чтобы люди жили по пятисотъ лѣтъ подъ землею и превращались въ рѣки да въ какія-то лагуны!

— Будущее покажетъ всю истину, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Гдѣ бы и что бы ни было скрыто, хотя бы и въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ земли, — все это когда-нибудь да должно выйти на свѣтъ Божій... Но пойдемъ смотрѣть театръ дяди Педро. Быть-можетъ мы и въ самомъ дѣлѣ увидимъ что-нибудь интересное.

— Что-нибудь интересное! — обиженно повторилъ Педро. — Помилуйте, ваша честь, да мой театръ заключаетъ въ себѣ столько интереснаго, что ваша милость едва ли когда-нибудь видали что-либо подобное.

— Хорошо, хорошо! — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ, — посмотримъ. *Operibus credite non verbis* (вѣрьте дѣламъ, а не словамъ), говорили древніе... Ну, веди насъ къ своему театру.

Педро повелъ всю присутствующую компанію въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ разставленъ и блестяще освѣщенъ множествомъ восковыхъ свѣчей театръ маріонетокъ. Самъ Педро скрылся за занавѣсъ, чтобы оттуда управлять куклами; впереди же онъ поставилъ мальчика, служившаго ему помощникомъ, который долженъ былъ давать необходимыя объясненія зрителямъ, показывая палочкой на то, что объяснялъ.

ГЛАВА XXVI,

въ которой дается новый образецъ неподражаемаго мужества славнаго Донъ-Кихота.

Когда зрители усѣлись и замерли въ безмолвномъ напряженномъ ожиданіи, вдругъ раздались звуки кимваловъ, трубъ и рожковъ. Послѣ краткой увертюры, исполненной сравнительно недурно, мальчикъ, стоявшій съ палочкой въ рукахъ на сценѣ, пискливо провозгласилъ:

— Правдивая исторія, которая сейчасъ будетъ разыгрываться предъ вами, уважаемые сеноры, заимствована слово въ слово изъ старинныхъ французскихъ лѣтописей и испанскихъ романсовъ, переходящихъ изъ устъ въ уста и распѣваемыхъ даже малыми ребятами. Это — исторія освобожденія дономъ Гаиферосомъ супруги его Мелизандры, находившейся въ Испаніи, въ плѣну у мавровъ, въ городѣ Сансуэнѣ, именуемомъ нынѣ Сарагоссой. Смотрите, вотъ донъ Гаиферосъ играетъ въ триктракъ, какъ это и поется въ пѣснѣ: «Въ триктракъ играетъ донъ Гаиферосъ, о Мелизандрѣ уже забывая». Теперь выходитъ на сцену, съ короной на головѣ и скипетромъ въ рукахъ, императоръ Карлъ Великій, мнимый отецъ Мелизандры. Разгнѣванный на своего увлекающагося игрою и вообще бездѣльничающаго зятя, онъ пришелъ съ намѣреніемъ сдѣлать ему строгій выговоръ. Слышите, какъ запальчиво и рѣзко кричитъ императоръ? Того и гляди, ударитъ зятя по лицу скипетромъ. Нѣкоторые историки даже увѣряютъ, что онъ такъ и сдѣлалъ. Указавши дону Гаиферосу, какимъ позоромъ тотъ покроетъ себя, если не попытается освободить своей супруги. Императоръ говоритъ въ заключеніе: «Я вамъ сказалъ все; теперь берегитесь!» — Видите, сеноры, какъ императоръ повертывается къ дону Гаиферосу спиною и какъ послѣдній, тоже разгнѣванный, опрокидываетъ столъ съ триктракомъ, торопливо требуетъ свое оружіе и проситъ своего двоюроднаго брата Роланда снабдить его на время славнымъ мечомъ рыцаря Дюрандара. Роландъ не хочетъ дать Гаиферосу этого меча, но соглашается отправиться вмѣстѣ съ нимъ освобождать его супругу, несмотря на страшную трудность этого подвига. Но донъ Гаиферосъ отказывается отъ этого предложенія Роланда и говоритъ ему, что онъ самъ, безъ помощи другихъ, освободитъ Мелизандру, хотя бы она была скрыта въ самой преисподней. Послѣ этого донъ Гаиферосъ вооружается и готовится немедленно отправиться въ путь. Вотъ, на правой сторонѣ появляется башня. Полагаютъ, что это одна изъ башенъ сарагосскаго альказара, называемаго нынѣ «Альхафе-

ріей». Выходящая на вышку башни дама, одѣтая по-мавритански,—сама несравненная Мелизандра. Она часто выходитъ на верхъ башни, чтобы взглянуть въ сторону Франціи, при чемъ мысли ея постоянно обращаются къ Парижу и къ ея супругу; этимъ она только и утѣшается въ плѣну. Сейчасъ начнется приключеніе, о какомъ вы, сеноры, вѣроятно, раньше и понятія не имѣли. Видите, какъ сзади волчьими шагами подкрадывается къ прекрасной Мелизандрѣ отвратительнаго вида мавръ? Онъ приложилъ палецъ къ губамъ, выражая этимъ свою осторожность. Смотрите, какъ онъ обхватываетъ красавицу, повертываетъ ея очаровательное личико къ себѣ и цѣлуетъ ее прямо въ губы, и съ какимъ негодованіемъ она вырывается у него, отплевывается, утираетъ губы рукавомъ бѣлоснѣжной сорочки, рветъ на себѣ волосы и вообще выражаетъ полное отчаяніе. Теперь взгляните на эту важную особу въ тюрбанѣ, прогуливающуюся по роскошнымъ дворцовымъ галлереямъ. Это самъ король Марсиліо, болѣе извѣстный подъ именемъ Абдъ-аль-Малекъ-бенъ-Омара. Онъ видѣлъ дерзкую продѣлку мавра, поцѣловавшаго Мелизандру, и хотя этотъ мавръ его родственникъ, тѣмъ не менѣе онъ приказываетъ схватить его, дать ему двѣсти палокъ и провести его по всѣмъ улицамъ города, въ сопровожденіи глашатая и алгвазиловъ. Смотрите, вотъ уже идутъ исполнять королевскій приговоръ; у мавровъ никогда не бываетъ судебныхъ разбирательствъ со свидѣтелями, очными ставками и тому подобными подробностями, какъ дѣлается у насъ...

— Мальчикъ!—крикнулъ Донъ-Кихотъ,— продолжай свои объясненія безъ излишнихъ подробностей, не идущихъ прямо къ дѣлу. Мы и такъ поймемъ, что нужно.

— Смотри, мальчикъ, — раздался голосъ Педро изъ-за занавѣса, — не забывайся! Слушай, что говоритъ тебѣ сеноръ рыцарь. Это будетъ лучше. Умнѣй его никто не скажетъ и не посовѣтуетъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ мальчикъ и сталъ продолжать свою исторію. — Эта фигура, выѣхавшая верхомъ на конѣ и закутанная въ широкій и длинный гасконскій плащъ,—самъ Гаиферосъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ его супруга. Избавленная отъ дерзкаго мавра, она опять вышла на верхъ башни. Увидѣвъ пріѣзжаго рыцаря, но не узнавая его, она кричитъ ему съ башни:

«— Рыцарь, если ты держишь путь во Францію, то спроси тамъ о Гаиферосѣ и передай ему поклонъ отъ несчастной Мелизандры!»

Но Гаиферосъ поднимаетъ забрало, и Мелизандра радостно всплескиваетъ руками, узнавъ своего дорогого мужа. Вотъ она спускается съ башни къ дону Гаиферосу. Но, о, несчастная! Она зацѣпилась юбкой за перила и повисла въ воздухѣ. Однако милосердое Небо не допускаетъ

ее погибнуть. Донъ Гаиферосъ подъѣзжаетъ ближе къ башнѣ, освобождаетъ жену и сажаетъ ее къ себѣ на лошадь... Вотъ конь съ прекрасной парочкой уже мчится во весь духъ назадъ, по дорогѣ во Францію... Дай вамъ Богъ, вѣрные и мужественные супруги, возвратиться здравыми и невредимыми на родину и жить тамъ долгіе годы въ мирѣ, любви и довольствѣ!..

— Не залетай за облака, малый!—крикнулъ Педро.—Держись лучше земли. Не наше съ тобою дѣло пускаться въ такія нѣжности.

Мальчикъ, пробормотавъ что-то, продолжалъ:

— Но отъ людей рѣдко что укроется. Кто-то подглядѣлъ похищеніе Мелизандры мужемъ и тотчасъ же донесъ объ этомъ королю Марсиліо, который приказалъ поднять тревогу. Видите, какая вдругъ суматоха поднялась въ городѣ, какая толкотня и суетня, какъ всѣ бѣгутъ, сломя голову, чуть не давя другъ друга, услыхавъ тревожный звонъ колоколовъ со всѣхъ башенъ и минаретовъ...

— Ну, мальчикъ, — перебилъ Донъ-Кихотъ, — это ты ужъ началъ нести чушь: у мавровъ не употребляется колоколовъ; вмѣсто колокольнаго звона у нихъ бьютъ въ кимвалы и дуютъ въ рожки. Заставлять звонить въ Сансуэнѣ, значитъ искажать дѣйствительность.

Педро пересталъ звонить и отвѣтилъ за своего помощника:

— Сеноръ рыцарь, будьте снисходительны и не обращайте вниманія на такіе пустяки, которые не имѣютъ особеннаго значенія въ нашемъ дѣлѣ. Развѣ и на большихъ театрахъ, съ настоящими, живыми актерами, не представляются комедіи, переполненныя глупостями и небылицами, но тѣмъ не менѣе приводящія публику въ такой восторгъ, что вся зала дрожитъ отъ рукоплесканій?.. Продолжай, мальчикъ! Лишь бы карманъ не былъ въ накладѣ, а тамъ пусть въ моихъ комедіяхъ будетъ больше чуши, чѣмъ атомовъ въ солнцѣ!

— Глядите, сеноры, — снова запищалъ мальчикъ, — какая многочисленная и блестящая кавалерія выступаетъ въ погоню за бѣглецами! Слышите, сколько заиграло трубъ, забило барабановъ, зазвучало кимваловъ и рожковъ! Страшно становится за прекрасныхъ, добродѣтельныхъ супруговъ! Того и гляди ихъ поймаютъ, привяжутъ къ хвосту коня и приведутъ съ позоромъ назадъ. Это было бы ужасное зрѣлище!

Увидавъ толпы мавровъ и услыхавъ звуки инструментовъ и стукъ оружія, Донъ-Кихотъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться, чтобы помочь бѣглецамъ. Вытянувшись во весь ростъ, онъ крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Я никогда не допущу, чтобы въ моемъ присутствіи сыграли подобную глупую штуку съ такимъ славнымъ рыцаремъ и самоотверженнымъ мужемъ, какъ донъ Гаиферосъ!.. Прочь, подлые, ничтожные лю-

Увидавъ толпы мавровъ и услыхавъ звуки инструментовъ и стукъ оружія, Донъ-Кихотъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться, чтобы помочь бѣглецамъ.

дишки! Не смѣйте преслѣдовать благородныхъ бѣглецовъ, иначе вы будете имѣть дѣло со мной?

Однимъ могучимъ прыжкомъ онъ очутился на сценѣ и, обнаживъ шпагу, принялся косить направо и налѣво мавританскую кукольную армію, опрокидывая однихъ, пронзая другихъ и отрубая кому ногу, кому

руку, кому голову. Въ пылу битвы онъ чуть было не раскроилъ черепа даже самому хозяину театра, если бы тотъ не успѣлъ во время убрать свою голову.

— Остановитесь, ради Бога, сеноръ рыцарь! — испуганно закричалъ Педро.—Опомнитесь, ваша милость, умоляю васъ! Вѣдь вы уничтожаете не настоящихъ мавровъ, враговъ нашей церкви и родины, а куколъ, которыя составляютъ все мое имущество и безъ которыхъ я долженъ сдѣлаться нищимъ?

Но расходившійся Донъ-Кихотъ не угомонился до тѣхъ поръ, пока не уничтожилъ всего мавританскаго войска, тяжело ранилъ короля Марсиліо, разрубилъ надвое императора Карла Великаго въ коронѣ на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ и не разрушилъ всей Сансуэны. Публика, конечно, пришла въ ужасъ, а обезьяна поспѣшила удрать изъ окна на крышу, откуда ея хозяину потомъ съ большимъ трудомъ удалось сманить ее. Даже самъ Санчо струхнулъ не на шутку, потому что ему еще ни разу не случалось видѣть своего господина въ такомъ азартѣ, какъ онъ увѣрялъ всѣхъ по миновании грозы.

Поразивъ наголову мавровъ и не оставивъ камня на камнѣ въ ихъ городѣ, Донъ-Кихотъ немного успокоился и, отирая потъ со своего высокаго лба, проговорилъ:

— Я желалъ бы, чтобы въ настоящую минуту находились передо мною всѣ не вѣрующіе въ странствующихъ рыцарей и не признающіе благодѣяній, оказываемыхъ ими міру. Спросилъ бы я ихъ, что сталось бы съ Мелизандрой и дономъ Гаиферосомъ, если бы не я? Безъ всякаго сомнѣнія, они погибли бы: эти собаки-мавры поймали бы примѣрныхъ супруговъ и расправились бы съ ними по-своему. Да здравствуетъ же странствующее рыцарство и да благоденствуетъ оно на радость угнетеннаго человѣчества!

— Оно-то будетъ здравствовать, — раздался жалобный голосъ Педро, — а мнѣ придется умирать, потому что у меня теперь ничего не осталось, и мнѣ остается только воскликнуть вмѣстѣ съ королемъ Родриго: «Вчера я былъ владыкой всей Испаніи, а сегодня не имѣю даже ни одной бойницы!» и проститься съ жизнью. Не больше получаса тому назадъ я былъ владыкою королей и императоровъ, имѣлъ конюшни, полныя прекраснѣйшихъ лошадей, и сундуки, набитые всякимъ добромъ, а теперь я сталъ убогимъ нищимъ. Даже моя обезьяна пропала: не мало придется мнѣ помучиться прежде, чѣмъ я опять поймаю ее!.. Все мое благополучіе разсѣялось какъ дымъ, благодаря бѣшенству этого сумасшедшаго рыцаря, котораго почему-то называютъ защитникомъ слабыхъ, бичомъ зла, поддержкою неимущихъ и чѣмъ-то еще въ томъ же родѣ

Можетъ-быть онъ и заслуживалъ отъ кого-нибудь такія похвалы, но только не отъ меня. Я о немъ могу сказать лишь то, что рыцарь Печальнаго Образа лишилъ меня всего, что я имѣлъ!

— Не горюй, дядя Педро,—принялся утѣшать его разжалобившійся Санчо, — не надрывай ты мнѣ сердца своими грустными словами! Мой господинъ такой добрый человѣкъ и усердный христіанинъ, что, навѣрное, вдвое вознаградитъ тебя за все, что онъ испортилъ у тебя.

— Я тоже добрый христіанинъ, а теперь вдобавокъ сдѣлался нищимъ,— отвѣтилъ Педро,—поэтому твой господинъ, Донъ-Кихотъ, обязанъ уплатить мнѣ хоть половину моихъ убытковъ. Если же онъ ничего не заплатитъ, то совѣсть будетъ вѣчно терзать его, потому что для того, кто наноситъ другимъ ущербъ и не желаетъ ничѣмъ вознаградить за него, нѣтъ спасенія.

— Это правда,—сказалъ Донъ-Кихотъ. — Но только я не могу понять, какой же я нанесъ тебѣ ущербъ?

— Какъ какой ущербъ?!.—вскричалъ Педро.—А кто же изрубилъ всѣ мои маріонетки и разнесъ въ пухъ и прахъ весь мой хорошенькій театръ, какъ не ваша милость своею непобѣдимою рукой? Чѣмъ я теперь буду питаться, когда вы отняли у меня все мое достояніе?

— Да,—произнесъ Донъ-Кихотъ,—теперь я окончательно убѣжденъ, что нисколько не ошибался, когда думалъ, что преслѣдующіе меня волшебники показываютъ мнѣ сначала вещи въ настоящемъ видѣ, а потомъ превращаютъ ихъ въ совершенно другія... Увѣряю всѣхъ присутствующихъ, что все, сейчасъ происходившее передъ нашими глазами, было дѣйствительно такъ, какъ оно казалось: Мелизандра, донъ Гаиферосъ, король Марсиліо и императоръ Карлъ Великій были для меня лицами живыми, почему я и пришелъ въ такое страшное негодованіе и, исполняя долгъ странствующаго рыцаря, поспѣшилъ подать помощь бѣглецамъ, т.-е. лицамъ, нуждающимся въ ней. Подъ вліяніемъ этого добраго намѣренія я и сдѣлалъ то, что вы видѣли. И если дѣло вышло совершенно иначе, слѣдуетъ винить не меня, а моихъ враговъ-волшебниковъ. Но тѣмъ не менѣе я готовъ вознаградить вашего дядю Педро за понесенные имъ убытки. Пусть онъ сосчитаетъ, сколько я, по его мнѣнію, обязанъ ему заплатить, и онъ получитъ отъ меня всю сумму ходячею кастильскою монетой.

— Другого я и не ожидалъ отъ вашей милости, — сказалъ Педро уже льстивымъ голосомъ, отвѣсивъ рыцарю низкій поклонъ. — Развѣ можетъ поступить иначе доблестный Донъ-Кихотъ Ламанчскій, истинный защитникъ и покровитель всѣхъ обездоленныхъ и страждущихъ? Его безпримѣрному христіанскому милосердію, какъ и храбрости, нѣтъ пре-

дѣла! Если кто-нибудь осмѣлится утверждать противное, тому я собственноручно сверну шею!.. Пусть хозяинъ этого дома и великій оруженосецъ Санчо будутъ оцѣнщиками и посредниками между благороднымъ рыцаремъ и мною. Прошу ихъ рѣшить, что стоятъ мои изувѣченныя куклы.

Хозяинъ трактира и Санчо охотно взялись быть оцѣнщиками. Педро поднялъ съ пола обезглавленнаго короля Марсиліо и, показывая его имъ, проговорилъ:

— Я думаю, вы видите съ перваго взгляда, что возвратить этому королю его первоначальный видъ невозможно. Такъ какъ это одна изъ главныхъ фигуръ, то взять за нее менѣе четырехъ съ половиною реаловъ я не могу.

— Хорошо,— сказалъ Донъ-Кихотъ, не дожидаясь приговора оцѣнщиковъ.— Дальше!

— За разрубленнаго пополамъ, съ верха до низа, императора Карла Великаго,— продолжалъ Педро, подымая обѣ половины фигурки, изображавшей императора,— не дорого будетъ, я полагаю, пять съ четвертью реаловъ.

— Ну, и нельзя сказать, чтобы это было дешево!— замѣтилъ Санчо.

— Не дорого и не дешево,— сказалъ трактирщикъ.— Положимъ, однако, для ровнаго счета пять реаловъ.

— Дать ему пять съ четвертью,— рѣшилъ Донъ-Кихотъ.— Цѣнить главнымъ образомъ нужно причиненный мною нечаянно Педро общій вредъ, и нечего торговаться изъ-за четверти реала. Но я попросилъ бы только скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, такъ какъ я проголодался и хотѣлъ бы поужинать.

— За прекрасную Мелизандру, оставшуюся безъ носа и безъ глазъ, прошу два реала двѣнадцать мараведисовъ,— продолжалъ Педро.

— Погоди!— воскликнулъ Донъ-Кихотъ.— Какъ могъ случиться такой грѣхъ съ Мелизандрой, когда она съ мужемъ уже должна быть на границѣ Франціи? Я самъ видѣлъ, съ какою страшною быстротой помчалъ ихъ конь... Что же ты теперь показываешь намъ кошку вмѣсто зайца? Эта дама съ отрубленнымъ носомъ и выколотыми глазами вовсе не Мелизандра. Нехорошо прибѣгать къ обману, Педро, когда имѣешь дѣло съ благородными людьми: этимъ только на себя самого навлечешь справедливое порицаніе... Продолжай!

Видя, что у рыцаря опять начинается умопомраченіе, Педро не сталъ спорить и поспѣшилъ оговориться:

— Да, я въ самомъ дѣлѣ ошибся: это не Мелизандра, а одна изъ ея служанокъ, случайно попавшая въ битву... Я и забылъ, что пре-

красной Мелизандрѣ удалось благополучно бѣжать съ мужемъ. Ну, за эту фигуру попрошу не больше шестидесяти мараведисовъ.

Оцѣнка поврежденныхъ фигуръ кончилась тѣмъ, что Педро получилъ за все сорокъ реаловъ, при чемъ попросилъ прибавить ему два реала за поимку сбѣжавшей со страха обезьяны. Санчо не соглашался на эту прибавку, но Донъ-Кихотъ сказалъ своимъ властнымъ голосомъ:

— Дать и эти два реала, если не за поимку обезьяны, которая, вѣроятно, далеко не ушла, то просто въ видѣ награды за хлопоты вообще. Я бы охотно далъ и больше тому, кто сказалъ бы мнѣ навѣрное, что прекрасная Мелизандра и донъ Гаиферосъ благополучно прибыли во Францію и живутъ тамъ въ любви и согласіи среди родныхъ и друзей.

— Никто не можетъ этого знать лучше моей обезьяны,— замѣтилъ Педро.— Пойдемте пока ужинать, потомъ я поищу ее. Авось, и въ самомъ дѣлѣ, она не далеко ушла.

Донъ-Кихотъ, особенно расщедрившійся въ этотъ день, пригласилъ всю компанію ужинать на свой счетъ, за что, конечно, былъ осыпанъ единодушными похвалами.

Ужинъ прошелъ очень весело. Вскорѣ послѣ ужина всѣ улеглись спать. Возчикъ оружія скрылся изъ трактира еще до зари, вслѣдъ за нимъ убрался и студентъ, который наканунѣ еще простился съ Донъ-Кихотомъ и получилъ отъ него на дорогу шесть реаловъ. Педро, имѣвшій свои причины не желать новой встрѣчи съ Донъ-Кихотомъ, котораго зналъ какъ нельзя лучше, также чуть свѣтъ собралъ обломки своего театра и отправился далѣе. Обезьяна ночью сама явилась къ нему на сѣновалъ, гдѣ онъ ночевалъ.

Наконецъ, въ восемь часовъ утра, уѣхали и Донъ-Кихотъ съ Санчо безпрекословно заплативъ по длинному счету хозяина, не знавшаго, чему болѣе удивляться: безумію ли Донъ-Кихота, или его щедрости.

Оставимъ на время нашихъ героевъ и разскажемъ кое-что другое, имѣющее отношеніе къ этой главѣ.

ГЛАВА XXVII,

въ которой повѣствуется о томъ, кто былъ дядя Педро, и описывается непріятное приключеніе, случившееся съ Санчо.

Читатель, навѣрное, помнитъ еще Хинеса Пассамонта, освобожденнаго Донъ-Кихотомъ изъ цѣпей вмѣстѣ съ другими каторжниками въ Сіеррѣ-Моренѣ и укравшаго у Санчо его осла, котораго, какъ извѣстно, оруженосецъ вскорѣ получилъ обратно. Дядя Педро и былъ этотъ самый Хинесъ. Убѣгая отъ карающей руки правосудія, каторжникъ рѣшился

проскользнуть въ Аррагонію. Тамъ онъ измѣнилъ свое имя и изуродовалъ до неузнаваемости лицо, залѣпивъ лѣвую половину его зеленымъ пластыремъ. Послѣ этого онъ пріобрѣлъ себѣ театръ маріонетокъ, купилъ у христіанъ, бывшихъ въ плѣну въ Берберіи, обезьяну, которую и пріучилъ по его знаку вскакивать къ нему на плечо и показывать видъ, будто она шепчетъ ему на ухо. Съ этою обезьяной и театромъ онъ и сталъ разъѣзжать по Аррагоніи и давать представленія въ деревняхъ. Прежде, чѣмъ вступить въ слѣдующую по пути деревню, онъ въ сосѣдней собиралъ о ней свѣдѣнія: какъ кто тамъ живетъ, какія въ какомъ домѣ происходили выдающіяся событія и тому подобное. Запомнивъ все это, онъ пріѣзжалъ въ слѣдующую деревню, показывалъ сначала тамъ свой театръ, разыгрывалъ на немъ разныя избитыя, но интересныя для деревенскихъ жителей комедійки, потомъ, по окончаніи представленій, продѣлывалъ различные фокусы съ обезьяной, которая, по его словамъ, отгадывала прошедшее и настоящее, а иногда, впрочемъ, очень рѣдко, и будущее. За ея отвѣты онъ, обыкновенно, бралъ два реала, а часто и дешевле, смотря по обстоятельствамъ. А такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ лицами, тайны которыхъ ему были извѣстны, то, при мнимой помощи своей обезьяны, постоянно разсказывалъ такія вещи, которыхъ онъ, какъ человѣкъ заѣзжій, не могъ знать. Благодаря подобнымъ уловкамъ, онъ со своею обезьяной такъ прославился, что народъ чуть не бѣгалъ за нимъ цѣлыми толпами. Конечно, онъ втихомолку подсмѣивался надъ легковѣрными дураками, деньгами которыхъ набивалъ свой карманъ.

Очень понятно, что при встрѣчѣ съ Донъ-Кихотомъ онъ тотчасъ же узналъ рыцаря и его оруженосца, и ему не трудно было показать видъ, будто обезьяна открыла ему, кто эти лица, и привести всѣхъ этимъ въ крайнее изумленіе. Боясь, чтобы Донъ-Кихотъ или Санчо не узнали его, онъ и поспѣшилъ удрать пораньше изъ трактира.

Теперь мы снова обратимся къ нашему герою и его оруженосцу. Покинувъ трактиръ, Донъ-Кихотъ задумалъ объѣхать берега Эбро прежде чѣмъ отправиться въ Сарагоссу, такъ какъ до турнировъ оставалось еще довольно времени.

Направляясь по намѣченному пути, онъ ѣхалъ двое сутокъ, не встрѣтивъ ничего, достойнаго быть отмѣченнымъ въ его исторіи. Но на третій день, въѣхавъ на одинъ довольно высокій холмъ, рыцарь услыхалъ бой барабановъ, звуки трубъ и бряцаніе оружія, и ему показалось, что это проходитъ цѣлое войско. Однако, приглядѣвшись внимательнѣе, онъ увидѣлъ толпу крестьянъ, человѣкъ въ двѣсти, вооруженныхъ всевозможнымъ оружіемъ: пиками, аллебардами, бердышами, арбалетами и про-

— Добрые люди!—началъ Донъ-Кихотъ,—я—странствующій рыцарь, и мой долгъ оказывать помощь всѣмъ нуждающимся въ ней.

сто палками. У нѣкоторыхъ было въ рукахъ нѣчто въ родѣ знаменъ. Спустившись съ холма въ долину, рыцарь могъ различить цвѣта и форму знаменъ и даже прочесть на нихъ девизы. Особенное его вниманіе привлекло бѣлое шелковое знамя, на которомъ въ миніатюрѣ былъ нарисованъ оселъ съ высоко поднятою головой, открытою пастью и вы-

сунутымъ языкомъ. Вокругъ фигуры осла большими буквами было написано: «Не даромъ такъ усердно ревѣли рехидоры».

По этому знамени Донъ-Кихотъ понялъ, что это собрались крестьяне изъ деревни «ревущихъ рехидоровъ».

— Ну, Санчо,—сказалъ онъ своему оруженосцу,—тутъ собираются совершить напрасное кровопролитіе, и я рѣшилъ воспрепятствовать этому.

— Охота вамъ, ваша милость, ввязываться въ чужія дѣла,—возразилъ Санчо.—Того и гляди, опять мы получимъ въ чужомъ пиру похмелье.

— Ужъ лучше бы ты молчалъ, если не можешь сказать ничего умнаго!—съ досадой произнесъ Донъ-Кихотъ.—Напрасно ты отговариваешь меня отъ однажды принятаго мною намѣренія: ты бы ужъ по опыту долженъ знать, что я никогда не отступаюсь отъ своихъ рѣшеній.

Проговоривъ эти слова, рыцарь въѣхалъ въ толпу, которая охотно разступилась передъ нимъ, думая, что это какой-нибудь воинъ, пожелавшій принять ея сторону.

Приподнявъ забрало, Донъ-Кихотъ смѣло и гордо подъѣхалъ къ бѣлому знамени, съ нарисованнымъ осломъ, гдѣ были собраны предводители отряда. Замѣтивъ, какое благопріятное впечатлѣніе произвело его появленіе, рыцарь возвысилъ голосъ и громко проговорилъ:

— Храбрые молодцы! Прошу не перебивать меня, пока не дослушаете до конца того, что я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ. Если же мое разсужденіе вызоветъ ваше неудовольствіе, то я по первому же вашему знаку наложу печать молчанія на свои уста и остановлю движеніе моего языка.

Крестьяне въ одинъ голосъ просили его говорить, что онъ находитъ нужнымъ, и обѣщали внимательно выслушать его.

— Добрые люди,—началъ Донъ-Кихотъ,—я—странствующій рыцарь, слѣдовательно, человѣкъ оружія, и мой долгъ оказывать помощь всѣмъ нуждающимся въ ней. Нѣсколько дней тому назадъ я нечаянно узналъ о случившейся съ вами непріятности и о вашемъ намѣреніи взяться за оружіе, чтобы отомстить за себя. Я серьезно обсудилъ ваше положеніе и пришелъ къ заключенію, что вы напрасно кипятитесь и считаете себя оскорбленными. Никто не можетъ оскорбить цѣлой общины, если только онъ не обвинитъ ее всю въ измѣнѣ, не зная, кто именно измѣнникъ. Въ видѣ примѣра я укажу вамъ на Діего Ордонеса де-Лару, вызвавшаго на бой цѣлый городъ Замару, такъ какъ онъ не зналъ, что изъ всѣхъ жителей этого города былъ виновенъ въ измѣнѣ одинъ Веллидо Дольфосъ, предательски убившій своего короля. Благодаря своему незнанію, Діего хотѣлъ заставить всѣхъ гражданъ города Замары отвѣчать за преступленіе, совершонное въ стѣнахъ, и на всѣхъ

ихъ обрушилъ свою мстительную руку... Онъ, впрочемъ, при этомъ немного увлекся, потому что, по словамъ его историковъ, вздумалъ вызвать на бой не только живыхъ и мертвыхъ, женщинъ и младенцевъ— даже еще не рожденныхъ, — но даже и рѣку съ рыбами, и деревья съ плодами, и Богъ вѣсть кого еще... Положимъ, языкъ безъ костей, и когда разумъ перестанетъ управлять имъ, его ничѣмъ не сдержишь. Но, какъ бы тамъ ни было, никто не оскорбился этимъ вызовомъ, потому что его сдѣлалъ *одинъ* человѣкъ; а вы, вотъ, обижаетесь на оскорбленіе, котораго, въ сущности, вамъ даже не было и нанесено. Подумайте, что бы вышло, если бы жители Вальйдолиды бросались на всякаго, кто назоветъ ихъ «казалеросами», въ видѣ намека на погибшаго у нихъ на эшафотѣ Августина де-Казалы, или всѣ бы хватались за ножи, какъ только кто дастъ имъ какое-нибудь прозвище? Въ благоустроенномъ обществѣ граждане должны браться за оружіе лишь въ четырехъ случаяхъ: во-первыхъ, для защиты своей религіи; во-вторыхъ, для защиты собственной жизни, что вполнѣ естественно; въ-третьихъ, для защиты чести ближняго и своего имущества; въ-четвертыхъ, для защиты своего короля въ законной войнѣ, и, наконецъ, если хотите, въ-пятыхъ,—хотя бы это лучше слѣдовало поставить на второе мѣсто, — для защиты отечества. Къ этимъ пяти главнымъ можно присоединить еще нѣсколько второстепенныхъ причинъ, способныхъ побудить насъ взяться за оружіе. Но обнажать мечъ изъ-за какой-нибудь пустой шалости или шутки, которыя могутъ скорѣе разсмѣшить, чѣмъ оскорбить, это, право, друзья мои, въ высшей степени безразсудно! Притомъ же мстить несправедливо, — а *справедливой* мести быть не можетъ, — значитъ попирать законы исповѣдуемой нами святой религіи, повелѣвающей намъ любить даже враговъ нашихъ и благословлять ненавидящихъ насъ. Съ перваго взгляда эта заповѣдь кажется трудно исполнимою, но это только для тѣхъ, которые болѣе склоняются къ міру, чѣмъ къ Богу, то-есть для тѣхъ, у которыхъ плоть торжествуетъ надъ духомъ. Богочеловѣкъ, нашъ Господь Іисусъ Христосъ, Который никогда не лгалъ, да и не могъ солгать, повѣдалъ намъ, что «иго Его — благо, и бремя легко». А могъ ли Онъ заповѣдать намъ исполнять невозможное? Итакъ, добрые люди, законы Божескіе и человѣческіе обязываютъ васъ успокоиться и положить оружіе.

— Чортъ меня возьми! — пробормоталъ Санчо. — Если мой господинъ не настоящій *тологъ*... или какъ тамъ зовутъ этихъ ученыхъ богослововъ?.. По крайней мѣрѣ онъ похожъ на него, какъ одно яйцо на другое!

Донъ-Кихотъ остановился, чтобы перевести духъ, и видя, что всѣ смотрятъ на него съ очевиднымъ желаніемъ слушать его дальше, онъ

хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но, къ несчастью, его оруженосцу тоже пришла охота блеснуть своимъ умомъ.

Не давъ рыцарю раскрыть рта, онъ быстро затараторилъ:

— Господинъ мой, Донъ-Кихотъ Ламанчскій, прежде называвшійся рыцаремъ Печальнаго Образа, а теперь именующійся рыцаремъ Львовъ,— гидальго преумный и преученый. Онъ знаетъ по-испански и по-латыни, какъ настоящій балакавръ. Кромѣ того, онъ прекрасно изучилъ всѣ законы и знаетъ военное дѣло, какъ свои пять пальцевъ, поэтому, добрые люди, вы смѣло можете послушаться его совѣтовъ; ручаюсь вамъ головой, что въ убыткѣ не будете. И въ самомъ дѣлѣ, не глупо ли затѣвать битвы изъ-за того, что кому-то у васъ вздумалось позабавиться ослинымъ ревомъ? Да я самъ, будучи въ малыхъ лѣтахъ, всячески ревѣлъ по сту разъ въ день, и никто на это не обращалъ вниманія. И ревѣлъ-то я не какъ-нибудь, а такъ, что вся скотина разомъ откликалась на мой ревъ. Несмотря на это, я все-таки остался сыномъ честныхъ родителей, и никто меня за мою шалость не упрекалъ. Моему умѣнію такъ хорошо ревѣть между прочимъ и по-ослиному, даже завидовали четыре самыхъ важныхъ человѣка въ нашемъ селѣ; это я знаю навѣрное. Чтобы вы не думали, что я вру, я сейчасъ пореву вамъ немножко. Думаю, что еще на разучился.

Санчо сжалъ себѣ носъ и издалъ такой ужасный ревъ, что всѣ невольно вздрогнули, а громоподобные звуки рева разнеслись по сосѣднимъ холмамъ и долинамъ.

На бѣду, одинъ изъ крестьянъ вообразилъ, что Санчо заревѣлъ въ насмѣшку надъ ними, и съ такою силой хватилъ злополучнаго ревуна своею громадною дубиной по спинѣ, что тотъ какъ снопъ повалился на землю. Донъ-Кихотъ, въ защиту своего оруженосца, сейчасъ же бросился было съ копьемъ въ рукѣ на дерзкаго крестьянина, но на помощь послѣднему поспѣшила вся толпа, такъ что храброму рыцарю не было никакой возможности отомстить за своего оруженосца. Чувствуя, что его самого осыпаютъ градомъ каменьевъ, и видя множество направленныхъ на него арбалетовъ и аркебузовъ, Донъ-Кихотъ повернулъ своего Россинанта и во всю прыть помчался отъ пришедшей въ ярость толпы. Ожидая, что вотъ-вотъ его пронзитъ насквозь пуля, онъ то и дѣло усиленно втягивалъ въ себя воздухъ, чтобы убѣдиться, что онъ еще дышитъ. Однако толпа удовольствовалась его бѣгствомъ и не стала ни преслѣдовать его ни пускать ему вдогонку пуль.

Удалившись на значительное разстояніе, Донъ-Кихотъ остановился и оглянулся. Замѣтивъ, что Санчо тоже спѣшитъ къ нему, яростно подгоняя своего Длинноуха, онъ рѣшился обождать его.

Вооруженные же крестьяне долго еще оставались на мѣстѣ, очевидно, недоумѣвая, что имъ теперь предпринять: итти на оскорбившую ихъ деревню или послушаться совѣта Донъ-Кихота и возвратиться домой. Вѣроятно послѣднее одержало верхъ: постоявъ еще нѣсколько времени, толпа потолковала между собою и мирно разошлась по домамъ.

ГЛАВА XXVIII.

Объ интересной бесѣдѣ Санчо съ Донъ-Кихотомъ.

Храбрецъ бѣжитъ отъ враговъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они недостойны того, чтобы онъ съ ними сразился, и когда онъ сознаетъ, что сила и жизнь его нужны для болѣе великаго дѣла. Донъ-Кихотъ доказалъ это, когда спѣшилъ скрыться отъ разъяренной толпы, забывъ даже о своемъ оруженосцѣ, который оставался во власти непріятелей. Къ счастью, однако, и Санчо удалось выбраться благополучно изъ толпы. Почти лежа на своемъ Длинноухѣ, онъ мчался за своимъ господиномъ. Догнавши его, онъ еле живой упалъ прямо къ ногамъ его коня. Рыцарь поспѣшно спустился на землю, чтобы осмотрѣть предполагаемыя раны Санчо, но, найдя его невредимымъ, съ неудовольствіемъ сказалъ ему:

— Что тебѣ вздумалось удивлять этихъ людей своимъ глупымъ ревомъ? Развѣ можно говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго? Благодари Бога, Санчо, что ты еще такъ дешево отдѣлался за свою дурацкую выходку.

— Я ничего не могу теперь возразить на это, ваша милость,— пропищалъ слабымъ голосомъ Санчо.— Мнѣ кажется, будто я говорю не языкомъ, а плечами и спиной, которыя у меня сильно болятъ. Могу только доложить вашей милости, что я теперь на вѣки-вѣчные закаялся ревѣть, но зато узналъ, что странствующіе рыцари имѣютъ обыкновеніе убѣгать и оставлять своихъ оруженосцевъ на произволъ враговъ.

— Отступать — не значитъ убѣгать, Санчо,— возразилъ Донъ-Кихотъ.— Храбрость, не основанная на благоразуміи, является только дерзкою отвагой, а подвиги отважнаго скорѣе можно приписать удачѣ, чѣмъ его мужеству. Я сознаюсь, что отступилъ, но не соглашаюсь съ твоимъ обвиненіемъ въ бѣгствѣ. Въ этомъ я слѣдовалъ примѣру многихъ храбрыхъ рыцарей, сберегавшихъ себя для болѣе важныхъ дѣлъ. Исторія полна подобными примѣрами. Но такъ какъ перечисленіе ихъ въ настоящую минуту не доставитъ тебѣ никакой выгоды, а мнѣ удовольствія, то я оставлю это до болѣе удобнаго времени.

При помощи Донъ-Кихота оруженосецъ снова усѣлся на своего осла, а Донъ-Кихотъ опять взгромоздился на Россинанта, и оба шагомъ стали пробираться въ лѣсъ, виднѣвшійся въ нѣкоторомъ разстояніи. Впереди задумчиво ѣхалъ рыцарь, а за нимъ, кряхтя и охая, тащился оруженосецъ.

Слыша раздирающіе души вздохи, испускаемые Санчо, рыцарь наконецъ обернулся и освѣдомился о причинѣ этихъ вздоховъ. Санчо отвѣтилъ, что вздыхаетъ отъ страшной боли, чувствуемой имъ въ спинѣ и плечахъ.

— Будь доволенъ тѣмъ, что не болятъ и остальныя части тѣла, по которымъ не прошлась дубина,— утѣшалъ Донъ-Кихотъ.

— Покорно благодарю вашу милость за это утѣшеніе,— проворчалъ Санчо.— Ужъ вы скажете! Только еще недоставало, чтобы болѣли тѣ мѣста, по которымъ меня не били! Не даромъ, видно, говорится, что чужая боль не чувствуется... Охъ, Господи, вотъ каторжная-то жизнь!.. За что меня сегодня вздули? Ей-Богу, не понимаю!.. Нѣтъ, ваша милость, я теперь съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе вижу, что мнѣ ничего путнаго не дождаться у васъ на службѣ! Сегодня палками избили, а завтра, того и жди, опять на одѣялѣ начнутъ подбрасывать, потомъ и безъ головы, того гляди, останешься. Я дуракъ и неучъ, и потому во всю жизнь не сдѣлаю ничего особенно умнаго, а все-таки думаю, что лучше мнѣ вернуться домой кормить жену да воспитывать дѣтей, какъ Богъ пошлетъ, чѣмъ таскаться за вашею милостью по пустынямъ, гдѣ подчасъ не найдешь и глотка воды, не говоря ужъ о хлѣбѣ насущномъ. Только въ одномъ и раздолье: отмѣривай себѣ на ночлегъ земли сколько хочешь и валяйся на ней во все свое удовольствіе! Въ этомъ запрета нѣтъ... Ахъ, какъ бы я радъ былъ услыхать, что выдумавшаго это проклятое странствующее рыцарство сожгли живьемъ и четвертовали того болвана, который захотѣлъ быть оруженосцемъ у перваго изъ тѣхъ дураковъ, какими, навѣрное, были въ старину всѣ странствующіе рыцари! О нынѣшнихъ я ничего не говорю, потому что ваша милость изволите принадлежать къ ихъ числу, а мнѣ хорошо извѣстно, что вы самого чорта перещеголяете, когда на то пойдетъ...

— Ну, пошла мельница въ ходъ!— перебилъ Донъ-Кихотъ.— Судя по тому, какъ бойко опять заработалъ твой языкъ, Санчо, ты пересталъ чувствовать боль, на которую жаловался. Я этому очень радъ и разрѣшаю тебѣ болтать все, что тебѣ взбредетъ въ голову, хотя мнѣ и непріятно слушать твои глупости. Я готовъ на какое угодно самопожертвованіе, лишь бы ты не страдалъ. Что касается твоего желанія возвратиться домой, то я тебя не удерживаю — сдѣлай милость, поѣзжай, мой другъ. Мои деньги у тебя; сосчитай, сколько времени ты въ дорогѣ,

сколько тебѣ, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ получить за каждый день, и разсчитай самъ себя. Повѣрь, что спорить съ тобой изъ-за лишняго мараведиса я не буду.

— Когда я служилъ у Ѳомы Караско, отца Самсона Караско, котораго ваша милость знаете, то получалъ два экю въ мѣсяцъ, кромѣ харчей,— сказалъ Санчо.— Я не знаю, сколько могу получить у вашей милости, зато отлично знаю, что служить оруженосцемъ странствующаго рыцаря гораздо тяжелѣе, чѣмъ быть работникомъ въ полѣ. Хоть и трудненько бываетъ цѣлый день гнуть спину въ полѣ, мокнуть подъ дождемъ или печься на солнцѣ, зато вечеромъ всласть поѣшь, а ночью поспишь на постели. Ни того ни другого у вашей милости я не видалъ, если не считать нѣсколькихъ прекрасныхъ дней, проведенныхъ нами у дона Діего де-Миранда да угощенія Камахо Богатаго,— дай Богъ ему здоровья!.. Впрочемъ, и у Базиліо Бѣднаго мнѣ жилось не худо. А все остальное время спалъ я па голой землѣ, подверженный, какъ вы говорите, всѣмъ немилостямъ Неба, питался черствымъ хлѣбомъ да заваляшими обгрызочками сыра, пилъ одну воду изъ ручейковъ, а то и прямо изъ болотныхъ лужъ, попадавшихся намъ по дорогѣ.

— Ну, положимъ, все это правда, такъ сколько же я долженъ дать тебѣ за всѣ эти неслыханныя лишенія лишняго противъ Ѳомы Караско?— спросилъ рыцарь.

— Если ваша милость прибавите мнѣ къ двумъ экю, которыя я получалъ у Караско, два реала въ мѣсяцъ, то я буду вполнѣ доволенъ,— отвѣтилъ Санчо.— Это, впрочемъ, только за мои труды, а за то, что вы мнѣ обѣщали островъ, но не дали его, не мѣшало бы вамъ прибавить еще шесть реаловъ въ день.

— Хорошо,— проговорилъ Донъ-Кихотъ.— Сегодня, если я не ошибаюсь, двадцать пятый день нашего путешествія. Сосчитай, сколько тебѣ слѣдуетъ и получи все изъ моихъ денегъ.

— Пресвятая Дѣва!— воскликнулъ Санчо.— Вы, должно-быть, не поняли меня. Вѣдь за островъ мнѣ слѣдуетъ получить съ вашей милости съ того самаго дня, какъ вы обѣщали мнѣ его...

— Да? Ну, сколько же прошло времени съ тѣхъ поръ?— хладнокровно освѣдомился Донъ-Кихотъ.

— Да годковъ двадцать прошло, ваша милость. Можетъ, я ошибаюсь денька на три, да это не важно; я за тремя днями не гонюсь: пусть они идутъ въ вашу пользу; гдѣ наше не пропадало!

Тутъ ужъ и Донъ-Кихотъ не могъ больше выдержать: обернувшись къ своему жадному оруженосцу, онъ презрительно посмотрѣлъ на него и, качая головою, укоризненно сказалъ:

— Фу, какой ты лгунъ, Санчо! — Всего моего странствованія съ тобою, считая и время, проведенное мною въ Сіеррѣ-Моренѣ, было два мѣсяца, а ты говоришь — двадцать лѣтъ! Ты хочешь, какъ я вижу, оставить себѣ всѣ мои деньги, находящіяся въ твоемъ карманѣ. Что жъ, бери ихъ, и дай Богъ, чтобы онѣ принесли тебѣ пользу! Я охотно останусь безъ единаго обола, лишь бы избавиться отъ такого жаднаго оруженосца, какъ ты. Но только скажи мнѣ, безсовѣстный нарушитель всѣхъ законовъ, предписанныхъ оруженосцамъ странствующимъ рыцарствомъ, — скажи, гдѣ ты видѣлъ, чтобы оруженосецъ торговался съ рыцаремъ и говорилъ, что ему слѣдуетъ столько-то за службу и столько-то за неисполненное Фортуною обѣщаніе? Войди, углубись въ великое море рыцарскихъ исторій! Если ты откроешь тамъ, что какой-нибудь оруженосецъ думалъ и поступалъ такъ, какъ ты, то я позволю тебѣ пригвоздить то мѣсто, въ которомъ это будетъ сказано, къ моему лбу и сверхъ того дать мнѣ четыре полновѣсныхъ оплеухи! Теперь же поворачивай своего осла и убирайся домой! Со мною ты болѣе не сдѣлаешь ни одного шага... О, хлѣбъ, дурно заслуженный! О, награды, обѣщанныя недостойному! О, человѣкъ, болѣе похожій на скота, чѣмъ на существо разумное! Въ ту самую минуту, когда я намѣренъ былъ поднять тебя на такую ступень, что всѣ стали бы называть тебя сеноромъ, ты рѣшился оставить меня! Ты уходишь, а я только что было рѣшилъ сдѣлать тебя правителемъ лучшаго острова въ мірѣ! Но медъ, дѣйствительно, созданъ не для ословъ, какъ ты самъ не разъ говорилъ. А ты былъ осломъ, осломъ и останешься, осломъ и умрешь! И умрешь-то ты раньше, чѣмъ успѣешь самъ убѣдиться, что ты скотина. Убирайся съ глазъ моихъ!

Санчо не сводилъ глазъ съ Донъ-Кихота, пока тотъ обращалъ къ нему эти горькіе упреки, и наконецъ почувствовалъ такое раскаяніе, что громко заплакалъ и жалобно произнесъ:

— Добрый мой господинъ, ваша правда: мнѣ недостаетъ только хвоста, чтобы быть вполнѣ осломъ! Если ваша милость привяжите мнѣ этотъ хвостъ, я скажу, что такъ и слѣдуетъ, и стану служить вамъ во всѣ дни моей жизни вмѣсто осла. Теперь же простите мнѣ, сжальтесь надъ моей юностью! Ничего я, ваша милость, не знаю и не понимаю, а если такъ много болтаю, то не со злымъ умысломъ, а просто такъ, сдуру. Но «кто грѣшитъ и кается, тотъ къ Богу обращается». Простите окаяннаго!

— Я былъ бы очень удивленъ, Санчо, если бы ты на этотъ разъ обошелся безъ поговорки, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Ну, Богъ съ тобою, я прощаю тебя; но только съ условіемъ, чтобы ты исправился и не

выказывалъ столько алчности. Вооружись мужествомъ и терпѣніемъ и будь увѣренъ, что рано или поздно, а все-таки получишь такую награду, какой ты и во снѣ не видалъ.

Санчо торжественно обѣщалъ выполнить это условіе, и миръ между нимъ и Донъ-Кихотомъ былъ возстановленъ.

Въ это время они въѣхали въ лѣсъ, гдѣ спѣшились и расположились подъ деревьями отдохнуть. Санчо спалъ плохо противъ обыкновенія, благодаря дубинѣ, прогулявшейся по его спинѣ и плечамъ, а Донъ-Кихотъ нѣсколько времени глубоко вздыхалъ, предавшись любовнымъ мечтамъ. Однако въ концѣ-концовъ оба заснули и проспали до самаго утра, когда пустились въ дальнѣйшій путь, спѣша къ берегамъ славнаго Эбро. На мѣстѣ назначенія съ ними приключилось то, что будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXIX,

о знаменитомъ приключеніи съ очарованною лодкой.

Наши путешественники достигли побережья Эбро черезъ два дня. Видъ этой рѣки доставилъ Донъ-Кихоту большое наслажденіе. Долго, въ нѣмомъ восхищеніи, онъ любовался красотой ея береговъ, чистотой и прозрачностью ея водъ и серебристою рябью волнъ.

Медленно подвигаясь вдоль берега, онъ вдругъ замѣтилъ небольшую лодку безъ веселъ и снастей, привязанную у берега къ стволу дерева. Вокругъ не было ни одной живой души, не виднѣлось даже какого-нибудь жилища, гдѣ могъ бы обитать владѣлецъ лодки. Убѣдившись въ этомъ, Донъ-Кихотъ соскочилъ съ Россинанта, приказалъ сойти съ осла и Санчо, и привязать животныхъ къ стоявшему тутъ старому тополю. На вопросъ Санчо, зачѣмъ это нужно, рыцарь разразился слѣдующею тирадой:

— Развѣ ты не видишь, что эта лодка приглашаетъ меня войти въ нее и поспѣшить въ ней на помощь какому-нибудь рыцарю или другому значительному лицу, находящемуся въ крайней опасности. Въ рыцарскихъ книгахъ часто описываются подобные случаи. Какъ только рыцарь подвергнется какой-либо опасности, отъ которой можетъ его освободить только рука другого рыцаря, хотя бы и находящагося отъ него на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль, волшебники берутъ рыцаря-избавителя и уносятъ его на облакѣ, или посылаютъ ему лодку, чтобы онъ въ нее сѣлъ и летѣлъ на помощь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, Санчо, что вотъ и эта лодка поставлена здѣсь именно съ такою цѣлью, такъ какъ

волшебники знали, что я подъѣду сюда и пойму, что значитъ присутствіе лодки въ такомъ пустынномъ мѣстѣ.

— Ну, если это такъ,— проговорилъ оруженосецъ, мало убѣжденный доводами рыцаря,— и вы непремѣнно хотите дѣлать новую глу... т.-е. дѣлать то, чего, по-моему, не слѣдовало бы, то мнѣ остается только покорно склонить голову и молчать по пословицѣ «Слушайся своего хозяина и садись рядомъ съ нимъ за столъ». Но для очистки своей совѣсти я все-таки долженъ сказать, что, мнѣ кажется, эта барка послана сюда вовсе не колдунами, а просто оставлена здѣсь какимъ-нибудь рыбакомъ. Я слышалъ, что тутъ занимаются ловлею угрей, которые очень вкусны въ этой рѣкѣ. А если въ самомъ дѣлѣ замѣшаны здѣсь волшебники, то жаль оставлять имъ на поживу моего Длинноуха и вашего Россинанта...

— Не безпокойся объ участи нашихъ четвероногихъ друзей,— перебилъ Донъ-Кихотъ.— Тотъ, кто отправляетъ насъ въ невѣдомые регіоны, сумѣетъ поддержать ихъ существованіе и возвратить ихъ намъ цѣлыми и невредимыми.

— Регіоны! Какія вы, ваша милость, все мудреныя слова говорите! Сроду я такихъ не слыхивалъ,— замѣтилъ Санчо, поглаживая и обнимая шею своего осла, съ которымъ заставляли его разставаться.

— Мало ли ты какихъ словъ не слыхалъ,— сказалъ Донъ-Кихотъ.— Регіонъ значитъ страна, область... Хорошо еще, что ты хоть откровенно въ этомъ сознаешься, а то не мало есть людей, которые не знаютъ ничего, а притворяются, будто знаютъ. Такихъ хвастуновъ я терпѣть не могу... Ну, кончилъ ты свое трогательное прощаніе съ осломъ?

— Кончилъ, ваша милость. Что теперь прикажете дѣлать?

— Осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и сняться съ якоря... то бишь — сѣсть въ лодку и перерѣзать канатъ, которымъ она привязана.

Съ этими словами рыцарь вскочилъ въ лодку, подождалъ, пока взобрался въ нее Санчо, и потомъ перерубилъ своимъ мечомъ канатъ. Лодка тихо стала отдаляться отъ берега. Увидавъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водой, Санчо задрожалъ, считая себя погибшимъ. Когда же онъ услыхалъ отчаянный ревъ осла и, обернувшись назадъ, чтобы взглянуть на своего Длинноуха, увидѣлъ, какъ рвется съ привязи Россинантъ, то заплакалъ и жалобно проговорилъ:

— Длинноухъ стонетъ, огорчаясь разлукой съ нами, а Россинантъ хочетъ освободиться отъ привязи, чтобы броситься вплавь за нами... О, дорогіе друзья, успокойтесь! Я буду молить Бога, чтобы Онъ сохранилъ васъ и снова скорѣе соединилъ съ нами...

Болѣе онъ не могъ говорить: слезы душили его.

Донъ Кихотъ нѣсколько времени терпѣливо слушалъ, какъ горько плачетъ его оруженосецъ, но потомъ не выдержалъ и сердито спросилъ:

— Чего ты боишься, трусливое созданіе? О чемъ ты плачешь, пирожное сердце? Кто тебя преслѣдуетъ, кто тебя гонитъ, мышинаго храбреца? Чего недостаетъ тебѣ, разыгрывающему нуждающагося посреди изобилія? Развѣ тебя заставили итти босымъ по скалистымъ горамъ? Развѣ ты не сидишь спокойно на ровной доскѣ, какъ какой-нибудь владѣтельный князь, и не несешься по тихому теченію очаровательной рѣки, изъ которой мы скоро вступимъ въ величественное безбрежное море?.. Впрочемъ, мы, кажется, ужъ и вошли въ него, такъ какъ сдѣлали не менѣе восьмисотъ миль, по моему расчету... Жаль, что у меня нѣтъ съ собой астролябіи, а то я могъ бы доказать, какое громадное пространство мы уже переплыли. Если я не ошибаюсь, мы уже прошли или сейчасъ пройдемъ экваторъ, т.-е. равноденственную линію, перерѣзывающую пополамъ земной шаръ и находящуюся на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ.

— А далеко мы тогда будемъ отъ мѣста, гдѣ сѣли въ лодку? — освѣдомился Санчо, отирая слезы.

— Очень далеко, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Разъ мы дойдемъ до равноденственной линіи, то можемъ сказать, что прошли ровно половину тѣхъ трехсотъ шестидесяти градусовъ, на которые Птоломей, — этотъ величайшій изъ извѣстныхъ космографовъ, — раздѣлилъ земной шаръ. Кстати скажу тебѣ, Санчо, что испанцы и вообще всѣ, направляющіеся изъ Кадикса въ Восточную Индію, считаютъ однимъ изъ главныхъ признаковъ, указывающихъ на переходъ черезъ равноденственную линію, тотъ фактъ, что во время этого перехода сразу пропадаютъ всѣ извѣстныя сѣрыя насѣкомыя, живущія на людяхъ, и ни одного изъ нихъ нельзя тогда найти на всемъ суднѣ, даже на вѣсъ золота. Проведи рукой по головѣ, Санчо, и если твои пальцы не встрѣтятъ ни одного изъ этихъ насѣкомыхъ, то это будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ, что мы уже перешли экваторъ.

— А по-моему, ваша милость, мы проплыли не болѣе ста шаговъ, потому что я еще отлично вижу нашихъ животныхъ на берегу и даже продолжаю слышать ревъ бѣднаго Длинноуха. Значитъ мы плывемъ не скорѣе, чѣмъ ползутъ муравьи.

— Эхъ, Санчо, ты вѣчно все споришь и городишь чушь! Ужъ если я тебѣ что говорю, то значитъ вѣрно. Ты дѣлай, что я тебѣ прикажу, и оставь, пожалуйста, свои разсужденія, которыя ни къ чему не ведутъ.

Вѣдь ты не имѣешь никакого понятія о томъ, что такое меридіаны, параллели, зодіаки, эклиптики, полюсы, солнцестояніе, равноденствіе, планеты, знаки, градусы и прочія измѣренія, которыми испещрены карты небесной и земной сферъ. Если бы ты зналъ все это или хоть часть этого, то ясно видѣлъ бы, сколько градусовъ мы сейчасъ пересѣкли, сколько знаковъ зодіака пробѣжали, сколько созвѣздій оставили позади себя... Да ты пощупай себя, обыщи; я увѣренъ,— ты найдешь себя теперь чище листа писчей бумаги.

Санчо провелъ пятернею по своимъ густымъ всклоченнымъ волосамъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ваша милость, если ваши слова вѣрны, то мы далеко еще не дошли до той линіи, о которой вы говорите.

— А что?—спросилъ Донъ-Кихотъ.—Развѣ ты нашелъ хоть одно насѣкомое?

— Не одно, а сколько угодно,—отвѣтилъ Санчо и опустилъ руку въ воду, по которой спокойно скользила лодка, не руководимая никакимъ чародѣемъ и никакою сверхъестественною силой, а просто, повинуясь теченію рѣки.

Въ это время наши пловцы замѣтили мельницу, стоявшую посреди рѣки. Донъ-Кихотъ сейчасъ же вскричалъ:

— Смотри, другъ Санчо, вотъ показывается городъ, замокъ или крѣпость, въ которой томится плѣнный рыцарь или какая-нибудь похищенная королева, инфанта или принцесса, на помощь которымъ я и долженъ поспѣшить!

— Какіе же это города, замки и крѣпости?!—воскликнулъ оруженосецъ.—Развѣ вы не видите, что это обыкновенная водяная мельница, на которой размалывается хлѣбъ!

— Молчи, Санчо, это лишь съ виду мельница, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не то... Развѣ не говорилъ я тебѣ уже сотни разъ, да и самъ ты не имѣлъ случая убѣдиться въ томъ, что волшебники постоянно искажаютъ внѣшность предметовъ и заставляютъ ихъ выходить изъ естественнаго состоянія. Конечно, сущности они не измѣняютъ и не могутъ измѣнить, они искажаютъ только одну наружность, какъ это, между прочимъ, было съ несравненною Дульцинеей, единственною яркою звѣздой моего печальнаго существованія!

Лодка вдругъ понеслась гораздо быстрѣе, чѣмъ плыла до тѣхъ поръ. Замѣтивъ ея приближеніе и видя, что ей угрожаетъ опасность попасть подъ мельничныя колеса, мельники, сплошь покрытые мукою, такъ что походили на привидѣнія, выбѣжали съ баграми и закричали изо всѣхъ силъ:

— Куда васъ чортъ несетъ?! Въ своемъ ли вы умѣ? Вѣдь вы утонете тутъ или попадете подъ колеса!

— Вотъ видишь, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — По однимъ этимъ чудовищамъ и привидѣніямъ и ихъ возгласамъ ты можешь понять, что я, дѣйствительно, прибылъ туда, гдѣ долженъ показать, до какой степени способно доходить мое мужество... Напрасно только эти помощники дьявола стараются напугать меня своимъ отвратительнымъ видомъ... Я вамъ сейчасъ покажу, какъ мало боюсь васъ, подлыя исчадія ада! — продолжалъ онъ, вставая и вытягиваясь во весь свой внушительный ростъ. — Негодная сволочь, освободите немедленно то лицо, которое вы держите въ плѣну въ вашей крѣпости! Я не знаю еще, какого происхожденія и даже пола это лицо, но это все равно: довольно того, что оно находится въ вашей власти, чтобы имѣть право на мое участіе и на мою защиту. Знайте, что я донъ-Кихотъ Ламанчскій, называемый рыцаремъ Львовъ! Я присланъ сюда Провидѣніемъ, чтобы спасти угнетаемое вами лицо, и вы жестоко поплатитесь мнѣ, если сейчасъ же не исполните моего требованія!

При послѣднихъ словахъ онъ обнажилъ мечъ и принялся съ угрожающимъ видомъ размахивать имъ по воздуху, между тѣмъ какъ мельники, которые по отдаленности не поняли его рѣчи, протянули багры, чтобы остановить лодку, подплывавшую къ шлюзу.

Санчо опустился на колѣни и началъ горячо молиться, чтобы Господь избавилъ его отъ страшной опасности погибнуть подъ колесами мельницы. Очевидно, Богъ услышалъ его, потому что мельники въ ту же минуту уперли въ лодку свои багры и остановили ее. Однако толчокъ былъ настолько силенъ, что лодка опрокинулась и находившіеся въ ней попадали въ воду. Хотя Донъ-Кихотъ отлично умѣлъ плавать, но тяжелое вооруженіе тянуло его на дно, и не будь мельниковъ, которые вытащили обоихъ нашихъ героевъ — одного за голову, другого за ноги, — тутъ былъ бы и конецъ ихъ приключеніямъ. Когда ихъ выволокли на сушу, промокшихъ какъ губки, Санчо опять бросился на колѣни и громко сталъ благодарить Бога за спасеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Его удержать Донъ-Кихота отъ дальнѣйшихъ безразсудствъ.

Въ это время прибыли рыбаки, владѣльцы лодки, разбившейся между тѣмъ о колеса мельницы. Увидавъ ее обращенною въ щепки, они бросились къ Санчо и къ Донъ-Кихоту съ требованіемъ вознагражденія за разбитую лодку. Рыцарь совершенно хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣтилъ, что охотно заплатитъ все, что нужно, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы немедленно была выпущена на свободу особа, находящаяся въ плѣну въ замкѣ. А если тамъ, вмѣсто одной особы

томится нѣсколько лицъ, то пусть отпустятъ всѣхъ, не утаивая ни одной, во избѣжаніе кровопролитія.

— О какомъ это замкѣ и о какихъ особахъ, которыхъ мы должны выпустить, ты толкуешь, долговязый болванъ? — съ сердцемъ спросилъ одинъ изъ мельниковъ. — Ужъ не хочешь ли ты увести людей, работающихъ на этой мельницѣ?

«Довольно! — сказалъ про себя Донъ-Кихотъ. — Стараться принудить эту сволочь къ доброму дѣлу просьбами, значитъ проповѣдывать въ пустынѣ. Кромѣ того, въ этомъ приключеніи, очевидно, столкнулись два могущественныхъ волшебника, изъ которыхъ одинъ противодѣйствуетъ другому. Одинъ послалъ мнѣ лодку, а другой заставилъ меня нырнуть въ воду. Я вижу, что весь міръ наполненъ этими враждебными ухищреніями зла противъ добра, и безъ Божіей помощи мнѣ одному не одолѣть зла. Придется пока оставить это дѣло».

— Друзья, заключенные въ этой мрачной темницѣ, — воззвалъ онъ громкимъ голосомъ, глядя на мельницу, — кто бы вы ни были, простите меня! Мое и ваши злополучія не допускаютъ, чтобы я избавилъ васъ отъ вашего плѣна. Быть-можетъ этотъ подвигъ мнѣ суждено совершить позже, или же онъ предназначенъ на долю другого рыцаря.

Затѣмъ Донъ-Кихотъ заплатилъ рыбакамъ требуемые ими пятьдесятъ реаловъ. Выдавая деньги, Санчо съ кислымъ лицомъ ворчалъ:

— Еще два подобныхъ приключенія — и всѣ наши денежки уплывутъ къ чорту!

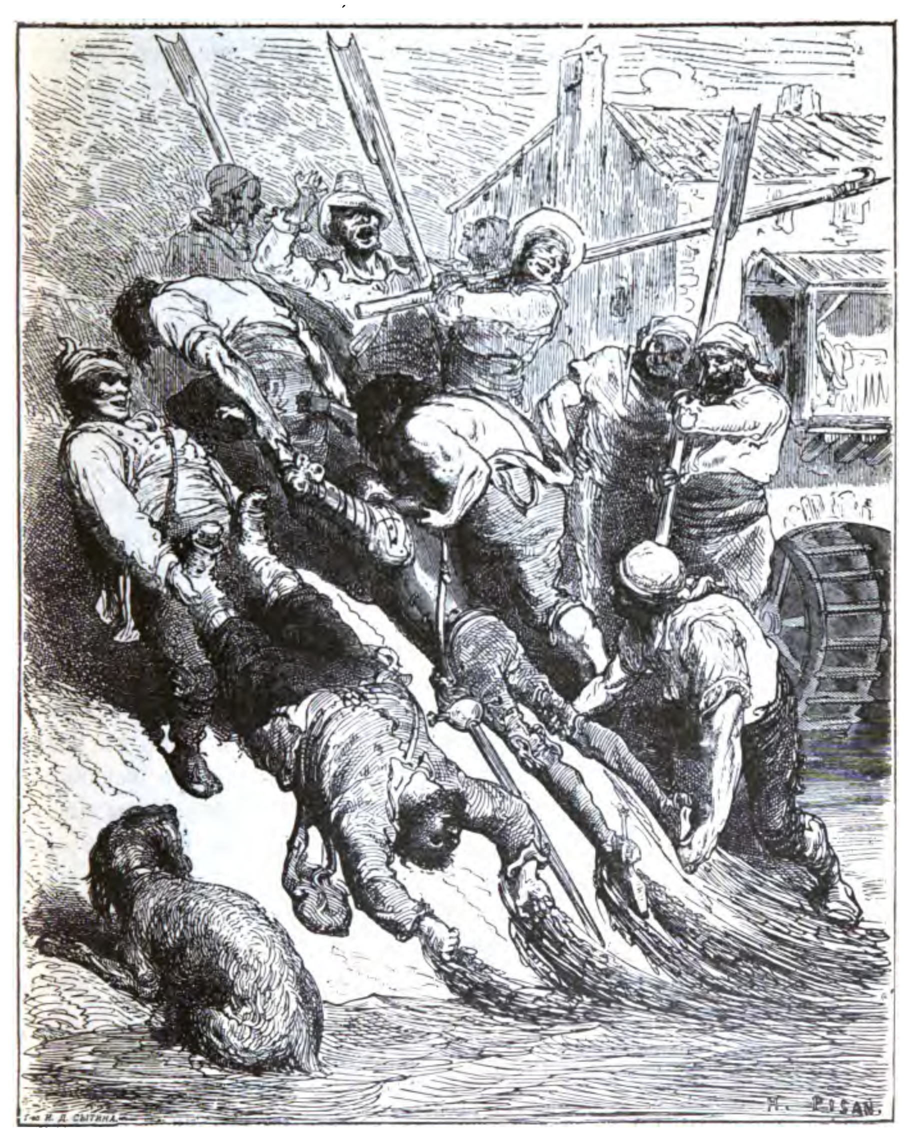
Мельники и рыбаки съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ двухъ странныхъ людей, Богъ вѣсть зачѣмъ затесавшихся къ нимъ. Наконецъ они рѣшили, что это два сумасшедшихъ, и съ миромъ отпустили ихъ на всѣ четыре стороны.

Донъ-Кихотъ и Санчо пошли по берегу отыскивать Россинанта и Длинноуха, которыхъ и нашли на прежнемъ мѣстѣ. Этимъ и окончилось знаменитое приключеніе съ заколдованною лодкой.

ГЛАВА XXX,

о томъ, что случилось съ Донъ-Кихотомъ и Санчо на одной охотѣ.

Рыцарь и его оруженосецъ возвратились къ своимъ животнымъ усталые, разочарованные и вообще въ самомъ дурномъ настроеніи. Въ особенности злился Санчо за то, что Донъ-Кихотъ заставлялъ его такъ часто выдавать деньги совершенно попусту. Если бы эти деньги были потрачены на ѣду и питье, тогда Санчо, разумѣется, не сталъ бы злиться.

Мельники вытащили обоихъ нашихъ героевъ—одного за голову, другого за ноги.

Не сказавъ другъ другу ни слова, онъ и господинъ его сѣли на своихъ животныхъ и поспѣшно удалились отъ рѣки, въ которой чуть было не погибли. Донъ-Кихотъ весь былъ углубленъ въ свои любовныя грезы, а Санчо размышлялъ объ обѣщанныхъ ему рыцаремъ благахъ, которыя ему теперь казались все болѣе и болѣе недостижимыми. Чув-

ствуя себя въ эту минуту не въ состояніи жить одною обманчивою надеждой, онъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ все-таки бросить Донъ-Кихота, не вступая предварительно съ нимъ ни въ какіе расчеты и даже не давъ ему ничего замѣтить о своемъ намѣреніи. Но судьба устроила такъ, какъ онъ и не воображалъ.

На другой день вечеромъ, при заходѣ солнца, въ концѣ лѣса, по которому проѣзжали наши путешественники, Донъ-Кихотъ вдругъ увидѣлъ на обширной зеленой полянѣ группу охотниковъ. Подъѣхавъ ближе, онъ замѣтилъ посреди этой группы прекрасную изящнаго вида даму верхомъ на снѣжнобѣломъ иноходцѣ; красивое сѣдло и сбруя лошади были украшены серебромъ. Роскошная амазонка дамы была зеленаго цвѣта. На лѣвой рукѣ у нея сидѣлъ соколъ. Не трудно было догадаться, что это очень знатная дама и что охота устроена именно для нея. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

— Санчо, — обратился рыцарь къ своему оруженосцу, — лети къ этой дамѣ и скажи ей, что я, рыцарь Львовъ, лобызаю ея руки, и, если она позволитъ, я готовъ служить ей всѣми моими силами и чѣмъ будетъ угодно ея свѣтлости. Смотри только, Санчо, не вздумай, по своему обыкновенію, переиначить мои слова или уснащать своими глупыми поговорками...

— Напрасно ваша милость безпокоитесь давать мнѣ эти наставленія, — перебилъ Санчо: — развѣ мнѣ въ первый разъ говорить съ высокородною дамой? Слава Богу, имѣлъ время научиться какъ съ ними возжаться; въ грязь передъ ними лицомъ не ударю, будьте покойны!

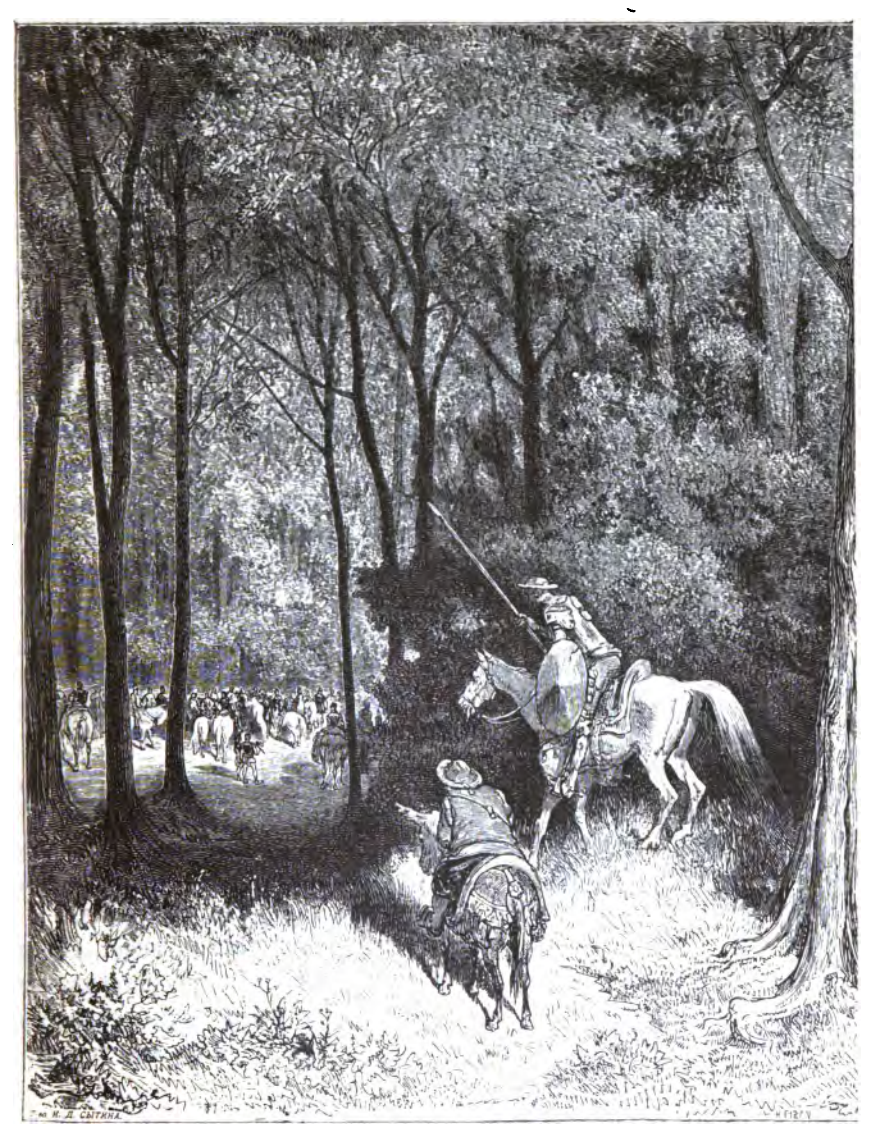
— Насколько мнѣ извѣстно, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ, — ты ни у кого изъ важныхъ дамъ не бывалъ, кромѣ Дульцинеи Тобозской; по крайней мѣрѣ я тебя ни къ кому болѣе не посылалъ.

— Это правда, ваша милость; но у хорошаго плательщика залоги всегда готовы, а въ хорошемъ хозяйствѣ не долго постлать скатерть. Я хочу этимъ сказать, что ученаго учить — только портить. Я всего знаю понемногу и годенъ на все.

— Вѣрю, вѣрю, Санчо! Дѣлай же, что тебѣ велятъ.

Санчо пріударилъ своего осла и галопомъ подскакалъ къ прекрасной охотницѣ. Спрыгнувъ на землю, онъ опустился на колѣни и сказалъ, поднявъ глаза на даму:

— Прекрасная и благородная дама! Этотъ рыцарь, который остался позади и называется рыцаремъ Львовъ — мой господинъ, а я его оруженосецъ, зовутъ меня Санчо Панцою. Этотъ рыцарь Львовъ, котораго еще недавно называли рыцаремъ Печальнаго Образа, послалъ меня къ вашему величію спросить, не соблаговолите ли и не разрѣшите ли вы ему для вашего удовольствія явиться и привести въ дѣйствіе его жела-

Донъ-Кихотъ вдругъ увидѣлъ на обширной зеленой полянѣ группу охотниковъ.

ціе, которое въ томъ только и состоитъ, какъ онъ самъ говоритъ и какъ я думаю, чтобы послужить вашему высокому соколинству и вашей красотѣ. Давъ ему это позволеніе, ваша благородная милость совершите дѣло, которое обратится вамъ на пользу, а господину моему доставитъ большую честь и большую радость.

— Добрый оруженосецъ,—отвѣтила съ улыбкою дама,—ты выполнилъ возложенное на тебя порученіе со всѣми формальностями, предписываемыми въ подобныхъ случаяхъ. Встань, мой другъ; не подобаетъ оруженосцу великаго рыцаря Печальнаго Образа, славой о которомъ полонъ міръ, стоять на колѣняхъ. Возвратись къ своему господину и передай ему отъ меня, что мы, т.-е. мой супругъ, герцогъ, и я, будемъ очень рады видѣть его у себя и просимъ пожаловать въ нашъ увеселительный замокъ, который находится тутъ поблизости.

Санчо поднялся на ноги, совершенно ошеломленный красотою, роскошнымъ одѣяніемъ и обходительностью дамы, а еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что она слышала объ его господинѣ, какъ о рыцарѣ Печальнаго Образа, но не называла его рыцаремъ Львовъ, доказывая этимъ, что слухъ объ его подвигѣ со львами еще не успѣлъ дойти до нея.

— Скажи, пожалуйста, — продолжала герцогиня, — не о твоемъ ли господинѣ напечатана книга, въ послѣднее время надѣлавшая столько шума? Не онъ ли называется храбрымъ гидальго Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ и дама его сердца — не извѣстная ли Дульцинея Тобозская?

— Да, онъ самый и есть, ваша герцогская милость, — отвѣчалъ Санчо. — А тотъ оруженосецъ, который, какъ говорятъ, тоже выставленъ въ книгѣ,—это я, Санчо Панца, къ вашимъ услугамъ, если только не обмѣнили меня въ люлькѣ, то есть въ печатнѣ.

— Все это мнѣ очень пріятно слышать, — проговорила герцогиня, имя которой, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ. — Такъ поѣзжай же обратно къ своему господину, голубчикъ Санчо, и скажи ему, что онъ будетъ желаннымъ гостемъ въ моихъ владѣніяхъ и что ничто не въ состояніи доставить мнѣ столько удовольствія, какъ его посѣщеніе.

Сіяя отъ радости во все свое круглое, лунообразное лицо, Санчо съ этимъ пріятнымъ отвѣтомъ герцогини возвратился къ нетерпѣливо ожидавшему его Донъ-Кихоту и передалъ ему слова дамы, которую расхвалилъ до небесъ, употребляя для этого самыя цвѣтистыя выраженія своего топорнаго языка.

Донъ-Кихотъ усѣлся въ красивую и непринужденную позу, поправилъ свое вооруженіе и направился самъ къ герцогинѣ, которая между тѣмъ подозвала своего супруга, находившагося въ сторонѣ съ другою группой охотниковъ, и разсказала ему о принятомъ ею посольствѣ. Герцогъ тоже читалъ первую часть этой исторіи Донъ-Кихота, поэтому тоже былъ хорошо знакомъ съ его странностями. Возможность лично узнать знаменитаго рыцаря доставила имъ большое удовольствіе, и они рѣшили исполнять всѣ его прихоти, соглашаться съ нимъ во всемъ,

что онъ будетъ говорить, и вообще показывать ему видъ, что принимаютъ его за то, за что онъ выдавалъ себя, то-есть за славнаго странствующаго рыцаря. Это было для нихъ не трудно, такъ какъ они прочли множество рыцарскихъ книгъ и въ совершенствѣ знали всѣ нравы, обычаи и законы странствующаго рыцарства.

Наконецъ Донъ-Кихотъ подъѣхалъ съ поднятымъ забраломъ. Санчо, ѣхавшій за нимъ по пятамъ, поспѣшилъ сойти на землю, чтобы поддержать ему стремя. Но, поспѣшивъ, неловкій оруженосецъ такъ запутался въ сбруѣ осла, что не могъ никакъ выпутаться и повисъ въ самомъ неудобномъ положеніи: грудь и голова его касались земли, а ноги болтались въ воздухѣ. Донъ-Кихотъ, привыкшій, чтобы Санчо поддерживалъ ему стремя, и вообразившій, что тотъ уже дѣлаетъ это, бросился внизъ всею тяжестью своего покрытаго желѣзомъ тѣла и увлекъ за собой сѣдло, которое было плохо подтянуто. Кончилось тѣмъ, что рыцарь вмѣстѣ съ сѣдломъ свалился на землю. Это его страшно смутило и заставило сквозь зубы обругать своего оруженосца, который продолжалъ отчаянно барахтаться между осломъ и землею.

Едва сдерживаясь отъ смѣха, герцогъ послалъ слугъ поднять рыцаря съ земли и высвободить оруженосца изъ обхватившей его поперекъ тѣла петли. Донъ-Кихотъ, прихрамывая ушибленными ногами, хотѣлъ стать на колѣни передъ герцогскою четой, но та не допустила его до этого. Герцогъ самъ сошелъ съ лошади и, обнявъ рыцаря, проговорилъ самымъ вѣжливымъ тономъ:

— Крайне сожалѣю, храбрый рыцарь Печальнаго Образа, что первое наше знакомство началось такъ непріятно для васъ; но небрежность оруженосцевъ часто бываетъ причиною еще худшихъ происшествій.

— То, что доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ, доблестный герцогъ, — отвѣтилъ съ поклономъ Донъ-Кихотъ, — ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть непріятно для меня, если бы даже я упалъ въ глубину земныхъ безднъ, ибо восторгъ, вызванный въ моей душѣ лицезрѣніемъ васъ, способенъ былъ бы окрылить меня и вывести изъ самой бездны. Мой оруженосецъ, — да падетъ вѣчный стыдъ на его голову! — дѣйствительно, лучше умѣетъ развязывать свой языкъ, чѣмъ связывать и подтягивать сѣдло, чтобы оно держалось на мѣстѣ. Но въ какомъ бы положеніи я ни былъ — распростертый, стоя, сидя, пѣшкомъ или верхомъ на конѣ, — я всегда буду готовъ служить вамъ и достойной супругѣ вашей, какъ царицѣ красоты и владычицѣ всѣхъ грацій.

— Не увлекайтесь, не увлекайтесь, сеноръ Донъ-Кихотъ! — сказалъ герцогъ. — Гдѣ господствуетъ донна Дульцинея Тобозская, тамъ затемнены прелести другихъ красавицъ.

— Положимъ, — вмѣшался Санчо, — госпожа Дульцинея Тобозская, въ самомъ дѣлѣ, очень прекрасная дама, и я даже готовъ сказать это подъ присягой, но гдѣ всего меньше ожидаютъ, тамъ и выскакиваетъ заяцъ. Я слышалъ, что вещь, называемая природою, похожа на горшечника: если онъ слѣпилъ красивый горшокъ, то можетъ сдѣлать ихъ и два, три и даже цѣлыя сотни. Я говорю это къ тому, что госпожѣ герцогинѣ не въ чемъ завидовать госпожѣ Дульцинеѣ Тобозской, и что, стало-быть...

— Замолчи, болванъ! — перебилъ рыцарь. — Я долженъ сказать вашему величію, — продолжалъ онъ, обращаясь къ герцогинѣ, — что никогда ни у одного странствующаго рыцаря въ мірѣ не было болѣе болтливаго и дурачливаго оруженосца, чѣмъ мой. Онъ на дѣлѣ докажетъ вамъ справедливость моихъ словъ, если ваша свѣтлость соблаговолите удержать меня въ вашемъ распоряженіи нѣсколько дней.

— Я вижу, что онъ большой шутникъ, — сказала герцогиня, — и это располагаетъ меня въ его пользу. Человѣкъ, умѣющій шутить, не можетъ быть глупымъ.

— А если онъ многословенъ, — подхватилъ герцогъ, — то тѣмъ лучше: умныя рѣчи никогда не надоѣдятъ... Однако двинемся-ка въ замокъ, и пусть великій рыцарь Печальнаго Образа...

— Позвольте, ваша милость, — перебилъ Санчо, — моего господина слѣдуетъ называть рыцаремъ Львовъ, потому что печальнаго образа болѣе нѣтъ; мы ходимъ теперь подъ знаменемъ львовъ.

— Хорошо, — продолжалъ герцогъ. — Итакъ, пусть великій рыцарь Львовъ будетъ увѣренъ, что онъ встрѣтитъ въ нашемъ замкѣ пріемъ, подобающій такой знаменитой особѣ; герцогиня и я никогда не откажемъ въ этомъ ни одному изъ странствующихъ рыцарей.

Между тѣмъ Санчо поднялъ и надѣлъ сѣдло на Россинанта, потомъ помогъ своему господину сѣсть въ него. Герцогъ тоже снова сѣлъ на своего великолѣпнаго бѣгуна и, предложивъ Донъ-Кихоту ѣхать по правую сторону герцогини, самъ поѣхалъ съ лѣвой. По дорогѣ герцогиня попросила Санчо слѣдовать непосредственно за нею, чтобы послушать, какъ онъ будетъ говорить. Санчо, конечно, не замедлилъ отличиться своимъ неутомимымъ языкомъ, къ большому удовольствію герцогской четы, на долю которой выпало неожиданное удовольствіе пріютить у себя подобнаго странствующаго рыцаря и его диковиннаго оруженосца.

ГЛАВА XXXI,

о томъ, какъ приняли Донъ-Кихота и его оруженосца въ герцогскомъ замкѣ.

Санчо положительно млѣлъ отъ радости, видя такое вниманіе къ себѣ герцогини и надѣясь найти у нея въ замкѣ то же, чѣмъ пользовался у дона Діего, Камахо Богатаго и Базиліо Бѣднаго. Любя вкусно поѣсть и мягко поспать, онъ только тогда и бывалъ доволенъ, когда къ тому представлялся случай.

Исторія передаетъ намъ, что герцогъ опередилъ Донъ-Кихота, чтобы сдѣлать въ замкѣ нужныя распоряженія къ его пріему, и когда рыцарь съ герцогиней подъѣхали къ воротамъ замка, ихъ встрѣтили два лакея въ кармазинныхъ атласныхъ костюмахъ. Взявъ Донъ-Кихота подъ руки, они почтительно сняли его съ сѣдла. Донъ-Кихотъ поспѣшилъ къ герцогинѣ, чтобы помочь ей сойти съ лошади; но послѣ долгаго упрашиванія съ одной стороны и отказа съ другой, вельможная дама настояла на томъ, чтобы ей помогъ сойти съ коня ея супругъ, говоря, что она считаетъ себя недостойной обременять славнаго рыцаря такою услугой. Герцогъ поспѣшилъ положить конецъ этой сценѣ, снявъ свою жену съ сѣдла. Послѣ этого всѣ вступили въ обширный передній дворъ, гдѣ двѣ прелестныя камеристки накинули Донъ-Кихоту на плечи дорогую багряную мантію. Въ то же время галлерея замка наполнились слугами, громко возглашавшими:

— Привѣтствуемъ прибытіе красы и славы странствующаго рыцарства!

Вмѣстѣ съ тѣмъ они опрыскали Донъ-Кихота и герцогскую чету прекрасными восточными благовоніями.

Видя, что его принимаютъ въ замкѣ герцога совершенно такъ, какъ принимали, по словамъ рыцарскихъ романовъ, рыцарей давно минувшихъ временъ, Донъ-Кихотъ, восхищенный этимъ до глубины души, впервые почувствовалъ себя истиннымъ, а не воображаемымъ странствующимъ рыцаремъ.

Что же касается Санчо, то онъ точно прилипъ къ герцогинѣ и вошелъ вмѣстѣ съ нею въ замокъ. Однако совѣсть скоро напомнила ему о покинутомъ имъ ослѣ. Увидѣвъ какую-то почтенную дуэнью, онъ приблизился къ ней и проговорилъ:

— Сенора Гонзалецъ, или какъ тамъ зовутъ вашу милость?..

— Я донна Родригецъ де-Грихальва, — отвѣтила дуэнья. — Что тебѣ нужно, голубчикъ?

— Мнѣ нужно, чтобы ваша милость вышли за ворота; тамъ стоитъ мой оселъ. Будьте добры приказать отвести его въ конюшню, а то сами отведите. Онъ у меня немного робкій, и какъ увидитъ себя одного, того и гляди...

— Однако,—съ негодованіемъ произнесла дуэнья,—если твой господинъ такой же невѣжа, какъ ты, то мы можемъ поздравить себя съ прекрасными гостями! Пошелъ прочь, грубый болванъ! Ступай самъ къ своему ослу, котораго ты нисколько не умнѣе. Мы, дуэньи, находимся здѣсь не для того, чтобы ухаживать за ослами.

— Какъ же это такъ?—недоумѣвалъ Санчо.—Это вы что-то странное говорите. Мой господинъ, — а онъ, можно сказать, знаетъ наизусть всѣ рыцарскія исторіи, — самъ мнѣ разсказывалъ, что когда Ланселотъ возвратился изъ Бретани, то за нимъ самимъ стали ухаживать высокородныя дамы, а за его конемъ—дуэньи. Мой же оселъ ничуть не хуже коня Ланселота...

— Если ты, любезный, родился шутомъ, — перебила дуэнья, — то прибереги свои шуточки для тѣхъ, которые могутъ находить ихъ себѣ по вкусу... пожалуй, даже и наградятъ тебя за нихъ, отъ меня же, кромѣ фиги, ты ничего не получишь.

— Эта фига должна быть очень спѣлая, если она ровесница вашей милости, — ядовито замѣтилъ обиженный Санчо.

— Ахъ, ты неотесанный неучъ! — внѣ себя отъ гнѣва вскричала дуэнья. — Какое дѣло тебѣ, грубому чесночнику, до моихъ лѣтъ?!

— Что случилось?—спросила вошедшая герцогиня, услыхавъ крикъ дуэньи.

— Да вотъ, — отвѣтила та, — этотъ чурбанообразный дуракъ вздумалъ послать меня отвести въ конюшню его негоднаго осла и разсказываетъ о какомъ-то Ланселотѣ, за которымъ, будто бы, ухаживали знатныя дамы, а за конемъ его — дуэньи, и вдобавокъ къ этому онъ обозвалъ меня старухой!

— О, это, конечно, всего обиднѣе, — съ улыбкой проговорила герцогиня.— Берегись, другъ Санчо,— продолжала она, обращаясь къ оруженосцу:—донна Родригецъ совсѣмъ не такъ стара, какъ тебѣ, можетъ-быть, кажется; она носитъ головной уборъ скорѣе въ видѣ отличія, по обычаю старшихъ дуэній, а вовсе не потому, что она очень стара.

— Не прожить мнѣ болѣе одного часа, если я хотѣлъ обидѣть госпожу дуэнью! — оправдывался Санчо. — Я просто такъ сильно люблю своего осла, что не рѣшился никому больше поручить заботу о немъ, какъ этой самой доннѣ Родригецъ, у которой такое доброе и сострадательное лицо.

„Привѣтствуемъ прибытіе красы и славы странствующаго рыцарства!"

— Санчо, — недовольнымъ голосомъ сказалъ Донъ-Кихотъ, — ты бы подумалъ, прилично ли въ такомъ мѣстѣ говорить подобныя вещи!

— Сеноръ, — возразилъ оруженосецъ, — каждый говоритъ о своей нуждѣ тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ ее. Я вспомнилъ о своемъ ослѣ здѣсь, а потому здѣсь и заговорилъ о немъ; и если бы я вспомнилъ о немъ въ другомъ мѣстѣ, то и тамъ сказалъ бы.

— Санчо совершенно правъ, — сказалъ герцогъ, — и упрекать его или дѣлать ему выговоры я нахожу несправедливымъ. Но пусть онъ успокоится: объ его ослѣ будутъ заботиться у насъ не хуже, чѣмъ о немъ самомъ.

Послѣ этой бесѣды, казавшейся всѣмъ, кромѣ Донъ-Кихота, очень забавною, рыцаря ввели въ обширный и роскошный покой, стѣны котораго были обиты золотою парчей. Здѣсь его ожидали шесть очаровательныхъ молодыхъ прислужницъ, получившихъ подробное наставленіе отъ герцога какъ обращаться съ гостемъ. Какъ только онъ вошелъ, онѣ принялись снимать съ него его военные доспѣхи.

Оставшись въ своемъ камзолѣ изъ верблюжьей шерсти и въ узкихъ панталонахъ, желтый, тощій, съ втянутыми щеками и выдающимися скулами, Донъ-Кихотъ представлялъ такую смѣшную фигуру, что прислуживающія ему красавицы готовы были лопнуть отъ усилій сдерживать душившій ихъ хохотъ. Онѣ просили его не стѣсняться и раздѣться совсѣмъ, чтобы онѣ могли надѣть на него свѣжее бѣлье, но рыцарь ни за что не соглашался на это. Онъ сказалъ, что странствующимъ рыцарямъ не менѣе знакомо приличіе, чѣмъ храбрость. Попросивъ, чтобы къ нему прислали Санчо для довершенія туалета и оставили бы его вдвоемъ съ нимъ, Донъ-Кихотъ съ наслажденіемъ умылся и надѣлъ приготовленную ему по приказанію герцога сорочку изъ тончайшаго полотна, обшитую дорогими кружевами и пропитанную благоуханіями.

— Скажи мнѣ, неисправимый шутъ ты этакій,—говорилъ онъ во время одѣванія своему оруженосцу,—неужели тебѣ не стыдно было оскорбить такую почтенную дуэнью? Нашелъ мѣсто и время приставать со своимъ осломъ! Какъ могъ ты, безмозглый дуракъ, подумать, что вельможи, съ такимъ почетомъ принявшіе меня, а потому отнесшіеся съ полнымъ радушіемъ и къ тебѣ, не позаботятся о твоемъ глупомъ ослѣ? Ради Бога, исправься ты наконецъ Санчо, и не старайся каждую минуту показывать всѣмъ, изъ какихъ толстыхъ нитокъ ты сотканъ! Помни, что хорошіе, благовоспитанные и умные слуги дѣлаютъ честь своему господину и что одно изъ наиболѣе высокихъ преимуществъ благородныхъ людей состоитъ въ томъ, что они могутъ имѣть у себя въ услуженіи только такихъ же достойныхъ людей, какъ они сами. Что же должны думать обо мнѣ, видя, что я держу такого мужиковатаго, неотесаннаго и невоздержнаго на языкъ оруженосца? Право, судя по тебѣ, и меня могутъ принять за какого-нибудь подлаго обманщика! Повторяю тебѣ, Санчо: будь поприличнѣе и разсудительнѣе, иначе у насъ съ тобою кончится худо. Пойми, что тотъ, кто не говоритъ ни одного слова просто, безъ глупыхъ прибаутокъ и вообще безъ грубаго зубоскальства, дѣлается въ глазахъ благовоспитан-

ныхъ людей жалкимъ шутомъ. Не давай воли своему языку, и прежде, чѣмъ разинуть ротъ, обдумай и взвѣсь хорошенько каждое слово, которое намѣренъ выпустить. Не забывай, что мы съ тобой попали въ такое мѣсто, гдѣ, съ помощью Божіей и моего мужества, мы можемъ заслужить неувядаемую славу, великую честь и даже богатство, котораго ты такъ жаждешь.

Пристыженный Санчо далъ слово, что скорѣе позволитъ зашить свой ротъ или самъ себѣ откуситъ языкъ, чѣмъ скажетъ что-нибудь необдуманно и невпопадъ.

— Будьте теперь покойны, ваша милость,— сказалъ онъ въ заключеніе: — теперь я буду молчаливѣе нѣмого.

Одѣвшись и опоясавъ себя мечомъ, накинувъ затѣмъ на плечи красную мантію и покрывъ голову зеленою шелковою шапочкой, тоже изъ герцогскаго гардероба, Донъ-Кихотъ вошелъ въ парадную залу, гдѣ его ожидали, выстроившись по обѣ стороны, прислужницы съ флаконами душистой воды, которою и опрыскали его съ головы до ногъ, приговаривая разные комплименты, какъ въ рыцарскихъ книгахъ. Затѣмъ явилось двѣнадцать пажей съ дворецкимъ во главѣ, который пригласилъ Донъ-Кихота пожаловать въ столовую. Окруженный блестящею свитой, рыцарь вступилъ въ великолѣпную залу, гдѣ былъ роскошно сервированъ столъ на четыре прибора.

Въ дверяхъ столовой Донъ-Кихотъ былъ встрѣченъ герцогскою четой и управляющимъ замкомъ, духовнымъ лицомъ важнаго вида. Духовныя лица часто занимаютъ эту должность у богатыхъ вельможъ.

Обмѣнявшись съ гостемъ взаимными любезностями, герцогъ и герцогиня попросили его занять почетное мѣсто на верхнемъ концѣ стола. Рыцарь долго не соглашался на это, но въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ уступить настойчивымъ просьбамъ хозяевъ и сѣлъ на предложенное мѣсто. По правую его сторону помѣстилась герцогиня, по лѣвую— герцогъ, а напротивъ — управляющій.

Присутствовавшій при этомъ Санчо просто диву давался, видя, какими почестями осыпаютъ его господина. Когда кончилась церемонія усаживанія Донъ-Кихота за столъ оруженосецъ не выдержалъ и сказалъ:

— Если ваши милости позволятъ, я разскажу вамъ одну исторію, случившуюся у насъ въ деревнѣ, по поводу мѣста за столомъ.

Донъ-Кихотъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, увѣренный, что Санчо опять разразится какою-нибудь глупостью, но тотъ понялъ его опасенія и поспѣшилъ успокоить его:

— Не бойтесь, ваша милость, я не забудусь и не скажу ничего, что не было бы теперь какъ разъ кстати. Я отлично помню

ваши недавнія наставленія насчетъ того, когда, гдѣ и что слѣдуетъ говорить.

«Экій скотъ, и объ этомъ не могъ умолчать!»—подумалъ Донъ-Кихотъ.

— Говори что хочешь, но только, ради Бога, не мямли,—сказалъ онъ вслухъ.

— Я буду говорить только сущую правду,—продолжалъ Санчо, обращаясь ко всему обществу,—а если бы я хотѣлъ солгать, то мой господинъ сеноръ Донъ-Кихотъ не допуститъ меня до этого...

— Да мнѣ-то что за дѣло?—отозвался Донъ-Кихотъ.—Лги сколько хочешь, но только обдумай сначала хорошенько свои слова.

— Я ужъ такъ хорошо обдумалъ и передумалъ ихъ, что лучше и нельзя; вы сами сейчасъ это увидите,—успокоивалъ своего господина Санчо.

— Я бы предложилъ вашимъ свѣтлостямъ выгнать этого олуха,—сказалъ рыцарь, обращаясь къ хозяевамъ;—я боюсь, что онъ наболтаетъ страшныхъ глупостей.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула герцогиня,—Санчо долженъ остаться здѣсь и говорить что ему вздумается. Я нахожу, что онъ чрезвычайно уменъ, и желаю, чтобы онъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ.

— Дай Богъ вашей... вашему здоровью долгой и благополучной жизни за ваше хорошее мнѣніе обо мнѣ, хотя я его и недостоинъ!—проговорилъ Санчо, низко кланяясь.—Извольте же послушать моей исторіи. Однажды одинъ богатый и почтенный гидальго, происходившій изъ рода Аламазовъ Медина дель-Кампо... Онъ былъ женатъ на доннѣ Менціи де-Кинонесъ, дочери Алонзо де-Маранона, рыцаря ордена святого Іакова... Рыцарь этотъ утонулъ у береговъ острова Геррадура, изъ-за котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднялась такая ужасная ссора въ нашей деревнѣ. Въ этой ссорѣ, если я не ошибаюсь, принималъ участіе и мой господинъ, сеноръ Донъ-Кихотъ, и былъ тяжело раненъ сынъ маршала Бальбастро... Что, ваша милость, развѣ все это не правда? Скажите, ради Бога, что я не вру, а то какъ бы меня и въ самомъ дѣлѣ эти милостивые господа не сочли за пустого болтуна, какимъ вы меня имъ рекомендовали.

— Болтунъ-то ты болтунъ,—сказалъ управляющій,—но лжи мы пока еще не слышимъ отъ тебя.

— Ты привелъ пока одни имена, поэтому я увѣренъ, что до сихъ поръ ты не уклонился отъ истины,—подтвердилъ и Донъ-Кихотъ.—Продолжай же свою исторію, но только посократи ее, иначе ты не кончишь и въ два дня.

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ сокращеній,—вступилась опять герцогиня.—Разсказывай, мой другъ Санчо, какъ знаешь; можешь говорить

хоть цѣлую недѣлю подъ рядъ; эту недѣлю я сочту одною изъ самыхъ пріятныхъ въ моей жизни.

— Благодарю, ваше великолѣпіе, — проговорилъ съ поклономъ Санчо. — Такъ вотъ я и говорю, милостивцы мои, — продолжалъ онъ затѣмъ, — что этотъ самый гидальго, котораго я знаю какъ свои пять пальцевъ, потому что мы съ нимъ жили почти рядомъ, пригласилъ какъ-то къ себѣ на обѣдъ одного бѣднаго, но честнаго крестьянина...

— Экія ты, сынъ мой, дѣлаешь отступленія!—вскричалъ управляющій. — Такъ ты, дѣйствительно, не кончишь раньше второго пришествія.

— Кончу, если Богу будетъ угодно, — возразилъ Санчо. — Такъ вотъ я говорю, что крестьянинъ пришелъ къ гидальго, — помяни Господи его душу, — онъ вѣдь недавно умеръ... Говорятъ, хорошая была его кончина, настоящая христіанская... Я при ней не былъ, потому что въ то время находился на полевыхъ работахъ въ Темблекѣ...

— Пожалуйста, сынъ мой, — снова перебилъ управляющій, — не застрянь въ этомъ Темблекѣ и не заставь насъ присутствовать при погребеніи твоего гидальго, если не хочешь уморить насъ самихъ, выкладывай лучше скорѣе самую суть исторіи!

— Слушаю, ваше преподобіе, — сказалъ Санчо и продолжалъ: — Такъ вотъ въ это самое время, когда гидальго и крестьянинъ собирались сѣсть за столъ... Мнѣ такъ и кажется, что я вижу ихъ...

Герцогъ и герцогиня были въ восторгѣ отъ многословія Санчо и внутренно потѣшались надъ брезгливымъ управляющимъ, бѣсившимся по поводу постоянныхъ отступленій разсказчика. Донъ-Кихотъ сидѣлъ какъ темная туча, тоже досадуя на безцеремоннаго болтуна.

— И вотъ, — продолжалъ, нисколько не смущаясь, оруженосецъ, — когда было нужно сѣсть за столъ, крестьянинъ сталъ упрямиться и не хотѣлъ садиться на первое мѣсто, которое ему предлагалъ гидальго, какъ своему гостю, говоря, что онъ у себя хозяинъ и можетъ распоряжаться въ своемъ домѣ, какъ ему вздумается. Но крестьянинъ, считавшій себя хорошо воспитаннымъ и понимающимъ толкъ въ вѣжливомъ обращеніи, ни за что не соглашался уступить до тѣхъ поръ, пока гидальго не взялъ его наконецъ за плечи и не посадилъ насильно на первое мѣсто. «Садись, мужланъ, — сказалъ онъ ему, — и знай, что гдѣ бы я ни сѣлъ при тебѣ, всегда будетъ мой верхъ». — Вотъ и вся моя исторія. Кажись, она пришлась совсѣмъ кстати?

Донъ-Кихотъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, то зеленѣлъ отъ сдержаннаго гнѣва, такъ что его костлявое лицо мѣнялось какъ шкура хамелеона. Герцогъ же и его жена, не хуже рыцаря понявшіе злой намекъ

Санчо, дѣлали надъ собой страшныя усилія, чтобы не расхохотаться и этимъ не вывести Донъ-Кихота окончательно изъ себя. Желая какъ-нибудь уладить дѣло и не дать Санчо распространиться въ томъ же духѣ, герцогиня спросила рыцаря, какія извѣстія онъ имѣетъ отъ Дульцинеи Тобозской и посылалъ ли онъ ей въ послѣднее время какого-нибудь великана или чудовище въ подарокъ.

— Ваша свѣтлость, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ, — хотя мои несчастія и имѣли начало, но имъ не предвидится конца. Я много побѣждалъ великановъ, посылалъ моей дамѣ всевозможныхъ плѣнниковъ, но, кажется, они не могутъ отыскать ея, потому что злые волшебники превратили ее въ отвратительнѣйшую крестьянку, какую только можно представить себѣ.

— Не знаю, съ чего вы это себѣ вообразили, что госпожа Дульцинея такъ безобразна?— вмѣшался Санчо. — Мнѣ она показалась первою красавицей на всемъ свѣтѣ. А какъ она прыгаетъ и скачетъ! Прямо съ земли вспрыгиваетъ на лошадь, что твой канатный плясунъ! Просто любо глядѣть!

— А ты видѣлъ ее очарованную, Санчо? — спросилъ герцогъ.

— Какъ не видать! — воскликнулъ оруженосецъ. — Кто же и распустилъ исторію объ ея очарованіи, какъ не я?.. Да она столько же очарована, сколько мой оселъ!

Управляющій началъ догадываться, что видитъ передъ собою того самаго Донъ-Кихота Ламанчскаго, исторію котораго при немъ читалъ герцогъ, несмотря на убѣжденія управляющаго, что не слѣдуетъ читать такія безсмысленныя книги. Чтобы удостовѣриться въ справедливости своей догадки, онъ обратился къ герцогу со слѣдующими словами:

— Ваша свѣтлость, вамъ когда-нибудь придется отдать отчетъ въ вашихъ поступкахъ Богу. Въ виду этого вы напрасно стараетесь поощрять безуміе этого Донъ-Кихота, или Донъ-Дурака, какъ его многіе зовутъ... И кто это, — продолжалъ онъ, повернувшись къ Донъ-Кихоту, — всадилъ вамъ въ голову мысль, будто вы странствующій рыцарь и что вы побѣдили великановъ и какихъ-то несуществующихъ чудовищъ? Возвратитесь-ка лучше съ Богомъ домой, примитесь какъ слѣдуетъ за свое разоренное хозяйство и перестаньте бродить по свѣту, подобно безпріютному бездѣльнику, служа посмѣшищемъ для всѣхъ знающихъ васъ или только слыхавшихъ о васъ. Откуда вы взяли, чтобы въ наше время могли гдѣ-нибудь существовать странствующіе рыцари? Гдѣ вы нашли въ Испаніи великановъ, волшебниковъ, очарованныхъ Дульциней и всей той дряни, которую вы себѣ придумали?

Донъ-Кихотъ молча выслушалъ управляющаго до конца, но какъ только тотъ кончилъ, онъ, весь красный въ лицѣ, со сверкающими отъ гнѣва и негодованія глазами, вскочилъ и крикнулъ... Но его отвѣтъ заслуживаетъ отдѣльной главы.

ГЛАВА XXXII,

о томъ, какъ Донъ-Кихотъ отвѣтилъ своему обвинителю и о другихъ интересныхъ событіяхъ.

Итакъ, Донъ-Кихотъ поднялся и, дрожа съ головы до ногъ, какъ въ сильной лихорадкѣ, заговорилъ взволнованнымъ звенящимъ голосомъ:

— Мѣсто, въ которомъ я нахожусь, присутствіе глубоко уважаемыхъ лицъ, равно какъ и уваженіе, внушаемое мнѣ ихъ саномъ, обуздываютъ мой справедливый гнѣвъ. Зная, что люди духовнаго званія обладаютъ одинаковымъ съ женщинами оружіемъ, заключающимся въ одномъ языкѣ, я буду сражаться тѣмъ же оружіемъ и съ вами, отъ котораго я скорѣе ждалъ хорошихъ совѣтовъ, чѣмъ оскорбительныхъ упрековъ. Добронамѣренныя увѣщанія умѣстны при другихъ обстоятельствахъ и должны быть сдѣланы въ другой формѣ. Нападать на меня публично съ такою рѣзкостью, значитъ переступать всякія границы благоприличій, одинаково обязательныхъ для всѣхъ. Кромѣ того, нельзя обвинять человѣка въ сумасшествіи, когда не имѣешь никакого понятія о настоящихъ причинахъ его образа дѣйствій. Скажите, пожалуйста, чѣмъ я подалъ вамъ поводъ такъ несправедливо и рѣзко осуждать меня и подавать мнѣ совѣты, которые ко мнѣ совершенно не подходятъ? Развѣ не существуетъ другого дѣла, кромѣ того, чтобы всякими правдами и неправдами втираться въ чужіе дома и распоряжаться хозяевами по своему личному произволу? Подобаетъ ли человѣку, воспитанному въ узкихъ стѣнахъ учебнаго заведенія и не имѣющему понятія ни о чемъ другомъ, кромѣ обыденныхъ правилъ житейской мудрости, — подобаетъ ли, говорю я, такому человѣку судить странствующихъ рыцарей и предписывать имъ свои законы? И развѣ тотъ дурно употребляетъ свое время и дѣлаетъ что-нибудь предосудительное, кто объѣзжаетъ міръ не съ цѣлью погони за суетными наслажденіями, а лишь съ тѣмъ, чтобы отыскивать жизненныя тернія, посредствомъ которыхъ люди добра достигаютъ безсмертія? Если бы меня считали дуракомъ благородные великодушные люди высокаго происхожденія, я, дѣйствительно, долженъ былъ бы чувствовать себя покрытымъ позоромъ, но надъ обвиненіямъ меня со стороны педантовъ, никогда не ходившихъ по тернистому пути

рыцарства, я только смѣюсь. Рыцаремъ я родился, рыцаремъ живу, рыцаремъ же и умру, если только Всевышній не судилъ иначе. Одни слѣдуютъ по широкому пути высокомѣрнаго тщеславія, другіе всю жизнь пресмыкаются во прахѣ рабской угодливости и лести, третьи предпочитаютъ путь лживаго лицемѣрія, четвертые идутъ по стезямъ истинной добродѣтели. Я же, подталкиваемый моею звѣздой, иду по узкой тропинкѣ странствующаго рыцарства, презрѣвъ богатство, но не честь. Я мстилъ за несправедливости, поддерживалъ невинно угнетенныхъ, наказывалъ дерзкихъ, побѣждалъ великановъ, смѣло противостоялъ привидѣніямъ и чудовищамъ. Если я и влюбленъ, то это только потому, что всѣ странствующіе рыцари должны имѣть даму сердца. Но моя любовь не разнузданная, а сдержанная, чисто платоническая. Мои цѣли всегда благонамѣренны: онѣ состоятъ лишь въ томъ, чтобы не дѣлать никому зла, а дѣлать всѣмъ добро. Позволю себѣ обратиться къ просвѣщенному суду ихъ свѣтлостей и спросить ихъ: дѣйствительно ли человѣкъ, думающій и дѣйствующій подобно мнѣ, — человѣкъ, слово котораго никогда не расходится съ дѣломъ, — достоинъ названія дурака?

— Хорошо сказано! Очень хорошо! — вскричалъ Санчо. — Больше нечего ни думать ни сказать въ вашу защиту, мой добрый господинъ. А взыскивать съ того, который ни бельмеса не смыслитъ въ рыцарскомъ дѣлѣ, конечно, нечего. Кому ничего не дано, что же съ того и спрашивать?

— А ты, сынъ мой, — обратился къ нему управляющій, — вѣроятно, тотъ самый Санчо Панца, которому, какъ говорятъ, твой господинъ обѣщалъ островъ?

— Да, я этотъ самый Санчо Панца, — отвѣтилъ тотъ. — И я стою острова столько же, сколько всякій другой. Кстати сказать, я изъ тѣхъ, которые хорошо понимаютъ, что значитъ поговорка «Сходись съ хорошими людьми, и самъ будешь хорошимъ человѣкомъ», или «Водись не съ тѣми, съ которыми родился, а съ кѣмъ ужился». Не даромъ вѣдь говорится «Кто стоитъ подъ густымъ деревомъ, тотъ находится въ хорошей тѣни». Я привязался къ хорошему господину, и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ всюду слѣдую за нимъ и надѣюсь со временемъ сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, если будетъ на это милость Божія. Дай Господи ему многолѣтія, да и мнѣ тоже! Тогда у него не будетъ недостатка въ царствахъ, а у меня — въ островахъ.

— Конечно, не будетъ, — сказалъ герцогъ. — Въ доказательство справедливости твоихъ словъ, я сегодня же, отъ имени твоего господина, славнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго, подарю тебѣ островъ, который у меня теперь какъ разъ свободенъ.

— Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — преклони колѣни и облобызай ноги его свѣтлости за великую милость, которую онъ тебѣ оказываетъ.

Санчо поспѣшилъ исполнить это приказаніе. Управляющій же, полный негодованія и злобы, всталъ и крикнулъ:

— Мой санъ придаетъ мнѣ смѣлости сказать вашей свѣтлости, что и вы становитесь на одну ступень съ этими безразсудными людьми! Какъ имъ не быть дураками, когда мудрые люди поощряютъ ихъ дурачества! Но воля ваша, возитесь съ этими безмозглыми бродягами сколько вамъ будетъ угодно, позвольте только мнѣ не быть свидѣтелемъ того, на что мнѣ стыдно смотрѣть и чего я не въ силахъ измѣнить.

Съ этими словами онъ ушелъ изъ столовой, несмотря на удерживанія хозяевъ. Герцогъ, впрочемъ, былъ въ душѣ очень доволенъ его уходомъ, и отъ души расхохотался ему вслѣдъ.

Насмѣявшись досыта, онъ сказалъ Донъ-Кихоту:

— Вы, сеноръ рыцарь Львовъ, такъ хорошо отвѣтили его преподобію, что совершенно были бы отомщены, если бы онъ, дѣйствительно, нанесъ вамъ оскорбленіе. Но вѣдь вы знаете, что ни женщины ни духовныя особы не могутъ никого оскорбить.

— Конечно, такъ, — подхватилъ Донъ-Кихотъ. — Это зависитъ отъ того, что какъ тѣ, такъ и другія сами не могутъ быть оскорбленными. Женщины, священники и дѣти не могутъ защищать себя, когда ихъ оскорбляютъ, поэтому ни одинъ благородный человѣкъ и не рѣшится нанести имъ оскорбленія. Но, кромѣ оскорбленія, существуетъ еще поношеніе, что вашей свѣтлости, конечно, извѣстно не менѣе, чѣмъ мнѣ. Между оскорбленіемъ и поношеніемъ та разница, что поношеніе является со стороны того, кто его наноситъ и твердо стоитъ на своемъ; оскорбленіе же со стороны нѣкоторыхъ лицъ не влечетъ за собой поношенія. Поясню это примѣрами. Предположимъ, кто-нибудь идетъ по улицѣ, не думая ни о чемъ дурномъ. Вдругъ на него нападаютъ десять вооруженныхъ людей и начинаютъ его бить. Онъ обнажаетъ шпагу и готовится отразить нападающихъ, но они, тѣсня его со всѣхъ сторонъ и подавляя своимъ количествомъ, не даютъ ему возможности защищаться; этотъ человѣкъ получилъ оскорбленіе, а не поношеніе. Вотъ другой примѣръ. Представьте, что кого-нибудь ударили изъ-за угла по спинѣ палкой. Онъ оборачивается, чтобы отомстить за себя, но ударившій его уже убѣжалъ съ такою быстротой, что невозможно его догнать, и опять-таки тотъ, кого ударили такимъ образомъ, былъ хотя и оскорбленъ, но не поруганъ, потому что ударившій не постарался доказать своимъ мужествомъ, что онъ считалъ себя въ правѣ ударить его. Поношеніемъ же это было бы въ томъ случаѣ, если бы ударившій, вмѣсто того, чтобы

убѣжать, храбро остался бы ждать, что оскорбленный помѣряется съ нимъ. Этимъ онъ доказалъ бы, что готовъ отвѣчать за свой поступокъ, считая его справедливымъ. Такъ и его преподобіе могъ нанести мнѣ оскорбленіе, а не поношеніе. Въ дѣйствительности же я не считаю себя даже оскорбленнымъ имъ, такъ какъ тотъ, кто не имѣетъ права защищаться, не можетъ и оскорблять другихъ. Мнѣ только жаль, что онъ поспѣшилъ уйти, лишивъ меня своимъ уходомъ возможности доказать ему, какъ сильно онъ заблуждается, утверждая, что нѣтъ и не было на свѣтѣ странствующихъ рыцарей. Если бы славный Амадисъ или другой отпрыскъ безконечнаго древа странствующаго рыцарства слышалъ слова его преподобія, послѣднему пришлось бы очень плохо.

— О, да!—воскликнулъ Санчо.—Они просто-напросто распороли бы ему брюхо за такія слова! Прежніе рыцари не позволяли никому наступить себѣ на ногу. Не таковскіе они были! Ты ему слово, обидное для его чести, а онъ тебя за это такъ смажетъ по рылу, что потомъ самого себя не узнаешь.

Герцогиня до упада хохотала надъ замѣчаніями Санчо, который нравился ей своею забавностью гораздо болѣе Донъ-Кихота.

Наконецъ Донъ-Кихотъ успокоился, и обѣдъ окончился мирно.

Когда встали изъ-за стола, пришли четыре прислужницы, изъ которыхъ одна несла серебряный кувшинъ, другая — серебряный тазъ, третья — два снѣжно-бѣлыхъ тончайшихъ и душистыхъ полотенца, а четвертая — кусокъ превосходнаго неаполитанскаго мыла. Первая подошла и сунула тазъ рыцарю подъ подбородокъ. Тотъ былъ очень удивленъ этимъ, но подумалъ, что мѣстный обычай требуетъ, чтобы послѣ стола мыли не руки, а подбородки, и вытянулъ свою длинную нижнюю челюсть на сколько могъ. Вторая дѣвушка начала лить воду, а четвертая намочила мыло и принялась тереть имъ все лицо рыцаря, такъ что онъ принужденъ былъ закрыть глаза, чтобы въ нихъ не попала мыльная пѣна. Герцогская чета съ любопытствомъ смотрѣла на эту операцію, которая была и для нихъ неожиданностью, такъ какъ ее устроили сами дѣвушки, безъ приказанія хозяевъ, чтобы позабавиться надъ смѣшнымъ гостемъ.

Когда вся физіономія Донъ-Кихота была намылена, дѣвушка притворилась, что нехватаетъ воды, и пошла за нею, оставивъ рыцаря сидѣть съ вытянутымъ впередъ покрытымъ мыломъ лицомъ и крѣпко зажмуренными глазами, что представляло такое смѣшное зрѣлище, какое только можно себѣ вообразить. Присутствующіе дѣлали неимовѣрныя усилія надъ собою, чтобы не разразиться гомерическимъ хохотомъ. Дѣвушки стояли съ опущенными глазами, не осмѣливаясь взглянуть на своихъ

господъ. Последніе не знали, что делать: наказать ли ихъ за неуместную и дерзкую шалость, или, напротивъ, наградить за удовольствіе, доставленное имъ видомъ Донъ-Кихота въ такомъ состояніи.

Наконецъ принесли воду, и девушки основательно вымыли Донъ-Кихота и насухо утерли его, после чего все четыре проказницы стали делать ему глубочайшіе реверансы.

Не желая, чтобы Донъ-Кихотъ заметилъ, что надъ нимъ дурачились, герцогъ сказалъ девушкамъ:

— Теперь умойте и меня, но смотрите, чтобы у васъ было достаточно воды.

Девушки, понявшія притворно-гневный и угрожающій взглядъ сопровождавшій эти слова, продѣлали надъ герцогомъ то же самое, что надъ рыцаремъ, но только безъ эпизода беганія за водою.

— Ишь ведь, — пробормоталъ себе подъ носъ Санчо, внимательно и серьезно наблюдавшій церемонію умыванія, — какъ хорошо тутъ моютъ! Хотелъ бы я знать, принято ли здесь умывать также и оруженосцевъ. Я былъ бы очень доволенъ, если бы меня не только умыли, но и побрили бы, а то когда еще дождешься такого прекраснаго случая.

— Что ты тамъ ворчишь, другъ мой Санчо? — обратилась къ нему герцогиня.

— Я говорю, ваша герцогская милость, — ответилъ тотъ, — что я никогда не слыхалъ и не читалъ, чтобы у вельможъ умывали после еды лица, вместо рукъ. Вотъ ужъ именнно правду говорятъ: «Векъ живи, векъ учись, а все куракомъ умрешь!» А нечего сказать, обычай хорошій, особенно если бъ онъ распространился и на оруженосцевъ.

— То-есть, тебе хочется быть также умытымъ, какъ твой господинъ? — догадалась герцогиня.

— Точно такъ, — сознался Санчо.

— Ну что же, это можно сделать, — сказалъ герцогъ и приказалъ отвести Санчо въ назначенную для него комнату и умыть его

Когда двое пажей увели оруженосца, герцогиня попросила Донъ-Кихота описать ей поподробнее красоту несравненной Дульцинеи Тобозской.

— Судя по тому, что написано и что говорятъ о вашей даме, — сказала она, — подобной красавицы еще никогда не бывало не только въ Ламанче, но и во всей Испаніи.

— О, ваша светлость, — со вздохомъ произнесъ Донъ-Кихотъ, — если бы я могъ вынуть изъ своей груди сердце и положить его передъ вами на этотъ столъ, я былъ бы избавленъ отъ безплоднаго труда описать то, что неописуемо никакими словами! Вы тогда сами увидели бы, что воспроизвести ея прелести могла бы разве только кисть Парразія,

Тиманта или Апеллеса, рѣзецъ Лизиппа, а достойно описать — демосѳеновская или цицероновская риторика.

— Что это за слова «демосѳеновская» и «цицероновская»? — спросила герцогиня. — Я ихъ никогда не слыхивала.

— «Демосѳеновская риторика», это — то же самое, что риторика Демосѳена, — пояснилъ Донъ-Кихотъ. — Такое же значеніе имѣетъ и слово «цицероновская риторика». Демосѳенъ и Цицеронъ были величайшими риторами, т.-е. ораторами, въ мірѣ.

— Да, да, — поспѣшилъ сказать герцогъ и добавилъ, обращаясь къ своей супругѣ: — ты предложила совершенно необдуманный вопросъ. Я вполнѣ понялъ, что хотѣлъ сказать сеноръ Донъ-Кихотъ; но тѣмъ не менѣе долженъ сознаться, что онъ доставилъ бы намъ большое удовольствіе, если бы попытался сдѣлать хотя бы самое легкое описаніе наружности своей дамы. Я увѣренъ, что одного этого описанія было бы достаточно для того, чтобы возбудить зависть въ сердцахъ самыхъ первыхъ красавицъ.

— Я охотно исполнилъ бы желаніе вашей свѣтлости, — проговорилъ Донъ-Кихотъ, — если бы только случившееся съ несравненною Дульцинеей несчастіе, отозвавшееся на мнѣ тяжелымъ ударомъ, не затемнило немного мою память. Я скорѣе могу теперь оплакивать ее, нежели описывать. Дѣло въ томъ, что когда я передъ моимъ третьимъ выѣздомъ отправился къ своей дамѣ, чтобы поцѣловать ея руку, узнать ея волю и испросить у нея благословенія на совершеніе задуманныхъ мною подвиговъ, — я не нашелъ въ ней той, которую искалъ. Да, представьте себѣ мой ужасъ и мое отчаяніе: я нашелъ ее очарованною и превращенною изъ принцессы въ крестьянку, изъ красавицы въ урода, изъ ангела въ демона. Ея благоухающее дыханіе сдѣлалось смраднымъ, ея изящество — неуклюжестью и грубостью, ея скромность — беззастѣнчивою наглостью; свѣтъ, исходившій отъ нея, сталъ мракомъ, — словомъ, прекраснѣйшая Дульцинея Тобозская оказалась превращенною въ отвратительное двуногое животное.

— Боже мой! — вскричалъ герцогъ. — Какой же негодяй произвелъ это страшное зло, столь прискорбное для всего міра? Кто могъ рѣшиться лишить вселенную красоты, составлявшей ея радость, которою она могла гордиться и которой не было ничего равнаго?

— Кто же, какъ не злой волшебникъ, одинъ изъ многихъ преслѣдующихъ меня невидимыхъ враговъ, одинъ изъ невѣрныхъ, посланныхъ въ міръ, чтобы все омрачать, противодѣйствовать дѣламъ хорошимъ и способствовать злымъ! — печально отвѣчалъ Донъ-Кихотъ. — Да, волшебники преслѣдовали, преслѣдуютъ и не перестанутъ преслѣдовать меня,

пока не низвергнутъ меня и мои великіе рыцарскіе подвиги въ глубокую бездну забвенія! Они поражаютъ меня всегда въ самое больное мѣсто, хорошо имъ извѣстное. Отнять у странствующаго рыцаря его даму — все равно, что лишить его глазъ, которыми онъ видитъ свѣтъ, и погрузить его въ непроглядный мракъ. Кромѣ того, странствующаго рыцаря безъ дамы можно уподобить дереву безъ листьевъ, зданію безъ фундамента, тѣни безъ предмета...

— Это правда, — замѣтила герцогиня. — Но если вѣрить недавно появившейся исторіи доблестнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго, встрѣченной всѣмъ міромъ съ такимъ восторгомъ, то онъ никогда и не видалъ Дульцинеи Тобозской, такъ какъ она вовсе не существуетъ на свѣтѣ, а есть лишь плодъ его богатаго воображенія, — плодъ до такой степени прекрасный и надѣленный всѣми совершенствами, что въ дѣйствительности ничего подобнаго и не можетъ быть.

— На это многое можно сказать, — проговорилъ Донъ-Кихотъ. — Одному Богу извѣстно, существуетъ ли въ дѣйствительности Дульцинея, или только въ воображеніи. Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, до окончательнаго рѣшенія которыхъ не слѣдуетъ доходить. Правда, моя дама никогда не показывалась мнѣ въ своемъ настоящемъ видѣ, но я постоянно вижу и созерцаю ее, полную тѣхъ совершенствъ, которыя могутъ прославить женщину во всей вселенной. Она прекрасна безъ малѣйшаго недостатка; строга и величественна, но не кичлива; любитъ цѣломудренно; признательна изъ вѣжливости и вѣжлива по врожденному благородству чувствъ; наконецъ, она очень знатнаго происхожденія; это сразу видно по ея неземной красотѣ, получающей несравненно большій блескъ отъ благородной крови, чѣмъ отъ неблагородной.

— Вы правы, — сказалъ герцогъ. — Но надѣюсь, сеноръ Донъ-Кихотъ, вы позволите мнѣ высказать нѣкоторыя соображенія, приходившія мнѣ въ голову при чтеніи исторіи вашихъ подвиговъ. Допуская существованіе Дульцинеи въ Тобозо или внѣ Тобозо, допуская и то, что она совершенство природы или хотя бы только фантазіи, — нельзя не замѣтить, что знатностью происхожденія она все-таки не можетъ равняться съ Оріанами, Аластрахареями, Мадазимами и другими высоко стоявшими родами, упоминаемыми въ хорошо знакомыхъ вамъ рыцарскихъ исторіяхъ.

— На это я отвѣчу вашей свѣтлости, — произнесъ Донъ-Кихотъ, — что Дульцинея — дочь своихъ дѣлъ, что личныя достоинства исправляютъ недостатки происхожденія и что добродѣтели въ человѣкѣ незнатномъ болѣе стоятъ уваженія, чѣмъ пороки въ вельможѣ. Дульцинея обладаетъ

такими качествами, которыя вполнѣ могутъ возвести ее на ступени трона и дать ей обладаніе скипетромъ и короной. Добродѣтели прекрасной женщины дѣлаютъ чудеса и сами по себѣ уже образуютъ вѣнецъ на ея челѣ.

— Вы такъ хорошо говорите, сеноръ Донъ-Кихотъ, — сказала герцогиня, — что можете убѣдить каждаго въ чемъ угодно. Отнынѣ я не только сама буду вѣрить, но заставлю всѣхъ у себя въ домѣ, не исключая и моего супруга, если окажется необходимымъ, вѣрить тому, что на свѣтѣ существовала и существуетъ Дульцинея Тобозская, что она совершеннѣйшая красавица, что она знатнаго рода и вполнѣ достойна имѣть своимъ поклонникомъ такого рыцаря, какъ сеноръ Донъ-Кихотъ Ламанчскій; выше этого я ничего не могу сказать въ ея похвалу. Не знаю только, какъ отнестись къ показанію вашего оруженосца, Санчо Панцы, который, какъ я читала въ вашей исторіи, утверждалъ, что засталъ Дульцинею, когда былъ посланъ вами къ ней съ письмомъ, за провѣиваніемъ ржи, кормленіемъ куръ или чѣмъ-то подобнымъ. Вѣдь это противорѣчитъ вашему утвержденію, что она — дама знатная.

— Герцогиня, — возразилъ рыцарь, — вы должны прежде всего имѣть въ виду, что все или почти все, происходящее со мною, дѣлается не обыкновеннымъ способомъ, не такъ, какъ съ другими странствующими рыцарями, и я самъ еще хорошенько не знаю, играетъ ли въ этомъ главную роль судьба, или только зависть ко мнѣ злыхъ волшебниковъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что всѣ знаменитые странствующіе рыцари обладали какимъ-нибудь чудеснымъ свойствомъ. Такъ, напримѣръ, одного никакими силами невозможно было очаровать; другой, какъ преславный Роландъ, одинъ изъ двѣнадцати перовъ Франціи, былъ неуязвимъ, за исключеніемъ лѣвой пятки, въ которую достаточно было уколоть толстою булавкой, чтобы причинить ему смерть; обыкновенное же оружіе не дѣйствовало даже на это мѣсто. Поэтому Бернардъ дель-Карпіо, схватившійся съ нимъ въ Ронсевальскомъ ущельѣ, только тѣмъ и одолѣлъ его, что, приподнявъ на воздухъ обѣими руками, задушилъ его, какъ задушилъ Геркулесъ свирѣпаго Антея, прозваннаго «сыномъ Земли». Судя по этимъ и многимъ другимъ подобнымъ примѣрамъ, я думаю, что и меня природа одарила какою-нибудь таинственною силой. Неуязвимымъ я не могу считаться: напротивъ, тѣло у меня очень нѣжное и чувствительное, въ чемъ я не разъ уже убѣждался на опытѣ. Не могу также похвалиться, чтобы меня нельзя было очаровать; я вѣдь видѣлъ себя сидящимъ въ качествѣ плѣнника въ клѣткѣ, и знаю, что весь міръ не былъ бы въ силахъ запереть меня въ нее, если бы не

вмѣшались волшебники, очаровавшіе меня. Но мнѣ удалось самому стряхнуть съ себя это очарованіе, и думаю, что болѣе никакому, даже самому мудрому волшебнику не удастся снова подвергнуть меня такому испытанію. Поэтому злые волшебники, убѣдившіеся, что такимъ путемъ нельзя ничего со мною сдѣлать, рѣшились мстить мнѣ иными способами и уничтожить меня, отравивъ жизнь Дульцинеи, которою я дышу и живу. Это и заставляетъ меня думать, что мой оруженосецъ, носившій отъ меня письмо къ Дульцинеѣ, видѣлъ ее въ образѣ простой крестьянки лишь потому, что волшебники превратили ее въ крестьянку только въ его глазахъ. На самомъ же дѣлѣ она ни ржи не провѣивала ни куръ не кормила, а просто забавлялась пересыпаніемъ восточнаго жемчуга. Доказательствомъ вѣрности моей догадки можетъ служить то, что я во время бытности моей въ Тобозо не могъ отыскать дворца несравненной Дульцинеи, а на слѣдующій день, когда мой оруженосецъ увидалъ ее въ ея настоящемъ величественномъ видѣ и указалъ на нее мнѣ, я увидалъ въ ней только отвратительную деревенскую грубую и нахальную бабу. Такъ какъ я самъ не очарованъ и болѣе не могу быть очарованнымъ, то постарались очаровать, обезобразить и подвергнуть поруганію мою даму, которую я не перестану оплакивать, пока мнѣ не удастся избавить ее отъ очарованія. Но какъ бы тамъ ни было, а Дульцинея происхожденія знатнаго; она принадлежитъ къ одному изъ самыхъ благородныхъ семействъ Тобозо, въ которомъ вообще не мало знатныхъ фамилій. Въ будущихъ вѣкахъ этотъ городъ будетъ прославленъ лишь тѣмъ, что въ немъ обитала Дульцинея, какъ прославилась Троя благодаря Еленѣ. Кромѣ того, я смѣло могу сообщить вашимъ свѣтлостямъ, что Санчо Панца — лучшій оруженосецъ, какой когда-либо служилъ странствующему рыцарю. Опредѣлить, что онъ представляетъ изъ себя въ умственномъ отношеніи, очень трудно; иногда онъ говоритъ такія глупости, что стыдно становится его слушать, а потомъ вдругъ скажетъ такъ умно, что любой образованный человѣкъ позавидуетъ ему. Шуточки его иногда отзываютъ бездоннымъ невѣжествомъ, иной же разъ поражаютъ остроуміемъ. Онъ въ одно и то же время и сомнѣвается во всемъ и во все вѣритъ. Порой онъ кажется простодушнѣйшимъ существомъ въ мірѣ, а бываетъ и такъ, что онъ даетъ поводъ считать его отъявленнымъ плутомъ. Но онъ нравится мнѣ такимъ, какимъ есть, и я не промѣняю его ни на какого другого оруженосца, хотя бы мнѣ давали цѣлое царство въ придачу. Не знаю только, хорошо ли я сдѣлаю, если допущу его къ управленію островомъ, который вы ему жалуете. Впрочемъ, если мнѣ предварительно немного подучить его, то онъ, пожалуй, окажется не хуже другихъ правителей. Многочисленные примѣры

доказываютъ, что правители не обязаны обладать ни особенною ученостью ни особыми талантами. Мы знаемъ такихъ, которые едва умѣютъ читать и съ трудомъ подписываютъ свое имя, а между тѣмъ управляютъ ввѣреною имъ страной или областью какъ нельзя лучше. Главное дѣло въ томъ, чтобы правитель былъ исполненъ честныхъ намѣреній и стремленіемъ къ справедливости. Къ тому же при правителѣ всегда бываютъ мудрые совѣтники, которые указываютъ, что и какъ онъ долженъ дѣлать. Прежде всего я посовѣтую Санчо не брать ничего, не принадлежащаго ему по праву; кромѣ того, и еще кое-что, о чемъ сейчасъ я не буду распространяться...

Рѣчь Донъ-Кихота вдругъ была прервана бѣготней и громкими криками въ сосѣднемъ покоѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ столовую влетѣлъ Санчо, весь красный, запыхавшійся и повязанный вокругъ шеи какою-то безобразною тряпкой. За нимъ бѣжало нѣсколько кухонныхъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ несъ сосудъ, наполненный, судя по запаху, помоями. Маленькіе шалуны уцѣпились за Санчо и всѣми силами старались тащить его назадъ.

— Это что такое?— съ негодованіемъ вскричала герцогиня. — Что вы дѣлаете съ этимъ сеноромъ? Какъ вы смѣете такъ дерзко обращаться съ нимъ? Развѣ вы не знаете, что герцогъ назначилъ его губернаторомъ острова?

— Помилуйте, ваша свѣтлость, — отвѣтилъ мальчикъ съ сосудомъ,— сеноръ губернаторъ не желаетъ дать себя умыть, какъ были умыты нашъ господинъ, свѣтлѣйшій герцогъ, и сеноръ рыцарь.

— Напротивъ, — возразилъ Санчо, — я очень хотѣлъ этого и даже просилъ объ этомъ, но я требую, чтобы меня не обвязывали грязными тряпками и употребляли для моего умыванія не вонючіе помои, а чистую воду и хорошее мыло. Я вѣдь не собака моего господина, а почти равенъ ему и не позволю обращаться съ собою такъ оскорбительно. Я до сихъ поръ всегда думалъ, что въ домахъ вельможъ ничего, кромѣ хорошаго, не увидишь, а тутъ оказывается, что и въ самомъ плохонькомъ крестьянскомъ домикѣ такъ не насмѣхаются надъ человѣкомъ, какъ въ герцогскихъ дворцахъ. Я не настолько глупъ, чтобы не понять, что помои не могутъ сдѣлать меня чистымъ, поэтому прошу отстать отъ меня съ ними, иначе, клянусь памятью моихъ родителей, я размозжу всѣмъ вамъ, чертенятамъ, головы!

Съ этими словами Санчо сорвалъ съ себя тряпку и бросилъ ее въ толпу мальчишекъ, которые поспѣшили подобрать ее и убѣжать, чувствуя, что зашли слишкомъ далеко.

Донъ-Кихотъ едва могъ сдержать свое неудовольствіе по поводу этой сцены. Лицо его просвѣтлѣло только тогда, когда герцогъ позвалъ

дворецкаго и приказалъ ему строго наказать шалуновъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ супругой сталъ извиняться за нихъ предъ рыцаремъ.

Чтобы окончательно умиротворить будущаго правителя острова, герцогиня попросила его пойти съ нею въ садъ и разсказать ей свою жизнь, между тѣмъ какъ герцогъ и Донъ-Кихотъ отправились отдохнуть.

ГЛАВА XXXIII,

о бесѣдѣ герцогини и ея приближенныхъ съ Санчо Панцою, достойной памяти потомства.

Герцогиня привела Санчо въ бесѣдку и попросила его сѣсть на табуретъ возлѣ нея, но будущій губернаторъ долго отказывался, находя эту честь слишкомъ большою для себя.

— Сядьте какъ губернаторъ, и говорите какъ оруженосецъ, — сказала герцогиня. — По-моему, вы достойны занять кресло самого Сида-Рюи-Діаза Кампеадора.

Санчо, разумѣется, былъ очень польщенъ и приглашеніемъ сѣсть рядомъ съ герцогиней и тѣмъ, что она стала говорить ему на «вы», и вообще всѣмъ ея обращеніемъ съ нимъ.

— Ну, вотъ, — продолжала герцогиня, — теперь мы, такъ сказать, одни (на самомъ же дѣлѣ къ нимъ присоединился весь ея женскій штатъ), и вы, сеноръ губернаторъ, надѣюсь, не откажете мнѣ объяснить нѣкоторыя сомнѣнія, овладѣвшія мною при чтеніи исторіи великаго рыцаря Донъ-Кихота. По исторіи видно, что Санчо и не думалъ доставлять Дульцинеѣ Тобозской того письма, съ которымъ его послалъ къ ней Донъ-Кихотъ. Письмо это преспокойно осталось въ карманѣ рыцаря. Какъ же оруженосецъ осмѣлился самъ сочинить отъ нея отвѣтъ и увѣрить своего господина, будто онъ видѣлъ Дульцинею, просѣивающею рожь? Вѣдь это была явная ложь и насмѣшка надъ Донъ-Кихотомъ, крайне предосудительная со стороны добросовѣстнаго оруженосца, какимъ васъ рекомендуетъ сеноръ Донъ-Кихотъ.

Санчо всталъ и, приложивъ палецъ къ губамъ, весь согнувшись, обошелъ кругомъ всей бесѣдки, заглядывая подъ кусты и за деревья. Удостовѣрившись, что поблизости нѣтъ его господина, онъ возвратился на свое мѣсто и сказалъ:

— Теперь, ваша свѣтлость, когда я убѣдился собственными глазами, что насъ никто не слышитъ, кромѣ этихъ уважаемыхъ дамъ, я могу дать отвѣтъ на вашъ вопросъ. Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что считаю своего господина за человѣка тронутаго въ умѣ, хотя онъ иногда и говоритъ такъ разсудительно, что самъ чортъ не могъ бы го-

ворить умнѣе. А такъ какъ я все-таки считаю его блаженненькимъ, то и пытаюсь по временамъ нагораживать ему какой-нибудь чепухи, въ родѣ, напримѣръ, отвѣта Дульцинеи или ея очарованія, еще не попавшаго въ исторію. На самомъ же дѣлѣ она такъ же мало очарована, какъ сама луна.

По просьбѣ герцогини Санчо подробно разсказалъ ей, какъ онъ увѣрилъ Донъ-Кихота въ очарованіи его дамы. Всѣ слушательницы пришли въ восторгъ отъ находчивости Санчо. Однако, подумавъ немного, герцогиня сказала:

— Но почему же, въ такомъ случаѣ, Санчо остается въ оруженосцахъ у человѣка, котораго считаетъ сумасшедшимъ, и вдобавокъ вѣритъ его обѣщаніямъ? Судя по этому, его самого надо принимать за полоумнаго, а въ такомъ случаѣ мой супругъ, герцогъ, не напрасно ли даетъ этому Санчо островъ? Какъ же можетъ управлять другими тотъ, кто не въ состояніи управлять самимъ собою.

— Эхъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Санчо,—я и самъ понимаю, что я глупъ какъ цыпленокъ и что не будь этого, я никогда не связался бы съ Донъ-Кихотомъ. Но какъ? Что же дѣлать? Знать ужъ моя судьба такая, что самому быть дуракомъ и возиться съ дуракомъ. Къ тому же мы съ нимъ земляки, притомъ я очень люблю его, потому что онъ человѣкъ благородный и уже далъ мнѣ за мою службу трехъ ослятъ. Вотъ почему, ваша свѣтлость, насъ съ нимъ ничто не разлучитъ, кромѣ заступа, которая выроетъ кому-нибудь изъ насъ послѣднее убѣжище. Если же вашему величію или вашему супругу, милостивѣйшему герцогу, не будетъ угодно пожаловать мнѣ обѣщанный островъ, то я и на это не возропщу, а скажу, что на все воля Божія, потому что, быть-можетъ, такъ нужно для моего спасенія. Какъ я ни глупъ, но отлично понимаю пословицу, которая говоритъ: «Крылья даны муравью на его бѣду». Очень можетъ быть, что Санчо-оружѐносецъ скорѣе попадетъ въ рай, нежели Санчо-губернаторъ. У насъ не хуже пекутъ хлѣбъ, чѣмъ во Франціи. Ночью всѣ кошки сѣры. Тотъ человѣкъ самый несчастный, который не поужиналъ до двухъ часовъ ночи. Нѣтъ желудка, который не могъ бы быть наполненъ хоть соломой и сѣномъ. Господь призрѣваетъ полевыхъ птичекъ, а четыре локтя куэнцскаго толстаго сукна грѣютъ лучше восьми локтей тонкаго сеговійскаго. Одинаковымъ путемъ появляются на свѣтъ и отходятъ изъ него принцъ и поденщикъ; даже тѣло папы занимаетъ въ землѣ не болѣе мѣста, чѣмъ тѣло послѣдняго причетника, хотя бы папа и былъ выше ростомъ. Вѣдь когда приходится влѣзать въ могилу, то мы сжимаемся, или, вѣрнѣе, насъ сжимаютъ, давятъ и тискаютъ, не спрашивая, нравится это намъ или нѣтъ... Итакъ, если ваша

Герцогиня привела Санчо въ бесѣдку и попросила его сѣсть на табуретъ возлѣ нея.

милость раздумаете дать мнѣ островъ какъ дураку, то я сумѣю отказаться отъ этой мысли какъ умникъ. Я слышалъ, что за крестомъ прячется дьяволъ и что не все то золото, что блеститъ. Слыхалъ я и то, что Вамбу прямо съ телѣги, запряженной простыми волами, возвели на испанскій тронъ, а съ короля Родриго сорвали багряницу, заставили его отказаться отъ роскоши и всякихъ удовольствій и бросили на съѣде-

ніе змѣямъ, если только не врутъ старинныя пѣсни, въ которыхъ это описывается.

— Это вѣрно!—воскликнула дуэнья донна Родригецъ.—Я сама знаю одцу старинную балладу, въ которой говорится, что короля Родриго бросили въ яму, наполненною ящерицами и змѣями, и онъ на второй день жалобнымъ голосомъ кричалъ: «Въ этой ямѣ хуже, чѣмъ въ аду! Лучше убейте меня сразу, чтобы я скорѣе могъ попасть туда, если заслужилъ это по своимъ грѣхамъ!» Сеноръ губернаторъ правъ, если хочетъ сказать, что лучше быть поденщикомъ, чѣмъ такимъ королемъ.

— Санчо долженъ знать, — проговорила герцогиня, которая съ громаднымъ удовольствіемъ слушала подборъ пословицъ оруженосца, — что когда рыцарь обѣщаетъ что-нибудь, то онъ всегда сдерживаетъ свое слово, хотя бы это и стоило ему жизни. И такъ какъ герцогъ, мой супругъ, тоже рыцарь, только не странствующій, то онъ дастъ Санчо обѣщанный островъ, наперекоръ зависти и злобѣ цѣлаго свѣта. Пусть же Санчо не падаетъ духомъ; въ ту минуту, когда онъ всего менѣе будетъ ожидать этого, онъ очутится возсѣдающимъ на губернаторскомъ креслѣ своего острова, если только не захочетъ промѣнять его на другой, болѣе блестящій. Я объ одномъ лишь попрошу Санчо: хорошо обращаться со своими подданными, потому что это все народъ честный и благородной крови.

— Объ этомъ вашей милости меня нечего просить, — отвѣтилъ Санчо: — я человѣкъ сострадательный и очень жалостливъ къ людямъ. Кто мѣситъ тѣсто, тому не слѣдуетъ искать закваски. Но только клянусь своимъ святымъ патрономъ, никому не удастся провести меня фальшивыми игральными костями! Я опытный воробей, на мякинѣ меня не проведешь, и никому не позволю напустить на себя тумана. Я всегда сразу чувствую, гдѣ жметъ сапогъ. Хорошему человѣку всегда открыта моя дверь и протянута рука, а злому не будетъ отъ меня даже маковаго зерна. Что же касается управленія, то я думаю, все дѣло въ началѣ, и очень можетъ статься, что я недѣли черезъ двѣ буду умѣть лучше управлять, чѣмъ пахать въ полѣ, хотя я и выросъ при этомъ дѣлѣ.

— Да, конечно, у кого есть способности, тотъ ко всему можетъ пріучиться, — согласилась герцогиня. — Но поговоримъ еще объ очарованіи Дульцинеи. Мнѣ хотѣлось знать ваше мнѣніе относительно этого, а теперь я выскажу свое. Я считаю не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что сеноръ Донъ-Кихотъ не узналъ своей дамы именно потому, что она, дѣйствительно, очарована преслѣдующими его волшебниками, и что Санчо не по своей волѣ вздумалъ одурачить своего господина, увѣривъ

его, что встрѣченная ими крестьянка не кто иная какъ Дульцинея Тобовская. Я навѣрное знаю, что это въ самомъ дѣлѣ была она, только превращенная козпями злыхъ волшебниковъ въ простолюдинку, и что добрякъ Санчо самъ попалъ впросакъ, воображая, что проводитъ Донъ-Кихота. Это правда, которой нельзя ни отрицать ни оспоривать, точно такъ же, какъ и многое, о чемъ намъ говорятъ, но чего мы сами не видѣли. Пусть Санчо знаетъ, что вокругъ насъ живутъ волшебники, которые относятся къ намъ благосклонно и передаютъ намъ рѣшительно все, что можетъ насъ интересовать. Отъ нихъ мы и узнали, что Дульцинея Тобозская превращена на время, и въ одинъ прекрасный день она снова явится въ своемъ настоящемъ видѣ, и Санчо убѣдится въ своемъ заблужденіи.

— Все это очень можетъ быть, ваша герцогская милость,— сказалъ Санчо.— Я начинаю вѣрить, что правда и все то, что разсказалъ мой господинъ о пещерѣ Монтезиноса, въ которой онъ, будто бы, тоже видѣлъ Дульцинею въ настоящемъ видѣ, какъ видѣлъ я ее въ тотъ день, когда вздумалъ немного подурачить его, а вмѣсто того, какъ вы изволите говорить, одурачился самъ. То-то я еще удивлялся, какъ это, молъ, мнѣ, при моемъ плохонькомъ умишкѣ, удалось придумать такую хитрую штуку въ одну минуту? Да и господинъ мой не настолько же уже въ самомъ дѣлѣ глупъ, чтобы зря вѣрить чему-нибудь. Значитъ все сдѣлалось такъ только потому, что это нужно было злымъ волшебникамъ. А мнѣ это, конечно, было тогда невдомекъ, и кабы вы, ваша свѣтлѣйшая милость, не объяснили мнѣ, дураку, въ чемъ тутъ суть, я бы такъ и не зналъ ничего до скончанія вѣка. Но вы не извольте думать, что я это со зла хотѣлъ надуть своего господина? Мнѣ просто пришло въ голову, что я отъ него ничего путнаго не дождусь, если все съ нимъ буду путаться, поэтому я и вздумалъ наврать ему, чтобы отъ него отдѣлаться; анъ оказалось, что я его вовсе и не обманывалъ, а говорилъ чистую правду, хотя самъ того не вѣдалъ. Не даромъ говорится, что Богъ все ведетъ къ лучшему.

— Совершенно вѣрно,— подтвердила герцогиня.— Но что такое случилось съ сеноромъ Донъ-Кихотомъ въ пещерѣ Монтезиноса? Прошу сенора губернатора разсказать мнѣ это. Я желала бы знать, то ли это, что сообщили мнѣ волшебники на этотъ счетъ.

Санчо передалъ съ нѣкоторыми измѣненіями повѣствованіе Донъ-Кихота объ его пребываніи въ пещерѣ.

— Да, волшебники разсказали почти то же самое,— заявила герцогиня: — маленькія неточности не имѣютъ значенія.

— Однако,— замѣтилъ Санчо,— если госпожа Дульцинея Тобозская въ самомъ дѣлѣ очарована, то я ни въ чемъ не виноватъ. Я видѣлъ

простую крестьянку, а потому и не могъ признать ея за важную даму. Не можетъ же бѣдный Санчо отвѣчать за все и про все, что ни случится. Только и слышишь: Санчо видѣлъ, Санчо сказалъ, Санчо выдумалъ то-то и это-то,—словомъ, повсюду его суютъ, точно онъ и Богъ вѣсть кто такой, а не простой оруженосецъ, который рыскаетъ по бѣлу свѣту, ожидая себѣ какой-нибудь выгоды отъ своихъ трудовъ. Хорошо еще, если я, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаюсь губернаторомъ; тогда хоть мои труды не пропадутъ даромъ. А что я буду недурнымъ губернаторомъ,—за это поручится вамъ мой господинъ, который обо мнѣ худого ничего не скажетъ.

— Санчо говоритъ какъ второй Катонъ,—замѣтила герцогиня, обращаясь къ своимъ дамамъ.—Его просто можно заслушаться. Нѣкоторые могутъ находить, что онъ выражается не совсѣмъ изысканнымъ языкомъ, но это ничего не значитъ: главное—нужно, чтобы въ словахъ человѣка былъ смыслъ, а его нашему Санчо не занимать стать. Поддѣлываясь подъ его способъ выраженія, я скажу народною поговоркой, что и подъ худымъ плащомъ скрывается настоящій знатокъ вина.

— Ну, это ваша герцогская свѣтлость изволитъ говорить совершенно напрасно,—возразилъ Санчо:—я, слава Богу, не пьяница! Я пью только тогда, когда ужъ очень одолѣетъ жажда или когда мнѣ предлагаютъ выпить. Я вѣдь кое-что понимаю въ манерахъ и знаю, что отнѣкиваются отъ угощенія только гордые и чванные, которыхъ никто не хвалитъ. Почему не выпить за здоровье хорошаго человѣка? Потомъ и плащъ у меня вовсе не худой; на мнѣ хоть и все простое, но крѣпкое и чистое. Притомъ оруженосцамъ странствующихъ рыцарей, разъѣзжающимъ съ ними по горамъ и лѣсамъ, не часто перепадаетъ выпивка. Бываетъ такъ, что они по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не видятъ, кромѣ самой безгрѣшной воды. И рады бы выпить хоть капельку вина, да негдѣ взять, поэтому...

— Ну, хорошо, вѣрю, вѣрю!—перебила герцогиня.—Я вѣдь привела свою пословицу не затѣмъ, чтобы обидѣть добраго Санчо, котораго и не считаю пьяницей, я хотѣла только сказать, что иной простой человѣкъ бываетъ дѣльнѣе хотя и ученаго, но плохо знающаго жизнь... Однако довольно пока намъ болтать. Если Санчо желаетъ, онъ можетъ теперь пойти отдохнуть или дѣлать что ему вздумается. Поговоримъ еще въ другой разъ. Я сейчасъ же переговорю съ моимъ супругомъ относительно губернаторства и попрошу его какъ можно скорѣе устроить это для славнаго оруженосца такого великаго рыцаря, какъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

Санчо поцѣловалъ горцогинѣ руку и попросилъ, чтобы она приказала хорошенько ухаживать за его Длинноухомъ.

— А кто этотъ Длинноухъ?—спросила съ недоумѣніемъ герцогиня.

— Это мой оселъ, свѣтъ моихъ очей, — пояснилъ Санчо. — Онъ прозванъ такъ съ тѣхъ поръ, какъ явился на свѣтъ, потому что у него уши еще длиннѣе, чѣмъ у другихъ ословъ. Я давеча, по нашемъ пріѣздѣ сюда, просилъ вотъ эту госпожу дуэнью, что стоитъ за кресломъ вашей свѣтлѣйшей милости, чтобы она пошла и взяла на свое попеченіе моего друга-осла; но эта госпожа изволила разгнѣваться и раскраснѣться, словно вареный ракъ, точно я и ни вѣсть какъ нагрубилъ ей. А по-моему, ухаживать за скотиной — самое подходящее дѣло для дуэній. Я, конечно, говорю только о коняхъ и ослахъ странствующихъ рыцарей и оруженосцевъ. Въ рыцарскихъ исторіяхъ всѣ дуэньи дѣлаютъ это, а эта вотъ не желаетъ. Надо мнѣ будетъ разсказать объ этомъ одному знакомому гидальго, который терпѣть не можетъ такихъ чванныхъ дуэній...

— Ваша свѣтлость,—воскликнула со слезами на глазахъ донна Родригецъ, — зачѣмъ вы позволяете этому деревенскому неучу такъ оскорблять меня! Чѣмъ я это заслужила? Заступитесь, ради Бога, иначе мнѣ отъ него проходу не будетъ во все время, пока онъ тутъ будетъ гостить со своимъ господиномъ, который, кстати сказать, тоже немногимъ лучше него.

Герцогиня сдѣлала расходившейся дуэньѣ знакъ замолчать и успокоиться, а потомъ весело проговорила:

— Санчо, конечно, шутитъ; моя дорогая и умная и любимая дуэнья отвѣчаетъ ему тоже шуткою. Я вѣдь знаю, что въ глубинѣ души они оба очень уважаютъ другъ друга и только разыгрываютъ для моего увеселенія маленькую комедію въ простонародномъ духѣ. Что же касается до Длинноуха, то о немъ будутъ заботиться такъ же, какъ о самомъ Санчо. Разъ сеноръ губернаторъ такъ любитъ своего осла, то въ моемъ сердцѣ найдется мѣсто и для него.

— Покорно благодаримъ, — проговорилъ съ поклономъ Санчо. — Но мнѣ было бы пріятнѣе, кабы ваша милостивая свѣтлость изволили оставить моего Длинноуха въ конюшнѣ. Куда ужъ намъ съ нимъ соваться въ сердце такой важной дамы! Я скорѣе позволю себя изрѣзать на мелкіе кусочки, нежели подумаю о чемъ-либо такомъ... Хоть мой господинъ и говоритъ, что вѣжливость лучше переливать черезъ край, чѣмъ не доливать, но все-таки, по моему простому разумѣнію, ослы недостойны такихъ деликатностей.

— Какъ же не деликатничать съ осломъ, господинъ котораго дѣлается губернаторомъ острова и, по дружбѣ къ нему, быть-можетъ, захочетъ дать ему тамъ первое мѣсто?!—со смѣхомъ воскликнула герцогиня.

— Что жъ, — отвѣтилъ Санчо: — это былъ бы не первый примѣръ, что оселъ занимаетъ важную должность, и я думаю, мой Длинноухъ не изъ самыхъ глупыхъ ословъ, а скорѣе, напротивъ, онъ...

— Ну, идите, идите, сеноръ губернаторъ, — перебила герцогиня, махнувъ рукой, — а то вы, право, уморите меня со смѣха!

Санчо всталъ, отвѣсилъ ей неуклюжій поклонъ и ушелъ. Герцогиня же отправилась къ своему супругу, которому и передала всю свою бесѣду съ оруженосцемъ Донъ-Кихота. Когда ихъ свѣтлости вдоволь нахохотались надъ странностями Донъ-Кихота и наивностью Санчо, они рѣшили устроить имъ нѣсколько мистификацій въ духѣ рыцарскихъ романовъ. Насколько имъ удастся ихъ планъ — будетъ видно въ слѣдующей главѣ этой правдивой лѣтописи.

ГЛАВА XXXIV,

въ которой разсказывается о томъ, какъ было сдѣлано открытіе, какимъ образомъ слѣдовало избавить Дульцинею Тобозскую отъ очарованія.

Герцогская чета была очень рада развлеченію, доставляемому ей пребываніемъ у нея въ замкѣ Донъ-Кихота и Санчо Панцы. Задумавъ подшутить надъ своими легковѣрными гостями, владѣльцы замка рѣшили воспользоваться мнимымъ приключеніемъ Донъ-Кихота въ пещерѣ Монтезиноса, чтобы построить на немъ маленькую интересную комедію. Научивъ всѣхъ своихъ служащихъ, что нужно дѣлать и говорить, герцогъ и герцогиня черезъ недѣлю пригласили рыцаря на большую охоту за крупными звѣрями, устроенную на широкую ногу. Донъ-Кихоту и его оруженосцу было предложено по охотничьему костюму изъ тонкаго зеленаго сукна, съ богатыми серебряными украшеніями. Рыцарь отказался отъ этого подарка, говоря, что ему подъ открытымъ небомъ ничего не полагается носить, кромѣ военныхъ доспѣховъ, но Санчо съ удовольствіемъ взялъ прекрасный костюмъ съ тѣмъ, чтобы продать его при первомъ же удобномъ случаѣ.

Такимъ образомъ Донъ-Кихотъ отправился на охоту въ полномъ вооруженіи, а Санчо, хотя и въ новомъ костюмѣ, но на своемъ Длинноухѣ, наотрѣзъ отказавшись сѣсть на предложенную ему для охоты лошадь. Герцогиня явилась одѣтою съ особенною роскошью. Донъ-Кихотъ, вѣрный правиламъ рыцарской вѣжливости, хотѣлъ помочь ей сѣсть въ сѣдло, но герцогъ не допустилъ его до этого — тоже изъ вѣжливости.

Мѣстомъ охоты былъ густой лѣсъ, находившійся въ окрестностяхъ замка и расположенный между двумя горами. Герцогиня отличалась не-

обыкновеннымъ мужествомъ, и поэтому пожелала принять дѣятельное участіе въ охотѣ, а не быть только простою зрительницей. По прибытіи на мѣсто она сошла съ лошади и стала съ громаднымъ охотничьимъ ножомъ въ рукахъ на краю большой котловины, куда собирались загнать кабана. Около нея помѣстились герцогъ, Донъ-Кихотъ и Санчо; первые тоже спѣшились, но оруженосецъ остался на своемъ ослѣ, опасаясь, какъ бы не случилось какой бѣды съ Длинноухомъ, если онъ сойдетъ съ него.

Въ самый разгаръ охоты, посреди страшнаго шума и гама, производимаго безчисленнымъ множествомъ собакъ, криками загонщиковъ и звуками охотничьихъ роговъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояла герцогиня, сталъ приближаться громадный старый кабанъ, весь ощетинившійся, съ глазами, налитыми кровью, и съ разинутою пастью, изъ которой клубами падала пѣна. Увидѣвъ страшнаго звѣря, Донъ-Кихотъ храбро выступилъ ему навстрѣчу, герцогъ сдѣлалъ то же самое, а герцогиня непремѣнно опередила бы ихъ обоихъ, если бы мужъ не удержалъ ее своимъ властнымъ словомъ. Что же касается Санчо, то онъ тотчасъ же при появленіи кабана повернулъ своего осла и подъѣхалъ къ громадному развѣсистому дубу, на который хотѣлъ взобраться. Къ несчастью, ему это не удалось: въ то время, когда онъ влѣзалъ на дерево, подъ нимъ обломился сукъ, при чемъ бѣдный оруженосецъ не упалъ на землю, а зацѣпился одеждою за другой сукъ и никакъ не могъ съ него ни подняться выше ни спуститься внизъ. Ноги его немного не доставали до земли, поэтому онъ страшно боялся, какъ бы кабанъ, за которымъ гнались собаки и охотники, не вздумалъ подбѣжать къ нему и цапнуть его. Отъ страха несчастный толстякъ заоралъ во все горло, точно уже чувствовалъ на себѣ удары могучихъ клыковъ животнаго. Между тѣмъ кабанъ уже палъ подъ ножами охотниковъ и никому не могъ причинить зла своими громадными бивнями.

Услыхавъ крикъ своего оруженосца, Донъ-Кихотъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Санчо продолжалъ висѣть головою и ногами внизъ, а его Длинноухъ спокойно стоялъ возлѣ дерева и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на своего господина, очевидно, не понимая, чего тотъ оретъ и остается висѣть на деревѣ, вмѣсто того, чтобы снова сѣсть на своего осла. Когда Донъ-Кихотъ освободилъ своего оруженосца изъ неудобнаго положенія, тотъ прежде всего принялся хныкать по поводу разорваннаго костюма, продажей котораго онъ разсчитывалъ нажиться.

Тушу кабана, покрытую миртовыми и розмариновыми вѣтвями, нагрузили на мула и повезли къ разбитымъ на полянѣ палаткамъ, куда двинулся и весь охотничій кортежъ.

Когда усѣлись въ герцогской палаткѣ за столъ, роскошно сервированный и уставленный множествомъ дорогихъ кушаній и винъ, Санчо подошелъ къ герцогинѣ, показалъ ей разорванныя мѣста на своемъ платьѣ и жалобнымъ голосомъ проговорилъ:

— Если бы ваши свѣтлѣйшія свѣтлости охотились на птицъ или на зайцевъ, мнѣ не надо было бы карабкаться на дерево и рвать на себѣ одежду, которую вы же изволили мнѣ пожаловать и которую я желалъ бы сохранить на вѣчную память о вашей милости.

— А кто же велѣлъ вамъ карабкаться на деревья, сеноръ губернаторъ? — со смѣхомъ спросила герцогиня.

— Кто велѣлъ? — повторилъ Санчо. — А нешто охота быть съѣденнымъ живьемъ проклятымъ кабаномъ?

— Да развѣ кабаны ѣдятъ людей? — возразила герцогиня. — Насколько мнѣ извѣстно, они только убиваютъ ихъ.

— А развѣ это не одно и то же? — подхватилъ Санчо. — По-моему, все равно: быть убитымъ или съѣденнымъ. Помнится мнѣ, въ одной пѣснѣ поется о какомъ-то королѣ, котораго звѣри съѣли на охотѣ...

— Это былъ готскій король Фавилла Славный, котораго, дѣйствительно, съѣлъ на охотѣ медвѣдь,—пояснилъ всезнающій Донъ-Кихотъ.— А ты бы, Санчо, сѣлъ на свое мѣсто, чѣмъ торчать около ея свѣтлости и мѣшать ей кушать.

— Сѣсть-то я сяду, — пробурчалъ Санчо, направляясь къ назначенному ему мѣсту, — но все-таки я не могу утаить, что мнѣ вовсе не нравится охота на кабановъ, медвѣдей и тому подобныхъ страшныхъ тварей. И называютъ такую охоту удовольствіемъ, а какое это удовольствіе, когда, того и гляди, подвергаешься опасности быть убитымъ или съѣденнымъ живьемъ! Да и зачѣмъ вызывать на это звѣря, который самъ по себѣ, быть-можетъ, никого и не тронулъ бы, если только оставить его въ покоѣ? А королямъ, принцамъ и вельможамъ и совсѣмъ не слѣдовало бы лѣзть въ такую опасность.

— Вы очень ошибаетесь, другъ мой Санчо, — сказалъ герцогъ:— именно такимъ высокопоставленнымъ лицамъ и слѣдуетъ охотиться на крупныхъ звѣрей. Совѣтую и вамъ заняться такою охотой, когда вы будете губернаторомъ. Я увѣренъ, она вамъ тогда очень понравится.

— Ну, ужъ нѣтъ, этого не будетъ!—воскликнулъ Санчо.—По моему мнѣнію, хорошій губернаторъ, такъ же, какъ и хорошая жена, всегда долженъ сидѣть дома, а не таскаться по охотамъ. Не искать же его тамъ людямъ, которые приходятъ къ нему издалека по дѣлу? Вѣдь этакъ у него все управленіе пойдетъ вкривь и вкось. Охота и всякія такія развлеченія скорѣе подходятъ бездѣльникамъ, чѣмъ губернаторамъ. Нѣтъ,

я думаю забавляться только священными представленіями въ большіе праздники да игрою въ шары по воскресеньямъ. Всѣ эти охоты не по мнѣ; моя совѣсть противъ нихъ.

— Дай Богъ, чтобы вы всегда дѣлали такъ, какъ говорите, Санчо,— произнесъ герцогъ. — Но отъ слова до дѣла большое разстояніе; не каждому дано одолѣть его.

— Пустяки!—возразилъ Санчо.—Исправному плательщику не трудно отдавать долги. Лучше тому, кому Богъ помогаетъ, чѣмъ тому, у кого только пасть широка. Не ноги служатъ кишкамъ, а кишки ногамъ. Я хочу сказать, что если Богъ мнѣ поможетъ исполнять то, къ чему я имѣю склонность, то я буду управлять не хуже кого другого. Кому даны крѣпкіе зубы, тотъ хорошо кусается...

— Санчо,—крикнулъ вышедшій изъ терпѣнія Донъ-Кихотъ,—когда ты наконецъ будешь говорить какъ слѣдуетъ, безъ своихъ безобразныхъ поговорокъ и присказокъ? Сколько разъ я уже твердилъ и толковалъ тебѣ, что нельзя такъ распускать свой языкъ, а ты все даешь ему волю молоть, сколько у него хватаетъ силъ и способности. И хоть бы ты приводилъ свои поговорки и прибаутки не такія грубыя, тогда еще можно было бы какъ-нибудь съ ними примириться, а то вѣдь онѣ у тебя такія топорныя, что стыдно слушать. Напрасно ихъ свѣтлости слушаютъ тебя, дурака. Я бы на ихъ мѣстѣ давно выгналъ тебя на задворокъ; тамъ для тебя самое подходящее мѣсто.

— Пусть его говоритъ, какъ Богъ ему на душу положилъ, — вступилась герцогиня. — Поговорки и пословицы его хотя и многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ, но зато коротки и вѣрны, поэтому ихъ легко слушать. Онѣ гораздо лучше безконечныхъ поученій нѣкоторыхъ ученыхъ людей.

Подъ предлогомъ продолжать охоту рано утромъ герцогъ приказалъ устроить всѣмъ участвовавшимъ въ охотѣ ночлегъ въ лѣсу.

Только что стемнѣло, какъ вдругъ лѣсъ со всѣхъ сторонъ вспыхнулъ огнями. Въ то же время послышались съ разныхъ концовъ звуки военныхъ трубъ и другихъ инструментовъ и гулъ шаговъ многочисленной конницы. Свѣтъ былъ такой яркій, а хаосъ звуковъ, нарушившій ночную тишину, такой сильный, что всѣ растерялись, даже тѣ, которые знали, въ чемъ дѣло, потому что не ожидали подобнаго эффекта. А когда въ отдаленіи, кромѣ того, послышался военный кличъ мавровъ, нѣсколько смутился даже и мужественный Донъ-Кихотъ, не говоря уже о Санчо, который прямо умиралъ отъ страха.

Вдругъ мимо герцогской палатки быстро пронесся на черномъ какъ вороново крыло конѣ курьеръ, извлекавшій изъ громаднаго рожка непріятные, хриплые звуки.

— Эй, курьеръ!—окликнулъ его герцогъ. — Кто ты, откуда, и что это за войско проходитъ лѣсомъ?

— Я—дьяволъ,—отвѣтилъ тотъ голосомъ, напоминающимъ рѣзкій свистъ бури, — и посланъ изъ ада разыскать Донъ-Кихота Ламанчскаго, котораго зоветъ къ себѣ на помощь Дульцинея Тобозская. Ее везутъ сюда шесть отрядовъ волшебниковъ, и она желаетъ видѣть Донъ-Кихота, чтобы объяснить ему, какимъ способомъ онъ можетъ избавить ее отъ чаръ. Вмѣстѣ съ нею ѣдетъ и блистательный Францискъ Монтезиносъ тоже очарованный, какъ она сама.

— Какой же ты дьяволъ, когда летишь мимо того, кого ищешь?— укоризненно произнесъ герцогъ. — Неужели нужно называть тебѣ людей, чтобы ты могъ узнать ихъ? Донъ-Кихотъ Ламанчскій предъ тобою!

— Клянусь душою и совѣстью, что я не обратилъ на него вниманія, — оправдывался дьяволъ. — Мой умъ такъ занятъ, что я невольно забылъ хорошенько оглянуться вокругъ себя.

— Однако,—замѣтилъ про себя Санчо,—этотъ дьяволъ долженъ быть человѣкомъ, а то бы онъ не сталъ клясться душой и совѣстью. Видно, и въ аду не всѣ такъ плохи, какъ обыкновенно думаютъ.

— Такъ ты слышалъ, рыцарь Львовъ, —обратился дьяволъ къ Донъ-Кихоту,—что я говорилъ? Подожди здѣсь немного, и ты увидишь свою Дульцинею Тобозскую и преславнаго Франциска Монтезиноса. Я сейчасъ приведу ихъ сюда.

И, заигравъ снова на своемъ гигантскомъ рожкѣ, дьяволъ умчался назадъ, въ ту сторону, откуда появился.

— Ваша милость, не лучше ли намъ по-добру, по-здорову убраться отсюда? — дрожащимъ отъ страха голосомъ предложилъ Санчо своему господину.— Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ хотите ждать всѣхъ этихъ волшебниковъ и дьяволовъ?

— Конечно, буду ждать!—твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Напрасно ты объ этомъ и спрашиваешь. Пора тебѣ знать, что я не отступлю даже передъ цѣлымъ адомъ со всѣми его полчищами.

— Ну, ладно,—согласился Санчо, который сообразилъ, что въ крайнемъ случаѣ всегда успѣетъ убѣжать, а потому успокоился,—останусь и я съ вами. Этотъ дьяволъ, что сейчасъ былъ тутъ, показался мнѣ добрымъ малымъ. Если вся его компанія похожа на него, то, кажется, нечего особенно безпокоиться.

Вдругъ по лѣсу пронесся такой страшный грохотъ, точно ѣхало множество тяжелыхъ возовъ. При этомъ что-то скрипѣло и гудѣло. Въ то же время со всѣхъ четырехъ сторонъ началъ доноситься шумъ

ожесточенной битвы. Слышались безпрерывная пальба, предсмертные крики и стоны, военные кличи, рокотъ барабановъ, гудѣніе трубъ, рожковъ и дудокъ; все это сливалось въ такой страшный концертъ, что даже Донъ-Кихотъ долженъ былъ призвать на помощь все свое мужество, чтобы не упасть духомъ. Успокоившійся было Санчо не выдержалъ и безъ чувствъ повалился на полъ. Герцогиня лично старалась привести его въ сознаніе; ей это удалось сдѣлать какъ разъ въ ту минуту, когда къ палаткѣ стала приближаться громадная неуклюжая колесница, запряженная четырьмя волами, покрытыми черными попонами. Къ рогамъ животныхъ было привязано по пылающему факелу. Колеса немилосердно скрипѣли, трещали и дребезжали. На колесницѣ было нѣчто въ родѣ трона, на которомъ возсѣдалъ почтенный старикъ съ бѣлоснѣжною бородой, спускавшеюся почти до колѣнъ. Одѣтъ онъ былъ съ головы до ногъ въ черное. По бокамъ колесницы шло по демону съ такими ужасными лицами, что при видѣ ихъ Санчо взвигнулъ на весь лѣсъ и закрылъ глаза, чтобы не видѣть ихъ.

Когда колесница поравнялась съ палаткой, старикъ всталъ, вытянулся во весь ростъ и произнесъ замогильнымъ голосомъ:

— Я—мудрый Лиргандэ!

Затѣмъ онъ снова опустился на свое мѣсто, и колесница прослѣдовала далѣе. На смѣну ей явилась другая, точно такая же, и тоже со старикомъ на тронѣ, который также всталъ, объявивъ, что онъ — мудрый Алкифъ, другъ Урганда Непризнаннаго, и проѣхалъ вслѣдъ за первымъ мудрецомъ. Потомъ явилась третья колесница, но въ ней возсѣдалъ не старикъ, а толстый, коренастый человѣкъ среднихъ лѣтъ съ безобразнымъ лицомъ. Этотъ сообщилъ, что онъ—волшебникъ Аркалай, смертельный врагъ Амадиса Галльскаго и всего его рода. Голосъ у него былъ такой же противный, какъ и самъ онъ.

Всѣ три колесницы остановились въ нѣкоторомъ разстояніи. Гулъ и скрипъ колесъ прекратился, смѣнившись нѣжною, стройною музыкой, исходившей неизвѣстно откуда. Санчо очень понравилась эта музыка, и онъ принялъ ее за хорошее предзнаменованіе.

— Гдѣ музыка, тамъ не можетъ быть ничего дурного,—сказалъ онъ герцогинѣ.

— Такъ же, какъ и тамъ, гдѣ свѣтъ,—отвѣтила та.

— О, нѣтъ, свѣтъ происходитъ отъ огня, — возразилъ Санчо, — а огонь можетъ сжечь, тогда какъ музыка всегда даетъ одну радость и удовольствіе.

— Ну, это не всегда бываетъ такъ,—замѣтилъ Донъ-Кихотъ, и, какъ мы увидимъ изъ слѣдующей главы, онъ оказался правъ.

ГЛАВА XXXV,

въ которой Дульцинея Тобозская сообщаетъ, какъ снять съ нея очарованіе.

Вскорѣ подъ звуки музыки подъѣхала легкая, изящная, такъ называемая «тріумфальная колесница», запряженная шестью красивыми бѣлыми мулами, покрытыми такого же цвѣта попонами. На каждомъ мулѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, въ одеждѣ кающагося, съ зажженною свѣчой въ рукахъ. По бокамъ колесницы сидѣли двѣнадцать другихъ кающихся, державшихъ, вмѣсто свѣчей, длинные факелы. На тронѣ, посреди колесницы, возсѣдала нимфа, закутанная цѣлымъ облакомъ серебристыхъ газовыхъ покрывалъ, усѣянныхъ золотыми блестками. Изъ-подъ этихъ покрывалъ еле просвѣчивало прелестное молодое личико. Рядомъ съ нею сидѣла какая-то женщина, одѣтая въ черное бархатное платье съ длиннымъ шлейфомъ и закрытая чернымъ покрываломъ.

Лишь только колесница поравнялась съ палаткой, черная женщина встала, выпрямилась и откинула свое покрывало, при чемъ взорамъ присутствующихъ открылась фигура смерти во всемъ ея ужасающемъ безобразіи и величіи.

Донъ-Кихотъ поблѣднѣлъ, Санчо замеръ отъ страха, а герцогская чета какъ бы въ испугѣ отступила назадъ.

Кающіеся сошли на землю и окружили колесницу, со дна которой поднялись музыканты, до тѣхъ поръ остававшіеся невидимыми, и сѣли на передокъ.

Между тѣмъ особа, которую всѣ приняли за смерть, проговорила какимъ-то страннымъ, точно соннымъ голосомъ и тяжело поворачивающимся языкомъ:

— Я—тотъ самый Мерлинъ, о которомъ распространилась освященная временемъ ложь, что будто мой отецъ — самъ сатана. Во всякомъ случаѣ, я—князь магіи, хранитель науки Зороастра и покровитель всѣхъ странствующихъ рыцарей, къ которымъ питаю особенную любовь. Не въ примѣръ другимъ магамъ, я обладаю мягкимъ, кроткимъ, любвеобильнымъ нравомъ и всегда готовъ всѣмъ дѣлать добро. Я сегодня занимался въ глубокихъ и мрачныхъ пещерахъ Рока составленіемъ магическихъ формулъ, когда до меня вдругъ донесся скорбный голосъ прекрасной Дульцинеи Тобозской. Я поспѣшилъ къ ней и, узнавъ, что она какимъ-то злымъ колдуномъ превращена изъ красивой, нѣжной, благородной дамы въ безобразную грубую крестьянку, предался глубокому горю. Порывшись въ сотнѣ тысячъ книгъ, заключающихъ всю мудрость

науки магіи, я нашелъ средство снять съ несравненной Дульцинеи очарованіе и по ея просьбѣ явился сюда, чтобы объявить объ этомъ средствѣ. Слушай же, герой, ни разу еще достойно не воспѣтый, храбрый и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокомысленный Донъ-Кихотъ, сіяніе Ламанча, солнце Испаніи, цвѣтъ странствующаго рацарства! Для того, чтобы возвратить несравненной Дульцинеѣ Тобозской ея надлежащій видъ, твоему оруженосцу, Санчо, по обнаженному тѣлу, пониже спины, слѣдуетъ дать три тысячи триста ударовъ плетью, но такъ, чтобы ему было чувствительно и у него надолго сохранились бы слѣды этихъ ударовъ. Другого средства нѣтъ.

— Вотъ это мнѣ нравится! — вскричалъ Санчо.—Ишь, нашли дурака, который такъ сейчасъ и подставитъ вамъ спину! Да я не только три тысячи, а трехъ ударовъ не позволю дать себѣ! Съ какой это стати мнѣ такъ себя истязать? Я никого не заколдовывалъ, а за другихъ отвѣчать не желаю. Если сеноръ Мерлинъ не придумалъ другого средства расколдовать госпожу Дульцинею, то не миновать ей оставаться заколдованною до скончанія вѣка.

— Ну, въ этомъ ты жестоко заблуждаешься, бездѣльникъ, пропитанный чеснокомъ!—вскричалъ Донъ-Кихотъ.—Я возьму, привяжу тебя къ дереву да и отсчитаю тебѣ не три тысячи триста ударовъ плетью, а шесть тысячъ шестьсотъ, притомъ такихъ мѣткихъ, что они всѣ попадутъ въ цѣль, хоть ты увертывайся отъ нихъ триста тысячъ разъ!

— Нѣтъ, такъ нельзя, — вмѣшался Мерлинъ: — необходимо нужно, чтобы добрый Санчо высѣкъ себя самъ и въ назначенное имъ самимъ время, такъ какъ срока ему опредѣлено не будетъ. Если же онъ предпочтетъ быть высѣченнымъ другимъ, то сѣченіе можетъ быть ограничено половиною ударовъ.

— Ни своя, ни чужая, ни тяжелая, ни легкая рука меня не тронетъ! — крикнулъ Санчо. — Развѣ *я* влюбленъ въ госпожу Дульцинею, чтобы мнѣ жертвовать для нея своею спиной? Это дѣло моего господина, который умираетъ по ней и не на такія еще глупости готовъ пуститься ради нея. Если ему нужно, чтобы она была разочарована, то и пусть онъ дѣлаетъ что хочетъ для этого, а мнѣ совершенно все равно — очарована она или разочарована. Не моего она поля ягода, не мнѣ ее и ѣсть.

Не успѣлъ Санчо досказать послѣдняго слова, какъ нимфа въ колесницѣ встала, откинула покрывало со своего лица, показавшагося всѣмъ сверхъестественно прекраснымъ, и проговорила голосомъ, болѣе похожимъ на грубый мужской, чѣмъ на нѣжный дѣвичій:

— О, злополучный оруженосецъ, обладающій куринымъ сердцемъ, желѣзной душой и каменными внутренностями! Если бы тебѣ, дерзкій бездѣльникъ, велѣли броситься съ высокой башни внизъ своею глупою головой, или отъ тебя, черстваго человѣка, потребовали, чтобы ты живьемъ проглотилъ дюжину жабъ, двѣ дюжины ящерицъ и три дюжины змѣй, или заставляли бы тебя зарѣзать собственными руками свою жену и дѣтей, то было бы неудивительно, что ты не соглашаешься на это. Но становиться на дыбы изъ-за какихъ-нибудь трехъ тысячъ трехсотъ ударовъ плетью, когда плохой ученикъ въ школѣ получаетъ каждый мѣсяцъ несравненно больше,— это, воля твоя, такъ нехорошо, что становится стыдно за тебя! Послѣ этого отъ тебя должны будутъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернуться даже самые великодушные и снисходительные люди, способные прощать многое, но не имѣющіе права прощать *все*... Взгляни, жалкое, безсердечное животное, своими тусклыми, выпученными ослиными глазами въ мои ясные, мерцающіе какъ звѣзды глаза, и ты увидишь, какъ они, капля за каплей, ручей за ручьемъ, проливаютъ жгучія слезы по моимъ свѣжимъ, прекраснымъ щекамъ. Сжалься, упрямое и злое чудовище, сжалься надъ моею нѣжною молодостью, отцвѣтающею подъ грубою корой крестьянки, надѣтою на меня такимъ же злымъ, какъ ты, волшебникомъ! Вѣдь мнѣ всего девятнадцать лѣтъ, и красота моя едва достигла своего полнаго расцвѣта! Если я сейчасъ предстала предъ тобою въ моемъ настоящемъ видѣ, то это лишь благодаря милости сенора Мерлина, возвратившаго мнѣ на время мою красоту, чтобы ты зналъ, что я потеряла и о чемъ скорблю. Къ несчастью, власть добраго сенора Мерлина не простирается такъ далеко, чтобы навсегда возвратить мнѣ мой природный видъ, иначе мнѣ, конечно, не нужно было бы обращаться къ тебѣ, грубому ослу, за помощью. О, дикій, необузданный звѣрь, пойми, какое тебѣ выпало на долю счастіе — быть освободителемъ красоты изъ плѣна, и спѣши воспользоваться имъ! Неужели у тебя только на то и есть мужество, чтобы набивать свое толстое брюхо? Неужели ты хочешь, чтобы тебя считали ни на что болѣе не годнымъ? Неужели въ тебѣ такъ мало самолюбія? Если ты не хочешь немного побезпокоить себя ради меня, то сдѣлай это хоть ради своего господина, который съ такою мучительною тоской ждетъ твоего рѣшенія.

— Если бы вы и мой господинъ хотѣли, чтобы я помогъ вамъ и далъ себя высѣчь ради васъ,— возразилъ Санчо,— то не слѣдовало ни угрожать мнѣ ни ругать меня, а просто нужно было бы хорошенько попросить меня, да подарить мнѣ передъ тѣмъ что-нибудь; тогда я, навѣрное, по своей добротѣ, и согласился бы. А такъ какъ вы приня-

лись за дѣло не съ того конца, то и терпите за это. Кому что нужно, пусть тотъ сначала выучится просить, а потомъ ужъ и можетъ соваться со своей нуждой. Я и такъ ужъ огорченъ тѣмъ, что разорвалъ свою одежду, пожалованную мнѣ ихъ свѣтлостями, а меня вмѣсто того, чтобы утѣшить въ этомъ горѣ, еще заставляютъ ни съ того ни съ сего отхлестать себя! Гдѣ же тутъ справедливость, позвольте васъ спросить? Поневолѣ будешь думать, что она находится только на языкѣ у нѣкоторыхъ людей... Да что тутъ толковать! Не желаю я терзать себя изъ-за чужого дѣла,—и баста! Больше я и говорить не стану.

— Да?—произнесъ герцогъ.—Ну въ такомъ случаѣ я беру назадъ свое обѣщаніе дать тебѣ островъ. Какъ могу я сдѣлать губернаторомъ такого жестокаго человѣка, который только объ одномъ себѣ и думаетъ и ничѣмъ не хочетъ пожертвовать для другихъ? Хорошо бы поблагодарили меня мои островитяне за такого губернатора! Такъ ты и знай, Санчо, что если ты не дашь себя отхлестать или самъ при свидѣтеляхъ не сдѣлаешь этого, то тебѣ во вѣки вѣковъ не быть нигдѣ губернаторомъ.

— Ваша свѣтлость, — закричалъ испуганный Санчо, — сдѣлайте милость, дайте мнѣ денька два на размышленіе, чтобы я могъ рѣшить, что лучше: быть отодраннымъ другими или самому выдрать себя?

— Этого я не могу допустить, — сказалъ Мерлинъ, — ты долженъ рѣшиться на то или другое сейчасъ же, при мнѣ. На Дульцинею Тобозскую положенъ такой зарокъ, что она, въ случаѣ отказа Санчо разочаровать ее, должна остаться навсегда въ видѣ безобразной крестьянки или быть унесенною въ Елисейскія поля, чтобы выждать тамъ до окончанія очарованія.

— Ну, Санчо, не упрямься, а дѣлай то, о чемъ тебя просятъ,— вмѣшалась герцогиня. — Докажи своему господину, что ты не даромъ ѣлъ его хлѣбъ и пользовался его расположеніемъ и милостями. Кромѣ того, не забудь, что ты лишишься губернаторства, если не перестанешь упрямиться.

— А, гдѣ же Монтезиносъ, который, по словамъ бывшаго здѣсь дьявола, хотѣлъ пріѣхать вмѣстѣ съ госпожею Дульцинеей Тобозской? — зачѣмъ-то спросилъ Санчо у Мерлина.

— Дьяволъ ошибся,— отвѣтилъ Мерлинъ.—Я сказалъ ему, что пріѣду самъ съ несравненною Дульцинеей, а онъ, должно-быть, не понялъ меня. Монтезиносъ остался въ своей пещерѣ и ждетъ, когда его оттуда освободятъ; но это, кажется, случится еще не скоро. Если онъ нуженъ кому, то я могу на время привезти и его сюда. Но это дѣло второстепенное, а главное то, чтобы ты предалъ свое тѣло бичеванію. Ты со-

вершенно напрасно отъ этого отказываешься, потому что подобная экзекуція одинаково полезна и для души и для тѣла: душѣ — истязаніемъ грѣшной плоти, а тѣлу—какъ хорошее кровопусканіе, въ чемъ ты, какъ я вижу, имѣешь настоятельную нужду, благодаря большому излишку. Любой медикъ скажетъ тебѣ...

— Напрасно вы, сеноръ волшебникъ, вмѣшиваетесь въ медицину, когда и безъ васъ много врачей, — перебилъ Санчо. — А что касается до порки, то я, такъ и быть, согласенъ на нее, лишь бы вы всѣ отстали отъ меня. Но я соглашаюсь только съ тѣмъ условіемъ, чтобы меня не торопили. Даю слово, что собственноручно высѣку себя тремя тысячами тремястами ударовъ плетью, какъ только почувствую къ этому охоту. Пусть ужъ мой господинъ не плачется, что онъ изъ за меня лишенъ возможности наслаждаться видомъ красоты госпожи Дульцинеи. Крови я въ себѣ лишней не нахожу, а поэтому и пускать ее не желаю. Буду бить себя такъ, чтобы ея вышло какъ можно меньше.Если сеноръ волшебникъ мнѣ не довѣряетъ, то я не запрещаю ему издали считать удары, которые я буду наносить себѣ. Когда я ошибусь въ счетѣ, то онъ можетъ дать мнѣ знать, сколько нехватаетъ или сколько вышло лишнихъ.

— Ну, лишнихъ быть не можетъ,—подхватилъ Мерлинъ.—Какъ только дойдетъ до назначеннаго числа ударовъ, донна Дульцинея въ ту же минуту освободится отъ чаръ и явится къ тебѣ, чтобы отблагодарить за твое доброе дѣло. Она дама вполнѣ благородная, а потому и признательная. Вообще не безпокойся: лишняго отъ тебя никто не потребуетъ.

— Ну, ладно,—проговорилъ Санчо.—Пусть будетъ по-вашему. Выдеру самъ себя такъ чисто, что вы залюбуетесь. Мнѣ это хоть и непріятно, но ради губернаторства чего не сдѣлаешь!

Послѣднія слова Санчо были покрыты торжествующими звуками музыки и залпами ружейныхъ выстрѣловъ. Донъ-Кихотъ подскочилъ къ своему оруженосцу и едва не задушилъ его объятіями и поцѣлуями. Герцогская чета и всѣ присутствующіе старались и со своей стороны выразить живѣйшую радость по поводу счастливой развязки этого труднаго дѣла. Черезъ минуту тріумфальная колесница тронулась въ обратный путь въ сопровожденіи трехъ колесницъ съ мудрецами. Прекрасная Дульцинея на прощанье низко присѣла передъ герцогскою четой и величаво поклонилась Санчо.

Въ это время на востокѣ начала проступать заря. Полевые цвѣты выпрямляли свои тоненькіе стебли и раскрывали нѣжныя чашечки; прозрачные ручьи громче зажурчали по своему каменистому ложу; лѣсъ радостно закивалъ своими зелеными вершинами, — словомъ, вся природа оживала, чувствуя пробужденіе своего царя — солнца.

ГЛАВА XXXVI,

въ которой читатель узнаетъ о странномъ приключенiи дуэньи Долориды, или графини Трифалды, съ письмомъ Санчо Панцы къ его женѣ.

У герцога былъ очень умный и ловкiй дворецкiй; онъ-то и устроилъ всю комедiю, описанную въ предыдущей главѣ. Роль Мерлина игралъ онъ самъ, а въ Дульцинею преобразилъ одного изъ молодыхъ пажей. Желая позабавить своихъ господъ, онъ устроилъ вскорѣ другую, не менѣе интересную и своеобразную мистификацiю.

На другой день послѣ происшествiя въ лѣсу, когда всѣ возвратились въ замокъ, подъ предлогомъ, что загонщики не нашли болѣе подходящихъ звѣрей, герцогиня спросила Санчо, не началъ ли онъ уже бичеванiя для разочарованiя Дульцинеи.

— Конечно, началъ,—отвѣтилъ тотъ:—я сегодня поутру далъ себѣ пять ударовъ по голому тѣлу.

— Чѣмъ?—продолжала герцогиня.

— Да просто рукой.

— Что же это за бичеванiе? Удары рукой въ счетъ итти не могутъ,—сказала герцогиня.—Доброму Санчо слѣдуетъ постегать себя ремнемъ съ желѣзнымъ крючкомъ, а то всевидящiй Мерлинъ останется недоволенъ и, чего добраго, назначитъ какое-нибудь еще болѣе тяжелое средство для разочарованiя Дульцинеи.

— Едва ли,—возразилъ Санчо.—Вѣдь сеноръ Мерлинъ самъ объявилъ, что не нашелъ въ своихъ колдовскихъ книгахъ другого средства.

— Да, но все-таки онъ предупредилъ тебя, что ты непремѣнно долженъ *чувствовать* удары и даже сохранить отъ нихъ слѣды, безъ этого ничего не выйдетъ, и несравненная Дульцинея попрежнему останется въ своемъ печальномъ состоянiи.

— Но у меня нѣтъ ни одного ремня, ваша герцогская милость!—проговорилъ Санчо.—Пожалуйте мнѣ какой-нибудь ремешокъ, только потоньше и безъ крючковъ. Вѣдь мое тѣло хотя и крестьянское, но чувствуетъ боль не хуже дворянскаго. И, посудите сами, если я совсѣмъ раздеру себя, то на что же я потомъ буду годенъ: ни служить своему господину я буду не въ силахъ, какъ слѣдуетъ хорошему оруженосцу, ни быть губернаторомъ, которому надо сидѣть въ присутствiи, а не лежать.

— Ну, хорошо,—отвѣтила герцогиня,—я завтра же дамъ тебѣ такой ремень, которымъ ты останешься вполнѣ доволенъ: онъ и чувствовать

себя дастъ, и маленькіе слѣды оставитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишитъ тебя возможности сидѣть и вообще исполнять какія-либо обязанности.

— Кстати, госпожа свѣтлѣйшая дама, — сказалъ Санчо, — позвольте доложить вашей милости, что я написалъ письмо своей женѣ, Терезѣ Панца. Въ этомъ письмѣ я разсказываю ей о всемъ томъ, что случилось со мной съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней разстались. Письмо это со мною. Мнѣ осталось только написать на немъ адресъ. Очень было бы желательно, чтобы вы изволили его прочитать. Кажись, оно написано совсѣмъ такъ, какъ должны быть написаны губернаторскія письма.

— Съ удовольствіемъ. А кто его сочинилъ тебѣ? — освѣдомилась герцогиня.

— Кто же, какъ не я самъ!

— Оно и написано твоею рукой?

— Нѣтъ. Я вѣдь не умѣю ни читать ни писать, я выучился только подписываться.

— Давай сюда письмо, я прочту, — сказала герцогиня. — Я увѣрена, что въ этомъ письмѣ вылился весь твой замѣчательный умъ.

Санчо досталъ изъ кармана и подалъ горцогинѣ слѣдующее письмо, которое она прочла съ удовольствіемъ.

Письмо Санчо Панцы къ женѣ его, Терезѣ Панца.

«Какъ тѣ преступники, которыхъ хорошо отодрали, всегда твердо сидятъ на ослѣ, на которомъ ихъ возитъ по всему городу, такъ и я получаю теперь губернаторство за то, что я далъ себя выдрать. Милая Тереза, ты, конечно, сразу не возьмешь въ толкъ, что я хочу этимъ сказать, да это и не нужно: послѣ все поймешь. Дорогая моя супруга, я твердо рѣшился, чтобы ты ѣздила въ каретѣ. Это нынче важнѣе всего, потому что кто не ѣздитъ въ каретѣ, о томъ говорятъ, что онъ ползаетъ по землѣ на четверенькахъ. Ты теперь супруга губернатора, и интересно бы знать, кто теперь изъ нашихъ будетъ стоить твоего мизинца? Посылаю тебѣ при этомъ письмѣ зеленое охотничье платье, которое изволила мнѣ подарить госпожа герцогиня; можешь сдѣлать изъ него юбку и корсажъ нашей дочери. О господинѣ моемъ, Донъ-Кихотѣ, здѣсь говорятъ, что онъ умный безумецъ и безумный умникъ, да и обо мнѣ самомъ толкуютъ почти то же. Ну, да это плевать!.. Мы опускались въ пещеру Монтезиноса, и мудрый волшебникъ Мерлинъ избралъ меня для разочарованія Дульцинеи Тобозской, которая въ нашей сторонѣ извѣстна подъ именемъ Альдонсы Лоренцо. Послѣ трехъ тысячъ трехсотъ ударовъ, которые я долженъ дать себѣ, эта дама сдѣлается такою же разочарованною, какъ и ты. Впрочемъ, я уже пять ударовъ далъ себѣ. Но ты не говори объ этомъ никому, чтобы не вышло лишнихъ толковъ.

Ты знаешь, когда люди начнутъ толковать о чемъ-нибудь, то они называютъ бѣлымъ то, что на самомъ дѣлѣ черное, и наоборотъ. Черезъ нѣсколько дней я отправлюсь на свое губернаторство, гдѣ надѣюсь набрать побольше денегъ. Всѣ губернаторы первымъ дѣломъ хлопочутъ о томъ, какъ бы поскорѣе нажиться. Я поосмотрюсь тамъ, и тогда извѣщу тебя: пріѣзжать ли тебѣ съ дѣтьми, или пообождать, или и совсѣмъ не стоитъ ѣздить, что тоже можетъ случиться. Длинноухъ, слава Богу, находится въ вожделѣнномъ здравіи, чего и тебѣ желаемъ. Госпожа герцогиня цѣлуетъ тебя тысячу разъ, а ты, въ благодарность за это, поцѣлуй ея ручки двѣ тысячи разъ. Мой господинъ говоритъ, что ничто не обходится намъ такъ дешево и такъ не цѣнится, какъ вѣжливость. Пока еще Богъ не посылалъ мнѣ второго чемодана съ золотыми, но ты объ этомъ не тужи, милая Тереза; бояться теперь нечего: все перемелется, когда я стану управлять островомъ. Только тяжело мнѣ слышать, когда говорятъ, что какъ только я попаду въ губернаторы, у меня явится такой аппетитъ, что я могу съѣсть самого себя. Ну, да это еще писано вилами на водѣ. Едва ли я буду такимъ дуракомъ, чтобы заживо съѣдать самого себя. Надѣюсь на одно, что ты станешь у меня богатою, всѣми почитаемою, а слѣдовательно и счастливою. Да пошлетъ тебѣ Господь всякаго благополучія, и да хранитъ Онъ меня, чтобы я могъ служить тебѣ. Писано въ этомъ замкѣ 20 іюля 1614 года.

«Твой мужъ, губернаторъ Санчо Панца».

— Губернаторъ Санчо сдѣлалъ здѣсь двѣ ошибки,—замѣтила герцогиня:—во-первыхъ, онъ напрасно пишетъ, что получаетъ губернаторство за удары плетью, которые онъ согласился добровольно дать себѣ. Вѣдь когда мой супругъ обѣщалъ ему островъ, никто и не думалъ о томъ, что произошло вчера въ лѣсу. Во-вторыхъ, Санчо Панца сдѣлалъ нехорошо, что выставилъ себя въ этомъ письмѣ такимъ корыстолюбивымъ. Онъ долженъ бы помнить, что слишкомъ большая тяжесть разрываетъ мѣшокъ и что жадному губернатору нельзя вѣрить, такъ какъ онъ способенъ торговать правосудіемъ.

— Позвольте, ваша герцогская милость, — поспѣшилъ вывернуться Санчо, — я вовсе не то хотѣлъ сказать, что у меня вышло. Если вы изволите находить, что письмо написано не такъ, какъ слѣдуетъ, то я могу его изорвать и написать другое. Боюсь только, какъ бы я опять въ чемъ не ошибся, если самъ буду сочинять его. Я вѣдь еще не привыкъ писать по-губернаторскому.

— Нѣтъ, оставь это письмо, какъ оно есть,—сказала герцогиня.— Я покажу его моему супругу.

Проговоривъ это, она встала и пошла въ садъ, гдѣ собирались въ этотъ день обѣдать.

Когда герцогъ прочиталъ письмо Санчо, которое его сильно насмѣшило, онъ приказалъ позвать къ себѣ своего дворецкаго и о чемъ-то долго совѣтывался съ нимъ. Послѣ этого всѣ сѣли за столъ. Едва успѣли покончить съ десертомъ, какъ вдругъ раздались звуки флейтъ и глухая барабанная дробь. Звуки были до такой степени печальны и зловѣщи, что всѣ сидѣвшіе за столомъ выказали явное смущеніе и безпокойство. Донъ-Кихотъ едва могъ усидѣть на мѣстѣ, предчувствуя какое-то новое необыкновенное приключеніе, а Санчо, весь дрожа съ головы до ногъ, поспѣшилъ укрыться подъ кресломъ герцогини и даже закутаться, для большой безопасности, въ ея шлейфъ.

Посреди общаго молчанія и напряженнаго ожиданія Донъ-Кихота и его оруженосца въ садъ вошли двое мужчинъ въ траурныхъ волочившихся по землѣ платьяхъ и съ обтянутыми чернымъ сукномъ барабанами въ рукахъ. За ними слѣдовалъ флейтистъ, тоже весь въ черномъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи за музыкантами шагалъ человѣкъ гигантскаго роста, одѣтый въ широчайшую и длиннѣйшую черную сутану, поверхъ которой, сбоку, на черной широкой перевязи, висѣлъ громадный мечъ въ черныхъ же ножнахъ и съ черною рукояткой. Лицо гиганта было закрыто чернымъ покрываломъ, сквозь которое виднѣлась длинная бѣлоснѣжная борода. Онъ выступалъ мѣрными шагами подъ тактъ музыки и держалъ себя вообще съ большимъ достоинствомъ.

Незнакомецъ медленно и торжественно приблизился къ герцогу, поднявшемуся, подобно остальнымъ, съ своего мѣста, и хотѣлъ опуститься на колѣни, чему герцогъ, однако, воспрепятствовалъ, сказавъ, что не можетъ допустить, чтобы такая почтенная личность унижалась передъ нимъ. Тогда незнакомецъ откинулъ съ лица покрывало, при чемъ глазамъ присутствующихъ представилась такая длинная, густая и ослѣпительно бѣлая борода, какой никто раньше себѣ и вообразить не могъ. Уставивъ проницательный взглядъ на герцога, старикъ проговорилъ звучнымъ и проникающимъ до глубины души голосомъ:

— Высоковельможный и всемогущій сеноръ! Меня зовутъ Трифалдиномъ Бѣлобородымъ, я состою оруженосцемъ при графинѣ Трифалды, или иначе, - дуэньѣ Долоридѣ, которая прислала меня къ вашему величію, чтобы попросить для нея у вашего великолѣпія позволенія явиться къ вамъ лично, такъ какъ она желаетъ разсказать вашему всемогуществу свое горе, вызванное одною изъ самыхъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ причинъ. Но предварительно она желала бы знать, не находится ли у васъ въ замкѣ храбрый и непобѣдимый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій,

въ поискахъ котораго она, пѣшкомъ и соблюдая безпрерывный постъ, прибыла сюда изъ королевства Кандая. Разумѣется, ей удалось это сдѣлать только при помощи сверхъестественной силы. Она ожидаетъ у воротъ замка, и вашей свѣтлости стоитъ лишь сказать одно слово, чтобы она предстала предъ ваши ясныя очи. Я сказалъ все.

Перебирая обѣими руками свою безконечную бороду, почтенный оруженосецъ спокойно сталъ ожидать отвѣта.

— Мы слышали, уважаемый Трифалдинъ Бѣлобородый, о несчастіи, постигшемъ графиню Трифалды, называемую волшебниками дуэньею Долоридой, — сказалъ герцогъ. — Можешь передать своей госпожѣ, что мы очень рады будемъ лицезрѣть ее, что храбрый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій находится здѣсь и что она смѣло можетъ разсчитывать на его великодушную помощь. Передай ей, что и лично я вполнѣ готовъ служить ей всѣмъ, чѣмъ только въ состояніи. Такъ какъ я самъ принадлежу къ благородному ордену рыцарей, то чувствую себя обязаннымъ оказывать покровительство женщинамъ, въ особенности угнетеннымъ и страдающимъ вдовамъ, подобно графинѣ Трифалды.

Старикъ съ удивительнымъ для его лѣтъ проворствомъ преклонилъ колѣно, затѣмъ медленно повернулся и удалился тѣмъ же порядкомъ, какимъ явился—подъ звуки заунывной музыки и мѣрнымъ, торжественнымъ шагомъ.

— Никогда, знаменитый рыцарь, — произнесъ герцогъ, обращаясь къ Донъ-Кихоту, — мраку злобы и невѣжества не удастся скрыть и затмить свѣтъ храбрости и добродѣтели. Всего шесть дней прошло съ той счастливой для насъ минуты, какъ вы вступили подъ кровъ этого замка, а между тѣмъ васъ уже отыскиваютъ здѣсь люди, явившіеся изъ далекихъ странъ не въ каретахъ, не на верблюдахъ, а пѣшкомъ и съ соблюденіемъ строжайшаго поста. Это доказываетъ, что слава ваша уже успѣла облетѣть весь міръ и всѣ страждущіе видятъ въ васъ единственную защиту и спасеніе.

— Благодарю Господа за то, что Онъ, въ Своей неизреченной милости, удостоилъ допустить меня сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ и этимъ послужить всѣмъ угнетеннымъ, — смиренно сказалъ Донъ-Кихотъ. — Жаль только, что здѣсь въ настоящую минуту не присутствуетъ управляющій замкомъ вашей свѣтлости; онъ тоже могъ бы воочію убѣдиться въ значеніи и пользѣ отвергаемаго имъ странствующаго рыцарства. Впрочемъ, время еще не ушло, и я твердо надѣюсь, что этотъ скептикъ будетъ вынужденъ неотразимыми фактами сознаться въ своемъ грустномъ заблужденіи. Пусть явится сюда эта скорбная вдовица, и сила руки моей избавитъ ее отъ печали и слезъ.

ГЛАВА XXXVII,

въ которой продолжается описаніе необыкновеннаго приключенія дуэньи Долориды.

Герцогъ и герцогиня были въ восторгѣ, видя, что Донъ-Кихотъ съ такимъ увлеченіемъ входитъ въ свою роль, и заранѣе предвкушали громадное наслажденіе отъ предстоящей комедіи. Недоволенъ былъ только одинъ Санчо. Выступивъ впередъ, онъ началъ бурчать:

— Я бы вовсе не желалъ, чтобы эта госпожа дуэнья стала мнѣ поперекъ пути къ губернаторству. Я слышалъ отъ одного толедскаго аптекаря, что гдѣ вмѣшается дуэнья, тамъ нечего ждать добра. Ужъ и доставалось же бѣдному аптекарю отъ этихъ треклятыхъ дуэній! Онъ изъ-за нихъ и жизни былъ не радъ. Вотъ я и боюсь, какъ бы и мнѣ онѣ не напортили по своей злости...

— Успокойся, другъ Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — разъ дуэнья Долорида прибыла ко мнѣ изъ такихъ далекихъ странъ, то она никоемъ образомъ не можетъ принадлежать къ числу тѣхъ дуэній, на которыхъ жаловался твой аптекарь. Она графиня, а такія благородныя дамы могутъ быть дуэньями лишь у императрицъ или королевъ; онѣ имѣютъ свои собственные замки и сами держатъ при себѣ дуэній, поэтому нельзя отъ нихъ ожидать, чтобы онѣ вмѣшивались съ дурною цѣлью въ чужія дѣла.

— Да, — подхватила донна Родригецъ, — и здѣсь при нашей свѣтлѣйшей герцогинѣ есть дуэньи, которыя могли бы быть графинями, если бы не злая судьба, дающая однимъ много, другимъ мало, а третьимъ ничего. Во всякомъ случаѣ покорнѣйше прошу въ моемъ присутствіи не отзываться дурно о пожилыхъ и незамужнихъ или вдовыхъ дуэньяхъ. Я хотя и не пожилая и дѣвушка, но смѣло могу утверждать, что дѣвица всегда имѣетъ громадныя преимущества надъ замужними женщинами и вдовами.

— Ну, еще бы! — вскричалъ Санчо. — Кто же себя не похвалитъ и не превознесетъ выше облака ходячаго? Это мы знаемъ.

— А мы, — подхватила дуэнья, — знаемъ то, что самые злые враги дуэній, это — оруженосцы. Они только и дѣлаютъ въ свободное время, котораго у нихъ очень много, что клевещутъ на насъ и стараются очернить нашу репутацію. Положимъ, эти злые люди ничего не достигаютъ своими ядовитыми выходками противъ насъ, потому что мы какъ жили, такъ и продолжаемъ жить въ домахъ высокопоставленныхъ лицъ, хотя иногда и бываемъ плохо кормлены и одѣты съ подобающею пышностью большею частью развѣ только въ торжественныхъ случаяхъ; но лишенія

наши никакъ не могутъ быть поставлены намъ въ укоръ, и я думаю что нѣтъ ни одной добродѣтели, которою бы не обладали дуэньи.

— Все, что говоритъ моя добрая донна Родригецъ, — вполнѣ вѣрно, — замѣтила герцогиня. — Но я нахожу, что она могла бы выбрать болѣе удобное время для защиты себя и другихъ дуэній противъ дурныхъ мнѣній аптекарей и оруженосцевъ, въ томъ числѣ и нашего Санчо Панцы, котораго, кажется, скорѣе можно убѣдить дѣлами, чѣмъ словами.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ чувствовать себя губернаторомъ, — сказалъ Санчо, — мнѣ не до дуэній; я сказалъ о нихъ только то, что слышалъ отъ другихъ...

Онъ хотѣлъ добавить что-то, но этому помѣшали вновь раздавшіеся звуки барабановъ и флейты, возвѣщавшіе о приближеніи дуэньи Долориды. Герцогиня спросила своего супруга, не слѣдуетъ ли пойти ей навстрѣчу, такъ какъ она графиня и потому отчасти равная имъ.

Но Санчо предупредилъ отвѣтъ герцога.

— Графиню вашимъ величіямъ, конечно, слѣдовало бы встрѣтить, — сказалъ онъ, — но ради дуэньи вамъ нечего безпокоить себя и лучше остаться на мѣстѣ, чтобы она Богъ вѣсть что не подумала о себѣ.

— Кто проситъ тебя вмѣшиваться въ это дѣло, Санчо? — строго спросилъ Донъ-Кихотъ.

— Конечно, никто, — отвѣтилъ Санчо. — Но какъ же было мнѣ не вмѣшаться, когда я учился вѣжливости въ школѣ вашей милости, а вы вѣдь считаетесь за самого благовоспитаннаго и вѣжливаго изъ всѣхъ странствующихъ рыцарей въ мірѣ. Сколько разъ вы мнѣ говорили, что въ вѣжливости пересолъ и недосолъ одинаково дурны.

— Санчо правъ, — произнесъ герцогъ. — Мы сначала посмотримъ, какъ выглядитъ и держитъ себя эта дуэнья, а потомъ и сообразимъ, какого она заслуживаетъ пріема съ нашей стороны.

Въ это время въ садъ снова вступили музыканты, шествуя тѣмъ же порядкомъ, какъ въ первый разъ.

Но здѣсь необходимо окончить эту короткую главу, чтобы начать другую, въ которой будетъ описано продолженіе одного изъ интереснѣйшихъ приключеній во всей этой правдивой исторіи.

ГЛАВА XXXVIII,

въ которой дуэнья Долорида разсказываетъ о своей грустной судьбѣ.

Вслѣдъ за музыкантами, наигрывавшими грустный мотивъ, начали проникать въ садъ двѣнадцать дуэній, шедшихъ попарно и одѣтыхъ въ темныя монашескія рясы, на которыя ниспадали длиннѣйшія бѣлыя прозрачныя покрывала.

За дуэньями выступала сама графиня Трифалды, сопутствуемая своимъ оруженосцемъ Трифалдиномъ Бѣлобородымъ. На ней была одежда изъ тонкой черной шерстяной матеріи, съ безконечнымъ шлейфомъ, раздѣленнымъ на три конца, каждый изъ которыхъ несъ пажъ, тоже весь въ черномъ. Пажи эти шли такъ, что представляли собою правильную геометрическую фигуру, при чемъ каждый, видѣвшій этотъ треугольный шлейфъ, догадывался, что онъ былъ отличительнымъ признакомъ графини и что она отъ него-то и получила свое прозвище «Трифалды», то-есть «три хвоста». Отъ рожденія же у ней была совсѣмъ другая фамилія.

Увидавъ такое пышное шествіе, герцогъ, герцогиня и всѣ остальные присутствующіе встали и пошли ему навстрѣчу. Но вотъ провожатые графини образовали двойную шпалеру, сквозь которую она прошла подъ руку со своимъ оруженосцемъ. Очутившись передъ герцогомъ, графиня опустилась передъ нимъ на колѣни и произнесла нѣсколько хриплымъ и грубоватымъ голосомъ:

— Не извольте, ваши величія, безпокоиться выказывать мнѣ, вашей смиренной слугѣ, такой вѣжливости. Я нахожусь въ такомъ горѣ, и духъ мой такъ подавленъ, что положительно не въ состояніи отвѣтить на нее. Обрушившееся на меня неслыханное несчастіе помутило мой разумъ, я говорю и дѣлаю совсѣмъ не то, что слѣдуетъ. Надѣюсь, вы не поставите мнѣ этого въ вину.

Герцогъ поднялъ графиню за руки и, усадивъ рядомъ съ собою, ласково сказалъ:

— Успокойтесь, графиня, и будьте увѣрены, что никто изъ насъ не будетъ перетолковывать вашихъ дѣйствій или словъ въ дурную сторону. Мы видимъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, и относимся къ вамъ съ искреннимъ участіемъ, готовые помочь вамъ чѣмъ только можемъ.

— Я бы и не явилась сюда,— сказала графиня,—если бы не была увѣрена, что мое страшное горе найдетъ откликъ въ благородныхъ вашихъ сердцахъ. Но прежде, чѣмъ продолжать говорить, я желала бы

знать: нахожу ли я тутъ, въ вашемъ обществѣ, всемилостивѣйшій герцогъ и прекраснѣйшая герцогиня, храбрѣйшаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго и его вѣрнѣйшаго оруженосца Санчо Панцу?

— Санчо Панца — я, — поспѣшилъ заявить самъ обладатель этого знаменитаго имени, выступая впередъ. — Храбрѣйшій рыцарь Донъ-Кихотъ тоже налицо. Поэтому вы, сіятельнѣйшая дуэнья, можете говорить все, что вамъ нужно отъ насъ. Коли будемъ въ состояніи, такъ и мы сдѣлаемъ для васъ что-нибудь.

Донъ-Кихотъ отстранилъ своего оруженосца рукой, подошелъ къ графинѣ и напыщенно проговорилъ:

— Если вы, удрученная страданіями дама, питаете надежду, что ваше горе можетъ быть облегчено или совсѣмъ уничтожено рукою странствующаго рыцаря, то вотъ вамъ моя рука; она поддержала и спасла отъ отчаянія уже многихъ вдовъ и сиротъ. Я — Донъ-Кихотъ Ламанчскій, о которомъ вы спрашивали. Разскажите же безъ всякихъ предисловій и стѣсненій свои горести. Васъ выслушаютъ люди, готовые сочувствовать и помочь вамъ.

Дуэнья Долорида бросилась къ ногамъ рыцаря и воскликнула:

— Припадаю къ ногамъ вашимъ, о, великій, непобѣдимый рыцарь, какъ къ столпу странствующаго рыцарства, и цѣлую ихъ, зная, что отъ нихъ зависитъ мое спасеніе! Вся моя надежда теперь на одного васъ, храбрый и великодушный рыцарь, дѣйствительные подвиги котораго далеко оставляютъ за собою и помрачаютъ баснословныя дѣянія всѣхъ Амадисовъ, Беліанисовъ и Эсплайдіановъ!

Обернувшись затѣмъ къ Санчо, графиня встала, протянула ему руку и продолжала:

— А ты, вѣрнѣйшій изъ оруженосцевъ, когда-либо служившихъ странствующимъ рыцарямъ, превосходящій своею добротой воплощеніе самой доброты, молю тебя быть моимъ ходатаемъ передъ твоимъ знаменитымъ господиномъ, чтобы онъ не оставилъ меня, горчайшую вдову, въ моихъ неописуемыхъ горестяхъ.

— Я съ удовольствіемъ попрошу за вашу графскую милость моего добраго господина; онъ ни въ чемъ не можетъ отказать мнѣ, потому что любитъ меня, притомъ я нуженъ ему для одного дѣла, о которомъ, можетъ-быть, ваша милость, узнаете послѣ. Вы только не канительтесь, пожалуйста, а выкладывайте скорѣе, что у васъ на душѣ, чтобы не задержать насъ зря. Господину моему и мнѣ забота не о васъ одной; къ намъ со всѣхъ сторонъ обращаются за помощью.

Герцогъ и герцогиня готовы были умереть отъ смѣха и отъ души радовались, что задуманная ими комедія такъ хорошо разыгрывается.

Между тѣмъ графиня сѣла на кресло, поставленное ей герцогомъ, и снова заговорила:

— Въ королевствѣ Кандаѣ, расположенномъ между великой Трапобаной и Южнымъ моремъ, на двѣ мили выше мыса Коморина, царствовала королева донна Магонція, вдова короля Архипіеля. У нея была дочь, инфанта Антономазія, наслѣдница королевства, воспитанная подъ моею опекой и моимъ личнымъ руководствомъ, такъ какъ я была старшая и самая благородная изъ дуэній ея матери. Четырнадцати лѣтъ инфанта Антономазія уже поражала всѣхъ своею безподобною красотой и удивительнымъ умомъ... Она, конечно, и теперь должна быть не менѣе прекрасна и умна, если только Парки не прервали нить ея жизни, чего я, однако, не думаю, потому что было бы величайшею несправедливостью съ ихъ стороны губить роскошную лилію въ самомъ ея расцвѣтѣ... Слухъ объ ея достоинствахъ облетѣлъ всю вселенную и привлекъ къ нашему двору множество самыхъ могущественныхъ принцевъ, желавшихъ покорить ея сердце. Между нашими придворными рыцарями тоже былъ одинъ, который осмѣлился поднять свои глаза къ небу красоты инфанты. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, ловокъ, искусенъ во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, уменъ и очень вѣжливъ. Кромѣ того онъ обладалъ многими пріятными талантами: игралъ на лютнѣ такъ, что она точно говорила у него человѣческимъ языкомъ, съ чувствомъ пѣлъ нѣжнымъ голосомъ старинные романсы, танцовалъ съ удивительною граціей и вдобавокъ ко всему этому умѣлъ дѣлать прелестнѣйшія птичьи клѣтки, такъ что про него говорили, что онъ могъ бы однимъ этимъ пріобрѣтать себѣ средства къ существованію, если бы не добывалъ ихъ службою при дворѣ. Какъ видите, мои снисходительные слушатели, что всѣхъ этихъ достоинствъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы смягчить не только дѣвичье сердце, но и каменную гору. Кончилось тѣмъ, что Антономазія и рыцарь рѣшили обвѣнчаться. Я стала помогать имъ и обратилась къ придворному викарію, который согласился тайно обвѣнчать инфанту съ рыцаремъ Клавихо...

— Ну, вотъ и прекрасно! — вдругъ прервалъ Санчо повѣствованіе графини. — Во всемъ этомъ я пока еще не вижу ничего страшнаго, и если вы пожаловали сюда изъ такой дали только для того, чтобы разсказать намъ только объ этомъ, то могли бы не безпокоить ни насъ ни себя, потому что такими исторіями намъ уже прожужжали всѣ уши.

Выслушавъ замѣчаніе Санчо, графиня... Но мы лучше разскажемъ въ слѣдующей главѣ, что сдѣлала графиня Трифалды.

ГЛАВА XXXIX,

въ которой графиня Трифалды продолжаетъ свой интересный разсказъ.

Герцогиня приходила въ восторгъ отъ каждаго слова Санчо, между тѣмъ какъ Донъ-Кихотъ выходилъ изъ себя отъ болтовни своего неотесаннаго оруженосца и строго приказалъ ему молчать.

— Итакъ, — продолжала графиня Трифалды, — викарій благословилъ союзъ инфанты съ рыцаремъ Клавихо, послѣдствіемъ чего было то, что черезъ три дня намъ пришлось похоронить королеву Магонцію...

— Развѣ она умерла? — вдругъ спросилъ Санчо.

— Я думаю, это понятно само собою, — отвѣтила графиня: — въ Кандаѣ, такъ же, какъ и въ Испаніи, хоронить живыхъ не принято.

— Мало ли бывало случаевъ, когда считали человѣка, упавшаго въ обморокъ, умершимъ и схоронили его! — возразилъ Санчо. — По-моему, со стороны королевы Магонціи было бы гораздо умнѣе, если бы она упала въ обморокъ, вмѣсто того, чтобы сразу взять да и помереть. Пока человѣкъ живъ — еще все поправимо; одна смерть не допускаетъ поправлять ошибокъ. Да я и не нахожу ничего особеннаго въ томъ, что инфанта вышла за рыцаря. Вотъ если бы она вышла за пажа или за какого-нибудь другого мелкаго служителя, тогда ея матери, какъ королевѣ, дѣйствительно, это могло показаться обиднымъ; но рыцари, — какъ я слышалъ отъ своего господина... онъ вотъ тутъ налицо и, навѣрное, не отопрется отъ своихъ словъ... — каждую минуту сами могутъ сдѣлаться королями и императорами, поэтому они ничѣмъ не хуже принцессъ и инфантъ.

— Да, въ этомъ ты совершенно правъ, Санчо, — подтвердилъ Донъ-Кихотъ. — Рыцарь, въ особенности странствующій, всегда можетъ надѣяться сдѣлаться хоть властителемъ вселенной, если только ему благопріятствуетъ судьба и злые волшебники не строятъ ему на каждомъ шагу козней. Да и въ послѣднемъ случаѣ у него не отнята надежда когда-нибудь восторжествовать надъ враждебною силой... Однако прошу извинить меня за это отступленіе, почтенная наша Долорида. Съ нетерпѣніемъ жду продолженія вашего повѣствованія. Опасаюсь только, что конецъ его своею горечью не будетъ соотвѣтствовать сладости его начала.

— Увы! — со вздохомъ произнесла дуэнья Долорида. — Вы угадали, благородный рыцарь. Конецъ своею горечью смѣло можетъ поспорить

съ самымъ горькимъ веществомъ въ мірѣ... Итакъ, мы похоронили королеву Магонцію, дѣйствительно, умершую, а не обрѣтавшуюся въ обморокѣ, какъ сначала заподозрѣлъ было великій оруженосецъ величайшаго странствующаго рыцаря, Санчо Панца. Только что мы успѣли совершить печальный обрядъ, какъ вдругъ надъ свѣжею могилой появился, верхомъ на деревянной лошади, великанъ Маламбруно, двоюродный братъ Магонціи, — существо жестокое и вдобавокъ посвященное во всѣ тайны волшебства. Чтобы отомстить за смерть Магонціи и наказать рыцаря Клавихо за дерзость, а Антономазію — за слабость, онъ пустилъ въ ходъ свое проклятое искусство и тутъ же, на могилѣ королевы Магонціи, превратилъ обоихъ молодыхъ людей: инфанту — въ безобразную бронзовую мартышку, а рыцаря Клавихо — въ страшнаго крокодила изъ неизвѣстнаго метала. Посреди нихъ, по мановенію руки волшебника, появился металлическій столбъ со слѣдующею надписью на сирійскомъ языкѣ: «Эти безразсудные молодые супруги, такъ влюбленные другъ въ друга, до тѣхъ поръ не будутъ возвращены въ свое первоначальное состояніе, пока меня не побѣдитъ въ единоборствѣ знаменитый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, непобѣдимой храбрости котораго предоставлено судьбою совершить этотъ неслыханный подвигъ». Потомъ великанъ обнажилъ мечъ необыкновенной ширины и длины и, схвативъ меня за волосы, хотѣлъ перерѣзать мнѣ горло и снять мнѣ голову съ плечъ. Кое-какъ, призвавъ на помощь все свое краснорѣчіе, мнѣ удалось уговорить его отложить эту казнь. Тогда онъ собралъ всѣхъ дворцовыхъ дуэній, которыхъ вы теперь видите передъ собою, сдѣлалъ имъ строжайшій выговоръ за вину, совершонную одной мною, и объявилъ, что находитъ смертную казнь слишкомъ милостивымъ для насъ наказаніемъ, а потому рѣшилъ предать насъ вѣчнымъ мученіямъ и позору. Какъ только онъ произнесъ послѣднее слово своей длинной рѣчи, мы почувствовали, какъ всѣ поры нашихъ лицъ открылись, и въ нихъ точно засѣли милліоны острыхъ иголокъ. Съ испугомъ взглянувъ въ стоявшій поблизости бассейнъ съ водою, мы увидали себя такими, какими вотъ теперь явились къ вамъ.

Проговоривъ это, графиня Трифалды, а за нею и всѣ двѣнадцать младшихъ дуэній откинули густыя покрывала, закрывавшія ихъ лица, которыя всѣ оказались съ густыми, хотя и не длинными, бородами различныхъ цвѣтовъ. Герцогъ и герцогиня смотрѣли на это зрѣлище съ притворнымъ изумленіемъ, Донъ-Кихотъ — съ любопытствомъ, а Санчо и прочіе — съ ужасомъ.

— Вотъ какой способъ наказанія придумалъ жестокій и ехидный Маламбруно, — заключила графиня Трифалды. — Онъ покрылъ наши нѣж-

пыя лица этою безобразною щетиной, которую мы тщетно старались удалить: не успѣемъ сбрить ея, какъ она снова вырастаетъ. Легче бы намъ было, если бъ онъ убилъ насъ на мѣстѣ своимъ гигантскимъ мечомъ... Не удивляйтесь, что мы не льемъ предъ вами рѣкъ слезъ: мы уже раньше выплакали ихъ всѣ, и намъ теперь нечѣмъ разжалобить васъ, кромѣ словъ и нашего обезображеннаго вида. Подумайте, кому нужна бородатая дуэнья? Кому вообще нужна женщина съ бородою? Если даже съ помощью усиленныхъ притираній различными специями мы и безъ бородъ едва можемъ достичь того, чтобы на насъ обратили благосклонное вниманіе избранники нашего сердца, то кто же захочетъ взглянуть на женское лицо, обросшее цѣлымъ лѣсомъ щетины? О, милыя дуэньи, подруги моихъ страданій, подъ какою несчастливою звѣздой родились мы! Какъ страшно я наказана за свое легкомысліе и какъ несправедливо страдаете вы, ни въ чемъ неповинныя, кромѣ того, что вы имѣли несчастіе существовать въ одно время со мною и съ инфантою Антономазіей!..

Голосъ графини пресѣкся, и, казалось, она готова была лишиться чувствъ.

ГЛАВА XL,

о вещахъ, относящихся къ этой замѣчательной исторіи.

Любители исторій, подобныхъ настоящей, должны быть очень признательны Сиду Гамету Бенъ-Энгели за трудъ, который онъ предпринялъ при составленіи этой хроники подвиговъ доблестнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго. Смотрите, какъ онъ посвящаетъ насъ въ малѣйшія подробности событій и не оставляетъ ни одного атома не освѣщеннымъ свѣтомъ истины. Онъ открываетъ намъ мысли, окрыляетъ нашу фантазію, отвѣчаетъ на наши нѣмые вопросы, разъясняетъ сомнѣнія, разрѣшаетъ затрудненія и на каждомъ шагу радуетъ насъ своею благородною страстью все знать и все понять. О, великій авторъ! О, счастливый Донъ-Кихотъ! О, знаменитая Дульцинея! О, безподобный Санчо Панца! Всѣ вы вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности живите нескончаемые вѣка для удовольствія и поученія простыхъ смертныхъ!

Сидъ Гаметъ говоритъ, что когда Санчо увидалъ графиню Трифалды, готовую лишиться чувствъ, то вскричалъ:

— Клянусь, какъ честный человѣкъ, памятью всѣхъ своихъ предковъ, что я никогда не видалъ и не слыхалъ ничего подобнаго! Будь ты проклятъ, отвратительный великанъ и волшебникъ Маламбруно! Развѣ ты не могъ придумать для этихъ благородныхъ дуэній, вperiod виновныхъ лишь

въ недосмотрѣ за тѣмъ, чего въ сущности никогда и не усмотришь... Неужели, — спрашиваю я, — ты не могъ придумать имъ другого наказанія, кромѣ превращенія съ такимъ трудомъ раскрашенныхъ лицъ ихъ, которыми онѣ прельщали разныхъ сеноровъ, въ бородатыя рожи? Не лучше ли было бы тебѣ разсѣчь имъ всѣмъ сверху до низу носы? Это было бы тоже некрасиво и неудобно, но все же не такъ скверно, какъ теперь, когда онѣ щеголяютъ въ бородахъ, дѣлающихъ изъ нихъ не мужчинъ и не бабъ, а Богъ вѣсть что такое!

— Увы!—въ одинъ голосъ воскликнули дуэньи.—Если сеноръ Донъ-Кихотъ не избавитъ насъ отъ этихъ ужасныхъ бородъ, то мы такъ и погибнемъ съ ними!

— О, — поспѣшилъ успокоить ихъ Донъ-Кихотъ, — я скорѣе позволю невѣрнымъ маврамъ выщипать по волоску свою собственную бороду, нежели допущу васъ остаться съ не идущимъ къ вамъ украшеніемъ!

— Ваше обѣщаніе, храбрый рыцарь,— произнесла по возможности слабымъ голосомъ графиня Трифалды,— такъ пріятно поразило мой слухъ, что заставило меня, почти умиравшую, ожить въ новой надеждѣ. Умоляю васъ, великій, непобѣдимый странствующій рыцарь, сдержать это обѣщаніе и не обмануть нашихъ ожиданій.

— Повѣрьте, глубокочтимая графиня,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ,— что не моя будетъ вина, если я не сдержу своего слова и не оправдаются ваши надежды, возлагаемыя на меня. Скажите мнѣ только, что я долженъ дѣлать, чтобы помочь вамъ всѣмъ?

— Вотъ въ чѣмъ дѣло, доблестный рыцарь,— продолжала Долорида.— Если слѣдовать обыкновеннымъ путемъ, по землѣ, то отсюда до королевства Кандая будетъ около пяти тысячъ миль, а если летѣть по воздуху, держась прямой линіи, то путь сократится до трехъ тысячъ двухсотъ двадцати семи миль. Я говорю это вотъ почему. Великанъ Маламбруно предупредилъ меня, что въ то время, когда я встрѣчу рыцаря-избавителя, онъ, Маламбруно, пришлетъ ему ту знаменитую деревянную лошадь, на которой храбрый Пьеръ Провансальскій похитилъ прекрасную Магалону. Эта лошадь движется посредствомъ какого-то особеннаго приспособленія, вдѣланнаго ей въ голову, и летаетъ по воздуху съ необыкновенною быстротой, такъ что даже вѣтеръ не въ состояніи догнать ея. По преданію, она была изготовлена знаменитымъ волшебникомъ Мерлиномъ. Послѣдній позволялъ пользоваться ею своему другу Пьеру Провансальскому, который совершилъ на ней нѣсколько большихъ путешествій, и, какъ я уже сказала, даже увезъ на ней прелестную Магалону, къ великому ужасу всѣхъ видѣвшихъ это. Мерлинъ съ тѣхъ поръ ни-

кому не давалъ этой лошади, но Маламбруно удалось, съ помощью своего волшебнаго искусства, завладѣть ею, и вотъ онъ теперь летаетъ на ней по всему свѣту: сегодня, напримѣръ, онъ здѣсь, завтра — во Франціи, а тамъ, глядишь, уже и въ Америкѣ. Лошадь эта особенно хороша тѣмъ, что не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и не требуетъ за собою никакого ухода, не говоря уже о томъ, что она несется по воздуху съ удивительною плавностью. Сидя на ней и несясь съ быстротой молніи подъ облаками, всадникъ можетъ держать въ рукахъ хоть стаканъ съ виномъ, и ни одна капля не прольется. Не даромъ Магалонѣ такъ понравилось путешествовать на ея спинѣ.

— Значитъ,— замѣтилъ Санчо,— онъ въ родѣ моего осла, который хоть не летаетъ по воздуху, но такъ плавно ходитъ по землѣ, что я никогда не промѣнялъ бы его на лошадь даже изъ королевской конюшни. Что же касается волшебныхъ деревянныхъ лошадей, то я еще не знаю, рѣшился ли бы я сѣсть на такую...

Всѣ засмѣялись, а дуэнья Долорида продолжала:

— Такъ какъ великанъ Маламбруно знаетъ все, что дѣлается въ каждую минуту на всей землѣ, то ему извѣстно и то, что я нашла великаго рыцаря, которому предстоитъ вступить съ нимъ въ состязаніе. Слѣдовательно, лошадь должна прибыть сюда не далѣе какъ къ ночи...

— А сколько на ней можетъ помѣститься людей? — спросилъ Санчо.

— Двое,— отвѣтила графиня Трифалды.— Хотя ты, великій оруженосецъ, и не долюбливаешь волшебныхъ лошадей, но тебѣ не миновать летѣть на той, о которой идетъ рѣчь. Не можетъ же твой господинъ отправиться одинъ, безъ тебя?

— Ну, что нужно, то нужно,— глубокомысленно разсудилъ Санчо.— Говорятъ — не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ... А скажите-ка мнѣ, какъ зовутъ эту лошадь?

— Ее зовутъ не Пегасомъ, какъ коня Беллерофона, не Буцефаломъ Александра Великаго и вообще ни однимъ изъ прославленныхъ именъ...

— Стало-быть, и не Россинантомъ,— подхватилъ Санчо: — вѣдь конь моего господина долженъ быть знаменитѣе тѣхъ, о которыхъ сейчасъ упомянули ваша милость, потому что мой господинъ самый великій изъ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ странствующихъ и нестранствующихъ рыцарей въ мірѣ.

— Это вѣрно,— отвѣтила бородатая графиня.— Имя волшебнаго коня просто «Крылатая Деревяшка»; но оно не менѣе извѣстно, чѣмъ имя Россинанта.

— Это очень можетъ быть, хотя я слышу объ этой Крылатой Деревяшкѣ всего первый разъ въ жизни,— сказалъ Санчо.— А какое сѣдло у этого чортовскаго коня?

— Онъ не привыкъ ни къ сѣдлу ни къ попонѣ, и летающіе на немъ должны сидѣть прямо на его деревянной спинѣ,— пояснила графиня.

— Вотъ оно что! — вскричалъ Санчо. — Ну, въ такомъ случаѣ, — слуга покорный! Очень мнѣ нужно тереться на жесткой, угловатой деревяшкѣ, когда я привыкъ сидѣть въ покойномъ и мягкомъ ослиномъ сѣдлѣ, какъ въ люлькѣ... Что мнѣ за неволя терпѣть такую пытку изъ-за чужого дѣла! Пусть мой господинъ скачетъ на деревяшкѣ одинъ, если у него есть охота. Я лучше отправлюсь къ себѣ домой, нежели дамъ сдирать себѣ мясо съ костей.

— Но,— замѣтила графиня,— безъ вашего присутствія, мой добрый Санчо Панца, у насъ ничего не выйдетъ.

— Да мнѣ-то что за дѣло, если у васъ ничего не выйдетъ? — произнесъ Санчо. — Я не виноватъ, что васъ тамъ всѣхъ заколдовали, и отвѣчать за это не хочу... А что мой господинъ берется расколдовать васъ, такъ это опять до меня не касается. Коли онъ за что взялся, то и дѣлай одинъ. Нехорошо прославляться чужими трудами. Я обязанъ только прислуживать своему господину, а не подвиги совершать, за которые его бы превозносили до небесъ, а мнѣ показали бы шишъ... И то ужъ взвалили на меня дѣло разочарованія Дульцинеи; съ меня довольно и этого.

— За это тебѣ и обѣщано большое вознагражденіе, — вмѣшалась въ разговоръ герцогиня. — Во всякомъ случаѣ, ты не долженъ отказываться сопровождать своего господина, куда бы онъ ни отправился. И разъ тебѣ говорятъ, что безъ твоего участія эти бѣдныя дамы навсегда останутся съ обезображивающими ихъ бородами, то ты, какъ человѣкъ добрый и сострадательный, не можешь брать на свою совѣсть упрека въ томъ, что отказался оказать имъ помощь.

— Ну,— возразилъ Санчо,—что касается дуэній, то для нихъ у меня нѣтъ ни доброты ни состраданія. Будь это монахини или хоть послушницы, тогда я, пожалуй, и пожалѣлъ бы ихъ, а дуэньи, по-моему, вполнѣ стоятъ того, чтобы имъ были придѣланы не только бороды, но даже цѣлыя шкуры дикихъ звѣрей.

— Напрасно ты такъ нападаешь на дуэній, мой другъ Санчо, — говорила герцогиня, — между ними есть много вполнѣ достойныхъ уваженія особъ. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, я укажу на мою старшую дуэнью, донну Родригецъ, которая находится здѣсь.

— Благодарю вашу свѣтлость за доброе мнѣніе обо мнѣ, я ни въ чьемъ болѣе и не нуждаюсь, — сказала донна Родригецъ, бросивъ на Санчо презрительный взглядъ.

— Уважаемая графиня, — обратился къ просительницѣ Донъ-Кихотъ,— не обращайте, пожалуйста, вниманія на странности моего ору-

женосца. Онъ въ душѣ очень добрый и дѣльный человѣкъ, но любитъ поломаться и поострить; я положительно не въ силахъ отучить его отъ этого глупаго шутовства. У каждаго свои слабости, и съ ними нужно считаться. Повѣрьте, что какъ только явится Крылатая Деревяшка и я сяду на нее, Санчо тотчасъ же вскочитъ на ея спину вслѣдъ за мною и, по прибытіи на мѣсто, сдѣлаетъ все, что отъ него потребуется. Въ единоборство съ Малабруномъ я, конечно, вступлю одинъ и думаю, что снесу ему голову скорѣе, чѣмъ онъ успѣлъ вызвать у васъ на лицѣ бороду. Богъ долго терпитъ зло, но зато строго и наказываетъ за него.

— О,—вскричала Долорида,—пусть всѣ звѣзды неба глядятъ съ благосклонностью на васъ, великій, мужественный рыцарь! Да польются на васъ неисчислимыя милости судьбы, чтобы вы еще долго-долго сохраняли желаніе и силу быть защитникомъ несчастныхъ дуэній, всѣми преслѣдуемыхъ и презираемыхъ, хотя бы онѣ и происходили отъ самого Гектора Троянскаго!.. О, великанъ Маламбруно, будь и на этотъ разъ вѣренъ твоему слову, которому ты раньше никогда не измѣнялъ, несмотря на свою жестокость и кровожадность,— пришли скорѣе Крылатую Деревяшку, чтобы прекратить наши мученія!

Слова эти были произнесены такимъ душу раздирающимъ голосомъ, что даже самъ Санчо расчувствовался и со слезами на глазахъ обѣщалъ летѣть со своимъ господиномъ на чемъ и куда угодно, хоть на остромъ ножѣ и въ самый адъ, лишь бы помочь бѣдной графинѣ Трифалды и всѣмъ ея подругамъ по несчастію.

ГЛАВА XLI,

о прибытіи Крылатой Деревяшки и о томъ, что затѣмъ воспослѣдовало.

Начинало темнѣть, и на небо высыпали звѣзды, а Крылатой Деревяшки все еще не было. Такая медленность сильно досадовала Донъ-Кихота, нетерпѣливо желавшаго схватиться съ злодѣемъ Маламбруно. Но вотъ вдругъ появились въ саду четыре дикаря, одежда которыхъ состояла только изъ цвѣточныхъ гирляндъ. Дикари несли на плечахъ громаднаго деревяннаго коня. Поставивъ на землю свою ношу, одинъ изъ дикарей сказалъ:

— Пусть отважный рыцарь садится на эту машину...

— Я не рыцарь и вовсе не отваженъ, а потому и не сяду,— поспѣшилъ заявить Санчо.

Не обращая на него вниманія, дикарь продолжалъ:

— А оруженосецъ этого рыцаря пусть сядетъ за нимъ на крупъ коня. Пусть рыцарь довѣряетъ храброму Маламбруно и боится лишь его меча; никакихъ козней съ его стороны не будетъ. Конь принесетъ рыцаря и его оруженосца по воздуху прямо къ мѣсту, гдѣ дожидается ихъ Маламбруно. Чтобы у всадниковъ не закружилась голова и чтобы они не испугались, увидя себя на страшной высотѣ и на непривычномъ пути, пусть они держатъ глаза закрытыми до тѣхъ поръ, пока не заржетъ конь; это послужитъ признакомъ окончанія путешествія.

Не прибавивъ болѣе ни слова, дикарь со своими товарищами удалился, между тѣмъ какъ дуэнья Долорида со слезами на глазахъ сказала Донъ-Кихоту:

— Храбрый рыцарь, великанъ Маламбруно сдержалъ свое обѣщаніе. Молимъ теперь васъ и вашего оруженосца сѣсть на этого коня и довѣриться его волшебной силѣ, которая перенесетъ васъ по поднебесью въ ту страну, гдѣ долженъ совершиться вашъ великій подвигъ.

— За мною дѣло не станетъ, сенора,— отвѣчалъ Донъ-Кихотъ.— Я ничего болѣе такъ не желаю, какъ помѣриться силами съ знаменитымъ великаномъ Маламбруно, и надѣюсь съ Божіею помощью побѣдить его.

— А я не желаю садиться на этого безобразнаго коня! — опять заупрямился Санчо.— Пусть мой господинъ ищетъ себѣ другого оруженосца, который согласился бы подниматься на деревянной лошадкѣ на воздухъ. Не дуракъ же я, въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ мои лѣта играть въ дѣтскую игру! Что бы сказали мои островитяне, если бы услыхали, что ихъ губернаторъ катается на деревяшкахъ по воздуху? Къ тому же, если до Кандая больше трехъ тысячъ лье, то мы и въ шесть лѣтъ не доѣдемъ туда, а я вовсе не намѣренъ тратить столько времени на пустяки, когда я могу употребить его съ пользою, отправившись скорѣе на островъ, обѣщанный мнѣ въ управленіе его герцогскою милостью.

— Другъ Санчо,— сказалъ герцогъ,— этотъ островъ не принадлежитъ къ предметамъ подвижнымъ; онъ такъ глубоко вросъ въ нѣдра земли, что его никакою силой не сдвинешь съ мѣста. Слѣдовательно, онъ не убѣжитъ отъ тебя, сколько бы времени ты ни пробылъ въ отсутствіи, и все, что на немъ есть, тоже не уйдетъ отъ тебя. Нажиться ты еще успѣешь, но допустить тебя до этого я могу лишь въ томъ случаѣ, когда ты совершишь съ твоимъ господиномъ предстоящее ему путешествіе. Человѣка, нетвердаго въ своемъ словѣ, нельзя дѣлать губернаторомъ. Ты только что обѣщалъ ея величію графинѣ Трифалды свое содѣйствіе для освобожденія ея и ея спутницъ отъ ихъ бородъ, а теперь опять отказываешься; это вовсе не рекомендуетъ тебя съ хорошей стороны.

— Ну, коли такъ, то, дѣлать нечего, согласенъ еще и на это истязаніе,— сказалъ со вздохомъ Санчо.— Ради губернаторства чего не сдѣлаешь! Садитесь, мой добрый господинъ, на коня и оставьте мнѣ мѣсто за вами. Позвольте мнѣ только завязать себѣ глаза, а то мнѣ будетъ страшно, когда мы поднимемся на воздухъ, и я, чего добраго, могу свалиться на...

— Завязывай, если хочешь,— съ нетерпѣніемъ перебилъ Донъ-Кихотъ.— Что же касается меня, то я останусь съ открытыми глазами, потому что ничего не боюсь и хочу все видѣть, что будетъ встрѣчаться намъ на пути... Но предварительно я желалъ бы освидѣтельствовать внутренность этого коня. Быть-можетъ въ немъ скрывается что-нибудь такое, что способно дурно повліять на мою силу и энергію.

— Ваши опасенія, великій рыцарь, совершенно напрасны,— проговорила Долорида:— Маламбруно не имѣетъ обыкновенія дѣйствовать изъ-за угла; я готова поручиться въ этомъ головою.

Герцогиня собственноручно завязала Санчо глаза своимъ кружевнымъ платкомъ, а герцогъ помогъ ему взгромоздиться на коня, послѣ того, какъ Донъ-Кихотъ самъ, безъ всякой помощи, вскочилъ на крутую и острую спину Крылатой Деревяшки.

Конь уже готовился было подняться въ небеса, какъ вдругъ откуда-то раздался громкій голосъ:

— Неустрашимый рыцарь, Донъ-Кихотъ Ламанчскій! Я, волшебникъ Мерлинъ, не могу допустить, чтобы ты летѣлъ съ открытыми глазами: это противно тѣмъ законамъ, по которымъ создана Крылатая Деревяшка. Зная твою силу воли и твердость твоего слова, я не требую, чтобы ты завязалъ себѣ глаза, подобно твоему оруженосцу, но прошу только зажмурить ихъ. Обѣщай мнѣ, что не откроешь ихъ, пока не услышишь ржанія коня.

— Обѣщаю!— торжественно провозгласилъ Донъ-Кихотъ, крѣпко зажмуривая глаза.

— Да хранитъ васъ Богъ, храбрый рыцарь и добрый оруженосецъ!— говорила дуэнья Долорида.— Вотъ вы уже несетесь по воздуху съ быстротой стрѣлы и съ такою плавностью, точно не трогаетесь съ мѣста!.. Держись крѣпче, великій оруженосецъ, чтобы не свалиться съ коня и не расшибиться о нашу грѣшную землю.

Но предупрежденіе это было совершенно лишнее: Санчо и безъ того такъ вцѣпился обѣими руками въ своего господина, что чуть не задушилъ его.

Конь, конечно, стоялъ на мѣстѣ, но герцогъ, герцогиня и всѣ присутствовавшіе такъ сильно махали около него платками, шляпами и просто руками, что воздухъ такъ и жужжалъ вокругъ всадниковъ.

— Ваша милость, а вѣдь мы и въ самомъ дѣлѣ какъ будто не двигаемся съ мѣста? — прошепталъ Санчо.

— Какъ не двигаемся?! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Развѣ ты не чувствуешь какъ сильно колеблется воздухъ, который мы прорѣзаемъ съ быстротой стрѣлы! По моимъ расчетамъ, мы скоро должны попасть въ область грома и молній... Вотъ, не правду ли я говорю? Слышишь страшные раскаты грома и трескъ молній?

— О, Господи! — дрожащимъ голосомъ вскричалъ Санчо. — Я не только слышу грохотъ и трескъ, но даже чувствую, какъ молніи опаляютъ мнѣ лицо и шею... Ай! Кажется, мнѣ спалило всю бороду... Я сейчасъ сниму повязку и погляжу, гдѣ мы и что такое съ нами творится...

— Не совѣтую тебѣ этого дѣлать, потому что ты можешь умереть отъ ужаса, когда увидишь, что насъ окружаетъ. Я могъ бы привести тебѣ нѣсколько примѣровъ тому, какъ наказывается неумѣстное любопытство, но оставлю это лучше до другого раза, когда ты будешь болѣе расположенъ слушать меня. Теперь же я только прошу тебя сидѣть смирно и ничего не бояться. Я бы тоже желалъ взглянуть на окружающія насъ чудеса природы и могъ бы сдѣлать это очень легко, такъ какъ у меня нѣтъ повязки на глазахъ и они держатся закрытыми лишь удивительною силой моей воли, но я противлюсь искушенію, потому что помню данное мною слово всемогущему Мерлину.

Понятно, что громъ и молнія производились тоже присутствовавшими при комедіи. Всѣ зрители задыхались отъ сдерживаемаго смѣха, слушая интересную бесѣду рыцаря съ оруженосцемъ.

Деревянная лошадь была начинена петардами, которыя въ извѣстный моментъ взорвались, такъ что она подпрыгнула, точно совершивъ громадный скачокъ по воздуху, при чемъ оба всадника свалились на землю.

Паденіе такъ ошеломило Донъ-Кихота и Санчо, что они долго не могли прійти въ себя, а когда, наконецъ, они опомнились, то замѣтили, что лежатъ въ томъ же герцогскомъ саду, освѣщенномъ, по случаю наступившей ночи, факелами, и что возлѣ нихъ въ глубокомъ обморокѣ находятся герцогъ, герцогиня и весь ихъ штатъ, между тѣмъ какъ дуэнья Долорида со своими провожатыми исчезла.

Неподалеку находилась воткнутая въ землю стрѣла, къ которой былъ привѣшенъ большой листъ бѣлаго пергамента. Донъ-Кихотъ подошелъ, снялъ этотъ листъ и прочиталъ то, что было на немъ написано большими золотыми буквами. Содержаніе пергамента было слѣдующее:

«Доблестный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій побѣдилъ великана Маламбруно и снялъ очарованіе съ инфанты Антономазіи и ея супруга, ры-

царя Клавихо, а равно освободилъ отъ бородъ графиню Трифалды, именуемую дуэньею Долоридой, и всѣхъ подчиненныхъ ей младшихъ дуэній. Какъ только оруженосецъ Санчо совершитъ надъ собою условленное число бичеваній, бѣлая голубка будетъ освобождена изъ зачумленныхъ когтей злобнаго коршуна, преслѣдующаго ее, и полетитъ въ объятія вздыхающаго по ней голубка. Такова воля мудраго Мерлина, протоволшебника всѣхъ волшебниковъ».

Прочитавъ эти строки, Донъ-Кихотъ понялъ, что Мерлинъ намекаетъ на предстоящее освобожденіе отъ чаръ и Дульцинеи. Рыцарь очень обрадовался этому. Возблагодаривъ Бога за то, что Онъ помогъ ему такъ легко и безъ всякаго риска совершить великій подвигъ, рыцарь подошелъ къ распростертому на землѣ герцогу, взялъ его за руку и проговорилъ:

— Очнитесь и ободритесь, ваша свѣтлость! Приключеніе кончено, и никому не причинено ни малѣйшаго душевнаго или тѣлеснаго ущерба, о чемъ свидѣтельствуетъ вотъ это посланіе.

Понемногу герцогъ, его супруга и всѣ остальныя лица, находившіяся въ притворномъ обморокѣ, начали приходить въ себя и выражать такое удивленіе по поводу того, что лежатъ на землѣ, точно они и въ самомъ дѣлѣ не сознавали, что происходило. Герцогъ прочиталъ пергаментъ, а затѣмъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ Донъ-Кихота, назвавъ его величайшимъ рыцаремъ всѣхъ странъ и временъ. Между тѣмъ Санчо искалъ глазами дуэній, желая узнать, лучше ли онѣ стали, освободившись отъ бородъ. На его вопросъ: куда онѣ дѣлись?—ему отвѣтили, что когда Крылатая Деревяшка принесла обратно его и Донъ-Кихота изъ ихъ воздушнаго путешествія, то тутъ же лопнула отъ страшнаго усилія, при чемъ изъ нея выскочилъ огонь, сразу спалившій бороды у дуэній, послѣ чего похорошѣвшія и помолодѣвшія красавицы мгновенно исчезли вмѣстѣ съ оруженосцемъ Трифалдиномъ.

Герцогиня спросила Санчо, какъ онъ чувствуетъ себя послѣ такого далекаго путешествія и что видѣлъ и испыталъ.

— Ваша герцогская милость,—отвѣтилъ онъ,—я чувствовалъ, что мы летимъ среди грома и молніи, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, что вокругъ насъ. Мой господинъ хоть и запретилъ мнѣ это, говоря, что я могу умереть со страху, но я не настолько труслывъ, чтобы испугаться чего-нибудь, поэтому, сдвинувъ чуть-чуть повязку съ глазъ, осмотрѣлся кругомъ. Сначала я увидалъ далеко подъ нами нашу землю, которая показалась мнѣ не больше маковаго зернышка, а люди на ней представлялись величиною съ лѣсные орѣшки. Поэтому судите сами, какъ высоко насъ занесло!

— Ты говоришь что-то невозможное, — замѣтила герцогиня. — Если земля казалась величиною съ маковое зерно, а люди на ней — съ лѣсной орѣхъ, то какъ же они могли помѣщаться на пространствѣ, которое несравненно меньше ихъ самихъ! Должно-быть ты видѣлъ только землю, а не людей.

— Нѣтъ, видѣлъ и людей и даже очень ясно, — упорствовалъ Санчо. — Какъ это такъ вышло, что земля казалась меньше людей, я не знаю, но полагаю, что и тутъ дѣло не обошлось безъ волшебства... А потомъ я взглянулъ вверхъ и увидалъ, не больше какъ локтя на два отъ своего лба, самое небо, которое такъ велико, что ваша честь и представить себѣ не можете. И все-то оно усѣяно прехорошенькими маленькими золотыми барашками. Я даже досталъ одного изъ нихъ рукой и погладилъ его. Хорошо, что мой господинъ этого не замѣтилъ, а то бы онъ ужъ мнѣ напѣлъ!

— А что же тамъ дѣлалъ нашъ великій рыцарь? — съ улыбкой спросила герцогиня.

— Ровно ничего, — отвѣтилъ самъ Донъ-Кихотъ. — По данному мною обѣщанію, я не открывалъ глазъ во все время нашего путешествія, а потому и не видалъ ничего. Я чувствовалъ только, что мы мчимся съ необыкновенною быстротой и что насъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ огонь. Чтобы на небѣ находились барашки, этому я, конечно, повѣрить не могу. Вообще, я думаю, что Санчо тоже ничего не видалъ, хотя и открывалъ глаза, вопреки запрещенію великаго Мерлина и моему. Небесные огни должны были ослѣпить его и...

— Я нисколько не былъ ослѣпленъ и отлично видѣлъ барашковъ! — перебилъ Санчо. — Говорю вамъ, что я даже погладилъ одного изъ небесныхъ барашковъ, шерсть котораго была что твой пухъ. Припоминаю теперь, что кромѣ золотыхъ, тамъ были и цвѣтные барашки: розовые, голубые, зеленые и пестрые, въ родѣ нашихъ котятъ Я даже удивился, что предметы, которые намъ съ земли кажутся звѣздами, на небѣ оказались барашками...

— Ну, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — ты городишь такую нескладицу, что даже противно тебя слушать. Замолчи лучше, не срамись!

— Извольте, замолчу, — проворчалъ Санчо. — Но тогда и ваша милость молчите о томъ, что видѣли въ пещерѣ Монтезиноса, потому что это будетъ еще нескладнѣе моихъ небесныхъ барашковъ.

Донъ-Кихотъ пожалъ плечами и молча отвернулся, не замѣтивъ иронических улыбокъ, мелькавшихъ на лицахъ присутствовавшихъ.

ГЛАВА XLII,

о томъ, какіе Донъ-Кихотъ давалъ Санчо совѣты передъ тѣмъ, какъ тотъ долженъ былъ отправиться управлять островомъ.

Приключеніе съ дуэньей Долоридой такъ развлекло и позабавило герцогскую чету, что она рѣшила придумать еще что-нибудь въ томъ же родѣ. На слѣдующій день герцогъ сказалъ Санчо, что онъ можетъ вступить въ управленіе островомъ, обитатели котораго ждутъ его, какъ росы небесной.

Санчо поклонился герцогу до земли и проговорилъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ на небесахъ и видѣлъ нашу землю такою маленькою, у меня пропала прежняя охота сдѣлаться во что бы то ни стало губернаторомъ. Ужъ если вся земля съ высоты кажется не больше маковаго зернышка, то что же значитъ какой-нибудь островокъ? Стоитъ ли браться управлять незамѣтною пылинкой? Вотъ если бы ваша милость дали мнѣ въ управленіе часть неба, хотя не длиннѣе и не шире одной мили, то я былъ бы очень благодаренъ вашей свѣтлости.

— Распорядиться небомъ не въ моей власти, другъ Санчо, — произнесъ съ улыбкою герцогъ. — Я даю тебѣ то, что могу; ты будешь управлять довольно обширнымъ, густо населеннымъ, богатымъ и чрезвычайно плодороднымъ островомъ. На этомъ островѣ ты въ состояніи будешь, если хорошо сумѣешь взяться за дѣло, пріобрѣсти себѣ не одни земныя, но и небесныя сокровища, въ смыслѣ религіозномъ. Надѣюсь, ты понялъ меня?

— Ну вотъ, чего жъ тутъ не понять! — вскричалъ Санчо. — Я всегда все отлично понимаю, что выгодно. Коли вы говорите правду, то давайте хоть этотъ островъ. Я постараюсь быть такимъ хорошимъ губернаторомъ, что и разбогатѣю въ самомъ скоромъ времени и послѣ смерти прямо въ рай попаду. Вы, ваша герцогская свѣтлость, не думайте, что я хочу изъ гордости подняться выше своей братіи, крестьянъ, и чваниться надъ ними; нѣтъ, мнѣ просто хочется узнать, что за штука губернаторство.

— Губернаторство — такая штука, которая тебѣ, навѣрное, очень понравится, — сказалъ герцогъ. — Власть и могущество хоть кого угодно заставятъ зарваться. Когда твой господинъ сдѣлается императоромъ, — что непремѣнно должно случиться, судя по его великимъ подви-

гамъ, — то и его не скоро оторвешь отъ трона, и ты увидишь, что онъ въ глубинѣ души пожалѣетъ о томъ времени, когда не былъ имъ. Чего человѣкъ не извѣдалъ, безъ того онъ еще можетъ обойтись, но разъ онъ попробовалъ сладкаго, онъ захочетъ его все больше и больше, такъ что въ концѣ-концовъ измучится этимъ желаніемъ.

— Каждому своя судьба, ваше величіе, и я, Богъ дасть, не буду мучиться этимъ, — замѣтилъ Санчо.

— Положимъ, ты человѣкъ умный и разсудительный и, вѣроятно, сумѣешь держать себя въ рукахъ, — согласился герцогъ. — Я вообще надѣюсь, что ты будешь отличнымъ губернаторомъ и не сдѣлаешь никакихъ промаховъ. Можешь отправиться на островъ хоть завтра же, а сегодня вечеромъ ты получишь приличную одежду, и все будетъ приготовлено къ твоему отъѣзду.

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Я во всякой одеждѣ останусь самимъ собою, то-есть Санчо Панцою.

— Это-то вѣрно; но люди обязаны одѣваться согласно своему званію и состоянію. Судья долженъ быть одѣтъ иначе, чѣмъ воинъ, а воинъ — иначе, чѣмъ священникъ. Вы, сеноръ губернаторъ, будете носить одежду полувоенную, полуученую, потому что на томъ островѣ, которымъ вы будете управлять, одинаково необходимы оружіе и знаніе. Безъ науки неудобно быть губернаторомъ.

— О, что касается науки, то я хоть и не знаю путемъ азбуки, зато вполнѣ свѣдущъ въ евангеліи, а этого, полагаю, совершенно достаточно, чтобы быть превосходнымъ губернаторомъ. Оружія давайте сколько угодно; я употребляю его въ дѣло не хуже кого другого, но зря никогда не стану прибѣгать къ нему.

— Я по всему вижу, что ты со своимъ умомъ далеко уйдешь...— началъ было герцогъ, но въ это время пришелъ Донъ-Кихотъ, который попросилъ позволенія увести Санчо къ себѣ, чтобы дать ему нѣкоторые совѣты относительно того, какъ слѣдуетъ держать себя губернатору.

Очутившись съ Санчо въ своей комнатѣ, Донъ-Кихотъ заперъ дверь, усадилъ возлѣ себя своего бывшаго оруженосца и началъ отечески-внушительнымъ тономъ:

— Другъ мой, Санчо, я безконечно признателенъ судьбѣ за то, что она улыбнулась тебѣ раньше, чѣмъ мнѣ. Видно, правду говорятъ, что всякому свое счастіе. Я, всѣми силами старавшійся добиться милостей судьбы, чтобы имѣть возможность вознаградить тебя за твою вѣрную службу, остался ни съ чѣмъ, а ты безъ всякаго труда со своей стороны получилъ островъ въ управленіе. Конечно, это слѣдуетъ приписать единственно тому, что тебя коснулось дыханіе странствующаго рыцар-

ства, а отнюдь не твоимъ личнымъ достоинствамъ, которыхъ у тебя, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Не забывай этого и не кичись своею удачей. Теперь, когда сердце твое, сынъ мой, смягчено радостью и воспріимчиво къ добру, слушай внимательно слова новаго Катона, желающаго преподать тебѣ нѣкоторые совѣты, чтобы привести тебя къ спасительной пристани на томъ бурномъ морѣ, по которому тебѣ предстоитъ плыть. Прежде всего знай, Санчо, что высокое положеніе, это—глубокая бездна, украшенная сверху цвѣтами и скрывающая въ себѣ погибель. Первый мой совѣтъ: имѣй всегда въ сердцѣ страхъ Божій, потому что въ этомъ страхѣ начало премудрости, а мудрый никогда не можетъ впасть въ ошибку. Второй совѣтъ: думай всегда о томъ, кто ты, и старайся познавать самого себя, что настолько же необходимо, насколько трудно. Познавъ же себя, тебѣ никогда не придетъ въ голову разыграть роль лягушки, хотѣвшей раздуть себя до величины вола и лопнувшей отъ натуги, не достигнувъ цѣли. Какъ только почувствуешь, что начинаешь зазнаваться, вспомни скорѣй, что ты когда-то былъ свинопасомъ.

— Это я былъ только въ дѣтствѣ, а потомъ меня заставляли пасти гусей, — сказалъ Санчо. — Но вѣдь не всѣ же губернаторы родились въ королевскихъ дворцахъ и съ самаго дѣтства занимались благородными дѣлами?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ; — но потому-то всѣ люди низкаго происхожденія, достигшіе высокаго положенія, должны стараться выработать въ себѣ личныя достоинства, чтобы ими прикрыть недочеты рожденія. Иначе, вмѣсто почета и уваженія, они заслуживаютъ одно презрѣніе. Итакъ, Санчо, не забывай, что ты родился простымъ крестьяниномъ, не стыдись этого и ни отъ кого не скрывай. Тогда никто не посмѣетъ упрекнуть тебя въ низкости твоего происхожденія. Незнатный праведникъ скорѣе имѣетъ право гордиться, чѣмъ знатный грѣшникъ. Не ты первый, не ты и послѣдній изъ низкаго званія достигшій высокаго положенія. Многіе носители коронъ и тіаръ вышли изъ самаго низкаго званія, о чемъ свидѣтельствуетъ всемірная исторія. Если ты будешь руководствоваться одною добродѣтелью и искать славы единственно въ добрыхъ дѣлахъ, то тебѣ нечего будетъ завидовать людямъ, считающимъ въ числѣ своихъ предковъ принцевъ и другихъ знатныхъ особъ. Кровь наслѣдуется, а добродѣтель пріобрѣтается собственными усиліями и цѣнится дороже крови. И если въ то время, когда ты будешь губернаторомъ на островѣ, къ тебѣ пріѣдетъ кто-нибудь изъ родныхъ, то не отталкивай его отъ себя, а прими и обласкай, какъ бы ты это сдѣлалъ, если бы остался крестьяниномъ. Помни, что Богъ не любитъ спеси и глупаго чванства. Какъ только устроишься, выпиши къ себѣ жену, безъ

которой правителю неудобно долго оставаться, чтобы о немъ не пошло дурной славы. Позаботься образовать жену и смягчить ея природную грубость, иначе она можетъ испортить все, что ты сдѣлаешь хорошаго въ отношеніи твоихъ подданныхъ. Смотри, чтобы она не была лихоимкою и не брала отъ просителей того, отъ чего ты будешь отказываться. Помни, что ты отвѣтишь за нее на страшномъ судѣ. Не будь лицепріятенъ. Пусть слезы бѣдняка найдутъ въ твоемъ сердцѣ столько же сочувствія, сколько просьбы богатаго. Старайся во всемъ открыть истину; старайся прозрѣть ее сквозь обѣщанія и дары богатыхъ и сквозь стоны и рубище бѣдныхъ. А когда станешь смягчать суровость закона, дѣлай это подъ вліяніемъ не корыстолюбія, а правдолюбія. Если тебѣ придется разбирать дѣло, въ которомъ замѣшанъ врагъ твой, забудь свои личныя чувства къ нему и помни только о правдѣ. Смотри, чтобы тебя не ослѣпила личная страсть въ дѣлахъ правосудія, иначе ты впадешь въ ошибки, которыхъ потомъ никто не въ состояніи будетъ исправить. Если придетъ къ тебѣ въ качествѣ просительницы красивая женщина, то не гляди на ея слезы, не слушай ея рыданій, а строго и хладнокровно обсуди, чего она отъ тебя требуетъ. Въ противномъ случаѣ ты рискуешь потопить правду въ ея слезахъ и ея вздохами заглушить голосъ истины и добродѣтели. Не оскорбляй словами того, кого будешь вынужденъ наказать дѣломъ. Человѣкъ тотъ и безъ того получитъ возмездіе за совершонное имъ зло, такъ что не къ чему заставлять его терпѣть вдвойнѣ. Вообще, смотри на виновнаго, какъ на человѣка слабаго и несчастнаго, какъ на раба нашей грѣховной натуры. И, оставаясь справедливымъ къ противной сторонѣ, яви, насколько это будетъ зависѣть отъ тебя, милосердіе къ виновному и не забывай, что милосердіе стоитъ выше всѣхъ остальныхъ добродѣтелей, хотя онѣ всѣ и считаются равными, какъ свойства, вложенныя въ насъ Самимъ Богомъ. Если ты, сынъ мой, станешь слѣдовать этимъ совѣтамъ, которые я даю тебѣ отъ души, ты долго проживешь на землѣ, достигнешь вѣчной славы, увидишь всѣ свои желанія исполненными, миръ и счастіе будутъ обитать въ домѣ твоемъ. Все, что я говорилъ, клонится къ украшенію твоей души, а теперь я перейду къ тому, что должно будетъ служить къ украшенію твоего тѣла.

ГЛАВА XLIII,

заключающая въ себѣ вторую серію совѣтовъ Донъ-Кихота своему бывшему оруженосцу.

Кто изъ слышавшихъ все, что говорилъ въ предыдущей главѣ Донъ-Кихотъ Санчо Панцѣ, не пришелъ бы въ восторгъ отъ ума и благородства нашего гидальго? Читателямъ уже извѣстно, что нашъ герой заговаривался только тогда, когда рѣчь заходила о странствующемъ рыцарствѣ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ онъ всегда обнаруживалъ вполнѣ здравый и богатый умъ. Такимъ образомъ слова его часто противорѣчили дѣйствіямъ и, наоборотъ, дѣйствія — словамъ. Во второй серіи его совѣтовъ Санчо Панцѣ умъ и безуміе рыцаря, какъ мы увидимъ, достигли самой высокой степени.

Санчо слушалъ Донъ-Кихота съ полнымъ вниманіемъ и даже съ твердою рѣшимостью запомнить слова рыцаря и слѣдовать имъ, чтобы губернаторствовать съ честью.

Послѣ непродолжительнаго молчанія Донъ-Кихотъ началъ говорить дальше:

— Что касается наружности, Санчо, то я совѣтую тебѣ прежде всего стричь ногти и не подражать тѣмъ людямъ, которые въ своемъ жалкомъ невѣжествѣ воображаютъ, что длинные и грязные ногти, похожіе на ногти птицъ, пожирающихъ падаль, могутъ служить украшеніемъ рукъ, тогда какъ они только безобразятъ и вызываютъ отвращеніе. Никогда никому не показывайся одѣтымъ неряшливо, въ рваной или запачканной одеждѣ: такъ дѣлаютъ только люди лѣнивые и грязные душою. Исключеніемъ можетъ служить развѣ одинъ Юлій Цезарь, который, какъ говорятъ, умышленно одѣвался небрежно. Если ты увидишь, что доходовъ съ губернаторства хватитъ и на то, чтобы дѣлать твоимъ людямъ ливреи, то дѣлай ихъ, но только не роскошныя и причудливыя, а простыя, чистыя и удобныя. Хорошо, если ты будешь держать меньше слугъ, чѣмъ у тебя хватитъ состоянія одѣвать и содержать ихъ, чтобы ты могъ излишекъ отдавать бѣднымъ. Такъ, напримѣръ, если у тебя окажется возможность одѣть шесть пажей, держи трехъ, а на сторонѣ содержи трехъ бѣдняковъ. Тогда у тебя будутъ три пажа на землѣ и столько же на небѣ. Этотъ новый способъ обзаведенія себя прислугой, къ сожалѣнію, примѣняется очень немногими. Не ѣшь никогда чесноку, чтобы запахъ его не выдавалъ твоего происхожденія. Ходи тихо и чинно, но не до такой степени, чтобы казалось, будто ты прислушиваешься къ самому себѣ: всякая крайность не хороша. Ѣшь за обѣдомъ немного, а

за ужиномъ еще менѣе: помни, что здоровье зависитъ отъ желудка, съ которымъ поэтому слѣдуетъ обращаться какъ можно осторожнѣе и бережнѣе. Соблюдай умѣренность и въ питьѣ, такъ какъ голова, затуманенная винными парами, не умѣетъ ни сохранить тайны ни сдержать слова. Никогда не рыгай...

— Ну, ужъ этотъ совѣтъ будетъ всего труднѣе исполнить, — перебилъ Санчо, — потому что я сильно страдаю отрыжкой. Но все-таки я постараюсь запомнить и его.

— И хорошо сдѣлаешь, Санчо, — продолжалъ Донъ-Кихотъ. — Это отвратительная привычка; она происходитъ, съ одной стороны, отъ многоядѣнія, а съ другой—отъ того, что человѣкъ не слѣдитъ за собою. Потомъ отучись, пожалуйста, отъ скверной манеры пересыпать свою рѣчь пословицами и поговорками. Положимъ, онѣ почти всѣ являются выраженіями народной мудрости, но ты большею частью приводишь ихъ такъ некстати, что онѣ производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе.

— Отъ этого я тоже едва ли когда отучусь, — откровенно сознался Санчо.—Что же прикажете мнѣ дѣлать, когда у меня въ головѣ больше пословицъ, чѣмъ въ любой книгѣ? И какъ только я заговорю, ихъ такъ много начинаетъ лѣзть мнѣ на языкъ, что онѣ сейчасъ же затѣваютъ между собою драку, потому что хотятъ выскочить на свѣтъ Божій всѣ за разъ, а этого, конечно, нельзя. Обѣщаю вамъ только, что съ этихъ поръ я постараюсь приводить лишь такія пословицы, которыя приличны моему новому званію. Въ хорошемъ домѣ ужинъ не заставляетъ ждать себя. Когда продаютъ товаръ за сходную цѣну, то покупатели не торгуются. Тотъ въ безопасности, кто звонитъ въ колоколъ. Давай умѣло и принимай тоже съ умомъ...

— Ну, пошелъ, поѣхалъ! — перебилъ Донъ-Кихотъ. — Меня сѣчетъ мать, а я сѣку плетку... Вѣдь я только что просилъ тебя, Санчо, не пристегивать къ каждому слову пословицъ, а ты тутъ же и началъ сыпать ихъ цѣлыми пригоршнями! Можно подумать, что ты дѣлаешь мнѣ на смѣхъ... Впрочемъ, ты, можетъ статься, даже и не знаешь, что говоришь, но отъ этого слушающимъ тебя не легче. Ради Бога, слѣди за своимъ языкомъ и не давай ему болтать зря, иначе отъ тебя всѣ отвернутся, какъ отъ неисправимаго шута. Запомни ты это наконецъ. Когда садишься на лошадь, не откидывайся всѣмъ корпусомъ назадъ, не вытягивай ногъ наподобіе палокъ и не держи ихъ далеко отъ живота лошади. Вообще не сиди на лошади какъ на ослѣ. Сидѣть прилично и красиво верхомъ умѣетъ не всякій: нѣкоторые всадники похожи не на людей, а на животныхъ, стоящихъ гораздо ниже той лошади, на которой сидятъ. Не спи долго. Помни, что тотъ, кто не встаетъ съ восхо-

домъ солнца, не пользуется днемъ. Трудолюбіе — мать довольства, а лѣнь — врагъ благоденствія, и человѣкъ лѣнивый никогда не достигаетъ цѣли своихъ желаній. Одежда твоя должна состоять изъ панталоновъ, длиннаго камзола и еще болѣе длиннаго плаща. Туфель не носи: эта обувь не идетъ даже простымъ дворянамъ, а не только губернаторамъ. Вотъ пока все, что я имѣлъ тебѣ сказать, Санчо. Смотря по обстоятельствамъ, я буду давать тебѣ полезные совѣты и впредь; я всегда готовъ руководить тобою.

— Очень вамъ благодаренъ за ваше доброжелательство, ваша милость, — сказалъ Санчо. — Но только я боюсь, что всѣ ваши хорошіе совѣты пропадутъ даромъ. Ужъ очень у меня плоха память. Изъ всего, что вы сейчасъ наговорили мнѣ, я запомнилъ только насчетъ ногтей да еще то, что было сказано вами о моей женѣ, а остальное точно вѣтромъ вымело изъ моей головы. Потрудитесь, ваша милость, написать всѣ ваши совѣты: тогда я попрошу своего исповѣдника прочитывать мнѣ ихъ почаще и понемногу заучу ихъ наизусть. Жаль — я самъ не умѣю читать, а то бы дѣло пошло гораздо скорѣе...

— Ахъ, да, я все забываю объ этомъ! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Хороши мы съ герцогомъ, что ставимъ въ губернаторы человѣка безграмотнаго! Совѣтую тебѣ выучиться хоть подписывать свое имя.

— Это-то я умѣю, — заявилъ Санчо. — Когда я былъ старостой въ деревнѣ, меня одинъ грамотный пастухъ выучилъ чертить нѣсколько большихъ буквъ, какія пишутъ на тюкахъ, и сказалъ, что эти буквы обозначаютъ мое имя. Когда я буду губернаторомъ, то притворюсь, что у меня болитъ правая рука, и заставлю другого подписывать за себя. На свѣтѣ, ваша милость, противъ всякаго зла, кромѣ смерти, есть лѣкарство. Вы только не безпокойтесь: у меня все пойдетъ какъ по маслу. Я не изъ тѣхъ, которые поѣхали стричь другихъ, а вернулись сами остриженными. Пріѣзжайте ко мнѣ, ваша милость, когда я начну губернаторствовать, и вы залюбуетесь на меня. Обижать зря я никого не стану, но и потачки никому не буду давать. Сдѣлайся медомъ и тебя съѣдятъ мухи. А насчетъ того, хватитъ ли у меня содержанія на лакеевъ, не извольте тревожиться: я сумѣю набрать денегъ на все. Думаю, что въ первый же годъ такъ разбогатѣю, что меня и узнать нельзя будетъ. Моя бабушка, бывало, говорила: «Ты стоишь столько, сколько имѣешь у себя денегъ и добра». Я и самъ знаю, что нечего бояться человѣка, который живетъ въ собственномъ домѣ и ни у кого не одолжается...

— Чортъ знаетъ, что такое, Санчо! — внѣ себя вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Вотъ ужъ битый часъ, какъ ты рѣжешь меня своими пого-

ворками, какъ острыми ножами... Вспомни мое слово: изъ за-твоихъ дурацкихъ пословицъ ты когда-нибудь попадешь на висѣлицу и угодишь прямо въ адъ. Скажи на милость, гдѣ ты набираешь ихъ столько? Откуда онѣ приходятъ тебѣ въ голову? Мнѣ легче не ѣсть и не пить двое сутокъ, чѣмъ привести кстати хоть одну пословицу, а ты сыплешь ими безъ устали.

— Что жъ, ваша милость, всякому свое... человѣкъ на человѣка не походитъ, — философски замѣтилъ будущій губернаторъ. — Должно-быть Господь такъ умудрилъ меня на пословицы, что сколько я ихъ ни расходую, ихъ все остается много, такъ что и конца имъ нѣтъ. Вотъ и сейчасъ у меня вертятся на языкѣ четыре пословицы... много мнѣ стоитъ труда удержать ихъ, но я не хочу обижать васъ, а потому крѣплюсь, хотя всѣ эти пословицы были бы вполнѣ кстати, какъ дождь въ жаркій день.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшаю тебѣ сказать ихъ, Санчо.

— Вотъ онѣ: «Никогда не клади пальца въ чужой ротъ», «Не распоряжайся въ домѣ сосѣда», «Знай сверчокъ свой шестокъ», «Гусь свиньѣ не товарищъ». Развѣ все это не кстати, ваша милость?

— Не нахожу, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Да я такъ и ожидалъ, что ты нагородишь только чуши. Отчего умному человѣку не распорядиться въ домѣ дурака-сосѣда? За это его надо только благодарить. Но пока оставимъ все это. Добавлю лишь одно: боюсь, что ты будешь не на своемъ мѣстѣ, какъ засядешь на губернаторское кресло. По-настоящему, я долженъ бы пойти и сказать герцогу, что ты не годишься на такой важный и отвѣтственный постъ, потому что ты, въ сущности, вовсе не человѣкъ, а просто толстый грубый мѣшокъ, напичканный одною глупостью да пословицами, не имѣющими подчасъ никакого смысла.

— Ваша милость, — сказалъ Санчо, — если вы и вправду находите, что я не гожусь въ губернаторы, то я и самъ лучше откажусь отъ этой должности. Я проживу бѣднымъ крестьяниномъ съ чеснокомъ и хлѣбомъ не хуже, чѣмъ важнымъ губернаторомъ съ каплунами и куропатками на столѣ. Когда мы спимъ, тогда нѣтъ различія между нами, тогда мы всѣ равны: великіе и малые, богатые и бѣдные, сильные и слабые. Притомъ же вы сами смутили меня, всадивъ мнѣ въ голову мысль о губернаторствѣ; я самъ никогда бы на нее не набрелъ. И если ваша милость теперь думаете, что я способенъ тамъ набѣдокурить что-нибудь, за что меня черти могутъ потащить въ адъ, то и не надо мнѣ никакого губернаторства. Лучше я простымъ Санчо отправлюсь въ рай, чѣмъ губернаторомъ въ адъ.

— Клянусь Богомъ, Санчо! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ. — За одни эти слова ты стоишь быть губернаторомъ. Я вижу, ты все-таки человѣкъ хорошій, а это — главное. Имѣй всегда въ сердцѣ правду, твердо рѣшись быть справедливымъ во всякомъ дѣлѣ, и вѣрь, что Небо всегда способствуетъ благимъ намѣреніямъ.

На этомъ бесѣда Донъ-Кихота съ Санчо Панцою была прервана появленіемъ пажей, приглашавшихъ обоихъ пожаловать къ обѣду.

ГЛАВА XLIV,

о томъ, какъ Санчо былъ отправленъ на свое губернаторство, и о странномъ приключеніи съ Донъ-Кихотомъ въ замкѣ.

Послѣ обѣда Донъ-Кихотъ написалъ всѣ свои совѣты Санчо и передалъ ему бумагу, которую тотъ, однако, тутъ же выронилъ изъ кармана, такъ что она попала въ руки хозяевъ, оставившихъ ее у себя на память о своихъ интересныхъ гостяхъ.

Режиссированіе комедіи губернаторства Санчо тоже было возложено на дворецкаго, который сумѣлъ обставить и ее какъ нельзя лучше.

Вечеромъ того же дня Санчо одѣли въ судейское платье, посадили на богато убраннаго мула и повезли на «островъ» въ сопровожденіи цѣлой толпы. За нимъ вели его осла, украшеннаго новою и великолѣпною сбруей и покрытаго шелковою попоной. Передъ отъѣздомъ новый губернаторъ трогательнѣйшимъ образомъ простился съ Донъ-Кихотомъ, со слезами благословившимъ его, и съ герцогскою четой. «Островомъ» послужила одна изъ герцогскихъ деревень, жители которой были всѣ настроены надлежащимъ образомъ дворецкимъ. Впослѣдствіи мы разскажемъ, какъ встрѣтили тамъ Санчо Панцу и какъ онъ приступилъ къ своему губернаторствованію, а пока посмотримъ, что вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ замка случилось съ Донъ-Кихотомъ.

Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели говоритъ, что доблестный рыцарь Ламанчскій такъ живо почувствовалъ свое одиночество, когда уѣхалъ его оруженосецъ, что готовъ былъ тутъ же вернуть его съ пути и умолять не покидать его. Замѣтивъ его грустное настроеніе, герцогиня спросила рыцаря, не угодно ли будетъ ему выбрать себѣ для услугъ, вмѣсто Санчо, нѣсколько пажей и молодыхъ дѣвушекъ изъ числа находящихся въ замкѣ.

На это Донъ-Кихотъ возразилъ, что онъ желаетъ прислуживать себѣ самъ, и просилъ герцогиню ни о чемъ не безпокоиться, такъ какъ онъ и безъ того не знаетъ, чѣмъ отплатить за всѣ ея любезности.

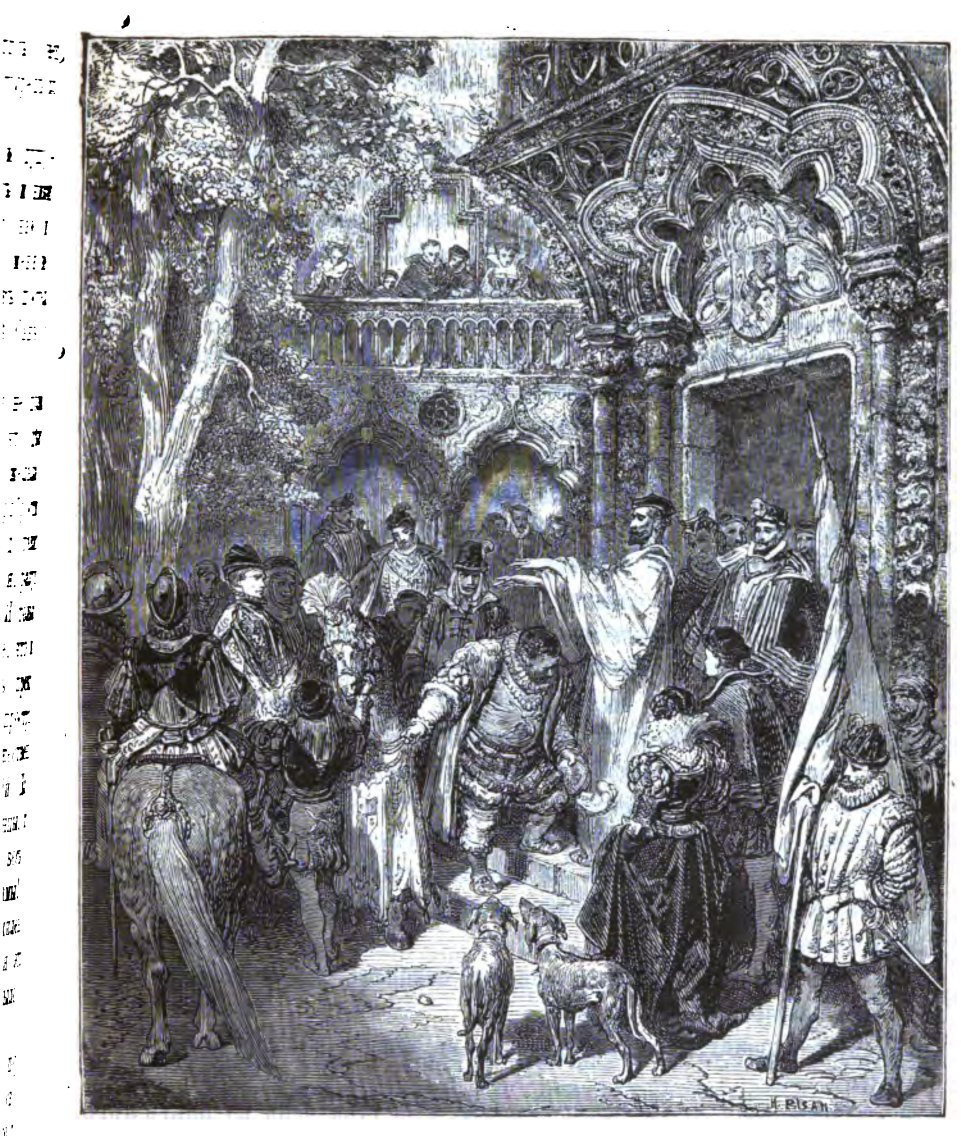
— Я не могу допустить, чтобы вы оставались совершенно безъ ухода, — сказала герцогиня, — и пришлю вамъ четырехъ изъ моихъ камеристокъ, прелестныхъ какъ весеннія розы.

— Эти розы будутъ колоть своими шипами мою душу, — замѣтилъ рыцарь. — Пожалуйста, не присылайте мнѣ ни ихъ и никого другого. Позвольте мнѣ распоряжаться самимъ собою, какъ я знаю, и довершите этимъ милости, которыми ваша свѣтлость осыпали меня не по моимъ заслугамъ. Предупреждаю васъ, что я скорѣе лягу въ постель въ полномъ вооруженіи, чѣмъ позволю кому-нибудь, кромѣ Санчо, раздѣвать меня.

— Хорошо, — сказала герцогиня.—Если такъ, то я не позволю проникать въ вашу комнату даже мухамъ, а не только что дѣвушкамъ. Прошу васъ, доблестный рыцарь, не подумать, чтобы я желала вводить во искушеніе ваше цѣломудріе, равняющееся вашей храбрости и прочимъ вашимъ прекраснымъ свойствамъ. Я просто желала доставить вамъ нѣкоторое развлеченіе, а разъ вы отъ него отказываетесь, я, разумѣется, настаивать не буду. Дѣлайте, какъ вамъ будетъ угодно. Я только распоряжусь, чтобы въ вашей комнатѣ было приготовлено все, что можетъ понадобиться вамъ. Да здравствуетъ на тысячу вѣковъ прекрасная Дульцинея Тобозская и да прозвучитъ имя ея по всему пространству земли! Она достойна этого, потому что любима такимъ мужественнымъ и цѣломудреннымъ рыцаремъ, какъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Да преисполнитъ Небо душу нашего новаго губернатора, Санчо Панцы, желаніемъ поскорѣе совершить искупительное бичеваніе, чтобы весь міръ могъ вновь насладиться созерцаніемъ дивной красоты вашей дамы!

— Слова эти вполнѣ достойны вашего величія, — съ умиленіемъ проговорилъ Донъ-Кихотъ. — Вы несказанно осчастливили меня этимъ отзывомъ о Дульцинеѣ Тобозской, и я думаю, одного его было бы достаточно, чтобы обезсмертить ея имя.

Донъ-Кихотъ и герцогиня обмѣнивались любезностями до тѣхъ поръ, пока не настало время разойтись на ночь. Рыцарь заперся въ своей комнатѣ лишь тогда, когда удостовѣрился, что тамъ нѣтъ ничего такого, что могло бы подвергнуть испытанію его вѣрность къ несравненной Дульцинеѣ. На столѣ у него горѣли двѣ восковыя свѣчи, при свѣтѣ которыхъ онъ и началъ раздѣваться. Снявъ панталоны, онъ замѣтилъ, что его черные шелковые чулки совершенно продырявились, такъ что напоминали рѣшето. Это открытіе очень огорчило его, и онъ дорого бы далъ за нѣсколько нитокъ чернаго шелка, но положительно не могъ придумать къ кому бы обратиться за ними. Онъ былъ бы радъ заштопать чулки шелкомъ и другого цвѣта, хотя это и считается доказа-

Передъ отъѣздомъ новый губернаторъ трогательнѣйшимъ образомъ простился съ Донъ-Кихотомъ, со слезами благословившимъ его, и съ герцогскою четой.

тельствомъ бѣдности гидальго, но и его неоткуда было взять. Крайне разстроенный разлукою съ Санчо и дырявыми чулками, Донъ-Кихотъ потушилъ свѣчи и легъ въ постель. Однако черезъ нѣсколько времени невыносимая духота въ комнатѣ заставила его встать и отворить рѣшетчатое окно, выходившее въ садъ. Освѣжившись живительнымъ

ночнымъ воздухомъ, онъ хотѣлъ снова лечь, какъ вдругъ услыхалъ доносившійся изъ сада голосъ, говорившій:

— О, Эмеранція, не проси меня пѣть! Ты знаешь, что съ этой минуты, какъ этотъ храбрый рыцарь пріѣхалъ въ нашъ замокъ, я разучилась пѣть и могу только лить слезы. Но я запѣла, если бы знала, что моя пѣснь разбудитъ этого новаго Энея, явившагося сюда лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать меня, бѣдную, игрушкою своего невниманія.

— Это невниманіе, дорогая Альтизидора, навѣрное, происходитъ отъ того, что онъ не слыхалъ еще твоего божественнаго голоса,—отвѣтилъ кто-то. — Попробуй спѣть, и увидишь, что онъ не останется глухъ. Право, спой, моя милая. Время теперь самое подходящее: весь замокъ погруженъ въ сонъ, и не спитъ, кажется, одинъ тотъ, кто овладѣлъ твоею душой и заставилъ тебя познать муки любви. Я слышала, какъ онъ открылъ окно, слѣдовательно онъ еще бодрствуетъ.

— Охъ, страшно мнѣ, милая Эмеранція! Но, такъ и быть, я послѣдую твоему дружескому совѣту, и попытаюсь смягчить его суровое сердце звуками арфы и словами любви.

Вслѣдъ за этимъ раздалась прелестная прелюдія на арфѣ, и нѣжный голосъ говорившей запѣлъ слѣдующій романсъ:

«О, ты, предавшійся безмятежному сну храбрый рыцарь Ламанчскій, чище и цѣломудреннѣе арабскаго золота!

«Услышь вопли молодой дѣвушки, сгорающей отъ безумной любви къ тебѣ, великому и единственному!

«Скажи мнѣ, величайшій изъ всѣхъ странствующихъ рыцарей, гдѣ ты родился: не въ Ливійской ли пустынѣ, или въ горахъ Якки?

«Не вскормили ли тебя своимъ ядомъ змѣи? Не воспитали ли чудовища лѣсныя?

«Я перестану это думать, если ты, наконецъ, удостоишь взглянуть на меня благосклоннымъ окомъ.

«Тогда я пойму, что ты человѣкъ не только по наружности, но и сердцемъ.

«Услышь меня, одари своею любовью и не губи меня во цвѣтѣ лѣтъ.

«Мнѣ нѣтъ еще пятнадцати лѣтъ, я хороша, какъ весенній цвѣтокъ, и всякій другой, кромѣ тебя, жестокосердаго, пришелъ бы въ восхищеніе при видѣ меня.

«Но ты проходишь мимо меня, какъ каменный, и этимъ приводишь меня въ отчаяніе.

«О, храбрый рыцарь Ламанчскій, полюби Альтизидору, какъ она любитъ тебя, и ты поймешь, что значитъ быть счастливымъ, осчастливливая другихъ».

Дослушавъ до конца пѣніе и музыку, Донъ-Кихотъ глубоко вздохнулъ и прошепталъ:

— Боже мой, какой я несчастный: какъ только взглянетъ на меня какая дѣвушка, такъ сейчасъ и влюбляется! Неужели не могутъ дать несравненной Дульцинеѣ спокойно насладиться моею непоколебимою вѣрностью? Чего вы хотите отъ моей дамы? За что вы преслѣдуете ее? Какъ можете вы, пятнадцатилѣтнія дѣвочки, рѣшиться оспаривать у нея мѣсто въ моемъ сердцѣ? Оставьте ее, злополучныя, въ покоѣ! Не мѣшайте ей торжествовать и гордиться тѣмъ, что судьба вручила ей мое сердце и ключи души моей. Знайте, влюбленныя проказницы, что для Дульцинеи я мягокъ, какъ воскъ, а для всѣхъ другихъ женщинъ — жестокъ и неподатливъ какъ камень и металлъ. Въ моихъ глазахъ прекрасна, знатна, умна и скромна только одна Дульцинея, а остальныя существа одинаковаго съ нею пола — безобразны, худородны, глупы и безстыдны. Я живу и дышу только одною Дульцинеей и болѣе никѣмъ. Пусть Альтизидора плачетъ или поетъ — для меня это все равно: я люблю и вѣчно буду любить лишь одну несравненную Дульцинею, и никакіе соблазны не будутъ въ состояніи хоть на одну минуту отвратить отъ нея моихъ мыслей. Пусть терзаютъ меня, пусть мучатъ, пусть пытаютъ — я до послѣдняго моего вздоха останусь вѣренъ своей Дульцинеѣ!

Опасаясь, какъ бы не повторилось искушеніе, Донъ-Кихотъ съ негодованіемъ закрылъ окно и снова легъ. Вскорѣ онъ заснулъ глубокимъ, безмятежнымъ сномъ. Пусть онъ наслаждается имъ, а мы пока вернемся къ его бывшему оруженосцу, приготовлявшемуся вступить во владѣніе своимъ островомъ.

ГЛАВА XLV,

о томъ, какъ Санчо Панца вступилъ во владѣніе своимъ островомъ и какъ началъ управлять имъ.

Бывшій оруженосецъ Донъ-Кихота съ торжествомъ былъ привезенъ въ одну изъ богатѣйшихъ деревень герцога, имѣвшую около тысячи жителей, которую назвали Санчо Панцѣ островомъ «Бараторіей». Это было, впрочемъ, мѣстечко, походившее скорѣе на городъ, чѣмъ на деревню, такъ какъ оно укрѣплялось каменными стѣнами. Новаго губернатора встрѣтили за воротами мѣстныя власти и при звонѣ всѣхъ колоколовъ провели его прямо въ соборъ. Тамъ, послѣ благодарственнаго молебствія объ его благополучномъ прибытіи, ему съ большими церемоніями были вручены властями ключи отъ воротъ мѣстечка: этимъ выражалось то,

что его признали губернаторомъ острова. Здѣсь нужно замѣтить, что тѣ изъ жителей, которые не были посвящены въ тайну, серьезно воображали, что въ ихъ мѣстечко назначенъ губернаторъ, и только очень удивлялись грубой наружности Санчо, хотя она и была по возможности прикрашена. По выходѣ изъ собора Санчо отвели въ ратушу, тоже имѣвшуюся въ Бараторіи, и предложили возсѣсть на судейское кресло.

— Сеноръ губернаторъ, — сказалъ ему не отходившій отъ него ни на шагъ дворецкій, — на этомъ островѣ издавна существуетъ обычай, что новому губернатору, для испытанія его способностей, предлагается одинъ довольно мудреный вопросъ; если онъ отвѣчаетъ на него умно — народъ радуется, если же даетъ отвѣтъ глупый — народъ печалится.

Между тѣмъ Санчо съ любопытствомъ разсматривалъ крупную надпись, красовавшуюся на стѣнѣ прямо противъ его сидѣнія, и, не умѣя читать, спросилъ, что это такое нарисовано.

— Это, — пояснилъ дворецкій, — надпись о томъ, что такого-то числа вступилъ во владѣніе островомъ сеноръ донъ Санчо Панца, которому да поможетъ Богъ пробыть губернаторомъ многія лѣта.

— Кого зовутъ *дономъ* Санчо Панцою? — удивился Санчо.

— Да васъ же, сеноръ губернаторъ, — отвѣтилъ дворецкій. — На нашъ островъ не вступалъ никакой другой Санчо Панца, кромѣ вашей милости.

— Ну, такъ знай, братецъ, что я не ношу титула *дона,* да и никто въ моемъ родѣ не носилъ его, — съ достоинствомъ проговорилъ Санчо. — И отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ назывались просто Панцами, такъ же называюсь и я, безъ всякихъ прибавленій. Должно-быть у васъ тутъ больше *доновъ,* чѣмъ каменьевъ на мостовой, что вы каждаго норовите *звать дономъ.* Ну, я ихъ повыведу, вашихъ *доновъ,* потому что терпѣть ихъ не могу... Теперь можете предложить свой вопросъ; я постараюсь отвѣтить на него, какъ мнѣ Богъ на душу положитъ.

Въ эту минуту въ залу вошли два человѣка — одинъ простой крестьянинъ, другой — портной, судя по имѣвшимся у него въ рукахъ ножницамъ.

— Сеноръ губернаторъ, — началъ портной, — я и этотъ вотъ крестьянинъ являемся передъ лицо вашей милости, чтобы объясниться по поводу слѣдующаго дѣла. Вчера этотъ молодецъ пришелъ въ мою лавку (да будетъ извѣстно вашей милости, что я присяжный портной) и, выложивъ на прилавокъ кусокъ сукна, спросилъ, можетъ ли выйти изъ этого куска шапка. Посмотрѣвъ и вымѣривъ сукно, я сказалъ, что шапка выйдетъ. Тогда этотъ человѣкъ, вѣроятно, очень подозрительный или придирчивый, спросилъ, не хватитъ ли сукна на двѣ шапки. Я

Губернаторъ Санчо Панца на судейскомъ мѣстѣ.

отвѣтилъ, что если ему нужно, я могу сдѣлать и двѣ. Не удовольствсвавшись этимъ, онъ спросилъ, не выйдетъ ли три шапки. На это я тоже отвѣтилъ утвердительно. Наконецъ онъ спросилъ, не хватитъ ли сукна на пять шапокъ. Я сказалъ, что хватитъ и на пять, но болѣе не останется даже на полшапки. Такъ онъ мнѣ и заказалъ сдѣлать пять шапокъ. Сейчасъ онъ пришелъ ко мнѣ за всѣми этими шапками,

которыя я ему и отдавалъ, но отказывается платить мнѣ за работу деньги и требуетъ, чтобы я возвратилъ ему сукно, какъ оно было, или же выдалъ его стоимость. Согласитесь, сеноръ губернаторъ, что это несправедливо, и разсудите, какъ мнѣ быть.

— Правду ли говоритъ портной? — спросилъ Санчо крестьянина.

— Правду, сеноръ губернаторъ, — отвѣтилъ тотъ. — Только прикажите ему показать эти пять шапокъ.

— Изволь, покажу, — сказалъ портной и, вытащивъ изъ-подъ своего плаща пять шапокъ, напялилъ ихъ всѣ на растопыренные пальцы.

— Вотъ онѣ, — добавилъ онъ. — Клянусь своею душой и совѣстью, я не попользовался однимъ дюймомъ изъ сукна заказчика и предлагаю кому угодно осмотрѣть работу, чтобы убѣдиться въ ея доброкачественности.

Санчо подумалъ немного и проговорилъ:

— Вотъ мой приговоръ: разъ вы не можете сойтись полюбовно, то ты, портной, лишаешься платы за твой трудъ, а ты, крестьянинъ, теряешь свое сукно, потому что, по моему распоряженію, спорныя шапки должны быть пожертвованы арестантамъ. Вотъ и конецъ дѣлу. Ступайте!

Слушатели одобрительно засмѣялись. Шапки были отобраны у портного, который вслѣдъ за тѣмъ удалился вмѣстѣ съ заказчикомъ. На сцену выступили два новыхъ просителя. Это были два почтенныхъ старика, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ довольно толстую трость.

— Сеноръ губернаторъ, — сказалъ тотъ старикъ, у котораго не было трости, — по просьбѣ этого вотъ человѣка, котораго я привелъ съ собой, я далъ ему взаймы десять золотыхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ мнѣ ихъ по первому моему требованію. Долго я не спрашивалъ у него этихъ денегъ, не желая ставить его въ крайность и думая, что когда онъ будетъ въ состояніи, то самъ отдастъ, безъ напоминаній. Но, наконецъ, видя, что онъ какъ будто и забылъ о своемъ долгѣ, я рѣшился напомнить ему о немъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ такъ, точно не понялъ меня, и я черезъ нѣсколько времени ужъ прямо попросилъ его возвратить долгъ. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что я ему никогда и не давалъ никакихъ денегъ, а если и давалъ, то онъ давнымъ-давно возвратилъ ихъ мнѣ. У меня нѣтъ свидѣтелей ни тому, что я давалъ ему деньги, ни тому, что онъ мнѣ ихъ отдавалъ. Прошу вашу милость приказать ему присягнуть въ томъ, что я совсѣмъ не давалъ ему денегъ, а если давалъ, то — что я получилъ ихъ обратно отъ него. Если онъ подтвердитъ свое увѣреніе клятвенно, то я готовъ счесть его поквитавшимся со своею совѣстью и со мною.

— Что ты на это скажешь, мой другъ? — обратился Санчо къ отвѣтчику.

— Сеноръ губернаторъ, — твердо проговорилъ послѣдній, — этотъ человѣкъ, дѣйствительно, давалъ мнѣ взаймы десять золотыхъ, но я давно уже отдалъ ихъ ему и готовъ присягнуть въ этомъ.

Губернаторъ молча опустилъ свой жезлъ. Отвѣтчикъ, попросивъ истца подержать его трость, простеръ руку къ кресту, украшавшему губернаторскій жезлъ, и клятвенно подтвердилъ свое показаніе, что хотя онъ и занималъ у истца десять золотыхъ, но своевременно возвратилъ ему ихъ.

— Ну, а ты что скажешь теперь? — спросилъ Санчо истца.

Истецъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ отвѣтчика за человѣка честнаго и за хорошаго христіанина и поэтому вѣритъ, что тотъ сказалъ правду, а онъ, истецъ, должно-быть, забылъ, что получилъ свой долгъ, котораго теперь не будетъ болѣе требовать.

Отвѣтчикъ взялъ свою трость и, опустивъ голову, повернулъ къ выходу.

Посмотрѣвъ ему вслѣдъ и взглянувъ на кроткое и полное покорности лицо истца, новый губернаторъ приложилъ палецъ сначала къ носу, потомъ къ бровямъ и съ минуту продумалъ. Затѣмъ онъ вдругъ съ рѣшительнымъ видомъ поднялъ голову и приказалъ позвать отвѣтчика обратно. Когда это было исполнено, Санчо сказалъ ему:

— Дай-ка мнѣ на минуту свою трость, я хочу ее посмотрѣть.

— Извольте, ваша милость, — проговорилъ тотъ, подавая ему свою трость.

Санчо взялъ трость и, передавъ ее истцу, проговорилъ:

— Получай, мой другъ, свои деньги и иди съ Богомъ.

— Какъ такъ?!—воскликнулъ истецъ.—Да, развѣ эта палка стоитъ десяти золотыхъ?

— Стоитъ! — увѣренно отвѣтилъ Санчо.—А если ты въ этомъ сомнѣваешься и думаешь, что я ошибаюсь, то пусть все почтенное собраніе назоветъ меня въ глаза самымъ пошлымъ дуракомъ въ свѣтѣ... Сейчасъ докажу, что я способенъ управлять не только какимъ-нибудь островомъ, а хоть цѣлымъ королевствомъ. Переломи эту палку, и найдешь въ ней свои десять золотыхъ.

Отвѣтчикъ поблѣднѣлъ и выказалъ было поползновеніе вырвать трость изъ рукъ истца, но тотъ быстро переломилъ ее и, дѣйствительно, нашелъ въ ней десять золотыхъ монетъ. Удивленные зрители единодушно признали новаго губернатора вторымъ Соломономъ. На вопросъ кого-то изъ нихъ, какъ онъ могъ догадаться, что въ трости находятся деньги, Санчо отвѣтилъ:

— Очень просто. Отвѣтчикъ далъ подержать ее истцу, пока присягалъ, а потомъ, по окончаніи присяги, тотчасъ же взялъ ее назадъ.

Этимъ путемъ онъ хотѣлъ обмануть Бога, людей и свою совѣсть. Произнося присягу, онъ былъ правъ, такъ какъ, дѣйствительно, только что передъ тѣмъ отдалъ истцу долгъ, заключавшійся въ трости, хоть тотъ и не зналъ этого. Священникъ нашей деревни разсказывалъ мнѣ про подобный случай, о которомъ я, съ Божіей помощью, и вспомнилъ такъ кстати. Вообще я могу похвалиться своею памятью; у меня въ ней накоплено очень много всякихъ исторій и бывальщинъ. Жаль только, что я, обыкновенно, забываю совѣты, которые мнѣ даютъ хорошіе люди. Впрочемъ, я и безъ нихъ не ударю лицомъ въ грязь.

Только что ушли старики,—одинъ обрадованный, другой страшно пристыженный,—въ залу вбѣжала молодая женщина, таща за собой щеголеватаго мужчину среднихъ лѣтъ, оказавшагося мѣстнымъ скотопромышленникомъ.

— Правосудія! Правосудія!—визгливо кричала женщина.—Сеноръ губернаторъ, я прибѣгаю къ вамъ за правосудіемъ! Если я не найду его у васъ, на землѣ, то отправлюсь за нимъ на Небо... Сеноръ губернаторъ, я приношу жалобу на этого человѣка, который, встрѣтившись со мной среди поля, нанесъ мнѣ самое тяжкое оскорбленіе. Умоляю васъ, сеноръ губернаторъ, подвергнуть его примѣрному наказанію, чтобы онъ почувствовалъ хоть часть тѣхъ мученій, которымъ подвергъ меня!

— Что ты скажешь на эту жалобу?—спросилъ Санчо у отвѣтчика.

— Только правду, сеноръ губернаторъ, одну истинную правду,—отвѣтилъ тотъ, весь дрожа.—Я, изволите ли видѣть, бѣдный скотопромышленникъ. Дѣло свое началъ недавно, и у меня почти только и есть, что это красивое платье, которое вы видите на мнѣ и которое я надѣваю только когда хожу въ городъ, чтобы тамъ не очень косились на меня. Сегодня утромъ я водилъ на городской рынокъ продавать четырехъ, съ позволенія сказать, свиней. Выручилъ я за нихъ такъ мало, что, за отдачей разныхъ пошлинъ, у меня почти ничего не осталось. Возвращаясь назадъ изъ города, я наткнулся на эту бабу. Но никакого насилія съ моей стороны вовсе не было.

Выслушавъ объясненіе скотопромышленника, губернаторъ спросилъ его, нѣтъ ли съ нимъ крупныхъ денегъ.

— Есть,—сказалъ отвѣтчикъ:—у меня съ собою весь мой наличный капиталъ, состоящій изъ двадцати червонцевъ.

— Отдай эти двадцать червонцевъ жалобщицѣ,—приказалъ Санчо.

Скотопромышленникъ состроилъ плачевную физіономію, но ослушаться не посмѣлъ и исполнилъ требованіе губернатора. Истица крѣпко зажала въ рукѣ деньги, отвѣсила на всѣ стороны множество низкихъ поклоновъ

и, пожелавъ сенору губернатору здоровья и всякаго благополучія, положила червонцы въ кошелекъ, прижала его къ груди и покинула залу.

Когда она скрылась, губернаторъ сказалъ пригорюнившемуся скотопромышленнику:

— Не огорчайся, мой другъ. Бѣги скорѣе за этою женщиной, отними у нея кошелекъ и приходи съ нимъ опять сюда.

Скотопромышленникъ не заставилъ повторить себѣ этого приказанія и стрѣлою помчался вдогонку за жалобщицей. Черезъ нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія со стороны присутствующихъ обвинительница и обвиняемый возвратились въ залу. Первая отчаянно защищала кошелекъ, который вырывалъ у нея второй.

— Караулъ!.. Защитите! — визжала истица, отбиваясь отъ скотопромышленника, тщетно старавшагося вцѣпиться въ кошелекъ, который она одною рукой судорожно прижимала къ сердцу. — Сеноръ губернаторъ! Этотъ мерзавецъ хочетъ опять ограбить меня... Сначала онъ отнялъ одно мое достояніе, а теперь, едва выйдя отъ вашей милости, посреди бѣлаго дня и на улицѣ, задумалъ отнять и другое...

— Развѣ онъ отнялъ у тебя тогда и кошелекъ? — спросилъ губернаторъ.

— О, нѣтъ! — вскричала женщина. — Этого ему никогда не удастся. Я скорѣе дамъ убить себя, чѣмъ позволить отнять у меня деньги! Не на таковскую напалъ! Никакими клещами и молотками, никакими колотушками, даже львиными когтями не вырвать у меня золота... скорѣе вырвутъ изъ моего тѣла душу!

— Она говоритъ правду, — замѣтилъ скотопромышленникъ. — Я не въ состояніи отнять у нея кошелька, и поэтому отступаюсь отъ него.

— Покажи-ка мнѣ свой кошелекъ, моя милая, — сказалъ Санчо.

Жалобщица вручила ему кошелекъ, думая, что онъ желаетъ только полюбоваться на него, но губернаторъ, передавъ его отвѣтчику, сказалъ жалобщицѣ строгимъ тономъ:

— Безразсудная крикунья, если бы ты хоть въ половину такъ усердно защищала себя, какъ свой кошелекъ, то самъ Геркулесъ не могъ бы оскорбить тебя. Ступай прочь и никогда больше не попадайся мнѣ на глаза, если не хочешь, чтобы я засадилъ тебя въ самую мрачную изъ тюремъ этого острова... Уходи, уходи, безстыдная обманщица!

Уличенная такимъ образомъ, жалобщица со стыдомъ удалилась, а губернаторъ, обратившись къ отвѣтчику, ласково проговорилъ:

— Ступай съ Богомъ, другъ мой, и въ другой разъ будь осторожнѣе.

Скотопромышленникъ поклонился и ушелъ. Всѣ присутствующіе не могли надивиться мудрости новаго губернатора. Дворецкій украдкою записывалъ все происходившее, чтобы затѣмъ отрапортовать герцогу, съ нетерпѣніемъ ожидавшему его возвращенія, чтобы узнать, какъ велъ себя Санчо въ своей новой роли.

ГЛАВА XLVI,

о томъ, какъ преслѣдовала Донъ-Кихота своею любовью прелестная Альтизидора.

Утромъ Донъ-Кихотъ, проходя въ столовую черезъ галлерею, встрѣтилъ прекрасную Альтизидору, которая поджидала его вмѣстѣ со своею подругой Эмеранціей. Увидавъ рыцаря, Альтизидора притворилась, что лишается чувствъ; подруга поспѣшила поддержать ее и распустить шнуровку корсажа.

— Что это съ вашею подругой? — спросилъ Донъ-Кихотъ, приблизившись къ молодымъ дѣвушкамъ.

— Уходите скорѣе, сеноръ Донъ-Кихотъ!—сказала Эмеранція. – Уходите, если желаете, чтобы бѣдная Альтизидора пришла въ себя. Болѣе я вамъ ничего не могу объяснить.

— Хорошо, я уйду, — произнесъ рыцарь. — Я понялъ, что значитъ обморокъ этой донны. Постарайтесь, пожалуйста, чтобы сегодня вечеромъ въ моей комнатѣ была лютня, а сами съ вашей подругой будьте въ саду, какъ были прошлою ночью. Я желаю отвѣтить ей посредствомъ лютни на ея объясненіе мнѣ въ любви, и надѣюсь этимъ излѣчить ее отъ чувства, на которое въ моемъ сердцѣ нѣтъ и не можетъ быть отклика.

Проговоривъ эти слова, онъ быстро повернулся и ушелъ.

— Отлично! — вскричала мгновенно очнувшаяся Альтизидора, какъ только скрылся рыцарь, — положимъ ему въ комнату лютню и послушаемъ, что намъ прокаркаетъ этотъ старый хрычъ подъ ея аккомпаниментъ.

Схватившись за руки, шалуньи другимъ ходомъ бросились къ герцогинѣ, которая пришла въ восторгъ, узнавъ отъ нихъ, что Донъ-Кихотъ поддается на новую комедію, устроенную ею ради своей потѣхи.

Тѣмъ же утромъ герцогская чета послала пажа, который въ лѣсу разыгралъ роль Дульцинеи, къ Терезѣ Панца съ письмомъ отъ ея мужа и узломъ съ охотничьимъ костюмомъ, который, по его желанію, слѣдовало превратить въ юбку для жены и корсажъ для дочери. Остальную часть дня всѣ провели въ пріятной бесѣдѣ съ рыцаремъ. Послѣдній,

Увидавъ рыцаря, Альтизидора притворилась, что лишается чувствъ.

придя вечеромъ въ свою комнату, нашелъ въ ней прекрасно настроенную лютню. Онъ усѣлся съ нею къ открытому окну и подъ ея аккомпаниментъ пропѣлъ довольно правильно, хотя и немного хриплымъ голосомъ слѣдующій романсъ, сочиненный имъ самимъ экспромтомъ:

«Часто страсть, въ своемъ порывѣ, сбиваетъ съ толку здравый умъ; въ помогу ей приходитъ праздность съ глупыми мечтами.

«Противъ вздоховъ и мечтаній самыми лучшими средствами служатъ постоянныя занятія благороднымъ рукодѣльемъ.

«Для дѣвицъ, желающихъ выйти замужъ, самымъ лучшимъ украшеніемъ и самымъ цѣннымъ приданымъ служитъ ихъ доброе имя.

«Доблестный и храбрый рыцарь готовъ полюбезничать съ каждою красивою женщиной, но въ жены онъ возьметъ только скромную и добродѣтельную.

«Между гостемъ и хозяйкой иногда внезапно вспыхиваетъ преступная страсть, но она тотчасъ же гаснетъ, когда приходитъ часъ разлуки.

«Быстро разгорѣвшаяся любовь такъ же быстро и потухаетъ, не оставляя слѣдовъ въ душѣ и сердцѣ.

«Какъ не можетъ луна замѣнить солнца, такъ не можетъ и слабѣйшая красота затемнить сильнѣйшую.

«У меня въ душѣ такъ глубоко запечатлѣлся образъ несравненной Дульцинеи Тобозской, что никакому другому не изгладить его.

«Обрати же ты, молодая красавица, свои взоры на предметъ, болѣе достойный, чѣмъ я, навѣки плѣненный другою...»

Пѣніе Донъ-Кихота, которое слушали всѣ обитатели замка, было прервано самымъ необычнымъ и неожиданнымъ образомъ: по галлереѣ, приходившейся подъ окномъ рыцаря, вдругъ забѣгало съ десятокъ кошекъ, съ привязанными къ хвостамъ колокольчиками. Кошки подняли страшный звонъ, шумъ и возню. Въ то же время подъ самымъ окномъ Донъ-Кихота тоже начался какой-то оглушительный трезвонъ, что, вмѣстѣ со звономъ колокольчиковъ, мяуканьемъ и фырканьемъ кошекъ, составило настоящій адскій концертъ, въ родѣ шабаша вѣдьмъ. Въ довершеніе всего этого, двѣ кошки впрыгнули въ окно къ рыцарю, повалили и потушили свѣчи на столѣ его и вообще затѣяли тамъ страшную возню. Бѣдный рыцарь положительно не зналъ, что и подумать.

— Прочь, злобные волшебники! Прочь, нечистая сила! — закричалъ онъ, бросивъ лютню и размахивая въ темнотѣ обнаженнымъ мечомъ. — Я — Донъ-Кихотъ Ламанчскій, противъ котораго безсильны всѣ ваши козни и вся ваша злоба!

Вдругъ одна изъ бѣгавшихъ у него по комнатѣ кошекъ, которую онъ, по всей вѣроятности, задѣлъ мечомъ, прыгнула на него и вцѣпилась ему въ лицо зубами и когтями. Несчастный рыцарь вскрикнулъ отъ боли не своимъ голосомъ. Находившіеся вблизи герцогъ и герцогиня вбѣжали къ нему со свѣчами и увидали, какъ онъ, весь окровавленный, усиливался оторвать отъ лица крѣпко вцѣпившуюся и взбѣсившуюся кошку. Герцогъ бросился было на помощь къ Донъ-Кихоту, но тотъ крикнулъ:

— Прошу никого не вмѣшиваться въ мою битву съ этимъ мерзкимъ волшебникомъ, съ которымъ я давно уже желалъ схватиться лицомъ къ лицу!.. Я ему покажу, кто я! Пусть онъ узнаетъ, что съ Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ шутки плохи!

Однако кошка, повидимому, нисколько не испугалась этихъ угрозъ, но продолжала свое дѣло съ такимъ озлобленіемъ, что, навѣрное, изуродовало бы все лицо храбраго рыцаря, если бы герцогъ силою не стащилъ ея съ него и не швырнулъ за окно, которое тотчасъ же и заперъ. Донъ-Кихотъ сильно пострадалъ въ этой битвѣ; носъ и вся нижняя часть его лица были страшно искусаны и исцарапаны; кровь такъ и лилась изъ ранъ. Герцогиня тотчасъ же позвала Альтизидору, которая обмыла рыцарю раны и залѣпила ихъ пластыремъ, при чемъ не удержалась, чтобы не шепнуть ему на ухо:

— Если бы ты не былъ такъ суровъ, безжалостный рыцарь, то ничего подобнаго съ тобою и не случилось бы. Дай Богъ, чтобы твой бывшій оруженосецъ забылъ произвести надъ собой бичеваніе, послѣ котораго должно произойти разочарованіе Дульцинеи, такъ чтобы она никогда не сдѣлалась твоею женой, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока жива я!

Донъ-Кихотъ только глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ на эту страстную рѣчь, но зато разсыпался въ благодарностьхъ герцогу и герцогинѣ за ихъ участіе. Тѣ слушали его съ невольнымъ стыдомъ; они не ожидали, чтобы шутка съ колокольчиками и кошками такъ плохо кончилась, и внутренно дали себѣ слово быть впередъ осторожнѣе въ выборѣ средствъ для своей забавы.

Когда всѣ удалились изъ его комнаты, Донъ-Кихотъ улегся въ постель, но долго не могъ заснуть, терзаясь мыслью, что не сумѣлъ одинъ справиться со злымъ волшебникомъ, явившимся на этотъ разъ въ образѣ кошки.

ГЛАВА XLVII,

въ которой продолжается отчетъ о томъ, какъ велъ себя Санчо на губернаторствѣ.

По словамъ исторіи, Санчо изъ залы ратуши былъ отведенъ въ роскошный дворецъ, гдѣ его посадили за превосходно сервированный лакомый ужинъ. При входѣ губернатора въ столовую заиграла музыка, а когда онъ опустился на свое мѣсто, къ нему подошли четыре пажа съ серебряными приборами, тонкими полотенцами и душистымъ мыломъ. Санчо съ подобающею важностью далъ имъ совершить надъ собою обрядъ

умыванія рукъ и бороды, послѣ чего явились докторъ, въ очкахъ и съ жезломъ изъ китоваго уса въ рукахъ, и капониръ, почтенный старикъ, съ лицомъ аскета. Первый усѣлся рядомъ съ губернаторомъ, а второй, благословивъ трапезу, скромно удалился. Одинъ изъ пажей подвязалъ Санчо подъ подбородокъ салфетку, а другой, исполнявшій должность дворецкаго, подалъ ему блюдо съ фруктами. Но только что Санчо откусилъ кусокъ ананаса, какъ докторъ коснулся своимъ жезломъ до блюда, и оно было унесено съ поразительной быстротой. Тогда дворецкій пододвинулъ другое блюдо, но Санчо не успѣлъ даже дотронуться до него руками, какъ и оно было убрано со стола съ такою же поспѣшностью, какъ первое. Это такъ изумило Санчо, что онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на всѣхъ съ разинутымъ ртомъ, а потомъ спросилъ, что значатъ эти фокусы.

— Тутъ нѣтъ никакихъ фокусовъ,— отвѣтилъ докторъ.— Я, сеноръ губернаторъ, врачъ, назначенный состоять при вашей особѣ, изучать ваше сложеніе, чтобы знать, какъ лѣчить васъ въ случаѣ нужды, и присутствовать при вашихъ трапезахъ, чтобы позволять вамъ кушать лишь то, что, на мой взглядъ, можетъ быть полезно вашему здоровью, и запрещать все вредное. Фрукты я велѣлъ унести потому, что въ нихъ слишкомъ много соковъ, которыхъ и безъ того у васъ достаточно, а второе блюдо заключало въ себѣ черезчуръ много пряностей, возбуждающихъ жажду, поэтому тоже вредныхъ для васъ. Кто много пьетъ, тотъ уничтожаетъ въ себѣ основную влагу, составляющую главный элементъ жизни.

— Но вотъ я вижу превосходно зажаренныхъ куропатокъ,—сказалъ Санчо;—надѣюсь, что хоть онѣ-то не принесутъ мнѣ никакого вреда.

— Куропатокъ я тоже прикажу унести,—отвѣтилъ докторъ.

— Почему? — съ испугомъ спросилъ Санчо, съ жадностью обжоры смотря на лакомое блюдо.

— А потому, что нашъ учитель Гиппократъ, свѣточъ медицины, сказалъ, что всякое несвареніе желудка дурно, но всего хуже несвареніе отъ куропатокъ.

— Если это такъ,—сказалъ Санчо,—то покорнѣйше прошу сенора доктора выбрать изъ находящихся здѣсь на столѣ кушаній то, которое мнѣ не вредно, и ужъ не мѣшать мнѣ ѣсть его Я умираю съ голода, а допускать это, навѣрное, не входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей.

— Конечно нѣтъ,—отвѣтилъ докторъ.—Посмотримъ, что тутъ можетъ быть вамъ полезно при вашей комплекціи... Вотъ шпигованный заяцъ, но онъ слишкомъ тяжелъ для желудка, и потому я рекомендовать вамъ его не могу... Вотъ эту телятину можно бы вамъ дать, если бы она не была тушеная; въ такомъ же видѣ она тоже не годится ..

— Боже избави васъ отъ этой смѣси!—вскричалъ докторъ.

— Тогда нельзя ли мнѣ покушать оллы подриды? — жалобнымъ голосомъ спросилъ Санчо. — Въ этотъ супъ кладется разное мясо, овощи и приправы; это, думаю, мнѣ не вредно?

— Боже избави васъ отъ этой смѣси! — вскричалъ докторъ. — Хуже этого ничего нельзя и придумать для вашего желудка. Пусть ѣдятъ оллу

подриду каноники, ректоры коллегій, ключари и тому подобные люди, но губернаторамъ нужно что-нибудь болѣе деликатное и удобоваримое. Какъ простыя лѣкарства всегда лучше составныхъ, такъ и простыя кушанья лучше сложныхъ. Я совѣтую вамъ, сеноръ губернаторъ, скушать нѣсколько нѣжныхъ вафель да ломтика два-три айвы, которыя укрѣпляютъ желудокъ и прекрасно способствуютъ пищеваренію.

Санчо откинулся на спинку кресла, пристально посмотрѣлъ доктору въ глаза и свысока освѣдомился, какъ его зовутъ и гдѣ онъ учился.

— Мое имя, сеноръ губернаторъ, Педро Реціо д'Агверо, родился я въ деревнѣ Тиртеафуэро, расположенной между Каракуэлемъ и Альмодоваромъ дель-Кампо, а медицину и изучалъ и получилъ степень доктора въ оссунскомъ университетѣ,— отвѣчалъ врачъ.

— Ну,— вскричалъ Санчо, пылая гнѣвомъ,— сеноръ докторъ Педро Реціо д'Агверо, уроженецъ деревни Тиртеафуэро, расположенной между Каракуэлемъ и Альмодоваромъ дель-Кампо, и питомецъ оссунскаго университета, прошу васъ немедленно убраться съ глазъ моихъ долой, да поскорѣе, а не то, клянусь солнцемъ, я возьму въ руки дубину и выгоню васъ съ острова, вмѣстѣ со всѣми остальными обрѣтающимися на немъ подобными вамъ докторами! Если же здѣсь найдутся доктора знающіе, скромные и вѣжливые, я съ удовольствіемъ приглашу ихъ къ себѣ и буду почитать какъ угодниковъ... Что же вы не уходите, Педро Реціо? Или вы дожидаетесь, чтобы я размозжилъ вамъ голову этимъ кресломъ, на которомъ сижу?.. Я сдѣлаю доброе дѣло, если избавлю страну отъ такого морилы, и поэтому нисколько не боюсь отвѣтственности... А теперь дайте мнѣ ѣсть, какъ слѣдуетъ, или берите назадъ ваше губернаторство. Должность, не дающая хлѣба тому, кто ее занимаетъ, ничего не стоитъ, и не зачѣмъ за ней гнаться.

Докторъ испугался, видя Санчо до такой степени взбѣшеннымъ, и хотѣлъ убѣжать, но въ это время послышался звукъ рожка, возвѣщающаго прибытіе почтальона. Дворецкій бросился къ окну и, взглянувъ въ него, провозгласилъ:

— Ѣдетъ гонецъ отъ герцога. Онъ, вѣроятно, везетъ сенору губернатору важную депешу.

Дѣйствительно, черезъ минуту въ столовую вошелъ запыхавшійся покрытый потомъ и пылью гонецъ. Вытащивъ изъ-за пазухи запечатанный пакетъ, онъ съ глубокимъ поклономъ передалъ его губернатору, который, въ свою очередь, протянулъ пакетъ дворецкому съ приказаніемъ прочесть на немъ надпись.

„Дону Санчо Панцѣ, губернатору острова Бараторіи, въ собственныя руки или въ руки его секретаря»,— прочелъ дворецкій.

— А кто мой секретарь? — спросилъ Санчо.

— Я, сеноръ губернаторъ,—отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.— Я родомъ бискаецъ и умѣю читать и писать.

— Ну, разъ ты бискаецъ, — насмѣшливо замѣтилъ Санчо, — то, конечно, могъ бы быть секретаремъ хоть у самого императора... Вскрой пакетъ и прочти бумагу, которая въ немъ-должна находиться.

Секретарь прочиталъ про себя депешу и сказалъ, что въ ней говорится о дѣлѣ, которое требуетъ большой тайны. Санчо приказалъ выйти изъ столовой всѣмъ, кромѣ дворецкаго, послѣ чего секретарь прочиталъ уже вслухъ слѣдующее предписаніе:

«До свѣдѣнія моего дошло, что одинъ изъ моихъ враговъ собирается со своимъ войскомъ штурмовать островъ, ввѣренный вамъ въ управленіе. Время нападенія мнѣ достовѣрно неизвѣстно, но предполагаю, что это будетъ въ одну изъ слѣдующихъ ночей. Бодрствуйте и примите всѣ нужныя мѣры для обороны, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ. Кромѣ того, мнѣ донесено, что на вашъ островъ проникли четыре переодѣтыхъ лица, намѣревающихся лишить васъ жизни, такъ какъ имъ не нравится излишняя проницательность вашего ума. Будьте осторожны, окружите себя преданными и надежными людьми и не ѣшьте ничего, что вамъ будутъ давать. Я постараюсь явиться къ вамъ на помощь въ минуту серьезной опасности, но вы и сами не дѣлайте промаховъ; поступайте во всемъ такъ, какъ мы въ правѣ ожидать при вашемъ свѣтломъ умѣ. Здѣсь, 16-го августа, въ четыре часа утра. Вашъ другъ герцогъ".

Ошеломленный Санчо впалъ въ глубокое раздумье и съ испуга даже забылъ о голодѣ. Наконецъ онъ тяжело вздохнулъ, провелъ своею жирною рукой по еще болѣе жирному лицу и сказалъ:

— Прежде всего надо упрятать въ тюрьму этого Педро Реціо д'Агверо, который хотѣлъ уморить меня голодною смертью.

— Это сейчасъ будетъ исполнено,—отвѣтилъ дворецкій.—Мнѣ этотъ докторъ тоже показался подозрительнымъ, но я не рѣшился сказать вамъ объ этомъ, опасаясь, какъ бы вы не изволили счесть меня за клеветника.

— Нечего бояться, когда совѣсть чиста, — проговорилъ Санчо. — Однако надо же мнѣ поѣсть чего-нибудь; а до всего этого, что тутъ наставлено, я уже не рѣшаюсь и дотронуться. Дайте мнѣ хорошій ломоть хлѣба и фунтовъ пять винограду, который не можетъ быть отравленъ, если сорвать его прямо въ виноградникѣ. Потомъ ты, сеноръ секретарь, отвѣть моему господину, герцогу, что все, предписанное имъ, будетъ мною исполнено въ точности. Прибавь, что я цѣлую герцогинѣ

ручки и прошу ее не забыть послать женѣ моей, Терезѣ Панца, письмо, которое я оставилъ ей, и мое охотничье платье. Напиши, что этимъ герцогиня окажетъ мнѣ большую услугу, за которую я постараюсь услужить ей вдесятеро. Добавь еще, что я цѣлую руку и моего бывшаго господина, Донъ-Кихота. Пусть видитъ, что я не изъ тѣхъ, которые забываютъ прежнюю хлѣбъ-соль. Если желаешь, то можешь писать отъ своего имени что тебѣ угодно. Несите же мнѣ поскорѣе хлѣбъ и виноградъ. Когда я поѣмъ, то сумѣю посчитаться со всѣми шпіонами, убійцами и даже съ самими волшебниками, сколько бы ихъ ни обрушилось на меня и на мой островъ.

Когда дворецкій позволилъ пажамъ снова войти въ столовую, одинъ изъ нихъ доложилъ губернатору, что его желаетъ видѣть по очень важному дѣлу одинъ крестьянинъ торговецъ.

— Что за чудаки эти крестьяне со своими дѣлами! — воскликнулъ Санчо. — Неужели они такъ глупы и не понимаютъ, что не во всякое время дня и ночи можно лѣзть къ губернатору со своими дрязгами. Развѣ мы, губернаторы, сдѣланы изъ дерева, а не изъ мяса и костей, какъ и другіе люди, и не нуждаемся также въ отдыхѣ и пищѣ? Клянусь душой и совѣстью, что если я не вылечу изъ губернаторовъ въ самомъ непродолжительномъ времени, — чего, впрочемъ, не думаю, — то заставлю всѣхъ дѣловыхъ людей поумнѣть и приходить ко мнѣ только въ назначенные для того часы... Ну, а сегодня, такъ и быть, приму всѣхъ, кто явится. Впустите этого крестьянина, но удостовѣрьтесь сначала, что онъ не шпіонъ и не убійца.

— Нѣтъ, сеноръ губернаторъ, — сказалъ пажъ: — у него лицо, какъ у святого, и если онъ окажется недобрымъ человѣкомъ, то можете снять съ меня голову.

— Хорошо, посмотримъ, — произнесъ Санчо и, обратившись къ дворецкому, добавилъ: — Нельзя ли къ хлѣбу и винограду дать мнѣ еще хорошую луковицу? Я такъ привыкъ къ луку, что безъ него мнѣ ѣда не въ ѣду.

— Можно, — отвѣтилъ дворецкій. — Сейчасъ же велю принести.

Между тѣмъ пажъ ввелъ просителя, который, дѣйствительно, выглядѣлъ честнѣйшимъ простякомъ. Остановившись посреди столовой, онъ спросилъ, кто тутъ губернаторъ.

— Кто же, — отвѣтилъ секретарь, — какъ не тотъ, кто сидитъ въ креслѣ и передъ кѣмъ всѣ стоятъ?

Крестьянинъ подошелъ къ Санчо, опустился на колѣни и попросилъ поцѣловать у губернатора руку.

Но Санчо руки не далъ, а велѣлъ просителю встать съ колѣнъ и сказать, что ему нужно.

Проситель повиновался и началъ:

— Сеноръ губернаторъ, я—земледѣлецъ, родомъ изъ Мигуэль-Турры, деревни, отстоящей въ двухъ миляхъ отъ Сіудадъ-Реаля...

— А!—вскричалъ Санчо.—Эту деревню я хорошо знаю, потому что она недалеко отъ моей родины. Говори же, братецъ, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?

— Я, изволите ли видѣть, ваша милость,—продолжалъ проситель,—по милости Божіей, женатъ законнымъ бракомъ, по законамъ нашей святой римско-католической церкви, и имѣю двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ готовится въ баккалавры, а старшій въ лиценціаты. Я собственно въ настоящее время овдовѣлъ, такъ какъ моя жена умерла, или, вѣрнѣе сказать, ее убилъ плохой лѣкарь, который ей далъ слабительнаго, когда она была беременна... А я, дуракъ, еще мечталъ, что если ребенокъ, которымъ она была тяжела, окажется мальчикомъ, то я заставилъ бы его учиться медицинѣ, чтобы онъ не былъ хуже своихъ братьевъ...

— Слѣдовательно,—перебилъ Санчо,—если бы твою жену не уморили, то ты теперь не былъ бы вдовцомъ?

— Конечно, не былъ бы, сеноръ, — съ удивленіемъ отвѣтилъ крестьянинъ, не понявъ страннаго вопроса губернатора.

— Отлично,—сказалъ Санчо.—Ну, говори скорѣе, въ чемъ дѣло, а то скоро пора спать, а не жалобы разбирать.

— Такъ вотъ,—продолжалъ крестьянинъ,—мой младшій сынъ, тотъ самый, что готовится въ баккалавры, взялъ да и влюбился въ одну дѣвушку, по имени Клара. Отецъ ея, Андреасъ Перлерино — богатый крестьянинъ. Дѣвушка эта, нужно сказать правду, собою красавица. Если на нее глядѣть съ правой стороны, то она похожа на полевой цвѣтокъ, а если смотрѣть съ лѣвой, она кажется похуже, потому что лѣвый глазъ у нея кривой, по милости оспы, которою она страдала въ дѣтствѣ. И все ея лицо въ рябинахъ, но тѣмъ не менѣе она такъ мила, что всѣ говорятъ, что это не рябины, а ямочки, въ которыхъ погребаются сердца ея поклонниковъ. Она настолько чистоплотна, что для того, чтобы не пачкать лица, такъ высоко подобрала носъ, что онъ у нея точно хочетъ совсѣмъ убѣжать. Несмотря на все это, она прекрасна какъ картина. У нея ротикъ идетъ отъ одного уха до другого, и если бы не зубы, которыхъ не хватаетъ штукъ двѣнадцати, то ея ротикъ сошелъ бы за одинъ изъ самыхъ красивыхъ во всей Испаніи. Губки у нея такъ тонки и нѣжны, что ихъ, кажется, можно бы въ видѣ нитокъ

намотать на клубокъ. Кромѣ того, онѣ всѣ усѣяны зелеными, синими и фіолетовыми крапинками, и это дѣлаетъ ихъ гораздо красивѣе обыкновенныхъ губъ. Вообще она мнѣ очень нравится, и поэтому прошу васъ, сеноръ губернаторъ, не гнѣваться, что я такъ подробно описываю ея прелести.

— Продолжай, продолжай, мой другъ,— сказалъ Санчо.— Я съ большимъ удовольствіемъ слушаю твое описаніе, и если бы я поужиналъ, какъ слѣдуетъ, то мнѣ не надо было бы лучшаго десерта, чѣмъ твой разсказъ.

— Радъ услужить вашей милости... Охотно описалъ бы и прелесть стана моей будущуй невѣстки, но боюсь, что вы отъ восхищенія упадете съ вашего кресла. Скажу только, что она совершенно скрючена, такъ что колѣни ея приходятся около рта, а если бы она могла выпрямиться, то головою достала бы до крыши своего дома. Она съ удовольствіемъ бы отдала свою руку моему сыну, баккалавру, да этому мѣшаетъ то, что рука-то у нея сведена, и она не можетъ ея вытянуть. Ногти у нея удивительно длинные, шероховатые и обведены широкою черною каймою.

— Ну,— перебилъ Санчо, которому было непріятно напоминаніе о ногтяхъ,— эта подробность ужъ лишняя. Говори теперь суть дѣла. Не за тѣмъ же ты только явился, чтобы описывать мнѣ красоту невѣсты твоего сына. Чего же ты собственно хочешь отъ меня?

— Я хочу просить вашу милость дать мнѣ рекомендательное письмо къ отцу невѣсты, чтобы онъ согласился скорѣе сыграть свадьбу, а то какъ бы кто не отбилъ Клары у моего сына, который, по-моему, ей вполнѣ пара. Надо вамъ сказать, сеноръ, что мой сынъ одержимъ бѣсомъ, который каждый день терзаетъ его, корчитъ и чуть не вывертываетъ наизнанку Недавно этотъ проклятый бѣсъ сунулъ его въ огонь, такъ что лицо у молодца стало морщинистое, какъ печеное яблоко, а глаза начали гноиться и слезиться. Зато у него, т.-е. у моего сына, чисто ангельскій характеръ, и если бы онъ, т.-е. мой сынъ, не бѣсился почти каждый день, то былъ бы просто святой...

— Нужно тебѣ еще что-нибудь, кромѣ письма?— нетерпѣливо спросилъ Санчо.

— Нужно-то нужно, милостивецъ,— отвѣтилъ крестьянинъ,— да я боюсь сказать... Впрочемъ, такъ и быть, дерзну. Не итти же мнѣ назадъ съ этою тяжестью на душѣ?.. Я еще хотѣлъ просить вашу губернаторскую милость, чтобы вы дали мнѣ триста... или лучше шестьсотъ золотыхъ на обзаведеніе моему баккалавру, потому что на приданое ему нечего надѣяться. Да я и не желалъ бы видѣть его въ зависимости отъ дурака-тестя...

— Можетъ-быть, нужно и еще что? — снова спросилъ Санчо. — Ты не стѣсняйся, братецъ, говори все сразу.

— Нѣтъ, спасибо, больше ни въ чемъ не имѣю надобности, — простодушно отвѣтилъ проситель.

Не успѣлъ онъ досказать послѣдняго слова, какъ Санчо вскочилъ, схватилъ обѣими руками кресло и заревѣлъ на весь дворецъ:

— Клянусь Богомъ, если ты, безсовѣстная каналья, сейчасъ же не уберешься отъ меня, то я раскрою тебѣ твой глупый черепъ этимъ самымъ кресломъ!.. Ахъ ты чортова мазилка! Просить у меня шестьсотъ золотыхъ, точно шестьсотъ песчинокъ?.. Да откуда я возьму столько золота, болванъ ты этакій? Да если бы и было у меня столько денегъ, сколько песчинокъ на днѣ морскомъ, то за что же я долженъ давать его тебѣ, нескладному дураку? Кто ты мнѣ такой, чтобы я осыпалъ тебя золотомъ?.. Ты бы хоть сначала помогъ мнѣ накопить его, а потомъ ужъ и попробовалъ бы просить, чтобы я подѣлился съ тобою... Да что съ тобой толковать! Уходи, или простись съ жизнью!..

Мнимый крестьянинъ, бывшій однимъ изъ герцогскихъ пажей, съ видомъ испуга попятился къ двери и, обернувшись, выскочилъ въ нее, точно за нимъ гнались сотни двѣ дьяволовъ съ новымъ губернаторомъ во главѣ.

ГЛАВА XLVIII,

о томъ, что произошло между Донъ-Кихотомъ и донною Родригецъ, дуэньей герцогини, и о другихъ достопамятныхъ событіяхъ.

Кошка такъ отдѣлала Донъ-Кихота, что онъ былъ принужденъ провести въ своей комнатѣ цѣлую недѣлю, потому что ему неловко было показаться кому-нибудь съ лицомъ, залѣпленнымъ пластырями и обвязаннымъ тряпками.

Однажды ночью, когда онъ еще не спалъ, терзаясь скорбью о своихъ несчастіяхъ, онъ услыхалъ, какъ кто-то осторожно вошелъ въ его комнату, и вообразилъ, что это, навѣрное, прокралась къ нему влюбленная Альтизидора, чтобы снова испытать его вѣрность къ Дульцинеѣ Тобозской.

— Нѣтъ, — вскричалъ онъ подъ вліяніемъ этой мысли, — само олицетвореніе небесной красоты не въ состояніи заставить меня хоть на одну минуту перестать обожать ту, образъ которой неизгладимо врѣзанъ въ глубинѣ моего сердца! Гдѣ бы и подъ какимъ бы видомъ ты ни была, моя обожаемая дама, я всегда былъ, есть и буду твоимъ! Ты

одинаково мнѣ мила — и въ образѣ отвратительной, распространяющей зловоніе крестьянки и въ видѣ окутанной серебристымъ флеромъ нимфы Таго. Обитаешь ли ты въ смрадномъ логовищѣ, или въ хрустальномъ дворцѣ — мнѣ все равно: я люблю одну тебя и вѣренъ одной тебѣ до послѣдняго моего издыханія.

Проговоривъ эти слова, онъ вскочилъ на постели и вытянулся во весь ростъ, закутанный въ одно изъ шелковыхъ одѣялъ. Въ этомъ видѣ онъ походилъ на страшное привидѣніе. Увидавъ, вмѣсто ожидаемой Альтизидоры, какую-то черную женскую фигуру, кравшуюся со свѣчкою въ рукѣ, онъ вообразилъ, что это явился злой духъ, и принялся открещиваться отъ него обѣими своими длинными руками.

Остановившись посреди комнаты и, замѣтивъ рыцаря, черная женщина вскричала пронзительнымъ голосомъ:

— Господи Іисусе! Что это я вижу?!

Съ испугу она выронила изъ рукъ свѣчу, которая тутъ же погасла. Охваченная ужасомъ, женщина хотѣла бѣжать, но запуталась каблуками въ своихъ широкихъ и длинныхъ юбкахъ и растянулась на полу. Донъ-Кихотъ, въ свою очередь испуганный, крикнулъ, по возможности, твердымъ голосомъ:

— Заклинаю тебя, мрачное привидѣніе, прокравшееся ко мнѣ посреди ночи, сказать, кто ты и чего хочешь отъ меня? Если ты духъ, осужденный блуждать за свои грѣхи, то не страшись сознаться мнѣ; я сдѣлаю для тебя все, что могу, чтобы освободить тебя отъ узъ грѣха. Я — христіанинъ, вѣрный сынъ католической церкви, и сдѣлался странствующимъ рыцаремъ, чтобы услужить не только живымъ людямъ, но и душамъ умершихъ, ожидающимъ своей участи въ чистилищѣ.

Узнавъ голосъ Донъ-Кихота, женщина успокоилась, встала и скромно отвѣтила:

— Сеноръ Донъ-Кихотъ, я не привидѣніе, не блуждающій духъ и не сверхъестественное какое-либо существо, а просто — дуэнья донна Родригецъ, состоящая въ услуженіи у ея свѣтлости герцогини, и явилась къ вамъ просить вашей помощи въ одномъ дѣлѣ.

— Смотрите, — сказалъ Донъ-Кихотъ, — не привело ли васъ сюда желаніе быть посредницей между мною и какою-нибудь влюбленною въ меня женщиной? Предупреждаю васъ, что это будетъ совершенно напрасно, такъ какъ сердце мое доступно только всемогуществу несравненной красоты Дульцинеи Тобозской. Если же вы, дѣйствительно, пожаловали ко мнѣ по собственному дѣлу, то подите зажгите свою свѣчу и вернитесь сюда, тогда мы и поговоримъ.

Донъ-Кихотъ послѣ битвы съ кошками.

— О, я не настолько уже стара, чтобы браться за посредничество въ любовныхъ шашняхъ! — съ негодованіемъ воскликнула донна Родригецъ. — У меня даже цѣлы еще всѣ зубы, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, которыхъ я лишилась отъ катаровъ, иногда свирѣпствующихъ у насъ въ Аррагоніи... Но я сейчасъ вернусь къ вамъ и разскажу о своихъ горестяхъ, которыя одинъ вы можете облегчить.

Не дождавшись ответа, донна Родригецъ отправилась за огнемъ, а Донъ-Кихотъ сталъ спокойно ожидать ея возвращенія.

— Зачѣмъ вы покинули постель, сеноръ рыцарь?—спросила, возвратившись, донна Родригецъ.—Въ безопасности ли я у васъ?

— Этотъ же самый вопросъ я хотѣлъ предложить вамъ, донна Родригецъ,— сказалъ Донъ-Кихотъ. — Могу ли я быть увѣренъ, что надо мною не будетъ произведено никакого насилія?

— Со стороны кого, сеноръ рыцарь?

— Съ вашей, донна Родригецъ. Но дайте мнѣ руку, сенора, и пусть она послужитъ мнѣ залогомъ вашихъ добрыхъ намѣреній.

Дуэнья подала ему руку, которую рыцарь почтительно поцѣловалъ.

— Вашъ спокойный пульсъ успокаиваетъ и меня,— сказалъ онъ.— Теперь я болѣе ничего не боюсь. Я опять лягу, а вы сядьте возлѣ меня и смѣло говорите все, что угнетаетъ вашу душу. Повѣрьте, что я охотно помогу вамъ, если только буду въ состояніи.

— Это я знаю, потому-то и рѣшилась обратиться къ вамъ,—проговорила донна Родригецъ. — Избрала же я такое необычное время для своего посѣщенія потому, что днемъ я не могу оторваться отъ своей службы, какъ вамъ должно быть извѣстно. Однако я перейду къ тому, что привело меня сюда. Прежде всего нужно вамъ сказать, что хотя вы и видите меня въ качествѣ бѣдной, всѣми осмѣянной и презираемой дуэньи, не имѣющей на плечахъ даже собственнаго платья, тѣмъ не менѣе я происхожу отъ одного изъ самыхъ знатныхъ астурійскихъ родовъ. Моя несчастная звѣзда, а отчасти и вина родителей, впавшихъ въ бѣдность, привели меня въ Мадридъ, гдѣ я была помѣщена къ одной высокопоставленной дамѣ въ качествѣ швеи. Я съ самаго дѣтства отличалась удивительною способностью къ работамъ иглою и теперь еще не нахожу никого, кто могъ бы поспорить со мной въ этомъ искусствѣ. Какъ водится, трудъ мой оплачивался очень плохо, но я была молода и не жаловалась на свою участь. Да и жаловаться было бы некому, потому что мои родители умерли почти одновременно, и я осталась совершенно одна на свѣтѣ. Навѣрное въ концѣ-концовъ я ослѣпла бы надъ шитьемъ если бы въ меня не влюбился оруженосецъ моей госпожи, человѣкъ пожилой, почтенный и очень хорошій. Не долго думая, я вышла за него замужъ, послѣ чего наша госпожа сдѣлала меня своею дуэньей и приблизила къ себѣ. Черезъ годъ у меня родилась дочь, и я была бы вполнѣ счастлива, если бы мой мужъ не умеръ отъ огорченія причиненнаго ему тѣмъ, что наша госпожа уволила его за небольшую ошибку, совершонную имъ по службѣ. Такъ я и осталась вдовою съ дочерью на рукахъ. Въ это время сынъ моей госпожи, герцогъ, въ замкѣ котораго мы сейчасъ находимся,

— Господи Іисусе! что это я вижу?

женился, и молодая герцогиня пригласила меня къ себѣ, говоря, что мнѣ будетъ у нея лучше, чѣмъ у ея капризной и подчасъ даже жестокой свекрови. Я послѣдовала за нею и ни разу не имѣла причины въ этомъ раскаиваться. Конечно, дуэньи — вездѣ дуэньи, но обращеніе съ ними бываетъ разное со стороны господъ. Какъ вы, сеноръ, вѣроятно, имѣли случай убѣдиться, герцогиня относится ко мнѣ очень хорошо, и я бла-

годарю Бога, что попала къ ней. Все было бы хорошо, если бы не моя дочь. Ей теперь шестнадцать лѣтъ, пять мѣсяцевъ и три дня. Она свѣжа какъ утренняя роса, хороша какъ ангелъ и граціозна какъ весенняя травка. Нужно же было случиться такому грѣху, что въ нее влюбился сынъ очень богатаго земледѣльца одной изъ сосѣднихъ герцогскихъ деревень. Какъ и гдѣ встрѣчалась съ нимъ моя дочь, я этого не знаю, но онъ далъ обѣщаніе жениться на ней, а теперь вдругъ вздумалъ отказываться. Я нѣсколько разъ обращалась къ герцогу со слезною просьбой заставить соблазнителя моей дочери жениться на ней, но герцогъ притворяется глухимъ и знать ничего не хочетъ. Дѣло въ томъ, что отецъ молодого негодяя ссужаетъ герцога деньгами, а такъ какъ герцогъ не въ состояніи расплатиться съ нимъ, то и мирволитъ ему и его семейству во всемъ. Поэтому я и рѣшилась прибѣгнуть къ вашему великодушію и просить васъ помочь мнѣ словеснымъ заступничествомъ или же силою оружія. Вы сами говорили, что посланы въ міръ заглаживать несправедливости, поддерживать слабыхъ и помогать угнетеннымъ. Пожалѣйте мою бѣдную дочь и помогите ей возстановить свою честь! Я увѣрена, что если бы вы увидали ее, то одна красота ея тронула бы ваше сердце. Тутъ есть нѣкоторая Альтизидора, глупое и легкомысленное существо, которая почему-то считается первою красавицей между здѣшними дѣвушками, но моя дочь гораздо лучше ея. Не все то золото, что блеститъ. У Альтизидоры болѣе чванности, чѣмъ красоты, и болѣе наглости, нежели добродѣтели. Кромѣ того, она не изъ здоровыхъ: у нея зловонное дыханіе, такъ что сидѣть возлѣ нея крайне непріятно. Да, кстати сказать, и сама герцогиня... Впрочемъ, я лучше умолчу о ней, потому что, говорятъ, у стѣнъ есть уши.

— Здѣсь нѣтъ ушей, кромѣ вашихъ и моихъ, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ,—поэтому вы смѣло можете говорить все, что находите нужнымъ. Скажите мнѣ, что съ герцогиней? Неужели и она подходитъ подъ поговорку, что не все то золото, что блеститъ.

— Увы, да! — воскликнула донна Родригецъ. — Несмотря на ея видимую красоту, гордую осанку и походку, она только и спасается отъ болѣзней тѣмъ, что у нея на ногѣ двѣ фонтанели. Благодаря этимъ фонтанелямъ изъ нея и вытекаютъ всѣ дурные соки, которыми она, по словамъ докторовъ, вся переполнена. А кто этого не знаетъ, можетъ подумать, что она — олицетвореніе здоровья.

— Господи Боже мой, можетъ ли это быть! — вскричалъ Донъ-Кихотъ.—Я бы этому ни за что не повѣрилъ, если бы говорили не вы, уважаемая донна Родригецъ. Я думалъ, что изъ нея не можетъ ничего

вытекать, кромѣ душистой амбры. Во всякомъ случаѣ, глядя на нее и зная, что она пользуется фонтанелями, нужно признать, что доктора правы, когда увѣряютъ, что фонтанели избавляютъ отъ многихъ болѣзней.

Только что Донъ-Кихотъ договорилъ послѣднее слово, какъ кто-то однимъ сильнымъ взмахомъ отворилъ дверь комнаты, которая мгновенно погрузилась во мракъ, такъ какъ донна Родригецъ съ испугу опять выронила свѣчу, все время бывшую у нея въ рукахъ. Вслѣдъ за тѣмъ бѣдная дуэнья почувствовала, какъ какое-то невидимое существо схватило ее за горло и стиснуло его, а другое такое же невидимое существо начало молча наносить ей удары по тѣлу чѣмъ-то въ родѣ туфли. Не понимая, что бы это могло значить, Донъ-Кихотъ лежалъ молча и не шевелясь, опасаясь, какъ бы и ему не досталось. Опасенія его оправдались: расправившись съ дуэньей, невидимые палачи подошли къ нему, завернули его въ одѣяла и начали изо всѣхъ силъ щипать. Отбиваться и даже крикнуть онъ не могъ, и поэтому невидимки производили экзекуцію безпрепятственно, не испуская тоже ни одного звука. Процедура щипанія продолжалась по крайней мѣрѣ полчаса, послѣ чего привидѣнія неслышно удалились. Придя понемногу въ себя, донна Родригецъ, громко охая и проклиная свою судьбу, поднялась съ пола, и ушла, не сказавъ Донъ-Кихоту ни одного слова и даже не пожелавъ узнать, что съ нимъ. Донъ-Кихотъ остался одинъ. Исщипанный, измятый и испуганный, бѣдный рыцарь никакъ не могъ понять, кто и за что его такъ опять отдѣлалъ, когда онъ еще не оправился отъ битвы съ волшебникомъ, принявшимъ видъ кошки.

Но исторія требуетъ, чтобы мы снова возвратились къ Санчо Панцѣ, поэтому и мы тоже покинемъ пока нашего главнаго героя.

ГЛАВА XLIX,

о томъ, что случилось съ Санчо, когда онъ обходилъ дозоромъ свой островъ.

Какъ Санчо нибылъ простъ, но онъ смѣло боролся съ тѣми, которые хотѣли заставить его попасть впросакъ. Приказавъ позвать въ столовую доктора Педро Реціо, котораго еще не успѣли засадить въ тюрьму, онъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Я вижу, что губернаторы и судьи должны быть или сдѣлаться бронзовыми, чтобы не чувствовать нахальства просителей, которые хотятъ, чтобы во всякій часъ и во всякую минуту выслушивали и рѣшали ихъ дѣла. И если бѣдный судья заявитъ претензію, что желаетъ отдох-

нуть, пообѣдать или поужинать, то его начинаютъ проклинать, ругать, преслѣдовать и грызть. Дураки, развѣ вы не знаете, что на все есть свое время? Чего вы лѣзете, глядя на ночь? Судьи и губернаторы тоже сдѣланы изъ мяса и костей, и природа требуетъ съ нихъ того же, чего и съ васъ... Впрочемъ, я, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ составляю исключеніе, потому что сеноръ докторъ Педро Реціо увѣряетъ меня, что для моей комплекціи лучше всего умереть съ голоду и что въ этомъ и состоитъ для меня жизнь. Да пошлетъ Богъ такую жизнь ему и всѣмъ людямъ его породы, то-есть всѣмъ злымъ и хитрымъ, а добрымъ и простосердечнымъ я желаю всего, чего они сами могутъ пожелать себѣ.

Всѣ, знавшіе Санчо Панцу, удивлялись его умнымъ рѣчамъ и пришли къ заключенію, что крупные чины и видное положеніе развиваютъ и обостряютъ умъ.

Докторъ Педро Реціо, явившись на зовъ губернатора, заявилъ, что наперекоръ ученію Гиппократа, онъ позволитъ ему ѣсть все, что ему вздумается, лишь бы онъ не гнѣвался на него, его усерднѣйшаго слугу. Санчо отвѣтилъ, что перестанетъ сердиться, если ему сейчасъ же дадутъ поѣсть хоть чего-нибудь. Докторъ сдѣлалъ знакъ дворецкому, тотъ мигнулъ пажамъ, и тѣ принесли холоднаго мяса, рубленнаго съ лукомъ, и не совсѣмъ свѣжихъ телячьихъ ножекъ. Санчо, съ видомъ голоднаго волка, набросился на эти незатѣйливыя кушанья и съѣлъ ихъ съ такимъ аппетитомъ, точно это были миланскіе рябчики, римскіе фазаны, марокксkія куропатки, лавіосскіе гуси или что-нибудь въ этомъ родѣ. Насытившись, онъ обратился къ доктору и сказалъ:

— Вотъ что, сеноръ врачъ, не трудитесь впередъ заставлять меня ѣсть то, что предписываетъ вашъ Панкратій. Я къ этому не привыкъ, и мой желудокъ не вынесетъ вашихъ ученыхъ блюдъ. Онъ съ дѣтства получалъ только козлятину, баранину, сало, солонину, лукъ, чеснокъ, брюкву и простой хлѣбъ. Царскіе соусы ему не годятся, и онъ ихъ не приметъ. Всего лучше, если поваръ будетъ готовить мнѣ каждый день оллу подриду, которая тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ болѣе въ нее навалено всякой всячины, лишь бы она была съѣдобная. Если мнѣ будутъ подавать эту смѣсь какъ можно чаще, я буду очень благодаренъ и даже заплачу повару за это что-нибудь. Но прошу не смѣяться надо мной изъ-за моего простого вкуса. Богъ устроилъ людей разными, такими они должны и остаться, а то выйдетъ нехорошо, если толстый станетъ тянуться за тонкимъ или маленькій — за большимъ. Я поставленъ губернаторомъ не для того, чтобы переучиваться ѣсть, а для наблюденія за порядкомъ и совершенія правосудія. Вотъ когда совсѣмъ стем-

нѣетъ, я пойду обходить по острову и очищу его отъ всякой дряни: отъ бродягъ, бездѣльниковъ и разнаго рода злодѣевъ. Люди, шляющіеся безъ дѣла,—все равно, что трутни въ ульѣ, съѣдающіе медъ, заготовленный трудолюбивыми пчелами. Я хочу покровительствовать рабочимъ, ограждать права и преимущества благородныхъ гидальго, награждать людей добродѣтельныхъ, а главнымъ образомъ—поощрять уваженіе къ религіи и уваженіе къ людямъ благочестивымъ, какого бы они ни были рода и званія.

Присутствующіе съ изумленіемъ переглядывались, какъ бы говоря, что этотъ толстякъ вовсе не такой дуракъ, какъ ихъ увѣрили, и что онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы быть отличнымъ губернаторомъ.

Когда наступила ночь, Санчо пошелъ въ обходъ по острову, захвативъ съ собою громадную свиту, состоявшую изъ приставленныхъ къ нему людей, между которыми находился такъ называемый хроникеръ, обязанный записывать всѣ его дѣйствія и слова, — и разныхъ чиновниковъ, нарочно присланныхъ герцогомъ. Держа въ мясистыхъ рукахъ жезлъ, Санчо шелъ съ большимъ достоинствомъ и апломбомъ.

Въ одной изъ улицъ, недалеко отъ дворца, двое бились на шпагахъ. Санчо и его провожатые бросились къ нимъ. При видѣ властей одинъ изъ сражающихся воскликнулъ:

— Помогите, ради Бога! Я никакъ не ожидалъ, чтобы въ городахъ нападали на людей и грабили ихъ, какъ на большихъ дорогахъ! Это ни на что не похоже... Если бы вы не подоспѣли, меня тутъ могли бы убить ни за что ни про что...

— Успокойся, мой другъ,—сказалъ Санчо.—Я—губернаторъ и разберу ваше дѣло. Разскажи мнѣ, что случилось и какимъ образомъ на тебя напали.

— Сеноръ губернаторъ,—заговорилъ другой,—я передамъ вамъ все въ двухъ словахъ. Вотъ этотъ дворянинъ, который обвиняетъ меня въ намѣреніи убить и ограбить его, сейчасъ выигралъ въ игорномъ домѣ тысячу реаловъ. Я присутствовалъ при игрѣ и помогъ ему, вопреки моей совѣсти, выиграть. Конечно, я дѣлалъ это въ надеждѣ, что онъ подѣлится со мной выигрышемъ, но онъ ушелъ съ нимъ, даже не поблагодаривъ меня за помощь. Я побѣжалъ за нимъ и вѣжливо попросилъ его, чтобы онъ далъ мнѣ хоть восемь реаловъ, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что я только и живу тѣмъ, что вездѣ и повсюду становлюсь на сторону слабыхъ и помогаю своими совѣтами, а гдѣ нужно, то и силою. Родители мои, люди знатные, не оставили мнѣ доходовъ и не научили никакому ремеслу, считая это стыдомъ. Но этотъ плутъ, который без-

честнѣе Какуса и увертливѣе Андрадиллы, далъ мнѣ только четыре реала. Этимъ онъ доказалъ, что у него нѣтъ ни стыда ни совѣсти, и я хотѣлъ привить ему своею шпагой то и другое. Не помѣшай вы мнѣ—это теперь было бы уже сдѣлано.

— Что ты на это скажешь?—обратился Санчо къ обвиняемому, повидимому, человѣку простого происхожденія.

— Все, что вашей милости говорилъ мой противникъ, правда,— отвѣтилъ тотъ. — Я, дѣйствительно, далъ ему всего четыре реала, потому что почти каждый день даю ему по стольку. Кто беретъ плату за услуги въ игрѣ, тотъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что ему даютъ, а не торговаться и не вымогать насильно бóльшаго. Если бы я велъ мошенническую игру, то, разумѣется, боялся бы свидѣтелей ея и платилъ бы помногу, чтобы не быть уличеннымъ. А если я даю немного, то это доказываетъ мою честность въ игрѣ, и я въ правѣ разсчитывать на то, что вы меня не осудите за мой поступокъ.

— Обыгрывать людей навѣрняка—дѣло предосудительное,—изрекъ Санчо.—Поэтому я требую, чтобы ты, выигравшій тысячу реаловъ, далъ своему совѣтчику изъ нихъ десятую часть, да кромѣ того тридцать реаловъ въ пользу заключенныхъ. Вы же, не имѣющій доходовъ ни съ имущества ни съ ремесла, берите съ того, кому помогали выигрывать, сто реаловъ и убирайтесь на разсвѣтѣ съ этого острова въ десятилѣтнее изгнаніе, къ которому я васъ приговариваю. Если вы вернетесь сюда ранѣе истеченія десятилѣтняго срока, то я заставлю васъ отбыть его на томъ свѣтѣ, такъ какъ велю вздернуть васъ на висѣлицу. Прошу не дѣлать никакихъ возраженій на мой приговоръ, если не хотите сдѣлать себѣ хуже.

Одинъ молча выдалъ деньги и отправился домой, а другой взялъ сто реаловъ и такъ же молча пошелъ въ нанимаемое имъ логовище, чтобы собрать свой немногочисленный скарбъ и покинуть островъ.

— Не я буду,—произнесъ Санчо, по уходѣ этихъ людей,—если не уничтожу у себя на островѣ всѣхъ игорныхъ домовъ, которые служатъ разсадниками зла.

— Ну, тотъ игорный домъ, изъ котораго вышли эти двое, вашей милости едва ли удастся уничтожить: его содержитъ одинъ знатный вельможа, который ежегодно больше теряетъ въ немъ денегъ, чѣмъ выигрываетъ,—замѣтилъ одинъ изъ провожатыхъ.—Но игорные дома низшаго разбора вамъ не трудно будетъ закрыть. Въ нихъ-то болѣе всего и происходитъ гнуспостей, потому что они посѣщаются такими людьми, которые въ дома вельможъ не рѣшаются являться. У дворянъ никого не обираютъ, а каждый имѣетъ дѣло исключительно съ Фортуной. Въ

мелкихъ же игорныхъ домахъ, содержимыхъ людьми сомнительной репутаціи, обираютъ новичковъ какъ липку.

— Вотъ мы ими и займемся на дняхъ, — проговорилъ Санчо.

Въ это время онъ увидалъ приближавшагося стрѣлка земской стражи, который держалъ за воротъ какого-то молодого парня.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ губернаторъ стрѣлка, когда тотъ подошелъ къ нему.

— Сеноръ губернаторъ, — отвѣтилъ стрѣлокъ, — этотъ парень бросился при видѣ васъ бѣжать, изъ чего я заключилъ, что у него не чиста совѣсть, поэтому я задержалъ его и привелъ къ вашей милости.

— Почему ты бѣжалъ? — спросилъ Санчо парня.

— Потому, сеноръ губернаторъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, — чтобы избавиться отъ допросовъ, которымъ люди правосудія такъ любятъ подвергать всякаго, кто попадется имъ на глаза.

— Кто ты такой?

— Ткачъ, ваша милость.

— Что же ты ткешь?

— Желѣзо для копій, съ позволенія вашей милости.

— А, ты изволишь разыгрывать изъ себя шута! Это мнѣ очень нравится... Куда ты шелъ сейчасъ?

— Подышать воздухомъ.

— А гдѣ тутъ, на этомъ островѣ, дышатъ воздухомъ?

— Гдѣ онъ есть.

— Ты отвѣчаешь удивительно остроумно. Ну, вообрази себѣ, что я вѣтеръ, движущій воздухъ, дую въ тебя и сдуваю тебя съ этого мѣста по прямому пути въ тюрьму... Эй! Схватить этого любителя воздуха и отвести его въ тюрьму. Пусть онъ тамъ проспитъ ночь безъ воздуха.

— Ну, нѣтъ, — возразилъ молодой человѣкъ, — вамъ также будетъ трудно заставить меня спать въ тюрьмѣ, какъ сдѣлать королемъ.

— Это почему? — спросилъ Санчо. — Развѣ я не имѣю власти засадить тебя въ тюрьму, когда и насколько времени мнѣ угодно?

— Какая бы у вашей милости ни была власть, но заставить меня *спать* въ тюрьмѣ вы не можете, — стоялъ на своемъ парень.

— Ахъ, ты негодяй! — вскричалъ Санчо. — Ну, скажи на милость, развѣ ты надѣешься, что кто-нибудь сниметъ съ тебя кандалы, которые я прикажу надѣть на тебя, и выведетъ изъ тюрьмы?

— Я обойдусь и безъ посторонней помощи, — развязно отвѣтилъ парень. — Обсудимъ дѣло по разуму и по совѣсти. Представимъ себѣ,

что вы прикажете отвести меня въ тюрьму, надѣть на меня кандалы, даже посадить на цѣпь, затѣмъ внушите тюремщику, что онъ отвѣтитъ головой, если не доглядитъ за мною и я какъ-нибудь ускользну у него. Несмотря на всѣ эти мѣры, мнѣ все-таки никто не запретитъ всю ночь не смыкать глазъ и не заставитъ спать, если я самъ не захочу этого. Согласны вы теперь, ваша милость, что у васъ недостаточно власти принудить меня *спать* въ тюрьмѣ противъ моей воли?

— Конечно, столько власти нѣтъ у самого короля! — вскричалъ секретарь.—Ты отлично вывернулся, голубчикъ.

— Значитъ,—сказалъ Санчо,—если ты не будешь спать въ тюрьмѣ, то сдѣлаешь это только для того, чтобы исполнить свою волю, а не съ цѣлью противодѣйствовать моей?

— О, конечно, у меня и въ мысляхъ не было дѣлать наперекоръ воли вашей милости!—вскричалъ парень.

— Въ такомъ случаѣ ступай себѣ съ Богомъ домой, — разрѣшилъ Санчо.—Желаю тебѣ добраго сна, такъ какъ я вовсе не желалъ отнимать его у тебя. Но совѣтую тебѣ никогда больше не играть съ правосудіемъ; это все равно, что играть съ огнемъ: того и гляди обожжешься.

Парень поклонился и поспѣшно ушелъ.

Продолжая обходъ, губернаторъ встрѣтилъ двухъ стрѣлковъ, державшихъ за руки какого-то человѣка.

— Сеноръ губернаторъ,—обратился къ Санчо одинъ изъ стрѣлковъ,— этотъ человѣкъ, который кажется мужчиной, на самомъ дѣлѣ женщина и даже недурненькая, несмотря на ея переодѣваніе.

Спутники губернатора поднесли свои ручные фонари къ лицу мнимаго мужчины и увидали прелестнѣйшее существо лѣтъ шестнадцати съ золотистыми волосами, покрытыми зеленою шелковою отдѣланною золотомъ сѣткой. Камзолъ, панталоны и плащъ на ней были тоже зеленые шелковые, вышитые золотомъ. Изъ-подъ короткихъ панталонъ виднѣлись красные шелковые чулки, придерживаемые голубыми шелковыми подвязками, съ золотою бахромой и вышивкой изъ мелкаго жемчуга. Башмаки мужской формы были бѣлые съ золотыми каблуками. За поясомъ, сверкавшимъ драгоцѣнными каменьями, былъ заткнутъ небольшой, но очень изящный и дорогой кинжалъ. Маленькія бѣлыя руки загадочной красавицы были унизаны драгоцѣнными кольцами. Сразу было видно, что молодая незнакомка была изъ богатаго дома. Всѣ глядѣли на нее съ изумленіемъ. Тѣ изъ свиты Санчо, которые были мѣстными жителями, говорили, что они не знаютъ этой красавицы, даже и тѣ, которые были присланы герцогомъ для того, чтобы играть комедію съ Санчо, не знали

этой дѣвушки, удивлялись, откуда она взялась, и съ любопытствомъ ждали, чѣмъ кончится это не предвидѣнное и не подготовленное ими приключеніе.

Восхищенный красотою дѣвушки, Санчо спросилъ ее, зачѣмъ она надѣла мужское платье, кто она, откуда и куда идетъ.

Вся красная отъ смущенія, красавица отвѣтила, потупившись:

— Сеноръ, я не могу говорить при всѣхъ то, что я такъ желала скрыть. Могу только увѣрить васъ, что я не воровка и не злодѣйка, а просто несчастная дѣвушка, которая забыла приличіе, поддавшись губительной страсти ревности.

— Сеноръ губернаторъ, — сказалъ секретарь, — прикажите лишнимъ людямъ удалиться, чтобы эта дама могла говорить съ большею свободою.

Санчо приказалъ отойти въ сторону всѣмъ, за исключеніемъ секретаря, дворецкаго и хроникера. Молодая дѣвушка ободрилась и проговорила:

— Прежде всего я должна назваться вамъ, сеноръ губернаторъ: я—дочь Педро Переца Мацорки, откупщика шерсти, который часто бываетъ у моего отца...

— Это вы говорите и безсмыслицу и неправду, — перебилъ дворецкій:—я хорошо знаю Педро Переца, и мнѣ хорошо извѣстно, что у него нѣтъ дочери, и, вообще, нѣтъ дѣтей. А потомъ, что это значитъ, что вы сначала его назвали своимъ отцомъ, а затѣмъ добавили, что онъ часто бываетъ у *вашего* отца?

— Да, это, дѣйствительно, что-то очень странно,—замѣтилъ Санчо.

— Простите, сеноръ губернаторъ,—пролепетала молодая дѣвушка: — я такъ смущена и разстроена, что сама не знаю, что говорю. Я, дѣйствительно, не дочь Педро Переца; мой отецъ — Діего де-ля-Льяна, котораго вы, навѣрное, тоже должны знать.

— Да, — подхватилъ дворецкій, — Діего де-ля-Льяну я знаю. Это благородный и богатый гидальго, у котораго есть сынъ и дочь; но со времени смерти его жены никто не можетъ похвалиться, чтобы видѣлъ эту дочь. Донъ Діего держитъ ее взаперти, такъ что даже солнце къ ней не имѣетъ доступа. Тѣмъ не менѣе ни для кого не тайна, что она замѣчательная красавица.

— Вотъ эта самая дочь я и есть, — сказала молодая дѣвушка. — А что касается моей красоты, то вы сами можете судить, справедливъ слухъ о ней или нѣтъ.

И, закрывъ свое прекрасное лицо руками, она залилась горькими слезами.

Секретарь подошелъ къ Санчо и шепнулъ ему на ухо:

— Навѣрное съ этою богатою и благовоспитанною дѣвушкой случилось что-нибудь особенное, если она рѣшилась выйти изъ отцовскаго дома въ такой часъ и переодѣтою.

— Это подтверждается ея слезами, — замѣтилъ Санчо.

Успокоивъ красавицу обѣщаніемъ помочь ей, если у нея есть горе, которому можно пособить, и убѣдивъ ее вполнѣ довѣриться ему, какъ лучшему своему другу, Санчо довелъ ее до того, что она осушила свои великолѣпные черные глаза и разсказала слѣдующее:

— Отецъ меня держитъ подъ замкомъ вотъ уже десять лѣтъ, то-есть съ того дня, какъ умерла моя мать. Меня даже не пускаютъ въ церковь, потому что отецъ приглашаетъ къ себѣ священника на домъ. Десять лѣтъ я не видала днемъ солнца, а ночью—луны и звѣздъ. Я не знаю, что такое улицы, площади, церкви, даже — люди. Я никого не вижу, кромѣ отца, брата и того откупщика шерсти, Педро Переца, котораго я иногда называю своимъ отцомъ, чтобы забыть о настоящемъ отцѣ, потому что любить послѣдняго я не могу. Вѣчное затворничество, вѣчный отказъ со стороны отца пустить меня хоть въ церковь сдѣлали то, что я почти сошла съ ума. Мнѣ во что бы то ни стало захотѣлось увидать свѣтъ или хоть мѣсто моей родины. Когда я слышала, какъ у насъ въ людской разсуждали о бояхъ быковъ, о театрахъ и другихъ увеселеніяхъ, то спрашивала брата, который моложе меня на годъ, но гораздо опытнѣе, что это такое значитъ? Онъ мнѣ давалъ насколько можно точныя объясненія, которыя еще болѣе возбуждали мое желаніе видѣть эти чудеса. Наконецъ я стала со слезами умолять брата, чтобы онъ... Ахъ, нѣтъ... даже страшно сознаться въ томъ, что я задумала!

Голосъ красавицы пресѣкся, и она снова горько заплакала.

— Не бойтесь, прекрасная сенора, мы вамъ ничего дурного не сдѣлаемъ, потому что увѣрены въ вашей полной невиновности, — проговорилъ Санчо, самъ готовый расплакаться. — Вы только скажите намъ скорѣе, что именно васъ такъ страшно огорчаетъ.

— Вся моя вина,—продолжала сквозь слезы молодая дѣвушка,—состоитъ въ томъ, что я упросила брата дать мнѣ свое платье и вести меня потихоньку отъ отца и домашнихъ смотрѣть городъ, котораго я ни разу еще не видала. Онъ долго отнѣкивался и убѣждалъ меня оставить мое безумное намѣреніе, но въ концѣ-концовъ все-таки сдался на мои неотступныя просьбы. Пользуясь тѣмъ, что у насъ въ домѣ всѣ легли спать, мы часъ тому назадъ выпрыгнули изъ окна и выбрались на улицу. Какъ я была этому рада, трудно выразить словами! Такъ какъ нашъ городъ не великъ, то мы почти весь обошли его и уже направлялись домой, но вдругъ увидали васъ. «Ну, — сказалъ братъ, —

это идетъ дозоръ: бѣжимъ скорѣе, а то попадемся ему, тогда намъ не миновать бѣды». Онъ бросился бѣжать изо всѣхъ силъ, а я за нимъ, но, къ несчастью, споткнулась о камень и упала. Тутъ меня и настигли стрѣлки, подняли и привели къ вамъ. Вотъ и все. Но и этого слишкомъ много для молодой, привыкшей вѣчно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и вдругъ пойманной ночью на улицѣ и вдобавокъ въ мужскомъ платьѣ.

— Однако,— сказалъ Санчо,— вы сначала говорили что-то о ревности, которая васъ вынудила забыть дѣвичій стыдъ, а между тѣмъ въ вашемъ разсказѣ нѣтъ ничего, что подтверждало бы эти слова.

— Никакой ревности у меня нѣтъ, — отвѣтила красавица: — меня выгнало изъ дому одно желаніе посмотрѣть, какіе бываютъ чужіе дома и улицы.

Между тѣмъ стрѣлки догнали и захватили и ея брата. Спрошенный отдѣльно губернаторомъ, юноша вполнѣ подтвердилъ слова сестры. Выслушавъ его до конца, Санчо проговорилъ:

— Во всемъ этомъ я не вижу ничего, кромѣ простого ребячества, и вы напрасно сами придали такое серьезное значеніе шалости. Вмѣсто того, чтобы плакать и стонать, вамъ просто слѣдовало бы сказать намъ сразу въ чемъ дѣло, а то мы сперва подумали и Богъ вѣсть что.. Укажите намъ домъ вашего отца, и мы проводимъ васъ до него, чтобы съ вами не случилось новаго недоразумѣнія со стороны стражи.

Братъ красавицы, сконфуженный еще болѣе ея, отъ души поблагодарилъ губернатора за его доброту и указалъ, гдѣ находится отцовскій домъ, къ которому всѣ и направились.

Дворецкій положительно влюбился въ красавицу, и про себя рѣшилъ, что завтра же пойдетъ къ ея отцу и попроситъ ея руки. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его предложеніе будетъ принято, такъ какъ онъ считался любимцемъ герцога. Санчо же, со своей стороны, мечталъ выдать за него свою дочь Санчику, о чемъ и хотѣлъ переговорить съ нимъ.

Такъ окончился обходъ Санчо своего «острова», а черезъ два дня, какъ увидитъ читатель, окончилось и самое его губернаторствованіе и рухнули всѣ его планы.

ГЛАВА L,

въ которой объясняется, кто были привидѣнія, высѣкшія донну Родригецъ и исщипавшія Донъ-Кихота, и разсказывается о прибытіи пажа въ деревню Санчо Панцы съ письмами къ его женѣ.

Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели, какъ добросовѣстный и точный собиратель всѣхъ атомовъ этой правдивой исторіи, говоритъ, что въ тотъ моментъ, когда донна Родригецъ выходила изъ своей комнаты, другая дуэнья, спавшая рядомъ, услыхала, что она куда-то идетъ. Любопытная, какъ всѣ женщины въ мірѣ, она захотѣла узнать, куда можетъ итти ночью ея подруга, и послѣдовала потихоньку за нею. Увидавъ, что донна Родригецъ вошла къ Донъ-Кихоту, вторая дуэнья побѣжала доложить объ этомъ герцогинѣ. Послѣдняя сообщила узнанную новость мужу и попросила у него позволенія пойти вмѣстѣ съ Альтизидорой послушать, о чемъ будетъ говорить старая дуэнья съ ихъ гостемъ. Герцогъ согласился, и любопытныя женщины на цыпочкахъ прокрались къ двери Донъ-Кихота и стали тамъ подслушивать. Услыхавъ, что донна Родригецъ такъ дурно о ней отзывается, Альтизидора вскипѣла гнѣвомъ; въ неменьшее негодованіе пришла и герцогиня, когда дуэнья выболтала рыцарю тайну относительно ея фонтанелей. Не будучи въ состояніи сдержать своего бѣшенства, обѣ красавицы бросились въ комнату рыцаря и, благодаря наступившему мраку, вслѣдствіе того, что донна Родригецъ уронила свѣчу, онѣ, въ видѣ незримыхъ призраковъ, произвели съ донной Родригецъ и рыцаремъ извѣстную читателю расправу. Отомстивъ за свое оскорбленное тщеславіе, герцогиня и Альтизидора удалились, не будучи узнанными. Герцогиня все разсказала герцогу, который хохоталъ до упада, представляя себѣ положеніе высѣченной дуэньи и бѣднаго рыцаря, которому досталось еще хуже.

Между тѣмъ молодой веселый и ловкій пажъ, посланный герцогиней къ Терезѣ Панца съ письмомъ и узломъ отъ мужа, а также письмомъ и коралловымъ ожерельемъ отъ самой герцогини, благополучно прибылъ въ мѣсто назначенія. Въѣхавъ въ деревню, онъ спросилъ у женщинъ, полоскавшихъ бѣлье въ рѣчкѣ, гдѣ живетъ Тереза Панца, жена Санчо Панцы, оруженосца рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго.

— Тереза Панца — моя мать, а Санчо Панца — мой отецъ, — крикнула одна молодая дѣвушка.

— Такъ отведите меня къ вашей матери, — сказалъ пажъ. — Я привезъ ей письмо и подарокъ отъ вашего отца.

— Пожалуйте, сеноръ, — отвѣтила дѣвушка и, бросивъ свое бѣлье на руки одной изъ подругъ, босоногая и растрепанная, побѣжала вдоль но улицѣ. — Вотъ нашъ домъ, — проговорила она, добѣжавъ до конца деревни и указывая на домъ.—Мать очень вамъ обрадуется, потому что она давно уже ждетъ извѣстій отъ отца.

— Зато я и привезъ вамъ такое извѣстіе, лучше котораго быть не можетъ, — замѣтилъ пажъ.

Дѣвушка вскочила на крыльцо и крикнула во весь голосъ:

— Мать, иди-ка сюда! Къ тебѣ пріѣхалъ сеноръ съ письмомъ отъ отца и разными вещами!

Дверь отворилась, и на крыльцо вышла Тереза Панца, съ веретеномъ въ рукахъ. Одѣтая въ короткую коричневую саржевую юбку и въ такой же корсажъ, изъ-подъ котораго виднѣлись пышные бѣлые рукава рубашки, она, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, выглядѣла еще довольно пріятною женщиной. Видно было, что она вполнѣ здоровая, сильная и привыкшая къ работѣ крестьянка.

— Что ты такъ кричишь, дочка?.. Кто этотъ сеноръ? — просила она, съ изумленіемъ оглядывая красиваго пажа, молодцовато сидѣвшаго на превосходной лошади изъ герцогской конюшни.

— Я — покорнѣйшій слуга донны Тереза Панца, — отвѣтилъ пажъ, спрыгнувъ на землю. Подойдя къ Терезѣ и опускаясь на колѣни, онъ прибавилъ: — Позвольте поцѣловать руку законной и единственной супруги губернатора острова Бараторіи, дона Санчо Панцы.

— Встаньте, ради Бога, сеноръ! — вскричала Тереза. — Я вовсе не донна, и простая крестьянка, жена странствующаго оруженосца, а не губернатора.

— Ваша милость,—сказалъ пажъ,—вы теперь изволите быть именно тѣмъ, чѣмъ я назвалъ васъ. Въ доказательство вѣрности моихъ словъ прошу васъ прочитать вотъ это письмо и получить этотъ подарокъ.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана бархатный футляръ, вынулъ изъ него коралловое ожерелье и надѣлъ его Терезѣ на шею.

— Это письмо и ожерелье отъ свѣтлѣйшей герцогини, моей госпожи, а вотъ и другое письмо — отъ сенора губернатора, вашего супруга, — продолжалъ онъ, съ низкимъ поклономъ передавая пакетъ.

Тереза и дочь ея остолбенѣли отъ изумленія и восторга при видѣ прекраснаго подарка и слыша слова красиваго пажа. Дѣвушка опомнилась первая и радостно воскликнула:

— Я увѣрена, что все это устроено сеноромъ Донъ-Кихотомъ! Кто же больше, какъ не онъ, могъ дать отцу губернаторство, которое онъ столько разъ ему обѣщалъ?

— Вы угадали, — сказалъ пажъ: — вашъ отецъ получилъ губернаторство, дѣйствительно, благодаря стараніямъ сенора Донъ-Кихота, какъ вы увидите изъ этого письма.

— Прочтите, пожалуйста, мнѣ оба письма, добрый сеноръ, — попросила Тереза. — Я умѣю прясть и дѣлать все нужное по хозяйству, но грамотѣ не знаю.

— Съ удовольствіемъ, — проговорилъ пажъ.

Тереза ввела радостнаго вѣстника въ домъ, усадила на первое мѣсто и велѣла дочери дать его лошади корму и напоить ее.

Сначала пажъ прочиталъ письмо Санчо, уже извѣстное читателю, а потомъ и письмо герцогини. Послѣднее письмо было слѣдующаго содержанія:

«Другъ мой, Тереза! Прекрасныя качества души и ума вашего мужа заставили меня просить моего супруга, герцога, сдѣлать его губернаторомъ одного изъ своихъ островов. Просьба моя была исполнена, и вашъ мужъ губернаторствуетъ на славу, что меня чрезвычайно радуетъ. Я несчетное число разъ благодарила Небо за то, что оно помогло намъ сдѣлать такой удачный выборъ. Надо вамъ сказать, что очень трудно найти хорошаго губернатора, а вашъ мужъ, какъ намъ доносятъ, оказался такимъ прекраснымъ правителемъ, какихъ мало. Посылаю вамъ, моя милая, коралловое ожерелье съ золотыми застежками. Придетъ время, когда мы увидимъ и узнаемъ другъ друга, тогда можетъ случиться и еще много хорошаго. Поцѣлуйте отъ меня вашу дочь Санчику, и скажите ей, чтобы она пріѣхала сюда. Я намѣрена такъ пристроить ее, какъ она и во снѣ не видала. Говорятъ, у васъ въ деревнѣ есть крупные сладкіе жолуди; пришлите мнѣ, пожалуйста, немного. Мнѣ пріятно будетъ получить ихъ именно изъ вашихъ рукъ. Напишите мнѣ побольше о вашемъ здоровьѣ и о томъ, какъ вамъ живется. Если вамъ нужно что-нибудь — скажите!

Любящій васъ другъ герцогиня».

— Боже мой, что за добрая дама! — воскликнула Тереза, прослушавъ письмо. — Какая она простая и милая. Вотъ съ какими дамами я желала бы вѣкъ вѣковать, а не съ женами нашихъ гидальго, которыя воображаютъ, что къ нимъ и вѣтеръ не смѣетъ прикоснуться, потому что онѣ дворянки. Идутъ мимо тебя, фу-ты, ну-ты, поднявъ носы кверху и точно не видя никого, кто ниже ихъ, какъ будто боятся ослѣпнуть, если взглянуть на нашего брата! А эта герцогиня меня запросто называетъ другомъ и пишетъ ко мнѣ, какъ равная къ равной. Да вознесетъ ее за это Богъ превыше самой высокой колокольни въ Ламанчѣ!.. Слад-

кихъ жолудей я ей пошлю не немножко, а цѣлый коробъ, и такихъ крупныхъ, что всѣ сбѣгутся смотрѣть на нихъ, какъ на рѣдкость... Санчика! — позвала она въ окно дочь. — Оставь лошадь въ конюшнѣ и иди сюда. Свари яичекъ, нарѣжь побольше сала, подай хлѣба и луку. Надо угостить дорогого гостя на славу. Онъ такъ пригожъ и такія привезъ намъ радостныя вѣсти, что стоитъ этого. А я побѣгу къ сосѣдкамъ разсказать о нашемъ счастіи, чтобъ онѣ знали, какъ на насъ оглянулся Господь. Забѣгу кстати къ священнику и къ цырюльнику... они всегда были добрыми друзьями твоего отца.

— Я сдѣлаю все, что ты велишь, мать, — сказала Санчика, — только отдай мнѣ половину этого ожерелья. Госпожа герцогиня едва ли такая дура, чтобы стала посылать его одной тебѣ.

— Оно все твое, — отвѣтила мать. — Ты только позволь мнѣ поносить его нѣсколько дней на шеѣ, чтобы сердце мое могло всласть нарадоваться на эту прелесть.

— Въ узлѣ, который у меня въ чемоданѣ, есть кое-что не менѣе хорошее, — произнесъ пажъ. — Въ немъ завязано платье изъ самаго тонкаго сукна, которое губернаторъ всего одинъ разъ надѣвалъ на охоту, а теперь посылаетъ его вамъ и сеноритѣ Санчикѣ.

— Да здравствуетъ на тысячу лѣтъ и тотъ, кто послалъ, и тотъ, кто привезъ намъ это платье! — воскликнула Тереза. — Если имъ мало тысячи лѣтъ, то я готова прибавить и вторую тысячу!

Послѣ этого она поспѣшила изъ дому съ ожерельемъ на шеѣ и письмами въ рукахъ. Она то перебирала пальцами красивое ожерелье, то барабанила ими по письмамъ, всячески стараясь обратить на себя вниманіе. Встрѣтивъ священника и Самсона Караско, она стала приплясывать передъ ними и приговаривать:

— Хорошо тому жить, кому Богъ ворожитъ!.. А у насъ теперь островъ, данный намъ въ вѣковѣчное владѣніе... Пусть-ка теперь ко мнѣ сунется самая важная госпожа гидальго, я такъ ее огорошу, что она и своихъ не узнаетъ!

— Что съ тобой, Тереза? — спросилъ съ удивленіемъ священникъ. — Что это за бумаги у тебя въ рукахъ и чему ты такъ радуешься?

— Чему я радуюсь?! — вскричала Тереза. — А тому, что вотъ у меня письма отъ герцогинь и губернаторовъ, что мнѣ прислали дорогое коралловое ожерелье и что я теперь стала губернаторшей!

— Богъ тебя знаетъ, что ты болтаешь, — замѣтилъ баккалавръ. — Мы ничего не понимаемъ.

— Вотъ изъ этого все поймете, — сказала Тереза, подавая священнику письма.

Священникъ прочелъ ихъ вслухъ и обмѣнялся взглядомъ изумленія съ Самсономъ. На вопросъ послѣдняго, кто доставилъ ей письма, Тереза отвѣтила, что если ему и священнику угодно знать это, то пусть они войдутъ къ ней въ домъ. Тамъ они увидятъ прекраснаго какъ архангелъ пажа, присланнаго къ ней герцогиней съ письмами, ожерельемъ и другимъ, еще болѣе дорогимъ, подаркомъ.

Священникъ снялъ съ Терезы ожерелье, посмотрѣлъ кораллы и застежки, и, убѣдившись, что тѣ и другіе настоящіе, совсѣмъ растерялся отъ удивленія.

— Клянусь моей рясой, — воскликнулъ онъ, — я не знаю, что подумать и сказать!.. Съ одной стороны я вижу золото и кораллы, а съ другой — читаю, что герцогиня проситъ прислать желудей; одно съ другимъ не вяжется.

— Да, это что-то очень странное, — сказалъ баккалавръ. — Пойдемте и посмотримъ на того, кто привезъ эти письма, и разспросимъ его по подробнѣе обо всемъ.

Священникъ и баккалавръ отправились къ Терезѣ, гдѣ и застали пажа, бесѣдующаго съ Санчикой, жарившей ему яичницу съ саломъ. Красота и костюмъ пажа сразу расположили къ нему пришедшихъ. Поздоровавшись съ нимъ, Самсонъ попросилъ его разсказать, какъ поживаютъ Донъ-Кихотъ и Санчо.

— Хотя мы, — добавилъ баккалавръ, — и читали письма Санчо и герцогини, но не поняли, о какомъ островѣ они въ нихъ пишутъ. Насколько намъ извѣстно, всѣ острова въ Средиземномъ морѣ принадлежатъ королю, а въ частныхъ владѣніяхъ не состоятъ. Впрочемъ, можетъ-быть, дѣло идетъ о какомъ-нибудь островѣ въ другомъ морѣ?

— Что сеноръ Санчо Панца, дѣйствительно, сдѣлался губернаторомъ — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, — сказалъ пажъ; — но управляетъ ли онъ островомъ или чѣмъ другимъ — этого я не знаю. Я слышалъ только, что у него подъ командой находится больше тысячи человѣкъ. А если свѣтлѣйшая герцогиня проситъ желудей, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Она иногда проситъ у своихъ простыхъ сосѣдокъ одолжить ей гребень для расчесыванія волосъ. Наши знатныя аррагонскія дамы не такія чопорныя и надутыя, какъ кастильскія, и держатъ себя очень просто.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась Санчика къ пажу, — носитъ ли мой отецъ панталоны въ обтяжку?

— Право, не замѣтилъ, но думаю, что носитъ, — отвѣтилъ пажъ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось увидать его въ панталонахъ въ обтяжку! — продолжала дѣвушка. — Я съ самаго моего рожденія мечтала объ этомъ.

— Какъ не носить ему такихъ панталонъ, когда онъ скоро будетъ ходить по улицамъ въ маскѣ, какъ дѣлаютъ всѣ знатные и богатые люди въ нашемъ отечествѣ, которые не желаютъ загорать отъ солнца,— замѣтилъ пажъ.

Священникъ и баккалавръ поняли, что пажъ говоритъ съ скрытою насмѣшкой. Между тѣмъ прекрасное ожерелье и охотничье платье, которое уже успѣла показать имъ Тереза, сбивали ихъ съ толку и свидѣтельствовали, что часть того, что они прочли въ письмахъ и узнали отъ пажа, должна быть правда. Но понять, въ чемъ собственно было дѣло, они никакъ не могли.

— Сеноръ, — обратилась Тереза къ баккалавру, — узнайте, пожалуйста, не ѣдетъ ли кто на дняхъ изъ вашей деревни въ Мадридъ или Толедо. Я поручила бы ему купить мнѣ тамъ самый лучшій модный обручъ подъ платье. Нужно же мнѣ поддерживать достоинство моего мужа, губернатора, всѣмъ, чѣмъ только можно. Если на то пойдетъ, я пойду ко двору и заведу себѣ карету, какъ прочія знатныя дамы. Авось у меня, какъ у жены губернатора, хватитъ денегъ на карету и лошадей.

— Еще бы! — вскричала Санчика. — Дай только Богъ, чтобы все это сдѣлалось какъ можно скорѣе, и пусть тогда злые языки говорятъ, глядя, какъ я разсядусь въ каретѣ возлѣ матери: «Ишь, какая эта дѣвчонка стала важная! Разъѣзжаетъ себѣ въ каретахъ, точно графиня или герцогиня!» Конечно, всѣмъ будетъ досадно, что они попрежнему шлепаютъ пѣшкомъ по грязи, а я сижу въ каретѣ! Да, пусть бѣсятся, какъ хотятъ! Лишь бы намъ было хорошо, а тамъ хоть трава не расти! Правда, мать?

— Правда, правда, дочка, — отвѣтила мать. — Твой добрый отецъ давно предсказывалъ мнѣ, что я буду ѣздить съ тобою въ каретахъ и жить по-господски, да я, дура, ему не вѣрила, а теперь вотъ все выходитъ, какъ онъ говорилъ. Увидишь, что онъ не успокоится, пока не сдѣлаетъ насъ графинями. Да, такъ и слѣдуетъ. Когда даютъ тебѣ телку, накидывай на нее веревку, а когда даютъ губернаторство, старайся пользоваться имъ и скорѣе нажиться на немъ. Кто не умѣетъ ловить счастія, тому не зачѣмъ и жить на свѣтѣ. Это еще говорилъ твой дѣдъ, Санчика, а мой отецъ. Онъ былъ человѣкъ умный и ничего зря не говорилъ.

— Да и что мнѣ будетъ за дѣло, — подхватила Санчика, — если первый встрѣчный, увидѣвъ меня важною дамой, скажетъ, что вотъ, молъ, ослу надѣли ошейникъ и онъ не узнаетъ своихъ товарищей! Я вѣдь буду знать, что это говорится только отъ зависти.

— Клянусь Богомъ! – воскликнулъ священникъ. — Въ семействѣ Панца всѣ родились насквозь пропитанными пословицами! Они такъ и сыплютъ ими во всѣ стороны!

— Да,—подтвердилъ пажъ, — сеноръ Санчо тоже швыряется ими на каждомъ шагу, а герцогъ и герцогиня отъ нихъ въ восторгѣ, хотя онѣ иной разъ приходятся совсѣмъ некстати. Ну, да вѣдь на то сеноръ Санчо и губернаторъ, чтобы ему прощали все, чего не прощается людямъ обыкновеннымъ.

— Послушайте, сеноръ, – вмѣшался баккалавръ, — да вы не шутя говорите о Санчо Панцѣ, какъ о губернаторѣ? Неужели это правда, что онъ сталъ губернаторомъ и что его женѣ пишетъ письма и посылаетъ подарки герцогиня? Намъ все кажется, что это мистификація или выдумки нашего земляка и пріятеля, Донъ-Кихота, который живетъ въ мірѣ фантазій и видитъ все не въ томъ цвѣтѣ, какъ оно есть въ дѣйствительности. Скажите намъ откровенно, кто вы такой.

— Увѣряю васъ, что я—пажъ герцогини, которая и прислала меня сюда съ письмами и подарками, — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Санчо Панца, дѣйствительно, губернаторъ. Мои господа дали ему островъ, или что-то въ родѣ этого, чѣмъ онъ и управляетъ, и, какъ я слышалъ, очень удачно. Могу васъ увѣрить, что я говорю сущую правду, и клянусь въ этомъ жизнью моихъ родителей, которыхъ я очень люблю и которые, слава Богу, здравствуютъ до сихъ поръ.

— Гм!.. Все это...—началъ было баккалавръ, но пажъ перебилъ его:

— Сомнѣвайтесь сколько вамъ угодно. Но, повторяю, что я говорю чистую правду, которая всегда всплываетъ поверхъ лжи, какъ масло надъ водой. И если вамъ угодно удостовѣриться собственными глазами въ томъ, чему не вѣрятъ ваши уши, то вамъ стоитъ только отправиться со мною ко двору герцога, моего повелителя.

— Это и я съ удовольствіемъ отправилась бы съ вами, сеноръ,—сказала Санчика. — Посадите меня съ собой на лошадь и свезите къ моему отцу.

— Губернаторскимъ дочерямъ неприлично ѣздить такимъ образомъ, — возразилъ пажъ. — Онѣ ѣздятъ въ каретахъ, въ сопровожденіи цѣлаго штата.

— Да я и на ослѣ поѣхала бы точно такъ же, какъ другія ѣздятъ въ каретѣ, — бойко отрѣзала дѣвушка. — Я вовсе не такая жеманница и недотрога, какъ вы, должно-быть, думаете.

— Молчи, дура! — прикрикнула на нее мать. — Ты сама не знаешь, что говоришь. Сеноръ пажъ совершенно правъ. Всему свое время и всякому свой почетъ. Была ты простою крестьянскою дочерью и могла хоть

въ грязи валяться, а теперь ты стала важною сеноритой, и поведеніе у тебя должно быть важное. Что, развѣ я не такъ говорю? — обратилась она къ пажу.

— Вашими устами, донна Тереза, глаголетъ сама истина, — отвѣтилъ пажъ. — Однако скоро я дождусь обѣщанной яичницы? Мнѣ некогда долго сидѣть у васъ, потому что я долженъ сегодня же возвратиться домой.

— Не угодно ли будетъ вамъ зайти ко мнѣ закусить? — предложилъ священникъ. — У донны Терезы больше желанія, чѣмъ средствъ угостить такого гостя, какъ вы.

Пажъ сначала отказался было отъ приглашенія священника, но потомъ принялъ его, такъ какъ Санчика, увлеченная своими мечтами о предстоящихъ ей, какъ дочери губернатора, благахъ, сожгла яичницу, а другой не изъ чего было дѣлать. Священникъ былъ въ восторгѣ, что пажъ идетъ къ нему и что можно будетъ подробно разспросить его о Донъ-Кихотѣ. Баккалавръ же, оставшись, по уходѣ священника и пажа, въ домѣ Терезы, предложилъ ей написать отвѣты мужу и герцогинѣ, но она побоялась его болтливости и, поблагодаривъ его, отказалась. Когда же онъ ушелъ, она пригласила къ себѣ одного монаха. Онъ и написалъ подъ ея диктовку отвѣты, съ которыми мы потомъ познакомимъ читателя, а пока возвратимся опять къ нашему губернатору.

ГЛАВА LI,

въ которой описывается продолженіе губернаторства Санчо и кое-какія другія событія.

Остатокъ ночи, во время которой Санчо обходилъ дозоромъ свой «островъ», дворецкій герцога провелъ въ мечтахъ о встрѣченной на улицѣ красавицѣ въ мужскомъ платьѣ, а хроникеръ Санчо, удивленный рѣчами и поступками послѣдняго, просидѣлъ вплоть до утра надъ составленіемъ отчета своимъ господамъ о дѣйствіяхъ губернатора. Что же касается самого губернатора, то онъ, въ пріятномъ сознаніи исполненнаго долга, проспалъ до утра сномъ праведника.

Утромъ, когда онъ всталъ, ему подали, по распоряженію доктора Педро Реціо, немного варенья и кубокъ съ водой. Санчо съ удовольствіемъ промѣнялъ бы этотъ скудный завтракъ на кусокъ хлѣба съ сыромъ или саломъ, но онъ молча покорился необходимости слѣдовать предписаніямъ врача, который увѣрилъ его, что легкая и нѣжная пища освѣжаетъ умъ, такъ необходимый для высокопоставленныхъ сановниковъ, которымъ приходится работать именно умомъ, а не тѣломъ. Благодаря

этимъ воззрѣніямъ Педро Рецiо, Санчо принужденъ былъ все время постничать па островѣ, что въ концѣ-концовъ заставило его проклинать и свое губернаторство и того, кто навязалъ ему его. Но хотя и голодный, — потому что однимъ вареньемъ, разбавленнымъ водою, мудрено быть сытымъ — онъ тѣмъ не менѣе сейчасъ же послѣ завтрака принялся за дѣла.

Лишь только онъ успѣлъ встать изъ-за пустого стола, какъ ему доложили, что его желаетъ видѣть одинъ человѣкъ. Введенный къ губернатору незнакомецъ попросилъ его разрѣшить одинъ крайне запутанный вопросъ.

— Земля одного владѣльца, — началъ незнакомецъ, — перерѣзывается пополамъ рѣкой. Черезъ рѣку перекинутъ мостъ, на одномъ концѣ котораго стоитъ висѣлица, и при ней устроено помѣщеніе для четырехъ людей, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ постановленія владѣльца земли, рѣки и моста; а постановленіе это гласитъ слѣдующее: «Каждый проходящій или проѣзжающій по мосту долженъ подъ присягой заявлять: кто онъ, откуда и зачѣмъ направляется. Если онъ скажетъ правду, то безпрепятственно пропускать его, а если будетъ уличенъ во лжи, то подлежитъ смертной казни чрезъ повѣшеніе». Народу проходило и проѣзжало много, несмотря на такое строгое постановленіе владѣльца, и всѣ пропускались, такъ какъ показывали о себѣ правду. Но вотъ сегодня поутру случилось такъ, что одинъ прохожій поклялся именемъ Бога, что онъ переходитъ черезъ мостъ только для того, чтобы быть повѣшеннымъ. Услыхавъ это странное заявленіе, старшій изъ досмотрщиковъ сказалъ своимъ товарищамъ: «Если мы пропустимъ этого человѣка, то выйдетъ, что онъ совралъ, и мы должны повѣсить его, а если повѣсимъ его, то выйдетъ, что онъ сказалъ правду, и тогда мы, по смыслу постановленія нашего господина, не имѣемъ права вѣшать его. Какъ же теперь быть?» Послѣ долгихъ обсужденій этого запутаннаго вопроса досмотрщики рѣшили послать меня къ вашей милости спросить, что тутъ дѣлать? Сами они не въ состояніи разобраться въ этой путаницѣ и потому слезно просятъ васъ, сеноръ губернаторъ, помочь имъ вашимъ свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ; вѣдь для васъ, какъ мы уже слышали, не существуетъ никакихъ затрудненій.

— Вы очень ошибаетесь насчетъ проницательности моего ума, — угрюмо возразилъ Санчо, который чувствовалъ себя очень скверно съ пустымъ желудкомъ. — Доказательствомъ этому можетъ служить то, что я ровно ничего не понялъ изъ вашей загадки. Повторите мнѣ ее, тогда я, быть-можетъ, и пойму.

Незнакомецъ повторилъ свой разсказъ, и Санчо, подумавъ нѣсколько времени, сказалъ:

— Рѣшить этотъ вопросъ не трудно. Прохожій клянется, что онъ прошелъ по мосту единственно съ тою цѣлью, чтобы быть повѣшеннымъ. Если его повѣсить, — выйдетъ, дѣйствительно, что онъ сказалъ правду, значитъ, вѣшать его нельзя. Если же отпустить его, — выйдетъ, что онъ далъ ложную присягу, а за это его слѣдуетъ обязательно повѣсить, по прямому смыслу вашего постановленія.

— Вы изволили разсудить совершенно справедливо, сеноръ губернаторъ, — сказалъ незнакомецъ. — Но...

— Поэтому, — продолжалъ Санчо, — должно отпустить ту часть человѣка, которая сказала правду, и повѣсить ту, которая солгала.

— Но, въ такомъ случаѣ, — возразилъ незнакомецъ, — его придется разрѣзать на двѣ части, а тогда не къ чему будетъ ни отпускать ни вѣшать его, и законъ останется не удовлетвореннымъ, между тѣмъ именно и требуется, чтобы законъ былъ удовлетворенъ.

— Вотъ что, — произнесъ Санчо, — или я совсѣмъ дуракъ, или человѣкъ, о которомъ вы говорите, имѣетъ такое же право быть съ миромъ отпущеннымъ на всѣ четыре стороны, какъ и повѣшеннымъ, потому что онъ одинаково и правду говоритъ и лжетъ. Въ виду этого, по-моему, слѣдуетъ помиловать его. На вѣсахъ правосудія причины къ его осужденію и помилованію равной тяжести, а бывшій господинъ мой, знаменитый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, какъ-то говорилъ мнѣ, что когда бываютъ такіе случаи, то судьѣ слѣдуетъ склонить вѣсы на сторону милосердія. Благодаря Богу, я запомнилъ это, и теперь совѣтую вамъ отдать преимущество милосердію передъ наказаніемъ, тѣмъ болѣе, что вашъ законъ отъ этого нисколько не пострадаетъ.

— Самъ Ликургъ, знаменитый лакедемонскій законодатель, не могъ бы постановить лучшаго приговора! — замѣтилъ дворецкій. — Чтобы вамъ, сеноръ губернаторъ, было не слишкомъ трудно, я распоряжусь не допускать къ вамъ сегодня больше просителей и позабочусь о хорошемъ обѣдѣ для вашей милости.

— Главное, дайте мнѣ поѣсть чего и сколько мнѣ хочется, а тогда пустите хоть сотню просителей съ еще болѣе мудреными дѣлами и вопросами — я всѣ ихъ разрѣшу, лишь бы былъ сытъ, — сказалъ Санчо.

Дворецкій, котораго начинала мучить совѣсть за то, что онъ моритъ голодомъ такого умнаго и хорошаго человѣка, какимъ оказался мнимый губернаторъ, сдержалъ слово насчетъ обѣда. Къ тому же онъ рѣшилъ покончить въ слѣдующую ночь комедію губернаторствованія Санчо, разыгрываемую по приказанію герцогской четы, и находилъ нужнымъ хоть чѣмъ-нибудь вознаградить бѣднаго толстяка за то, что его такъ безжалостно дурачили.

Послѣ обѣда, за которымъ Санчо ѣлъ какъ проголодавшійся слонъ, явился гонецъ съ письмомъ отъ Донъ-Кихота. Санчо приказалъ секретарю прочитать это письмо сначала про себя, а потомъ и вслухъ, если въ немъ не окажется ничего, требующаго соблюденія тайны. Пробѣжавъ глазами письмо, секретарь сказалъ, что его можно напечатать золотыми буквами и необходимо прочитать при всѣхъ.

— Такъ читай,— разрѣшилъ Санчо.

Секретарь сталъ въ позицію и громко прочиталъ слѣдующее:

Письмо Донъ-Кихота Ламанчскаго къ Санчо Панцѣ, губернатору острова Бараторіи.

«Въ то время, когда я, другъ мой Санчо, ожидалъ извѣстій о твоей глупости и о твоемъ невѣжествѣ, мнѣ, къ моему величайшему изумленію, доносятъ о твоихъ мудрыхъ дѣйствіяхъ. Я въ этомъ вижу особенную милость Промысла, возводящаго иногда человѣка, родившагося въ навозной кучѣ, въ санъ губернатора, и просвѣщающаго дурака свѣтомъ мудрости. Говорятъ, ты управляешь островомъ какъ человѣкъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, держишь себя такъ скромно и смиренно, что равняешься самой невзыскательной скотинѣ. Замѣчу тебѣ по этому поводу, что для поддержанія своего достоинства намъ иногда слѣдуетъ скрывать смиреніе нашего духа и держать себя сообразно съ нашимъ общественнымъ положеніемъ, которое судьба даетъ намъ. Одѣвайся какъ можно лучше, Санчо: украшенная палка перестаетъ казаться простою палкой. Я не требую, чтобы ты украшалъ себя кружевами и драгоцѣнными камнями и, будучи чиновникомъ гражданскимъ, носилъ военное платье, но совѣтую одѣваться прилично и чисто, соотвѣтственно твоему высокому положенію. Повторяю, что уже говорилъ тебѣ: будь обходителенъ и ласковъ со всѣми, заботься всѣми силами о народномъ продовольствіи и помни, что ничто такъ не угнетаетъ несчастнаго бѣдняка, какъ голодъ. Заботясь о народѣ, ты пріобрѣтешь его любовь и довѣріе.

«Не пиши много бумагъ; пиши только крайне необходимое; а главное — старайся, чтобы твои распоряженія были исполняемы въ точности и безъ проволочекъ, иначе не зачѣмъ и дѣлать ихъ. Въ этомъ случаѣ выйдетъ лишь то, что правитель, имѣвшій достаточно мудрости и власти сдѣлать извѣстныя распоряженія, не имѣетъ силы и рѣшимости заставлять своихъ подчиненныхъ исполнять ихъ. Законы, никогда не исполняющіеся, подобны царю лягушекъ, чурбану, который сначала устрашалъ ихъ своимъ видомъ, а потомъ, вслѣдствіе его неподвижности и бездѣятельности, тѣ же лягушки начали такъ пренебрегать имъ, что стали садиться на него и дѣлать все, что имъ только приходило въ ихъ пу-

стыя головы. Не будь всегда строгимъ, но и излишняя снисходительность тоже нехороша; старайся держаться золотой средины между двумя крайностями. Посѣщай чаще тюрьмы, рынки, скотобойни и тому подобныя мѣста, гдѣ всевидящее око власти необходимо. Утѣшай заключенныхъ, томящихся въ ожиданіи суроваго приговора. Будь бичомъ мясниковъ и торговцевъ, обманывающихъ и обвѣшивающихъ покупателей. Если ты чувствуешь въ себѣ скупость, алчность, влеченіе къ красивымъ женщинамъ—старайся скрыть эти слабости отъ глазъ народа, иначе тѣ изъ его среды, которымъ будетъ до тебя дѣло, воспользуются этими слабостями и погубятъ тебя. Читай и перечитывай, вспоминай и запоминай совѣты, которые я написалъ тебѣ передъ твоимъ отправленіемъ на островъ. Они послужатъ тебѣ облегченіемъ въ трудахъ и средствомъ преодолѣвать препятствія, которыя будутъ ставить тебѣ на каждомъ шагу враги власти, хотя бы и разумной. Пиши чаще къ герцогу, чтобы онъ не счелъ тебя неблагодарнымъ. Помни, что неблагодарность — дочь низости и принадлежитъ къ числу самыхъ гнусныхъ пороковъ.

«Герцогиня послала нарочнаго къ женѣ твоей, Терезѣ, съ письмомъ отъ тебя и отъ себя, съ твоимъ охотничьимъ платьемъ и собственнымъ подаркомъ. Ждемъ сегодня возвращенія посланнаго. Я былъ немного нездоровъ, вслѣдствіе того, что какой-то злой волшебникъ, принявшій личину кошки, искусалъ и исцарапалъ мнѣ лицо. Особенно сильно досталось отъ него моему носу. Но это, въ сущности, не важно: если существуютъ волшебники, дѣлающіе мнѣ зло, то есть и такіе, которые покровительствуютъ и благодѣтельствуютъ мнѣ.

«Извѣщай меня обо всемъ, что случится съ тобой. Пользуйся тѣмъ, что я пока живу такъ близко отъ тебя, такъ какъ въ скоромъ времени я намѣреваюсь оставить этотъ замокъ, въ которомъ веду неподходящую для себя праздную и пустую жизнь, сильно уже надоѣвшую мнѣ. Въ заключеніе скажу тебѣ, что здѣсь произошло кое-что такое, что можетъ навлечь на меня неудовольствіе герцога и его супруги; но я этимъ особенно не огорчаюсь, такъ какъ болѣе дорожу честью своего званія, чѣмъ благосклонностью кого бы то ни было. Я твердо помню изреченіе: «Amicus Plato, sed magis amica veritas (Платонъ — другъ, но еще бо́льшій другъ — истина)». Пишу это по-латыни, въ полной увѣренности, что ты, сдѣлавшись губернаторомъ, первымъ долгомъ выучишься этому прекрасному языку.

Да хранитъ тебя Богъ!

Твой другъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій».

Внимательно дослушавъ до конца это письмо, которое всѣмъ очень понравилось, Санчо увелъ своего секретаря въ кабинетъ, и тамъ продиктовалъ ему слѣдующій отвѣтъ:

Письмо Санчо Панцы Донъ-Кихоту Ламанчскому.

«Я такъ заваленъ дѣлами по управленію островомъ, что мнѣ некогда въ головѣ почесать и ногтей обстричь, хотя они ужасно выросли. Пишу къ вамъ, господинъ души моей, чтобы ваша милость не безпокоились о томъ, что я до сихъ поръ не писалъ вамъ о себѣ и ничего не сообщалъ о своемъ губернаторствѣ, на которомъ голодаю больше, чѣмъ въ то время, когда мы съ вами болтались по лѣсамъ и горамъ. Намедни господинъ нашъ, герцогъ, писалъ мнѣ, что ко мнѣ на островъ пробрались нѣсколько переодѣтыхъ бездѣльниковъ, чтобы убить меня, но пока я открылъ только одного, который называетъ себя докторомъ и поступаетъ такъ, точно онъ рожденъ для того, чтобы морить всѣхъ губернаторовъ голодомъ. Зовутъ его Педро Реціо, родомъ онъ изъ деревни Тертафуэры и учился, вишь, въ оссунскомъ университетѣ. Можетъ-быть онъ и есть одинъ изъ тѣхъ убійцъ, о которыхъ пишетъ герцогъ, а можетъ статься онъ и самъ не понимаетъ того, что убиваетъ людей. Говоритъ, что лѣчитъ не больныхъ, а только здоровыхъ, чтобы они не заболѣвали, и пользуетъ одною діэтой, которою и довелъ меня до того, что скоро всѣ кости мои начнутъ вылѣзать вонъ изъ шкуры. По-моему, лучше бы ужъ меня трепала лихорадка, чѣмъ походить на скелетъ и мучиться съ пустымъ желудкомъ. Этакъ отъ меня, того и гляди, и слѣда не останется. Я надѣялся найти въ губернаторствѣ хорошій столъ съ горячими кушаньями, прохладительное питье, мягкія перины, разныя лакомства и, вообще, все, что есть на свѣтѣ хорошаго, а оказывается, что я сюда присланъ словно монахъ на покаяніе. Я этимъ очень недоволенъ и думаю, что моему губернаторству скоро настанетъ конецъ.

«До сихъ поръ я не только не получалъ никакого жалованья или какихъ бы то ни было доходовъ, но даже не знаю, существуетъ ли здѣсь вообще что-нибудь подобное. А между тѣмъ я слышалъ, что другіе губернаторы заботятся о томъ, чтобы ихъ будущіе подданные приготовили имъ кучу денегъ еще до ихъ прибытія на островъ или туда, гдѣ они назначены управлять. Я этого не догадался сдѣлать, вотъ и сижу теперь безъ гроша.

«Вчера вечеромъ я обходилъ островъ и, между прочимъ, встрѣтилъ одну красавицу, одѣтую по-мужски и вздумавшую ночью посмотрѣть городъ, котораго никогда еще не видала, хотя и живетъ въ немъ съ самаго дня своего рожденія. Отецъ ея, очень богатый человѣкъ, держитъ

ее все время подъ замкомъ; ну, она и уговорила своего брата пройтись съ ней потихоньку ночью по улицамъ. Подробности этой исторіи когда-нибудь я разскажу вашей милости лично, а пока только скажу, что мой дворецкій влюбился въ эту дѣвушку и собирается жениться на ней. Я же думаю выдать свою дочь за брата этой дѣвушки, хотя сначала я не прочь былъ, чтобы на ней женился дворецкій, который на хорошемъ счету у герцога и, навѣрное, со временемъ пойдетъ далеко. Сегодня переговоримъ объ этомъ съ отцомъ дѣвушки, котораго зовутъ Діего Льяной.

«Я часто посѣщаю рынки, какъ вы совѣтуете мнѣ. Вчера поймалъ торговку, которая подмѣшиваетъ къ свѣжимъ орѣхамъ половину гнилыхъ. Я велѣлъ отобрать отъ нея весь ея товаръ въ пользу сиротъ въ пріютахъ, они обрадуются и гнилымъ орѣхамъ, а торговкѣ запретилъ выходить на рынокъ двѣ недѣли. Народъ былъ въ восторгѣ отъ моего распоряженія. Говорятъ, нѣтъ хуже базарныхъ торговокъ не только на этомъ островѣ, но и въ другихъ мѣстахъ.

«Мнѣ очень пріятно узнать, что госпожа герцогиня изволила писать женѣ моей, Терезѣ, и вдобавокъ еще послала ей отъ себя подарокъ. Въ свое время постараюсь отблагодарить ея герцогскую милость за это, а пока поцѣлуйте ей, ваша милость, ручки отъ моего имени и передайте, что она не въ дырявый мѣшокъ бросаетъ свои благодѣянія, какъ сама увидитъ потомъ на дѣлѣ.

«Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ваша милость поссорились съ герцогомъ и герцогиней, а то, чего добраго, впослѣдствіи я же останусь виноватъ, хотя я тутъ ровно не при чемъ. Вы пишете, чтобы я былъ благодаренъ, а сами поступаете не по-благодарному, разъ ссоритесь съ людьми, которые такъ облагодѣтельствовали насъ. Этого я отъ вашей милости не ожидалъ. Пожалуйста, хоть ради меня, помиритесь скорѣе съ моими господами и напишите мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ успокоиться.

«А насчетъ волшебниковъ, обращающихся въ кошекъ, поговоримъ лично.

«Хотѣлось бы мнѣ послать вамъ что-нибудь въ подарокъ, да только не знаю что, развѣ спринцовку съ пузыремъ, которыя здѣсь дѣлаются на славу. Впрочемъ, если мнѣ суждено еще нѣсколько времени просидѣть на губернаторствѣ, я сдѣлаю вамъ настоящій губернаторскій подарокъ.

«Въ случаѣ, получится письмо ко мнѣ отъ моей жены, то, сдѣлайте милость, заплатите за него, что слѣдуетъ, и пришлите его мнѣ поскорѣе. Я просто дождаться не могу извѣстій отъ жены и дѣтей.

«Да хранитъ Богъ вашу милость отъ злыхъ волшебниковъ и да уберетъ Онъ меня здравымъ и невредимымъ отъ этого губернаторства, которое, кажется, доѣстъ меня, судя по тому, что дѣлаетъ со мною этотъ докторъ Педро Рецio!

Покорный слуга вашей милости Санчо Панца,
губернаторъ острова Бараторіи».

Запечатавъ письмо, секретарь отправилъ его съ гонцомъ, а самъ отправился посовѣтоваться съ своими товарищами, какъ удобнѣе окончить комедію губернаторства Санчо. А что касается послѣдняго, то онъ сталъ придумывать мѣры къ упроченію благосостоянія жителей воображаемаго острова. Онъ установилъ строгій надзоръ за добросовѣстностью торговли съѣстными припасами и разрѣшилъ ввозъ вина, но съ тѣмъ, чтобы было объявлено, откуда оно, и чтобы цѣна ему назначалась по совѣсти. Кто уличался въ мошенничествѣ съ виномъ, тотъ долженъ былъ платиться за то жизнью. Затѣмъ Санчо понизилъ цѣну на платье и, въ особенности, на обувь, установилъ таксу для прислуги, назначилъ строгое наказаніе для пѣвцовъ неприличныхъ пѣсенъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нищіе, выпрашивая подаяніе, не пѣли о чудесахъ, достовѣрности которыхъ не въ состояніи доказать; онъ находилъ, что распространеніе басенъ о чудесахъ мнимыхъ только подрываетъ вѣру въ дѣйствительныя. Кромѣ того, онъ назначилъ особеннаго алгвазила, который слѣдилъ бы за тѣмъ, чтобы просили милостыню лишь настоящіе бѣдняки, а не разные лѣнтяи, пьяницы и негодяи, которые отнимаютъ у тѣхъ кусокъ хлѣба, стараясь возбудить жалость у прохожихъ своими мнимыми ранами или подложнымъ искалѣченіемъ. Вообще, Санчо за короткое время своего губернаторства сдѣлалъ столько хорошаго, что всѣ его постановленія потомъ были собраны и хранятся до сихъ поръ подъ заглавіемъ: «Узаконенія великаго губернатора Санчо Панцы».

ГЛАВА LII,

въ которой описывается ходатайство дуэньи Долориды, иначе называемой донною Родригецъ, и приводятся два интересныхъ письма.

Сидъ Гаметъ говоритъ, что какъ только Донъ-Кихотъ избавился отъ видимыхъ послѣдствій нападеній на него волшебниковъ, онъ рѣшилъ проститься съ герцогомъ и его супругой, соскучившись праздною, противною рыцарскимъ постановленіямъ жизнью у нихъ въ замкѣ. Онъ ухватился за свое прежнее намѣреніе ѣхать въ Сарагоссу,

гдѣ надѣялся отличиться на предстоящихъ рыцарскихъ состязаніяхъ и получить панцырь, назначенный въ награду побѣдителю.

Сидя какъ-то за столомъ, онъ уже хотѣлъ было объявить хозяевамъ о своемъ намѣреніи покинуть ихъ, какъ вдругъ въ столовую вошли двѣ женщины, одѣтыя съ головы до ногъ въ черное. Одна изъ нихъ приблизилась къ Донъ-Кихоту и съ громкими стонами и вздохами упала ему въ ноги. Порываясь обхватить его колѣни, она отчаянно зарыдала. Хозяева въ недоумѣніи переглянулись, не зная, кто бы могли быть эти женщины, появленіе которыхъ вовсе не входило въ программу ихъ увеселеній на счетъ Донъ-Кихота. Между тѣмъ послѣдній поднялъ рыдающую женщину съ колѣнъ, просилъ ее успокоиться и сказать ему, кто она и чего отъ него желаетъ. Женщина откинула съ лица покрывало, при чемъ всѣ, къ своему величайшему изумленію, узнали въ ней донну Родригецъ. Второю женщиной, скромно остановившеюся въ сторонѣ, оказалась ея дочь, соблазненная сыномъ богатаго земледѣльца. Хозяева положительно недоумѣвали, что значитъ появленіе этихъ женщинъ. Хотя они и считали донну Родригецъ особою недалекаго ума, но все-таки не думали, чтобы она серьезно была способна принять Донъ-Кихота за человѣка, передъ которымъ нужно было со слезами падать на колѣни не съ цѣлью потѣшаться надъ нимъ. Но этой цѣли у старой дуэньи, очевидно, не было.

— Позвольте мнѣ, ваши свѣтлости, — униженно обратилась она къ своимъ господамъ, — сказать кое-что сенору Донъ-Кихоту. Мнѣ необходима его защита, чтобы съ честью выйти изъ ужаснаго положенія, въ которое я поставлена негодяемъ, соблазнившимъ мою дочь.

Получивъ разрѣшеніе говорить рыцарю, что ей будетъ угодно, она снова обратилась къ нему и сказала:

— Нѣсколько дней тому назадъ я имѣла честь разсказать вамъ, сеноръ, какимъ подлымъ образомъ одинъ негодяй соблазнилъ мою дочь. Несчастная жертва теперь передъ вами. Вы обѣщали быть ея защитникомъ и исправить причиненное ей зло. Узнавъ, что вы собираетесь покинуть замокъ, чтобы ѣхать на поиски новыхъ приключеній, — да пошлетъ ихъ вамъ Господь какъ можно больше! — я осмѣлилась прійти просить васъ, чтобы вы передъ своимъ отъѣздомъ наказали злодѣя-соблазнителя по заслугамъ и принудили его исполнить данное имъ обѣщаніе жениться на моей несчастной дочери. Искать правосудія у его свѣтлости герцога, значило бы искать на дубѣ грушъ. Я уже говорила вамъ, почему онъ не хочетъ заступиться за насъ. Да сохранитъ васъ Богъ и да не покинетъ Онъ мою дочь и меня!

— Добрая дуэнья,— съ важностью отвѣтилъ Донъ-Кихотъ,— осушите свои слезы и умѣрьте свои вздохи. Дочь вашу я беру подъ свою защиту. Но я долженъ сказать, что она лучше бы сдѣлала, если бы не такъ легко вѣрила словамъ и обѣщаніямъ влюбленныхъ. Въ любовномъ экстазѣ молодые вѣтрогоны часто даютъ клятвенныя обѣщанія, которыхъ потомъ не могутъ или не хотятъ сдержать. Съ позволенія его свѣтлости герцога, я сейчасъ отправлюсь къ безчестному соблазнителю, вызову его на единоборство и убью, если онъ откажется исполнить обѣщаніе, данное имъ вашей дочери. Если онъ торжественно дастъ мнѣ слово жениться на жертвѣ своего соблазна, то пощажу его; мой долгъ — прощать раскаивающихся и карать строптивыхъ, или, говоря другими словами, поддерживать гонимыхъ и осаживать гонителей.

— Вамъ не для чего отыскивать негодяя, на котораго жалуется наша добрая дуэнья, сеноръ рыцарь, и просить у меня позволенія сразиться съ нимъ,— сказалъ герцогъ: — я самъ объявлю ему о вашемъ вызовѣ и заставлю его принять этотъ вызовъ. Я прикажу позвать молодого бездѣльника сюда, въ мой замокъ, гдѣ вы и можете вступить съ нимъ въ состязаніе. Надѣюсь, что вы не забудете исполнить всѣхъ условій, обыкновенно соблюдаемыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я же, какъ хозяинъ своихъ владѣній, сдѣлаю все, что приказываетъ мнѣ справедливость.

— Благодарю вашу свѣтлость за содѣйствіе,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— Ради того, чтобы отомстить за поруганную честь соблазненной дѣвушки, я относительно этого безсовѣстнаго соблазнителя на время отказываюсь отъ привилегій моего благороднаго званія и готовъ сразиться съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Итакъ, я вызываю его на бой, если онъ не дастъ честнаго слова жениться на этой дѣвушкѣ; въ случаѣ же его отказа пусть онъ погибаетъ отъ моей руки!

Съ послѣднимъ словомъ рыцарь снялъ съ руки перчатку и бросилъ ее на середину залы. Герцогъ сказалъ, что онъ отъ имени своего вассала принимаетъ этотъ вызовъ, и днемъ битвы назначаетъ шестой день, считая съ минуты вызова. При этомъ онъ добавилъ, что бой долженъ происходить на площади передъ замкомъ и что противники должны быть вооружены мечами, копьями и щитами и находиться въ кольчугахъ и прочихъ рыцарскихъ доспѣхахъ, которые предварительно будутъ осмотрѣны свидѣтелями, чтобы въ нихъ не было подлоговъ, обмана, талисмановъ или чего-нибудь подобнаго.

По совершеніи всѣхъ формальностей вызова жалобщицы ушли, а герцогъ принялся обдумывать, что слѣдуетъ предпринять ему дальше въ виду предстоявшаго поединка. Прежде всего онъ, совмѣстно съ герцо-

гиней, рѣшилъ, чтобы доннѣ Родригецъ и ея дочери было отведено особое помѣщеніе въ замкѣ и чтобы къ нимъ были приставлены служанки, какъ къ гостьямъ, явившимся искать правосудія въ замкѣ. Это распоряженіе, которымъ дуэнья и ея дочь сразу поднимались выше своего прежняго подчиненнаго положенія, надѣлало много шума среди герцогскаго штата, и смѣлая выходка донны Родригецъ обсуждалась на всевозможные лады.

По окончаніи обѣда въ залу вошелъ пажъ, который былъ посланъ къ Терезѣ Панца. На разспросы герцогской четы пажъ отвѣтилъ, что не можетъ передать всего при постороннихъ, а потому проситъ выслушать его потомъ наединѣ, пока же удовольствоваться привезенными имъ письмами.

Писемъ оказалось два. На одномъ изъ нихъ была слѣдующая надпись: «Письмо госпожѣ герцогинѣ неизвѣстнаго мнѣ имени и въ невѣдомое мѣстожительство», а другое было адресовано такъ: «Мужу моему, Санчо Панцѣ, губернатору острова Бараторіи, котораго да сохранитъ Господь вмѣстѣ со мною на многіе годы!»

Герцогиня нетерпѣливою рукою вскрыла первое письмо, пробѣжала его наскоро глазами, и, убѣдившись, что въ немъ нѣтъ никакихъ тайнъ, прочла его вслухъ.

Приводимъ это письмо дословно:

«Тереза Панца госпожѣ герцогинѣ.

«Много меня обрадовало письмо, написанное мнѣ вашимъ величіемъ. Признаться, я давно желала и ожидала, чтобы вы написали мнѣ. Коралловое ожерелье очень хорошо и красиво, а охотничье платье моего мужа такое, что его и продать нельзя. Вся наша деревня вышла изъ себя отъ радости, когда узнала, что вы изволили сдѣлать моего мужа, Санчо, губернаторомъ, хотя этому никто не вѣритъ, въ особенности нашъ священникъ, цырюльникъ Николасъ и баккалавръ Самсонъ Караско. Но это меня ничуть не безпокоитъ, лишь бы все было, какъ оно есть, а тогда пусть каждый думаетъ и говоритъ что ему угодно. Если сказать правду, такъ, не будь кораллов и охотничьяго платья, и я сама не повѣрила бы, что мой мужъ, котораго всѣ считаютъ большимъ дуракомъ, сдѣлался губернаторомъ; никто и представить себѣ не можетъ, чтобы онъ могъ быть другимъ губернаторомъ, кромѣ губернатора деревенскаго стада. Но да не отступится отъ него Богъ и да направитъ къ добру стопы его, потому что въ этомъ нуждаются наши дѣти! Я же, дорогая госпожа души моей, твердо рѣшилась, съ позволенія вашей милости и чтобы, какъ говорится, принести счастіе своему дому, отправиться,

развалившись въ каретѣ, ко двору и уколоть этимъ глаза всѣмъ завистникамъ, которые уже пялятъ на насъ зѣнки. Поэтому прошу васъ, ваша герцогская степенность, посовѣтуйте моему мужу, чтобы онъ прислалъ мнѣ сколько-нибудь денегъ, но только побольше. Я знаю, при дворѣ расходы велики. Тамъ небольшой хлѣбъ стоитъ реалъ, а фунтъ мяса цѣлыхъ тридцать мараведисовъ... даже подумать страшно! Если же мужъ мой не хочетъ, чтобы я пріѣхала, такъ пусть онъ поскорѣе извѣститъ меня объ этомъ, а то ноги мои такъ и просятся въ дорогу. Мои сосѣдки говорятъ, что если мы съ дочерью явимся при дворѣ разодѣтыми, то мой мужъ сдѣлается болѣе извѣстнымъ и знаменитымъ черезъ меня, чѣмъ я черезъ него. Многіе спросятъ тогда: «Кто это ѣдетъ въ каретѣ?» а одинъ изъ моихъ лакеевъ съ важностью отвѣтитъ: «Это супруга и дочь Санчо Панцы, губернатора острова Бараторіи». Такимъ образомъ и мнѣ будетъ почетъ и дочери моей, а мужу моему вдвое, и тогда хоть трава не расти! Мнѣ очень досадно, что въ этомъ году у насъ уродилось мало желудей, но я все-таки собственными руками набрала для вашей милости съ полкорзины въ лѣсу. Всѣ они на подборъ, одинъ къ одному, и я посылаю вамъ ихъ съ вашимъ пажемъ. Будь моя воля, желуди были бы каждый съ страусовое яйцо да и набрала бы я ихъ гораздо больше. Не забывайте, ваше величіе, писать мнѣ почаще. Я постараюсь отвѣчать вамъ каждый разъ и увѣдомлять васъ о своемъ здоровьѣ и обо всемъ, что дѣлается у насъ въ деревнѣ. Молюсь Богу, да хранитъ Онъ васъ и не покидаетъ насъ. Дочь моя, Санчика, и сынъ мой цѣлуютъ руки вашей милости.

Та, которая больше желаетъ увидать вашу милость, чѣмъ писать вамъ, ваша слуга Тереза Панца».

Чтеніе этого посланія доставило всѣмъ слушателямъ громадное удовольствіе. Окончивъ его, герцогиня попросила у Донъ-Кихота позволенія прочесть и письмо къ Санчо, которое, по ея мнѣнію, должно было быть еще лучше. Въ угоду герцогинѣ, Донъ-Кихотъ самъ распечаталъ и прочиталъ письмо Терезы Панца къ мужу. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Санчо Панцѣ, губернатору острова Бараторіи, отъ его жены Терезы Панца.

«Я получила твое письмо, душа моя Санчо, и, какъ добрая христіанка, клянусь, что я чуть съ ума не спятила, когда узнала, что ты, отецъ мой, сталъ губернаторомъ. Право, не знаю, какъ это я не умерла на мѣстѣ: вѣдь неожиданная радость убиваетъ такъ же легко, какъ и неожиданное горе. Санчика тоже совсѣмъ одурѣла отъ радости и даже

сдѣлала кое-что такое, о чемъ въ письмѣ и сказать нельзя. Я долго любовалась охотничьимъ платьемъ, которое ты прислалъ мнѣ, и надѣвала на шею коралловое ожерелье, присланное мнѣ въ подарокъ госпожею герцогиней. Письма и вещи были въ моихъ рукахъ, посланный герцогини стоялъ у меня передъ глазами, но все-таки мнѣ казалось, что я вижу все это во снѣ, а не наяву. Трудно повѣрить, чтобы простой пастухъ вдругъ сдѣлался губернаторомъ острова. Ты знаешь, милый Санчо, мать моя, бывало, говаривала, что нужно много прожить, чтобы много увидѣть. Припоминаю ея слова потому, что надѣюсь еще больше увидѣть, если больше проживу, и думаю, что не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не увижу тебя откупщикомъ пошлинъ или сборщикомъ податей: это такія должности, что хоть чортъ и беретъ тѣхъ, которые дурно ведутъ себя на нихъ, но деньги все-таки отлично наживаются при этихъ должностяхъ, а это — самое главное. Госпожа герцогиня передастъ тебѣ о моемъ желаніи ѣхать ко двору. Подумай объ этомъ и напиши мнѣ о своемъ согласіи. Я постараюсь сдѣлать тебѣ честь, разъѣзжая въ каретѣ.

«Священникъ, цырюльникъ, баккалавръ и даже нашъ церковный ключарь не хотятъ вѣрить, что ты сталъ губернаторомъ. Говорятъ, что это такой же обманъ и очарованіе, какъ и все, что приключилось и приключается съ твоимъ господиномъ Донъ-Кихотомъ и самимъ тобою. Самсонъ говоритъ, что онъ непремѣнно отправится къ тебѣ и выбьетъ изъ твоей головы губернаторство, а изъ мозга Донъ-Кихота—его безуміе. Я только и дѣлаю, что хохочу, любуюсь на ожерелье и снимаю мѣрку съ твоего платья, чтобы передѣлать его все для Санчики. Я послала госпожѣ герцогинѣ жолудей, и жалѣю, что они не золотые. Пришли ты мнѣ какое-нибудь жемчужное ожерелье, если оно только въ модѣ на твоемъ островѣ. Вотъ тебѣ и наши деревенскія новости: Барруэска выдала свою дочь за одного маляра, пріѣхавшаго сюда, чтобы срисовать все, что увидитъ. Муниципальный совѣтъ поручилъ ему срисовать королевскій гербъ, что виситъ надъ входомъ въ общинную управу. Онъ выпросилъ впередъ два червонца, провозился съ недѣлю надъ гербомъ, а потомъ взялъ да и объявилъ, что не можетъ рисовать его, и возвратилъ деньги обратно. Послѣ этого онъ женился и зажилъ какъ путный: бросилъ свои мазилки и ходитъ въ поле работать не хуже насъ, грѣшныхъ. Сынъ Педро Лобо постригся въ церковники и хочетъ сдѣлаться священникомъ. За это Мингуилья, внучка Минго Сальвато, затѣяла съ нимъ тяжбу, потому что онъ обѣщалъ жениться на ней. На оливы въ этомъ году неурожай, и во всей деревнѣ нельзя найти ни одной капли уксусу. Черезъ нашу деревню недавно проходила рота солдатъ и увела съ собою трехъ дѣвочекъ. Я не назову

ихъ: онѣ, можетъ-быть, найдутся и кто нибудь захочетъ на нихъ жениться, не глядя ни на что, такъ зачѣмъ же я буду ихъ порочить? Санчика плететъ сѣтки и зарабатываетъ этимъ, на хозяйскихъ харчахъ, восемь мараведисовъ въ день, которые кладетъ въ копилку, чтобы набрать себѣ на приданое. Но я думаю, что теперь ей не къ чему унижать себя работой: вѣдь ея отецъ сталъ губернаторствовать и можетъ дать ей сразу графское приданое. Фонтанъ у насъ на площади испортился, а висѣлицу разбило молніей. Чтобы ей заодно разбить и всѣ висѣлицы на свѣтѣ! Жду отвѣта на это письмо и твоего согласія о моемъ пріѣздѣ ко двору. Да поможетъ тебѣ Богъ прожить дольше или по крайней мѣрѣ столько же, сколько мнѣ. Я не хотѣла бы оставить тебя одного на свѣтѣ.

Жена твоя Тереза Панца».

Не успѣли еще слушатели вдоволь нахохотаться надъ этимъ письмомъ, какъ, въ довершеніе общаго удовольствія, явился гонецъ съ извѣстнымъ намъ письмомъ Донъ-Кихоту отъ Санчо. Это посланіе тоже было прочитано вслухъ и заставило кое-кого усомниться въ общепризнанной глупости его автора.

Герцогиня позвала пажа, ѣздившаго къ Терезѣ Панца, къ себѣ въ будуаръ и подробно разспросила о его путешествіи и пребываніи въ домѣ Терезы. Онъ все разсказалъ ей и передалъ жолуди и сыръ, присланные женою Санчо. О сырѣ Тереза забыла упомянуть въ своихъ письмахъ, но пажу на словахъ сказала, что лучшихъ жолудей и болѣе нѣжнаго и вкуснаго сыра не найти во всемъ свѣтѣ.

Герцогиня съ удовольствіемъ приняла подарки. Пока она наслаждается ими, мы оставимъ ее и посмотримъ, чѣмъ окончилось губернаторство Санчо Панцы.

ГЛАВА LIII,

въ которой описывается происшествіе на островѣ Баратаріи, заставившее Санчо отказаться отъ губернаторства.

Думать, что въ нашей жизни все остается въ одномъ и томъ же положеніи, значило бы вѣрить въ невозможное. На землѣ все совершаетъ круговое движеніе: за весной слѣдуетъ лѣто, за лѣтомъ —осень, за осенью — зима, а за зимой—опять весна. Время неустанно вращается колесомъ. Только жизнь человѣческая идетъ не круговою линіей, а съ каждымъ шагомъ приближается къ своему концу, съ надеждой остановиться въ загробномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ предѣла ничему. Такъ говоритъ

магометанскій философъ Сидъ Гаметъ, потому что скоротечность и превратность этой жизни и вѣчность жизни будущей постигнуты многими, даже не просвѣтленными свѣтомъ истинной вѣры. О скоротечности нашей жизни историкъ упоминаетъ по поводу скоротечности губернаторства Санчо, которое какъ быстро началось, такъ же быстро и рухнуло, обратившись въ прахъ и дымъ.

На седьмую ночь своего губернаторства Санчо лежалъ въ постели, пресыщенный не лакомыми яствами и виномъ, а своею многотрудною губернаторскою дѣятельностью. Въ ту минуту, когда сонъ, преодолѣвъ наконецъ голодъ, началъ смыкать усталыя вѣки губернатора, послѣдній услышалъ такой страшный шумъ, точно обрушивался весь его островъ. Приподнявшись на постели, Санчо сталъ внимательно прислушиваться, чтобы понять причину шума. Но изъ-за гула голосовъ и звона колоколовъ онъ не могъ ничего сообразить. Въ довершеніе всего, вскорѣ затрещали барабаны па загремѣли трубы. Страшно испуганный, Санчо вскочилъ, надѣлъ туфли, такъ какъ полъ былъ сырой, и, не давъ себѣ времени накинуть на плечи даже халата, подбѣжалъ къ дверямъ своей спальни. Отворивъ дверь, онъ съ ужасомъ увидалъ въ галлереѣ человѣкъ двадцать съ обнаженными мечами и зажженными факелами.

— Къ оружію! Къ оружію, сеноръ губернаторъ! — вскричала толпа, увидѣвъ губернатора.—Враги въ безчисленномъ множествѣ ворвались на островъ, и мы всѣ погибли, если вы не спасете насъ своимъ мужествомъ и искусствомъ.

Санчо обмеръ отъ ужаса и страха. Замѣтивъ это, одинъ изъ толпы подошелъ къ нему, потрясъ его за руку и сказалъ:

— Ваша милость, беритесь же скорѣе за оружіе, если не хотите погубить насъ, себя и весь островъ.

— А что же я стану дѣлать съ оружіемъ? — пролепеталъ трясущійся Санчо. — Развѣ я что-нибудь смыслю въ немъ? Это дѣло надо предоставить моему бывшему господину, сенору Донъ-Кихоту... только онъ одинъ можетъ освободить насъ двумя взмахами руки отъ цѣлой арміи враговъ. А я въ военномъ искусствѣ ровно ничего не понимаю.

— Полноте, сеноръ губернаторъ!—послышался другой голосъ.—Что за малодушіе съ вашей стороны! Берите скорѣе оружіе... вотъ вамъ оно. Спѣшите на мѣсто сраженія и предводительствуйте нами, какъ губернаторъ этого острова.

— Ну, такъ вооружайте меня, и помоги намъ Богъ! — вскричалъ Санчо съ храбростью отчаянія.

Въ одну минуту на тучное тѣло губернатора, остававшагося въ одной рубашкѣ, привязали два щита: одинъ спереди, другой сзади, такъ

что руки толстяка еще могли двигаться, зато самъ онъ не могъ ни нагнуться ни согнуться, а долженъ былъ держать себя въ видѣ человѣка, проглотившаго палку. Подъ предлогомъ того, чтобы щиты держались лучше, злополучнаго губернатора всего скрутили веревками, вслѣдствіе чего желѣзо врѣзалось ему въ толстый животъ. Затѣмъ ему сунули въ руку копье и попросили его вести и одушевлять толпу, которая-де глядитъ на него, какъ на свою путеводную звѣзду и добраго генія, предназначеннаго самимъ Провидѣніемъ спасти островъ Бараторію отъ нашествія злыхъ враговъ.

— Но какъ же я пойду, когда я весь стиснутъ желѣзными досками и обвязанъ веревками, которыя рѣжутъ меня точно ножами?!—крикнулъ Санчо, сдѣлавъ тщетную попытку сдвинуться съ мѣста. — И на кой чортъ вы меня такъ запеленали?.. Ну, коли вамъ есть охота драться, такъ несите меня на рукахъ, потому что итти я не могу... Помѣстите меня лежа или стоя у какого-нибудь прохода, и я постараюсь исполнить свою обязанность... буду защищать его своимъ тѣломъ...

— Не щиты и веревки, а страхъ мѣшаетъ вамъ двигаться, сеноръ губернаторъ! — сказалъ кто-то за нимъ — Понатужьтесь-ка и идите навстрѣчу непріятелю. Пока вы тутъ медлите, онъ успѣетъ овладѣть всѣмъ островомъ.

Возбужденный этими упреками и увѣщаніями, несчастный губернаторъ попытался еще разъ двинуться съ мѣста, но тутъ же упалъ и такъ тяжело, что ему показалось, будто онъ разбился вдребезги. Онъ лежалъ въ щитахъ, какъ черепаха въ своихъ панцыряхъ, или, вѣрнѣе, какъ кусокъ сала, стиснутый между двумя досками. Окружающіе не только не помогли ему подняться, а, напротивъ, еще болѣе ухудшили его положеніе: погасивъ факелы, они съ дикими криками и воплями стали бѣгать по немъ и ударять копьями по его щитамъ, такъ, что если бы онъ весь не съежился и не спряталъ головы между щитами, то едва ли бы остался живъ. Скрюченный, стиснутый и сдавленный, обливаясь потомъ и кровью, онъ молилъ Бога избавить его отъ страшной опасности, въ которую такъ неожиданно попалъ.

Между тѣмъ одинъ изъ насмѣшниковъ взобрался къ нему на спину и оттуда, какъ съ крѣпостной стѣны, распоряжался, точно полководецъ:

— Наши, сюда! — кричалъ онъ громовымъ голосомъ. — Непріятель напираетъ съ правой стороны—двиньтесь туда!.. Обороняйте брешь въ стѣнѣ!.. Заприте ворота!.. Баррикадируйте ступени къ входу въ башню!.. Принесите горшки съ кипящею смолой!.. Чаны съ кипящимъ масломъ сюда!..

— Но какъ же я пойду, когда я весь стиснутъ желѣзными досками!—крикнулъ Санчо.

Команда продолжалась еще долго, между тѣмъ какъ ноги командующаго изо всѣхъ силъ придавливали щитъ, подъ которымъ крючился Санчо.

— Господи!—взывалъ послѣдній изъ глубины своей души. — Сдѣлай хоть такъ, чтобы поскорѣе взяли этотъ проклятый островъ и умертвили или избавили бы меня отъ этихъ страшныхъ мученій!

Небо наконецъ вняло его мольбамъ—вдругъ раздались крики: «Побѣда! Побѣда!.. Непріятель отступаетъ!»

Вслѣдъ за тѣмъ командиръ соскочилъ съ него и, отбѣжавъ на нѣкоторое разстояніе, крикнулъ ему:

— Вставайте, сеноръ губернаторъ, вставайте! Отпразднуйте побѣду и раздѣлите между вашими вѣрными сподвижниками добычу, отнятую у врага, отраженнаго вашею непобѣдимою рукой.

— Поднимите меня, — слабымъ голосомъ произнесъ Санчо.

Когда исполнили его просьбу, онъ продолжалъ, тяжело отдуваясь:

— Уфъ!.. Дайте вздохнуть... Охъ, Господи!.. Весь-то я измятъ... раздавленъ... мѣста живого не осталось!.. Отъ раздѣла добычи отказываюсь: ну ее къ чорту!.. Дѣлайте съ нею что хотите. Объ одномъ я прошу моихъ друзей, если только они остались у меня, — въ чемъ, однако, сильно сомнѣваюсь, — освободить меня отъ этихъ проклятыхъ желѣзныхъ досокъ и дать мнѣ глотокъ вина, чтобы промочить горло, а потомъ оботрите меня, потому что я просто таю отъ пота.

Съ него сняли щиты, дали ему вина, обтерли его и снесли на постель, гдѣ онъ отъ страха, волненій и страданій сейчасъ же лишился чувствъ.

Шутники уже начали было раскаиваться, что не зашли ли они слишкомъ далеко, но Санчо вскорѣ пришелъ въ себя и быстро сталъ успокаиваться отъ испытанныхъ бѣдствій. На его вопросъ, который часъ, ему отвѣтили, что уже занимается заря. Услыхавъ это, онъ молча началъ одѣваться. Совершивъ свой туалетъ, онъ колеблющимися шагами вышелъ изъ дворца, отправился прямо въ конюшню, отыскалъ тамъ своего осла, поцѣловалъ его и сказалъ ему:

— Пойдемъ-ка опять со мной, дорогой мой товарищъ, помогавшій мнѣ переносить труды и горести. Когда я жилъ съ тобою въ мирѣ и согласіи, когда у меня не было другихъ заботъ, кромѣ тѣхъ, чтобы чинить твою сбрую и откармливать твое мягкое тѣло, тогда счастливо протекали и дни мои. Но когда я покинулъ тебя и полѣзъ вверхъ на башню гордости и тщеславія, то съ тѣхъ поръ меня постигли тысячи бѣдствій, горестей и безпокойствъ!

Отеревъ хлынувшія изъ глазъ слезы, Санчо сталъ сѣдлать осла. Всѣ молча смотрѣли, что будетъ. Кое-какъ, съ громаднымъ трудомъ, измученный бѣднякъ взобрался на спину своего вѣрнаго четырехногаго друга, затѣмъ, обернувшись къ присутствовавшимъ, онъ съ достоинствомъ проговорилъ:

— Посторонитесь, сеноры! Позвольте мнѣ возвратиться къ моей прежней беззаботной жизни. Дайте мнѣ воскреснуть отъ смерти. Я не

— Пойдемъ-ка опять со мной, дорогой мой товарищъ, помогавшій мнѣ переносить труды и горести.

рожденъ быть губернаторомъ и не способенъ защищать ни острововъ ни городовъ отъ вражескихъ нападеній. Мое дѣло работать заступомъ, управлять телѣгой, ходить за скотомъ, обрѣзать виноградъ, — словомъ, дѣлать крестьянское дѣло, а не предписывать законы и не защищать области и государства. Мѣсто святого Петра — въ Римѣ, и каждый изъ

насъ, грѣшныхъ, бываетъ на своемъ мѣстѣ только тогда, когда занимается своимъ дѣломъ. Мнѣ больше присталъ къ лицу серпъ, нежели губернаторскій жезлъ, и я съ большимъ удовольствіемъ стану ѣсть похлебку съ лукомъ и чеснокомъ, чѣмъ выносить присутствіе озарного лѣкаря, который насмѣхъ наставитъ мнѣ губернаторскихъ лакомствъ, а потомъ, подъ видомъ заботы о моемъ здоровьѣ, велитъ убрать ихъ и начинаетъ морить меня голодомъ. На свободѣ я лучше засну лѣтомъ подъ тѣнью дубоваго дерева; а зимою — подъ толстымъ плащомъ, чѣмъ въ неволѣ на тонкихъ голландскихъ простыняхъ, подъ шелковыми одѣялами. Прощайте, сеноры! Прошу васъ передать вашему господину, герцогу, что голякомъ я родился, голякомъ и умру. Я ничего не выигралъ и не проигралъ. Безъ мараведиса вступилъ на губернаторство, съ пустымъ карманомъ и покидаю его, не въ примѣръ другимъ губернаторамъ... Такъ посторонитесь же, пожалуйста, и пропустите меня. Мнѣ нужно еще натереть себя чѣмъ-нибудь, потому что я весь измятъ врагами, прогуливавшимися по мнѣ какъ по каменной стѣнѣ.

— Сеноръ губернаторъ, — сказалъ докторъ Педро Реціо, — я дамъ вамъ такое средство противъ ушибовъ и синяковъ, что оно въ одно мгновеніе сниметъ съ васъ все какъ рукой. Оставайтесь у насъ, и я обѣщаю, что отнынѣ позволю вамъ кушать все, что только будетъ угодно.

— Спасибо. Поздно хватились, — отвѣтилъ Санчо. — Я скорѣе сдѣлаюсь туркомъ или улечу на крыльяхъ на небо, чѣмъ останусь хоть на минуту здѣсь. Довольно! Есть дѣла, за которыя не слѣдуетъ приниматься больше одного раза. Я навсегда распростился съ этимъ проклятымъ губернаторствомъ и со всѣми другими подобными должностями; меня теперь ничѣмъ на нихъ опять не заманишь. Я изъ рода Панцовъ, которые всѣ упрямы какъ дьяволы. Разъ мы сказали «нѣтъ» — значитъ, будетъ «нѣтъ», наперекоръ всему свѣту. Я оставляю тутъ муравьиныя крылья, которыя подняли было меня на воздухъ, откуда я и треснулся со всего размаха. Спустимся лучше на землю потихоньку и твердо пойдемъ на своихъ двухъ ногахъ; если не найдется для насъ сафьяновыхъ сапожекъ, то отыщутся веревочныя сандаліи. Каждая овца для своего самца. По одежкѣ протягивай ножки. Вотъ и весь мой сказъ! А теперь прощайте!.. Я не желаю пробыть здѣсь ни одной лишней минуты.

— Сеноръ губернаторъ,—сказалъ дворецкій,—мы отпустили бы вашу милость, какъ намъ ни тяжело разстаться съ такимъ мудрымъ и храбрымъ губернаторомъ, но какъ же вы уѣдете, не отдавъ отчета въ вашемъ управленіи? Потрудитесь дать въ немъ отчетъ, а тогда и отправляйтесь съ Богомъ.

— Никто не можетъ требовать у меня этого отчета, кромѣ герцога,— возразилъ Санчо.—Я отправляюсь прямо къ нему, ему и отдамъ полный отчетъ въ своемъ десятидневномъ управленіи этимъ островомъ. Къ тому же я покидаю губернаторство, какъ вы видите, съ пустыми руками: какого же вамъ лучшаго отчета и доказательства, что я управлялъ вполнѣ безкорыстно?

— Клянусь Богомъ, великій Санчо правъ!—вскричалъ докторъ.— Нужно отпустить его безъ задержки.

Мнѣніе доктора было одобрено всѣми. Санчо отпустили безпрепятственно, предложивъ ему взять съ собой на дорогу все, что ему можетъ понадобиться. Онъ попросилъ только дать ему немного овса для осла и кусокъ хлѣба съ сыромъ для него самого, говоря, что ему никакихъ другихъ запасовъ не нужно, потому что ѣхать не Богъ вѣсть какъ далеко. На прощаніе онъ обнялъ всѣхъ присутствующихъ, удивлявшихся его твердому характеру, безкорыстію и смиренію.

ГЛАВА LIV,

въ которой разсказывается о встрѣчѣ Санчо съ его старымъ знакомцемъ.

Герцогская чета серьезно отнеслась къ вызову Донъ-Кихотомъ ихъ вассала, соблазнившаго дочь донны Родригецъ. Но молодой вѣтреникъ находился во Фландріи; онъ убѣжалъ туда отъ опасности получить въ тещи старую и сварливую дуэнью. Поэтому герцогъ придумалъ замѣнить его однимъ изъ своихъ лакеевъ, гасконцемъ Тозилосомъ, котораго и подучилъ, какъ держать себя на предстоящемъ ему поединкѣ съ Донъ-Кихотомъ. Послѣ этого герцогъ объявилъ рыцарю, что соблазнитель дочери донны Родригецъ своевременно явится въ полномъ вооруженіи, и съ мечомъ въ рукахъ докажетъ, что дочь донны Родригецъ сильно привираетъ, увѣряя, будто молодой человѣкъ обѣщалъ жениться на ней. Донъ-Кихотъ съ удовольствіемъ выслушалъ герцога и поклялся самъ себѣ со славой выдержать единоборство. Онъ хотѣлъ доказать хозяевамъ замка, какъ сильна его рука и до чего доходитъ его храбрость. Четыре дня, которые оставались до состязанія, казались ему, въ его нетерпѣніи отличиться, цѣлыми четырьмя вѣками.

Пока идутъ эти дни, мы опять покинемъ Донъ-Кихота и вернемся къ Санчо, который въ полугрустномъ, полудовольномъ настроеніи спѣшилъ обратно къ своему господину, предпочитая его общество всѣмъ губернаторствамъ на свѣтѣ.

Отъѣхавъ недалеко отъ своего острова, каковымъ онъ продолжалъ считать мѣстечко, въ которомъ игралъ роль губернатора, Санчо увидѣлъ идущихъ ему навстрѣчу шестерыхъ нищихъ странниковъ, — изъ тѣхъ, которые противнымъ гнусливымъ пѣніемъ выпрашиваютъ подаяніе. Поравнявшись съ Санчо, они выстроились въ два ряда и принялись пѣть на своемъ странномъ жаргонѣ. Не понимая этого жаргона, Санчо разобралъ только слово «милостыня». Онъ понялъ, чего они отъ него хотятъ. Обладая, по увѣренію Сида Гамета, сострадательнымъ сердцемъ, онъ досталъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, которымъ запасся на «островѣ» на дорогу, и подалъ его нищимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ знаками показывая, что у него ничего болѣе нѣтъ. Нищіе взяли подаяніе, но не удовольствовались имъ, и кричали: «Гельтъ! Гельтъ!» (Искаженное нѣмецкое слово geld — деньги).

— Я не понимаю, что вамъ нужно, добрые люди,—сказалъ Санчо.— Чего вы хотите отъ меня?

Въ отвѣтъ на это одинъ изъ странниковъ вытащилъ изъ-за пазухи кошелекъ и знаками показалъ, что они просятъ денегъ.

Приложивъ большой палецъ къ горлу и разставивъ въ воздухѣ остальные пальцы, Санчо далъ имъ понять, что онъ самъ до зарѣза нуждается въ деньгахъ. Затѣмъ онъ пріударилъ своего Длинноуха и поѣхалъ дальше. Но одинъ изъ нищихъ, оглядѣвъ его съ головы до ногъ, бросился за нимъ и, схвативъ его за полу, громко закричалъ на чистомъ испанскомъ языкѣ:

— Боже, кого я вижу! Неужели это добрый сосѣдъ мой, Санчо Панца?.. Да, такъ и есть, это онъ! Не сплю же я, да и не пьянъ, чтобы ошибиться!

Съ этими словами онъ началъ обнимать и цѣловать смущеннаго Санчо, который, какъ ни вглядывался въ него, какъ ни напрягалъ свою память, но не могъ узнать его.

— Братъ Санчо Панца,—продолжалъ нищій,— неужели ты не узнаешь своего сосѣда, мориска [1]) Рикота, разносчика?

Память Санчо стала проясняться, черты лица незнакомца начали казаться ему все болѣе и болѣе знакомыми, такъ что наконецъ и онъ узналъ своего земляка. Тутъ ужъ онъ самъ обнялъ нищаго и проговорилъ:

— Какой же чортъ могъ бы узнать тебя въ этомъ платьѣ! Кто это такъ нарядилъ тебя, и какъ ты рѣшился возвратиться въ Испанію? Вѣдь если тебя узнаютъ, то по головкѣ не погладятъ.

---

[1]) Мориски — потомки мавровъ, окрещенные по повелѣнію Карла V.

— Если ты не выдашь меня, Санчо,— сказалъ странникъ,— то никому не придетъ въ голову, кто я. Самъ же ты не могъ узнать меня въ этомъ видѣ... Но что же мы стоимъ тутъ, на пыльной дорогѣ? Пойдемъ лучше вонъ въ этотъ лѣсокъ, который манитъ насъ своею прохладой; тамъ мы отдохнемъ и закусимъ. Кстати я разскажу тебѣ, что случилось со мною со дня моего ухода изъ деревни, послѣ приказа короля, грозившаго погибелью послѣднимъ остаткамъ нашей несчастной націи.

Санчо охотно согласился на предложеніе мориска и вмѣстѣ съ нимъ и остальными странниками отправился въ лѣсъ, находившійся вблизи дороги. Очутившись подъ тѣнью деревьевъ, странники — молодые, красивые и сильные люди, за исключеніемъ стараго Рикота, — сложили на землю свои посохи, сняли дорожные плащи, подъ которыми были надѣты вполнѣ приличные камзолы, и усѣлись въ кружокъ. Послѣ этого они развязали свои туго набитыя котомки и разложили на зеленой природной скатерти хлѣбъ, соль, орѣхи, овечій сыръ, кости отъ окороковъ, которыя можно было если и не грызть, то, по крайней мѣрѣ, сосать, икру, возбуждающую жажду, и оливы, хотя и сухія, но тѣмъ не менѣе очень вкусныя. Кромѣ того, въ видѣ самой пріятной приправы къ пиру, каждый странникъ досталъ по мѣху вина. Самый большой мѣхъ оказался у Рикота. Потомъ маленькое общество принялось медленно, но съ большимъ аппетитомъ закусывать, исправно работая ножами и зубами. Проглотивъ нѣсколько кусковъ, пирующіе приподняли мѣха съ виномъ ко рту, устремили глаза къ небу и, качая головами, съ наслажденіемъ втягивали въ себя живительную влагу. Санчо пользовался мѣхомъ Рикота. Мѣха подносились ко ртамъ до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлались плоскими, какъ лепешки, что не мало огорчило пирующихъ. Впрочемъ, они скоро утѣшились различными философическими разсужденіями. Санчо подъ конецъ такъ развеселился, что принялся хохотать какъ сумасшедшій, совершенно забывъ всѣ свои невзгоды, которымъ подвергался на губернаторствѣ; вскорѣ онъ даже запѣлъ отъ избытка чувствъ. Черезъ нѣсколько времени молодые странники крѣпко заснули, потому что больше пили, чѣмъ ѣли. Санчо же и Рикотъ, больше ѣвшіе, нежели пившіе, такъ какъ каждому изъ нихъ досталось только по полмѣху, не хотѣли спать. Отойдя въ сторону отъ храпѣвшей компаніи, они усѣлись подъ прекраснымъ букомъ, и Рикотъ разсказалъ другу свою исторію.

— Ты очень хорошо знаешь, другъ мой Санчо,—началъ морискъ,— въ какой ужасъ привелъ насъ, мавровъ, эдиктъ его величества короля Испаніи, изданный противъ нашей бѣдной націи. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня страшнымъ приказомъ короля,

я принялся пріискивать себѣ другой пріютъ, вмѣсто того, изъ котораго меня изгоняли безъ всякой другой вины съ моей стороны, кромѣ той, что я родился мавромъ. Не дожидаясь окончанія срока, назначеннаго для нашего выселенія изъ Испаніи, я одинъ отправился отыскивать такое мѣсто, куда бы я могъ спокойно отвезти мое семейство, безъ той поспѣшности, съ какою пришлось выселяться моимъ соотечественникамъ. Я — какъ, впрочемъ, и нѣкоторые опытные старики — догадался, что эдиктъ короля о нашемъ изгнаніи не былъ простою угрозой, какъ думали другіе, а настоящимъ закономъ, который въ свое время будетъ приведенъ въ исполненіе. Въ особенности я убѣдился въ этомъ, когда узналъ о безумныхъ и преступныхъ замыслахъ нѣкоторыхъ мавровъ, такъ что энергичное рѣшеніе короля показалось мнѣ вполнѣ естественнымъ. Мы не всѣ были преступны, такъ какъ между нами находились и люди, искренно преданные Христу, но такихъ было, къ несчастію, слишкомъ мало, чтобы противодѣйствовать противной сторонѣ. Призрѣвать же столькихъ враговъ въ государствѣ, значило бы вскармливать на груди змѣю. И насъ по справедливости постигла кара изгнанія изъ прекрасной Испаніи. Въ глазахъ нѣкоторыхъ эта кара казалась слишкомъ слабою, но на самомъ дѣлѣ болѣе тяжелаго наказанія для насъ трудно было и придумать. Гдѣ бы ни были, никогда мы не перестанемъ оплакивать Испанію, въ которой родились и росли. Притомъ же, въ варварійскихъ странахъ во всей Африкѣ, гдѣ мы надѣялись найти сочувствующихъ намъ братьевъ, съ нами обращаются хуже, чѣмъ въ Испаніи. Увы! мы узнали, что такое счастіе, только тогда, когда лишились его! Намъ такъ мила Испанія, что тѣ, которые хорошо умѣютъ говорить по-испански, тайкомъ пробираются сюда назадъ, покидая на произволъ судьбы жену и дѣтей. Мы особенно любимъ нашу чудную родину съ тѣхъ поръ, какъ вынуждены были оставить ее... Итакъ, когда надъ нами загремѣлъ громъ, я изъ твоей родной деревни отправился во Францію, и хотя меня тамъ приняли очень радушно, я пожелалъ посмотрѣть еще другія страны, прежде, чѣмъ рѣшить, гдѣ мнѣ поселиться. Изъ Франціи я перешелъ въ Италію, а оттуда — въ Германію; въ послѣдней мнѣ показалось всего лучше жить. Тамъ каждый живетъ какъ хочетъ, никому дѣла нѣтъ до другого, и въ большей части германскихъ земель существуетъ полная свобода совѣсти. Я поселился въ одной деревнѣ близъ Аугсбурга, а потомъ, когда очень соскучился по Испаніи, присоединился къ этимъ странникамъ, которые ежегодно совершаютъ паломничество къ испанскимъ святынямъ. Это паломничество и служитъ для нихъ источникомъ существованія. Они проходятъ всю Испанію вдоль и поперекъ, и нѣтъ ни одной деревни, даже самой бѣдной, гдѣ бы ихъ

не накормили, не напоили и не давали имъ денегъ. По возвращеніи домой у каждаго изъ нихъ найдется не менѣе сотни золотыхъ въ карманѣ. Впрочемъ, въ виду пограничной стражи, обыскивающей всѣхъ путешественниковъ на границѣ, они прячутъ свои деньги въ посохи, а то и еще хитрѣе... Теперь, другъ Санчо, я отправляюсь за своими деньгами, которыя были зарыты мною въ землѣ, за околицей твоей деревни. Потомъ хочу вызвать жену и дочь или самъ проѣхать къ нимъ изъ Валенсіи въ Алжиръ, гдѣ онѣ находятся, и перевезти ихъ въ Германію. Надѣюсь, что Господь не оставитъ насъ, потому что жена моя Франциска и дочь Рикотта, такія же добрыя католички, какъ я самъ добрый сынъ католической Церкви. Я ежечасно молю Бога: да просвѣтитъ Онъ меня свѣтомъ мудрости, чтобы я постигъ, какъ лучше служить Ему. Удивляетъ меня только, почему жена и дочь не послушались меня и не отправились прямо во Францію, гдѣ онѣ могли бы жить по-христіански, а махнули въ Варварію.

— Другъ Рикотъ, — сказалъ Санчо, — имъ, навѣрное, нельзя было выбирать мѣста поселенія по своему желанію, потому что ихъ вѣдь увезъ Хуанъ Тіопейо, братъ твоей жены, заклятый мавръ, какъ ты самъ знаешь. Онъ, конечно, не нашелъ лучшей страны, чѣмъ Варварія. Но не напрасно ли ты отправляешься за своимъ кладомъ? Я слышалъ, что твоя жена съ братомъ увезли много золота и другихъ драгоцѣнностей, которыя потомъ были украдены у нихъ дорогой.

— Можетъ-быть, — проговорилъ Рикотъ. — Но я хорошо знаю, что ничья рука не могла тронуть моего клада, потому что я никому, даже женѣ, не говорилъ, гдѣ зарылъ его. Если ты желаешь проводить меня въ деревню и помочь мнѣ открыть кладъ, то я дамъ тебѣ двѣсти золотыхъ. Я знаю, что ты въ нуждѣ, и эти деньги тебѣ пригодятся.

— Съ большимъ удовольствіемъ помогъ бы тебѣ,—отвѣтилъ Санчо.— Но я человѣкъ не жадный до денегъ, а то не выпустилъ бы сегодня поутру изъ рукъ такого мѣста, на которомъ могъ бы добыть столько золота, что хоть всѣ стѣны обкладывай имъ, а черезъ какихъ-нибудь полгода я самъ ѣлъ бы не хуже самого короля, съ серебряной посуды. Вотъ поэтому, а еще и потому, что помогать врагамъ короля—значитъ, измѣнить ему, я не отправляюсь съ тобою, хотя бы ты обѣщалъ мнѣ не только двѣсти золотыхъ, но даже четыреста.

— Какое же ты мѣсто оставилъ? — полюбопытствовалъ Рикотъ.

— Мѣсто губернатора такого острова, какого не найти во всей нашей странѣ, — съ важностью объяснилъ Санчо.

— Вотъ какъ! А гдѣ же этотъ островъ?

— Гдѣ? Да не дальше, какъ въ двухъ миляхъ отсюда.

— Что ты городишь, дружище! Развѣ есть на сушѣ острова? Они бываютъ только на моряхъ или на большихъ озерахъ.

— Другъ Рикотъ, ты самъ несешь Богъ вѣсть какую чепуху! Что ты мнѣ говоришь, когда я только сегодня утромъ уѣхалъ съ этого острова, и былъ на немъ губернаторомъ вплоть до третьихъ пѣтуховъ! Я бросилъ губернаторскую должность потому, что она ужъ больно опасна...

— А что ты выигралъ, бывши губернаторомъ?

— Выигралъ знаніе, что я могу быть губернаторомъ развѣ только стада овецъ или коровъ и что богатства пріобрѣтаются на губернаторскихъ мѣстахъ не иначе, какъ цѣною лишенія спокойствія, сна и даже пищи. Губернаторамъ не полагается наѣдаться досыта, и къ нимъ приставлены доктора, которые должны слѣдить за этимъ.

— Я не понимаю тебя, Санчо. Чувствую только, что ты мелешь что-то такое очень несуразное. Какой чортъ могъ сдѣлать тебя губернаторомъ острова? Неужели, кромѣ тебя, на свѣтѣ не нашлось губернатора?.. Ну, будетъ толковать о глупостяхъ. Скажи мнѣ серьезно: хочешь ты отправиться со мною и помочь мнѣ добыть кладъ, или въ самомъ дѣлѣ отказываешься отъ такого счастія? Подумай: вѣдь я готовъ дать тебѣ за твою услугу столько, что тебѣ хватитъ на всю жизнь.

— Я ужъ сказалъ тебѣ, Рикотъ, что не хочу, — съ сердцемъ отвѣтилъ Санчо. — Будь доволенъ тѣмъ, что я не намѣренъ донести на тебя, какъ бы слѣдовало. Отправляйся съ Богомъ своею дорогой, а я отправлюсь своею. Вспомни пословицу: «Что хорошо нажито, то не теряется, а что нажито дурно,—теряется вмѣстѣ съ тѣмъ, кто наживалъ».

— Ну, Богъ съ тобой! — проговорилъ Рикотъ. — Но скажи мнѣ, пожалуйста, присутствовалъ ты при отъѣздѣ моей жены и дочери?

— Былъ,— сказалъ Санчо.— Вся деревня вышла взглянуть на твою дочь, когда она уѣзжала, и всѣ въ одинъ голосъ говорили, что она первая красавица на свѣтѣ. Она со слезами прощалась со всею деревней и просила насъ молиться за нее Богу и Пресвятой Дѣвѣ. Она такъ жалостно просила, что у меня у самого выступили слезы, хотя отъ природы я вовсе не плаксивъ. Клянусь Богомъ, многимъ хотѣлось бы укрыть ее у себя или похитить на дорогѣ и держать гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, но побоялись королевскаго эдикта. Всѣхъ болѣе въ нее былъ влюбленъ Педро Григоріо. Ты его знаешь: отецъ у него очень богатый человѣкъ, и самъ онъ парень хорошій. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала твоя дочь, онъ скрылся неизвѣстно куда. Думаютъ — не отправился ли онъ по ея слѣдамъ съ намѣреніемъ похитить ее, несмотря ни на что. Во всякомъ случаѣ до сего времени о немъ ни слуху ни духу.

— Я всегда думалъ, что онъ любитъ мою Рикотту, но едва ли она отвѣчаетъ ему. Она у меня такая богомольная, что на мужчинъ не обращаетъ и вниманія, какъ бы они хороши и богаты ни были.

— Да, Педро Григоріо и не пара ей, — замѣтилъ Санчо. — Однако намъ пора проститься съ собою. Я тороплюсь попасть сегодня вечеромъ къ своему господину Донъ-Кихоту.

— Прощай, братъ Санчо! — грустно произнесъ Рикотъ. — Вотъ и товарищи мои глаза протираютъ, — значитъ, и мнѣ пора въ дорогу.

Старые знакомцы обнялись, поцѣловались и, напожелавъ другъ другу всего хорошаго, направились въ разныя стороны, — Санчо верхомъ на своемъ ослѣ, а Рикотъ пѣшкомъ, опираясь на свой страннический посохъ.

ГЛАВА LV,

о томъ, что случилось съ Санчо дорогою, и о другихъ не менѣе интересныхъ событіяхъ.

Какъ ни спѣшилъ Санчо, но попасть въ герцогскій замокъ въ тотъ день ему не удалось. Ночь застигла его въ полѣ. Положимъ, онъ не горевалъ по этому случаю, такъ какъ стояла весна, и ночевать подъ открытымъ небомъ была не велика бѣда. Увидѣвъ въ сторонѣ какія-то развалины, онъ проѣхалъ къ нимъ, думая найти тамъ удобное мѣстечко для ночлега. Но злому року его было угодно, чтобы онъ со своимъ осломъ провалился въ глубокое и мрачное подземелье развалившагося замка. Чувствуя, что онъ летитъ въ бездну, казавшуюся ему бездонною, Санчо поручилъ свою душу Богу. Къ счастью, до дна было не болѣе двадцати футовъ, и Санчо добрался внизъ довольно благополучно, хотя ему и вообразилось, что у него не осталось ни одной цѣлой косточки. Убѣдившись же, что остался цѣлъ и невредимъ, онъ поблагодарилъ Бога за вторичное спасеніе его отъ опасности, послѣ чего онъ началъ обшаривать стѣны подземелья, въ надеждѣ отыскать ступени или что-нибудь такое, посредствомъ чего онъ могъ бы выбраться изъ нѣдръ земли на свѣтъ Божій. Но стѣны оказались отвѣсными и совершенно гладкими, безъ малѣйшаго выступа и даже крючечка, за который бы можно было уцѣпиться, чтобы вылѣзть наверхъ. Это открытіе привело его въ отчаяніе, усилившееся еще отъ жалобнаго рева Длинноуха, получившаго порядочные ушибы при паденіи.

— Вотъ еще напасть-то! — вскричалъ Санчо, вырывая у себя клокъ бороды. — И подумаешь — сколько разныхъ неожиданныхъ бѣдствій можетъ обрушиться на обитателей этого несчастнаго міра! Кто бы могъ

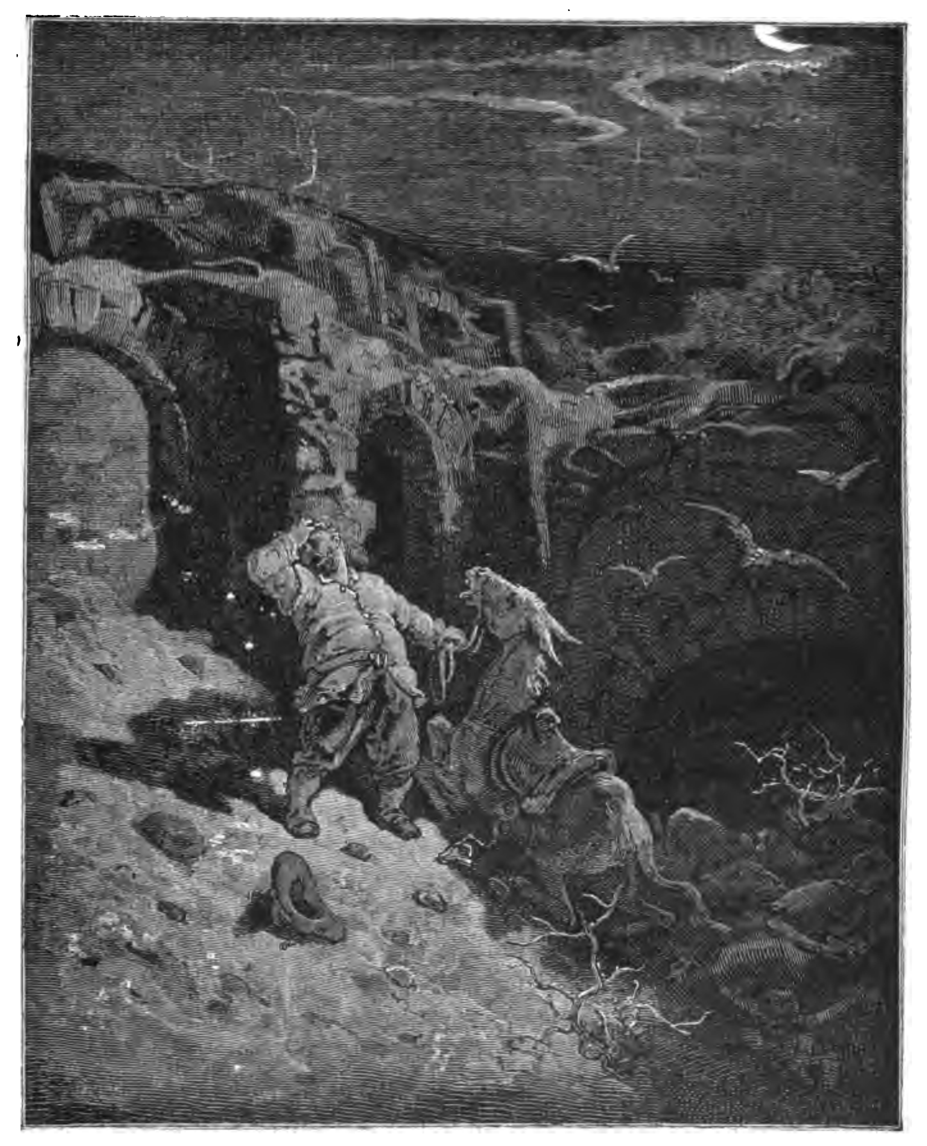
подумать, что человѣкъ, только вчера бывшій губернаторомъ и издававшій законы, сегодня будетъ заживо похороненъ въ подземельѣ, гдѣ у него нѣтъ ни слугъ ни подданныхъ, которые поспѣшили бы ему на помощь! Теперь намъ съ Длинноухомъ остается только одно: умереть здѣсь съ голоду, если только, впрочемъ, онъ раньше не издохнетъ отъ ушибовъ, а я—отъ страха. Всякому свое счастье: господинъ мой нашелъ въ пещерѣ Монтезиноса накрытый столъ и мягкую постель, если онъ только не совралъ, а я дохни тутъ съ голода. Онъ тамъ видѣлъ разныхъ красавицъ и вдобавокъ даже свою несравненную Дульцинею—чтобы ее чортъ побралъ!—а я здѣсь, навѣрное, ничего не увижу, кромѣ змѣй и ящерицъ... О, я несчастный! Куда привели меня мои надежды и моя глупость? Отсюда вытащатъ мои кости, если только ихъ найдутъ когда-нибудь, кости моего добраго осла... Его по тому только и узнаютъ, что Санчо Панца, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не разставался со своимъ осломъ, какъ и онъ съ нимъ... О, Господи, Господи! Не суждено, знать, намъ умереть на своей родной сторонѣ, между своими, которые отнеслись бы къ намъ съ состраданіемъ, приняли бы нашъ послѣдній вздохъ и закрыли бы намъ глаза. О, другъ мой, о, дорогой товарищъ, какъ дурно я отплатилъ тебѣ за твою преданность, за твою вѣрную службу!.. Прости меня и моли судьбу,—моли, какъ только сумѣешь лучше, чтобы она освободила насъ изъ этой ужасной подземной тюрьмы!.. Въ случаѣ успѣха я удвою тебѣ порцію корма и увѣнчаю тебя лавровымъ вѣнкомъ, какъ увѣнчиваютъ люди своихъ дураковъ-поэтовъ.

Такъ плакался бѣдный Санчо; оселъ его вторилъ ему жалобнымъ ревомъ и раздиравшими душу стонами.

Наконецъ, послѣ ночи, показавшейся плакавшему и горько вздыхавшему Санчо нѣсколькими вѣками, проглянула заря, и Санчо убѣдился, что безъ посторонней помощи ему ни за что не выбраться изъ подземелья. Онъ принялся еще сильнѣе плакать, кричать въ надеждѣ, что кто-нибудь его услышитъ. Но голосъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ—вокругъ не было ни одной живой души. Считая себя окончательно погибшимъ, Санчо тѣмъ не менѣе поднялъ на ноги своего четвероногаго товарища и далъ ему кусокъ хлѣба, уцѣлѣвшій у него въ котомкѣ. Видя, что Длинноухъ съ большимъ аппетитомъ поѣдаетъ хлѣбъ, онъ сказалъ ему:

— Видишь, дружище, когда ѣсть хлѣбъ, легче дѣлается на душѣ.

Въ эту минуту взглядъ Санчо нечаянно упалъ на брешь въ стѣнѣ, черезъ которую можно было пролѣзть на колѣняхъ. Санчо бросился къ этой бреши, проползъ въ нее и увидѣлъ, что она ведетъ въ какой-то

— О, другъ мой, о, дорогой товарищъ, какъ дурно я отплатилъ тебѣ за твою преданность, за твою вѣрную службу!..

проходъ, который постепенно расширялся и оканчивался новою длинною пещерой. Обломавъ нѣсколько камней и расширивъ такимъ образомъ отверстіе, Санчо съ громаднымъ трудомъ протащилъ осла въ новую пещеру. Тамъ онъ сталъ высматривать мѣсто, черезъ которое можно было бы выбраться на поверхность земли. Но его не находилось.

— Господи, Боже мой! — вскричалъ Санчо.— Для меня это приключеніе — чистое несчастіе, а для моего господина оно было бы наслажденіемъ. Эти проклятыя подземелья и пещеры, навѣрное, показались бы ему галлереями галіеновскаго [1]) дворца... Онъ даже сады тутъ великолѣпные увидалъ бы. А я, несчастный, только и жду, что, того и гляди, подъ моими ногами откроется другое, болѣе глубокое подземелье и поглотитъ насъ съ Длинноухомъ навѣки!

Долго пробирался онъ по мрачной пещерѣ, ведя осла подъ уздцы, какъ вдругъ ему блеснулъ въ глаза яркій лучъ свѣта, пробивавшійся сквозь трещину. Лучъ этотъ снова воскресилъ въ его истомленной душѣ надежду на спасеніе...

Здѣсь Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели оставляетъ Санчо и возвращается къ Донъ-Кихоту, съ нетерпѣніемъ ожидавшему поединка съ соблазнителемъ донны Родригецъ. Чтобы подготовиться къ предстоявшей битвѣ, онъ выѣхалъ верхомъ изъ замка и началъ въ полѣ дѣлать примѣрныя нападенія. При этомъ Россинантъ очутился такъ близко отъ какой-то пещеры, что едва не слетѣлъ въ нее. Придержавъ коня, Донъ-Кихотъ съ любопытствомъ заглянулъ въ зіяющее отверстіе пещеры, и вдругъ услыхалъ оттуда слѣдующія горестныя восклицанія:

— Эй! Не слышитъ ли меня сверху какой-нибудь христіанинъ или какой-нибудь милосердый странствующій или нестранствующій рыцарь? Если слышитъ, то да сжалится онъ надъ несчастнымъ, заживо похороненнымъ грѣшникомъ!

Донъ-Кихоту показалось, что этотъ голосъ, исходившій изъ глубины земли, принадлежитъ его бывшему оруженосцу Санчо. Крайне удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганный этимъ, по его мнѣнію, чудомъ, онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ своихъ легкихъ:

— Кто тамъ? Кто проситъ о помощи?

— Кто же иной, какъ не злополучный Санчо Панца!—раздалось въ отвѣтъ. — Тотъ самый Санчо Панца, который за грѣхи свои былъ сдѣланъ изъ оруженосцевъ славнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго губернаторомъ острова Бараторіи... Спасите его!

Услышавъ это, Донъ-Кихотъ снова изумился и ужаснулся: ему вообразилось, что Санчо умеръ и душа его находится въ чистилищѣ. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своей догадки, онъ крикнулъ:

— Заклинаю и умоляю тебя, какъ христіанинъ-католикъ, скажи мнѣ: кто ты? Если ты страждущая душа, то что я долженъ дѣлать для тебя?

---

[1]) Въ честь одной арабской принцессы Галіены былъ воздвигнутъ ея отцомъ великолѣпный замокъ въ Испаніи.

Обязанный помогать всѣмъ страждущимъ въ этомъ мірѣ, я простираю свою обязанность до того, что помогаю имъ въ мірѣ загробномъ, когда они сами не въ состояніи помочь себѣ.

— Судя по вашимъ словамъ и по голосу, вы, должно-быть, мой господинъ, Донъ-Кихотъ Ламанчскій! — кричалъ изъ подземелья Санчо.

— Да, я, дѣйствительно, Донъ-Кихотъ Ламанчскій, — отвѣтилъ рыцарь. — Я тотъ, который поклялся всю свою жизнь посвятить на помощь живымъ и мертвымъ... Не оставляй же меня въ неизвѣстности и скажи, кто ты. Если ты мой бывшій оруженосецъ Санчо Панца, переставшій уже жить, и если душа твоя не въ аду, а, по милости Божіей, находится въ чистилищѣ, то наша святая католическая Церковь можетъ своими молитвами освободить душу твою отъ мукъ. Я съ своей стороны тоже помогу тебѣ всѣмъ, чѣмъ могу. Отвѣчай же, кто ты?

— Клянусь Создателемъ, — продолжалъ кричать Санчо, — что я вашъ оруженосецъ Санчо Панца и что я еще ни разу не умиралъ въ продолженіе своей жизни. Оставивъ губернаторство по причинамъ, которыхъ нельзя передать въ нѣсколькихъ словахъ, я вчера вечеромъ упалъ въ это подземелье и остаюсь въ немъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ моимъ осломъ, который можетъ быть свидѣтелемъ, что я не лгу.

Оселъ точно понималъ, что говоритъ его господинъ, и жалобно заревѣлъ на всю пещеру.

— Вѣрно, вѣрно! Теперь я узнаю и голосъ твой, мой добрый Санчо, и ревъ Длинноуха! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ. — Подожди немного: я сейчасъ отправлюсь въ замокъ и возвращусь съ нѣсколькими людьми, чтобы вытащить тебя изъ подземелья.

— Ради Бога, отправляйтесь скорѣе, господинъ души моей! — молилъ Санчо. — Мнѣ становится ужъ невмоготу видѣть себя и моего осла заживо похороненными въ нѣдрахъ земли. Я чувствую, что умираю со страха!

Уговоривъ своего оруженосца не бояться ничего и ждать скораго спасенія, Донъ-Кихотъ рысью поскакалъ въ замокъ и разсказалъ тамъ герцогской четѣ, что случилось съ Санчо. Герцогъ и его супруга догадались, въ какое подземелье провалился злополучный толстякъ, и удивились только тому, что онъ оставилъ свое губернаторство, а они ничего объ этомъ не знали.

Отправленные изъ замка люди съ канатами и блоками не безъ труда извлекли на свѣтъ Божій Санчо и его осла. При этомъ присутствовалъ одинъ студентъ-острякъ, который и замѣтилъ во всеуслышаніе:

— Вотъ какъ теперь извлекаютъ изъ нѣдръ земли этого отъѣвшагося грѣшника, такъ слѣдовало бы вытаскивать всѣхъ дурныхъ губернаторовъ изъ ихъ губернаторствъ!

— Ваша милость, — сказалъ ему на это Санчо, — я не болѣе десяти или одиннадцати дней тому назадъ вступилъ въ должность губернатора даннаго мнѣ острова и теперь уже оставилъ ее. Во всѣ эти дни я не былъ ни разу сытъ, потому что меня морили голодомъ доктора. Кромѣ того, враги переломали мнѣ всѣ кости, и я не имѣлъ времени прикоснуться ни къ какимъ доходамъ, такъ что, кажется, я вовсе не заслужилъ, чтобы меня вытаскивали такимъ образомъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Онъ лучше насъ знаетъ, что каждому изъ насъ подъ силу. Пусть никто не плюетъ въ колодецъ, изъ котораго придется потомъ пить. И есть сало, да взять его печѣмъ... Богъ меня слышитъ и знаетъ — этого съ меня довольно, и я умолкаю, хотя и могъ бы сказать еще многое...

— Не сердись, Санчо, — перебилъ Донъ-Кихотъ, — и не трудись отвѣчать на то, что тебѣ сказалъ этотъ молодой человѣкъ, иначе ты никогда не кончишь. Если молчитъ твоя совѣсть, то пусть люди говорятъ, что хотятъ. Захотѣлъ привязать чужой языкъ — все равно, что сомкнуть пространство. Когда губернаторъ оставляетъ свой постъ богатымъ — его называютъ воромъ, а когда онъ покидаетъ его бѣднымъ, то его ругаютъ дуракомъ и болваномъ.

— Ну, такъ, значитъ, меня слѣдуетъ ругать скорѣе болваномъ, нежели воромъ! — проговорилъ Санчо.

Когда Донъ-Кихотъ съ Санчо подъѣхали къ замку, имъ навстрѣчу вышли герцогъ и герцогиня. Но прежде, чѣмъ раскланяться съ ними, Санчо отвелъ своего осла въ конюшню и помѣстилъ его тамъ со всевозможнымъ удобствомъ, говоря, что надо вознаградить бѣдное животное за претерпѣнныя имъ невзгоды. Покончивъ съ этою заботой, онъ подошелъ къ герцогской четѣ, всталъ передъ нею на колѣни и сказалъ:

— Ваши величія, вамъ угодно было отправить меня губернаторомъ на островъ Бараторію, хотя я ничѣмъ не заслужилъ такой милости. Бѣднякомъ я отправился туда, бѣднякомъ и вернулся, ничего не выигравъ, ничего и не проигравъ; а хорошо или дурно я управлялъ островомъ, — про то пусть скажутъ вашимъ милостямъ свидѣтели моего управленія. Постоянно голодный, по волѣ доктора Педро Реціо, уроженца деревни Тертафуэры, приставленнаго лѣчить губернаторовъ острова Бараторіи голодомъ, я разъяснялъ трудные вопросы, разбиралъ самыя запутанныя тяжбы, издавалъ законы и вообще дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Третьяго дня ночью на островъ напали враги, но островитяне говорятъ, что я своимъ мужествомъ и силою своихъ рукъ побѣдоносно отразилъ непріятеля. Дай имъ Богъ такое же счастье въ этомъ мірѣ и блаженство въ будущемъ, потому что они говорятъ правду! Я взвѣсилъ

тяжесть, навьючиваемую на плечи губернаторовъ, и нашелъ, что она мнѣ не по силамъ, что этотъ куль, называемый губернаторствомъ, не для моего овса.. И не дожидаясь, чтобы губернаторство бросило меня, я бросилъ его самъ. Вчера утромъ, на зарѣ, я покинулъ островъ такимъ, какимъ нашелъ его, — съ тѣми же улицами, домами и крышами, какъ прежде. Ни у кого я ничего не занялъ и не извлекъ изъ своего губернаторства никакой пользы. И хотя я сдѣлалъ нѣсколько недурныхъ, по моему разумѣнію, распоряженій, но, въ сущности, не сдѣлалъ ничего, потому что приказаній моихъ, по всей вѣроятности, никто не станетъ исполнять. Я покинулъ островъ безъ всякой другой свиты, кромѣ моего осла. На дорогѣ мы съ нимъ провалились въ глубокое подземелье, расшиблись, провели ночь въ страхѣ и ужасѣ, утромъ блуждали по пещерамъ, ища выхода, лазили сквозь щели, перескакивали черезъ бездонныя пропасти... или, по крайней мѣрѣ, могли бы перескочить черезъ нихъ, если бы онѣ тамъ имѣлись, и кабы Небо не послало намъ на помощь моего добраго господина, то мы на вѣки-вѣчные остались бы тамъ. Вотъ, ваши герцогскія свѣтлости, мой отчетъ вамъ. Прибавляю только, что въ продолженіе десятидневнаго своего губернаторствованія я убѣдился, что созданъ не для губернаторства, и потому не хочу больше быть губернаторомъ не только острова, но даже цѣлаго міра! Убѣдившись въ этомъ, я цѣлую ноги вашимъ милостямъ, и говорю, какъ ребята въ игрѣ: «Скакни оттуда и стань здѣсь!» Я соскакиваю съ губернаторства и становлюсь опять вѣрнымъ слугою моего господина, которому да продлитъ Господь дни его! Съ нимъ мнѣ хотя иногда и приходится ѣсть хлѣбъ въ страхѣ, но все же я бываю сытъ, — а это самое важное.

Во время этой рѣчи Донъ-Кихотъ весь дрожалъ, опасаясь, какъ бы его оруженосецъ не намололъ, по своему обыкновенію, разнаго вздора, и остался очень доволенъ, когда убѣдился, что его опасенія были напрасны.

— Глубоко сожалѣю, — сказалъ герцогъ, дружески обнявъ Санчо, — что ты такъ скоро отказался отъ губернаторства. Я подыщу тебѣ другую, болѣе легкую и выгодную должность.

Герцогиня тоже выразила свое сожалѣніе по поводу отказа Санчо отъ должности губернатора и приказала приготовить для него хорошую закуску и мягкую постель, въ чемъ онъ, дѣйствительно, сильно нуждался.

ГЛАВА LVI,

о поединкѣ Донъ-Кихота съ Тозилосомъ и о томъ, чѣмъ окончился этотъ поединокъ.

Герцогу и герцогинѣ не пришлось раскаиваться въ томъ, что они, ради забавы, дали Санчо островъ въ управленіе. Разсказъ его о пережитомъ имъ въ качествѣ губернатора, подтвержденный слово въ слово возвратившимся вечеромъ того же дня дворецкимъ, доставилъ имъ громадное удовольствіе, какъ и вообще все, что продѣлывалось съ Санчо и Донъ-Кихотомъ, служило для нихъ источникомъ потѣхи.

Но вотъ ихъ ожидало новое развлеченіе: наступилъ день единоборства Донъ-Кихота. Герцогъ подробно научилъ своего лакея Тозилоса, какъ побѣдить Донъ-Кихота, не убивая его и не нанося даже ранъ. Затѣмъ герцогъ приказалъ снять съ копій желѣзные наконечники, сказавъ рыцарю, что онъ, изъ христіанскаго милосердія, не можетъ допустить боя насмерть; довольно того, что онъ даетъ мѣсто для поединка на своей землѣ, несмотря на королевское запрещеніе всякихъ поединковъ; настоящаго же кровопролитія онъ взять на свою душу не можетъ. Донъ-Кихотъ отвѣтилъ на это, что герцогъ въ правѣ распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ.

На площади передъ замкомъ было устроено возвышеніе для судей и жалобщицъ. Въ назначенный день, рано утромъ, на дворъ замка собралось множество народа, явившагося изъ окрестныхъ селъ и деревень, чтобы посмотрѣть на давно невиданное зрѣлище единоборства.

Въ опредѣленный часъ первымъ вышелъ на площадь церемоніймейстеръ, на обязанности котораго лежало осмотрѣть мѣсто поединка, чтобы не было на немъ какого-нибудь скрытаго препятствія или западни. Затѣмъ явились дуэнья донна Родригецъ съ дочерью, закутанныя непроницаемыми для взоровъ черными покрывалами. Съ удрученнымъ видомъ, опустивъ голову, онѣ мѣрными шагами подошли къ своимъ мѣстамъ и скромно усѣлись. Едва успѣлъ показаться на аренѣ Донъ-Кихотъ на своемъ Россинантѣ, какъ прискакалъ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ, подъ которымъ дрожали земля, и его противникъ, Тозилосъ, съ опущеннымъ забраломъ и весь закованный въ блестящіе доспѣхи. За нимъ слѣдовало множество всадниковъ, барабанщиковъ и трубачей.

Подъ звуки музыки Тозилосъ объѣхалъ арену. Поравнявшись съ трибуной, онъ остановился и пристально взглянулъ на дѣвушку, требовавшую, чтобы онъ женился на ней.

Церемоніймейстеръ пригласилъ Донъ-Кихота подъѣхать къ тому же мѣсту и затѣмъ спросилъ дуэнью и ея дочь, согласны ли онѣ поручить защиту своего дѣла этому рыцарю. Онѣ отвѣтили утвердительно и впередъ изъявили полное согласіе на все, что Донъ-Кихотъ найдетъ нужнымъ сдѣлать для защиты ихъ чести. Вскорѣ на галлерею, выходившую на арену, пришла герцогская чета. Народъ толпился за оградой.

Было рѣшено, что если побѣдитъ Донъ-Кихотъ, то противникъ его долженъ жениться на дочери донны Родригецъ, а если же, наоборотъ, будетъ побѣжденъ Донъ-Кихотъ, то его противникъ освобождается отъ даннаго имъ слова и отъ всякихъ обязательствъ относительно обольщенной имъ дѣвушки.

Церемоніймейстеръ отдѣлилъ для поединка извѣстное пространство и указалъ противникамъ ихъ мѣста, послѣ чего загрохотали барабаны, заиграли трубы, задрожала земля подъ копытами лошадей, а сердца зрителей, не посвященныхъ въ тайну, забились отъ страха.

Поручивъ себя Богу и своей дамѣ Дульцинеѣ, Донъ-Кихотъ нетерпѣливо ожидалъ сигнала къ нападенію. Но противникъ его вовсе и не думалъ о нападеніи. Разсматривая дочь жалобщицы, съ лица которой сдвинулось покрывало, онъ нашелъ ее очень красивою. Шалунишка съ завязанными глазами, называемый амуромъ, не упустилъ случая овладѣть новою жертвой и занести ее въ свой безконечный списокъ побѣдъ. Приблизившись украдкою къ несчастному лакею, онъ пустилъ въ его сердце острую стрѣлу любви, если и причиняющую боль, то лишь сладкую. Когда прозвучалъ сигналъ къ атакѣ, пораженный амуромъ лакей не тронулся съ мѣста, потому что не слышалъ и не видѣлъ ничего, кромѣ плѣнившей его красавицы. Донъ-Кихотъ же при первомъ звукѣ сигнала устремился на своего противника со всею скоростью, на которую только былъ способенъ Россинантъ.

— Да укрѣпитъ Господь руку твою, цвѣтъ странствующаго рыцарства! — съ паѳосомъ воскликнулъ Санчо. — Да даруетъ Онъ тебѣ побѣду, ибо правда на твоей сторонѣ!

Но Тозилосъ попрежнему оставался недвижимымъ. Подозвавъ къ себѣ церемонійместера, онъ спросилъ его:

— Сеноръ, изъ-за чего меня вынудили на единоборство съ этимъ рыцаремъ? Не изъ-за того ли, чтобы я женился на этой дѣвушкѣ?

— Именно изъ-за этого, — отвѣтилъ церемонійместеръ.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ лакей, — заявляю вамъ, что меня страшатъ угрызенія совѣсти, и я отказываюсь отъ битвы, чтобы не обременить души своей тяжкимъ грѣхомъ. Признаю себя побѣжденнымъ и соглашаюсь жениться на этой дѣвушкѣ.

Церемонiймейстеръ не вѣрилъ своимъ ушамъ, слушая слова Тозилоса. Посвященный въ тайну этого поединка, онъ не зналъ, что ему отвѣтить и отправился за приказанiями къ герцогу.

Между тѣмъ Донъ-Кихотъ ждалъ, удивляясь, почему его противникъ не трогается съ мѣста. Герцогъ тоже недоумѣвалъ о причинѣ остановки поединка, и когда церемонiймейстеръ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, онъ страшно разгнѣвался на Тозилоса, испортившаго весь его планъ.

Что же касается Тозилоса, то, приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла донна Родригецъ, онъ громко сказалъ ей:

— Донна Родригецъ, я готовъ жениться на вашей дочери, и не желаю брать силою оружiя то, что могу получить мирнымъ путемъ.

Услышавъ это, безстрашный Донъ-Кихотъ проговорилъ:

— Если такъ, то я считаю себя освобожденнымъ отъ принятой на себя обязанности. Пусть молодые люди вѣнчаются па долгую и счастливую жизнь.

Герцогъ вышелъ на арену, приблизился къ своему лакею и спросилъ его:

— Правда ли, что ты признаешь себя побѣжденнымъ и, терзаемый угрызенiями совѣсти, готовъ жениться на этой дѣвушкѣ?

— Да, ваша свѣтлость, все это правда, — отвѣчалъ Тозилосъ.

— И отлично! — воскликнулъ Санчо. — Дай коту то, что долженъ былъ дать крысѣ, — и дѣлу конецъ.

Тозилосъ началъ дергать за застежки своего шлема, но никакъ не могъ растегнуть ихъ, и попросилъ кого-нибудь снять съ него скорѣе тяжелый головной уборъ, говоря, что онъ задыхается въ немъ. Его просьбу исполнили. Когда его лицо открылось и всѣ узнали въ немъ Тозилоса, дуэнья и ея дочь пронзительно вскрикнули.

— Это обманъ, низкiй обманъ! — закричали онѣ: — Вмѣсто настоящаго виновника, герцогъ подставилъ своего лакея!.. Именемъ Бога и короля мы требуемъ справедливаго разбора этого плутовскаго дѣла!

— Успокойтесь, — сказалъ имъ Донъ-Кихотъ. — Тутъ нѣтъ никакого плутовства относительно васъ; это просто интрига, направленная противъ меня преслѣдующими меня волшебниками. Завидуя славѣ, которую я долженъ былъ стяжать въ этой битвѣ, они преобразили вашего знакомаго въ человѣка, котораго вы называете лакеемъ герцога. Послушайтесь меня, молодая дѣвица: не обращайте вниманiя на продѣлки волшебниковъ и выходите замужъ за этого человѣка. Я увѣренъ, что это тотъ самый, кто вамъ нуженъ.

Рѣчь Донъ-Кихота едва не заставила расхохотаться герцога, несмотря на всю его досаду.

— Все, къ чему примѣшанъ сеноръ Донъ-Кихотъ, — сказалъ онъ, — такъ извращается, что я и самъ теперь начинаю сомнѣваться въ томъ, что его противникъ — мой лакей. Чтобы узнать правду, я прибѣгну къ хитрости: отложивъ свадьбу на двѣ недѣли, я засажу Тозилоса на все это время подъ арестъ. Быть-можетъ ненависть, которую питаютъ волшебники къ сенору Донъ-Кихоту, погаснетъ въ теченіе этихъ двухъ недѣль, особенно, если они увидятъ, что ничего не выигрываютъ отъ своихъ продѣлокъ и перемѣны лицъ. Думаю, что къ назначенному сроку мой мнимый лакей приметъ свой настоящій видъ.

— Дѣйствительно, ваша свѣтлость, — вмѣшался Санчо, — эти злодѣи-волшебники измѣняютъ все, что касается моего добраго господина. Недавно онъ побѣдилъ знаменитаго рыцаря Зеркалъ, а потомъ вдругъ оказалось, что это вовсе не рыцарь Зеркалъ, а нашъ землякъ баккалавръ Самсонъ Караско... Госпожу Дульцинею Тобозскую они тоже превратили въ простую грубую крестьянку. А что касается до этого лакея, то я полагаю, что онъ имъ такъ и останется до послѣдняго своего издыханія.

— Кто бы ни былъ тотъ, кто хочетъ жениться на мнѣ, — сказала одумавшаяся дочь донны Родригецъ, — я ему чрезвычайно признательна за его предложеніе. Лучше быть законною женой лакея, чѣмъ обманутою жертвой дворянина, хотя мой обольститель тоже не дворянинъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что герцогъ распорядился запереть Тозилоса до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ вида соблазнителя дочери дуэньи. Кое-кто изъ толпы зрителей воскликнули: «Честь и слава побѣдоносному Донъ-Кихоту!», но большинство было недовольно, что не пришлось полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ поединка.

Но, какъ бы тамъ ни было, толпа успокоилась и разошлась, герцогская чета отправилась на прогулку, Тозилоса заперли, а донна Родригецъ и ея дочь возвратились въ свое новое помѣщеніе, при чемъ послѣдняя радовалась, что результатомъ ихъ жалобы все-таки будетъ свадьба, хотя и не съ тѣмъ человѣкомъ, на котораго она разсчитывала. Влюбленный Тозилось тоже былъ на седьмомъ небѣ, и въ ожиданіи этой свадьбы нисколько не тяготился своимъ арестомъ.

ГЛАВА LVII,

въ которой описывается, какъ Донъ-Кихотъ простился съ герцогомъ и что устроила безразсудная Альтизидора.

Донъ-Кихотъ положительно не въ состояніи былъ долѣе выносить праздной жизни въ замкѣ герцога. Ему казалось, что онъ совершаетъ преступленіе, позволяя себѣ утопать въ нѣгѣ и роскоши, и что когда-нибудь ему придется отдать отчетъ Богу за дни, безполезно проводимые въ постоянныхъ пирахъ и удовольствіяхъ. Поэтому не удивительно, что онъ наконецъ попросилъ у хозяевъ позволеніе проститься съ ними. Тѣ согласились на это съ большимъ сожалѣніемъ. Кстати герцогиня вспомнила о письмѣ Терезы Панца къ Санчо и передала его ему. Когда Донъ-Кихотъ прочиталъ своему оруженосцу это письмо, тотъ прослезился и сказалъ:

— Кто могъ бы подумать, что такъ скоро дымомъ разсѣются всѣ эти прекрасныя надежды, зародившіяся въ умѣ моей жены, когда она узнала о моемъ губернаторствѣ! Кто могъ бы допустить, что мнѣ снова придется тащиться по слѣдамъ моего господина и драться съ разною нечистью!.. А Тереза все-таки у меня умница. Я очень доволенъ тѣмъ, что она прислала герцогинѣ жолудей: этимъ она доказала, что умѣетъ цѣнить благодѣянія. Ея подарка нельзя считать взяткою: онъ былъ сдѣланъ уже послѣ моего назначенія въ губернаторы. Надѣюсь, герцогиня такъ и поняла, что Тереза не подкупать ее хотѣла своими жолудями, а просто поблагодарить за милость... Ну, а что касается до ея надеждъ, то онѣ рушились по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія; съ этимъ нужно мириться.

Простившись вечеромъ съ владѣльцами замка, Донъ-Кихотъ на утренней зарѣ въ полномъ вооруженіи сѣлъ на своего коня. Несмотря на ранній часъ, на галлереяхъ замка появились всѣ его обитатели.

Санчо взобрался на своего осла съ чемоданомъ своего господина и своею котомкой, наполненной разнообразною провизіей. Онъ былъ вполнѣ счастливъ, такъ какъ дворецкій отъ имени герцогини потихоньку вручилъ ему кошелекъ съ двумястами золотыхъ,— «на всякій случай»,— какъ сказалъ онъ.

Въ то время, когда взоры всѣхъ были устремлены на уѣзжавшаго рыцаря, неожиданно раздался жалобный голосъ прекрасной Альтизидоры, громко кричавшей Донъ-Кихоту:

Донъ-Кихотъ наконецъ попросилъ у герцога и герцогини позволенія уѣхать отъ нихъ.

— Услышь меня, злобный рыцарь! Придержи за узду тощаго коня своего, которымь ты такъ плохо правишь, и не мни ему боковъ. Вѣроломный! Взгляни на меня и убѣдись, что ты бѣжишь не отъ свирѣпой змѣи, а отъ кроткой ярочки, которой еще не скоро суждено превратиться въ овцу!.. Чудовище! Ты посмѣялся надъ прекраснѣйшею дѣ-

вушкой, на какую когда-либо взирали Діана въ горахъ и Венера въ рощахъ. Жестокій Бирено, убѣгающій Эней, да сопутствуетъ тебѣ само зло и пусть будетъ съ тобою, что будетъ!.. Нечестивецъ! Ты уносишь изъ этого замка въ своихъ когтяхъ душу и сердце влюбленной въ тебя дѣвушки, вмѣстѣ съ тремя ея платками и подвязками. Уносишь двѣ тысячи вздоховъ, которые своимъ пламенемъ могли бы сжечь двѣ тысячи Трой, если бы ихъ было столько на свѣтѣ! Жестокій Бирено, убѣгающій Эней, да сопутствуетъ тебѣ само зло и пусть будетъ съ тобою, что будетъ!.. Желаю, чтобы твоя Дульцинея никогда не могла быть разочарована! Пусть она вѣчно страдаетъ за твои грѣхи! Это былъ бы не первый случай, когда праведный отвѣчаетъ за грѣшнаго. Желаю, чтобы тебѣ не удалось ни одно изъ твоихъ приключеній, чтобы всѣ надежды твои оказались обманчивыми и чтобы постоянство твое не было вознаграждено! Жестокій Бирено, убѣгающій Эней, да сопутствуетъ тебѣ само зло и пусть будетъ съ тобою, что будетъ!.. Пусть отъ Севильи до Мархены, отъ Гренады до Лохи, отъ Лондона до Парижа пронесется слухъ о твоемъ вѣроломствѣ! Пусть кровь твоя льется потокомъ и пусть отъ всѣхъ твоихъ немногочисленныхъ зубовъ останутся одни острые корешки!.. Жестокій Бирено, убѣгающій Эней, да сопутствуетъ тебѣ само зло и пусть будетъ съ тобою, что будетъ [1])!

Донъ-Кихотъ пристально и молча глядѣлъ на красавицу, изливавшую свое горе и бѣшенство въ обманутой любви, а когда она кончила, онъ обратился къ Санчо и сказалъ:

— Спасеніемъ твоей души заклинаю тебя, Санчо, сказать мнѣ: правда ли, что ты увозишь съ собою три платка и подвязки, о которыхъ говоритъ эта обезумѣвшая отъ любви дѣвушка?

— Три платка я, дѣйствительно, увожу, но подвязокъ у меня никакихъ нѣтъ,— отвѣтилъ Санчо.

Герцогиня была очень огорчена безстыдствомъ Альтизидоры. Хотя эта дама и знала насмѣшливый и бойкій характеръ дѣвушки, но на такую наглость не считала ее способною. А что касается герцога, то, желая все обратить въ шутку, онъ сказалъ Донъ-Кихоту:

— Не ожидалъ я, благородный рыцарь, что вы за наше радушіе отплатите похищеніемъ трехъ платковъ и пары подвязокъ! Подобный поступокъ вовсе не соотвѣтствуетъ вашей громкой славѣ и не говоритъ въ пользу вашего благородства. Отдайте этой дѣвушкѣ ея платки и подвязки, въ противномъ случаѣ я вызываю васъ на бой, нисколько не

[1]) Средневѣковое восклицаніе, которымъ желали всевозможныхъ невзгодъ отъѣзжавшему и которое обыкновенно повторяли послѣ каждой укорительной или зложелательной фразы.

опасаясь того, что злые волшебники могутъ измѣнить вашъ образъ, подобно тому, какъ они измѣнили наружность человѣка, съ которымъ вы вступили въ единоборство ради возстановленія поруганной чести дочери нашей глубокоуважаемой дуэньи донны Родригецъ.

— Сохрани меня Богъ обнажить мечъ противъ того, кто такъ ласково принялъ меня подъ свой кровъ! — возразилъ Донъ-Кихотъ. — Санчо отдастъ платки, взятые имъ безъ моего вѣдома. Что же касается подвязокъ, то онъ увѣряетъ, что ихъ нѣтъ у него, а у меня и подавно ихъ не можетъ быть. Пусть эта дѣвушка хорошенько поищетъ ихъ въ своей комнатѣ; она, навѣрное, найдетъ тамъ свою мнимую пропажу. Я никогда не былъ воромъ, и думаю, что во всю жизнь и не буду имъ, если только не отступится отъ меня Богъ. Въ томъ, что эта дѣвушка влюблена въ меня, я нисколько не виноватъ, поэтому и не считаю себя обязаннымъ извиниться въ чемъ-либо передъ нею или передъ вашею свѣтлостью. Прошу быть обо мнѣ лучшаго мнѣнія и не препятствовать мнѣ продолжать мой путь.

— Да хранитъ васъ Богъ, сеноръ Донъ-Кихотъ, — вскричала герцогиня, — и да поможетъ Онъ вамъ обрадовать насъ пріятными вѣстями о себѣ. Поѣзжайте съ Богомъ! Каждая лишняя минута вашего пребыванія у насъ только раздуваетъ любовный пожаръ въ сердцѣ Альтизидоры, не умѣющей еще, по своей юности, скрывать своихъ чувствъ. Я, впрочемъ, научу ее, какъ сдерживать себя...

— Еще одно слово, безстрашный Донъ-Кихотъ, — перебила Альтизидора: — прости мнѣ, что я обвинила тебя въ похищеніи моихъ подвязокъ — онѣ у меня на ногахъ.

— Что, не моя ли правда?! — воскликнулъ Санчо. — Развѣ я такой человѣкъ, чтобы скрывать ворованныя вещи? Будь я къ этому способенъ, такъ, навѣрное, не прозѣвалъ бы удобнаго случая, когда былъ губернаторомъ!

Донъ-Кихотъ низко поклонился герцогу, герцогинѣ и всему глазѣвшему на него народу; затѣмъ, тронувъ поводья Россинанта, выѣхалъ въ сопровожденіи Санчо изъ замка по дорогѣ въ Сарагоссу.

ГЛАВА LVIII,

о двухъ пріятныхъ и одномъ непріятномъ приключеніяхъ Донъ-Кихота.

Увидѣвъ себя въ чистомъ полѣ, освобожденнымъ отъ преслѣдованій прекрасной, но дерзкой Альтизидоры, Донъ-Кихотъ снова почувствовалъ себя въ своей сферѣ и съ обновленными силами сталъ ожидать новыхъ приключеній.

— Знаешь ли ты, Санчо,— сказалъ онъ своему оруженосцу,— что свобода — самое драгоцѣнное благо, дарованное Небомъ человѣку? Ничто не можетъ сравниться со свободою: ни сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земли или въ безднахъ моря, ни власть, ни слава и ни что другое. За свободу и честь человѣкъ смѣло можетъ жертвовать жизнью, потому что рабство составляетъ величайшее изъ всѣхъ бѣдствій. Ты видѣлъ, другъ мой, роскошь и великолѣпіе, окружавшія насъ въ замкѣ герцога. И что же?—Вкушая изысканныя блюда и дорогіе напитки, я чувствовалъ себя голоднымъ, потому что пользовался ими не съ тою свободой, съ какою я пользовался бы своею собственностью. Быть обязаннымъ за что-нибудь другимъ, значитъ налагать оковы на свою душу. Счастливъ тотъ, кому данъ кусокъ хлѣба, за который онъ обязанъ благодарить только Бога.

— А все-таки, ваша милость,— замѣтилъ Санчо,— намъ слѣдуетъ быть благодарными герцогинѣ за двѣсти золотыхъ, которые она прислала мнѣ черезъ дворецкаго на наши путевые расходы. Я храню ихъ возлѣ своего сердца, какъ живительный бальзамъ, способный уврачевать всякія раны и невзгоды. Да и мало ли на что могутъ намъ понадобиться деньги: вѣдь намъ придется не все пировать въ герцогскихъ замкахъ, того и гляди, опять попадемъ въ какую-нибудь дрянную корчму, гдѣ заставятъ платиться боками, коли не окажется денегъ въ карманѣ.

Въ такого рода бесѣдахъ продолжали свой путь нашъ странствующій рыцарь и его оруженосецъ. Проѣхавъ около мили, они увидѣли на обширномъ лугу человѣкъ двѣнадцать крестьянъ, мирно закусывавшихъ. Возлѣ нихъ лежало что-то, покрытое бѣлымъ холстомъ. Приблизившись къ нимъ, Донъ-Кихотъ вѣжливо поклонился и спросилъ, что это у нихъ закрыто холстомъ.

— Сеноръ,— отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ,— это скульптурныя и рельефныя изображенія святыхъ для нашей деревенской часовни. Чтобы они не запылились, мы закрыли ихъ холстомъ, а чтобы не разбились или не сломались, мы несемъ ихъ на своихъ плечахъ.

— Вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе, если позволите взглянуть на нихъ,— сказалъ Донъ-Кихотъ.— Изображенія, которыя такъ берегутъ, должны быть очень хороши.

— Зато и цѣна имъ хороша,— проговорилъ крестьянинъ: — здѣсь нѣтъ ни одного изображенія дешевле пятидесяти золотыхъ. Чтобы ваша милость убѣдились, что я не лгу, сейчасъ покажу вамъ эти изображенія.

Проворно поднявшись на ноги, онъ подошелъ къ изображеніямъ и вынулъ изъ-подъ холста деревянное, раскрашенное и мѣстами покрытое золотомъ изображеніе святого Георгія, сидящаго верхомъ на конѣ и вонзающаго копье въ пасть распростертаго у его ногъ дракона.

— О! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ, увидавъ воинственную осанку и гордый видъ святого.— Это святой Георгій, славнѣйшій изъ странствующихъ рыцарей небеснаго воинства. Между прочимъ онъ прославленъ и тѣмъ, что былъ ярымъ защитникомъ молодыхъ дѣвъ.

Крестьянинъ показалъ еще статую святого Мартина, тоже сидящаго верхомъ и отдающаго нищему половину своего плаща.

— Это былъ также одинъ изъ христіанскихъ искателей приключеній,— произнесъ Донъ-Кихотъ.— Онъ отличался больше щедростью, чѣмъ мужествомъ. Видишь, Санчо, онъ отдаетъ бѣдному половину своего плаща. Навѣрное, это происходило лѣтомъ, иначе онъ отдалъ бы, по своей удивительной добротѣ, и весь плащъ.

— Нѣтъ,— возразилъ Санчо,— онъ скорѣе дѣлалъ такъ по пословицѣ, которая говоритъ: «Чтобы умѣть давать, нужно умѣть считать».

Донъ-Кихотъ улыбнулся и попросилъ показать ему слѣдующее изображеніе. Крестьянинъ досталъ новую конную статуйку, изображавшую св. Іакова, покровителя Испаніи, окровавленнымъ мечомъ сносившаго головы маврамъ.

— Это,— пояснялъ Донъ-Кихотъ,— рыцарь Христова воинства, святой Іаковъ Матаморосскій, одинъ изъ храбрѣйшихъ рыцарей, бывшихъ на землѣ, а теперь пребывающихъ на небѣ.

Затѣмъ крестьянинъ показалъ святого апостола Павла, падающаго съ лошади, въ ознаменованіе его чудеснаго обращенія.

— Апостолъ Павелъ,— замѣтилъ рыцарь,— былъ сначала злѣйшимъ врагомъ, а потомъ усерднѣйшимъ защитникомъ истинной Церкви. Странствующій рыцарь во время своей жизни, святой на отдыхѣ послѣ смерти, неутомимый работникъ въ виноградникѣ Господнемъ, учитель народовъ, для которыхъ школою служатъ небеса, а профессоромъ — Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — вотъ кто былъ этотъ великій апостолъ.

Пересмотрѣвъ всѣ изображенія, Донъ-Кихотъ сказалъ:

— Я считаю добрымъ предзнаменованіемъ то, что удостоился встрѣтить эти святыя изображенія. Я вѣдь тоже рыцарь, какими были всѣ эти святые; разница между ними и мною состоитъ въ томъ, что они, какъ святые, сражались по-небесному, а я, будучи великимъ грѣшникомъ, сражаюсь по-земному. Они силою своего духа завоевали небо, а я пока еще ничего не завоевалъ... Если бы моя несравненная Дульцинея Тобозская могла освободиться отъ претерпѣваемыхъ ею мукъ, то, быть-можетъ, мой разсудокъ просвѣтлѣлъ бы, участь моя улучшилася бы, и я направился бы по другому, болѣе спокойному пути.

— Да услышитъ тебя Богъ и да не услышитъ грѣхъ! — пробормоталъ себѣ подъ носъ Санчо.

Какъ наружность рыцаря, такъ и его рѣчи, совершенно имъ и непонятныя, не мало удивляли крестьянъ. Окончивъ закуску, они взвалили на плечи свою ношу и пошли дальше.

Удивлялся и Санчо тому, что господинъ его все зналъ и обо всемъ могъ говорить какъ по-писаному.

— Ваша милость,— сказалъ онъ,— если эта встрѣча можетъ быть названа приключеніемъ, то нужно сознаться, что это одно изъ самыхъ пріятныхъ приключеній, случившихся съ нами во все время нашего странствованія. Оно обошлось безъ палочныхъ ударовъ, вамъ не было даже надобности дотрогиваться до оружія, и ничѣмъ мы не пострадали. Да будетъ же благословенъ Богъ, сподобившій насъ натолкнуться на такое славное приключеніе!

— Ты правъ,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— Но не всегда бываетъ одно и то же. Одинъ случай не походитъ на другой. Въ сущности, разумный человѣкъ не долженъ обращать вниманія на всѣ тѣ мелкія случайности, которыя не подчиняются никакимъ законамъ природы и считаются непросвѣщенными людьми предзнаменованіями. Суевѣръ, встрѣтившій утромъ при выходѣ изъ дома францисканскаго монаха, сейчасъ же спѣшитъ назадъ, точно встрѣтилъ сказочное чудовище. Другой, просыпавъ на столѣ соль, становится задумчивымъ и мрачнымъ, точно природа обязалась увѣдомлять его объ ожидающихъ его несчастіяхъ. Истинный христіанинъ не долженъ судить по такимъ пустякамъ о намѣреніяхъ Неба. Сципіонъ, приплывъ въ Африку и выйдя на берегъ, споткнулся. Солдаты его увидѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, но онъ, распростерши руки на землѣ, воскликнулъ: «Ты не уйдешь теперь отъ меня, Африка! Я держу тебя въ рукахъ!» Воодушевленные этимъ, солдаты помогаютъ ему побѣдить Африку. Такимъ образомъ, Санчо, встрѣча святыхъ изображеній была для насъ счастливымъ предзнаменованіемъ.

— Еще бы не счастливымъ! — вскричалъ Санчо. — Но я попросилъ бы вашу милость объяснить мнѣ, почему испанцы, вступая въ сраженіе, кричатъ: «Святой Іаковъ!» и — «Замкнись, Испанія!..» Развѣ Испанія открыта и ее слѣдуетъ замкнуть? Что это вообще значитъ?

— Я сейчасъ тебѣ это объясню, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Великому рыцарю «Багрянаго Креста», какъ былъ прозванъ св. Іаковъ Матаморосскій, Небо предназначило быть покровителемъ Испаніи, особенно въ ея кровавыхъ столкновеніяхъ съ маврами. Поэтому испанцы призываютъ его во всѣхъ битвахъ, какъ своего заступника, и не разъ видѣли, какъ онъ самъ врывался въ середину сарацинскихъ легіоновъ и разгромлялъ ихъ. Что же касается словъ: «Y cierra, Espana», то они означаютъ: «Нападай, Испанія!» Съ теченіемъ же времени слово «cierra» было искажено и превратилось изъ прежняго «нападай» въ «замкнись», такъ что все это восклицаніе получило другой смыслъ.

Выслушавъ это объясненіе, Санчо почему-то вздохнулъ и, помолчавъ съ минуту, проговорилъ:

— Удивляетъ меня безстыдство этой Альтизидоры, горничной герцогини. Должно-быть ее сильно ранилъ злодѣй амуръ, этотъ слѣпой, или, лучше сказать, совсѣмъ безглазый охотникъ, подстрѣливающій, какъ говорятъ, все, что попадетъ ему по пути. Если, говорятъ, онъ изберетъ своею мишенью чье-нибудь сердце, то, какъ бы оно ни было мало, онъ его все истычетъ стрѣлами. Впрочемъ, мнѣ думается, отъ сердецъ скромныхъ и благоразумныхъ дѣвицъ всѣ стрѣлы должны отскакивать, какъ отъ камней. Въ сердце же Альтизидоры онѣ, напротивъ, проходятъ въ самую что ни на есть глубь.

— Да, Санчо, любовь не обращаетъ вниманія ни на разсудокъ ни на приличіе. Ты видѣлъ или, вѣрнѣе, слышалъ, какъ Альтизидора безъ малѣйшаго стыда, при всѣхъ, открывалась мнѣ въ своей любви. Этимъ она, разумѣется, больше смутила меня, чѣмъ расположила къ себѣ.

— Неслыханная жестокость! Страшная неблагодарность! — крикнулъ Санчо, вспомнивъ возгласы Альтизидоры. — Я бы, кажется, при первомъ ея намекѣ отдался ей съ руками и ногами... О, каменное сердце, бронзовая грудь, желѣзная душа! — продолжалъ онъ нараспѣвъ и вдругъ прибавилъ: — А я все-таки никакъ не возьму въ толкъ: что она нашла въ вашей милости, чтобы влюбиться въ васъ до такой степени? Какая красота, какой нарядъ, какая такая особенность приворожили ее къ вамъ? По-моему, ничего въ вашей милости не стоитъ такой влюбленности. Я часто оглядываю васъ съ ногъ до послѣдняго волоска на вашей головѣ, и вижу, что вы скорѣе созданы пугать людей, чѣмъ влюблять ихъ въ себя. Красота, говорятъ, скорѣе всего возбуждаетъ любовь, а между

тѣмъ,— не въ обиду будь вамъ сказано,— вы вовсе не красавецъ, такъ изъ-за чего же этой дѣвушкѣ сходить съ ума по васъ?

— Санчо, есть два рода красоты: красота душевная и красота тѣлесная,— сказалъ Донъ-Кихотъ.—Красота душевная выказывается и блистаетъ въ умѣ, знаніяхъ, тонкомъ обращеніи, щедрости, вѣжливости,— словомъ, во всѣхъ хорошихъ качествахъ ума и характера. Все это можетъ быть у человѣка некрасиваго тѣлесно, и наоборотъ, очень красивый по наружности человѣкъ можетъ не обладать внутреннею красотой, а потому и отбиваетъ отъ себя всякаго, кто вглядится въ него. Я знаю очень хорошо, что я некрасивъ наружно, хотя и не уродливъ, зато обладаю хорошими душевными качествами, поэтому способенъ внушить къ себѣ самую пламенную и, что еще лучше, постоянную любовь; а этимъ не могутъ похвалиться самые записные красавцы.

Продолжая бесѣдовать, наши искатели приключеній углубились въ лѣсъ, пролегавшій близъ дороги, какъ вдругъ Донъ-Кихотъ совершенно неожиданно запутался въ зеленыхъ шелковыхъ сѣтяхъ, протянутыхъ между деревьями. Не понимая, что бы это могло значить, онъ сказалъ своему оруженосцу:

— Мнѣ кажется, что мы попадаемъ въ одно изъ самыхъ странныхъ приключеній, когда-либо случавшихся съ нами. Мнѣ кажется, что преслѣдующіе меня со всѣхъ сторонъ волшебники рѣшились задержать насъ въ пути, въ наказаніе за то, что я такъ сурово обошелся съ Альтизидорой... Но я предупреждаю ихъ, что если бы даже эти сѣти были не шелковыя, а изъ дамасской стали или крѣпче тѣхъ затворовъ, въ которые ревнивый Вулканъ ввергнулъ Венеру и Марса, я и тогда разорвалъ бы ихъ какъ паутину!

Рыцарь собрался уже было продираться со своимъ конемъ сквозь сѣти, какъ вдругъ увидѣлъ выходившихъ изъ-подъ группы деревьевъ двухъ прелестныхъ пастушекъ, одѣтыхъ въ парчевые корсажи и юбки, такъ что сразу являлось сомнѣніе въ подлинности этихъ пастушекъ. Разсыпавшіеся по плечамъ волосы ихъ были такъ свѣтлы, что могли поспорить своимъ сіяніемъ съ самимъ солнцемъ. Головы красавицъ были обвиты гирляндами изъ зеленаго лавра и красной мирты. На видъ имъ было лѣтъ по шестнадцати или, самое большее, по семнадцати. Появленіе ихъ такъ ошеломило Донъ-Кихота и Санчо, что они оба остановились какъ очарованные. Неизвѣстно, сколько времени продолжалось бы это очарованіе, если бы его не нарушила одна изъ красавицъ, проговоривъ серебристымъ голоскомъ:

— Пожалуйста, сеноръ, не разрывайте этихъ сѣтей! Мы ихъ устроили для своей забавы, а вовсе не съ цѣлью задержать васъ. Предвидя вашъ

— Пожалуйста, сеноръ, не разрывайте этихъ сѣтей! Мы ихъ устроили для своей забавы, а вовсе не съ цѣлью задержать васъ.

вопросъ, зачѣмъ мы протянули тутъ сѣти и кто мы такія, я объясню вамъ все это въ нѣсколькихъ словахъ. Въ одной деревнѣ, миляхъ въ двухъ отсюда, живутъ нѣсколько гидальго и другихъ благородныхъ лицъ. Эти гидальго условились со своими родственниками и друзьями собираться сюда для развлеченія, такъ какъ это одно изъ самыхъ прекрас-

ныхъ мѣстъ во всѣхъ окрестностяхъ. Мы устраиваемъ здѣсь Пастушью Аркадію. Женщины приходятъ сюда переодѣтыя пастушками, а мужчины—пастухами. Мы выучили наизусть двѣ эклоги: одну знаменитаго Гарсиласо де-ла-Веги, а другую, на португальскомъ языкѣ,—великаго Камоэнса. Но у насъ еще не было времени разыграть ихъ, такъ какъ мы собрались сюда только вчера. На берегу протекающаго по лѣсу ручья, въ густой зелени, мы разбили себѣ палатки для житья. Прошлою ночью мы протянули по деревьямъ эти сѣти, чтобы ловить птицъ. Если вамъ угодно быть нашимъ гостемъ, вы доставите намъ большое удовольствіе и сами пріятно проведете время, потому что въ нашемъ обществѣ нѣтъ мѣста скукѣ и унынію.

Когда пастушка замолчала, Донъ-Кихотъ отвѣтилъ ей:

— Прекрасная и благородная дама! Встрѣтивъ купающуюся Діану, Актеонъ, вѣроятно, былъ менѣе удивленъ, чѣмъ я, найдя здѣсь васъ. Я не могу не отнестись сочувственно къ устраиваемымъ вами развлеченіямъ и очень признателенъ вамъ за любезное приглашеніе принять въ нихъ участіе. Если я могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, вамъ нужно сказать только слово, и все будетъ сдѣлано, что вы пожелаете. Мое званіе и моя профессія обязываютъ меня быть предупредительнымъ и услужливымъ ко всѣмъ, а въ особенности къ такимъ прелестнымъ особамъ, какъ вы. Если бы эти сѣти, занимающія такое маленькое пространство, покрывали весь міръ, я направился бы отыскивать новые міры, чтобы только не испортить вамъ удовольствія. Чтобы вы могли повѣрить этой гиперболѣ, я скажу вамъ, что она исходитъ изъ устъ Донъ-Кихота Ламанчскаго. Быть-можетъ вамъ извѣстно уже это имя?

— О, милый другъ мой!—вскричала пастушка, обращаясь къ своей подругѣ.—Какое счастіе для насъ! Представь себѣ, съ нами говоритъ самый мужественный, самый влюбленный и самый вѣжливый рыцарь, какой когда-либо существовалъ на свѣтѣ, если только исторія его подвиговъ, которую я читала, не лжетъ!.. Я готова биться объ закладъ, что его спутникъ не кто иной, какъ оруженосецъ его, Санчо Панца, самый милый и остроумный изъ всѣхъ оруженосцевъ.

— Ваша милость не ошиблись,—сказалъ Санчо:—я, дѣйствительно, этотъ самый остроумный оруженосецъ, а это—мой господинъ, тотъ самый Донъ-Кихотъ Ламанчскій, о которомъ такъ много говорятъ и печатаютъ.

— Душа моя,—проговорила вторая пастушка, обратившись къ подругѣ,—попросимъ этихъ сеноровъ остаться съ нами и обрадуемъ этимъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ. Я тоже не только читала, но и слышала о мужествѣ и великихъ подвигахъ сенора Донъ-Кихота, которому нѣтъ

равнаго во всемъ мірѣ. Говорятъ, онъ въ особенности прославился вѣрностью дамѣ своего сердца, Дульцинеѣ Тобозской, увѣнчанной всею Испаніей пальмой первенства за красоту.

— И она вполнѣ заслужила это,— подхватилъ Донъ-Кихотъ.— Развѣ только вы въ состояніи соперничать съ нею въ красотѣ. Но вы напрасно теряете время, стараясь удержать меня: обязанность моего званія не позволяетъ мнѣ предаваться сладостному отдыху въ кругу красавицъ и вообще въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Въ это время подошелъ братъ одной изъ пастушекъ, одѣтый въ богатый и нарядный пастушечій костюмъ. Пастушки сказали ему, что съ ними разговариваетъ знаменитый Донъ-Кихотъ Ламанчскій, котораго сопровождаетъ его оруженосецъ, не менѣе прославленный исторіей, которую всѣ заучили наизусть. Услышавъ это, нарядный пастухъ обратился къ рыцарю съ предложеніемъ своихъ услугъ, и такъ настоятельно сталъ звать его въ свою палатку, что Донъ-Кихотъ принужденъ былъ уступить. Между тѣмъ въ сѣти попало множество птицъ, обманутыхъ ихъ зеленымъ цвѣтомъ. Палатки оказались вблизи, и тамъ происходила настоящая охота на птицъ. Общество состояло изъ тридцати слишкомъ человѣкъ, одѣтыхъ пастушками и пастухами. Узнавъ, что имѣютъ честь видѣть доблестнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго, всѣ присутствовавшіе, знакомые съ его исторіей, очень обрадовались.

Донъ-Кихота заставили сойти съ коня и войти въ одну большую палатку, гдѣ былъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Тамъ нашего героя посадили на почетное мѣсто. Хотѣли усадить за столъ и Санчо, но оруженосецъ, вѣрный своей обязанности, отказался отъ этой чести и помѣстился за стуломъ своего господина, чтобы прислуживать ему.

По окончаніи обѣда Донъ-Кихотъ сказалъ:

— Хотя многіе утверждаютъ, что гордость — величайшій грѣхъ, но я твердо вѣрую, что адъ наполненъ неблагодарными, а потому величайшимъ грѣхомъ считаю неблагодарность. И я, по мѣрѣ силъ своихъ, всегда избѣгалъ этого грѣха съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить своимъ умомъ. Если я, къ сожалѣнью, не въ состояніи отплатить за все сдѣланное мнѣ добро, то у меня по крайней мѣрѣ есть желаніе сдѣлать это. Не имѣя возможности отплатить за добро соотвѣтствующимъ дѣломъ, я стараюсь разглашать по всему свѣту объ оказанномъ мнѣ благодѣяніи. Этимъ я доказываю свою полнѣйшую готовность при случаѣ отблагодарить и дѣломъ. Тѣ, которые принимаютъ,— по большей части ниже дающихъ. Надо всѣми нами стоитъ нашъ общій благодѣтель — Богъ, и всѣ наши дары пе могутъ сравниться съ Его дарами. Но на выручку бѣдности приходитъ благодарность. Вотъ я и благодарю васъ

за лестный пріемъ, оказанный вами мнѣ, недостойному. Не имѣя возможности расквитаться за него такимъ же пріемомъ у себя, я заключаю себя въ тѣсныя границы возможнаго и объявляю, что стану посреди большой дороги, ведущей въ Сарагоссу, и съ оружіемъ въ рукахъ въ теченіе двухъ дней буду твердить всѣмъ встрѣчнымъ, что прелестныя пастушки, видѣнныя мною здѣсь, прекраснѣе и любезнѣе всѣхъ дамъ на свѣтѣ, кромѣ несравненной Дульцинеи Тобозской, единой владычицы всѣхъ моихъ думъ и помысловъ. Да не оскорбитъ это исключеніе никого изъ моихъ слушателей!

Санчо не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Ну, возможно ли, чтобы нашелся на свѣтѣ такой дерзновенный человѣкъ, который сталъ утверждать, что мой господинъ не въ здравомъ умѣ! Какой священникъ или ученый можетъ поспорить съ моимъ господиномъ въ умѣ и краснорѣчіи? И найдется ли гдѣ такой храбрый и прославленный рыцарь, который предложилъ бы сдѣлать то, что предлагаетъ мой господинъ?

— Найдется ли на всемъ свѣтѣ человѣкъ, который не сказалъ бы, что ты — болванъ! — гнѣвно вскричалъ Донъ-Кихотъ, обернувшись къ своему оруженосцу. — Къ чему мѣшаешься ты не въ свое дѣло? Кто велитъ тебѣ вызывать на повѣрку моихъ умственныхъ способностей?.. Молчи! Не возражай мнѣ! Ступай и осѣдлай Россинанта, если онъ разсѣдланъ. Я сейчасъ же отправлюсь исполнить данное мною здѣсь обѣщаніе. Можешь заранѣе считать поверженными во прахъ всѣхъ, которые осмѣлятся противорѣчить мнѣ!

Проговоривъ эти слова, рыцарь всталъ со своего мѣста. Всѣ были въ сильномъ недоумѣніи — сумасшедшій онъ или нѣтъ?

Напрасно старались отклонить Донъ-Кихота отъ его рыцарскаго намѣренія; напрасно увѣряли его, что никто и не думаетъ сомнѣваться въ благородствѣ его чувствъ и что ему нѣтъ никакой нужды предпринимать какой бы то ни было подвигъ въ доказательство его благодарности, такъ какъ это понятно и безъ того, — ничто не въ силахъ было поколебать воли рыцаря. Сѣвъ на Россинанта, онъ прикрылся щитомъ, взялъ наперевѣсъ копье и помѣстился какъ разъ посрединѣ дороги, пролегающей возлѣ большой лѣсной поляны. Санчо послѣдовалъ за нимъ на своемъ ослѣ. Вся компанія тоже отправилась посмотрѣть, чѣмъ кончится это новое предпріятіе Донъ-Кихота.

Занявъ позицію, рыцарь громко крикнулъ:

— Рыцари, оруженосцы, верховые и пѣшіе, проходящіе и проѣзжающіе сейчасъ и тѣ, которымъ надлежитъ проѣхать и пройти по этой дорогѣ въ продолженіе текущаго и завтрашняго дня! Услышьте, что стран-

ствующій рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій стоитъ здѣсь и утверждаетъ, что красота и изящество всего міра, за исключеніемъ его владычицы, Дульцинеи Тобозской, не могутъ сравниться съ красотою и любезностью нимфъ, обитающихъ на этомъ лугу, близъ этой дубравы. Тотъ, кто захочетъ утверждать противное, пусть предстанетъ предо мною, я жду его!

Дважды повторилъ рыцарь этотъ вызовъ слово въ слово, но никто не откликнулся и не принялъ его. Однако вскорѣ благопріятствовавшая ему судьба пожелала, чтобы немного спустя показалась на дорогѣ толпа всадниковъ, вооруженныхъ длинными палками. Они ѣхали безпорядочною кучей и, видимо, торопились куда-то. Увидѣвъ ихъ, общество пастуховъ и пастушекъ поспѣшило скрыться въ лѣсу, изъ боязни, что можетъ произойти кровопролитіе. Одинъ Донъ-Кихотъ твердо и безстрашно остался на своемъ мѣстѣ. Санчо трусливо сжался сзади своего господина.

Приблизившись на достаточное разстояніе, одинъ изъ всадниковъ грубо крикнулъ ему:

— Посторонись, чортова перечница, если не хочешь быть растоптаннымъ быками!

— Нѣтъ такихъ животныхъ, которыя могли бы испугать меня! — возразилъ Донъ-Кихотъ. — Признайте, волшебники, признайте вмѣстѣ и поодиночкѣ то, что сейчасъ скажу вамъ, иначе я вызываю васъ на бой!..

Всадники, оказавшіеся погонщиками быковъ, не успѣли отвѣтить Донъ-Кихоту, а послѣдній не успѣлъ посторониться, какъ громадное стадо быковъ, вмѣстѣ со своими провожатыми, гнавшими ихъ въ городъ, дѣ на слѣдующій день должны были происходить турниры, свалили съ ногъ Россинанта съ Донъ-Кихотомъ и Длинноуха съ Санчо и спокойно перешли черезъ нихъ, какъ по мосткамъ. Страшно помятый, полуистоптанный, Донъ-Кихотъ, собравъ остатокъ силъ, кое-какъ поднялся на ноги и, шатаясь изъ стороны въ сторону, бросился за стадомъ, крича во все горло:

— Стой, негодная сволочь!.. Остановитесь, нечестивые волшебники!.. Съ вами желаетъ схватиться рыцарь, но не изъ тѣхъ, которые говорятъ, что убѣгающему врагу слѣдуетъ подставлять серебряный мостъ.

Но крики рыцаря не остановили спѣшившихъ проводниковъ стада, обращавшихъ на угрозы Донъ-Кихота такое же вниманіе, какъ на прошлогоднія облака. Между тѣмъ, окончательно обезсиленный, Донъ-Кихотъ былъ вынужденъ остановиться самъ и сѣсть на краю дороги. Когда его

догналъ тоже порядочно помятый Санчо съ Россинантомъ и Длинноухомъ, рыцарь при помощи оруженосца молча взобрался на коня и, не простясь даже со счастливою Аркадіей, со стыдомъ и разочарованіемъ въ душѣ продолжалъ путь въ Сарагоссу.

ГЛАВА LIX,

въ которой разсказывается о новомъ интересномъ приключеніи Донъ-Кихота.

Въ чистомъ, прозрачномъ ручьѣ, протекавшемъ въ тѣни густо насаженныхъ деревьевъ, Донъ-Кихотъ и Санчо нашли средство избавиться отъ пыли, въ которой ихъ вываляли невѣжливые быки. Пустивъ на лугъ разнузданныхъ Россинанта и Длинноуха, рыцарь и его оруженосецъ сѣли на берегу ручья. Тщательно умывъ лицо и руки въ водѣ, Донъ-Кихотъ возстановилъ упавшую было энергію своего духа. Санчо же послѣ той же процедуры поспѣшилъ достать изъ котомки самое радикальное средство отъ всѣхъ своихъ болѣзней и невзгодъ, то-есть съѣстные припасы, и разложилъ ихъ на травѣ. Огорченный рыцарь отказался ѣсть, а Санчо не смѣлъ дотронуться до соблазнительныхъ лакомствъ изъ герцогской поварни, пока его господинъ ничего не отвѣдаетъ. Видя, однако, что Донъ-Кихотъ совершенно погруженъ въ свои размышленія, Санчо нашелъ, что церемониться нечего, и принялся набивать себѣ ротъ огромными кусками и чавкать на всю окрестность.

— Ѣшь, другъ Санчо,— проговорилъ Донъ-Кихотъ, очнувшись отъ своихъ глубокихъ думъ,— ѣшь, поддерживай свою жизнь. Тебѣ это нужнѣе, чѣмъ мнѣ... Не мѣшай мнѣ умереть подъ тяжестью ударовъ злой судьбы... Я, Санчо, рожденъ для того, чтобы жить, умирая ежеминутно, а ты — для того, чтобы умереть съ кускомъ во рту. Если ты желаешь убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ, то взгляни на меня, какимъ я изображенъ на страницахъ моей безсмертной исторіи. Взгляни на меня, прославленнаго въ битвахъ, мягкаго и предупредительнаго въ моихъ дѣйствіяхъ, уважаемаго великими міра сего, искушаемаго красавицами... Да, такимъ я былъ, а между тѣмъ теперь... теперь, когда я ожидалъ получить наконецъ пальмовый вѣнокъ, заслуженный моими подвигами и мужествомъ, я вижу себя измятымъ, истоптаннымъ ногами глупыхъ животныхъ... О, при этой мысли я скрежещу зубами и, презирая пищу и всѣ блага жизни, желалъ бы умереть съ голоду — этою ужаснѣйшею изъ всѣхъ смертей!

Продолжая наполнять себѣ ротъ и съ изумительною скоростью работая челюстями, Санчо отвѣтилъ:

Громадное стадо быковъ свалило съ ногъ Россинанта съ Донъ-Кихотомъ и Длинноуха съ Санчо.

— Вы, ваша милость, стало-быть, не согласны съ пословицей, которая говоритъ: «Околѣвай, курица, но только сытою»? Что касается меня, то я вовсе не думаю морить себя голодомъ; я лучше стану, какъ кожевникъ, тянуть кожу зубами, пока не сдѣлаю того, что нужно, то-есть буду ѣсть и тянуть свою жизнь, пока она не достигнетъ поставленнаго

ей Небомъ предѣла. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ отчаиваться, подобно вашей милости. Совѣтую и вамъ хорошенько поѣсть, а потомъ выспаться на этомъ прекрасномъ лугу; тогда, повѣрьте мнѣ, ваша милость встанете совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Донъ-Кихотъ подумалъ и, прійдя къ заключенію, что совѣтъ Санчо очень разуменъ, рѣшился послѣдовать ему.

Закусивъ немного, онъ сказалъ:

— Если бы ты захотѣлъ облегчить мои страданія, обрадовать и успокоить меня, то давно сдѣлалъ бы это. Можешь, впрочемъ, сдѣлать это и сейчасъ.

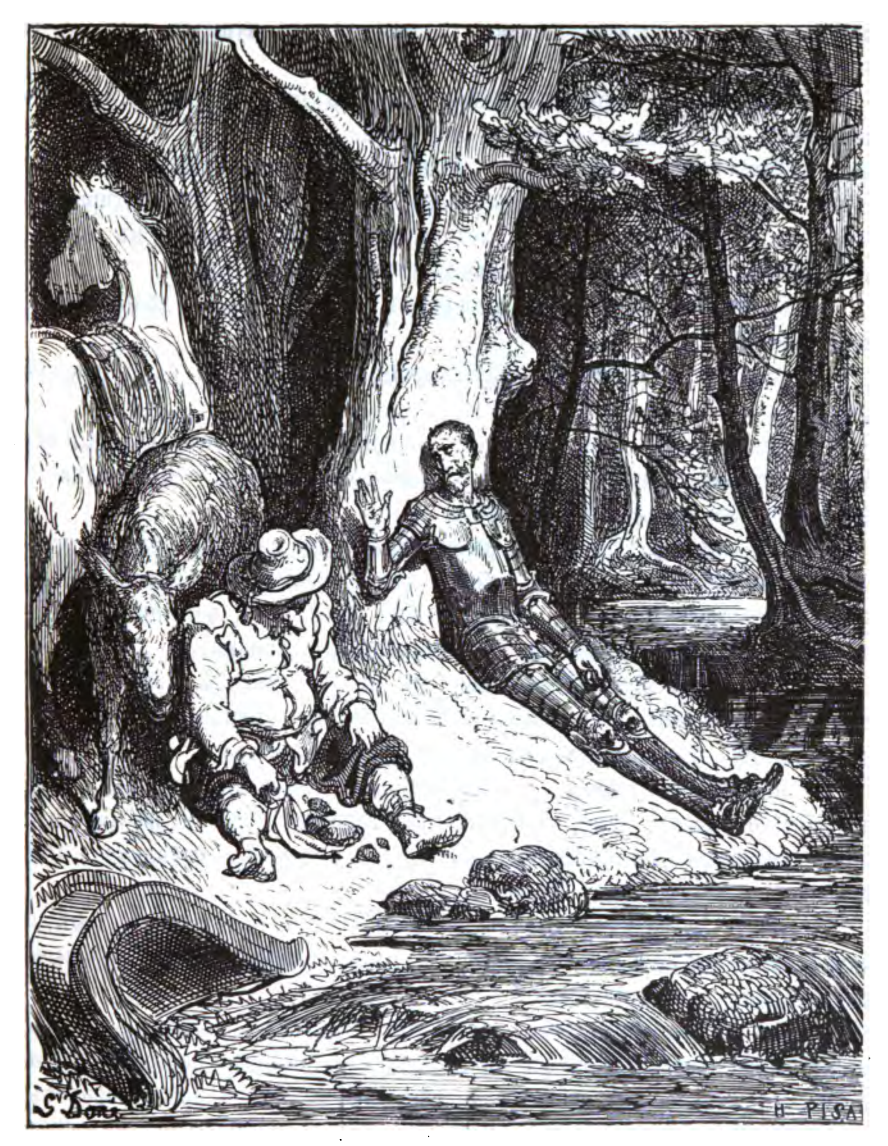
— А что именно? — спросилъ Санчо.

— Отойди въ сторону; пока я буду спать, и дай себѣ по голому тѣлу триста или четыреста ударовъ ремнемъ, въ счетъ тѣхъ трехъ тысятъ трехсотъ, назначенныхъ тебѣ Мерлиномъ, для разочарованія Дульцинеи. Неужели тебѣ и въ самомъ дѣлѣ не стыдно оставлять своею нерадивостью эту даму до сихъ поръ очарованною?

— Многое можно возразить на это, но теперь лучше заснемъ, — проворчалъ Санчо. — Послѣ сна Богъ подскажетъ, что намъ дѣлать. Потомъ имѣйте въ виду, ваша милость, что отхлестать себя по плохо упитанному и безъ того избитому тѣлу — дѣло очень не легкое. Пусть госпожа Дульцинея обождетъ еще малость, и тогда, когда вы всего менѣе будете ожидать этого, она увидитъ меня всего исполосованнаго ударами ремня, какъ зебру, про которую ваша милость мнѣ какъ-то разсказывали. Я пока еще живъ и думаю жить, а потому и не отказываюсь исполнить то, что обѣщалъ.

Поблагодаривъ своего оруженосца за честность намѣренія, Донъ-Кихотъ растянулся на травѣ и вскорѣ погрузился въ глубокій сонъ. Санчо не замедлилъ послѣдовать его примѣру. Проснулись они оба довольно поздно, сѣли верхомъ и поспѣшили отыскать засвѣтло какую-нибудь корчму, которую и нашли какъ разъ въ то время, когда начинало совсѣмъ смеркаться. Противъ своего обыкновенія Донъ-Кихотъ не принялъ корчмы за замокъ. На вопросъ Донъ-Кихота хозяину корчмы, есть ли у него свободное помѣщеніе, послѣдній отвѣтилъ, что имѣется такое спокойное и удобное помѣщеніе, какого не найти и въ самой Сарагоссѣ. Санчо сначала внесъ чемоданъ и котомку въ указанную ему корчмаремъ комнатку, а затѣмъ отвелъ Россинанта съ осломъ въ конюшню, засыпалъ имъ корма и принесъ воды. Поблагодаривъ послѣ этого Бога за то, что Онъ не допустилъ Донъ-Кихота принять эту корчму за что-нибудь другое, оруженосецъ отправился за приказаніями къ рыцарю, сидѣвшему въ общей залѣ на скамьѣ.

— Ѣшь, другъ Санчо,—проговорилъ Донъ-Кихотъ, очнувшись отъ своихъ глубокихъ думъ. — Ѣшь, поддерживай свою жизнь.

Такъ какъ уже наступило время ужинать, Санчо спросилъ хозяина, есть ли у него какая-нибудь провизія.

— Все, что угодно,— отвѣтилъ корчмарь: — воздушныя птицы, земныя животныя, морскія рыбы — всего у меня вдоволь.

— Ну такъ много намъ не нужно,— сказалъ Санчо.— Съ насъ до-

вольно и пары жареныхъ цыплятъ. Господинъ мой кушаетъ немного, да и я не особенный обжора.

— Цыплятъ не держимъ, потому что въ нашей мѣстности много коршуновъ,— послѣдовалъ отвѣтъ корчмаря.

— Такъ зажарь намъ курицу, только помоложе и понѣжнѣе.

— Курицу...— пробормоталъ хозяинъ.— Я только вчера отправилъ всѣхъ своихъ наличныхъ куръ, которыхъ было съ полсотни, въ городъ, на продажу. Кромѣ куръ, приказывайте что угодно.

— Въ такомъ случаѣ за козленкомъ или теленкомъ дѣло, вѣрно, не станетъ?

— Козлята и телята тоже всѣ вышли, а новые будутъ на слѣдующей недѣлѣ.

— Ишь ты вѣдь какая незадача! — воскликнулъ Санчо, который все время велъ переговоры безъ участія своего господина.— Но, надѣюсь, что хоть сало и яйца есть у тебя?

— Вы, кажется, не можете пожаловаться на излишекъ своей памяти,— замѣтилъ хозяинъ: — я говорю, что у меня нѣтъ ни цыплятъ ни куръ, а вы требуете яицъ! Спрашивайте, ради Бога, чего-нибудь другого и отстаньте отъ меня съ вашими курами и яйцами!

— Да что ты шутишь съ нами, что ли! — крикнулъ Санчо.— Хвалишься, что у тебя всего много, а какъ до дѣла дошло, такъ и нѣтъ ничего... Ну, говори, чѣмъ же можешь угостить насъ?

— По совѣсти говоря, у меня остались только двѣ воловьи ноги, похожія на телячьи, или, пожалуй, двѣ телячьи, похожія на бараньи. Онѣ варятся въ печи, приправленныя лукомъ, чеснокомъ и саломъ... Онѣ такъ хороши, что прямо просятся въ ротъ...

— Ну, и давай ихъ сюда! — перебилъ Санчо.— Я заплачу тебѣ за нихъ дороже, нежели за что другое. Я вѣдь, признаться, и не привыкъ къ нѣжнымъ кушаньямъ.

— Хорошо, я вамъ дамъ эти ножки,— сказалъ хозяинъ.— Благо, кромѣ васъ, тутъ сегодня все такіе проѣзжіе, которые настолько порядочны, что возятъ съ собою свою провизію, посуду и даже поваровъ.

— Не думаю, чтобы были люди порядочнѣе моего господина,— возразилъ Санчо.— Но его званіе не позволяетъ ему возиться съ большою поклажей и множествомъ слугъ. Обыкновенно мы съ нимъ располагаемся въ лѣсу, на берегу рѣчки или ручья и закусываемъ желудями да ягодами и запиваемъ ихъ чистою водой.

— А кто же такой вашъ господинъ? — освѣдомился хозяинъ.

Но Санчо молча отвернулся, не чувствуя въ эту минуту расположенія отвѣчать на этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что Донъ-Кихотъ позвалъ

Санчо въ отведенную комнату, куда и были поданы сомнительныя ножки.

Черезъ нѣсколько времени изъ сосѣдней комнаты послышался чей-то голосъ, говорившій:

— Донъ Херонимо, умоляю васъ, прочтите мнѣ вслухъ, въ ожиданіи ужина, вторую главу второй части исторіи Донъ-Кихота Ламанчскаго [1]).

Услышавъ свое имя, Донъ-Кихотъ приподнялся со своего мѣста и жадно сталъ прислушиваться, что будутъ говорить о немъ дальше.

— Помилуйте, донъ Хуанъ, — возразилъ второй голосъ, — что вамъ за охота слушать такія глупости! Довольно прочесть и первую часть этого нелѣпаго сочиненія, чтобы пропала всякая охота къ такого рода чтенію.

— Однако,— проговорилъ донъ Хуанъ,— намъ все-таки не мѣшаетъ прочесть и вторую часть. Нѣтъ такой дурной книги, въ которой не было бы чего-нибудь хорошаго. Одно мнѣ не нравится въ ней—это то, что Донъ-Кихотъ представленъ тамъ перестающимъ любить свою Дульцинею.

Едва послѣднее слово вылетѣло изъ устъ донъ Хуана, какъ Донъ-Кихотъ, внѣ себя отъ негодованія, вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Каждому, кто будетъ утверждать, что Донъ-Кихотъ Ламанчскій разлюбилъ или вообще способенъ разлюбить Дульцинею Тобозскую, я съ оружіемъ въ рукахъ докажу, что онъ сильно ошибается! Донъ-Кихотъ не можетъ перестать любить Дульцинею, потому что Дульцинея не можетъ не быть любимою! Девизъ Донъ-Кихота—постоянство, а произнесенный имъ обѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы быть неизмѣнно вѣрнымъ своей дамѣ.

— Кто это говоритъ? — раздался вопросъ изъ сосѣдней комнаты.

— Самъ Донъ-Кихотъ Ламанчскій, — отвѣтилъ рыцарь.— Онъ намѣренъ поддерживать оружіемъ не только все, сейчасъ сказанное имъ, но и то, что онъ еще скажетъ. У хорошаго плательщика за деньгами дѣло не станетъ.

Въ эту минуту дверь въ комнату Донъ-Кихота отворилась, и въ нее вошли два благородныхъ—по крайней мѣрѣ, по наружности — гидальго, изъ которыхъ одинъ, бросившись Донъ-Кихоту на шею, дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

---

[1]) Намекъ на вторую часть «Донъ-Кихота», написанную прежде, чѣмъ окончилъ ее самъ Сервантесъ, и вышедшую подъ вымышленнымъ именемъ лиценціата Алонзо Фернандеца Авелланеда.

— Какъ вашъ образъ не можетъ скрыть вашего имени, такъ и ваше имя—вашего образа. Сразу видно, что вы—истинный Донъ-Кихотъ Ламанчскій, путеводная звѣзда странствующаго рыцарства, наперекоръ тому сочинителю, который вознамѣрился похитить у васъ ваше имя и уничтожить ваши подвиги въ написанной имъ книгѣ, которую мы только что собирались было читать. Вотъ, не угодно ли вамъ взглянуть на нее.

Говорившій взялъ изъ рукъ товарища книгу и передалъ ее Донъ-Кихоту. Рыцарь перелисталъ книгу и отдалъ назадъ, говоря:

— Въ томъ немногомъ, что я прочелъ здѣсь, я нашелъ три несообразности. Во-первыхъ, кое-что въ предисловіи [1]), во-вторыхъ, это невозможное аррагонское нарѣчіе, на которомъ она написана, а въ третьихъ, — что особенно доказываетъ лживость автора, — онъ называетъ жену Санчо Панцы, Терезу Панца, Маріей Гутьерецъ. Если онъ лжетъ въ одномъ, то можно ли вѣрить ему и во всемъ остальномъ?

— Нечего сказать, хорошъ историкъ!—воскликнулъ Санчо.— Видно, прекрасно онъ насъ знаетъ, когда мою жену называетъ Маріей Гутьерецъ... Ваша милость, — обратился онъ къ своему господину, — взгляните, пожалуйста, еще разъ въ эту книгу: не наврано ли тамъ и мое имя?

— А вы, значитъ, Санчо Панца? — спросилъ донъ Херонимо, тотъ, который держалъ въ рукахъ книгу.

— Точно такъ: я — Санчо Панца, оруженосецъ сенора Донъ-Кихота Ламанчскаго,—отвѣтилъ Санчо.

— Ну такъ, клянусь Богомъ,—воскликнулъ донъ Херонимо,—этотъ историкъ описываетъ васъ вовсе не такимъ пріятнымъ человѣкомъ, какимъ я вижу васъ. Онъ выставляетъ васъ какимъ-то неумытымъ и прожорливымъ дуракомъ, о которомъ и читать-то не доставляетъ никакого удовольствія. Въ первой части «Донъ-Кихота» вы изображены совсѣмъ другимъ.

— Прости ему Богъ! — сказалъ Санчо.— Лучше бы онъ и не поминалъ обо мнѣ. Устроить пляску можно только хорошо умѣючи играть на скрипкѣ, а святой Петръ только въ Римѣ у себя дома.

Донъ Херонимо и донъ Хуанъ пригласили рыцаря отужинать съ ними, такъ какъ въ этой корчмѣ, говорили они, нельзя достать кушанья, достойнаго такого знаменитаго рыцаря, какъ Донъ-Кихотъ. Послѣдній, со своею обычною вѣжливостью, уступилъ ихъ просьбамъ и пошелъ къ нимъ ужинать, между тѣмъ какъ Санчо для компаніи позвалъ къ себѣ корчмаря.

[1]) Это предисловіе наполнено грубыми ругательствами по адресу Сервантеса.

— Дульцинея еще непорочна и чиста какъ лилія,—отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

За ужиномъ донъ Хуанъ спросилъ Донъ-Кихота, не вышла ли Дульцинея Тобозская замужъ, или попрежнему хранитъ обѣтъ и помнитъ влюбленнаго въ нее рыцаря?

— Дульцинея чиста какъ лилія, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Мои къ ней отношенія остаются попрежнему платоническими, но только— увы! — красавица злыми волшебниками превращена въ отвратительную крестьянку...

И онъ подробно разсказалъ объ очарованіи Дульцинеи, о своемъ пребываніи въ пещерѣ Монтезиноса и о томъ, какое средство было назначено мудрымъ Мерлиномъ для разочарованія Дульцинеи.

Разсказъ Донъ-Кихота доставилъ молодымъ гидальго громадное удовольствіе. Они не менѣе удивлялись его безумству, чѣмъ его краснорѣчію. Ихъ вообще сильно изумляло то, что онъ мѣшалъ быль съ небылицею, самыя умныя и глубокія разсужденія со страшною чепухой. Слушая его, они напрасно старались опредѣлить, чего въ немъ больше— безумія или геніальности.

Поужинавъ вмѣстѣ съ корчмаремъ, Санчо вошелъ къ господамъ и сказалъ рыцарю:

— Пусть меня повѣсятъ, если сочинитель той книги, которую показывали вамъ эти сеньоры, не хочетъ поссорить меня съ нимъ! Все-таки надѣюсь, что онъ, обзывая меня обжорой, не называетъ хоть пьяницей?..

— Онъ такъ именно васъ и называетъ, — подхватилъ донъ Херонимо. — Вообще онъ, какъ я уже говорилъ, выставляетъ васъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ.

— Повѣрьте мнѣ, — продолжалъ толстякъ,— что Донъ-Кихотъ и я, описанные въ этой исторіи, совсѣмъ не тѣ, которые описаны въ исторіи Сида Гамета Бенъ-Энгели. Тотъ выставилъ насъ именно такими, какими мы есть: господина моего — мужественнымъ, благоразумнымъ и влюбленнымъ, а меня — простымъ, остроумнымъ добрякомъ, но не обжорой и не пьяницей.

— Я этому вполнѣ вѣрю, — поспѣшилъ объявить донъ Хуанъ. — По моему мнѣнію, слѣдовало бы воспретить всѣмъ, кромѣ Бенъ-Энгели, описывать замѣчательные подвиги и приключенія Донъ-Кихота, подобно тому, какъ Александръ Великій не позволилъ никому, кромѣ Апеллеса, писать съ него портретъ.

— Портретъ мой пусть пишетъ кто хочетъ, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ, — только бы не искажали. А кто обезобразитъ мое изображеніе, тому я не спущу безнаказанно такого оскорбленія.

— Разумѣется,— подхватилъ донъ Хуанъ,— рыцарь Донъ-Кихотъ не можетъ оставить неотомщеннымъ никакого оскорбленія, если только не отразитъ его щитомъ своего терпѣнія, по всей вѣроятности, очень широкимъ и крѣпкимъ.

Въ подобныхъ разговорахъ прошла большая часть ночи. Молодые сеноры настойчиво упрашивали Донъ-Кихота прочесть новую книгу о себѣ, чтобы узнать, какъ смотритъ на него авторъ, но рыцарь наотрѣзъ отказался отъ этого. Онъ сказалъ, что считаетъ эту книгу, хотя только просмотрѣнную имъ наскоро, негодною отъ начала до конца, и вовсе не желаетъ давать автору повода радоваться тому, что ее читалъ изображенный имъ герой.

— Къ тому же,—добавилъ онъ,—не только глазъ, но и самая мысль должна отворачиваться отъ всего, что грязно, неприлично и отзываетъ уличнымъ гаерствомъ.

Донъ Херонимо, спросилъ рыцаря, куда онъ держитъ путь.

— Я ѣду въ Сарагоссу, чтобы присутствовать на турнирахъ, происходящихъ тамъ ежегодно въ это время,—отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.

На это донъ Хуанъ сказалъ, что во второй части исторіи Донъ-Кихота, написанной неизвѣстнымъ авторомъ, разсказывается, что этотъ рыцарь уже присутствовалъ въ Сарагоссѣ на турнирахъ; но повѣствованіе это крайне блѣдно, вяло, глупо и даже убого.

— Въ такомъ случаѣ я не поѣду въ Сарагоссу,—воскликнулъ Донъ-Кихотъ,—и постараюсь убѣдить міръ, что я вовсе не тотъ Донъ-Кихотъ, о которомъ пишетъ этотъ самозванный историкъ!

— И отлично сдѣлаете,—отвѣтилъ донъ Херонимо.—Къ тому же въ Барцелонѣ тоже готовятся турниры, на которыхъ вамъ можно будетъ проявить вашу ловкость и мужество.

— Да, я туда и думаю направиться,—проговорилъ Донъ-Кихотъ.— Однако пора спать. Прошу позволенія проститься съ вами и считать меня отнынѣ вашимъ преданнѣйшимъ другомъ и слугой.

— Я тоже прошу не брезговать моею дружбой и службой,—сказалъ Санчо.—Авось на что-нибудь пригожусь вамъ и я, добрые сеноры.

Донъ-Кихотъ и его оруженосецъ ушли въ свою комнату, а молодые гидальго еще долго толковали объ удивительной смѣси ума съ безуміемъ, открытой ими въ Донъ-Кихотѣ.

Вставъ рано утромъ, рыцарь постучался въ перегородку сосѣдней комнаты и крикнулъ своимъ новымъ знакомымъ прощальное привѣтствіе. Санчо щедро расплатился съ корчмаремъ, при чемъ посовѣтовалъ ему не заманивать путешественниковъ пустыми обѣщаніями, а лучше держать побольше провизіи въ домѣ, которая всегда прекрасно окупится.

ГЛАВА LX,

о томъ, что случилось съ Донъ-Кихотомъ по пути въ Барцелону.

Ясное утро предвѣщало прекрасный день. Садясь на своего коня, Донъ-Кихотъ попросилъ корчмаря, вышедшаго проводить его на крыльцо, указать ему дорогу въ Барцелону. О Сарагоссѣ онъ болѣе уже не думалъ, возмущенный тѣмъ, что неизвѣстный сочинитель описалъ его мнимое пребываніе тамъ.

Въ теченіе пяти дней съ нимъ не произошло ничего, что стоило бы упоминанія; но на шестой день, къ вечеру, онъ со своимъ оруженосцемъ попалъ въ густой лѣсъ, гдѣ и былъ застигнутъ ночною темнотой. Санчо, раза четыре плотно закусившій въ тотъ день, какъ только улегся подъ деревомъ, такъ сейчасъ же и захрапѣлъ; а что касается Донъ-Кихота, то рыцарь, не обременявшій такъ своего желудка, долго не могъ заснуть и предавался грустнымъ размышленіямъ о своей судьбѣ. Мечтая о своей несравненной Дульцинеѣ, онъ вспомнилъ и то, что Санчо до сихъ поръ еще не исполнилъ возложенной на него задачи о разочарованіи злополучной красавицы, потому что въ счетъ трехъ тысячъ трехсотъ ударовъ онъ далъ себѣ только пять, а это было, какъ говорится, каплей въ морѣ.

«Впрочемъ, — проговорилъ про себя рыцарь, — не даромъ же Александръ Великій, разсѣкая Гордіевъ узелъ, сказалъ: «Можно не только развязывать, но и разрубить». Если это не помѣшало ему покорить всю Азію, то почему бы мнѣ не заставить силою сдѣлать то, что не хочетъ дѣлаться по доброй волѣ? Если Санчо самъ не желаетъ себя высѣчь ради Дульцинеи, такъ высѣку его я. Полагаю, что результатъ получится одинаковый».

Въ виду этого соображенія Донъ-Кихотъ всталъ, взялъ ременную уздечку Россинанта, подошелъ къ спящему оруженосцу. Санчо проснулся, открылъ глаза и тревожно спросилъ, кто его трогаетъ.

— Я, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Я хочу исправить твою небрежность и облегчить свои неслыханныя страданія. Короче говоря, я намѣренъ совершить надъ тобою бичеваніе, предписанное мудрымъ Мерлиномъ для разочарованія Дульцинеи Тобозской. Если ты самъ не желаешь исполнить возложенной на тебя обязанности, то я заставлю тебя сдѣлать это. Дульцинея погибаетъ по твоей милости, а потому и я умираю съ горя. Пора прекратить эту муку. Приготовься сейчасъ же, и я отсчитаю пока хоть половину назначенныхъ тебѣ ударовъ

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричалъ Санчо,—оставьте эту затѣю, ваша милость, иначе я подниму такой крикъ, что перебужу всю окрестность! Мерлинъ сказалъ, что я долженъ отхлестать себя *самъ* и *по доброй волѣ*, а то ничего не выйдетъ; сейчасъ же у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты приниматься за это дѣло. Но я даю вашей милости слово отхлестать себя, когда почувствую къ этому охоту.

— Я не могу положиться на твое слово, Санчо, — возразилъ Донъ-Кихотъ. — У тебя сердце черствое, а тѣло черезчуръ ужъ изнѣженное, поэтому ты никогда не исполнишь своего слова, если не заставить тебя насильно...

Сказавъ это, Донъ-Кихотъ началъ былъ экзекуцію, но Санчо вскочилъ, обхватилъ его, свалилъ на землю и, упершись ему колѣномъ въ грудь, стиснулъ обѣ его руки въ своихъ толстыхъ лапахъ, такъ что несчастный рыцарь не могъ даже пошевельнуться...

— Измѣнникъ! — кричалъ Донъ-Кихотъ сдавленнымъ голосомъ. — Что ты дѣлаешь?.. Ты возстаешь на своего господина!.. Ты нападаешь на того, кто тебя кормитъ!..

— Ничего я этого не дѣлаю! — возразилъ Санчо. — Я только защищаю себя отъ нападенія безумнаго человѣка. Оставьте меня въ покоѣ, отвяжитесь со своимъ бичеваніемъ, и я пущу васъ, а то такъ и продержу до второго пришествія: вамъ не сладить со мною.

Полузадушенный рыцарь поспѣшилъ увѣрить разсвирѣпѣвшаго оруженосца, что оставитъ его въ покоѣ, не коснется до него даже пальцемъ и предоставитъ ему отодрать себя въ честь Дульцинеи, когда онъ самъ захочетъ.

Санчо выпустилъ своего господина и отошелъ въ сторону, но вдругъ почувствовалъ, что кто-то трогаетъ его за голову. Протянувъ руку вверхъ, онъ ощупалъ человѣческія ноги, обутыя въ сапоги.

Не помня себя отъ страха, онъ бросился подъ другое дерево, но и тамъ болтались чьи-то ноги. Это привело бѣднаго толстяка въ такой ужасъ, что онъ не своимъ голосомъ кликнулъ на помощь рыцаря. Донъ-Кихотъ подбѣжалъ къ своему оруженосцу и спросилъ, что съ нимъ.

— Всѣ эти деревья увѣшаны человѣческими руками и ногами, — прошепталъ полуживой отъ ужаса Санчо.

Ощупавъ деревья, Донъ-Кихотъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Напрасно ты празднуешь труса, Санчо, — сказалъ онъ: — тутъ, должно-быть, повѣшены разбойники. Это явный признакъ, что до Барцелоны теперь недалеко.

Рыцарь угадалъ вѣрно. Проснувшись на зарѣ, онъ и Санчо насчитали съ полсотни мертвыхъ разбойниковъ, развѣшанныхъ по деревьямъ;

но въ тотъ же мигъ они увидѣли почти столько же живыхъ разбойниковъ, съ самыми рѣшительными физіономіями окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ и на своемъ каталонскомъ нарѣчіи потребовавшихъ не шевелиться до прибытія ихъ атамана.

Оружіе Донъ-Кихота лежало отъ него далеко, такъ что воспользоваться имъ не было никакой возможности, поэтому рыцарь былъ совершенно во власти разбойниковъ. Прислонившись къ дереву, опустивъ голову на грудь и скрестивши руки, Донъ-Кихотъ покорно ждалъ своей участи.

Разбойники опорожнили чемоданъ и котомку Санчо и уже собирались обыскать его самого, при чемъ, конечно, добрались бы до денегъ, которыя были спрятаны у оруженосца въ его кожаномъ поясѣ, какъ вдругъ, на его счастье, въ это время явился атаманъ — человѣкъ лѣтъ тридцати четырехъ, со строгимъ, повелительнымъ взглядомъ. Онъ ѣхалъ на статномъ конѣ и былъ отлично вооруженъ. Видя, что его оруженосцы, какъ величали себя разбойники, намѣреваются грабить Санчо, онъ приказалъ имъ остановиться. Тѣ покорно повиновались, и такимъ образомъ казна Санчо уцѣлѣла. Атаманъ съ видимымъ удивленіемъ взглянулъ на одѣтаго въ латы, но безоружнаго Донъ-Кихота.

— Успокойтесь, сеноръ,— обратился къ нему атаманъ:—вы попали въ руки не къ какому-нибудь варвару Озирису, а къ Року Хинару, болѣе сострадательному, чѣмъ жестокому.

— Безстрашный Рокъ, — проговорилъ Донъ - Кихотъ, — меня угнетаетъ не то, что я очутился въ твоихъ рукахъ, а то, что я оказался настолько нерадивымъ, что разстался со своимъ оружіемъ и разнуздалъ своего коня, и этимъ позволилъ себя взять въ плѣнъ. Въ качествѣ странствующаго рыцаря, я всегда обязанъ быть на стражѣ самого себя. Будь увѣренъ, великій Хинаръ, что если бы твои люди застали меня верхомъ на конѣ, со щитомъ, мечомъ и копьемъ въ рукахъ, то не скоро овладѣли бы мною, потому что я — Донъ-Кихотъ Ламанчскій, наполнившій міръ славою своихъ подвиговъ.

Рокъ Хинаръ сразу понялъ, что имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ. Онъ, правда, слышалъ о Донъ-Кихотѣ, но никогда не вѣрилъ разсказамъ о немъ и никакъ не могъ вообразить, чтобы кому-нибудь могла прійти въ голову блажная мысль разыгрывать изъ себя странствующаго рыцаря. Случай, давшій ему возможность увидѣть собственными глазами этого чудака, очень обрадовалъ атамана.

— Храбрый рыцарь,—сказалъ онъ,— не отчаивайтесь и не кляните судьбу, приведшую васъ сюда. Не забывайте, что пути Промысла неисповѣдимы и что человѣкъ часто находитъ добро тамъ, гдѣ ожидалъ найти зло.

Донъ-Кихотъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но ему помѣшалъ раздавшійся въ это время въ лѣсу топотъ лошади, мчавшейся во весь опоръ. Черезъ минуту къ нимъ подскакалъ всадникъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати. Онъ былъ въ широкихъ панталонахъ и камзолѣ изъ зеленой шелковой матеріи и въ валонской шляпѣ. Камзолъ былъ обшитъ золотою бахромой, а на сильно навощенныхъ сапогахъ блестѣли золотыя шпоры. Вооруженіе его состояло изъ шпаги, кинжала, маленькаго мушкета и двухъ пистолетовъ. Придержавъ коня, молодой всадникъ сказалъ Року:

— Я искалъ тебя, безстрашный Рокъ, въ надеждѣ, что ты облегчишь, а быть-можетъ даже и исцѣлишь мои страданія. Вижу твое недоумѣніе, и поэтому спѣшу назвать себя. Я — Клавдія, дочь Симона Сильнаго, твоего искренняго друга и заклятаго врага твоего недруга, Клокеля Торельяса. Ты меня видалъ нѣсколько разъ, но, очевидно, не узналъ въ мужскомъ платьѣ. У Торельяса, какъ ты знаешь, есть... вѣрнѣе сказать—былъ сынъ, донъ Винцентъ... Но разскажу тебѣ все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ. Винцентъ любилъ меня, и я любила его, тайкомъ отъ отца. Что дѣлать: сердце не признаетъ никакихъ законовъ и стѣсненій! Мы поклялись другъ другу въ томъ, что сдѣлаемся супругами, и я была вполнѣ увѣрена въ своемъ счастіи. Вчера, однако, я узнала, что Винцентъ измѣняетъ своей клятвѣ и женится на другой, и что его свадьба назначена на сегодняшнее утро. Отца моего не было дома, поэтому мнѣ было нетрудно одѣться въ это платье и поскакать верхомъ къ Винценту. Я встрѣтила его недалеко отсюда. Не теряя времени на пустые жалобы и упреки, я выстрѣлила въ него сначала изъ мушкета, а потомъ и изъ обоихъ пистолетовъ. Всадивъ въ него три пули, я открыла въ его тѣлѣ выходы для крови, которая должна была омыть мою поруганную честь. Обливаясь ею, онъ упалъ на руки сопровождавшихъ его слугъ, которые не могли или не смѣли защитить его. Затѣмъ я отправилась сюда, въ лѣсъ, чтобы отыскать тебя и просить помочь мнѣ бѣжать во Францію, тамъ у меня есть родные, у которыхъ мнѣ можно будетъ укрыться. Вмѣстѣ съ тѣмъ я умоляю тебя, благородный Рокъ, защитить моего отца отъ мщенія многочисленной родни Винцента.

Любуясь прекрасною и энергичною молодою дѣвушкой, атаманъ отвѣтилъ ей:

— Сначала отправимся узнать, дѣйствительно ли вы, прелестная сеньорита Клавдія, убили Винцента, а потомъ ужъ рѣшимъ, что предпринять.

— Пусть никто не трудится защищать эту даму, — воскликнулъ Донъ-Кихотъ, — я беру это на себя! Дайте мнѣ коня и оружіе и ожи-

дайте меня здѣсь. Я отправлюсь къ тому мѣсту, гдѣ поверженъ во прахъ прелестною рукой второй Діаны клятвопреступный Винцентъ, и заставлю его, живого или мертваго, сдержать данную имъ клятву.

— И пусть никто не сомнѣвается въ успѣхѣ этого дѣла, — подхватилъ Санчо: — у моего господина замѣчательно счастливая рука на устройство супружествъ. Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, онъ заставилъ одного молодого сенора жениться на молодой дѣвушкѣ, обманутой имъ, и если бы злые волшебники, со всѣхъ сторонъ преслѣдующіе моего господина, не превратили этого сенора въ лакея, то дѣло было бы окончательно улажено.

Но Рокъ, увлеченный созерцаніемъ красавицы, не слыхалъ, что ему говорили Донъ-Конъ и Санчо. Отдавъ своимъ подчиненнымъ приказаніе ожидать его возвращенія, онъ поскакалъ съ Клавдіей отыскивать Винцента. На томъ мѣстѣ, гдѣ Клавдія оставила его, они нашли только слѣды крови. Оглянувшись вокругъ, они замѣтили на вершинѣ холма группу людей и догадались, что это слуги дона Винцента, увозящіе своего господина, быть-можетъ, уже мертваго, а можетъ статься, еще и живого. Пришпоривъ своихъ коней, атаманъ и Клавдія догнали тѣхъ людей, которые, дѣйствительно, везли положеннаго поперекъ лошади дона Винцента, умолявшаго ихъ слабымъ голосомъ позволить ему умереть на мѣстѣ, такъ какъ отъ тряски онъ невыносимо страдалъ. Клавдія и ея спутникъ соскочили на землю и приблизились къ умирающему. При видѣ Рока Хинара слуги дона Винцента страшно испугались, но еще болѣе испугалась Клавдія, взглянувъ на своего жениха. Растроганная и смягченная дѣвушка приблизилась къ раненому, взяла его за руку и сказала:

— Если бы ты отдалъ мнѣ эту руку, какъ обѣщалъ, то не находился бы въ подобномъ положеніи.

Раненый открылъ уже помраченные тѣнью смерти глаза и, узнавъ Клавдію, отвѣтилъ ей прерывистымъ шопотомъ:

— Прекрасная... обманутая Клавдія... ты меня... убила, по... не того... заслуживала... моя... горячая... любовь... къ тебѣ... Никогда не... желалъ я... оскорбить... тебя... ни дѣломъ... ни даже... намѣреніемъ.

— Какъ! — вскричала изумленная Клавдія: — развѣ ты не отправлялся вѣнчаться съ другою сегодня поутру, когдя я встрѣтила тебя?

— И не... думалъ, — возразилъ Винцентъ. — Злая... судьба... моя... принесла,.. тебѣ эту... ложную... вѣсть... Она... пожелала, чтобы ты... убила... меня... изъ ни... на чемъ... не основанной... ревности... Но я... счастливъ, что... оставляю... свою... жизнь... въ... твоихъ... рукахъ...

Вѣрь... мнѣ, я ничего... такъ... не желалъ, какъ... быть... твоимъ... мужемъ...

Клавдія съ раздирающимъ сердце крикомъ бросилась на холодѣющую грудь своего возлюбленнаго и лишилась чувствъ. Слуги побѣжали за водой къ протекавшей вблизи рѣкѣ, но посредствомъ живительной влаги имъ удалось привести въ себя только Клавдію: жизнь же ея жениха навсегда покинула его.

Убѣдившись въ ужасной истинѣ, Клавдія въ изступленіи отчаянія стала рвать на себѣ волосы, царапать себѣ лицо, плакать, стонать и кричать.

— Неблагоразумная, жестокая женщина, — вопила она, колотя себя въ грудь, — какъ легко исполнила ты свое ужасное намѣреніе!.. О, слѣпая, злая, бѣшеная ревность, къ какому страшному концу приводишь ты тѣхъ, которые позволяютъ тебѣ овладѣть ихъ сердцами!.. Безцѣнный, ненаглядный мой Винцентъ! Я сама лишила тебя возможности исполнить твою клятву... Если ты простилъ меня, то я никогда не прощу себѣ, ни въ этой жизни ни въ будущей!

Отчаяніе молодой дѣвушки было такъ глубоко, что даже у твердаго духомъ бандита выступили на глазахъ слезы искренняго сочувствія, а слуги умершаго плакали навзрыдъ. Клавдія снова упала въ обморокъ. Весь холмъ казался мѣстомъ скорби и слезъ.

Наконецъ Рокъ Хинаръ приказалъ слугамъ дона Винцента продолжать путь съ прахомъ своего господина.

Приведенная опять въ чувство Хинаромъ, Клавдія изъявила непремѣнное свое желаніе поступить въ монастырь, чтобы тамъ посвятить свою жизнь служенію Богу. Бандитъ одобрилъ это рѣшеніе и предложилъ молодой дѣвушкѣ проводить ее до той обители, въ которой была настоятельницей ея тетка. Въ то же время онъ далъ слово защищать ея отца отъ мести родныхъ убитаго ею юноши. Послѣднее предложеніе Клавдія приняла съ благодарностью, а отъ перваго отказалась и, сѣвъ на лошадь, поспѣшно уѣхала одна.

Таковъ былъ конецъ любви прекрасной Клавдіи, дочери Симона Сильнаго, человѣка, извѣстнаго своимъ богатствомъ и прекрасными душевными качествами.

Возвратившись назадъ, Рокъ Хинаръ нашелъ своихъ оруженосцевъ на прежнемъ мѣстѣ, въ лѣсу, а посреди нихъ — Донъ-Кихота, сидѣвшаго теперь верхомъ на Россинантѣ и убѣдительно уговаривавшаго разбойниковъ отказаться отъ того рода жизни, который они избрали, одинаково пагубнаго какъ для тѣла, такъ и для души. Но большая часть разбойниковъ были грубые гасконцы, и рѣчь рыцаря не производила на нихъ

никакого впечатлѣнія. Санчо держался возлѣ него, тоже верхомъ на ослѣ.

Рокъ Хинаръ прежде всего спросилъ Санчо, получилъ ли онъ обратно отнятыя у него вещи.

— Получилъ,—отвѣтилъ Санчо.—Недосчитываюсь только трехъ платковъ, которые для меня дороже, нежели для другого три большихъ города.

— Чтобы ты городишь! — вскричалъ одинъ изъ разбойниковъ. — Эти платки у меня: они не стоятъ и трехъ реаловъ.

— Твоя правда, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Но мой оруженосецъ цѣнитъ эти платки такъ дорого потому, что получилъ ихъ на память отъ особы, которая очень заинтересовала его.

Рокъ Хинаръ приказалъ возвратить Санчо и платки. Затѣмъ онъ предложилъ своей шайкѣ показать ему все, что ими было награблено у другихъ путешественниковъ. Быстро сдѣлавъ оцѣнку добычѣ, онъ перевелъ на деньги то, чего нельзя было раздѣлить, и распредѣлилъ все на столько равныхъ частей, сколько было разбойниковъ. Онъ сдѣлалъ это такъ справедливо и ловко, что всѣ его подчиненные остались вполнѣ довольны.

— Если бы я не былъ такимъ точнымъ и справедливымъ съ моими людьми, — сказалъ атаманъ, обращаясь къ молча глядѣвшему на дѣлежку Донъ-Кихоту, — то и не въ состояніи былъ бы ладить съ ними.

— Значитъ, — замѣтилъ Санчо, — и между ворами много значитъ правда?

Въ отвѣтъ на это одинъ изъ разбойниковъ навелъ было на неосторожнаго болтуна аркебузъ и, навѣрное, размозжилъ бы ему голову, если бы Рокъ не удержалъ его. Санчо весь затрясся и поклялся не раскрывать болѣе рта пока будетъ находиться въ обществѣ этихъ горячихъ людей.

Но вотъ прискакалъ разбойникъ-часовой, обязанный слѣдить по дорогѣ за всѣми проѣзжающими и прохожими и увѣдомлять атамана обо всемъ, что увидитъ.

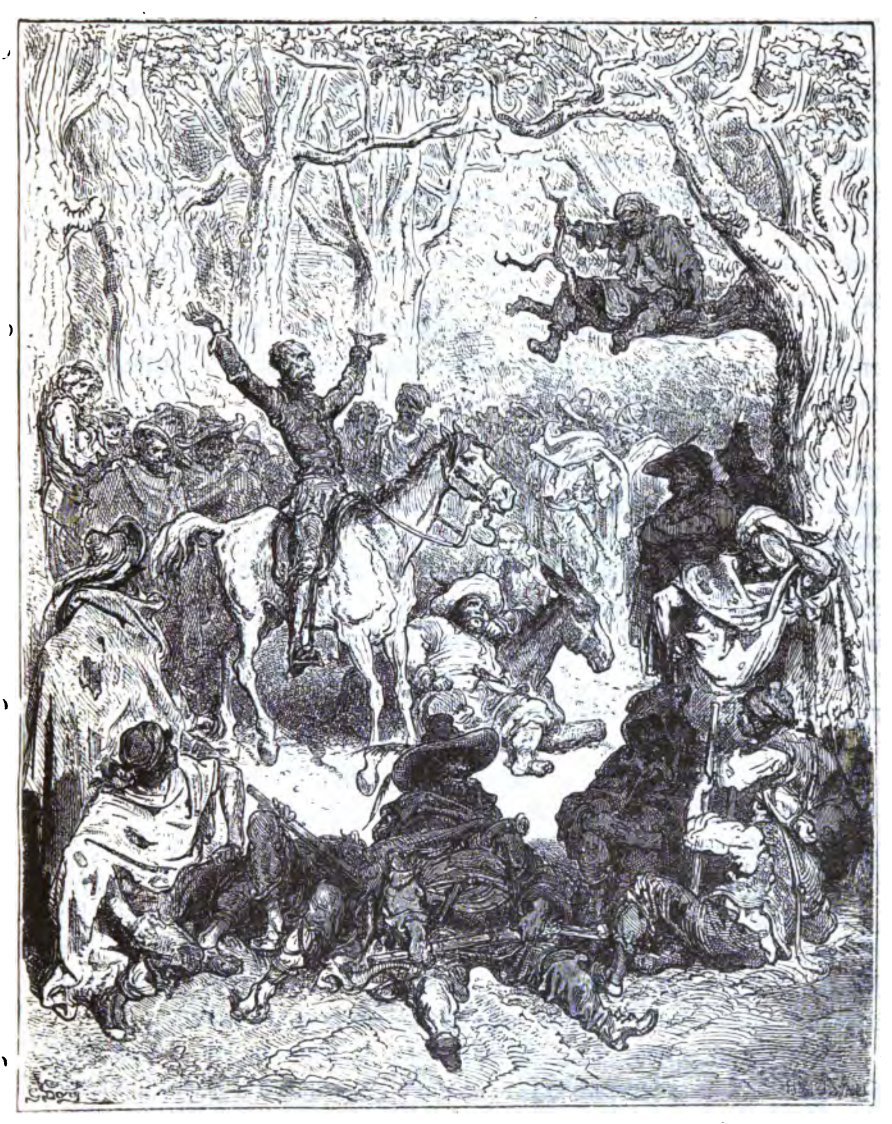
— Атаманъ, — сказалъ онъ Року, — неподалеку отсюда, по дорогѣ въ Барцелону, показалось много народа.

— Какого? — спросилъ Рокъ. — Такого, какого мы ищемъ, или такого, который насъ ищетъ?

— Какого мы ищемъ, — отвѣтилъ часовой.

— Въ такомъ случаѣ — впередъ! — скомандовалъ атаманъ своей шайкѣ. — Привести сюда всѣхъ путниковъ!

Разбойники поспѣшили исполнить это приказаніе, а Рокъ въ ожиданіи ихъ возвращенія остался съ Донъ-Кихотомъ и Санчо.

Донъ-Кихотъ среди разбойниковъ.

— Нашъ образъ жизни, вѣроятно, поражаетъ васъ, сеноръ рыцарь,— началъ атаманъ, обращаясь къ Донъ-Кихоту.—Наши приключенія должны вамъ казаться чѣмъ-то особеннымъ. Я этому не удивляюсь: трудно вести болѣе тревожную и опасную жизнь, чѣмъ ведемъ мы, бандиты. Меня побудила взяться за эту профессію жажда мщенія, которая иногда овладѣваетъ и самымъ кроткимъ сердцемъ. Отъ природы я человѣкъ

добрый и мягкій, но желаніе отомстить за одно не заслуженное мною оскорбленіе заглушило во мнѣ всякое другое чувство, и я упорно остаюсь бандитомъ, хотя отлично понимаю, къ чему это въ концѣ-концовъ должно привести меня. И подобно тому, какъ одинъ грѣхъ влечетъ за собой другой, какъ одна бездна ведетъ въ другую, такъ и мною до такой степени овладѣла привычка къ мщенію, что я теперь являюсь мстителемъ не только за себя, но и за другихъ. Однако Богъ не лишаетъ меня надежды выйти когда-нибудь изъ лабиринта моихъ грѣшныхъ дѣлъ и достигнуть тихой пристани спасенія.

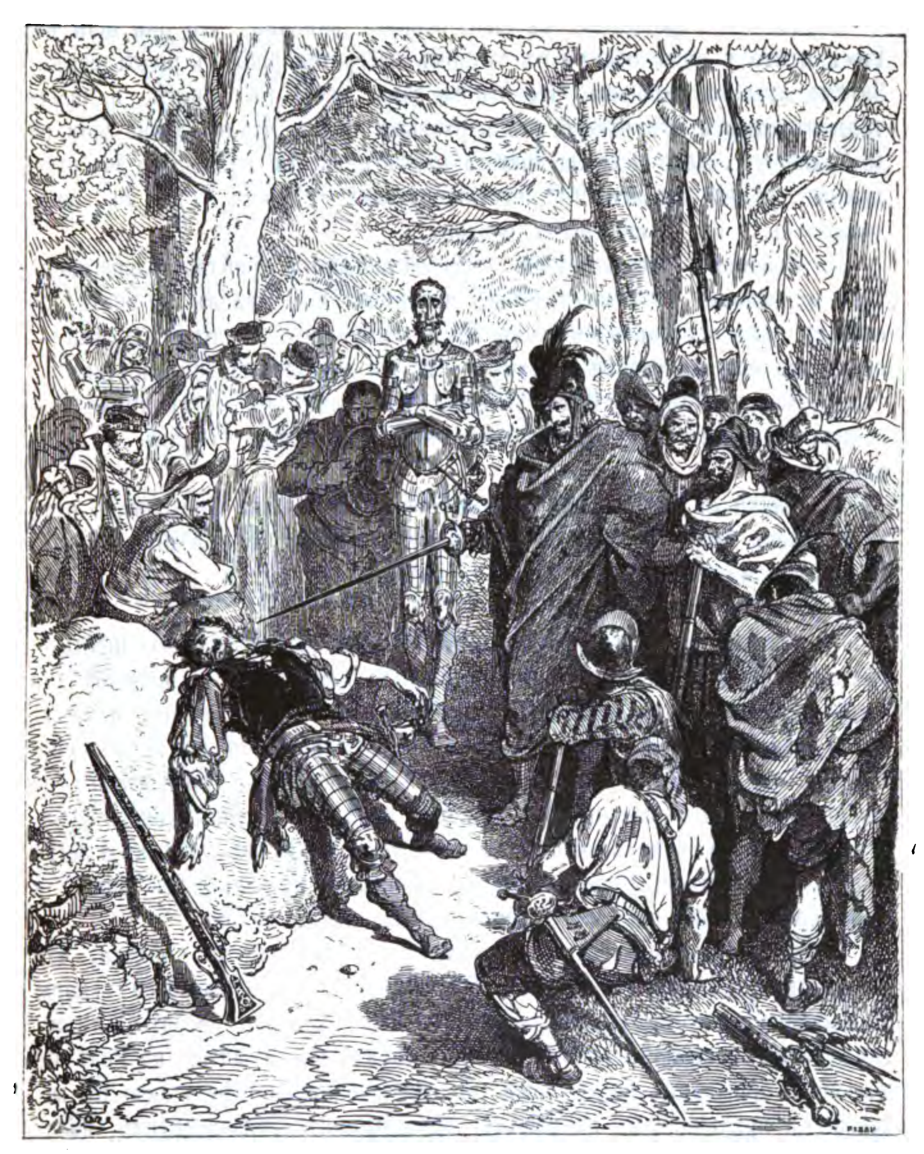
Слова Рока очень удивили Донъ-Кихота. Онъ никогда не думалъ, чтобы между грабителями и разбойниками могъ найтись человѣкъ съ такимъ возвышеннымъ образомъ мыслей.

— Благородный Рокъ, — произнесъ рыцарь, — больной, почувствовавшій свою болѣзнь и понявшій, что ему необходимо лѣчиться, уже однимъ этимъ дѣлаетъ первый шагъ къ выздоровленію. Вы знаете, чѣмъ вы больны, и Небо или, лучше сказать, нашъ общій врачъ—Богъ укажетъ вамъ цѣлебное средство, которое и спасетъ васъ. Грѣшникъ, сознающій свои грѣхи, ближе къ раскаянію, чѣмъ тотъ, который грѣшитъ, не понимая, что дѣлаетъ. Не поддавайтесь же, мой другъ, отчаянію и ждите минуты исцѣленія. Если вы желаете сократить путь къ раскаянію и скорѣе обрѣсти спасеніе, то послѣдуйте за мною, и я сдѣлаю васъ такимъ же странствующимъ рыцаремъ, какъ я самъ, Странствующій рыцарь претерпѣваетъ столько лишеній, выноситъ столько трудовъ, подвергается такимъ опаснымъ приключеніямъ, что вся жизнь его можетъ считаться безпрерывнымъ подвигомъ для искупленія своихъ и чужихъ грѣховъ.

Рокъ не могъ удержаться отъ улыбки, слушая этотъ совѣтъ. Перемѣнивъ тему разговора, онъ разсказалъ трагическую исторію любви Клавдіи. Санчо, на котораго красота и смѣлость молодой дѣвушки произвели глубокое впечатлѣніе, слушалъ со слезами на глазахъ.

Между тѣмъ разбойники возвратились и привели съ собою двухъ благородныхъ всадниковъ, двухъ пѣшихъ странниковъ, карету, въ которой сидѣло нѣсколько дамъ, шестерыхъ слугъ, сопровождавшихъ эту карету, частью верхомъ, частью пѣшкомъ, и, наконецъ, двухъ молодыхъ погонщиковъ муловъ. Плѣнники ѣхали и шли посреди окружавшихъ ихъ разбойниковъ. Когда весь кортежъ въ глубокомъ молчаніи остановился, Рокъ Хинаръ прежде всего обратился къ благороднымъ всадникамъ и спросилъ ихъ, кто они, куда отправляются и сколько съ ними денегъ.

— Мы капитаны испанской пѣхоты, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.— Направлялись же мы въ Барцелону, гдѣ, какъ слышно, стоятъ на рейдѣ

— Вотъ какъ я наказываю за неумѣніе держать на привязи свой языкъ!—хладнокровно произнесъ атаманъ, вытирая о траву мечъ.

четыре фрегата, которые должны итти въ Сицилію, куда мы желали бы перебраться. Солдаты обыкновенно бѣдны, но у насъ въ карманѣ есть около трехсотъ реаловъ, поэтому мы считали себя богачами и бодро совершали свой путь.

Странники, спрошенные въ свою очередь, заявили, что они шли въ Римъ и что у нихъ обоихъ съ трудомъ наберется реаловъ шестьдесятъ. Затѣмъ атаманъ спросилъ, что это за дамы ѣдутъ въ каретѣ, и получилъ въ отвѣтъ отъ одного изъ верховыхъ слугъ, что это донна Хіомара де-Квинонесъ, жена неаполитанскаго намѣстника, съ маленькою дочерью, дуэньей, няней, горничной и шестью слугами... Денегъ у нея съ собою должно быть около шестисотъ реаловъ.

— Значитъ, — сказалъ Рокъ, — всего наберется приблизительно около тысячи реаловъ. Насъ шестьдесятъ человѣкъ, и я желалъ бы знать, по скольку придется изъ этой суммы на долю каждаго... Сочтите вы сами, — обратился онъ къ своимъ людямъ: — я, вы знаете, плохой счетчикъ.

— Да здравствуетъ Рокъ Хинаръ! — въ одинъ голосъ крикнули разбойники. — Жить ему долгіе годы назло шпіонамъ, судамъ и палачамъ!

Плѣнники съ печальными лицами понурили головы. Продолжать путь безъ денегъ было для нихъ равносильно обреченію на голодную смерть. Нѣсколько минутъ Рокъ продержалъ ихъ въ страхѣ, а потомъ проговорилъ:

— Сеноры капитаны отдѣлятъ мнѣ для моихъ молодцовъ шестьдесятъ реаловъ, а у супруги неаполитанскаго намѣстника я попрошу для нихъ же восемьдесятъ реаловъ. Всѣмъ извѣстно, что каждый живетъ, какъ можетъ. Болѣе я ничего не потребую и предоставлю всѣмъ свободно ѣхать и итти куда кому нужно. Я дамъ даже провожатаго до границъ того, что мы считаемъ нашими владѣніями, чтобы никого не задержали тѣ изъ моихъ молодцовъ, которые посланы на развѣдки и легко могутъ встрѣтиться. Я не трогаю ни военныхъ ни знатныхъ дамъ, а тѣмъ болѣе богомольцевъ и бѣдныхъ погонщиковъ муловъ.

Капитаны разсыпались въ изъявленіяхъ благодарности, находя, что честность и великодушіе атамана безпримѣрны. А что касается сеноры де-Квинонесъ, то она хотѣла выйти изъ кареты, чтобы броситься къ ногамъ великаго атамана за то, что онъ оставляетъ ей жизнь, но Рокъ не только не допустилъ ее до этого, но еще извинился передъ нею въ задержкѣ и причиненномъ ей убыткѣ, оправдываясь обязанностями, налагаемыми на него его профессіей.

Получивъ отъ этой дамы восемьдесятъ, а отъ капитановъ шестьдесятъ реаловъ, атаманъ сказалъ своимъ людямъ:

— Изъ этихъ ста сорока реаловъ каждый изъ васъ можетъ получить по два реала, послѣ чего останется еще двадцать. Изъ этихъ двадцати реаловъ половину дайте этимъ бѣднымъ богомольцамъ, а другую — не менѣе бѣднымъ погонщикамъ муловъ.

Распоряженіе атамана было исполнено безпрекословно. Затѣмъ онъ выбралъ для путешественниковъ провожатаго съ охраннымъ листомъ. Путешественники такъ были поражены его благородною наружностью и великодушными поступками, что смотрѣли на него не какъ на разбойника, а какъ на великодушнаго сказочнаго героя, и поэтому простились съ нимъ очень дружественно.

— Какъ вы думаете, братцы, — пробурчалъ на испанско-гасконскомъ нарѣчіи одинъ изъ разбойниковъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ: — по-моему, нашему атаману болѣе пристало быть монахомъ, чѣмъ бандитомъ? Только пусть бы онъ спасалъ душу на свои деньги, а не на наши.

Прежде, чѣмъ кто-либо изъ товарищей говорившаго успѣлъ возразить на это, Рокъ Хинаръ обнажилъ мечъ и раскроилъ дерзкому разбойнику голову.

— Вотъ какъ я наказываю за неумѣніе держать на привязи свой языкъ! — хладнокровно произнесъ атаманъ, вытирая о траву мечъ.

Разбойники стояли какъ окаменѣлые отъ ужаса; ни одинъ изъ нихъ не рѣшился ничего сказать въ защиту мнѣнія своего мертваго товарища, хотя въ душѣ у нихъ, видимо, кипѣла буря.

Приказавъ подать себѣ письменныя принадлежности, Рокъ сѣлъ и написалъ одному изъ своихъ друзей въ Барцелонѣ, что у него находится тотъ знаменитый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, о которомъ написана книга и такъ много говорится въ обществѣ. Далѣе онъ сообщалъ, что этотъ удивительный рыцарь обладаетъ большими свѣдѣніями и прекраснѣйшимъ въ мірѣ характеромъ, но, очевидно, помѣшанъ на странствующемъ рыцарствѣ. Письмо атамана заканчивалось слѣдующимъ образомъ:

«Черезъ три дня я пришлю Донъ-Кихота къ вамъ въ Барцелону, вооруженнаго съ головы до ногъ и верхомъ на его знаменитомъ Россинантѣ. Надѣюсь, что онъ не мало доставитъ вамъ удовольствія. Его сопровождаетъ оруженосецъ Санчо Панца, личность тоже очень интересная, только совершенно въ другомъ родѣ, нежели его господинъ. Впрочемъ, они какъ будто взаимно дополняютъ другъ друга, такъ что одного изъ нихъ трудно представить себѣ безъ другого».

Это письмо было отправлено въ Барцелону съ однимъ изъ самыхъ расторопныхъ и надежныхъ оруженосцевъ Рока.

ГЛАВА LXI,

о томъ, какъ встрѣтили Донъ-Кихота и что съ нимъ случилось при его въѣздѣ въ Барцелону.

Трое сутокъ пробылъ Донъ-Кихотъ въ обществѣ Рока Хинара; но если бы онъ провелъ у него и триста лѣтъ, то все-таки не привыкъ бы къ его образу жизни и не переставалъ бы удивляться ему. Вокругъ него въ одномъ мѣстѣ ложились спать, въ другомъ вставали, а въ третьемъ ѣли и пили. Разбойники то вдругъ убѣгали, не зная отъ кого, то находились въ напряженномъ ожиданіи тоже неизвѣстно кого и чего. Вообще, чего-нибудь болѣе безалабернаго, нежели эта жизнь, трудно было и представить себѣ.

Самъ Рокъ часто пропадалъ, и его шайка не знала, гдѣ онъ. Барцелонскій намѣстникъ повсюду разсылалъ объявленія о томъ, что тотъ, кто поймаетъ Рока Хинара, получитъ большую денежную награду; поэтому атаману приходилось, изъ опасенія измѣны, скрываться даже отъ своей собственной шайки, являясь къ ней лишь изрѣдка и то не надолго.

Наконецъ, на четвертый день Рокъ проводилъ Донъ-Кихота и Санчо окольною дорогой почти до самой Барцелоны, гдѣ дружески и разстался съ ними, подаривъ Санчо десять червонцовъ на память и расцѣловавшись съ рыцаремъ.

Наступало утро. Оглянувшись кругомъ, Донъ-Кихотъ и Санчо увидали море, котораго имъ никогда раньше не приходилось видѣть. Море сильно удивляло ихъ своими размѣрами.

Въ рейдѣ стояло множество галеръ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами и вымпелами, весело развѣвавшимися въ воздухѣ. Съ галеръ раздавались звуки трубъ и барабановъ; подъ эти звуки суда начали маневрировать.

Какъ только городъ озарился лучами побѣдоносно шествовавшаго по небу солнца, изъ городскихъ воротъ выѣхало множество всадниковъ въ богатыхъ нарядахъ и на великолѣпныхъ коняхъ. Очевидно, это были рыцари, собиравшіеся на турниръ. Съ галеръ открылась продолжительная пальба, на которую отвѣтили съ фортовъ и городскихъ стѣнъ. Загудѣла тяжелая крѣпостная артиллерія, сливаясь съ выстрѣлами галерныхъ пушекъ. Море было совершенно спокойно; казалось, радовалось и оно, и радовало, въ свою очередь, улыбавшуюся подъ лучезарнымъ небомъ землю. Пороховой дымъ медленно расплывался въ воздухѣ, оку-

тывая всю окрестность своими клубами. Санчо, разиня ротъ, глядѣлъ на галеры, удивляясь, какъ это онѣ могли двигаться по водѣ.

Между тѣмъ группа блестящихъ всадниковъ подъѣхала прямо къ Донъ-Кихоту, съ восхищеніемъ любовавшемуся роскошною картиной, открывшеюся передъ его взорами.

— Милости просимъ къ намъ, зеркало, свѣтило и путеводитель странствующаго рыцарства! — громко крикнулъ одинъ изъ всадниковъ, предувѣдомленный Рокомъ о прибытіи нашего рыцаря въ Барцелону. — Мы такъ радушно принимаемъ не того самозваннаго Донъ-Кихота Ламанчскаго, который недавно являлся къ намъ, а настоящаго, благороднаго, доблестнаго Донъ-Кихота, подвиги котораго описаны цвѣтомъ и славой историковъ, Сидомъ Гаметомъ Бенъ-Энгели.

— Эти сеноры, очевидно, узнали насъ по описанію, — сказалъ Донъ-Кихотъ своему оруженосцу, пока всадники окружали ихъ обоихъ тѣснымъ кольцомъ.

— Да. Но, надо-быть, по описанію именно Бенъ-Энгели, а не того проклятаго лиценціата, который столько навралъ про насъ, — замѣтилъ Санчо.

— Просимъ васъ, великій рыцарь, ѣхать съ нами, — продолжалъ всадникъ, говорившій отъ имени всѣхъ своихъ товарищей. — Мы всѣ большіе друзья Рока Хинара и готовы служить вамъ чѣмъ угодно.

— Если одна любезность рождаетъ другую, то ваша любезность, сеноръ, должна быть дочерью любезности славнаго Рока Хинара, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Ведите меня куда вамъ будетъ угодно. У меня нѣтъ другой воли, кромѣ вашей, особенно, если вы пожелаете, чтобы я былъ вашимъ преданнымъ и покорнымъ слугой.

Кавалькада двинулась къ городскимъ стѣнамъ. На бѣду Донъ-Кихота, лукавый подтолкнулъ уличныхъ мальчишекъ устроить надъ нимъ дурную шутку. Пробравшись сквозь толпу, двое изъ нихъ подняли Россинанту и Длинноуху хвосты и подложили подъ нихъ по пучку колючекъ. Почувствовавъ эти своеобразные шпоры, несчастныя животныя стали брыкаться, вставать на дыбы, дѣлать неестественные прыжки и въ концѣ-концовъ сбросили своихъ всадниковъ на землю. Ушибленный и страшно сконфуженный, Донъ-Кихотъ замѣтилъ, въ чемъ было дѣло, и поспѣшилъ освободить Россинанта отъ непріятнаго и неумѣстнаго украшенія; то же сдѣлалъ и Санчо со своимъ осломъ. Спутники рыцаря хотѣли было наказать дерзкихъ мальчишекъ, но тѣ быстро скрылись, подсмѣиваясь надъ своею шалостью, такъ хорошо имъ удавшеюся.

Всадникъ, первый привѣтствовавшій Донъ-Кихота, привелъ его и Санчо въ свой обширный и роскошный домъ, гдѣ мы, по волѣ Сида Гамета Бенъ-Энгели, пока и разстанемся съ ними.

ГЛАВА LXII,

въ которой повѣствуется о пребыванiи Донъ-Кихота въ Барцелонѣ, объ очарованной головѣ и другихъ событiяхъ.

Всадникъ, пригласившiй къ себѣ Донъ-Кихота, былъ нѣкто донъ Антонiо Морено. Молодой, богатый и остроумный, онъ любилъ жить въ полное удовольствiе. Пригласивъ къ себѣ рыцаря, онъ сталъ придумывать, какъ бы заставить его выказать во всемъ блескѣ свое безумiе, но, однако, такъ, чтобы ему не было отъ этого никакого вреда. Забава, сопряженная съ ущербомъ для другихъ, — уже не забава, а жестокость, на которую донъ Антонiо не былъ способенъ. Попросивъ рыцаря снять съ себя оружiе и доспѣхи, молодой проказникъ вывелъ его въ его знаменитомъ старомъ, во многихъ мѣстахъ потертомъ и слишкомъ узкомъ камзолѣ на балконъ, чтобы доставить случай всѣмъ прохожимъ налюбоваться на своего гостя. Между тѣмъ Санчо, убѣдившись, что попалъ въ домъ, гдѣ его будутъ кормить не хуже, чѣмъ у герцога, прямо блаженствовалъ.

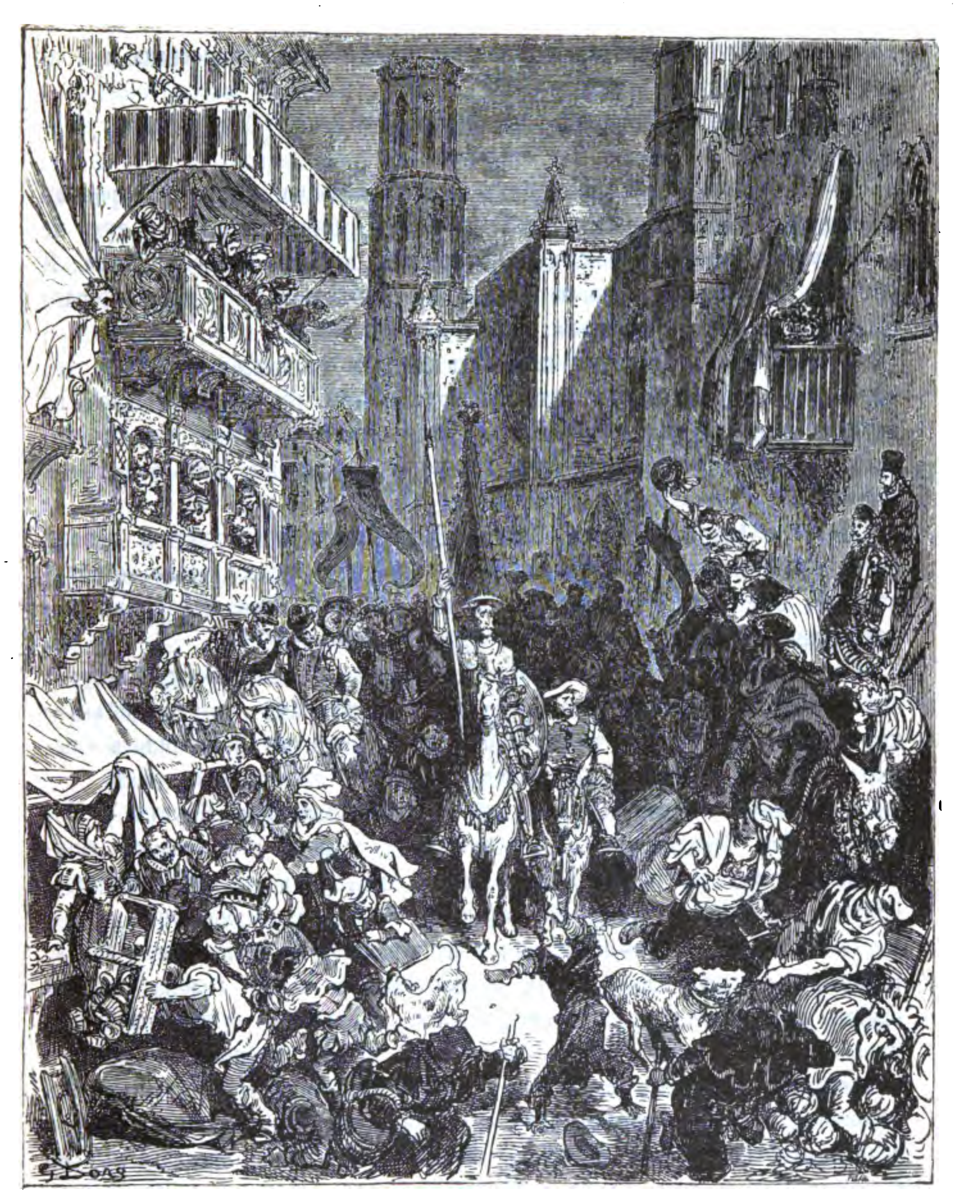
Донъ Антонiо по случаю пребыванiя у него Донъ-Кихота пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей. Всѣ обращались съ Донъ-Кихотомъ какъ съ настоящимъ странствующимъ рыцаремъ, что приводило его въ полный восторгъ и такъ льстило ему, что онъ весь сiялъ, не хуже своего оруженосца. Послѣднiй, по обыкновенiю, прислуживалъ Донъ-Кихоту за столомъ и при этомъ такъ много болталъ, что почти никому не давалъ говорить.

Наконецъ донъ Антонiо сказалъ ему:

— Мой добрый Санчо, говорятъ, ты такой охотникъ до клецокъ и бланманже, что остатки того и другого всегда прячешь за пазуху.

Донъ Антонiо вычиталъ эту ложь во второй части «Донъ-Кихота», написанной неизвѣстнымъ авторомъ.

— Это неправда, — возразилъ Санчо: — я вовсе не такъ жаденъ и очень чистоплотенъ. Мой господинъ можетъ подтвердить вашей милости, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ намъ нечѣмъ было питаться, кромѣ горсти орѣховъ или жолудей, но я никогда на это не жаловался. Правда, когда мнѣ даютъ теленка, я сейчасъ же накидываю ему на шею веревку и тащу домой, то-есть — кушаю, что мнѣ подадутъ, и постоянно приноравливаюсь къ обстоятельствамъ. Но тотъ, кто говоритъ, что я неряха и обжора, самъ не знаетъ, что городитъ его языкъ, и если онъ мнѣ попадется, я съ нимъ разсчитаюсь за это вранье.

Въѣздъ Донъ-Кихота въ Барцелону.

— Да, это вѣрно, опрятность и умѣренность Санчо достойны быть увѣковѣченными на бронзовыхъ таблицахъ, — замѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Въ минуты голода онъ, дѣйствительно, можетъ показаться прожорливымъ, но ужъ никакъ не неряшливымъ. Онъ до такой степени щепетиленъ, что

во время своего губернаторства никогда не ѣлъ даже винограда и гранатъ иначе, какъ съ вилки.

— Какъ! — воскликнулъ донъ Антоніо. — Развѣ Санчо былъ губернаторомъ?

— Да; на островѣ Бараторіи, — отвѣчалъ Санчо. — Этимъ островомъ я управлялъ цѣлыхъ десять дней; а потомъ, лишившись сна и чуть не околѣвая съ голода, я навсегда отрекся отъ всякихъ губернаторствъ. Я убѣжалъ съ острова, дорогою провалился въ подземелье, изъ котораго вытащилъ меня полумертвымъ мой господинъ.

Донъ-Кихотъ разсказалъ, какъ онъ попалъ къ подземелью, гдѣ томился его оруженосецъ, и какъ освободилъ его оттуда. Сидѣвшее за столомъ общество чрезвычайно было заинтересовано этимъ разсказомъ, какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что говорили и дѣлали Донъ-Кихотъ и Санчо.

Послѣ обѣда донъ Антоніо взялъ Донъ-Кихота подъ руку и повелъ его въ уединенную комнату, гдѣ ничего не было, кромѣ стола, сдѣланнаго изъ одного куска яшмы. На этомъ столѣ помѣщалась голова, напоминавшая бронзовые бюсты римскихъ императоровъ.

Приведя своего гостя въ эту комнату, донъ Антоніо сказалъ ему:

— Теперь, когда мы остались одни, я скажу вамъ, сеноръ Донъ-Кихотъ, нѣчто такое, чего вамъ, вѣроятно, никогда не приходилось слышать; но только прошу васъ сохранить это въ величайшей тайнѣ.

— Клянусь сохранить вашу тайну! — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Повѣрьте, донъ Антоніо, вы ее ввѣрите тому, у кого есть только уши, чтобы слышать, но нѣтъ языка, который повторялъ бы все слышанное. Открывая мнѣ свою тайну, вы опускаете ее въ бездну молчанія.

— Я вѣрю вамъ, — произнесъ донъ Антоніо, и, взявъ руку рыцаря, положилъ ее на голову бюста и продолжалъ: — эта голова сдѣлана однимъ изъ величайшихъ волшебниковъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ. Онъ былъ, если не ошибаюсь, полякъ, ученикъ знаменитаго Эскотилло, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Онъ жилъ нѣкоторое время у меня въ домѣ и сдѣлалъ мнѣ эту голову за тысячу червонцевъ. Голова эта обладаетъ даромъ отвѣчать на предлагаемые ей вопросы. Передъ тѣмъ, какъ устроить ее, волшебникъ долгое время чертилъ круги, писалъ гіероглифы, наблюдалъ положеніе звѣздъ и вообще употребилъ много труда. Что труды его не пропали даромъ, это вы увидите завтра. Сегодня пятница — единственный день въ недѣлѣ, когда голова не отвѣчаетъ. Обдумайте до завтра, о чемъ вы хотите спросить ее, и она отвѣтитъ вамъ безусловную правду, какъ я уже не разъ имѣлъ случай убѣдиться.

Чудесныя свойства, которыми, по словамъ дона Антоніо, обладала бронзовая голова, не мало удивили Донъ-Кихота, и онъ не вполнѣ вѣрилъ имъ. Но разсудивъ, что открытіе истины не заставитъ себя долго ждать, онъ не сказалъ ни слова о своихъ сомнѣніяхъ, а только горячо поблагодарилъ дона Антоніо за открытіе этой тайны. Затѣмъ они оба покинули комнату, которую молодой человѣкъ тщательно заперъ на ключъ, и возвратились въ залу, гдѣ друзья хозяина наслаждались разсказами Санчо о приключеніяхъ Донъ-Кихота и его собственныхъ.

Вечеромъ донъ Антоніо и его товарищи пригласили Донъ-Кихота пройтись съ ними по городу. По ихъ же совѣту, онъ пошелъ безъ латъ, безъ шлема и оружія, а просто въ камзолѣ и толстомъ плащѣ, подъ которымъ пропотѣлъ бы даже самый ледъ. Санчо остался со слугами дома, которые обрадовались возможности повыспросить его и посмѣяться надъ нимъ. Не успѣлъ Донъ-Кихотъ пройти и нѣсколько шаговъ, какъ ему предложили сѣсть на прекраснаго и богато убраннаго мула, котораго предоставилъ въ его распоряженіе молодой гидальго, тоже изъ круга знакомыхъ дона Антоніо. Къ плащу рыцаря, посрединѣ спины, кто-то пришпилилъ кусокъ бумаги съ крупною надписью: «Рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій». Не подозрѣвая этого фокуса, Донъ-Кихотъ чрезвычайно былъ удивленъ и польщенъ тѣмъ, что всѣ встрѣчные громко называли его по имени; это, по его мнѣнію, доказывало его всемірную извѣстность.

— Что значитъ быть странствующимъ рыцаремъ, — замѣтилъ онъ шедшему рядомъ съ нимъ дону Антоніо: — нѣтъ почти ни одного человѣка на свѣтѣ, которому я не былъ бы извѣстенъ! Даже дѣти, никогда раньше не видавшія меня, и тѣ сразу угадываютъ, кто я.

— Иначе и быть не можетъ, сеноръ Донъ-Кихотъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ. — Какъ нельзя скрыть огонь, такъ трудно скрыть и доблесть, особенно боевую, возносящуюся надъ міромъ и озаряющую его своимъ сіяніемъ.

Въ шумныя, восторженныя восклицанія толпы, привѣтствовавшей рыцаря, ворвалась, однако, и дисгармонія: одинъ прохожій кастилецъ, прочитавъ надпись на спинѣ Донъ-Кихота, вдругъ грубо крикнулъ:

— Чортъ бы побралъ тебя, Донъ-Кихотъ Ламанчскій! Удивляюсь, какъ ты могъ добраться сюда живымъ, послѣ тѣхъ палочныхъ ударовъ, которыми такъ щедро угощали тебя?.. Ты сумасшедшій болванъ; но это бы еще не бѣда, если бы ты смирно сидѣлъ въ своемъ углу, а не шлялся бы по бѣлу свѣту на соблазнъ другимъ. Твое безуміе заражаетъ всякаго, кто связывается съ тобою, какъ вотъ, напримѣръ, эти сеноры, которые разыгрываютъ изъ себя дураковъ, сопровождая тебя...

Отправляйся-ка лучше домой, безмозглая голова, займись женою, дѣтьми и хозяйствомъ, если оно у тебя есть, и брось всѣ свои дурацкія затѣи, которыя вводятъ въ грѣхъ добрыхъ людей.

— Ступай, любезный, своею дорогой, — строго сказалъ ему донъ Антоніо,—и не лѣзь со своими совѣтами къ тѣмъ, которые у тебя ихъ не спрашиваютъ. Сеноръ Донъ-Кихотъ находится въ полномъ разсудкѣ, да и мы всѣ, его друзья, тоже, слава Богу, еще въ полной памяти, и если отдаемъ ему почетъ, то, значитъ, онъ заслужилъ его. Убирайся же отъ насъ, если не хочешь ознакомиться и съ нашими палками; мы отлично владѣемъ ими.

— Уйду, уйду, не безпокойтесь! — отвѣтилъ кастилецъ.— Я и самъ понимаю, что усовѣщевать нѣкоторыхъ людей — все равно, что бросать горохъ объ стѣну. А все-таки мнѣ жалко видѣть такого почтеннаго старичка, — который, вдобавокъ, какъ я слышалъ, родился вовсе не дуракомъ, — ломающимъ комедію странствующаго рыцарства. Но, будь я проклятъ, если съ этой минуты буду тратить о немъ хоть одно слово!.. Тфу! Провались онъ совсѣмъ, вмѣстѣ со всѣми своими приспѣшниками и насмѣшниками!

Кастилецъ юркнулъ въ толпу которая между тѣмъ такъ увеличилась, привлеченная слухомъ о всадникѣ съ надписью на спинѣ, что донъ Антоніо счелъ нужнымъ незамѣтно снять со спины рыцаря соблазнительную надпись и везти его обратно къ себѣ.

Въ ожиданіи его возвращенія, жена дона Антоніо, молоденькая и очень красивая дама, пригласила на вечеръ большое дамское общество, чтобы, въ свою очередь, позабавиться на счетъ рыцаря, странности котораго были ей тоже извѣстны, какъ и многимъ другимъ, изъ напечатанной о немъ исторіи. Когда рыцарь явился въ сопровожденіи хозяина дома и его товарищей, дамы устроили танцы, и наперерывъ стали приглашать Донъ-Кихота. Нельзя было безъ смѣха видѣть его долговязую, тощую, съ высокимъ меланхолическимъ лицомъ фигуру, танцующую съ граціей дрессированнаго слона. Почти всѣ дамы украдкой дѣлали рыцарю влюбленные глазки и нашептывали ему признанія въ неотразимомъ чувствѣ ихъ любви къ нему. На все это онъ сначала отвѣчалъ гордымъ молчаніемъ, но наконецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и крикнулъ на всю зилу по-латыни:

— Fugite, partes adversae (изыдите, окаянные)! Ради Бога, успокойтесь, прекрасныя дамы!—продолжалъ онъ по-испански.—Не забудьте, что въ моемъ сердцѣ полновластно царитъ одна несравненная Дульцинея Тобозская, образъ которой охраняетъ меня отъ всякаго соблазна, какъ бы сладокъ онъ ни былъ.

Дамы устроили танцы, и наперерывъ стали приглашать Донъ-Кихота.

Проговоривъ эти слова, онъ пошатнулся и безъ сознанія упалъ на полъ: созданный для славныхъ подвиговъ, онъ не могъ вынести пытки танцевъ.

Донъ Антоніо приказалъ отнести безчувственнаго рыцаря въ спальню.

Узнавъ, что случилось съ его господиномъ, Санчо ворвался въ залу и закричалъ:

— Какъ вамъ не стыдно, сеноры, такъ мучить моего добраго господина! Не всѣ люди на свѣтѣ плясуны, и не всѣ странствующіе рыцари мастера вертѣться съ бабами. Между ними есть такіе, которые согласятся скорѣе снять голову съ любого великана, чѣмъ прыгать и скакать по-козлиному. Совѣтую вамъ лучше оставить моего господина въ покоѣ, если не хотите, чтобы историки потомъ обвинили васъ въ неумѣніи обращаться со знаменитыми странствующими рыцарями.

Посреди взрывовъ громкаго хохота негодующій Санчо вышелъ изъ залы и отправился ухаживать за своимъ господиномъ.

Утромъ Донъ-Кихотъ всталъ какъ встрепанный. Послѣ завтрака донъ Антоніо повелъ его, Санчо и нѣсколькихъ гостей въ ту комнату, гдѣ находилась говорящая бронзовая голова. За обществомъ пошла и хозяйка дома. Донъ Антоніо объяснилъ гостямъ, тоже по-секрету, тайну головы, но немного иначе, чѣмъ Донъ-Кихоту. Для начала опыта донъ Антоніо первый подошелъ къ головѣ и тихо, но внятно проговорилъ ей на ухо:

— Скажи мнѣ, голова, съ помощью чудесной силы, заключенной въ тебѣ, о чемъ я думаю въ настоящую минуту?

— Я не знаю чужихъ мыслей, — звонко и отчетливо, хотя и не шевеля губами, отвѣтила голова.

Донъ-Кихотъ невольно подался назадъ при странныхъ звукахъ голоса головы. Санчо же весь обомлѣлъ отъ ужаса и поспѣшилъ, по обыкновенію, спрятаться за своего господина.

— Сколько насъ здѣсь? — продолжалъ спрашивать донъ Антоніо.

— Ты, трое твоихъ друзей, твоя жена, шестеро ея подругъ, знаменитый Донъ-Кихотъ Ламанчскій и его оруженосецъ Санчо Панца.

— Съ меня довольно, — сказалъ донъ Антоніо, отходя въ сторону.— Я еще разъ убѣдился въ чудесныхъ, непостижимыхъ свойствахъ этой головы. Пусть теперь спрашиваютъ ее кому угодно.

Къ головѣ подошла одна изъ дамъ.

— Скажи, волшебная голова, какъ мнѣ сдѣлаться красавицей? — произнесла она съ явнымъ страхомъ, пересиливаемымъ, однако, любопытствомъ.

— Сдѣлайся сначала прекрасною душой... — начала было голова, но дама прервала ее, быстро проговоривъ:

— Довольно, больше мнѣ ничего не нужно!

— Голова, мнѣ хотѣлось бы знать, любитъ ли меня мой мужъ? — спросила другая дама.

— Наблюдай, какъ онъ ведетъ себя въ отношеніи тебя и другихъ, тогда ты увидишь то, о чемъ спрашиваешь, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Ну, — замѣтила третья дама, — мы и сами знаемъ, что можно узнать чувства человѣка по его поступкамъ. Подобные совѣты могутъ давать и не волшебныя головы.

— Кто я? — спросилъ голову одинъ изъ друзей дона Антоніо.

— Ты это и самъ знаешь, — отвѣтилъ бронзовый оракулъ.

— Я-то себя знаю, но я хочу знать, знаешь ли ты меня, — продолжалъ гидальго.

— Ты Педро Норицъ.

— Ну, теперь я вижу, что ты все знаешь, — проговорилъ гидальго, отходя отъ оракула.

— Скажи мнѣ, голова, чего желаетъ мой сынъ, наслѣдникъ моего майората? — спросилъ еще одинъ гидальго.

— Я уже сказала, что не знаю чужихъ мыслей, — отвѣтила голова. Впрочемъ, я не ошибусь, если отвѣчу тебѣ, что сынъ твой желаетъ поскорѣе похоронить тебя.

— Вѣрно, — произнесъ спрашивавшій, — отгадала. Ну, мнѣ больше не о чемъ спрашивать, — прибавилъ онъ, тоже отходя въ сторону.

— Голова, я, право, не знаю, о чемъ и спросить тебя, — проговорила хозяйка дома, приблизившись къ столу. — Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы узнать только одно: долго ли проживетъ мой милый мужъ?

— Очень долго, — получилось въ отвѣтъ: — его здоровье и умѣренность во всемъ сулятъ ему долгую жизнь, которая многими сокращается страстью ко всякаго рода излишествамъ.

— О, ты, мудрая, всевѣдущая голова, — обратился къ ней наконецъ Донъ-Кихотъ, — скажи: наяву я все видѣлъ въ пещерѣ Монтезиноса или во снѣ, и совершится ли разочарованіе Дульцинеи посредствомъ бичеванія Санчо?

— Исторія происшествія въ пещерѣ такъ длинна и запутана, что ее долго разбирать, скажу только, что въ ней есть и правда и ложь, — отвѣтила голова, — что же касается до бичеванія Санчо, то онъ оттянетъ его какъ можно дольше, но разочарованіе Дульцинеи все-таки совершится.

— Болѣе мнѣ для моего счастія ничего не нужно, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Другихъ вопросовъ я не имѣю.

— Голова, — трепетнымъ голосомъ началъ Санчо, стоя отъ оракула въ почтительномъ отдаленіи, — скажи мнѣ, буду ли я еще разъ губернаторомъ или такъ и умру несчастнымъ оруженосцемъ, и увижусь ли я еще съ женой и дѣтьми?

— Ты будешь губернаторомъ въ своемъ домѣ и увидишь жену и дѣтей, какъ только возвратишься домой и перестанешь быть оруженосцемъ, — получилъ онъ въ отвѣтъ.

— Это я и самъ знаю! — воскликнулъ Санчо. — То же самое мнѣ могъ бы сказать и первый уличный фокусникъ.

— Болванъ! — гнѣвно крикнулъ Донъ-Кихотъ. — Чего же тебѣ еще нужно? Скажи спасибо и на томъ, что голова вообще удостоила тебя отвѣтомъ.

— Такъ-то такъ, — сказалъ Санчо. — А все жъ-таки хотѣлось бы, чтобы она отвѣчала пообстоятельнѣе.

Этимъ и окончилось допрашиваніе оракула. Чтобы не вводить читателя въ заблужденіе, Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели открываетъ тайну этого оракула. Донъ Антоніо видѣлъ такую голову въ Мадридѣ и заказалъ одному художнику сдѣлать ему точно такую же. Голова была жестяная, выкрашенная подъ бронзу, и внутри совершенно пустая. Столъ, къ которому она плотно примыкала, былъ деревянный, выполированный подъ яшму, на одной толстой четырехугольной ножкѣ, украшенной четырьмя львиными лапами, и тоже пустой внутри. Сквозь полъ и ножку стола была проведена въ голову жестяная труба. Подъ поломъ, въ нижней комнатѣ, сидѣлъ человѣкъ, который отлично слышалъ сквозь эту трубу все, что говорилось наверху, и въ нее же давалъ отвѣты. Все было устроено такъ искусно, что открыть обмана никто не могъ. Отвѣчалъ на вопросы двоюродный братъ дона Антоніо, умный и находчивый студентъ.

Сидъ Гаметъ говоритъ, что дону Антоніо вскорѣ пришлось разстаться съ этою головой, потому что слухъ о ней распространился по городу и угрожалъ встревожить усердныхъ ревнителей нашей вѣры. Во избѣжаніе опасныхъ недоразумѣній, донъ Антоніо самъ открылъ отцамъ инквизиторамъ тайну говорящій головы, и тѣ потребовали уничтоженія ея, чтобы не смущать невѣжественныхъ умовъ.

Но Донъ-Кихотъ и Санчо не узнали, въ чемъ дѣло и поэтому, были убѣждены въ томъ, что видѣли и слышали дѣйствительно очарованную голову, одаренную способностью прорицанія.

На третій день своего пребыванія въ домѣ дона Антоніо Донъ-Кихоту вздумалось пройтись по городу въ сопровожденіи только Санчо и двухъ слугъ. Проходя по одной изъ большихъ улицъ, рыцарь, къ своему громадному удовольствію, увидѣлъ на одной вывѣскѣ слѣдующую надпись: «Здѣсь печатаютъ книги». Онъ никогда не былъ ни въ одной типографіи, ему очень захотѣлось воспользоваться случаемъ ознакомиться съ тайной печатанія, и онъ вошелъ въ типографію. Тамъ онъ увидѣлъ, что въ

одномъ мѣстѣ набираютъ, въ другомъ дѣлаютъ оттиски, въ третьемъ идетъ корректура, въ четвертомъ отливаютъ буквы, — словомъ, совершается весь тотъ процессъ, результатомъ котораго являются печатныя произведенія. Приблизившись къ одной изъ кассъ, Донъ-Кихотъ спросилъ, что тутъ дѣлается. Наборщикъ объяснилъ ему, что онъ набираетъ книгу.

— А какую именно? — освѣдомился рыцарь.

— Эта книга переведена мною съ итальянскаго языка, — подхватилъ случайно присутствовавшій переводчикъ. — Въ оригиналѣ она называется «Bagatelli».

— А что это значитъ по-испански? — продолжалъ Донъ-Кихотъ.

— Это значитъ — «Бездѣлицы», — отвѣтилъ переводчикъ. — Заглавіе, какъ видите, очень скромное, а между тѣмъ оно скрываетъ много дѣльнаго и интереснаго.

— Я знаю немного по-итальянски, — сказалъ рыцарь, — и могу даже похвалиться тѣмъ, что заучилъ наизусть нѣсколько стансовъ Аріосто. Но, скажите, пожалуйста, встрѣчается ли въ вашей книги слово *pignata*?

— Встрѣчается, и даже нѣсколько разъ.

— А какъ вы его перевели?

— Конечно, словомъ «горшокъ» — какъ же иначе?

— О, да вы, я вижу, знатокъ итальянскаго языка! По всей вѣроятности, вы переводите *piace* словомъ «нравится», *più* — словомъ «больше», *sù* — «наверху», а *giù* — «внизу»?

— Разумѣется; иначе нельзя и перевести.

— Я увѣренъ, что, несмотря на вашъ талантъ, общество совершенно васъ не знаетъ. Оно относится очень равнодушно къ подобнаго рода талантамъ, потому что не находитъ въ нихъ забавы для себя. Благодаря этому равнодушію, на свѣтѣ глохнетъ множество дарованій, гибнетъ доблесть и остается подъ спудомъ свѣтъ генія. Что касается собственно до переводовъ, то мнѣ кажется, что большинство изъ нихъ очень напоминаютъ дорогіе фландрскіе обои съ изнанки, гдѣ не видно ничего, кромѣ смутныхъ очертаній. Вообще трудъ переводчика, передающаго съ одного языка на другой только слова, но не вникающаго въ ихъ смыслъ, не выше работы обыкновеннаго переписчика. Однако я вовсе не хочу сказать этимъ, чтобы подобный трудъ былъ унизителенъ, напротивъ, это все-таки одно изъ наиболѣе благородныхъ занятій. Самыми выдающимися переводчиками я считаю Кристоваля Фигуэроса и Хуана Хорегу: они оба переводятъ такъ, что ихъ переводы смѣло можно принять за оригиналы... Но, кстати, скажите, пожалуйста, вы печатаете эту книгу на свой счетъ или продали ее какому-нибудь книготорговцу?

— Нѣтъ, на свой счетъ, — отвѣтилъ переводчикъ, — и надѣюсь выручить отъ перваго ея изданія не менѣе тысячи реаловъ. Я печатаю двѣ тысячи экземпляровъ и назначаю по шести реаловъ за книгу. Думаю, что книга будетъ раскупаться очень бойко.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, потому что плохо знаете уловки, къ которымъ прибѣгаютъ книготорговцы, чтобы сбыть свой товаръ, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Съ двумя тысячами экземпляровъ на плечахъ вамъ придется порядочно повозиться. Боюсь, какъ бы эта страшная тяжесть не задавила васъ.

— Такъ что же, не дарить же мнѣ свою книгу этимъ торговцамъ! — воскликнулъ переводчикъ. — Они дадутъ мнѣ за нее три мараведиса и вообразятъ, что оказали мнѣ этимъ Богъ вѣсть какое благодѣяніе... Слуга покорный! Я, слава Богу, уже извѣстенъ своими трудами, и печатаю книги не для славы, а для барыша, потому что вся наша слава, по-моему, не стоитъ и выѣденнаго яйца.

— Ну, помогай вамъ Богъ! — произнесъ Донъ-Кихотъ и подошелъ къ корректору, который исправлялъ первый листъ книги подъ заглавіемъ «Свѣтильникъ души».

— Вотъ такого рода книгъ слѣдовало бы печатать какъ можно больше, — замѣтилъ рыцарь. — Положимъ, у насъ уже много подобныхъ сочиненій, но число закоснѣлыхъ грѣшниковъ, нуждающихся въ просвѣтлѣніи, еще больше.

Затѣмъ онъ отправился къ другой кассѣ и спросилъ, что тамъ набирается.

— Вторая часть «Донъ-Кихота Ламанчскаго», написанная какимъ-то лиценціатомъ, — отвѣтили ему.

— Знаю я эту пошлую книгу и удивляюсь, что она еще не уничтожена, потому что, кромѣ наглаго вранья и пошлостей, въ ней ничего нѣтъ. Вымышленныя исторіи тѣмъ лучше и интереснѣе, чѣмъ онѣ правдоподобнѣе, какъ вообще на свѣтѣ только то и хорошо, въ чемъ больше правды.

Проговоривъ это, Донъ-Кихотъ, видимо раздосадованный, покинулъ типографію.

ГЛАВА LXIII,

въ которой описывается посѣщеніе Донъ-Кихотомъ и Санчо одного корабля и встрѣча съ прекрасною мавританкой.

Какъ ни старался Донъ-Кихотъ понять фокусъ съ говорящею головой, но никакъ не могъ узнать этого, такъ что въ концѣ-концовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что голова дѣйствительно была одарена волшебной силой прорицанія. Благодаря этому оракулу, онъ сталъ надѣяться на скорое разочарованіе Дульцинеи Тобозской, вслѣдствіе чего замѣтно повеселѣлъ.

Черезъ два дня послѣ описанныхъ нами событій донъ Антоніо Морено и двое изъ его друзей отправились вмѣстѣ съ Донъ-Кихотомъ и Санчо осматривать галеры королевскаго флота. Заранѣе предупрежденный начальникъ эскадры встрѣтилъ знаменитыхъ посѣтителей на легкомъ яликѣ, покрытомъ богатыми коврами и бархатными подушками. При этомъ играла музыка и на всѣхъ галерахъ развѣвались пестрые флаги.

Когда Донъ-Кихотъ вступилъ на адмиральскую галеру, раздались пушечные салюты. Собранный на палубѣ экипажъ привѣтствовалъ посѣтителей громкими восторженными криками. Обнявъ Донъ-Кихота, адмиралъ растроганнымъ голосомъ произнесъ:

— Нынѣшній день — одинъ изъ прекраснѣйшихъ во всей моей жизни, потому что я имѣю счастіе видѣть собственными глазами знаменитаго Донъ-Кихота Ламанчскаго, славу и свѣточъ странствующаго рыцарства.

Восхищенный такимъ лестнымъ пріемомъ, Донъ-Кихотъ, съ своей стороны, разсыпался въ утонченнѣйшихъ любезностяхъ передъ адмираломъ.

Когда посѣтители сѣли, капитанъ галеры скомандовалъ экипажу раздѣться и натянуть паруса. То и другое было исполнено съ такимъ изумительнымъ проворствомъ, что даже Донъ-Кихотъ удивился, а что касается Санчо, то восхищенный толстякъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ.

Санчо сидѣлъ на кормѣ, возлѣ шпалерника, то-есть около перваго гребца на правой скамьѣ. Заранѣе наученный шпалерникъ вдругъ поднялъ Санчо и, не говоря ни слова, передалъ его слѣдующему гребцу; тотъ взялъ его и передалъ сосѣду съ другой стороры. Такимъ образомъ бѣдный оруженосецъ сталъ перелетать изъ рукъ въ руки съ такою быстротой, что у него помутилось въ глазахъ и ему показалось, что его уносятъ черти. Весь въ поту, измученный, растрепанный, недоумѣваю-

щій, онъ снова очутился на своемъ мѣстѣ и никакъ не могъ понять, кто и что собственно съ нимъ продѣлали.

Положивъ руку на эфесъ шпаги, Донъ-Кихотъ, видѣвшій всю эту процедуру, всталъ и громко спросилъ:

— Неужели то, что сейчасъ было сдѣлано съ моимъ оруженосцемъ, входитъ въ программу церемоній встрѣчи посѣтителей этой галеры? Предупреждаю, что я вовсе не имѣю охоты подвергнуться подобнымъ церемоніямъ, и если кто-либо позволитъ себѣ тронуть меня, то ему не поздоровится! Прошу запомнить это!

Въ это время убирали паруса и спустили большую рею съ такимъ шумомъ, что Санчо показалось, будто ему на голову обрушивается небо, и онъ со страха спряталъ голову между ногъ. Самъ Донъ-Кихотъ нѣсколько смутился, поблѣднѣлъ и нагнулся. Рею подняли съ такимъ же шумомъ, хотя и въ полномъ молчаніи, точно работали не люди, а призраки. Потомъ раздался сигналъ къ поднятію якоря, и капитанъ началъ хлестать гребцовъ-негровъ бычачьими жилами по голому тѣлу.

Когда Санчо увидѣлъ, что «красныя ноги», какъ онъ называлъ весла, пришли въ движеніе, то воскликнулъ:

— Вотъ это такъ чудо! Это будетъ получше тѣхъ чудесъ, о которыхъ разсказываетъ мой господинъ... Но за что же такъ бьютъ этихъ несчастныхъ черномазыхъ людей? Что они сдѣлали дурного? И какъ хватаетъ смѣлости у одного человѣка бить сразу столькихъ? Клянусь Богомъ, вотъ гдѣ настоящій адъ или, по крайней мѣрѣ, чистилище!

— Что бы тебѣ, другъ мой, воспользоваться удобнымъ случаемъ и совершить разочарованіе Дульцинеи? — сказалъ Донъ-Кихотъ своему оруженосцу. — Раздѣлся бы ты и сѣлъ между гребцами, и капитанъ отодралъ бы тебя заодно съ ними. Посреди страданій столькихъ людей ты и не почувствовалъ бы своихъ собственныхъ. И очень можетъ быть, что мудрый Мерлинъ согласился бы считать каждый ударъ, нанесенный тяжелою рукою капитана, за десять.

Адмиралъ хотѣлъ было спросить, о чемъ это Донъ-Кихотъ толкуетъ со своимъ оруженосцемъ, какъ вдругъ вахтенный закричалъ:

— Фортъ Монжуинъ подаетъ сигналы, что съ запада приближается судно!

— Ребята! — крикнулъ въ отвѣтъ на это капитанъ. — Намъ нужно, во что бы то ни стало, захватить это судно! Это, навѣрное, бригантина алжирскихъ корсаровъ.

Отдавъ приказаніе тремъ другимъ галерамъ выйти въ открытое море, адмиралъ направилъ свой корабль вдоль берега, чтобы бригантина была окружена со всѣхъ сторонъ. Галеры съ быстротою стрѣлы полетѣли по

волнамъ. Невдалекѣ, дѣйствительно, виднѣлась четырнадцативесельная бригантина. Завидѣвъ шедшія ей наперерѣзъ галеры, она хотѣла скрыться отъ нихъ, надѣясь на свою легкость. Но адмиральская галера была легче на ходу. Быстро догнавъ бригантину, она стала ее брать на абордажъ. Убѣдившись въ невозможности спастись, арраэцъ (такъ назывались капитаны алжирскихъ судовъ) скомандовалъ своимъ людямъ сложить весла и сдаться, чтобы не раздражать безполезнымъ сопротивленіемъ начальника испанской эскадры. Между гребцами бригантины находились двое пьяныхъ турокъ, которые выстрѣлили изъ своихъ аркебузъ и уложили двухъ испанскихъ матросовъ. Послѣдствіемъ этого было то, что адмиралъ поклялся не оставить въ живыхъ ни одного человѣка на бригантинѣ. Услыхавъ эту страшную угрозу, арраэцъ ловкимъ маневромъ заставилъ бригантину увернуться отъ абордажа и быстро поднялъ паруса. Но какъ ни вертѣлось судно, испанская галера все-таки взяла его на абордажъ и съ торжествомъ привела къ берегу, гдѣ уже собралась громадная толпа народа. Впереди всѣхъ на пристани стоялъ самъ вице-король. Увидавъ его, адмиралъ выслалъ за нимъ яликъ, а между тѣмъ приказалъ сдѣлать нужныя приготовленія къ повѣшенію на реѣ плѣнниковъ, которыхъ было тридцать шесть человѣкъ, по большей части вооруженныхъ аркебузами.

— Кто изъ васъ арраэцъ? — спросилъ адмиралъ, оглядывая плѣнныхъ, выстроенныхъ передъ нимъ въ нѣсколько рядовъ.

— Вотъ онъ, — отвѣтилъ одинъ изъ плѣнниковъ, оказавшійся испанскимъ ренегатомъ, указывая на одного молодого человѣка поразительной красоты, которому казалось па видъ самое большое двадцать лѣтъ.

— Безумный! — крикнулъ адмиралъ, подступая къ красавцу. — Какъ ты смѣлъ убивать моихъ матросовъ, когда видѣлъ, что все равно не спасешься? Такимъ ли путемъ выказываютъ покорность сильнѣйшему? Развѣ ты не понимаешь, что дерзость далеко не одно и то же, что мужество? Въ сомнительныхъ обстоятельствахъ лучше благоразумная покорность, нежели дерзкій протестъ.

Прибытіе на галеру вице-короля со свитой и нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ лицъ мѣстной администраціи помѣшало арраэцу отвѣтить.

— Вы, кажется, удачно поохотились? — спросилъ вице-король адмирала, указывая на плѣнныхъ.

— Да, добычи не мало, — отвѣтилъ адмиралъ. — Ваша свѣтлость сейчасъ увидите всѣхъ моихъ плѣнниковъ повѣшенными.

— За что вы хотите ихъ казнить?

— За то, что они, вопреки всѣмъ правиламъ и обычаямъ, убили двухъ изъ моихъ лучшихъ матросовъ. Я поклялся повѣсить всѣхъ, кого только за-

хвачу на этомъ суднѣ, а прежде всего арраэца, вотъ этого мальчишку, который стоитъ какъ истуканъ, точно до него ничего и не касается.

Вице-король взглянулъ на красавца, спокойно ожидавшаго смерти, съ петлей на шеѣ и со связанными назадъ руками.

— Кто ты, арраэцъ? — обратился къ нему вице-король, почувствовавшій глубокую жалость къ этому молодому, мужественному красавцу и рѣшившійся спасти его отъ рукъ адмирала. — Ты турокъ, мавръ или ренегатъ?

Юноша отрицательно покачалъ головою.

— Такъ кто же ты?— продолжалъ вице-король.

— Я — христіанка.

— Христіанка!.. Въ мужской одеждѣ?!. Женщина-христіанка въ роли арраэца на корсарской бригантинѣ?! — восклицалъ изумленный вице-король. — Но этого не можетъ быть!

— Отсрочьте немного казнь, и я разскажу вамъ мою исторію, — сказалъ арраэцъ, оказавшійся женщиной. — Вы отъ этого ничего не потеряете: повѣсить меня всегда успѣете. Я теперь въ вашей власти и никуда не уйду.

По распоряженію вице-короля адмиралъ отложилъ казнь, и всѣ со вниманіемъ стали слушать слѣдующій разсказъ молодой красавицы.

— Прежде всего я должна сказать, — начала плѣнница,—что я принадлежу къ той болѣе несчастной, чѣмъ благоразумной націи, на которую въ послѣднее время обрушилось столько ударовъ. Изъ этихъ словъ вы, вѣроятно, уже поняли, что я мавританка. Двое моихъ дядей увезли меня во время послѣдняго несчастія, постигшаго насъ въ Испаніи, въ Берберію, несмотря на то, что я христіанка, и даже искренняя, а не только притворная, какъ многіе другіе мавры. Напрасно я кричала объ этомъ: тѣ, которымъ было поручено прогнать насъ, не слушали меня, а дяди не вѣрили мнѣ. Они думали, что я хочу остаться въ Испаніи по другой причинѣ, и увезли меня насильно. Между тѣмъ мои отецъ и мать тоже были христіанами, такъ что я уже съ молокомъ матери всосала христіанскую религію и ничѣмъ не напоминала мавровъ. Отецъ мой былъ очень богатъ. Узнавъ о томъ, что намъ всѣмъ грозитъ изгнаніе, онъ зарылъ въ землѣ, въ мѣстѣ, случайно сдѣлавшимся мнѣ извѣстнымъ, много денегъ и драгоцѣнныхъ камней и отправился на чужбину отыскивать для себя и своего семейства новый пріютъ. Во время его отсутствія дяди и увезли меня и нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ. По пути къ намъ присоединился одинъ изъ моихъ односельчанъ, молодой человѣкъ, по имени Гаспаръ Грегоріо, который любилъ меня и пользовался моею взаимностью. Онъ послѣдовалъ за мною украдкой, не пред-

упредивъ даже меня о своей безумной затѣѣ. Мы поселялись въ Алжирѣ, который оказался для меня адомъ. Алжирскій дей, услыхавъ о моей красотѣ и моемъ богатствѣ, приказалъ привести меня къ себѣ. Онъ спросилъ, въ какой провинціи я родилась и сколько привезла съ собой денегъ.

Я назвала ему мѣсто моей родины и сказала, что денегъ и сокровищъ у меня много, но все осталось зарытымъ въ землѣ въ прежнемъ мѣстѣ нашего жительства. Я надѣялась, что дей согласится отпустить меня на родину, если я дамъ обѣщаніе отдать ему всѣ сокровища отца. Пока онъ бесѣдовалъ со мною, одинъ изъ моихъ провожатыхъ сказалъ ему, что за мной погнался изъ Испаніи одинъ молодой человѣкъ удивительной красоты. Онъ говорилъ о Гаспарѣ Грегоріо, дѣйствительно, обладающемъ замѣчательною красотой. Я задрожала при мысли объ опасности, угрожавшей моему возлюбленному. Дей сейчасъ же хотѣлъ приказать привести къ себѣ и Гаспара, но прежде спросилъ меня, правда ли, что Гаспаръ такъ красивъ, какъ говорятъ. Точно вдохновенная свыше, я отвѣтила:

— Да, это правда. Но только я должна сказать тебѣ, благородный дей, что это вовсе не юноша, а такая же дѣвушка, какъ и я, переодѣтая мужчиной для удобства въ пути. Позволь мнѣ пойти и одѣть ее въ надлежащее платье, чтобы она могла явиться передъ тобой въ полномъ блескѣ своей красоты, много теряющей въ мужской одеждѣ.

«Дей согласился и сказалъ, что на слѣдующій день переговоритъ со мной относительно оставленныхъ мною на родинѣ сокровищъ. Я побѣжала къ Гаспару и, разсказавъ ему, въ чемъ дѣло, одѣла его въ свое платье. Дей такъ былъ восхищенъ его красотою, что оставилъ его у себя съ тѣмъ, чтобы подарить султану, а пока велѣлъ отправить его подъ покровительство одной знатной мавританки, чѣмъ и устранилъ отъ него всякую опасность. Что почувствовали мы съ Гаспаромъ въ минуту разлуки, это можетъ понять только тотъ, кто самъ былъ въ подобномъ положеніи. На другой же день дей отправилъ меня на своей бригантинѣ въ Испанію, въ сопровожденіи двухъ преданныхъ ему турокъ—тѣхъ самыхъ, которые убили вашихъ матросовъ, вопреки моему приказанію. Было рѣшено, что я отдамъ этимъ туркамъ сокровища, о которыхъ говорила ему, а меня за это оставятъ на родинѣ. Я тайкомъ захватила съ собою вотъ этого испанскаго ренегата, который давно уже искалъ случая бѣжать на родину, но все неудачно. Видя мою рѣшительность и неустрашимость, дей предложилъ мнѣ одѣться въ мужское платье и взять на себя роль арраэца па бригантинѣ, на что я, конечно, съ радостью согласилась. Къ счастію, во время пути изъ Испаніи въ

Алжиръ я приглядѣлась къ морскому дѣлу и какъ-то разъ сказала объ этомъ дею. Остальное вы сами знаете. Я попалась вамъ въ руки и должна платиться за чужую вину своею жизнью. Ну что жъ, — я готова!»

Растроганный этимъ безыскусственнымъ разсказомъ, вице-король подошелъ къ прекрасной плѣнницѣ и поспѣшилъ снять съ нея веревки. Въ то же время сквозь толпу протискался какой-то старый странникъ, протянулъ къ дѣвушкѣ дрожащія руки и, обливаясь слезами, воскликнулъ:

— О, Анна, бѣдная моя дочь! Какая счастливая звѣзда привела меня сюда, чтобы я могъ, наконецъ, снова прижать тебя къ своей отцовской груди!

Санчо узналъ въ странникѣ Рикота, съ которымъ встрѣтился въ день своего бѣгства съ губернаторства, а въ молодой дѣвушкѣ — его дочь, которую помнилъ еще маленькою.

Когда прошелъ первый порывъ радости свиданія отца съ дочерью, Рикотъ сказалъ вице-королю и адмиралу:

— Это моя дочь; ее зовутъ Анною Феликсъ. Хотя латинское слово «феликсъ» и значитъ «счастливая», однако это имя не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: моя дочь слишкомъ много перенесла горя, чтобы могла назваться счастливою. Я пришелъ изъ Германіи, гдѣ нашелъ второе отечество, чтобы взять свои сокровища, спрятанныя мною возлѣ моего прежняго мѣста жительства, а затѣмъ ѣхать отыскивать свою дочь. Сокровища со мною, а теперь я нашелъ и свое послѣднее сокровище — дочь. Если Господь поможетъ жениху моей дочери, Гаспару Грегоріо, освободиться изъ плѣна, я охотно благословлю его на бракъ съ Анною.

Ренегатъ вмѣшался въ разговоръ и предложилъ свои услуги для освобожденія Гаспара, если только Рикотъ дастъ ему для этого необходимыя средства. Рикотъ съ радостью обѣщалъ дать на это двѣ тысячи реаловъ. Вице-король обѣщалъ свое содѣйствіе дѣлу освобожденія молодого испанца изъ плѣна и, не желая помрачать милосердія къ однимъ жестокостью къ другимъ, убѣдилъ адмирала оставить въ живыхъ всѣхъ плѣнниковъ съ захваченной бригантины. Послѣ этого онъ возвратился на берегъ вмѣстѣ съ остальными посѣтителями галеры. Донъ Антоніо пригласилъ къ себѣ Рикота съ дочерью, которые съ удовольствіемъ приняли это приглашеніе. Такъ окончилось приключеніе, угрожавшее жизни стольких лицъ. Пострадалъ только Санчо, котораго перешвыривали съ рукъ на руки; но и онъ скоро оправился отъ этого неожиданнаго воздушнаго путешествія

ГЛАВА LXIV,

въ которой разсказывается о самомъ грустномъ изъ всѣхъ приключеній Донъ-Кихота, помрачившемъ его славу.

Исторія говоритъ, что жена дона Антоніо Морено очень радушно и ласково приняла Анну Феликсъ, очаровавшую ее своимъ умомъ и красотой.

Донъ-Кихотъ долго что-то молча обдумывалъ, а потомъ вдругъ сказалъ дону Антоніо, что онъ лучше ренегата сумѣлъ бы освободить Гаспара Грегоріо изъ плѣна, если бы только его перевезли вмѣстѣ съ Россинантомъ въ Алжиръ.

— Я, — добавилъ онъ, — освободилъ бы этого молодого человѣка тѣмъ же способомъ, какимъ донъ Гаиферосъ выручилъ свою жену.

— Вы забываете, ваша милость, — вмѣшался Санчо, — что донъ Гаиферосъ похищалъ свою супругу на твердой землѣ и увезъ ее по такой же твердой землѣ, а намъ съ вами пришлось бы плыть по морю, къ чему мы вовсе непривычны, такъ что это дѣло можетъ кончиться для насъ очень плохо.

— Вздоръ! — возразилъ Донъ-Кихотъ. — Человѣкъ не родится съ какими-либо привычками, онъ пріобрѣтаетъ ихъ потомъ.

Донъ Антоніо прекратилъ возникшій было между господиномъ и слугой споръ заявленіемъ, что если предпріятіе ренегата не удастся, то съ благодарностью воспользуются любезнымъ предложеніемъ Донъ-Кихота.

На другой же день ренегатъ отплылъ обратно въ Алжиръ на легкомъ шестивесельномъ суднѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе вице-королемъ.

Въ тотъ же день Донъ-Кихотъ, надѣвъ полное вооруженіе, пошелъ опять прогуляться по городу. Пройдя нѣсколько улицъ, онъ встрѣтился съ другимъ рыцаремъ, тоже вооруженнымъ съ головы до ногъ и съ серебрянымъ изображеніемъ луны на щитѣ. Остановившись передъ Донъ-Кихотомъ, рыцарь напыщенно произнесъ:

— Славный и никѣмъ еще по достоинству не воспѣтый рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій! Я — рыцарь Серебряной Луны. Полагаю, что слава о моихъ необычайныхъ подвигахъ достигла и твоихъ ушей. Я пришелъ сразиться съ тобою, испытать твою силу и заставить тебя признать мою даму — кто бы она ни была — прекраснѣе Дульцинеи Тобозской. Признавъ эту несомнѣнную истину, ты избѣжишь смерти и избавишь меня отъ труда убить тебя. Если мы сразимся, и я останусь

побѣдителемъ, а ты останешься живъ, то я требую, чтобы ты сложилъ оружіе и, отказавшись отъ всякихъ приключеній, удалился на одинъ годъ въ свою деревню. Это условіе необходимо для твоего счастія и спасенія твоей души. Если же ты побѣдишь, — моя голова въ твоей власти вмѣстѣ съ моимъ оружіемъ, моимъ конемъ и славою моихъ подвиговъ, которая увеличитъ твою славу. Подумай и отвѣть мнѣ здѣсь же. Я желаю сразиться съ тобой не позже, какъ до сегодняшняго вечера.

Окинувъ дерзкаго рыцаря презрительнымъ взглядомъ, Донъ-Кихотъ спокойно отвѣтилъ ему:

— Рыцарь Серебряной Луны! О твоихъ подвигахъ я ровно ничего не слыхалъ и готовъ поклясться, что ты никогда не имѣлъ счастія лицезрѣть несравненную Дульцинею Тобозскую, иначе не рѣшился бы дѣлать мнѣ подобнаго вызова. Образъ моей дамы обезоружилъ бы тебя, твое грустное заблужденіе разсѣялось бы, и ты бы постигъ, что не было, нѣтъ и никогда не будетъ на свѣтѣ красавицы, подобной Дульцинеѣ. Чтобы убѣдить тебя въ этомъ, я принимаю твой вызовъ съ назначенными тобою условіями. Что же касается до увеличенія моей славы славою твоихъ подвиговъ, то я не нуждаюсь въ этомъ. Я всегда довольствуюсь своимъ и никогда не льщусь на чужое.

— Дѣло твое,— сказалъ рыцарь Серебряной Луны. — Я тебѣ ничего не навязываю. Итакъ, жду тебя на конѣ за городскими воротами, на лугу. Надѣюсь, ты явишься туда на своемъ знаменитомъ Россинантѣ черезъ часъ и не заставишь меня напрасно ждать.

— О, конечно, нѣтъ, — гордо отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Я никогда не заставляю ждать своихъ враговъ. Черезъ часъ буду на мѣстѣ.

Не желая, чтобы кто-нибудь, даже Санчо, узналъ о предстоящемъ единоборствѣ,— изъ опасенія, какъ бы ему ни помѣшали,— Донъ-Кихотъ подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ возвратился домой за своимъ конемъ, и на немъ поспѣшилъ къ назначенному его противникомъ мѣсту.

Случилось такъ, что вице-король съ своею постоянною свитой попалъ на то мѣсто какъ разъ въ то время, когда Донъ-Кихотъ уже готовился къ бою. Вставъ посерединѣ противниковъ, вице-король освѣдомился о причинѣ ихъ единоборства.

— Причина серьезная — споръ о первенствѣ красоты, — отвѣтилъ рыцарь Серебряной Луны, и разсказалъ все, касавшееся до поединка.

Убѣжденный, что рыцарь Серебряной Луны какой-нибудь шутникъ, вздумавшій разыграть комедію съ Донъ-Кихотомъ, помѣшательство котораго сдѣлалось извѣстно и ему, вице-король проговорилъ:

— Сеноры, если вы иначе не можете рѣшить своего спора, какъ только съ оружіемъ въ рукахъ, то я препятствовать вамъ не буду. Да сохранитъ васъ обоихъ Богъ.

Рыцари вѣжливо поблагодарили вице-короля за его косвенное разрѣшеніе поединка. Затѣмъ Донъ-Кихотъ, по своему обыкновенію, поручивъ свою душу Богу и своей дамѣ, снова приготовился къ нападенію. Конь рыцаря Серебряной Луны оказался проворнѣе коня Донъ-Кихота, такъ что, наскочивъ съ разбѣга на Россинанта, сразу свалилъ его съ ногъ. Донъ-Кихотъ вылетѣлъ изъ сѣдла и тщетно усиливался подняться. Рыцарь Серебряной Луны спѣшился, подбѣжалъ къ своему противнику и, приставивъ острее копья къ его забралу, крикнулъ:

— Рыцарь, ты побѣжденъ и будешь немедленно убитъ, если не согласишься выполнить условій нашего поединка!

Не поднимая забрала, Донъ-Кихотъ глухимъ и протяжнымъ голосомъ, какъ бы выходившимъ изъ глубины могилы, отвѣтилъ:

— Дульцинея лучше всѣхъ самыхъ прекрасныхъ женщинъ на землѣ, а я — несчастнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ рыцарей, когда-либо бывшихъ на землѣ!.. Хотя я и не въ состояніи болѣе поддерживать первой истины силою, но тѣмъ не менѣе не отступаюсь отъ нея... Убей меня, рыцарь, возьми мою жизнь, какъ ты взялъ уже мою честь!

— Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнулъ рыцарь Серебряной Луны, — да сіяетъ въ меркнущемъ свѣтѣ слава несравненной Дульцинеи Тобозской! Я требую только, чтобы сеноръ Донъ-Кихотъ удалился на одинъ годъ въ свою деревню, какъ это было условлено между нами при моемъ вызовѣ.

Тѣмъ временемъ подоспѣли донъ Антоніо и Санчо, привлеченные разнесшимся по городу слухомъ о поединкѣ Донъ-Кихота съ какимъ-то незнакомымъ рыцаремъ. Они оба были свидѣтелями, вмѣстѣ съ вице-королемъ и лицами его свиты, какъ Донъ-Кихотъ далъ честное слово рыцаря сдѣлать все, что не послужитъ въ ущербъ славы Дульцинеи Тобозской. Получивъ это обѣщаніе, рыцарь Серебряной Луны сѣлъ на своего коня, поклонился присутствующимъ и ускакалъ. Вице-король попросилъ дона Антоніо послѣдовать за этимъ рыцаремъ и узнать, кто онъ и откуда явился въ Барцелону.

Донъ-Кихота подняли съ земли и открыли забрало съ его помертвѣвшаго, покрытаго холоднымъ потомъ лица. Послѣ этого подняли на ноги и Россинанта; послѣднее удалось съ большимъ трудомъ, такъ какъ бѣдный конь былъ сильно ушибленъ. Санчо, весь въ слезахъ, не зналъ, что говорить и дѣлать. Все происшедшее казалось ему тяжелымъ сномъ. Онъ видѣлъ Донъ-Кихота побѣжденнымъ и давшимъ слово возвратиться

въ деревню и не прикасаться къ оружію въ теченіе цѣлаго года. Онъ видѣлъ свѣтъ его славы помраченнымъ и всѣ обѣщанія его, всѣ замыслы, разсѣянными какъ дымъ. Хуже этого ничего не могло и случиться съ его господиномъ, и несчастный оруженосецъ не помнилъ себя отъ горя.

По распоряженію вице-короля откуда-то принесли носилки, на которыя положили Донъ-Кихота и понесли въ домъ дона Антоніо.

ГЛАВА LXV,

въ которой разсказывается о томъ, кто былъ рыцарь Серебряной Луны и повѣствуется объ освобожденіи Гаспара Грегоріо.

Донъ Антоніо Морено отправился вслѣдъ за рыцаремъ Серебряной Луны, за которымъ съ хохотомъ и крикомъ бѣжала толпа ребятишекъ, и увидѣлъ, что онъ остановился у одной изъ лучшихъ гостиницъ въ центрѣ города. Желая въ точности исполнить данное ему вице-королемъ порученіе, донъ Антоніо послѣдовалъ за рыцаремъ въ гостиницу. Нечаянно обернувшись, рыцарь замѣтилъ его, остановился и сказалъ:

— Сеноръ, я васъ видѣлъ на мѣстѣ поединка и догадываюсь, зачѣмъ вы послѣдовали за мной. Вамъ угодно узнать, кто я, не такъ ли?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, рыцарь продолжалъ:

— Извольте, я сообщу вамъ это, такъ какъ у меня нѣтъ причинъ скрываться. Пожалуйте въ мою комнату, гдѣ намъ удобнѣе будетъ бесѣдовать, чѣмъ здѣсь, въ прихожей.

Приведя дона Антоніо къ себѣ и усадивъ его на диванъ, рыцарь сказалъ:

— Я — баккалавръ, мое имя Самсонъ Караско. Я живу въ одной деревнѣ съ Донъ-Кихотомъ, этимъ больнымъ умомъ гидальго, возбуждающимъ во всѣхъ своихъ знакомыхъ живѣйшее состраданіе къ его положенію. Убѣжденный, что онъ можетъ излѣчиться отъ сумасшествія только у себя дома, въ покоѣ и тишинѣ, я рѣшилъ во что бы то ни стало привезти его домой. Три мѣсяца тому назадъ я отправился вслѣдъ за нимъ въ образѣ рыцаря Зеркалъ, засталъ его въ лѣсу, вызвалъ на бой, надѣясь побѣдить его безъ пролитія крови и заставить сдаться мнѣ на милость; при этомъ я выговорилъ, что онъ, въ случаѣ моей побѣды, долженъ будетъ сдѣлать все, что я ему прикажу, лишь бы это не шло вразрѣзъ съ честью рыцаря. Я хотѣлъ добиться того, чтобы онъ счелъ себя связаннымъ словомъ и не выѣзжалъ изъ дому пока не вылѣчится. Къ несчастью, тогда не я побѣдилъ его, а онъ свалилъ

Донъ-Кихота подняли съ земли и открыли забрало съ его помертвѣвшаго, покрытаго холоднымъ потомъ лица.

меня на землю, и надежды мои были обмануты. Донъ-Кихотъ какъ ни въ чемъ не бывало отправился дальше, а я былъ вынужденъ со стыдомъ возвратиться домой. При паденіи я сильно ушибся, такъ что нѣсколько времени пролежалъ въ постели. Это, однако, не отбило у меня

охоты повторить свою попытку овладѣть Донъ-Кихотомъ и привезти его на родину. Вы сами были свидѣтелемъ сегодня, какъ я вынудилъ его дать слово возвратиться домой и пробыть тамъ годъ. Всегда вѣрный своему слову и завѣтамъ рыцарства, онъ непремѣнно сдержитъ данное имъ слово, и такимъ образомъ будетъ спасенъ. Вотъ вамъ и вся моя исторія. Прошу васъ только не говорить Донъ-Кихоту, что вы узнали отъ меня, иначе мое доброе намѣреніе возвратить разсудокъ человѣку, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасному, не исполнится, а это было бы очень грустно.

— О, сеноръ, — воскликнулъ донъ Антоніо, — да проститъ васъ Богъ за то, что вы хотите лишить міръ одного изъ самыхъ интересныхъ безумцевъ! Неужели вы не видете, что польза отъ его ума никогда не вознаградитъ потери того удовольствія, которое всѣмъ доставляютъ его сумасбродныя выходки? Впрочемъ, я увѣренъ, что никакая сила не въ состояніи вылѣчить его, и всѣ ваши старанія въ этомъ отношеніи останутся безплодными. Если же вамъ и удастся вылѣчить его, то, повторяю, люди много потеряютъ. Дѣлайте, однако, какъ знаете; я препятствовать вамъ ни въ чемъ не буду.

Баккалавру только и нужно было это увѣреніе, и онъ вполнѣ подружески разстался съ дономъ Антоніо.

Послѣдній передалъ вице-королю все, что слышалъ отъ Самсона Караско. Вице-король очень сожалѣлъ, что Барцелона должна лишиться такого интереснаго гостя, какимъ былъ Донъ-Кихотъ со своими причудами, но сказалъ, что удерживать его насильно онъ не будетъ да и не имѣетъ на это права.

Шесть дней пролежалъ Донъ-Кихотъ въ постели, грустный, скорбящій, задумчивый и въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, тщетно стараясь примириться съ мыслью о постигшемъ его пораженіи. Санчо утѣшалъ его какъ могъ и, между прочимъ, говорилъ ему:

— Мужайтесь и ободритесь, ваша милость! Благодарите Бога за то, что у васъ по крайней мѣрѣ уцѣлѣли ребра въ этомъ сраженіи. Поправляйтесь скорѣе и возвратимся домой. Это будетъ самое лучшее. Довольно ужъ мы съ вами нарыскались по невѣдомымъ странамъ за приключеніями. Я было надѣялся, что вы сдѣлаете меня графомъ послѣ того, какъ мнѣ не повезло на губернаторствѣ. Но такъ какъ вы перестаете быть странствующимъ рыцаремъ, то, конечно, мнѣ нечего болѣе ждать графства, а приходится оставаться попрежнему бѣднымъ пахаремъ.

— Молчи, Санчо! — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Развѣ ты не знаешь, что я обязанъ удалиться въ деревню только на годъ? По истеченіи этого срока я снова примусь за свою благородную профессію и еще успѣю

завоевать для себя цѣлое королевство, а для тебя — хорошее графство.

— Да услышитъ васъ Богъ и не услышитъ лукавый! — воскликнулъ Санчо. — Говорятъ, лучше хорошая надежда, нежели плохая дѣйствительность.

Въ это время вошелъ въ комнату къ Донъ-Кихоту донъ Антоніо и весело проговорилъ:

— А я къ вамъ съ радостными вѣстями, сеноръ Донъ-Кихотъ: ренегатъ привезъ Гаспара Грегоріо. Сейчасъ они оба у вице-короля, а потомъ будутъ у меня.

— Я бы больше обрадовался, если бы вы сказали, что ренегатъ не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, – отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Тогда я самъ отправился бы въ Берберію и освободилъ бы своею сильною рукой не только Гаспара, но и всѣхъ томящихся тамъ въ плѣну добрыхъ христіанъ... Но, — увы! — что я говорю, несчастный! Развѣ я не побѣжденъ, не сброшенъ съ коня на землю и повергнутъ вопрахъ? Развѣ не обязанъ честнымъ словомъ не браться за оружіе въ теченіе цѣлаго года? Какими же мечтами могу я тѣшить себя теперь, когда мнѣ осталось только приняться за веретено вмѣсто меча?

— Полноте, ваша милость, такъ отчаиваться! — воскликнулъ Санчо. — Кто слетѣлъ съ коня сегодня, тотъ можетъ завтра, въ свою очередь, спихнуть кого-нибудь, лишь бы только не унывалъ и надѣялся на Бога.

Вскорѣ пришелъ Гаспаръ Грегоріо, движимый желаніемъ поскорѣе увидѣть свою возлюбленную, Анну Феликсъ. Его привелъ слуга дона Антоніо, дожидавшійся его выхода отъ вице-короля.

Анна Феликсъ говорила правду, назвавъ своего жениха красавцемъ: онъ былъ ей вполнѣ подъ пару, и не только по внѣшности, но и по своимъ внутреннимъ качествамъ.

Повидавшись съ своею невѣстой и ея отцомъ, — кстати сказать, тутъ же благословившимъ молодыхъ людей на брачный союзъ, — Гаспаръ познакомился съ Донъ-Кихотомъ и при немъ разсказалъ всѣ свои приключенія въ Алжирѣ. Въ краснорѣчивыхъ словахъ передалъ онъ и о томъ, какъ его освободилъ изъ плѣна ренегатъ. Рикотъ щедро вознаградилъ послѣдняго, который нарочно для этого былъ приглашенъ въ домъ дона Антоніо. Чтобы болѣе не возвращаться къ этому ренегату, скажемъ, что онъ вскорѣ былъ снова присоединенъ къ римско-католической Церкви и такимъ образомъ получилъ надежду на спасеніе своей заблудшейся было души.

Вице-король взялся хлопотать при дворѣ о томъ, чтобы Рикоту съ дочерью было позволено остаться въ предѣлахъ страстно любимой ими

Испаніи; само собою разумѣется, что ходатайство такого вліятельнаго человѣка было уважено, хотя Рикотъ не вѣрилъ этому и говорилъ:

— Никогда намъ не разрѣшатъ остаться здѣсь. Дона Бернардино Веласко, графа Салазара, которому поручено королемъ дѣло нашего изгнанія, не могутъ смягчить ни слезы, ни мольбы, ни убѣжденія. Положимъ, нашъ народъ и самъ много виноватъ въ томъ, что не весь позналъ истины христіанской Церкви, и кое въ чемъ другомъ; но графъ Салазаръ хочетъ вывести его изъ заблужденія не мѣрами кротости, а неумолимою суровостью... Свойственное ему благоразуміе и внушаемый имъ страхъ помогли ему вынести на его могучихъ плечахъ все дѣло изгнанія мавровъ. Всѣ наши уловки и хитрости не могли обмануть и усыпить этого зоркаго аргуса! Вѣчно не дремлющимъ окомъ наблюдаетъ онъ, чтобы не остался ни одинъ отпрыскъ ядовитаго корня, который могъ бы впослѣдствіи снова внѣдриться въ очищенную отъ мавровъ испанскую почву. Очевидно, по вдохновенію свыше, Филиппъ III поручилъ исполненіе своего смѣлаго замысла дону Бернардино Веласко...

Но Рикотъ смотрѣлъ слишкомъ мрачно: при дворѣ оказались пружины, способныя воздѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ даже и на бронзовое сердце графа Салазара: Рикоту и его семейству было разрѣшено поселиться вновь въ Испаніи.

Черезъ два дня Донъ-Кихотъ и Санчо покинули Барцелону. Первый ѣхалъ безъ вооруженія, которое все было сложено на спину терпѣливаго Длинноуха.

ГЛАВА LXVI,

разсказывающая о томъ, что увидитъ читатель или услышитъ, если ему будутъ читать ее вслухъ.

Увидавъ за городскими воротами мѣсто своего пораженія, Донъ-Кихотъ съ горечью воскликнулъ:

— Здѣсь была моя Троя!.. Здѣсь мое малодушіе и моя несчастная звѣзда затмила мою славу!.. Здѣсь подстерегла меня моя злая судьба, и пало мое счастіе, чтобы никогда ужъ не подняться!

— Ваша милость, — сказалъ Санчо, — мужественный человѣкъ долженъ быть такимъ же твердымъ и терпѣливымъ въ несчастіи, какъ радостнымъ и признательнымъ въ счастіи. Я сужу по себѣ: если я веселился, будучи губернаторомъ, то не унываю и теперь, очутившись въ прежнемъ своемъ низкомъ званіи. Говорятъ, Фортуна — баба причудливая, взбалмошная, безразсудная и вдобавокъ еще слѣпая; она не ви-

дитъ, что творитъ, и не знаетъ сама, кого унижаетъ или возвышаетъ, такъ что, по-моему, и обижаться-то на нее нельзя.

— Ты сейчасъ говоришь какъ настоящій философъ, Санчо, — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Но ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что все происходитъ на землѣ по волѣ слѣпой фортуны или случая. Добро и зло посылаются намъ по велѣнію Неба, поэтому и говорятъ, что каждый самъ виноватъ въ своихъ неудачахъ. Я тоже самъ виновникъ своего несчастія, потому что не умѣлъ благоразумно пользоваться своимъ счастіемъ и грѣшилъ гордынею. Притомъ же я долженъ былъ сообразить, что тощему и изнуренному лѣтами и трудами Россинанту трудно противостать молодому, сильному и откормленному коню рыцаря Серебряной Луны. Но я не обратилъ вниманія на слабость Россинанта и необдуманно принялъ вызовъ этого рыцаря. Очень естественно, что я при первомъ же натискѣ противника былъ сброшенъ на землю... Однако я утѣшаю себя мыслью, что, лишившись славы, я не лишился чести и способности сдержать данное мною слово. Когда я былъ странствующимъ рыцаремъ, за меня говорили мои подвиги, а теперь, сдѣлавшись опять простымъ гидальго, я хочу прослыть рыцаремъ своего слова... Отправимся же, мой другъ, домой, и проведемъ тамъ тяжелый годъ моего искуса. Въ нашемъ вынужденномъ уединеніи и бездѣйствіи мы обновимъ свои силы, чтобы въ свое время снова взяться за оружіе, отъ котораго я никогда не откажусь совершенно.

— Только вотъ что, ваша милость,—сказалъ Санчо:—изъ-за вашихъ доспѣховъ, занявшихъ всю спину моего осла, я долженъ все время итти пѣшкомъ, а это мнѣ вовсе не по вкусу. Разрѣшите повѣсить ваше оружіе на какое-нибудь дерево, а самому мнѣ занять снова мѣсто на ослѣ; тогда дѣло пойдетъ гораздо лучше.

— Хорошо,—согласился Донъ-Кихотъ.—Повѣсимъ наше оружіе на дерево, какъ трофей, и напишемъ сверху или вокругъ него двухстишіе, которое было написано надъ трофеями Роланда:

Никто да не дерзнетъ рукой къ нимъ прикоснуться,
Если не желаетъ съ Роландомъ здѣсь столкнуться!

— Золотыя слова! — воскликнулъ Санчо. — Если бы Россинантъ не нуженъ былъ вамъ въ дорогѣ, то я посовѣтовалъ бы повѣсить и его заодно съ вашими доспѣхами.

— А! Если ты такъ заговорилъ, Санчо, то я не только своего коня, но не повѣшу и оружія, чтобы про меня не могли сказать, что я заплатилъ неблагодарностью за его вѣрную службу! — съ негодованіемъ вскричалъ Донъ-Кихотъ.

— Положимъ, умные люди говорятъ, что должно обвинять не поклажу за вину осла, — замѣтилъ Санчо. — Въ вашемъ пораженіи виноваты вы сами, поэтому вы и накажите себя, и пусть гнѣвъ вашъ разразится не надъ этимъ несчастнымъ измятымъ и старымъ оружіемъ, ни надъ добрымъ и преданнымъ Россинантомъ, ни надъ моими деликатными ногами, не привыкшими ходить по жесткой дорогѣ и острымъ камнямъ, а...

— Замолчи! — прикрикнулъ Донъ-Кихотъ. — Все останется такъ, какъ было: Россинантъ будетъ нести меня, какъ несъ до сихъ поръ, оружіе будетъ лежать тамъ, гдѣ лежитъ, а ты будешь итти, какъ идешь... Если тебѣ не нравятся мои распоряженія, то можешь итти одинъ, покинувъ меня одинокимъ и беззащитнымъ въ этой пустынѣ. Чего же мнѣ другого и ждать отъ тебя за всѣ мои благодѣянія!

Видя, что Донъ-Кихотъ разсерженъ не на шутку, Санчо поспѣшилъ успокоить его увѣреніемъ, что онъ повинуется его волѣ и готовъ слѣдовать за нимъ пѣшкомъ не только по камнямъ, но даже по терніямъ и хоть босыми ногами, лишь бы доказать свою преданность и признательность. Это смягчило Донъ-Кихота, и онъ заговорилъ въ прежнемъ дружескомъ тонѣ.

Въ продолженіе четырехъ дней присутствія нашихъ героевъ съ ними не случилось ничего такого, что было бы достойно занесенія въ лѣтописи ихъ исторіи.

На пятый же день, вступивъ въ небольшое селеніе, они увидѣли передъ корчмою большую толпу народа и вмѣшались въ нее, чтобы узнать причину этой сходки. При видѣ путешественниковъ одинъ изъ крестьянъ возвысилъ голосъ и крикнулъ:

— Пусть вотъ лучше рѣшитъ нашъ споръ одинъ изъ этихъ сеноровъ, такъ кстати явившихся сюда.

— Я рѣшу вашъ споръ, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Скажите мнѣ только, въ чемъ у васъ дѣло?

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ крестьянинъ, — что одинъ толстякъ, нашъ односельчанинъ, вѣсящій два центера и три четверти, вызвалъ на перебѣжку другого, который вѣситъ только сто двадцать пять фунтовъ. Было рѣшено, что они, взявъ въ руки одинаковыя тяжести, пробѣгутъ сто шаговъ. Но когда нужно было бѣжать, нашъ толстякъ заартачился и объявилъ, что его партнеръ, вѣсящій только одинъ центеръ съ четвертью, долженъ взять въ руки, или лучше, привѣсить къ себѣ на спину еще полтора центера, тогда общій вѣсъ ихъ сравняется. И вотъ теперь мы не знаемъ...

— Постойте! — перебилъ Санчо. — Рѣшать это дѣло слѣдуетъ мнѣ, какъ бывшему губернатору. Мнѣ не въ диковину улаживать самые запутанные споры.

— Очень естественно, что я при первомъ же натискѣ противника былъ сброшенъ на землю.

— И отлично! Возьмись-ка ты за это дѣло, другъ Санчо, — проговорилъ Донъ-Кихотъ. — Я не въ состояніи рѣшать подобныхъ вопросовъ, пока умъ мой встревоженъ и мысли смущены.

Обрадованный согласіемъ своего господина, Санчо сказалъ обступившимъ его тѣснымъ кольцомъ крестьянамъ:

— Братцы, вашъ толстякъ не соразмѣрилъ своего требованія ни съ разсудкомъ ни съ справедливостью. Если предоставлено одному изъ состязующихся выбирать оружіе, то этимъ еще не сказано, чтобы онъ имѣлъ право выбирать такое, которое не подъ силу его противнику. По моему мнѣнію, не тощему слѣдуетъ привязывать къ себѣ лишнюю тяжесть, а толстяку нужно снять съ себя сто пятьдесятъ фунтовъ мяса, съ какой части своего тѣла онъ найдетъ удобнѣе. Тогда, оставшись вѣсомъ въ сто двадцать пять фунтовъ, онъ сравняется съ тощимъ и можетъ пуститься съ нимъ въ бѣгъ съ чистою совѣстью.

— Вотъ это правда! — вскричалъ крестьянинъ. — Этотъ сенòръ разсуждаетъ, что твой каноникъ! Но только, думается, толстякъ едва ли согласится снять съ себя самую крошечку мяса, а не то что сто пятьдесятъ фунтовъ...

— Всего лучше совсѣмъ оставить этотъ бѣгъ, — сказалъ другой крестьянинъ. — Ни тощій не захочетъ задохнуться подъ тяжестью желѣза, ни толстякъ — кромсать себя ради пустого удовольствія. Пусть половина заклада пойдетъ на вино. Мы угостимъ кстати и этихъ сеноровъ, и дѣлу конецъ.

Собраніе единогласно одобрило это предложеніе, и всѣ стали просить рыцаря распить съ ними по кружкѣ вина.

— Благодарю васъ за доброе предложеніе, друзья мои, — произнесъ Донъ-Кихотъ, — но овладѣвшія мною мрачныя мысли не даютъ мнѣ покоя, поэтому я не могу остаться съ вами, а долженъ покинуть васъ, рискуя даже показаться невѣжливымъ.

Съ послѣднимъ словомъ Донъ-Кихотъ пришпорилъ коня и поѣхалъ дальше, удививъ крестьянъ своимъ страннымъ видомъ не менѣе Санчо, изумившаго ихъ своимъ мудрымъ рѣшеніемъ спора.

— Да, — глубокомысленно замѣтилъ старый крестьянинъ, когда путешественники скрылись изъ виду, — если ужъ слуга такъ мудръ, то какая же палата ума должна быть у господина! Вотъ ужъ правда: родись уменъ да поучись въ Саламанкѣ, глядишь, и сдѣлался либо губернаторомъ, либо епископомъ...

Проведя ночь посреди чистаго поля, подъ открытымъ небомъ, Донъ-Кихотъ и Санчо рано утромъ продолжали путь. Сдѣлавъ около мили, они увидѣли шедшаго имъ навстрѣчу человѣка, съ палкой въ рукахъ и съ котомкой за плечами. Замѣтивъ Донъ-Кихота, незнакомецъ подбѣжалъ къ нему, обхватилъ его правую ногу и радостно воскликнулъ:

— О, сеноръ Донъ-Кихотъ, какъ будетъ доволенъ мой господинъ, когда узнаетъ, что вы возвращаетесь къ нему въ замокъ...

— Я тебя вовсе не знаю, — перебилъ Донъ-Кихотъ. — Кто ты такой?

— Я — Тозилосъ, лакей его свѣтлости герцога. Тотъ самый Тозилосъ, который отказался сражаться съ вами изъ-за дочери донны Родригецъ.

— Боже праведный! — вскричалъ Донъ-Кихотъ. — Возможно ли, чтобы ты былъ тѣмъ человѣкомъ, котораго враги мои, волшебники, преобразили въ лакея съ цѣлью лишить меня славы побѣды?

— Полноте, ваша милость,— возразилъ Тозилосъ.— Никакихъ тамъ не было волшебниковъ и никто не превращалъ меня. Я явился на арену тѣмъ же самымъ лакеемъ Тозилосомъ, какимъ и покинулъ ее. Я захотѣлъ жениться на дочери донны Родригецъ по доброй волѣ, потому что какъ только увидалъ эту дѣвушку, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. Къ несчастію, дѣло вышло совсѣмъ не такъ, какъ я желалъ и ожидалъ. Едва ваша милость успѣли выѣхать изъ замка, какъ герцогъ приказалъ отсчитать мнѣ по спинѣ сто палочныхъ ударовъ за то, что я не исполнилъ его приказаній, которыя онъ далъ мнѣ передъ началомъ сраженія. Вообще кончилось очень скверно: та, на которой я хотѣлъ жениться, была вынуждена поступить въ монастырь, мать ея отправилась въ Кастилію, а меня герцогъ послалъ въ Барцелону съ письмомъ къ вице-королю... Кстати, если вашей милости угодно, то я могу угостить васъ глоткомъ хорошаго стараго вина и кускомъ прекраснаго троншонскаго сыра.

— Давай сюда свое вино, пріятель! — крикнулъ Санчо. — Я съ большимъ удовольствіемъ выпью его за твое здоровье, да и отъ сыра не откажусь.

— Санчо, ты величайшій обжора, пьяница и вдобавокъ еще невѣжа!—сердито произнесъ Донъ-Кихотъ. — Человѣкъ этотъ Богъ знаетъ кто, такъ какъ онъ побывалъ въ передѣлкѣ у волшебниковъ, а ты набиваешься на его угощеніе, точно сто лѣтъ ничего не ѣлъ и не пилъ!.. Ну, да дѣлай, какъ знаешь. Оставайся съ этимъ мнимымъ герцогскимъ лакеемъ, набивай себѣ съ нимъ брюхо и отуманивайся виномъ, если ужъ тебѣ такъ хочется. Я твоему удовольствію мѣшать не стану: поѣду потихоньку впередъ и буду поджидать тебя гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Санчо остался съ Тозилосомъ, между тѣмъ какъ Донъ-Кихотъ шагомъ поѣхалъ впередъ. Тозилосъ досталъ бутылку съ виномъ и сыръ съ хлѣбомъ. Расположившись затѣмъ поудобнѣе на травѣ, они вдвоемъ съ Санчо принялись выпивать и закусывать. Аппетитъ у Санчо былъ настолько хорошъ, что онъ въ концѣ-концовъ даже облизалъ герцогское письмо, потому что оно пропахло сыромъ.

— Мнѣ кажется, твой господинъ совсѣмъ сумасшедшій, — сказалъ, между прочимъ, Тозилосъ.

— Да, у него тутъ не совсѣмъ ладно, — отвѣтилъ Санчо, указывая на голову. — Мало ли я уговаривалъ его не дурить, но ничего не помогло... Ну, да теперь нашимъ чудачествамъ конецъ: его побѣдилъ недавно рыцарь Серебряной Луны, сеноръ серьезный, и взялъ съ него клятву возвратиться домой и сидѣть себѣ смирно за печкой, если не хочетъ, чтобы его связали и посадили въ домъ умалишенныхъ.

Тозилосъ просилъ разсказать ему поподробнѣе о битвѣ Донъ-Кихота съ рыцаремъ Серебряной Луны, но Санчо объявилъ, что ему некогда, потому что его дожидается его господинъ, а въ другой разъ, если Богъ приведетъ встрѣтиться опять, онъ непремѣнно разскажетъ своему новому пріятелю все, что произошло съ того времени, когда они разстались. Съ этими словами Санчо всталъ, оправился, простился съ Тозилосомъ, взялъ подъ уздцы своего осла и поспѣшно повелъ его по тому направленію, куда направлялся Донъ-Кихотъ.

ГЛАВА LXVII,

въ которой разсказывается о рѣшеніи Донъ-Кихота сдѣлаться пастухомъ на время своего годового искуса и о другихъ не менѣе интересныхъ событіяхъ.

Донъ-Кихотъ ожидалъ своего оруженосца, сидя подъ деревомъ, немного въ сторонѣ отъ дороги, и, по обыкновенію, предавался своимъ горестнымъ размышленіямъ.

Наконецъ притащился и Санчо и сейчасъ же принялся разсказывать о томъ, какъ онъ славно провелъ время съ лакеемъ Тозилосомъ.

— Санчо, — воскликнулъ Донъ-Кихотъ, — неужели ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что это настоящій лакей?! Неужели ты забылъ о происходившихъ на твоихъ глазахъ превращеніяхъ: несравненной Дульцинеи — въ грубую крестьянку, а рыцаря Зеркалъ — въ баккалавра Самсона Караско? Точно такъ же волшебники, на зло мнѣ, превратили и того молодого человѣка, который влюбился въ дочь донны Родригецъ, въ лакея Тозилоса... Но ты, по крайней мѣрѣ, спрашивалъ у этого ложнаго Тозилоса, что сдѣлалось съ прекрасною и черезчуръ беззастѣнчивою Альтизидорой? Оплакивала ли она меня, или сейчасъ же, въ минуту моего отъѣзда, поспѣшила похоронить свою безнадежную любовь ко мнѣ...

— Очень мнѣ нужно, ваша милость, спрашивать о всякой дрянной дѣвчонкѣ, — отвѣтилъ Санчо. — Да и вамъ охота вспоминать о каждой влюбленной въ васъ дурѣ.

— Санчо, есть большая разница между любовью и благодарностью. Благородный человѣкъ, въ особенности же странствующій рыцарь, мо-

жетъ оставаться равнодушнымъ и холоднымъ къ влюбленнымъ въ него красавицамъ, но быть къ нимъ неблагодарнымъ онъ не имѣетъ права. По всему было видно, что я, самъ того не желая, возбудилъ самую пылкую любовь въ сердцѣ Альтизидоры. Ты былъ свидѣтелемъ какъ она при всѣхъ обнаружила свое чувство ко мнѣ. Вѣдь проклятія, которыми она меня осыпала при моемъ отъѣздѣ, были, въ сущности, признаніями въ любви. Я не могъ утѣшить ея ничѣмъ, потому что мое сердце принадлежитъ навѣки несравненной Дульцинеѣ; я не могъ и подарить ей что-нибудь такое, что доказало бы ей мою признательность за ея любовь, потому что у меня нѣтъ сокровищъ; слѣдовательно, я могу подарить ее только воспоминаніемъ, не затмевая, однако, этимъ воспоминанія о Дульцинеѣ, той самой Дульцинеѣ, которую ты такъ мучишь, отказываясь отхлестать себя ради нея. О, какъ я желалъ бы видѣть пожраннымъ волками твое неуклюжее толстое тѣло, которое ты предпочитаешь сохранить лучше въ добычу земнымъ червямъ, чѣмъ пожертвовать имъ для разочарованія дамы моего сердца!

— Сказать по правдѣ, ваша милость,—проговорилъ Санчо — я до сихъ поръ все еще не возьму въ толкъ, какое отношеніе можетъ имѣть моя порка къ разочарованію очарованныхъ? Мнѣ кажется, это все равно, что чесать вамъ пятку отъ моей головной боли... Я готовъ поклясться, что во всѣхъ исторіяхъ, прочитанныхъ вашею милостью, не было написано ни одного слова о томъ чтобы одинъ обязанъ былъ отодрать себя для разочарованія другого... Впрочемъ, я уже не разъ говорилъ вашей милости, что сдѣлаю вамъ удовольствіе — выпорю себя но только тогда, когда мнѣ придетъ къ этому охота.

— Да просвѣтитъ тебя Небо настолько, чтобы ты созналъ наконецъ свою обязанность оказать помощь моей дамѣ и повелительницѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и твоя повелительница, такъ какъ ты мой слуга! — сказалъ Донъ-Кихотъ.

Съ этими словами онъ забрался на своего Россинанта, чтобы продолжать путь. Санчо лѣниво плелся за нимъ. Въ теченіе этого дня они увидѣли тотъ самый лѣсной лугъ, возлѣ котораго ихъ чуть не истоптали быки.

— Помнишь, Санчо,—произнесъ Донъ-Кихотъ, — какъ мы тутъ встрѣтили прекрасныхъ пастушекъ, хотѣвшихъ воскресить Счастливую Аркадію? Мнѣ очень понравились ихъ затѣя... Если ты согласенъ, мой другъ, то мы съ тобою, въ подражаніе этимъ пастушкамъ, сдѣлаемся тоже пастухами, хотя бы только на этотъ годъ, который я долженъ жить въ уединеніи и мирѣ. Я куплю нѣсколько овецъ, обзаведусь всѣмъ, что нужно для пастушечьей жизни, и мы станемъ — я подъ именемъ Кихотиса, а ты подъ именемъ Пансино — бродить по горамъ, лѣсамъ и лу-

гамъ, распѣвая то веселыя, то жалобныя пѣсни, смотря по настроенію. Будемъ утолять свою жажду водою прозрачныхъ ручейковъ и рѣкъ; дубы предложатъ намъ въ изобиліи свои сладкіе и полезные для здоровья плоды; пробковыя деревья послужатъ намъ шатрами для ночного отдыха; розы дадутъ намъ свой сладкій ароматъ; луга будутъ нашими коврами, роскошнѣе которыхъ не найти ни въ одной мастерской, гдѣ работаютъ люди; солнце, луна и звѣзды освѣтятъ намъ дни и ночи,—словомъ, вся природа будетъ служить намъ, и мы уподобимся греческимъ богамъ.

— Гм! — воскликнулъ Санчо. — Хороши же были эти греческіе боги, если и мы съ вами можемъ сдѣлаться похожими на нихъ!.. Ну, да ладно, вѣдь это вы только такъ говорите, для примѣра... А сдѣлаться пастухомъ я не прочь: это самая подходящая жизнь для меня... Можетъ-быть, не откажутся вступить въ нашу компанію и Самсонъ Караско съ цырюльникомъ... да какъ бы и самого священника не взяла охота побыть пастухомъ — онъ тоже не прочь повеселиться пастушечьими пѣснями и играми.

— Можетъ-быть, Санчо, — сказалъ Донъ-Кихотъ. — Если они всѣ трое согласятся сдѣлаться пастухами, то я назову баккалавра Сомсонетомъ или Карасконом, цырюльника—Николасо, а священника... Вотъ этого я ужъ и не знаю, какъ переименовать... Не назвать ли его развѣ Куріамбро? [1]) Даму свою мнѣ не къ чему переименовывать: имя Дульцинеи одинаково подходитъ какъ герцогинѣ, такъ и пастушкѣ. Ты же можетъ назвать свою даму какъ угодно...

— Я назову ее Терезиной,— подхватилъ Санчо: — это имя звучитъ красивѣе Терезы и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ его. И какіе же я буду сочинять стихи въ честь ея — просто прелесть! Она иногда ревнуетъ меня къ другимъ, а тогда увидитъ, что только напрасно мучитъ себя, потому что въ моихъ стихахъ не будетъ ни одного слова о другихъ... Жаль только, что священникамъ не полагается имѣть пастушекъ... Ну, да и такъ будетъ хорошо. Что же касается Самсона, то у него, навѣрное, ужъ есть своя пастушка.

— Ахъ, Санчо, что это будетъ за прекрасная жизнь! — восторгался Донъ-Кихотъ. — Заведемъ дудокъ, свирѣлей, скрипокъ, тамбуриновъ, альбоговъ и будемъ по цѣлымъ днямъ наигрывать на нихъ...

— Что это за штука — альбоги? — спросилъ Санчо.

— Это металлическія доски, которыя издаютъ весьма пріятные мелодичные звуки, когда ихъ ударяютъ одну о другую. Слово «альбогъ» — арабское, какъ и всѣ слова нашего языка, начинающіяся слогомъ «аль».

[1]) Священникъ по-испански: «el cura».

Совѣтую тебѣ запомнить это, Санчо, на всякій случай. Стихотворствомъ займусь и я, да и наши товарищи не отстанутъ отъ насъ въ этомъ возвышенномъ занятіи. Я буду воспѣвать мои страданія въ разлукѣ съ несравненною Дульцинеей, ты — свою любовь къ Терезинѣ, Самсонъ Караско и священникъ будутъ по-латыни прославлять Бога и природу, и вообще у насъ устроится настоящій Парнасъ.

— Да, зажили бы мы, дѣйствительно, что называется, припѣваючи,— со вздохомъ сказалъ Санчо.— Но я ужъ такой несчастный человѣкъ, что не дождаться мнѣ никогда такой прекрасной жизни! А ужъ какихъ бы я надѣлалъ хорошенькихъ деревянныхъ ложекъ, если бы сталъ пастухомъ! Сколько накопилъ бы сладкихъ сливокъ, набралъ бы салата, наплелъ бы душистыхъ вѣнковъ, надѣлалъ бы деревенскимъ ребятишкамъ игрушекъ!.. Сложа руки я не сталъ бы сидѣть, и если бы не пріобрѣлъ славы умнаго человѣка, то, по крайней мѣрѣ,—изобрѣтательнаго и искуснаго... Дочь моя Санчика приносила бы намъ обѣдъ въ наши шалаши... Но только заигрывать съ ней я никому не позволилъ бы, ша лишь!.. Нѣтъ, лучше пусть не ходитъ; заставимъ носить намъ ѣду и питье моего сына, къ которому ничего не пристанетъ. Удали искушеніе — удалишь прегрѣшеніе, говорятъ старики. Когда не видятъ глаза, спокойнѣе сердцу. На Бога надѣйся, а самъ не зѣвай...

— Довольно, довольно! — перебилъ Донъ-Кихотъ.— Для выраженія твоей мысли совершенно достаточно и одной пословицы. Сколько разъ совѣтовалъ я тебѣ, Санчо, не разбрасываться такъ пословицами и удерживать ихъ, когда онѣ просятся тебѣ на языкъ! Но что тебѣ говорить, что стрѣлять горохомъ въ стѣну — одно и то же!.. Видно, горбатаго исправитъ одна могила...

— Ужъ и вы хороши, ваша милость! Печка говоритъ котлу: «Сними съ себя черноту, и будешь чистъ». Вы учите меня не говорить пословицъ, а сами тутъ же говорите ихъ!

— Санчо, я-то употребляю пословицы кстати,— тамъ, гдѣ онѣ идутъ къ дѣлу, а ты приводишь ихъ ни къ селу ни къ городу, такъ что у насъ съ тобой выходитъ громадная разница. Если память не измѣняетъ мнѣ, то я уже объяснялъ тебѣ, что пословицы, это—короткія сентенціи, основанныя на долгомъ опытѣ и наблюденіяхъ древнихъ мудрецовъ, и тотъ, кто употребляетъ ихъ некстати, подобенъ безразсудному моту, швыряющему деньги куда попало, вмѣсто того, чтобы приносить ими пользу... Но довольно болтать: солнце клонится къ западу, и намъ пора остановиться на ночлегъ.

Къ великому огорченію Санчо, пришлось и на этотъ разъ ночевать въ лѣсу и удовольствоваться остатками провизіи, вывезенной изъ дома

дона Антонiо, и ключевою водой. Утѣшился бѣдный лакомка только тѣмъ, что заснулъ какъ камень, между тѣмъ какъ его господинъ еще долго ворочался съ боку на бокъ, охалъ, стоналъ и вздыхалъ, обуреваемый грустными мыслями о томящейся въ очарованiи несравненной Дульцинеѣ.

ГЛАВА LXVIII,

въ которой описывается новое приключенiе Донъ-Кихота.

Луна не показывалась, поэтому ночь была темна. Очевидно, госпожа Дiана отправилась къ антиподамъ, чтобы осчастливить и ихъ своею кроткою улыбкой. Донъ-Кихоту въ эту ночь совсѣмъ не удалось воспользоваться благодѣянiями сна: не успѣлъ онъ задремать, какъ былъ разбуженъ страшнымъ храпомъ Санчо. Разбудивъ своего оруженосца, Донъ-Кихотъ съ досадой проговорилъ:

— Меня удивляетъ твоя беззаботность, Санчо! Ты какъ будто высѣченъ изъ мрамора или вылитъ изъ бронзы — такъ мало въ тебѣ чувства. Я бодрствую — ты храпишь, я плачу—ты поешь, я изнемогаю отъ воздержанiя — а ты въ это время наѣдаешься такъ, что потомъ едва можешь дышать. Вѣрному слугѣ слѣдовало бы раздѣлять горе своего господипа и стараться облегчить его страданiя хоть бы сочувствiемъ... Но ты дѣлаешь наоборотъ: ты не только не облегчаешь моихъ неслыханныхъ страданiй, а еще усугубляешь ихъ своею лѣнью и нерадивостью. Будь ты, наконецъ, человѣкомъ, не заставляй меня претерпѣвать лишнiя мученiя: встань и дай себѣ триста или четыреста ударовъ ремнемъ въ счетъ тѣхъ, которыми тебѣ назначено разочаровать Дульцинею... Умоляю тебя, сдѣлай это, наконецъ! Не заставляй меня опять прибѣгнуть къ насилiю... Если ты исполнишь мою просьбу, мы остальную часть ночи проведемъ въ пѣнiи. Я стану оплакивать въ своихъ пѣсняхъ горесть разлуки, а ты — сладость супружества. Такимъ образомъ мы сдѣлаемъ первый опытъ той пастушеской жизни, которую станемъ вести потомъ въ продолженiе года...

— Я не монахъ, ваша милость, чтобы вставать въ полночь и бичевать себя,— возразилъ Санчо.— Притомъ я не думаю, чтобы послѣ порки у кого-нибудь была охота распѣвать пѣсни... Дайте мнѣ, ради Бога, спокойно спать, благо Господь посылаетъ мнѣ сонъ. Если вы не отстанете сейчасъ отъ меня, я вовсе не стану драть себя... пусть ваша Дульцинея навѣки остается очарованною!

— О, черствая душа! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ.— О, безчувственный оруженосецъ! О, неблагодарный слуга, не помнящiй милостей, ко-

торыми я тебя осыпалъ!.. Вспомни, деревянный чурбанъ, что ты былъ губернаторомъ только благодаря мнѣ, потому что, не будь меня, герцогъ и вниманія на тебя не обратилъ бы... Имѣй въ виду и то, что черезъ меня же тебѣ предстоитъ сдѣлаться графомъ, какъ только окончится годъ моего искуса...

— Не нужно мнѣ ни губернаторствъ ни графствъ, когда мнѣ хочется спать,—перебилъ Санчо.—Дороже сна нѣтъ ничего на свѣтѣ, потому что въ немъ человѣкъ ни въ чемъ не нуждается, ни о чемъ не тужитъ и ни за чѣмъ не гонится. Сонъ, это — плащъ, прикрывающій всѣ наши помыслы, это—насыщающая насъ пища, прохлада, умѣряющая сжигающій насъ огонь желаній, это — всемірная монета, на которую можно купить сладостный покой, равняющій короля съ простолюдиномъ, мудраго — съ глупымъ... Одно только нехорошо: ужъ очень сонъ походитъ на смерть, такъ что иной разъ и не отличишь ихъ.

— Вотъ сейчасъ ты сказалъ очень умно, Санчо,—похвалилъ Донъ-Кихотъ.—Сразу видно, что ты, по пословицѣ, живешь не съ тѣмъ, съ кѣмъ родился, а съ тѣмъ, съ кѣмъ сдружился.

— Ну, опять сами заговорили пословицами, а потомъ начнете мнѣ выговаривать за нихъ!—вскричалъ Санчо.—Да вы, ваша милость, начинаете чаще меня сыпать ими... Положимъ, онѣ у васъ всѣ кстати, а у меня выскакиваютъ изо рта какъ попало, безъ всякаго порядка... Но, какъ бы тамъ ни было, пословица все остается пословицей.

Бесѣда Донъ-Кихота и Санчо была вдругъ прервана страннымъ глухимъ шумомъ, перемѣшаннымъ съ рѣзкими пронзительными звуками, доносившимися откуда-то издалека. Донъ-Кихотъ вскочилъ и ухватился за мечъ, а Санчо поспѣшно устроилъ себѣ баррикаду изъ доспѣховъ своего господина и его чемодана и подползъ подъ осла. Шумъ все усиливался. Санчо все болѣе и болѣе трусилъ, а Донъ-Кихотъ, наоборотъ, преисполнялся все большаго мужества. Дѣло въ томъ, что торговцы свиньями гнали громадное стадо этихъ животныхъ въ городъ, на рынокъ. Топотъ, визгъ и хрюканье свиней и составляли тотъ странный шумъ, который заставилъ Донъ-Кихота взяться за оружіе, а Санчо — спрятаться. Выскочивъ вдругъ изъ-за деревьевъ всею своею массой, свиньи опрокинули Донъ-Кихота съ его мечомъ, затѣмъ Россинанта и осла, подъ которымъ пріютился Санчо, и мгновенно разметали устроенныя оруженосцемъ баррикады. Кое-какъ высвободившись изъ-подъ осла, Санчо попросилъ у Донъ-Кихота мечъ, говоря, что чувствуетъ непреодолимое желаніе перебить этихъ невѣжливыхъ гостей.

— Оставь ихъ, Санчо,—грустно отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.—Пусть они спокойно продолжаютъ путь... Этотъ новый позоръ посланъ мнѣ

въ наказаніе за мой грѣхъ... Небо справедливо караетъ странствующаго рыцаря, не сумѣвшаго отстоять себя отъ пораженія, и предаетъ его на съѣденіе звѣрямъ, на укушеніе змѣямъ и на топтаніе свиньямъ.

— Значить, это тоже наказаніе Неба, ваша милость, что странствующіе оруженосцы должны терпѣть голодъ, жажду, холодъ и всяческія другія терзанія! — подхватилъ Санчо. — За что же такая немилость намъ, — рѣшительно въ толкъ не возьму. Если бы мы были сыновьями рыцарей или ихъ родственниками до четвертаго колѣна, то оно понятно было бы, что и намъ приходится отдуваться за ихъ прегрѣшенія, какъ сказано въ священномъ писаніи, а то, что общаго, напримѣръ, у Санчо Панцы съ Донъ-Кихотомъ?.. Эхъ, не стоитъ и голову себѣ ломать надъ этими вопросами!.. Давайте, лучше приляжемъ опять да вздремнемъ еще немного до зари... Какъ встанетъ солнышко, такъ поднимемся и мы съ новыми силами.

— Спи, Санчо; спи, ты, сдѣланный только для спанья, а я, созданный для бодрствованія, погружусь снова въ свои размышленія и переложу ихъ въ стихи, которые я потомъ спою для услажденія своей горести.

— Кто можетъ пѣть, тому полгоря... Сочиняйте и пойте себѣ, ваша милость, сколько вамъ будетъ угодно, а я буду спать, сколько тоже будетъ можно, — проговорилъ Санчо, свертываясь въ клубокъ и сладко зѣвая.

Не прошло и минуты, какъ лѣсъ снова огласился его богатырскимъ храпомъ.

Донъ-Кихотъ прислонился къ дереву и пропѣлъ подъ музыку своихъ вздоховъ слѣдующія строфы:

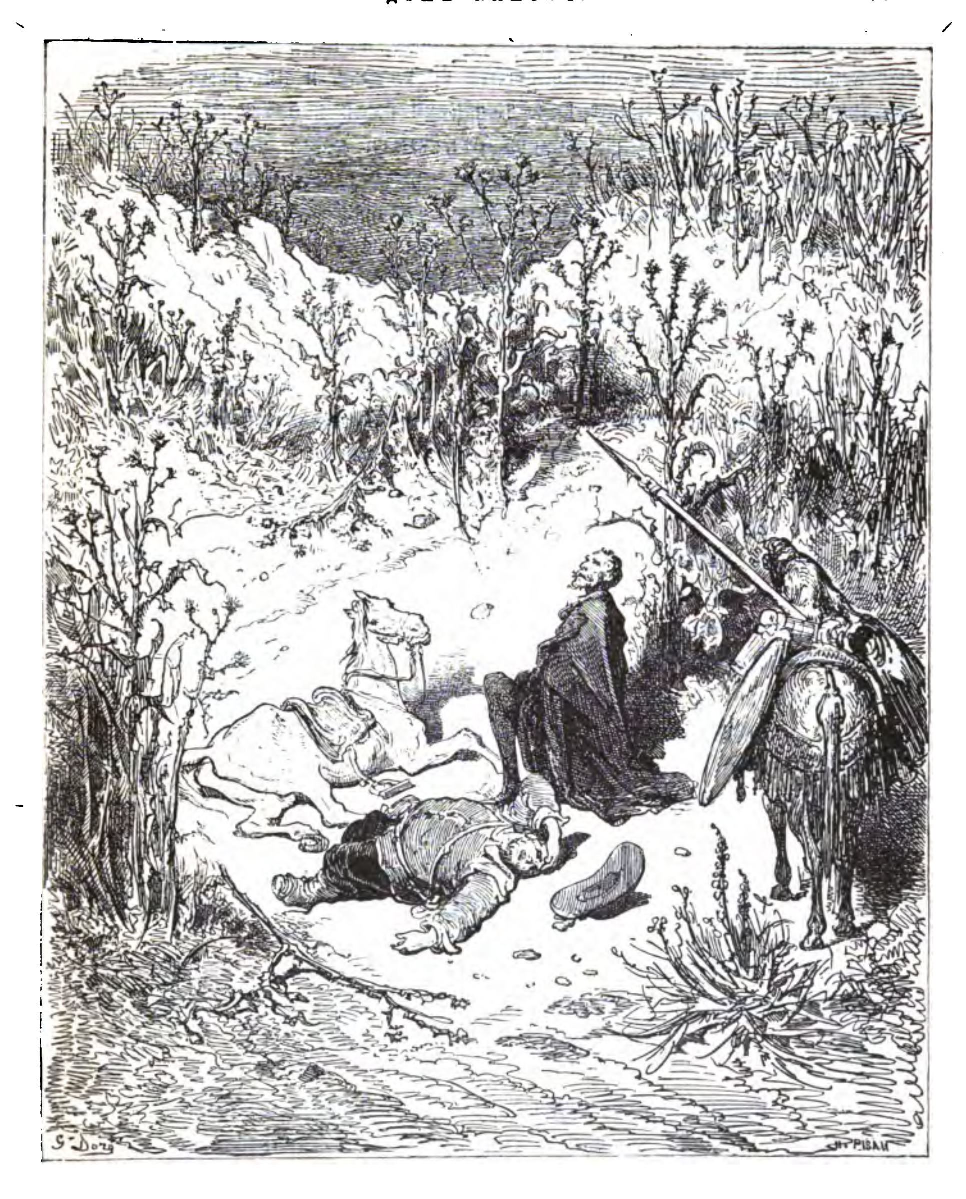
«Любовь, когда я подумаю о страданіяхъ, причиненныхъ тобою, мнѣ такъ и хочется умереть, чтобы прекратить мои мученія.

«Но когда я достигаю вратъ смерти, представляющихся тихою пристанью въ морѣ страданій, я чувствую такую радость, что вновь хочу жить и уже не стремлюсь къ этой пристани.

«Такимъ образомъ жизнь убиваетъ меня, а видъ смерти оживляетъ. Игралищемъ жизни и смерти, о, жестокая любовь, ты дѣлаешь меня!»

Раздираемый горестью въ разлукѣ съ Дульцинеей, томимой мыслью о своемъ пораженіи, Донъ-Кихотъ сопровождалъ чуть не каждое слово своей пѣсни стонами и вздохами и плакалъ горькими слезами.

Рыцарь пѣлъ до самаго восхода солнца, которое вызвало пробужденіе и Санчо. Оруженосецъ потянулся, зѣвнулъ нѣсколько разъ съ такою силой, что чуть не вывихнулъ себѣ челюстей, протеръ глаза и осмотрѣлъ

«Любовь, когда я подумаю о страданіяхъ, причиненныхъ тобою, мнѣ такъ и хочется умереть, чтобы прекратить мои мученія».

съ искреннимъ сожалѣніемъ истоптанную свиньями котомку. Пославъ ко всѣмъ чертямъ и этихъ свиней и тѣхъ, кто гналъ ихъ, онъ съ унылымъ видомъ принялся сѣдлать Россинанта и осла.

День прошелъ безъ всякихъ приключеній, но подъ вечеръ наши путешественники увидѣли человѣкъ десять верховыхъ и пятерыхъ пѣшихъ, двигавшихся къ нимъ навстрѣчу. Всадники были вооружены копьями и закрывались щитами. Санчо обмеръ отъ ужаса, когда разглядѣлъ ихъ, а Донъ-Кихотъ заволновался при мысли, что честное слово, данное имъ рыцарю Серебряной Луны, препятствуетъ ему вступить въ бой съ этими вооруженными людьми.

— О, Санчо,— произнесъ онъ скорбнымъ голосомъ,— если бы у меня не были связаны руки клятвеннымъ обѣщаніемъ не дотрогиваться до оружія, то эти воины, очевидно, собирающіеся напасть на насъ, были бы всѣ поражены въ одно мгновеніе ока моимъ славнымъ мечомъ!.. Впрочемъ, можетъ-быть, они и не имѣютъ враждебныхъ намѣреній.

Однако, приблизившись къ Донъ-Кихоту, всадники окружили его и приставили ему къ груди и спинѣ свои копья, а одинъ изъ пѣшихъ, приложивъ, въ знакъ молчанія, палецъ къ губамъ, схватилъ Россинанта подъ узцы и отвелъ его съ дороги. Остальные пѣшіе повели осла Санчо. Все это продѣлывалось въ глубокомъ молчаніи. Донъ-Кихотъ нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, чтобы спросить, куда его ведутъ и что хотятъ съ нимъ дѣлать, но направленныя противъ него копья не позволяли ему привести его намѣренія въ исполненіе. То же самое было съ Санчо: едва только онъ выказывалъ поползновеніе говорить, какъ кто-нибудь изъ окружающихъ его людей ударялъ его палкой по спинѣ, при чемъ кстати попадало и ни въ чемъ неповинному Длинноуху, точно и онъ изъявлялъ желаніе нарушить таинственное молчаніе.

При наступленіи темноты незнакомцы стали подгонять трепещущихъ отъ страха плѣнниковъ, крича имъ грубымъ голосомъ:

— Сдавайтесь же скорѣе, неповоротливые троглодиты [1])!.. Никшните, нечестивые варвары!.. Терпите молча, дикіе антропофаги [2])!.. Чего стонете и вздыхаете, злосчастные скиѳы!.. Закройте свои зѣнки, кровожадные полифемы [3])!..

— Ишь, вѣдь, какъ ругаются,—чтобъ имъ пусто было!—шепталъ про себя Санчо, объясняя по-своему мудреныя слова: «троглодиты», «антропофаги», «скиѳы» и «полифемы», основываясь на созвучіи ихъ съ словами изъ его обиходнаго лексикона.— Пропали теперь наши бѣдныя головушки, не спастись намъ отъ погибели!.. Сколько разъ я говорилъ своему господину, что его затѣи до добра не доведутъ,— не хотѣлъ слушаться,

[1]) *Троглодиты*—баснословные пещерные обитатели.
[2]) *Антропофаги* — людоѣды.
[3]) *Полифемы* — сказочныя одноглазыя чудовища, циклопы.

вотъ теперь и платись за свою глупость!.. Ну, онъ-то самъ виноватъ, а я-то при чемъ? Мнѣ-то за что страдать?

Донъ-Кихотъ, съ своей стороны, тоже терялся въ догадкахъ, стараясь понять, кто были люди, взявшіе его съ Санчо въ плѣнъ и награждавшіе ихъ такими неподходящими эпитетами. Придя къ заключенію, что хорошаго, очевидно, ждать нечего, онъ мужественно приготовился ко всему и поручилъ душу свою Богу. При мысли о томъ, что ему, быть-можетъ, болѣе не суждено увидѣть ясныя очи своей Дульцинеи, онъ чувствовалъ, какъ сердце его обливалось кровью, но вслѣдъ за тѣмъ онъ утѣшалъ себя соображеніемъ, что когда-нибудь увидится съ нею въ горнихъ селеніяхъ.

Около часу пополуночи плѣнниковъ привели въ тотъ самый замокъ, въ которомъ они прогостили столько времени у герцогской четы.

«Пресвятая Богородица! — мысленно воскликнулъ Донъ-Кихотъ, — что бы это могло значить? Неужели герцогъ и герцогиня, осыпавшіе меня такими почестями и столькими любезностями, вдругъ превратились въ моихъ враговъ, посягающихъ на мою свободу и жизнь? Впрочемъ, одно дѣло быть побѣдителемъ, а другое — быть побѣжденнымъ: сообразно съ этими двумя положеніями мѣняются и отношенія людей. Стоящему высоко — почетъ, упавшему низко — позоръ»...

Между тѣмъ плѣнниковъ ввели во дворъ замка, гдѣ ихъ ожидало зрѣлище, способное навести ужасъ на кого угодно.

ГЛАВА LXIX,

о самомъ странномъ изъ всѣхъ приключеній Донъ-Кихота, описанныхъ въ этой длинной и правдивой исторіи.

Соскочивъ съ коней, всадники подхватили Донъ-Кихота и Санчо на руки и понесли во внутренній дворъ замка. Несмотря на глубокую ночь, на дворѣ было совершенно свѣтло вслѣдствіе того, что на выходившихъ на него галлереяхъ горѣло множество лампъ и вокругъ всего двора были воткнуты въ землю пылающіе факелы. Посреди двора, аршина на два отъ земли, возвышался катафалкъ, покрытый чернымъ бархатомъ и окруженный безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей, горѣвшихъ въ серебряныхъ шандалахъ; на катафалкѣ лежало бездыханное тѣло молодой красавицы, прелестной и въ самой смерти. Голова ея, обвитая гирляндою цвѣтовъ, покоилась на парчевой подушкѣ; въ скрещенныхъ рукахъ она держала пальмовую вѣтвь. Возлѣ катафалка была эстрада, на которой возсѣдали два короля, съ коронами на головѣ и скипетрами въ рукахъ. На ступени этой эстрады посадили Донъ-Кихота и Санчо,

давъ имъ понять знаками, что они должны хранить полное молчаніе. Впрочемъ, это предупрежденіе было совершенно излишнее: плѣнники и безъ того не дали бы воли своимъ языкамъ, совершенно онѣмѣвшимъ у нихъ отъ удивленія и ужаса. Вслѣдъ за тѣмъ на эстрадѣ появились герцогъ съ герцогиней и сѣли на приготовленныя для нихъ мѣста рядомъ съ королями. Плѣнники встали и почтительно поклонились герцогской четѣ, на что та милостиво отвѣтила движеніемъ рукъ.

Нужно сказать, что лежавшая на катафалкѣ красавица была не кто иная, какъ Альтизидора, и Донъ-Кихотъ сразу узналъ ее. Узналъ ее также и Санчо, но, конечно, на него зрѣлище этой злосчастной жертвы любви произвело совершенно другое впечатлѣніе, нежели на его господина.

Но вотъ къ Санчо подошелъ лакей и накинулъ ему на плечи длинную мантію изъ чернаго камлота, разрисованную огненными языками, а на голову надѣлъ остроконечный колпакъ, въ родѣ тѣхъ, которые надѣваютъ осужденнымъ инквизиціей. Наряжая такимъ образомъ бывшаго оруженосца, лакей шепталъ ему на ухо, чтобы онъ не смѣлъ и пикнуть, если не хочетъ быть зарѣзаннымъ на мѣстѣ. Увидавъ себя всего въ огненныхъ языкахъ, Санчо сначала едва не лишился чувствъ отъ испуга, но потомъ успокоился, убѣдившись, что эти огни не жгутъ. Снявъ съ головы колпакъ, онъ взглянулъ на нарисованныхъ на немъ чертей, окруженныхъ тоже огненными языками, затѣмъ снова надѣлъ его и пробормоталъ про себя:

«Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! Авось Богъ помилуетъ насъ и на этотъ разъ!»

Донъ-Кихотъ невольно улыбнулся, глядя на потѣшную фигуру Санчо въ колпакѣ и мантіи, хотя это одѣяніе сильно смутило его, такъ какъ онъ отлично зналъ зловѣщее значеніе такого наряда.

Вдругъ раздались звуки флейтъ, наигрывавшихъ нѣжную и печальную мелодію, способную смягчить хоть каменное сердце. Въ то же время на ступени катафалка взошелъ прекрасный юноша въ римскомъ одѣяніи и, пробѣгая гибкими пальцами по золотымъ струнамъ лютни, запѣлъ звонкимъ и пріятнымъ голосомъ:

«Въ ожиданіи, что, быть-можетъ, возвратится къ жизни Альтизидора, погубленная во цвѣтѣ лѣтъ жестокостью Донъ-Кихота, я буду воспѣвать ея красоту и несчастіе, подобныхъ которымъ еще не видывалъ и о которыхъ не слыхивалъ міръ.

«Я воспою на сладкозвучной лирѣ твою красоту и твою любовь, прекрасная Альтизидора! Пусть свѣтъ узнаетъ, кого сразила неумолимость рыцаря съ желѣзнымъ сердцемъ пусть онъ вѣдаетъ»...

— Довольно! — прервалъ его одинъ изъ двухъ королей, — довольно! Ты никогда не кончишь, божественный пѣвецъ, воспѣвая несравненную красоту и смерть Альтизидоры. Она не умерла вполнѣ, какъ думаетъ невѣжественная толпа, — нѣтъ, она продолжаетъ жить въ тысячеустной молвѣ и въ тѣхъ мученіяхъ, которыя долженъ претерпѣть находящійся здѣсь Санчо Панца, чтобы вывести ее изъ мрака къ свѣту... О, Радамантъ, возсѣдающій со мною въ мрачныхъ пещерахъ судьбы и вѣдающій начертанныя въ таинственныхъ книгахъ ея рѣшенія, возвѣсти присутствующимъ, что этой красавицѣ суждено воскреснуть!.. Не медли пролить этотъ бальзамъ утѣшенія въ истерзанныя печалью и отчаяніемъ сердца!

Второй король поднялся съ своего мѣста и возгласилъ голосомъ, похожимъ на трубу:

— Соберитесь сюда всѣ, служительницы этого пріюта, старыя и молодыя, знатныя и незнатныя, красивыя и безобразныя! Спѣшите сюда, чтобъ воскресить Альтизидору! Вѣдь для этого нужно только дать Санчо Панцѣ двадцать четыре щелчка по носу, ущипнуть двадцать разъ тѣло его рукъ и уколоть шестью булавками въ икры ногъ!

Услышавъ это Санчо, не выдержалъ; забывъ, что ему приказано молчать, онъ крикнулъ во все горло:

— Клянусь Богомъ, я скорѣе соглашусь сдѣлаться туркомъ, чѣмъ позволить, чтобы меня щелкали по носу, щипали и кололи! Какое мнѣ дѣло до этой дѣвицы — останется ли она мертвою, или опять оживетъ! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за такой всесвѣтный отдувало! Какой-то дуракъ очаровалъ Дульцинею, и я долженъ драть себя за это плетьми; Альтизидорѣ вздумалось умереть — опять я виноватъ!.. Требуютъ, чтобы я давалъ себя на истязаніе ради того, чтобы она воскресла... Да гдѣ же видана такая несправедливость? Съ кѣмъ бы какой грѣхъ не случился, за все я въ отвѣтѣ!.. Нѣтъ, слуга покорный! Ищите кого другого, а я не желаю больше играть роль козла отпущенія...

— Если ты не желаешь исполнять велѣній судьбы, то умрешь на мѣстѣ! — загремѣлъ Радамантъ [1]). — Умирись, свирѣпый тигръ! Смягчись, высокомѣрное твореніе! Молчи и терпи, презрѣнный себялюбецъ. Отъ тебя не требуютъ ничего невозможнаго, ничего такого, чего бы ты не могъ перенести. Смирись и покорись, если не желаешь себѣ худшаго... Написаннаго въ книгѣ судебъ не измѣнишь. Тебѣ суждено быть сейчасъ подвергнутымъ щелчкамъ, щипкамъ и булавочнымъ уколамъ, и ты не избѣжишь этого!.. Эй, исполнительницы неизмѣнныхъ повелѣній рока, приступайте къ дѣлу! За малѣйшее промедленіе вы будете отвѣчать сами!

[1]) Радамантъ — сынъ Юпитера и Европы, судья ада.

Съ галлереи спустились шесть дуэній, изъ которыхъ четыре были въ круглыхъ очкахъ, придававшихъ имъ видъ совъ. Поднявъ къ небу правую руку, онѣ гуськомъ, мѣрными шагами приближались къ Санчо, который отскочилъ въ сторону и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть лучше терзаетъ меня весь міръ, но ни одна дуэнья не дотронется до меня!.. Пусть исцарапаютъ мнѣ все лицо кошки, какъ онѣ сдѣлали въ этомъ замкѣ съ лицомъ моего господина!.. Пусть рѣжутъ меня на куски, пусть жгутъ раскаленными щипцами, я на все это согласенъ, только бы меня не трогали эти мерзкія дуэньи! Этого я не потерплю, хотя бы меня за это унесли всѣ черти прямо въ адъ!

— Смирись, смирись, сынъ мой! — произнесъ Донъ-Кихотъ. — Дай исполнить надъ тобою то, что повелѣла судьба, и радуйся, что ты одаренъ чудесною силой разочаровывать очарованныхъ и воскрешать умершихъ.

Убѣжденный этими словами своего господина, Санчо покорно опустился на свое мѣсто и поставилъ носъ первой изъ дуэній, которая давъ ему здоровый щелчокъ по носу, низко присѣла передъ нимъ.

— Ну, нечего умасливать меня вашими фальшивыми вѣжливостями, госпожа дуэнья! — проворчалъ Санчо. — Кого бьютъ, тому не кланяются.

Пока бѣднаго оруженосца угощали щелчками и щипками, онъ еще терпѣлъ, но когда дѣло дошло до булавокъ, онъ вышелъ изъ себя, схватилъ стоявшій близъ него факелъ и бросился съ нимъ на своихъ мучительницъ.

— Прочь, служительницы преисподней! Я не желѣзный, чтобы ни за что ни про что выносить такія муки! — крикнулъ онъ внѣ себя.

Въ эту минуту Альтизидора, которая не въ состояніи была больше лежать неподвижно, пошевельнулась, и замѣтившіе это вскричали въ одинъ голосъ:

— Альтизидора шевелится! Альтизидора воскресаетъ!

Видя, что щелчки и щипки достигли своей цѣли, Радамантъ приказалъ дуэньямъ оставить Санчо въ покоѣ, и самъ сталъ уговаривать его, чтобы онъ успокоился. Донъ-Кихотъ упалъ передъ своимъ оруженосцемъ на колѣни и съ умиленіемъ проговорилъ:

— Сынъ души моей, наступила наконецъ минута, когда ты долженъ совершить надъ собою бичеваніе въ честь очарованной Дульцинеи. Чудесная сила, таящаяся въ тебѣ, такъ ярко проявила себя, что ты не можешь болѣе отказываться отъ исполненія задачи, возложенной на тебя мудрымъ Мерлиномъ.

— Спасибо вамъ, ваша милость! — съ низкимъ поклономъ отвѣтилъ Санчо.— Мягко вы стелете, да жестко спать... Только этого еще недоставало, чтобы я послѣ щипаній, щелчковъ и булавочныхъ уколовъ вдобавокъ отодралъ себя до крови!.. Лучше привяжите мнѣ на шею камень и бросьте меня въ рѣку, если ужъ мнѣ суждено быть жертвою для другихъ.... Да оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ, если не хотите, чтобы я совсѣмъ взбѣсился!

При этихъ словахъ Санчо сдѣлалъ такое угрожающее движеніе, что Донъ Кихотъ поспѣшно поднялся съ колѣнъ и отступилъ назадъ.

Между тѣмъ воскресшая Альтизидора преспокойно усѣлась на катафалкѣ и свѣсила съ него ноги. Сейчасъ же заиграла веселая музыка и зрители восторженно закричали:

— Да здравствуетъ Альтизидора!

Короли и герцогъ съ герцогиней подошли и помогли красавицѣ спуститься на землю. Та граціозно поклонилась имъ, искоса взглянула на Донъ-Кихота и сказала ему:

— Да проститъ тебѣ Богъ, безчувственный рыцарь, твою жестокость, отправившую меня на тотъ свѣтъ, гдѣ, мнѣ кажется, я пробыла болѣе тысячи лѣтъ! Тебя же, — обратилась она къ Санчо, — благороднѣйшій изъ всѣхъ оруженосцевъ, я отъ души благодарю за жизнь, которую ты мнѣ возвратилъ! Въ доказательство моей глубокой признательности, я дарю тебѣ полдюжины моихъ сорочекъ, хотя и не новыхъ, но совершенно еще крѣпкихъ. Можетъ-быть, онѣ и пригодятся тебѣ на что-нибудь.

Санчо опустился на колѣни, снялъ свой колпакъ и поцѣловалъ руку воскресшей, такъ щедро награждавшей его.

Когда всѣ успокоились, герцогъ приказалъ снять съ Санчо его необычайный нарядъ. Оруженосецъ выпросилъ себѣ на память о своемъ подвигѣ мантію и колпакъ. Затѣмъ, пока слуги убирали катафалкъ и гасили огни, герцогская чета пригласила Донъ-Кихота и Санчо пойти отдохнуть въ тѣ самыя комнаты, которыя они занимали раньше въ замкѣ.

ГЛАВА LXX,

которая слѣдуетъ за шестьдесятъ девятой и служитъ ей поясненіемъ.

Донъ-Кихотъ потребовалъ, чтобы Санчо легъ съ нимъ въ одной комнатѣ; онъ чувствовалъ, что долго не заснетъ, и ему хотѣлось поговорить со своимъ оруженосцемъ. Санчо согласился на это крайне неохотно; онъ понялъ причину такого требованія и вовсе не былъ расположенъ къ бол-

товнѣ. И, дѣйствительно, не успѣлъ онъ улечься, какъ Донъ-Кихотъ уже присталъ къ нему съ разговорами. Рыцарь началъ съ слѣдующаго вопроса.

— Что ты думаешь, мой другъ, о происшествіи этой ночи? Какова должна быть сила любовнаго отчаянія, если она могла убить во цвѣтѣ лѣтъ прекрасную Альтизидору? Ты самъ былъ свидѣтелемъ, что она умерла не отъ яда и не отъ чего-нибудь другого, а единственно отъ моего равнодушія.

— Чтобы чортъ побралъ эту Альтизидору! — проворчалъ Санчо. — Пусть она теперь живетъ, сколько ей хочется, лишь бы оставила меня въ покоѣ! Я не влюблялъ ее въ себя, не завлекалъ, и мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нея... Я до сихъ поръ не могу понять, при чемъ я во всей этой глупой исторіи?.. Какая-то тамъ взбалмошная дѣвка втюрилась въ васъ до смерти, а я долженъ былъ подвергаться изъ-за этого Богъ вѣсть какимъ истязаніямъ?.. Вижу теперь, что на свѣтѣ все дѣлается шиворотъ навыворотъ, и нѣтъ въ немъ никакой справедливости... Вотъ что, ваша милость: я сейчасъ такъ обозленъ, что если вы не отстанете отъ меня и не дадите мнѣ спать, то я возьму да и натворю такихъ чудесъ, какихъ вамъ и во снѣ не снилось!

— Спи, другъ Санчо, спи, если только испытываемая тобою боль позволитъ тебѣ заснуть.

— Ну, боль куда ни шла, не привыкать мнѣ стать къ болямъ! Пуще всего меня грызетъ стыдъ за то, что меня трогали эти треклятыя дуэньи, которыхъ я терпѣть не могу. Но я и то засну, только бы вы мнѣ не мѣшали, ваша милость.

— Спи, — повторилъ Донъ-Кихотъ. — Я болѣе не скажу ни слова.

Едва Донъ-Кихотъ замолчалъ, какъ Санчо уже захрапѣлъ на весь замокъ.

Чтобы не оставить въ недоумѣніи читателя, Сидъ Гаметъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ комедію смерти и воскрешенія Альтизидоры. Баккалавръ Самсонъ Караско случайно познакомился съ герцогомъ, разговорился съ нимъ о Донъ-Кихотѣ и, узнавъ, что съ нимъ продѣлывали въ замкѣ, въ свою очередь, разсказалъ все, что сдѣлалъ для того, чтобы вылѣчить этого гидальго отъ сумасшествія. Побѣдивъ Донъ-Кихота въ Барцелонѣ, баккалавръ нарочно заѣхалъ къ герцогу сообщить объ этомъ, послѣ чего отправился въ деревню ждать возвращенія Донъ-Кихота. Но герцогу захотѣлось еще разъ позабавиться надъ сумасшедшимъ гидальго, поэтому онъ и послалъ перехватить его на дорогѣ и устроилъ описанную въ предыдущей главѣ сцену. Кстати сказать, Сидъ Гаметъ не одобряетъ людей, издѣвающихся надъ тѣми, у которыхъ Богъ отнялъ разумъ. По его мнѣнію, это значитъ злоупотреблять своимъ разумомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но герцогская чета хотѣла исчерпать до дна всѣ удовольствія, которыя имъ могло доставить вторичное пребываніе у нея Донъ-Кихота. Подъ утро Альтизидора, наученная герцогиней, вошла въ спальню Донъ-Кихота; она была одѣта въ бѣлое тафтяное вышитое золотомъ платье, на головѣ у нея былъ вѣнокъ, а въ рукѣ—черный жезлъ.

Удивленный и чрезвычайно смущенный этимъ посѣщеніемъ, Донъ-Кихотъ почти весь спрятался въ одѣяло и не рѣшался произнести ни слова. Но у прекрасной Альтизидоры хватало смѣлости на двоихъ. Опустившись съ тяжелымъ вздохомъ на табуретъ возлѣ изголовья Донъ-Кихота, она сказала:

— Благородный рыцарь! Я была настолько терпѣлива, что рѣшилась скорѣе умереть, чѣмъ открыться тебѣ въ моемъ пламенномъ чувствѣ. Но видя, что ты уѣзжаешь, я не выдержала и при всѣхъ сдѣлала тебѣ признаніе въ своей слабости... Ты не смягчился, безчувственный рыцарь, и не тронулся ни моими слезами ни моими проклятіями, сила которыхъ должна была выразить силу моей любви! Нѣсколько дней я безпрерывно лила слезы отчаянія, не принимая ни пищи ни питья и почти лишившись и сна. Тщетно старались уговорить меня, утѣшить — горе мое было не изъ тѣхъ, которыя можно успокоить словами... Я умерла... и если бы не твой оруженосецъ, Санчо Панца, если бы не его самоотверженность, я навсегда осталась бы въ гробу... Да, только богъ любви, всесильный Амуръ, посредствомъ добраго Санчо спасъ меня...

— Лучше бы этому Амуру — чтобъ его черти задавили — проявиться черезъ моего осла, нежели черезъ меня! — воскликнулъ Санчо, слышавшій всѣ слова Альтизидоры.—Ужъ какъ бы я былъ ему благодаренъ за это, право!.. Разскажите намъ, сударыня—да пошлетъ вамъ за это Господь всего, что вы пожелаете, — что вы видѣли въ аду? Навѣрное, вы тамъ были, разъ умерли съ отчаянія.

— Должно-быть, я не совсѣмъ умерла, — отвѣтила Альтизидора. — Думаю такъ, потому что я не была въ аду. Если бы я туда попала, то едва ли выбралась бы оттуда, несмотря на все свое желаніе. Я только подходила къ вратамъ ада и видѣла, какъ тамъ черти играли въ мячъ, одѣтые какъ люди: въ камзолахъ и панталонахъ, въ кружевныхъ воротникахъ и манжетахъ. Они держали въ рукахъ зажженыя ракеты, а вмѣсто мяча,—что особенно удивило меня,—имъ служила книга, листы которой раздувались вѣтромъ. Еще больше удивилась я, когда замѣтила, что черти не радовались при выигрышѣ и не огорчались при проигрышѣ, но все время только ругались, ворчали и разражались проклятіями...

— Что жъ тутъ удивительнаго?—замѣтилъ Санчо.—Черти, извѣстно, ужъ такой народъ, который вѣчно недоволенъ и ругается.

— Это, пожалуй, вѣрно,—согласилась Альтизидора.—Но всего болѣе меня заинтересовало то, что книгъ, которыми играли въ мячъ, было много, и какъ только одна полетитъ вверхъ, такъ ужъ назадъ она не падаетъ, и ее сейчасъ же замѣняютъ другою. Между прочимъ, тамъ была одна совсѣмъ новенькая, прекрасно переплетенная книга, которая при первомъ ударѣ вся растрепалась и ужъ болѣе никуда не годилась. Я прислушалась къ разговору этихъ жителей ада.

«— Погляди-ка, какъ называется эта дрянь?—сказалъ одинъ чортъ другому.

«— Это — вторая часть Донъ-Кихота Ламанчскаго, — отвѣтилъ другой чортъ. — Только она написана не Сидомъ Гаметомъ, а какимъ-то тордезиласскимъ аррагонцемъ.

«— Вонъ ее отсюда! — крикнулъ первый. — Швырни ее въ самую бездну нашего вѣчнаго огня, чтобы глаза мои не видѣли ея!

«— Развѣ это такая плохая книга?—спросилъ второй чортъ.

«— Настолько плохая, что я самъ, будучи чортомъ, не сумѣлъ бы написать хуже,—сказалъ первый.

«Второй чортъ бросилъ книгу въ огонь; затѣмъ черти стали продолжать игру другими книгами. Я нарочно постаралась запомнить этотъ случай, потому что онъ касался горячо любимаго мною рыцаря Донъ-Кихота. Вотъ и все, что я видѣла около воротъ ада».

— Должно-быть, вы видѣли все это наяву, — произнесъ Донъ-Кихотъ.—Я уже слышалъ объ этой книгѣ и даже держалъ ее въ рукахъ. Каждый, кто ни возьметъ ее ошибкою, сейчасъ же съ отвращеніемъ и броситъ. Впрочемъ, эта книга написана вовсе не обо мнѣ, поэтому я нисколько и не принимаю ее къ сердцу. Вообще же о книгахъ я скажу, что если онѣ хороши, то проживутъ вѣка, а если дурны, то никакая сила не можетъ уберечь ихъ отъ забвенія и уничтоженія.

Альтизидора вновь начала было изливаться въ жалобахъ на безчувственность рыцаря, но тотъ поспѣшилъ перебить ее.

— Я уже нѣсколько разъ давалъ вамъ понять, что вы напрасно обратили на меня вашу любовь,—проговорилъ онъ.—Я не могу любить васъ взаимно, а могу предложить вамъ лишь одну благодарность за ваше чувство. Я рожденъ для Дульцинеи Тобозской и если существуетъ справедливость, то я когда-нибудь да дождусь того счастливаго дня, который соединитъ меня навѣки съ нею. Не можетъ же быть, чтобы такая вѣрность, какъ моя, осталась невознагражденною, во всякомъ случаѣ, ду-

мать, чтобы образъ Дульцинеи могъ быть замѣненъ въ моемъ сердцѣ образомъ другой красавицы — значитъ представлять себѣ совершенно невозможное. Было бы очень хорошо, если бы вы наконецъ поняли эту истину и забыли обо мнѣ.

— Ахъ ты, треска сушеная! — взвизгнула Альтизидора. — Ахъ ты, бронзовая душа. Ахъ ты, смертный грѣхъ!.. Охъ, какъ мнѣ хотѣлось бы вцѣпиться тебѣ въ твою паршивую бороденку и выцарапать тебѣ глаза!.. Неужели ты, донъ Палкоѣдъ, повѣрилъ, будто я и въ самомъ дѣлѣ умирала изъ-за тебя?.. Да вѣдь это просто была комедія, чтобы потѣшиться надъ тобою, долговязымъ дуракомъ!.. Стану я умирать изъ-за такого верблюда! Ха-ха-ха!..

— Я всегда думалъ, что это только такъ говорится, будто кто умираетъ отъ любви,—сказалъ Санчо.—Языкъ безъ костей, мели имъ что хочешь! А чтобы люди умирали отъ любви—этому пусть повѣритъ кто-нибудь другой, поглупѣй меня!

Въ эту минуту въ комнату Донъ-Кихота вдругъ вошелъ тотъ молодой музыкантъ, пѣвецъ и поэтъ, который ночью началъ было воспѣвать красоту и страданія умершей Альтизидоры. Обратившись къ рыцарю, онъ сказалъ ему:

— Услыхавъ мимоходомъ голоса въ вашей комнатѣ и по этому догадавшись, что вы не спите, я осмѣлился войти къ вамъ, сеноръ, и просить васъ считать меня самымъ вѣрнымъ и преданнымъ вашимъ слугою. Преданность моя къ вамъ, благородный рыцарь, началась съ той минуты, какъ я услыхалъ о вашихъ изумительныхъ подвигахъ. Слава ваша...

— А скажите, пожалуйста, кто вы? — перебилъ молодого человѣка Донъ-Кихотъ.—Нужно же мнѣ знать, какъ называть своего новаго друга и поклонника.

— Мое имя — Фердинандъ Тостадо, по профессіи я поэтъ и музыкантъ. Вы могли убѣдиться въ моихъ талантахъ сегодня ночью, когда я пѣлъ свое стихотвореніе надъ гробомъ Альтизидоры, — съ гордостью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Гм!—промычалъ Донъ-Кихотъ.—Голосъ, которымъ вы пѣли, безъ всякаго сомнѣнія, вашъ собственный, но стихи не ваши: они принадлежатъ перу знаменитаго Гарсиласко, а поэтому никакъ не могутъ служить образчикомъ *вашего* таланта.

— Вы слишкомъ строго судите, сеноръ Донъ-Кихотъ, — началъ молодой человѣкъ, улыбающееся лицо котораго вдругъ сдѣлалось злымъ:— умѣнье заимствовать чужое—тоже талантъ...

Дальнѣйшая рѣчь его была прервана появленіемъ герцогской четы, при видѣ которой онъ скрылся. Донъ-Кихотъ попросилъ герцога позво-

лить ему сегодня же продолжать путь, потому что, по его мнѣнію, побѣжденнымъ рыцарямъ слѣдуетъ жить не въ роскошныхъ замкахъ, а въ свиномъ хлѣвѣ.. Герцогъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права насильно удерживать у себя гостей, какъ бы ни желалъ этого, а ограничивается тѣмъ, что проситъ ихъ не забывать его и посѣтить въ другой разъ. Донъ-Кихотъ обѣщалъ побывать еще, какъ только пройдетъ назначенный ему искусъ. Послѣ этого герцогиня освѣдомилась у рыцаря, очень ли онъ золъ на Альтизидору.

— Кромѣ состраданія, я ничего къ ней не чувствую, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ. — Все несчастье и всѣ бѣды этой дѣвушки происходятъ отъ праздности, поэтому я отъ души совѣтую ей заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Она разсказала мнѣ, что подходила къ дверямъ ада и видѣла тамъ разряженныхъ въ кружева чертей. Изъ этого я заключаю, что она должна умѣть отлично плесть кружева. Пусть она займется этимъ дѣломъ посерьезнѣе; тогда и пальцы и умъ ея будутъ заняты, и она избавится отъ любовныхъ бредней.

— Это вѣрно,—подхватилъ Санчо.—Работающая дѣвушка не имѣетъ времени думать о любви; я никогда не слыхалъ, чтобы кружевницы умирали отъ нея. Впрочемъ, то же самое можно сказать и о мужчинахъ. Взять хоть самого меня: когда я работаю, мнѣ и въ голову не приходитъ мысль о женѣ, хотя я очень люблю Терезу.

— Да, сеноръ Донъ-Кихотъ совершенно правъ,— подтвердила герцогиня.— Съ этого дня я засажу Альтизидору за работу, съ тѣмъ, чтобы она дѣлала ежедневно опредѣленное количество.

— Это будетъ совершенно напрасно, ваша свѣтлость, — возразила Альтизидора: — я и такъ уже исцѣлилась отъ всякой любви... въ особенности къ такимъ долговязымъ египетскимъ муміямъ, которыя величаютъ себя странствующими рыцарями... Позвольте мнѣ лучше удалиться, чтобы не видѣть болѣе этого отвратительнаго скелета, воображающаго себя неотразимымъ.

— Не даромъ, видно, говорятъ, что дерзости дѣлаютъ только для того, чтобы имѣть предлогъ просить извиненія,— со смѣхомъ замѣтилъ герцогъ.

Альтизидора притворилась, что украдкой утираетъ слезы, поклонилась своимъ господамъ и вышла изъ комнаты.

— Бѣдная дѣвушка! — проговорилъ ей вслѣдъ Санчо.— Надо же было ей полюбить человѣка съ кремневымъ сердцемъ и сухою какъ тростникъ душой!..

Вскорѣ ушли и герцогъ съ герцогиней, послѣ чего Донъ-Кихотъ и Санчо встали, позавтракали, распростились съ хозяевами замка и уѣхали.

ГЛАВА LXXI,

въ которой разсказывается о томъ, какъ Донъ-Кихоту удалось наконецъ уговорить Санчо произвести самобичиваніе.

Печаль Донъ-Кихота, вызванная его пораженіемъ, смягчалась радостью по поводу открытой въ Санчо чудесной силы, посредствомъ которой можно было даже воскрешать мертвыхъ. Рыцарь нисколько не сомнѣвался, что Альтизидора, дѣйствительно, умирала, хотя, быть-можетъ, и не отъ любви къ нему. Санчо же былъ далеко не въ радостномъ настроеніи, такъ какъ Альтизидора не исполнила своего обѣщанія — не подарила ему сорочекъ. Неудовольствіе его выразилось въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ имъ къ своему господину:

— Оказывается, что я самый несчастный лѣкарь на всемъ свѣтѣ! Другіе лѣкаря уморятъ больного, да еще требуютъ за это денегъ, хотя весь трудъ ихъ состоялъ только въ написаніи рецепта. Даже и лѣкарствъ они не составляютъ сами, а велятъ это дѣлать аптекарямъ. Между тѣмъ я, ради спасенія людей отъ смерти и колдовства, даю всячески истязать себя, и не получаю за это ничего, кромѣ новыхъ истязаній!.. Но теперь кончено: никогда не стану больше жертвовать собой, если не получу впередъ платы чистыми деньгами. Поучили дурака и будетъ... Каждый кормится своимъ талантомъ, и я не думаю, чтобы Небо одарило меня такимъ чудеснымъ свойствомъ для того, чтобы я помогалъ имъ другимъ и не получалъ за это хорошаго вознагражденія. Какъ вы думаете, ваша милость?

— Думаю то же, что и ты,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— Альтизидора поступила дурно, не отдавъ тебѣ обѣщанныхъ сорочекъ. И хотя сила, проявляющаяся въ тебѣ, досталась тебѣ безъ всякаго труда съ твоей стороны, то-есть безъ ученія, то все-таки нѣтъ основанія претерпѣвать безвозмездно мученія ради другихъ. Что касается меня, то я охотно далъ бы тебѣ все, чего бы ты ни попросилъ, въ вознагражденіе за разочарованіе Дульцинеи. Вотъ только что меня смущаетъ: вдругъ лѣченіе не поможетъ, если заплатить за него? Очень можетъ быть, что твоя чудодѣйственная сила парализуется платой... Впрочемъ, попытка — не пытка, спросъ — не бѣда. Сдѣлай милость, другъ Санчо, побичуй себя для Дульцинеи и заплати себѣ самъ изъ моихъ денегъ сколько хочешь.

Санчо сначала вытаращилъ глаза, потомъ съ пріятностью осклабился и проговорилъ:

— Ладно, ваша милость, коли вы согласны заплатить мнѣ, то за мною дѣло не станетъ — выпорю себя на славу... Ради добычи лишняго мараведиса для жены и дѣтишекъ на что не пойдешь!.. Вы только скажите мнѣ, сколько намѣрены пожаловать мнѣ за каждый ударъ.

— Если оцѣнить всю силу боли, которую придется претерпѣть тебѣ, то тебя не вознаградить всѣми богатствами Венеціи и рудниками Потози. Но ты соображай свое требованіе съ моимъ кошелькомъ и оцѣни самъ по совѣсти каждый ударъ.

— Я долженъ дать себѣ три тысячи триста ударовъ; пять ударовъ я уже нанесъ себѣ, но такъ какъ они были безплатные, то я считаю ихъ вдвое... Впрочемъ, нѣтъ, такъ будетъ недобросовѣстно... Я лучше буду считать, что не далъ себѣ ни одного удара и долженъ буду дать всѣ три тысячи триста. Если взять за каждый ударъ по квартиллѣ [1]), — меньше этого ужъ никакъ нельзя, — то выйдетъ три тысячи триста квартиллъ... за три тысячи ударовъ полторы тысячи полуреаловъ, или семьсотъ пятьдесятъ полныхъ реаловъ, а за триста остальные — полтораста полуреаловъ, или семьдесятъ пять реаловъ; если приложить эти семьдесятъ-пять къ прежнимъ семистамъ пятидесяти реаламъ, то выйдетъ ровно восемьсотъ двадцать-пять... Значитъ столько я и вычту изъ вашихъ денегъ. Такимъ образомъ я возвращусь домой богатымъ и довольнымъ, хоть и избитымъ насмерть. Но что же дѣлать! Пословица не даромъ говоритъ, что не замочивши панталонъ, не добудешь и раковъ.

— О, милый, добрый, мягкосердечный Санчо! — воскликнулъ Донъ-Кихотъ. — О, какъ мы съ Дульцинеей будемъ обязаны тебѣ!.. Всю жизнь мы будемъ благодарить тебя и благословлять твое имя... Но когда же ты начнешь свое бичеваніе? Начни поскорѣе, милый другъ. Я прибавлю тебѣ еще сто реаловъ.

— Если намъ удастся остановиться этою ночью въ чистомъ полѣ, гдѣ никто не могъ бы видѣть меня, то я обязательно сегодня же отхлещу себя... За сто лишнихъ реаловъ не пожалѣю своей шкуры.

При этихъ словахъ Санчо рыцарь весь просіялъ и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать наступленія ночи. Какъ нарочно, день тянулся такъ долго, что Донъ-Кихоту уже казалось, что ему и конца не будетъ. Но наконецъ стало темнѣть. Свернувъ съ дороги въ густолиственную рощу, Донъ-Кихотъ и Санчо разнуздали своихъ четвероногихъ друзей, расположились на пушистой травѣ и закусили чѣмъ Богъ послалъ. Потомъ Санчо устроилъ себѣ изъ узды и недоуздка своего осла превосходную

---

[1]) То-есть по четверти реала около (4 коп.).

плеть, отошелъ шаговъ на двадцать отъ Донъ-Кихота, подъ группу буковыхъ деревьевъ, и принялся снимать съ себя камзолъ.

— Смотри, мой другъ,— крикнулъ ему Донъ-Кихотъ,— не разорви своей шкуры въ куски отъ излишняго усердія! Бей себя не сразу, а постепенно — ударъ за ударомъ. Не спѣши, иначе у тебя не хватитъ духа до конца... Я боюсь, какъ бы ты ни убилъ себя раньше времени, не доведя до конца дѣла... Чтобы ты не ошибся при счетѣ,—а это тоже можетъ испортить все дѣло,—я стану считать твои удары. Помогай же тебѣ Небо, какъ этого заслуживаетъ твое доброе намѣреніе!

— Хорошій плательщикъ не боится выдавать деньги,— отвѣтилъ Санчо.— Будьте покойны, ваша милость, у меня и овцы будутъ цѣлы и волки сыты... Ну, Господи благослови!

Обнаживъ себя до поясницы, онъ началъ наносить себѣ удары плетью, а Донъ-Кихотъ принялся считать ихъ. Но послѣ девяти или десяти ударовъ, Санчо нашелъ, что запросилъ слишкомъ мало за такую экзекуцію. Онъ остановился и крикнулъ своему господину:

— Какъ хотите, ваша милость, а за такіе добросовѣстные удары нельзя брать меньше полуреала... Тутъ, чего добраго, спустишь всю шкуру, а она у меня вѣдь не казенная...

— Продолжай, голубчикъ Санчо! Ради Бога, продолжай! — умолялъ Донъ-Кихотъ.— Я дамъ тебѣ по полуреалу за каждый ударъ, только не падай духомъ и не отказывайся довести до конца свое дѣло! Помни, что отъ этого зависитъ благополучіе моей дамы.

— Ну, ладно, за хорошую плату можно и не жалѣть себя,—сказалъ Санчо и сталъ продолжать экзекуцію.

Скоро, однако, плеть перестала опускаться на спину Санчо, а начала попадать по деревьямъ, между тѣмъ какъ онъ испускалъ раздирающіе душу стоны, точно терпѣлъ невыносимую боль. Опасаясь, какъ бы вѣрный слуга въ самомъ дѣлѣ не добилъ себя, не успѣвъ окончить разочарованія Дульцинеи, Донъ-Кихотъ крикнулъ ему:

— Довольно, Санчо, довольно! Я вижу, что лѣкарство слишкомъ сильно, и поэтому его слѣдуетъ давать не сразу, а по частямъ... Замору взяли не въ одинъ день... Ты далъ себѣ, если только я не ошибся въ счетѣ, больше двухъ тысячъ ударовъ, а этого вполнѣ довольно на сегодня. Нужно и мѣру знать. Оселъ и тотъ черезъ силу не потянетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—возразилъ расходившійся Санчо.— Я не хочу, чтобы обо мнѣ говорили, что какъ деньги получилъ, такъ и руки заболѣли... Отойдите подальше, ваша милость, и не мѣшайте мнѣ дать себѣ остальную тысячу ударовъ. Лучше отдѣлаться въ одинъ разъ и потомъ ужъ

отдохнуть съ спокойною совѣстью, чѣмъ мучиться мыслью о томъ, что опять придется приниматься за плеть.

— Ну, если ужъ пришла тебѣ такая охота, Богъ съ тобой, продолжай, я отойду, другъ мой,— проговорилъ Донъ-Кихотъ.

Какъ только рыцарь отошелъ, Санчо принялся съ такимъ остервенѣніемъ разочаровывать Дульцинею, что спустилъ шкуру (т.-е. кору) со всѣхъ сосѣднихъ деревьевъ; въ воздухѣ такъ и стоялъ гулъ и свистъ отъ ударовъ. Хвативъ, наконецъ, изо всѣхъ силъ плетью по дереву, онъ съ страшнымъ воплемъ крикнулъ:

— Кончено!.. Охъ, смерть моя пришла!..

Услыхавъ ужасный ударъ и крикъ, Донъ-Кихотъ подбѣжалъ къ своему слугѣ и, вырвавъ у него плеть, сказалъ:

— Санчо, не дай Богъ, чтобы ты изъ-за меня погубилъ свою жизнь, которою поддерживаешь всю семью... Пусть лучше Дульцинея потерпитъ еще немного и подождетъ, пока ты соберешься съ силами, чтобы кончить это дѣло къ общему удовольствію. Теперь вѣдь осталось всего нѣсколько сотъ ударовъ.

— Если вашей милости угодно, извольте, я пріостановлюсь,—слабымъ голосомъ говорилъ Санчо, притворяясь, что готовъ лишиться чувствъ.— Только прикройте меня теперь чѣмъ-нибудь, потому что я страшно избитъ и не могу пошевелиться.

Донъ-Кихотъ поспѣшилъ снять съ себя плащъ и покрыть имъ растянувшагося на травѣ усерднаго слугу, который почти тутъ же захрапѣлъ и преспокойно проспалъ до самой зари.

Днемъ наши путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній, а вечеромъ остановились ночевать въ деревенской корчмѣ, которую Донъ-Кихотъ, къ радости Санчо, принялъ за то, чѣмъ она была, а не за замокъ, со рвами, подъемными мостами, башнями и рѣшетками. Нужно замѣтить, что со времени своего пораженія Донъ-Кихотъ какъ будто нѣсколько образумился.

Пріѣзжихъ помѣстили въ комнатѣ, на окнахъ которой висѣли шторы съ живописными изображеніями: на одной — похищенія Елены, а на другой — Дидоны, прощающейся съ Энеемъ. Разсматривая эти изображенія, Донъ-Кихотъ замѣтилъ, что Елена улыбалась, а Дидона проливала слезы, величиною съ орѣхъ.

— Жаль, — сказалъ онъ, — что эти дамы не живутъ теперь, или что я не жилъ при нихъ: тогда Елена не такъ бы еще улыбалась, а Дидона не лила бы такихъ крупныхъ слезъ. При моемъ вмѣшательствѣ Троя не была бы сожжена и Карѳагена никто бы не разрушилъ.

Обнаживъ себя до поясницы, Санчо началъ наносить себѣ удары плетью, а Донъ-Кихотъ принялся считать ихъ.

— Этому я охотно вѣрю, ваша милость,— отвѣтилъ Санчо.—Но мнѣ кажется, что если бы я былъ живописцемъ, то эти сенориты, изображенія которыхъ встрѣчаешь въ каждой корчмѣ и цырюльничьей лавкѣ, были бы нарисованы не такъ плохо.

— Да,— сказалъ рыцарь,— живописцы, работающіе для рынка, всѣ сродни тому рисовальщику Орбанеху, жившему въ Убедѣ, который на вопросъ, что онъ думаетъ нарисовать, отвѣчалъ: «Что случится». Разъ ему пришлось нарисовать пѣтуха, и онъ подписалъ подъ нимъ: «Это пѣтухъ», чтобы его не приняли за что-нибудь другое. Такого же рода долженъ быть, если я не ошибаюсь, и писатель, сочинившій новаго Донъ-Кихота: онъ тоже пишетъ наобумъ — что выйдетъ, то и ладно. Онъ напоминаетъ мнѣ поэта Молеона, пріѣзжавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ ко двору и отвѣчавшаго сразу на всѣ предлагаемые ему вопросы; зато и несъ онъ такую чушь, что стыдно было слушать его... Но, довольно объ этомъ. Скажи-ка мнѣ лучше, Санчо: если ты намѣренъ сегодня покончить съ твоимъ бичеваніемъ, то гдѣ тебѣ удобнѣе это сдѣлать — на дворѣ или здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ?

— Хотѣлось бы опять гдѣ-нибудь подъ деревьями, потому что близость ихъ какъ будто утоляетъ боль,— отвѣтилъ Санчо.

— Въ такомъ случаѣ,— подхватилъ Донъ-Кихотъ,— мы подождемъ до завтра: можетъ-быть, опять попадемъ въ лѣсъ... А то оставимъ это до возвращенія домой; тамъ тоже есть деревья. Вообще я хотѣлъ бы, чтобы ты сначала хорошенько собрался съ силами.

— Какъ вамъ угодно, ваша милость; но я готовъ хоть сейчасъ покончить съ этимъ дѣломъ, чтобы ужъ больше не думалось. Куй желѣзо, пока горячо. Промедленіе часто бываетъ причиною большихъ непріятностей. На Бога надѣйся, а самъ не зѣвай. Синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ. Тотъ, кто даетъ сразу, дѣлаетъ лучше того, кто только обѣщаетъ...

— Довольно, довольно! Ради Бога, останови потокъ своихъ пословицъ! — вскричалъ Донъ-Кихотъ, затыкая себѣ уши.— Сколько разъ мнѣ говорить тебѣ, что не слѣдуетъ такъ злоупотреблять поговорками и пословицами, а ты...

— Ужъ, видно, мнѣ такъ на роду написано, ваша милость, что какъ открою ротъ, такъ сами собою и полѣзутъ изъ него пословицы. Но я постараюсь удерживать ихъ при вашей милости,— сказалъ Санчо.

ГЛАВА LXXII,

о томъ, какъ Донъ-Кихотъ и Санчо прибыли домой.

Только что Санчо произнесъ послѣднія слова, какъ къ корчмѣ подъѣхалъ верхомъ какой-то путешественникъ въ сопровожденіи четырехъ слугъ. Одинъ изъ слугъ, взглянувъ на корчму, обратился къ своему господину и сказалъ ему:

— Сеноръ донъ Альваро Тарфе, вы можете очень удобно отдохнуть здѣсь; домъ, кажется, чистый и спокойный.

— Санчо,—сказалъ Донъ-Кихотъ,—не помнишь ли ты во второй части исторіи Донъ-Кихота имени Альваро Тарфе?

— Вы забываете, ваша милость, что я не умѣю читать,—отвѣтилъ Санчо.—Вѣдь это вы сами просматривали ту книгу, а не я...

— Да и то,—произнесъ Донъ-Кихотъ.—У меня временами точно совсѣмъ нѣтъ памяти... Ну, я спрошу этого сенора: дѣйствительно онъ то лицо или нѣтъ?

Проговоривъ это, Донъ-Кихотъ вышелъ на крыльцо корчмы, гдѣ вскорѣ и присоединился къ нему донъ Альваро и вѣжливо спросилъ его:

— Могу я узнать, куда вы изволите ѣхать?

— Въ свою деревню, недалеко отсюда,—отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— А вы куда направляетесь, если смѣю спросить?

— Въ Гренаду, на свою родину,—произнесъ донъ Альваро.

— Славный городъ!.. Извините, я слышалъ, какъ васъ называлъ вашъ слуга, и мнѣ очень хотѣлось бы узнать, не тотъ ли вы самый донъ Альваро Тарфе, о которомъ упоминается во второй части исторіи Донъ-Кихота.

— Да, это я самый, а Донъ-Кихотъ Ламанчскій — мой лучшій другъ. Я вытащилъ его изъ деревни и заставилъ отправиться со мною на сарагосскіе турниры. Вообще я оказалъ ему множество услугъ. Такъ, напримѣръ, я однажды спасъ его спину отъ кнута палача, когда его хотѣли наказать на площади за высокомѣріе и дерзость относительно нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ...

— Очень пріятно слышать... Ну, а скажите, пожалуйста, похожъ ли я хоть сколько-нибудь на того Донъ-Кихота, о которомъ вы говорите?

— Нисколько.

— А былъ ли у того Донъ-Кихота оруженосецъ, по имени Санчо Панца?

— Какъ же! Этотъ оруженосецъ прослылъ шутникомъ и острякомъ, хотя я самъ не слыхалъ отъ него ни одного остраго слова...

— Еще бы вамъ слышать!—вмѣшался Санчо.—Не всякій способенъ говорить остро и шутить прилично, и тотъ Санчо, о которомъ ваша милость изволите говорить, навѣрное, такой болванъ, что и двухъ словъ не умѣетъ складно сказать. Вѣдь настоящій-то Санчо Панца — я, и у меня къ вашимъ услугамъ столько же шутокъ и остроумныхъ словечекъ, сколько капель въ морѣ. Если вы не вѣрите, поживите со мною—тогда убѣдитесь, какъ я умѣю говорить и смѣшить людей, хоть иной разъ и самъ не знаю чѣмъ... Настоящій же знаменитый, мужественный, велико-

душный, влюбленный Донъ-Кихотъ Ламанчскій, избравшій дамой своего сердца несравненную Дульцинею Тобозскую,—тоже передъ вами. Всѣ другіе рыцари Донъ-Кихоты Ламанчскіе и оруженосцы Санчо Панцы — обманъ и воздушные сны.

— Вѣрю, вѣрю!—воскликнулъ донъ Альваро.—Въ нѣсколькихъ словахъ ты насказалъ столько умнаго, сколько твой тезка не наговорилъ, я думаю, во всю свою жизни. Тотъ былъ больше обжора, чѣмъ острякъ, больше дуракъ, чѣмъ шутникъ, и я теперь убѣжденъ, что волшебники, преслѣдующіе настоящаго Донъ-Кихота, захотѣли посмѣяться и надо мною, напустивъ на меня поддѣльнаго. Но я никакъ не ожидалъ, чтобы, оставивъ одного Донъ-Кихота поддѣльнаго, въ Толедо, въ домѣ для умалишенныхъ, встрѣтилъ здѣсь другого, очевидно, настоящаго и вполнѣ разумнаго.

— Не знаю,—произнесъ нашъ рыцарь,—имѣю ли я право называться разумнымъ, но что я не могу быть поддѣльнымъ, доказывается тѣмъ, что я никогда въ жизни не былъ въ Сарагоссѣ. Напротивъ, узнавъ, что этотъ самозванный Донъ-Кихотъ присутствовалъ на сарагосскихъ турнирахъ, я не поѣхалъ туда, чтобы не сконфузить его и не обнаружить передъ всѣмъ свѣтомъ его самозванства. Я отправился прямо въ Барцелону,—въ ту несравненную по красотѣ и положенію Барцелону, которая служитъ убѣжищемъ иностранцамъ, отечествомъ храбрымъ, пріютомъ неимущимъ, мстительницей обидъ и славится любезностью ея жителей. Хотя она и не могла оставить во мнѣ особенно пріятныхъ воспоминаній, а напротивъ, нагнала на меня рой непрестанно гложущихъ меня сомнѣній, сожалѣній и всевозможныхъ душевныхъ мукъ, но я выношу это безропотно за то только, что имѣлъ счастіе насладиться ея видомъ... Итакъ, я прошу васъ, сеноръ донъ Альваро Тарфе, вѣрить, что знаменитый, прославленный, настоящій Донъ-Кихотъ Ламанчскій—это я, а тотъ, котораго вы оставили въ Толедо, былъ подложный Донъ-Кихотъ, похитившій мое имя и желавшій прославить себя моими подвигами. Поэтому будьте добры, объявить передъ алькадомъ этой деревни, что до сего дня вы никогда не видали меня, что я не Донъ-Кихотъ, о которомъ пишется въ его новой исторіи, и что находящійся здѣсь мой оруженосецъ Санчо Панца, тоже не тотъ, котораго вы видѣли раньше.

— Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,—сказалъ донъ Альваро.—Но все-таки не могу прійти въ себя отъ изумленія, возбужденнаго во мнѣ существованіемъ двухъ Донъ-Кихотовъ Ламанчскихъ и двухъ Санчо Панцъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ именъ. Теперь я долженъ буду подтвердить, что не видалъ того, что видѣлъ, и что со мною не случилось того, что случилось.

— Должно-быть, и ваша милость, такъ же очарованы, какъ Дульцинея Тобозская, — замѣтилъ Санчо. — Я буду очень радъ, если мнѣ назначено будетъ разочаровывать и васъ тремя тысячами тремястами ударами, какъ Дульцинею. Вы мнѣ такъ понравились, что я съ васъ даже не взялъ бы никакой платы за это.

— Не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать мой другъ, — произнесъ донъ Альваро, съ недоумѣніемъ глядя на Санчо.

— Ну, объяснять это — долгая исторія, — отвѣтилъ Санчо. — Если намъ придется ѣхать вмѣстѣ, то я все подробно разскажу вашей милости дорогою.

Во время ужина въ корчму вошелъ мѣстный алькадъ вмѣстѣ съ актуаріусомъ. Донъ-Кихотъ воспользовался удобнымъ случаемъ и попросилъ этихъ лицъ засвидѣтельствовать, что находящійся здѣсь дворянинъ донъ Альваро Тарфе не зналъ раньше присутствующаго здѣсь же Донъ-Кихота Ламанчскаго и что онъ вовсе не тотъ Донъ-Кихотъ, который описанъ во второй части книги, озаглавленной его именемъ и изданной какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ. Алькадъ, къ громадному удовольствію Донъ-Кихота и его оруженосца, формально засвидѣтельствовалъ это, точно подобное свидѣтельство имѣло для нихъ какое-нибудь дѣйствительное значеніе и будто и безъ него нельзя будетъ отличить ихъ отъ ихъ двойниковъ по имени.

Донъ-Кихотъ и донъ Альваро обмѣнялись тысячью любезностей и предложеніемъ другъ другу услугъ, при чемъ нашъ герой выказалъ столько ума и такта, что привелъ дона Альваро въ полный восторгъ.

Утромъ оба гидальго и Санчо доѣхали вмѣстѣ до перекрестка, откуда одна дорога вела въ Гренаду, а другая — въ деревню Донъ-Кихота. Здѣсь они разстались, пожелавъ другъ другу всего лучшаго и обѣщавъ переписываться.

Ночью Донъ-Кихотъ и Санчо остановились въ небольшомъ лѣсу, гдѣ оруженосецъ опять такъ усердно бичевалъ за избавленіе Дульцинеи отъ очарованія два пробковыхъ дерева, что собственная шкура его нисколько не пострадала, хотя онъ, яко бы отъ боли, и кричалъ на весь лѣсъ. Во время этой операціи страждущая душа Донъ-Кихота все больше и больше успокоивалась. Жалѣя своего слугу, рыцарь не позволилъ ему и на этотъ разъ окончить бичеваніе, а уложилъ его спать, когда насчиталъ три тысячи двадцать-девятый ударъ.

Санчо выполнилъ до конца свою задачу въ слѣдующую ночь, на берегу рѣки, подъ громадною старою ивой, которой тоже порядкомъ досталось отъ его усердія. Проведенный такимъ образомъ за носъ, Донъ-Кихотъ исполнился безумной радости и всю ночь не могъ спать, въ

ожиданіи, что утромъ увидитъ разочарованную Дульцинею. Онъ былъ увѣренъ, что Мерлинъ сказалъ правду, когда обѣщалъ, что Дульцинея явится показаться Санчо, какъ только избавится отъ очарованія. Но ни утромъ ни днемъ нашимъ путникамъ не встрѣтилось ни одной женщины, которую они могли бы принять за несравненную Дульцинею, что очень огорчило Донъ-Кихота, и онъ ѣхалъ молча, погруженный въ свои невеселыя думы. Наконецъ, подъ вечеръ, въѣхавъ на одинъ пригорокъ, они увидѣли свою деревню. Обрадованный дорогимъ сердцу зрѣлищемъ, Санчо упалъ на колѣни и, заливаясь слезами, воскликнулъ:

— Желанная родина, открой глаза и взгляни на возвращающагося къ тебѣ твоего блуднаго сына Санчо Панцу! Онъ вернулся, хотя и полумертвымъ отъ побоевъ и всяческихъ страданій, зато разбогатѣвшимъ. Открой свои объятія и прими приходящаго къ тебѣ другого твоего сына, великаго Донъ-Кихота, хотя и побѣжденнаго другимъ, но зато побѣдившаго самого себя, а это, говорятъ, величайшая побѣда, какую можетъ одержать человѣкъ... Побѣдилъ ли я себя — не знаю, но чувствую, что никогда больше не покину тебя, моя дорогая родина...

— Полно молоть вздоръ! — перебилъ Донъ-Кихотъ. — За будущее никогда не слѣдуетъ ручаться... Перестань рюмить, приготовься лучше вступить въ деревню твердыми шагами и съ веселымъ лицомъ.

Санчо послушался, утеръ ладонями глаза и съ напыщеннымъ видомъ индюка спустился съ пригорка вслѣдъ за своимъ господиномъ, который тоже пріосанился и бодро ѣхалъ на своемъ Россинантѣ, еле передвигавшемъ дрожавшія отъ усталости ноги.

ГЛАВА LXXIII,

о примѣтахъ, поразившихъ Донъ-Кихота при его въѣздѣ въ свою деревню, и о другихъ знаменательныхъ событіяхъ.

Сидъ Гаметъ говоритъ, что при въѣздѣ въ свою деревню Донъ-Кихотъ замѣтилъ возлѣ общественнаго гумна двухъ споризшихъ мальчугановъ.

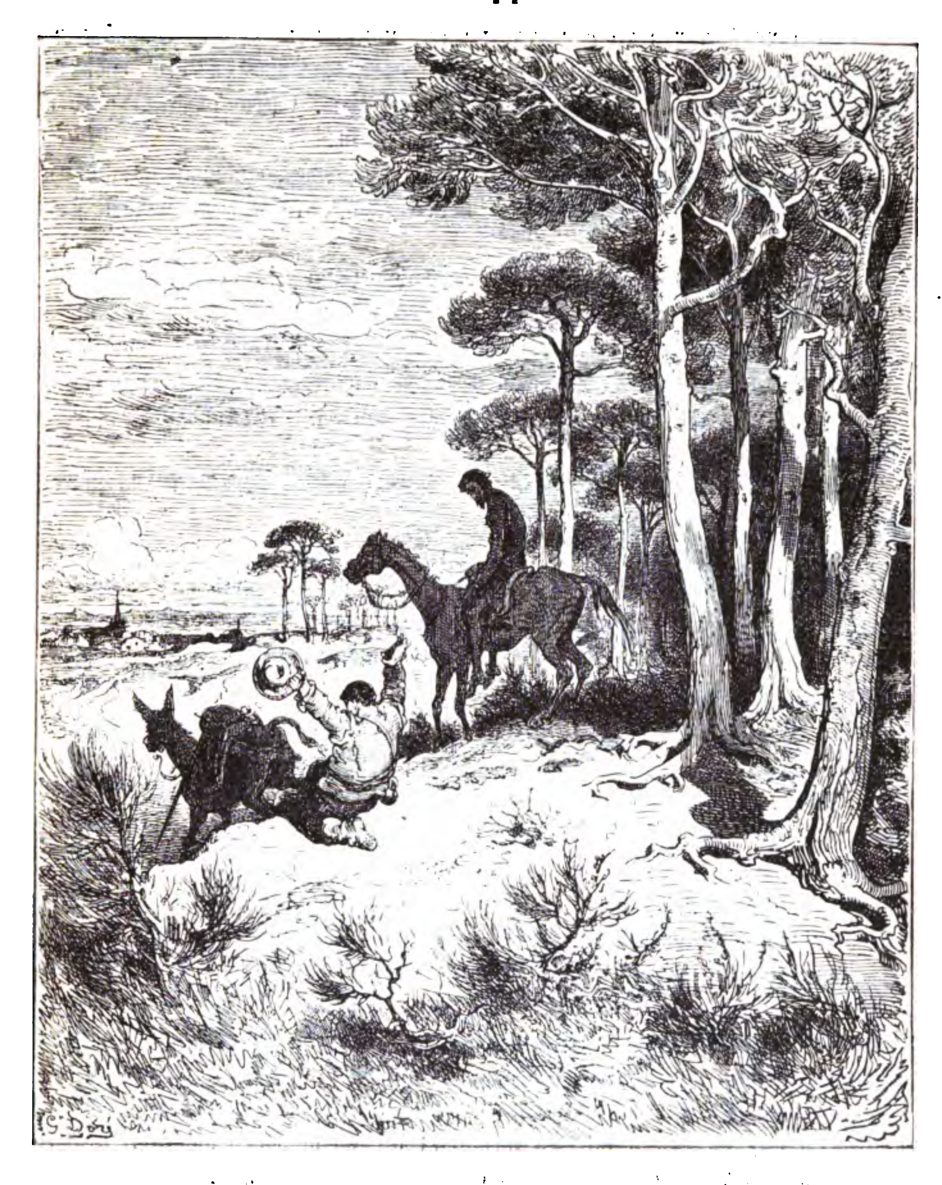
— Да ужъ что ни дѣлай, Периквилло, — кричалъ одинъ, — а тебѣ никогда ужъ не видать ея, какъ ушей своихъ!

Услышавъ это, Донъ-Кихотъ сказалъ своему спутнику:

— Слышишь, Санчо, они кричатъ: «Тебѣ никогда ужъ не видать ея, какъ ушей своихъ!»

— Намъ-то что за дѣло? Пусть они кричатъ, что имъ угодно, — возразилъ Санчо.

— Желанная родина, открой глаза и взгляни на возвращающагося къ тебѣ твоего блуднаго сына Санчо Панцу!

— Однако, примѣняя эти слова къ моему положенію, я неизбѣжно долженъ прійти къ тому выводу, что мнѣ никогда больше не видать Дульцинеи.

Санчо хотѣлъ что то сказать, но ему помѣшалъ заяцъ, перебѣгавшій черезъ дорогу, спасаясь отъ стаи преслѣдовавшихъ его собакъ. Испуганное животное присѣло подъ Длинноухомъ. Санчо схватилъ его и подалъ его Донъ-Кихоту, шептавшему про себя:

— Malum signum! malum signum! (дурное предзнаменованіе). Заяцъ бѣжитъ, гончія преслѣдуютъ его — ясное дѣло, что мнѣ не видать уже Дульцинеи!

— Странный, вы, право, человѣкъ, ваша милость!—сказалъ Санчо.— Ну, предположите, что этотъ заяцъ — Дульцинея Тобозская, а гончія — злые волшебники, превратившіе ее въ крестьянку. Она бѣжитъ, я ее ловлю и передаю вашей милости. Вы держите ее въ своихъ рукахъ и ласкаете — что жъ тутъ нехорошаго? Въ чемъ вы тутъ видите дурное предзнаменованіе?

Между тѣмъ мальчики подошли поближе, чтобы поглядѣть на Донъ-Кихота и на Санчо съ зайцемъ.

— О чемъ вы спорили? — спросилъ ихъ Санчо.

Оказалось, что мальчикъ, кричавшій «ты не увидишь ея», взялъ у другого клѣтку и не хотѣлъ ея возвратить. Санчо досталъ изъ кармана мелкую монету, далъ ее тому, у котораго была отнята клѣтка, и проговорилъ, обращаясь къ Донъ-Кихоту:

— Ну, вотъ вамъ и всѣ ваши дурныя предзнаменованія уничтожены! Какъ я ни глупъ, а все-таки скажу, что теперь намъ до нихъ столько же дѣла, сколько до прошлогоднихъ тучъ. Слыхалъ я отъ нашего священника, что истинный христіанинъ не долженъ обращать вниманія на такія глупости, да, если не ошибаюсь, то и вы сами, ваша милость, какъ-то говорили мнѣ, что только одни отъявленные дураки вѣрятъ въ разныя примѣты. Забудьте же объ этомъ и поѣдемте дальше.

Донъ-Кихотъ отдалъ подошедшимъ охотникамъ зайца и отправился далѣе. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ замѣтилъ священника, баккалавра Самсона Караско и цырюльника, сидѣвшихъ на скамейкѣ передъ домомъ послѣдняго. Нужно сказать, что Санчо покрылъ своего осла, сверхъ поклажи, тою самою мантіею, разрисованною адскимъ пламенемъ, которую ему надѣли и потомъ подарили въ ночь воскрешенія Альтизидоры; кромѣ того, онъ напялилъ своему Длинноуху на голову колпакъ съ чертями, — словомъ, нарядилъ своего пріятеля такъ, какъ еще никогда, съ самаго сотворенія міра, не бывалъ нар яженъ ни одинъ оселъ. Священникъ, баккалавръ и цырюльникъ тотчасъ же узнали нашихъ искателей приключеній и бросились къ нимъ съ распростертыми объятіями. Донъ-Кихотъ сошелъ съ коня и горячо обнялъ своихъ друзей. Между тѣмъ деревенскіе ребятишки своими рысьими глазками, отъ которыхъ

ничто не могло укрыться, издали уже замѣтили остроконечную шапку на ослѣ и прибѣжали, крича во все горло:

— Глядите, глядите, какой сталъ нарядный оселъ Санчо Панцы!.. А Россинантъ-то еще больше похудѣлъ... Какъ онъ только ноги таскаетъ?

Скача, подпрыгивая и страшно галдя, ребятишки проводили Донъ-Кихота и Санчо до самаго дома гидальго, гдѣ его уже дожидались на крыльцѣ экономка и племянница, предупрежденныя о прибытіи рыцаря. Туда же прибѣжала полуодѣтая и растрепанная Тереза Панца, таща за руку дочь, тоже бывшую не въ лучшемъ видѣ.

Увидѣвъ мужа одѣтымъ вовсе не по-губернаторски, Тереза взвизгнула на всю деревню:

— Господи Боже мой! Что же это значитъ? Да ты, муженекъ, кажись, вернулся пѣшкомъ, какъ собака, съ распухшими ногами?.. Пустой болтунъ ты, какъ я вижу, а не губернаторъ!

— Молчи, Тереза! — сказалъ Санчо. — Не забывай, что сало часто бываетъ тамъ, гдѣ не на чемъ вѣшать его... Отправимся-ка домой; тамъ я тебѣ разскажу такія чудеса, что ты только ротъ разинешь отъ удивленія... Я вернулся съ большими деньгами и не крадеными, а добытыми собственными трудами, даже спиною и боками.

— Милый Санчо, — уже другимъ голосомъ проговорила Тереза, — такъ ты съ деньгами? Вотъ это хорошо!.. А какъ ты ихъ досталъ до, этого никому дѣла нѣтъ. Главное — были бы деньги, а укралъ ты ихъ, заработалъ или тебѣ ихъ подарили — это все одно. Кабы и укралъ для жены и дѣтей, то былъ бы не первымъ и не послѣднимъ, который такъ заботится о своей семьѣ...

Санчика бросилась отцу на шею и спросила, принесъ ли онъ ей подарковъ за то, что она ожидала его, какъ майскаго дождя.

Послѣ этихъ трогательныхъ словъ она схватила отца за поясъ, въ которомъ, какъ она знала, онъ имѣлъ обыкновеніе держать деньги и цѣнныя вещи, а мать ухватила его за руку. Такимъ образомъ это пріятное семейство, погнавъ впередъ осла, отправилось къ себѣ домой, оставивъ Донъ-Кихота въ обществѣ его домашнихъ и друзей. Умывшись и переодѣвшись, Донъ-Кихотъ разсказалъ священнику и остальнымъ слушателямъ свои приключенія, исторію своего пораженія и принятое имъ на себя обязательство пробыть цѣлый годъ дома и не браться за оружіе. Сообщилъ онъ имъ и свой планъ относительно пастушечьяго образа жизни, который онъ намѣренъ вести въ теченіе этого года, расписалъ всѣ прелести такой жизни и въ концѣ-концовъ предложилъ своимъ друзьямъ сдѣлаться тоже пастухами.

— Я даже придумалъ вамъ имена для этого случая, — добавилъ онъ. — Надѣюсь, что вы не откажетесь отъ моего предложенія. Быть аркадскими пастухами, бродить въ уединеніи полей, луговъ и лѣсовъ, предаваться на досугѣ любовнымъ мечтамъ, слагать стихи въ честь дамы сердца и пѣть ихъ подъ аккомпаниментъ свирѣли—что можетъ быть лучше этого?

Услышавъ объ этой новой безумной затѣѣ Донъ-Кихота, друзья его почувствовали себя точно свалившимися съ высоты — до такой степени испугала ихъ безнадежность вылѣчить его больной мозгъ. Но опасаясь, какъ бы онъ, въ случаѣ противорѣчія, снова не ускользнулъ отъ нихъ и не пустился на поиски новыхъ приключеній, они выразили восторгъ по поводу его оригинальнаго замысла относительно пастушечьей жизни и даже обѣщали сами принять въ ней участіе.

— Я, какъ вамъ извѣстно, поэтъ,—сказалъ баккалавръ,—и поэтому не оставляю ни одного встрѣчнаго дерева безъ того, чтобы не исписать его съ верху до низу стихотвореніями въ честь своей воображаемой дамы сердца. Къ сожалѣнію, у меня еще нѣтъ настоящей, такъ какъ не нашелъ до сихъ поръ женщины, достойной быть ею.

— Я счастливѣе васъ,—произнесъ Донъ-Кихотъ:—у меня нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи воображенія, чтобы удовлетворить запросамъ сердца. У меня есть несравненная Дульцинея Тобозская — слава этихъ береговъ, краса луговъ, чудо красоты, цвѣтъ изящества и ума,— словомъ, само совершенство!

— Совершенно вѣрно,— сказалъ цырюльникъ.— Но у насъ нѣтъ несравненныхъ Дульциней, поэтому намъ придется запастись какими попало пастушками, чтобы не было скучно.

— Въ крайнемъ случаѣ,—подхватилъ баккалавръ,—купимъ себѣ на рынкѣ какую-нибудь Филисъ, Амарилью, Діану, Флориду, Галатею, Белизарду, вообще изъ православныхъ дамъ. Я говорю, конечно, объ ихъ портретахъ.

— Ахъ, милый дядя!—вскричала племянница.— Неужели вы хотите сдѣлаться пастухомъ? Мы думали, что вы теперь спокойно останетесь съ нами и будете жить попрежнему, а вы вотъ что задумали! И охота это вамъ такъ унижаться, дѣлаться пастухомъ, когда пастухи только и мечтаютъ, какъ бы имъ попасть въ гидальго?

— И какъ вы будете жить въ полѣ въ зимнія стужи и лѣтнія жары? — подхватила экономка. — Вѣдь вы къ этому не привыкли. Ужъ лучше бы оставались странствующимъ рыцаремъ, если вамъ не сидится дома,— все-таки это приличнѣе вашему званію. Послушайтесь меня: я говорю не на вѣтеръ, не изъ одного желанія почесать языкъ, а един-

ственно изъ преданности къ вамъ!.. Оставайтесь лучше дома, займитесь хозяйствомъ, помогайте бѣднымъ, и увидите, какъ это будетъ хорошо.

— Обо всемъ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ,— отвѣтилъ Донъ-Кихотъ.— Сейчасъ мнѣ что-то нездоровится, и я хочу лечь въ постель.

Видя, по лицу рыцаря, что онъ говоритъ правду, его поспѣшили уложить, оставить въ покоѣ, выразивъ надежду, что на другой день онъ снова будетъ на ногахъ.

ГЛАВА LXXIV

и послѣдняя, въ которой говорится о болѣзни Донъ-Кихота, дословно приводится его завѣщаніе и описывается его кончина.

Такъ какъ ничто въ этомъ мірѣ не вѣчно, и все, имѣющее начало, имѣетъ и конецъ, а Донъ-Кихотъ не пользовался отъ небесъ преимуществомъ быть исключеніемъ изъ общаго правила, то и его жизни наступилъ конецъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда онъ менѣе всего ожидалъ.

Вслѣдствіе ли безысходной грусти, въ которую повергла его послѣдняя неудача, или по другой какой-либо причинѣ, но рыцарь внезапно заболѣлъ изнурительною лихорадкой, продержавшею его въ постели цѣлую недѣлю. Во все это время его друзья приходили къ нему по нѣскольку разъ въ день, а Санчо почти совсѣмъ не отходилъ отъ него. Предполагая, что главною причиной его болѣзни были нравственныя страданія, овладѣвшія имъ послѣ его пораженія, и гибель надежды увидѣть Дульцинею Тобозскую, священникъ, баккалавръ и цырюльникъ старались всѣми силами утѣшить его.

— Поправляйтесь и вставайте,—говорилъ баккалавръ.—Какъ только вы выздоровѣете, мы начнемъ превращаться въ пастуховъ. Ради этого случая я уже и эклогу одну сочинилъ, совсѣмъ во вкусѣ аркадскихъ пастушковъ, и пріобрѣлъ двухъ овчарокъ для охраны нашего будущаго стада.

Въ томъ же духѣ говорили священникъ и цырюльникъ, но состояніе больного отъ этого не улучшалось. Пригласили врача. Послѣдній пощупалъ у Донъ-Кихота пульсъ, покачалъ головою и посовѣтывалъ друзьямъ больного позаботиться о спасеніи его души, такъ какъ объ исцѣленіи тѣла нечего было и думать. Твердо и спокойно выслушалъ Донъ-Кихъот свой смертный приговоръ, а что касается Санчо, экономки и племянницы, то они предались такому отчаянію, точно больной уже лежалъ на

столѣ. Врачъ подтвердилъ догадку друзей больного, что его сводитъ въ могилу тайная скорбь.

Желая отдохнуть, Донъ-Кихотъ попросилъ всѣхъ удалиться изъ его спальни. Послѣ этого онъ спалъ такъ крѣпко и долго, что Санчо и женщины начали бояться, какъ бы онъ не отошелъ въ лучшій міръ, не придя въ сознаніе. Однако онъ проснулся и громко воскликнулъ:

— Да будетъ благословенъ Богъ, озаряющій меня въ эту минуту Своею благодатью! Безгранично Его милосердіе, и грѣхи наши не могутъ ни удалить его отъ насъ ни умалить его!..

— Дядя, что это вы говорите о небесномъ милосердіи и о земныхъ грѣхахъ? — спросила поспѣшившая къ больному вмѣстѣ съ экономкой племянница, удивляясь, что Донъ-Кихотъ вдругъ заговорилъ о томъ, чего раньше никогда не касался.

— Дитя мое, — отвѣтилъ Донъ-Кихотъ, — я говорю о томъ милосердіи, которое Всевышній проявляетъ въ эту минуту относительно меня, забывая мои прегрѣшенія. Я чувствую, какъ свѣтлѣетъ мой разсудокъ, какъ освобождается отъ тумана рыцарскихъ книгъ, бывшихъ моимъ любимымъ чтеніемъ. Я постигаю теперь всю пустоту и лживость ихъ и сожалѣю только, что мнѣ не остается уже времени прочесть что-либо другое, полезное для ума и души... Дитя мое, я чувствую приближеніе своихъ послѣднихъ минутъ и, отходя отъ сего міра, не желалъ бы оставить по себѣ память, какъ о сумасшедшемъ... Я былъ безумцемъ, но не хочу, чтобы смерть моя служила лишнимъ доказательствомъ моего безумія... Позови, пожалуйста, моихъ добрыхъ друзей, священника, баккалавра и цырюльника; скажи имъ, что я желаю исповѣдаться и написать свое завѣщвніе.

Когда друзья собрались, Донъ-Кихотъ сказалъ имъ:

— Дорогіе друзья мои, поздравьте меня: вы видите теперь передъ собою не странствующаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго, а обыкновеннаго гидальго дона Алонзо Квизада, прозваннаго «Добрымъ» за его кроткій нравъ. Съ этой минуты я отъявленный врагъ Амадиса Галльскаго и всего его потомства, въ смыслѣ странствующаго рыцарства. Я теперь ненавижу безсмысленныя исторіи этого рыцарства и ясно вижу все зло, причиненное мнѣ чтеніемъ этихъ небылицъ. Просвѣтленный милостью Божіею при моемъ послѣднемъ издыханіи, я громогласно объявляю это передъ всѣмъ міромъ.

Слушая больного, всѣ подумали, что онъ переходитъ къ какому-нибудь новому безумію, поэтому Самсонъ Караско воскликнулъ:

— Сеноръ Донъ-Кихотъ, побойтесь Бога! Теперь, когда, навѣрное, извѣстно, что несравненная Дульцинея Тобозская разочарована, когда мы всѣ

готовы сдѣлаться пастухами и проводить свою жизнь на лонѣ природы, сочиняя и распѣвая въ честь нашихъ дамъ стихи, вы вдругъ выражаете намѣреніе покинуть насъ вновь и сдѣлаться отшельникомъ... Ради Бога, придите въ себя и оставьте свои мрачныя мысли!

— Конечно, бросьте вы весь этотъ вздоръ...—началъ было цырюльникъ, но Донъ-Кихотъ перебилъ его и съ горечью сказалъ:

— Вздоръ, который—увы!—наполнилъ всю мою жизнь, я, дѣйствительно, хочу бросить... Да, этотъ вздоръ испортилъ мою жизнь, и я благодарю Бога за то, что хоть передъ смертью Онъ даетъ мнѣ возможность немного оправдать и очистить себя отъ этой скверны... Друзья мои, я чувствую, что приближаюсь къ дверямъ вѣчности, и думаю, что теперь не время шутить. Прошу мою племянницу позвать нотаріуса, чтобы составить духовное завѣщаніе мое. А васъ, отецъ мой,—добавилъ онъ, обращаясь къ священнику,—прошу исповѣдать меня.

Всѣ ушли, кромѣ священника, который остался принять исповѣдь умирающаго. Теперь никто уже болѣе не сомнѣвался, что къ Донъ-Кихоту возвратился разсудокъ и что больной разстается съ жизнью, искренно раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ.

Санчо и женщины плакали навзрыдъ, окончательно убѣдившись, что не осталось никакой надежды на выздоровленіе дорогого больного.

По окончаніи исповѣди священникъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣли остальные друзья Донъ-Кихота, вмѣстѣ съ его экономкой, племянницей, Санчо и нотаріусомъ, и торжественно проговорилъ:

— Алонзо Квизада возвращенъ разсудокъ, но зато гаснетъ его жизнь. Идите къ нему всѣ: онъ желаетъ сдѣлать свое послѣднее распоряженіе.

Эти слова усилили ручьи слезъ, источаемыхъ глазами племянницы и экономки Донъ-Кихота и вѣрнаго слуги его, Санчо Панцы. Имъ всѣмъ было страшно жаль больного, который, будучи сначала Алонзо Квизада Добрымъ и сдѣлавшись потомъ странствующимъ рыцаремъ Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, всегда отличался своимъ прекраснымъ характеромъ, а поэтому былъ искренно любимъ не только близкими къ нему лицами, но и каждымъ, знавшимъ его.

Послѣ вступительныхъ словъ духовной нотаріусъ, подъ диктовку умирающаго, написалъ слѣдующее:

«Прошу всѣ мои деньги, находящіяся у Санчо Панцы, котораго я во время моего сумасшествія держалъ при себѣ въ качествѣ оруженосца, оставить у него, въ вознагражденіе за его услуги, и да хранитъ его Богъ. Если во время моего сумасшествія я доставилъ ему возможность обладать мнимымъ островомъ, то теперь, когда я просвѣтлѣлъ умомъ, я сдѣлалъ бы его, если бы только могъ, обладателемъ цѣлаго царства,

такъ какъ онъ вполнѣ заслуживаетъ этого своимъ простодушіемъ, правдивостью и вѣрностью...—Тутъ Донъ-Кихотъ прервалъ свою диктовку и обратился къ Санчо:—Другъ мой, прости мнѣ, что, увлекшись мечтой о странствующемъ рыцарствѣ, я, въ порывѣ безумства, увлекъ и тебя и выставилъ на показъ людямъ такимъ же безумнымъ, какимъ былъ самъ.

— Дорогой господинъ мой,— отвѣчалъ Санчо, обливаясь слезами,— не умирайте, ради Бога поживите съ нами подольше... Вѣрьте мнѣ: величайшая глупость, какую можно сдѣлать на свѣтѣ, это — убивать самого себя, предавшись безвыходному унынію... Встаньте, пересильте себя, не думайте ни о чемъ грустномъ... Мы сдѣлаемся съ вами пастухами и будемъ бродить по полямъ и лугамъ... Навѣрное, мы тогда увидимъ спрятавшуюся гдѣ-нибудь за кустомъ разочарованную Дульцинею,— чтобъ ей было пусто!.. — Если васъ убиваетъ мысль о вашемъ пораженіи—сложите вину на меня: скажите, что васъ свалили съ коня только потому, что я дурно осѣдлалъ его... Развѣ вы не читали въ своихъ книгахъ, что рыцарямъ не въ диковинку побѣждать другъ друга, и что тотъ, который былъ побѣжденъ сегодня, завтра самъ можетъ побѣдить своего побѣдителя?

— Санчо говоритъ правду! — подхватилъ Самсонъ Караско. — Дѣйствительно...

— Полноте, друзья мои,— перебилъ Донъ-Кихотъ.— Я былъ сумасшедшимъ, теперь же разсудокъ мнѣ возвр щенъ. Я былъ когда-то Донъ-Кихотомъ Ламанчскимъ, а теперь, повторяю, вы видите во мнѣ уже не Донъ-Кихота, а Алонзо Квизада. Пусть же мое чистосердечное раскаяніе возвратитъ мнѣ ваше прежнее уваженіе... Сеноръ нотаріусъ, прошу васъ продолжать и написать еще слѣдующее: «Завѣщаю все мое движимое и недвижимое имущество находящейся при мнѣ племянницѣ моей Антоніи Квизада и прошу передать ей его по уплатѣ всѣхъ суммъ, отказанныхъ мною разнымъ лицамъ, начиная съ уплаты жалованья моей домоправительницѣ за все время ея службы у меня, и двадцати червонцевъ, которые я дарю ей въ награду за ея вѣрную службу. Душеприкащиками моими я назначаю находящихся здѣсь мѣстнаго священника и баккалавра Самсона Караско. Желаю, чтобы будущій мужъ племянницы моей Антоніи Квизада не имѣлъ и понятія о рыцарскихъ книгахъ. Если же она выйдетъ замужъ, вопреки моему желанію, за человѣка читающаго эти зловредныя книги, то считать ее лишенною наслѣдства, и все мое имущество передать въ распоряженіе моихъ душеприказчиковъ, которымъ предоставляю право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. Умоляю также моихъ душеприказчиковъ,

Смерть Донъ-Кихота.

если имъ придется когда-нибудь встрѣтить человѣка, написавшаго книгу подъ заглавіемъ: «Вторая часть Донъ-Кихота Ламанчскаго», убѣдительно попросить его отъ моего имени простить мнѣ, что я неумышленно доставилъ ему поводъ написать столько вздора. Пусть они скажутъ ему, что я глубоко сожалѣлъ объ этомъ въ свой смертный часъ».

Когда духовная была подписана и скрѣплена печатью, Донъ-Кихотъ, совершенно истощенный, лишился чувствъ. Ему поспѣшили подать помощь, но она оказалась напрасною: онъ оставался въ состоянiи обморока почти цѣлыхъ три дня. Несмотря на унынiе, царствовавшее въ домѣ умирающаго, племянница его, однако, кушала съ обыкновеннымъ своимъ аппетитомъ; экономка и Санчо тоже не слишкомъ убивались: ожиданiе скораго наслѣдства подавило въ ихъ сердцахъ то сожалѣнiе, которое они должны были чувствовать при мысли о благородномъ человѣкѣ, который скоро долженъ былъ ихъ покинуть навсегда.

Наконецъ Донъ-Кихотъ, исполнивъ послѣднiй христiанскiй долгъ и пославъ не одно проклятiе рыцарскимъ книгамъ, тихо скончался.

Впослѣдствiи нотарiусъ говорилъ, что онъ никогда не слыхалъ, чтобы какой-нибудь странствующiй рыцарь умеръ такою христiанскою смертью, какъ Донъ-Кихотъ, отошедшiй въ вѣчность среди изъявленiй искренней печали всѣхъ окружавшихъ его.

Священникъ попросилъ нотарiуса формально засвидѣтельствовать, что гидальго Алонзо Квизада, прозванный Добрымъ и сдѣлавшiйся извѣстнымъ подъ именемъ Донъ-Кихота Ламанчскаго, перешелъ изъ жизни земной къ жизни вѣчной. Священникъ находилъ это свидѣтельство необходимымъ для того, чтобы лишить возможности какого-нибудь самозваннаго Сида Гамета Бенъ-Энгели воскресить Донъ-Кихота и нагородить о немъ новаго вздору.

Таковъ былъ конецъ знаменитаго доблестнаго рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго. Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели не упоминаетъ о точномъ мѣстѣ его рожденiя — вѣроятно, съ цѣлью заставить всѣ города и мѣстечки Ламанча оспоривать другъ у друга великую честь считаться его родиной, подобно тому, какъ семь городовъ спорили изъ-за мѣста рожденiя Гомера.

Не будемъ говорить о печали Санчо и домашнихъ Донъ-Кихота; обойдемъ молчанiемъ и своеобразныя эпитафiи, сочиненныя его друзьями въ память умершаго; упомянемъ только о той, которая вышла изъ-подъ пера баккалавра Самсона Караско и была высѣчена на могильной плитѣ Донъ-Кихота. Вотъ эта эпитафiя:

«Здѣсь лежитъ прахъ безстрашнаго гидальго, котораго не могла ужаснуть даже сама смерть, раскрывая передъ нимъ двери могилы. Не страшась никого въ этомъ мiрѣ, который изумлялся ему, онъ жилъ какъ безумецъ и умеръ какъ мудрецъ».

Здѣсь Сидъ Гаметъ Бенъ-Энгели говоритъ, что, положивъ свое перо, онъ невольно воскликнулъ, обращаясь къ этому орудiю изложенiя самыхъ глубокихъ и самыхъ глупыхъ мыслей:

«О, перо мое! Отнынѣ ты будешь лежать на своей мѣдной подставкѣ и пролежишь тамъ многіе вѣка, если только не возьметъ тебя въ руки и не осквернитъ этимъ какой-нибудь бездарный писака, мнящій себя историкомъ. Но прежде, чѣмъ онъ прикоснется къ тебѣ, ты скажи ему: «Остановись, безумецъ, да не коснется меня ничья рука! То, что совершено мною, да не повторится больше никогда!»

«Да, для одного меня родился Донъ-Кихотъ, какъ я родился для него! Онъ умѣлъ дѣйствовать, а я умѣлъ описывать его дѣйствія. Мы составляли съ нимъ одно тѣло и одну нераздѣльную душу, наперекоръ тому самозванному писакѣ, который дерзнулъ, а быть-можетъ и еще дерзнетъ описывать своимъ грубымъ, дурно очиненнымъ перомъ похожденія моего славнаго рыцаря. Эта тяжесть не по его плечамъ; эта работа не для его неповоротливаго ума. Пусть онъ не тревожитъ усталыхъ и уже истлѣвающихъ костей Донъ-Кихота и не вызываетъ его изъ могилы для новыхъ подвиговъ. Довольно и совершонныхъ имъ во время жизни, чтобы осмѣять странствующихъ рыцарей. Его похожденія и такъ доставили громадное удовольствіе всѣмъ, до кого доходила вѣсть о нихъ. Исполнивъ мою просьбу, ты исполнишь свой долгъ и подашь благой совѣтъ желающему сдѣлать зло самому себѣ; а что касается меня, то я буду чувствовать себя счастливымъ и буду гордиться сознаніемъ, что съ твоею помощью я собралъ съ этого произведенія тѣ плоды, которыхъ ожидалъ. Единственнымъ моимъ желаніемъ при написаніи этой книги было, повторяю, — предать общему посмѣянію сумасбродно-лживыя рыцарскія повѣсти. Пораженныя насмерть истинною исторіей моего Донъ-Кихота, онѣ уже еле тащатся, того и гляди упадутъ и уже не поднимутся вовѣки. Прощай, мое перо, мой милый товарищъ и сотрудникъ!»

Прощай и ты, дорогой читатель! Не поминай меня лихомъ и помни мой завѣтъ: никогда не читай и не слушай того, что способно погубить твою душу и искалѣчить твой умъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

